

КРИЗИСЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ КАК ВЫЗОВ ОБЩЕСТВУ, КУЛЬТУРЕ, ЧЕЛОВЕКУ

Материалы XXIII Международной
научно-практической конференции

15–16 апреля 2021 года

Екатеринбург
Гуманитарный университет
2021

УДК 101.1:316.32:330.33.01

ББК 87.6

К 82

*Рекомендовано к изданию ученым советом
АНО ВО «Гуманитарный университет»*

Редакционная коллегия

д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс (*гл. редактор*)
канд. техн. наук, доцент А. В. Агеносов
канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева
д-р полит. наук, доцент С. И. Глушкова
д-р культурологии, доцент А. В. Дроздова
чл.-корр. РАН, д-р психол. наук, доцент О. Ю. Зотова
prof. J. Konieczny (Wilfrid Laurier University, Waterloo, Canada)
д-р экон. наук, доцент С. А. Мицек
д-р юрид. наук, проф. З. А. Незамова
канд. социол. наук, доцент С. А. Рамзина
prof. M. Semenzato (State Institute of Hospitality and Restaurant
Service «Pietro D'Abano», Padova, Italy)
д-р юрид. наук, проф. А. П. Семитко
канд. психол. наук Т. Л. Сморгалова
prof. K. Hafner (Heilbronn University, Stuttgart, Germany)
д-р экон. наук, доцент Н. В. Хмелькова
д-р пед. наук, доцент Г. А. Ямалетдинова

К 82 Кризисы нашего времени как вызов обществу, культуре, человеку : материалы XXIII Международной научно-практической конференции, 15–16 апреля 2021 года : доклады / редкол. : Л. А. Закс и др. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2021. – 818 с.

ISBN 978-5-7741-0400-0

2020 год стал периодом серьезных испытаний во многих сферах человеческой жизни. Охватившая весь мир пандемия породила состояние неопределенности и тревоги в обществе, спровоцировала ценностный кризис. Это актуализирует потребность в осмыслении самого феномена кризисов современных социокультурных систем и возможных ответов культуры на эти вызовы. В центре внимания конференции – социокультурные истоки и специфика, философско-культурологические, правовые, экономические, этические и психологические аспекты современных кризисов и их влияние на общество, культуру и человека, прогресс человечества и определение продуктивных способов и путей разрешения важнейших кризисов современности.

Рекомендуется ученым и специалистам в области социально-гуманитарных наук, представителям правительственных, общественных и правовых организаций, а также аспирантам, магистрантам и бакалаврам гуманитарных направлений.

ISBN 978-5-7741-0400-0

© Сборник. Гуманитарный ун-т, 2021

© Оформление. Гуманитарный ун-т, 2021

Содержание

Раздел первый

Социокультурные кризисы современности в оптике философии и других социогуманитарных наук	15
<i>Закс Л. А.</i>	
Кризисы нашего времени как вызовы, репрезентанты реальности и культурная норма.....	16
<i>Погорельская Е. Ю., Чернов Л. С.</i>	
Механизмы воспроизводства современного социального кризиса.....	25
<i>Суворов Д. В.</i>	
Энтропийный характер социокультурного модуса современной России.....	33
<i>Субботина Н. М.</i>	
Социокультурные черты кризиса: уроки истории.....	45
<i>Теньковский И. М.</i>	
Влияние кризисов на сохранение доверия к демократическим институтам власти.....	51
<i>Танаев В. М.</i>	
Типология русского протеста.....	55
<i>Селиванова О. С.</i>	
Культура равноправия в эпоху кризиса: от «липкого пола» до «стеклянного потолка».....	61
<i>Чеснокова Л. В.</i>	
Размывание границы между приватным и публичным как проявление кризисности современного сознания.....	66
<i>Фан И. Б.</i>	
Политика памяти и гражданственность.....	72
<i>Ореховская Е. В.</i>	
Методы и подходы к изучению локальных сообществ периода постиндустриализма.....	77
<i>Брандт Г. А.</i>	
Этические вызовы современности: модерн – постмодерн – метамодерн.....	83
<i>Шлегель Е. В.</i>	
Вторжение виртуальной реальности в повседневность: кризисное явление или перспектива развития?.....	89

<i>Толмачёв А. В.</i>	
Конфликты и мифология современного религиозного человека в глобальном обществе потребления.....	98
<i>Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д.</i>	
Экспертное знание в условиях эпистемологического недоверия: 5G, COVID-19 и контрнаучный дискурс	103
<i>Фурсова В. В., Гимадеева Д. Р.</i>	
О социальных последствиях эпидемии Covid-19 в российском обществе	109
<i>Калистратова М. А.</i>	
Локдаун: одиночество в городе	113
<i>Белоусова Е. В.</i>	
Юмор как способ разрешения кризисной ситуации пандемии коронавируса	118
<i>Кныш Е. В.</i>	
Кризисы нашего времени как вызов традиционным институтам: российские православные практики в период пандемии	125
<i>Петрикеева И. А.</i>	
Дистанционное образование в России в эпоху COVID-19.....	131
<i>Полякова А. С.</i>	
Фольклорная онлайн-экспедиция в условиях пандемии: возможна ли она?.....	138
<i>Курюмова Н. В.</i>	
Современный танец в режиме самоизоляции: опыт онлайн-выживания.....	147

Раздел второй

Коронавирус, состояние российской экономики и требования к ее реформированию.....	155
<i>Белорыбкина О. К.</i>	
Социальная ответственность как элемент развития бизнеса.....	156
<i>Карпова О. В., Садратдинова А. М.</i>	
Анализ влияния управления запасами на результаты хозяйственной деятельности ПАО «XXX»	161
<i>Красовский Н. А., Тарасьев А. М.</i>	
Оценка скоординированных инвестиционных решений в газотранспортных проектах на основе динамических моделей биматричных игр.....	169

<i>Мангилева Д. Л.</i>	
Финансирование деятельности предприятий строительного комплекса через выпуск корпоративных облигаций.....	175
<i>Мицек С. А., Мицек Е. Б.</i>	
Эконометрические оценки прогнозных значений макроэкономических переменных России.....	180
<i>Нестерова З. В., Маковкина Е. И.</i>	
Автоматизация бизнес-процессов как фактор повышения конкурентоспособности предприятия	186
<i>Потанова А. А.</i>	
Влияние ограничения миграции в условиях пандемии на трудовые ресурсы сельского хозяйства: зарубежный и отечественный опыт	191
<i>Светлов Н. М.</i>	
Темная сторона силы: негативные эффекты экономики больших данных.....	197
Раздел третий	
Кризис прав человека как вызов обществу, культуре, человеку	203
<i>Архипов С. И.</i>	
Современный феодализм: кризис идей демократии и прав человека.....	204
<i>Баженова Т. М., Кодан С. В.</i>	
Понимание права и права человека: исторический аспект и современный контекст	213
<i>Белых М. Л.</i>	
Уставный Суд Свердловской области: итоги деятельности за 2020 год	219
<i>Везиев А. У.</i>	
Общественная экспертиза: опыт и проблемы развития в Российской Федерации	224
<i>Великодняя Е. М.</i>	
Проблема идентичности представителя ЛГБТ-сообщества в правовой сфере	229
<i>Глушкова С. И.</i>	
О роли образовательных ресурсов медиасферы в развитии культуры прав человека в современной России.....	235
<i>Денисов С. А.</i>	
Кризис государств, пренебрегающих правами человека.....	240

<i>Дмитриев А. В.</i>	
Юридическая конструкция общего блага	246
<i>Думанская Е. И.</i>	
Роль мотивации преступления для выбора способов эффективной превенции	252
<i>Ислентьев С. О.</i>	
О кризисе прав человека в России: актуализируя политико-правовые идеи П. И. Новгородцева	258
<i>Клепалова Ю. И., Пугачёва Н. В.</i>	
Реализация пожилыми лицами права на труд в период пандемии	265
<i>Летунов Е. Д.</i>	
К вопросу о сущности цифровых прав: новый комплекс прав или актуализация существующих?.....	271
<i>Маракулин А. Ю.</i>	
Опосредование социальных явлений в сервитутном праве.....	276
<i>Панкевич Н. В.</i>	
Права человека в кризис пандемии: актуализация коллективности	283
<i>Пекарев Н. Р.</i>	
Формы и способы правового просвещения в области прав и свобод человека в России при непосредственном участии правозащитника.....	290
<i>Попова Ю. Е.</i>	
Справедливость и архетип эквивалентности в русских народных сказках	298
<i>Простолупова А. А.</i>	
Соблюдение принципа правовой определенности при изменении Кодекса профессиональной этики адвоката.....	304
<i>Резник Е. С.</i>	
Категория «Права человека»: кризис, ведущий к разрушению, или очередной этап развития?	308
<i>Руденко В. В.</i>	
Ограничения прав человека в период пандемии COVID-19 в Испании: правовые основы и практика реализации	317
<i>Рундквист А. Н.</i>	
Требования к ограничениям прав и свобод человека с точки зрения принципа справедливости	323

<i>Семитко А. П.</i>	
Кризис права, правовой культуры и прав человека?.....	330
<i>Скатов И. Б.</i>	
Проблема ограничения права на свободу передвижения в условиях пандемии.....	353
<i>Снегирёва М. В.</i>	
Народовластие как конституционная ценность.....	359
<i>Старкова Е. Ю., Глушкова С. И.</i>	
К вопросу об изучении прав человека в университетском курсе иностранного языка	365
<i>Танаев В. М.</i>	
Право на риск как базовое право человека: уроки пандемии COVID-19	370
<i>Токарев В. А.</i>	
Современное состояние французской компаративистики.....	375

Раздел четвертый

Сохранение и укрепление психологической безопасности в период пандемии	381
<i>Белоусова Н. А., Васьков Д. Н., Сюткина Е. Н.</i>	
Особенности аккультурационных ожиданий/стратегий в группах различных этносов, проживающих на общей территории (на примере жителей Амурской и Свердловской областей)	382
<i>Белоусова Н. А., Сюткина Е. Н., Солодухина О. С.</i>	
Проблемы психологической безопасности субъектов межэтнического взаимодействия	387
<i>Воробьева И. В.</i>	
Вандализм как маркер нарушения психологической безопасности в городской среде.....	393
<i>Гаврилова В., Златева Е.</i>	
Психическое здоровье детей в условиях пандемии	398
<i>Донская О. А.</i>	
Пандемия и пожилые люди: социально-психологические аспекты.....	404
<i>Донцов А. И., Зотова О. Ю., Тарасова Л. В.</i>	
Взаимосвязь этнической идентичности с геополитическим положением регионов.....	410

<i>Жданова Н. Е.</i>	
Особенности проявления школьной тревожности детей младшего школьного возраста	416
<i>Захарова Н. Л., Шлыкова А. П.</i>	
Психологические особенности неформально занятых интернет-работников	421
<i>Зотова О. Ю., Мостиков С. В.</i>	
Этнические особенности использования психологических защит как способ обеспечения безопасности личности.....	427
<i>Комаров В. В.</i>	
Психологические детерминанты молодежного экстремизма как инструмент его профилактики в образовательной среде вуза	431
<i>Леонтьева Д. И.</i>	
Психологическая безопасность уязвимых групп людей.....	437
<i>Неустроева А. Б., Кириллина Е. Г.</i>	
Социально-психологические особенности детей из неполных и полных семей: сравнительное исследование	441
<i>Никитина П. С., Оплетина И. А.</i>	
Социальная напряженность в контексте ситуации неопределенности и ее отражение на образовательном процессе	447
<i>Старцева Н. Н.</i>	
Роль социальных норм в формировании безопасного поведения населения	452
<i>Сюткина Е. Н., Никулина М.</i>	
Изменение дистанции между субъектами образовательного процесса в условиях кризисного дистанционного обучения	458
<i>Тарасова О. В.</i>	
Опыт философствования в рамках системы дистанционного обучения (психологический аспект).....	464
<i>Флейтлих О. Ю.</i>	
Ресурсы неопределенности в условиях кризисной ситуации	469
<i>Честюнина Ю. В., Куба Е. А.</i>	
Экономическое сознание трудоспособного населения в период пандемии	475
<i>Шмелева В. П., Роммель Д. С.</i>	
Изменение стрессоустойчивости и эмоционального выгорания медицинских работников в условиях эпидемической обстановки	482

Раздел пятый

Медиа в цифровом пространстве больших данных	489
<i>Амзин А. А.</i>	
Социальные экосистемы как олигополии экономики внимания	490
<i>Корконосенко С. Г.</i>	
Обновляемая журналистика в дискуссионной повестке дня	505
<i>Латыпов И. А., Латыпова Н. В.</i>	
Теоретико-методологические основания медиаэкологии в окружающей пользователя медиасреде	510
<i>Харитонов В. В.</i>	
Децентрализованная сеть и эволюция медиа	516
<i>Бережная М. А.</i>	
Журналистское образование онлайн: унификация vs вариативность	520
<i>Мошкин С. В.</i>	
Коммуникативные агрессии в интернет-медиа	524
<i>Дроздова А. В., Winward S.</i>	
Социальные сети: от глобальной коммуникации к локальным коммуникациям	529
<i>Архипова Ю. В., Cooper D. L.</i>	
Онлайн-коммуникация в эпоху коронавируса	534
<i>Калганова С. О.</i>	
Острая ситуация в зеркале современных СМИ	538
<i>Соколов М. Р., Погорельская Е. Ю.</i>	
Просветительская журналистика и формирование современного человека	544
<i>Сексенов В. А., Нургалиева Д. А., Комисар С. В.</i>	
Профилактика влияния современных СМИ на духовно-нравственное формирование детей, подростков и молодежи	550
<i>Мясникова М. А.</i>	
Кино в пандемию как объект внимания поколения Z	556
<i>Голубкова Е. А.</i>	
Новые рекламные медиа, встроенные в окружающее пространства, как выход из последствий коммуникативного кризиса современности	562
<i>Балмаева С. Д., Шлегель Е. В.</i>	
Медиавовлеченность поколения «зет», цифровая прозрачность и сетевая власть	568

<i>Маковкина Е. И., Нестерова З. В.</i>	
Поколение Z и форматы рекламы на YouTube	573
<i>Шматов Г. А.</i>	
Цифровые технологии и медиапланирование	577
<i>Андреева Е. В., Георгий С. В.</i>	
Подкасты как новая коммуникационная реальность и медиаобразовательная практика современной действительности	583
Раздел шестой	
Последствия пандемии COVID-19 и стратегии выживания предприятий сферы туризма и HoReCa в период кризисов	
<i>Мясникова Л. А.</i>	
Экзистенция локдауна и туризм.....	590
<i>Рамзина С. А., Kobelev I.</i>	
Трансформация маркетинга гостиничных услуг: постпандемический синдром 2021	596
<i>Погорельская Е. Ю., Чернов Л. С.</i>	
В защиту традиционного туризма	602
<i>Базаров Е. Ю., Еремин А. С.</i>	
Стратегии выживания регионального турбизнеса	607
<i>Архипова Ю. В., Умникова А.</i>	
Кризисы 20/21 как предпосылки развития этнического туризма	612
<i>Радыгина Е. Г.</i>	
Развитие туристского потенциала города Каменска-Уральского в условиях пандемии.....	616
<i>Титова Т. А., Голубева Т. Б.</i>	
Негативные последствия массовых зрелищ. Идентификация экологического сознания	622
<i>Соколова В. С., Голубева Т. Б.</i>	
Отношение болельщиков к онлайн-трансляциям спортивных матчей.....	628
<i>Гарбузов И. С.</i>	
Творчество самодеятельного студенческого вокально-инструментального ансамбля как осуществление досуговой практики в условиях пандемии	633

Раздел седьмой**Управление человеческими ресурсами в условиях кризиса 641***Сморкалова Т. Л., Зубарева П. А., Tustin E.*Влияние окружающего пространства на проявления
стресса у людей 642*Шалина Д. С., Тихонов В. А., Степанова Н. Р., Brown K.*Современные методы и инструменты мотивации
персонала в условиях цифровизации 647**Раздел восьмой****Кризисы цифровизации: междисциплинарные****исследования и проекты 653*****Междисциплинарные проблемы цифровизации 654****Агеносов А. В., Хмелькова Н. В., Руданина А. Ю., Елисейкина М. К.,**Гончарова Н. А., Ждахин И. Л.*К вопросу об онтологическом статусе
искусственного интеллекта 655*Грибовод Е. Г.*Теоретические аспекты исследования конвергентных
технологий 663*Lobovikov V. O.*Digitalizing Natural Theology and AI-Robot Philosophizing
of God by Algorithmic Computing Relevant Evaluation-Functions.... 668***Междисциплинарные проекты в цифровой сфере 674****Лебедев П. Д., Успенский А. А.*

Применение оптимальных покрытий в сетевых моделях 675

*Руданина А. Ю., Пьянзина Е. П.*Разработка проекта «База данных
“Учебные планы студентов ДО”» 681***Междисциплинарные исследования проблем цифровизации 687****Беззин Д. А., Рамзин Н. С., Ахматов Т. Д.*Интеграция искусственного интеллекта в социальную среду:
риски и пути их минимизации 688*Руданина А. Ю., Хмелькова Н. В.*Школьное образование в период пандемии:
отношение родителей к дистанционному обучению 696

<i>Степнова Л. А., Сафонова Т. Е., Огарь А. А.</i>	
Смысловая интерпретация студентами актуальных понятий в сфере цифровизации искусственного интеллекта (ИИ)	702
<i>Тирива И. С.</i>	
Маркетинг в период пандемии: онлайн и офлайн	706
<i>Чижов А. А., Дуран Т. В.</i>	
Цифровое неравенство в российском обществе: факторы и проявления	710

Раздел девятый

Физическое воспитание, спортивная тренировка и культура личности, оздоровительная и адаптивная физическая культура в условиях цифровизации и пандемии COVID-19		717
<i>Вицина В. К., Голубева Т. Б.</i>		
Отношение горожан к спортивным площадкам с уличными тренажерами	718	
<i>Гавва Д. С., Резер Т. М.</i>		
Цифровые кризисы повседневной жизни	724	
<i>Грец Г. Н., Бышевская А. В.</i>		
Стратегическое развитие отраслевых вузов в сфере физической культуры и спорта	729	
<i>Григорьев П. А., Семёнова Г. И.</i>		
Эффективность функциональной оценки движения: обзор исследований	734	
<i>Зюрин Э. А., Петрук Е. Н., Бобкова Е. Н.</i>		
Двигательная (физическая) активность населения Российской Федерации в период пандемии COVID-19	740	
<i>Иванова В. Д., Семёнова Г. И.</i>		
Оценка вариабельности сердечного ритма у легкоатлетов 11–12 лет после пандемии	748	
<i>Кучумов Д. В., Ямалетдинова Г. А.</i>		
Теоретическая и практическая подготовка студентов в условиях дистанционного образования (на примере восточных единоборств)	753	
<i>Макеева В. С.</i>		
Программа повышения интеллектуальной активности юных баскетболистов	757	

<i>Полиевский С. А., Кожневникова Н. Г., Григорьева О. В., Цой Е. В.</i> Проблема минимизации факторов риска здоровью студентов-спортсменов	763
<i>Пушкина В. Н., Борисовец Д. Р., Широкова Т. И.</i> Силовые характеристики мышц, формирующих мышечный корсет позвоночника (на примере студенток основной и специальной групп здоровья)	770
<i>Резер Т. М., Владыко А. В., Муртазина А. В.</i> Гигиенические требования к онлайн-обучению в виртуальной образовательной среде	775
<i>Резер Т. М., Попов П. М.</i> COVID-19 как основание снижения уровня эмоционального здоровья	781
<i>Сексенов В. А., Командик Т. Д., Нургажинов Д. К.</i> Дистанционное обучение студентов специального учебного отделения педагогического вуза	787
<i>Тимофеева Е. Б., Семёнова Г. И., Тимофеева А. М.</i> Северная ходьба как средство оздоровления в условиях пандемии COVID-19	793
<i>Ушаков И. О., Семёнова Г. И.</i> Спортивная ориентация студентов в процессе спортизации физического воспитания в вузе	797
<i>Фурсова В. В., Маслова Л. П.</i> Здоровый образ жизни как профилактика девиаций в студенческой среде в условиях интернетизации: комплексный план физического развития на примере фитнес-аэробики	802
<i>Халайджич С. В., Сергеева Т. П., Яготин Р. С.</i> Опыт проведения спортивно-массовых мероприятий в дистанционном режиме во время карантина по COVID-19 в Одесской национальной академии пищевых технологий	807
<i>Шлыков В. П., Спирина М. П.</i> Культура здоровья студентов специальных медицинских групп (СМГ)	814

Раздел первый

Социокультурные кризисы современности в оптике философии и других социогуманитарных наук

Кризисы нашего времени как вызовы, репрезентанты реальности и культурная норма

Аннотация. Рассматривается «кризисность» как характерная черта современности. Феномен кризиса понимается как субъект-объектное отношение, имеющее объективные и субъективные основания и ценностное содержание. В этом качестве он выступает как репрезентант проблем реальности, с одной стороны, и состояния коллективного сознания – с другой. Как своеобразный вызов бытия сознанию. Повышенная (в сравнении с прошлыми временами) частотность восприятия культурным сознанием проблем жизни как кризисов объясняется «встречей» все более динамичной, постоянно и радикально обновляющейся социокультурной реальности с не готовым к таким переменам культурным сознанием. Выделяются две полярные ценностные позиции культурного сознания по отношению к «кризисам»: консервативная негативистская, видящая в кризисах исключительно угрозу нормальному существованию социума и индивидов, и конструктивная, рассматривающая кризисы как способ обнаружения и стимул к освоению возможностей совершенствования и развития социокультурных систем. Сосуществование обоих вариантов реакции на кризисы позволяет считать «кризисность» константой и нормой социокультурной реальности XXI века.

Ключевые слова: кризис; кризисное сознание; субъект-объектный и ценностный характер кризисов; повышенная «кризис-

Лев Абрамович Закс, д-р филос. наук, профессор, ректор АНО ВО «Гуманитарный университет»; заведующий кафедрой истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры, Департамент философии, Уральский гуманитарный институт, ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

ность» современности и ее причины; репрезентативность «кризисов»; негативистский и конструктивный варианты отношения к кризисам; кризисы как константа и норма социокультурной реальности XXI века.

В последнее время (можно сказать, в последние годы) при знававшийся благополучным мир развитых стран едва ли не постоянно переполняется многочисленными «возмущениями», «завихрениями», «турбулентностями», вспышками коллективных напряжений, озабоченностей, волнений, даже страхов, панических настроений и дурных предчувствий.

Респектабельная, слывшая стабильной и надежной социальная ткань утрачивает эти нужные для нормальной жизни людей свойства, то натягиваясь непомерно под давлением разных, иногда не вполне понятных причин, то прогибаясь и провисая, а то и «протираясь», рвясь в самых разных местах. Соответственно, и ее идеальный двойник и спутник – социопсихологическая атмосфера – сгущается, полнится эмоциями тревоги, страха, озабоченности, неудовлетворенности и даже взрывными эмоциями возмущения, гнева, протеста и растущей агрессивности. Вот свежий пример из Интернета. Известное издательство выпускает и рекламирует книгу эссе писательницы Оливии Лэнг. Ее название: «Непредсказуемая погода. Искусство в чрезвычайной ситуации». Под статью ей издательский слоган: «Сборник коротких текстов о жизни и искусстве на фоне тревожных событий минувшего десятилетия», и то же практически дословно повторяет аннотация [3]. И грозное, обывателя, но не только его, пугающее слово «кризис» не сходит с «уст» людей, новостных лент СМИ, аналитических материалов специалистов и художественных образов. Кажется, во все предыдущие периоды своей истории человечество не знало столько разнообразных и множущихся кризисов.

Так ли это? Я сомневаюсь! Хотя не ставлю под сомнение субъективный аспект ситуации, то есть то, что для обществ и людей нашего времени их (наша) реальность действительно воспринимается, и все чаще, как *кризисная*.

На чем же основан мой скепсис и растущая уверенность, что наше восприятие неадекватно в своих реакциях, что оно в боль-

шой степени само конструирует «ситуацию кризиса», «кризисную реальность»?

Вспомним некоторые остро воспринимавшиеся, действительно имевшие или чреватые серьезнейшими объективными негативными последствиями кризисы прошедшего XX века. Причем самые экстремальные и страшные из них – мировые войны – я не беру. Вот какие примеры приходят в голову. Великая депрессия. Разве в развитых странах что-то подобное по масштабу сейчас имеет место? Карибский кризис. Мир действительно висел на волоске, и до войны великих держав с применением ядерного оружия было меньше одного шага – разве все нынешние «терки» Запада с Россией или их обоих с ИГИЛ¹ можно с этим сравнить?! Или студенческая революция 1968 года во Франции и, отчасти, в соседних странах. Разве американские или французские массовые протестные выступления прошлого лета, даже с учетом имевших место бесчинств протестующих, сравнимы по деструктивной и парализующей социальный организм силе и масштабу с 1968-м?!

Но ведь кризисные настроения и оценки носят массовый характер. Спонтанны и органичны, не имеют характера «имитации», «симуляции» или (даже при наличии инициативных зачинщиков) серьезной, надолго задуманной инсценировки. Люди называют те или иные «кейсы» кризисами потому, что так чувствуют: воспринимают и переживают их. Откуда берется такое «мироощущение» (в кавычках, потому что тут это слово употребляется не совсем точно)? И почему оно действительно возникает много чаще, хотя уровень благополучия, стабильности и безопасности в современных богатых (и не столь богатых) обществах много выше, чем в первой половине XX века?

Моя идея заключается в том, что явление, маркируемое коллективным сознанием (культурой) как «кризис», *объект-субъектно* по своим основаниям и ценностно в своей феноменологической данности и содержательности.

Оно, с одной стороны, репрезентант реальной проблемы (или связки проблем), создающей реальные трудности, помехи, даже

¹ Запрещенная в РФ террористическая организация.

угрозы практическому, психическому и духовному существованию людей. Оно подчиняет себе субъективность людей, владеет их сознанием, волей, помыслами: напрягает и озадачивает «сущностные силы» людей. Это в полном смысле *вызов*: реальность вызывает нас, зовет нас, вызывает задуматься и решать проблему. С другой стороны, сама *смысло-психо-форма* репрезентации проблемы конструирует и выражает характер восприятия-переживания объективной «проблематичности»: ее насущности, актуальности, места в ценностной иерархии, остроты. Не всякие проблемы (а их всегда хватает в жизни) удостоиваются номинации/итерации *кризиса*.

Специфика наших дней, современного культурного сознания видится, в этом отношении, в том, что оно более обостренно и чутко, с большим напряжением, озабоченностью и даже более часто, чем еще даже в недавние времена, со страхом и «катастрофизмом» склонно реагировать на значимые проблемы. В этом плане есть несомненное сходство с восприятием риска: растущей рискованности современной жизни. Мне уже приходилось писать о том, что в гораздо более опасные времена сознание не так напряженно ловило малейшие угрозы, не столь радикально на них реагировало [4]. И только наше время, наша сравнительно благополучная цивилизация родили определение «общество риска» (У. Бек). Не удивлюсь, если появится и определение «общество кризисов» или «эпоха перманентной кризисности». Особенно этого можно ожидать от представителей радикального, склонного к экстремальному и даже экстремистскому восприятию реальности сознания. Особенно право-консервативного или, наоборот, лево-революционаристского (в политическом значении терминов «правый» и «левый»).

Причины повышенной частотности восприятия рисков и кризисов у современников, думается, одни и те же. Объективные основания такого восприятия – особенности современной социокультурной реальности. Главные (в данном конкретном отношении): 1) постоянные культурные инновации (технические, прежде всего), ведущие к непрерывному и все более радикальному обновлению всей системы жизни современных людей,

включая ощутимые, «резкие» в своей радикальности перемены их повседневности; 2) утрата современными социокультурными системами (в силу названной и ряда иных причин) многовековой, традиционной и укорененной в ментальности масс (но также и социальных элит) стабильности, «твердой» упорядоченности, структурированности и потому надежности, предсказуемости, – что 3. Бауман обобщенно выразил метафорой «текучая современность» [2]. Вместе взятые, названные причины порождают такие «напрягающие» коллективную психику свойства современной социокультурной реальности, как неопределенность, сложность и разнообразие [1]. Но к этому следует добавить еще одну объективную причину-основание растущей ментальной напряженности массового сознания, выражающую не «кажимость», а именно действительную трудную проблему современного человечества, порожденную его практиками: 3) уровень этих практик – характер вторжения культуры в природу все чаще деструктивно влияет на фундаментальные природные основания общественной жизни и самого биологического существования людей. Эта, в широком смысле *экологическая*, проблематика включает в себя ущерб, наносимый человеческой деятельностью природе и, тем самым, самим людям (загрязнение среды, избыточная вырубка лесов – легких планеты, ущерб плодородным почвам, флоре и фауне Земли, разрушение защитного для жизни на планете озонового слоя), неконтролируемые, даже пока не предсказуемые последствия генетических, микробиологических, медицинских, дигитальных экспериментов, работ по искусственному интеллекту, освоению дальнего космоса.

Успехи культуры оборачиваются новыми проблемами, противоречиями, угрозами. Что, конечно, для человечества *в принципе* не ново, но ново в своем многообразии, темпах и радикальности. До недавнего времени последние созревали синхронно и соразмерно развивающимся ресурсам культуры и способностям людей. Что позволило, например, Марксу сформулировать тезис «Человечество ставит перед собой те задачи, которые уже может выполнить» [5, с. 8], – что было составляющей общей модернистской веры в прогресс, исторического оптимизма.

Сегодня же усложнение жизни и радикальный рост возможностей культуры встречают не готовую к таким переменам ментальность и духовность (в частности, ее этический компонент). И эта не готовая к переменам – не поспевающая за материальным и информационным прогрессом культуры, не успевающая адаптироваться к динамической, текучей и неопределенной реальности – ментальность не просто с напряжением, а с испугом и пессимизмом, с откровенной враждебностью реагирует на перемены и приходящие с ними проблемы. Вот откуда рост масштаба (предметной амплитуды) кризисного сознания, как и ощущения-восприятия рискованности существования, а подчас «апокалиптического» кликушества.

«Кризис», таким образом, выступает репрезентантом не только реальных проблем, реальных противоречий и информационных (в целом – ресурсных) дефицитов социокультуры, но и проблем субъективности и дефицитов ее собственной адаптивно-адаптирующей культуры. В практическом плане (плане понимания, оценки, проектирования и планирования, управления и реализации решения проблем) это означает, что «кризис» нужно воспринимать не только как вызов и проблему объективной реальности, но (и, может быть, прежде всего) как вызов и проблему, идущие от состояния самого сознания и в целом субъективной реальности людей. Как кризис их собственной ментальности, адаптивности, креативности, кризис методологических установок и мировоззренческих интенций, кризис способностей саморегуляции, а в конце концов (как основа всех этих неготовностей, дефицитов и напряжений) – кризис современного группового и персонального интеллекта. На обыденном (и, конечно, упрощающе-редуцирующем сложность) языке говоря, люди, чтобы адекватно и конструктивно, продуктивно решать проблемы, не мистифицируя и не «стигматизируя» кризисность, должны существенно поумнеть и стать ментально культурнее. В ценностно-мировоззренческом плане это означает (что не устает подчеркивать в своих письменных и устных выступлениях А. Г. Асмолов) необходимость, как минимум, перестать бояться новизны, неопределенности, многообразия и сложности, а, как максимум, –

полюбить их, увлечься ими и научиться спокойно и расчетливо работать с ними (от элементарного учета: «иметь в виду» до овладения методологией такой работы, включая проектирование и планирование факторов новизны/перемен, неопределенности, многообразия и сложности). Время «достаточности» наивной и незамысловатой «простоты» кончилось. Сегодня в мире, где доминирует сложная культура, такая «простота» – просто глупость и догматизм, косность сознания. Его «недоразвитость», когда глубоко склеротизированные стереотипы прошлого опыта мешают адекватно воспринимать сложную новую реальность, видя в ней лишь страшное и чудовищное. При этом действительно реальные проблемы и кризисы, требующие серьезного аналитического и прогностического подхода, даже не замечаются. Так, Марта Нуссбаум [6] говорит об игнорировании кризиса образования, особенно гуманитарного. А наша общая, глобальная и, казалось бы, бесспорная в своей тотальной кризисности пандемия COVID-19? Ведь пока она – и какой ценой! – добилась серьезного отношения к себе, сколько важных и влиятельных лиц (VIPов, на современном сленге) буквально витийствовали о малозначительности и неопасности смертоносного коронавируса. Обратный случай: консервативное сознание западных и отечественных политиков с опорой на актуальные для прошлых веков имперские геополитические стереотипы склонны видеть кризис, и опасный, в растущей прозрачности, универсализации и глобализации современного мира, в нормах международного права, во влиянии международных организаций (для Д. Трампа, например, это были ВТО и Киотский протокол; для российской власти это ЕСПЧ, Совет Европы и даже ВАДА – всемирное антидопинговое агентство). Здесь мы имеем дело с меняющейся реальностью, императивами новых практик, социальных и планетарных (международных) отношений – и кризисом в не воспринимающих эту реальность головах.

И последнее. Как бы ни воспринимались сознанием проблемы жизни и степень их серьезности, они принципиально неустрашимы как необходимая составная часть объективной диалектики развития социокультурных систем. Поэтому важен не только

факт «маркировки» (оценки) конкретных проблем как «кризиса». Важен придаваемый кризису (проблеме, оцененной как кризис) смысл. В пределе все его варианты можно свести к двум полярным оценочным позициям и их действенным, практически-поведенческим следствиям.

Негативистский вариант: кризис – «катастрофа», симптом «неверного» хода событий, действий, развития. Предел, за которым состояние, «несовместимое с жизнью» (по крайней мере, нормальной, приемлемой, «подходящей»). Отсюда практическая реакция на так означиваемый/осмысляемый кризис: «заморозить» ситуацию, остановить неприемлемое развитие, устранить его источники (включая уничтожение «субъективного фактора»). Так из сталинского вывода об обострении классовой борьбы в период строительства социализма и его оценки как жизненной угрозы окруженного врагами «социалистического государства рабочих и крестьян» следовали тотальные и жестокие репрессии, затронувшие миллионы людей всех социальных групп и слоев. Личные основания такой позиции (тиранические наклонности Сталина, его паранойя и мизантропия) «растворялись» в объективной реальности (логике) господствующей идеологии и реализуемой на ее основе практике институтов тоталитарного государства.

Позитивный, или конструктивистский, вариант: кризис – проблемная ситуация, выражающая закономерный ход вещей и таящая в себе (кроме трудностей, угроз и рисков) возможности и перспективы достижения более совершенного состояния системы, ее движения в желаемом, «идеальном» направлении. Отсюда практическая ориентация и деятельность, направленная на выявление и поддержку, стимулирование и реализацию позитивных возможностей, мобилизацию созидательных ресурсов социокультуры, опыта, энергии и воли заинтересованных в решении проблем и развитии субъектов – наряду с аккуратной, но не разрушающей вместе с частями всего целого нейтрализацией/преодолением негативных элементов ситуации, рациональным использованием силовых («хирургических») методов решения проблем. С сохранением в обществе базовых условий общественного договора, прав человека и мотивирующих факторов творчества-созидания,

баланса социальных интересов, доверия к власти и партнерам, атмосферы солидарности и общности судьбы, единства целей.

Мне представляется, что современное инновационное развитие с его радикальной новизной будет постоянно рождать радикальные же проблемные ситуации, а вместе с ними оценочные позиции как первого, так и второго типа. Это позволяет предположить, что в условиях современного развития социокультурных систем «кризисы» (во всей полноте их содержания и смыслов) становятся константой и нормой общественной жизни. Задача культуры заключается в том, чтобы, в свою очередь, выработать, сделать нормой и внедрить в коллективное сознание в разных сферах общества конструктивное отношение к кризисам, особую методологическую и психологическую культуру работы с ними – работы умной (рациональной), бесстрашной, по-настоящему творческой. И потому успешной. На ее знамени будет начертано не консервативное «Не пуцать!», а вдохновенное древнеримское «Per aspera ad astra!».

Литература

1. Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия. – М. : Федеральный институт развития образования, 2016. – 24 с.
2. Бауман З. Текучая современность. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
3. Будущее одиночества (Оливия Лэнг. «Непредсказуемая погода. Искусство в чрезвычайной ситуации») // Ad Marginem. – 05.12.2020. – URL: <https://admarginem.ru/2020/12/05/budushhee-odinochestva/> (дата обращения: 13.03.2021).
4. Закс Л. А. Антропологические основания ментального отношения к риску (опыт искусства и философии) // Человек и мир: психология риска, инноваций, конфликта : сборник научных трудов : в 2 т. / под науч. ред. проф., д-ра психол. наук Е. Б. Перельгиной. – Т. 1. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – С. 23–28.
5. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. – 2-е изд. – Т. 13. – М. : Политиздат, 1959.
6. Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 192 с.

Е. Ю. Погорельская, Л. С. Чернов

Механизмы воспроизводства современного социального кризиса

Аннотация. В работе осуществлена попытка показа механизмов воспроизводства современного социального кризиса. Сущностное понимание кризиса подразумевает обращение к его внутренним истокам и причинам. Современная научная картина мира, ориентированная на «плоские онтологии» и тотальную информационную цифровизацию социальности, не способна объяснять кризисные общественные явления, ограничиваясь устранением их следствий и видимых симптомов.

Ключевые слова: кризис; свобода; тень; плоская онтология; паразит; время; информация.

Постановка вопроса о кризисе требует прояснения понятия. Для кого-то кризис – ограничение на свободную деятельность, для кого-то – отсутствие внутренней энергии что-либо делать, для кого-то кризис – разрушение привычных работающих схем, для кого-то – отсутствие зримой перспективы для творческой реализации. Полагаем, что здесь перечислено не все. Рассмотрение внешних проявлений кризиса оставляет за кадром особенности самого феномена кризиса. У кризиса есть свойство непредсказуемости, кризис возникает там и тогда, где и когда его никак не ждут. То, что не поддается осознанию и прогнозам,

Елена Юрьевна Погорельская, канд. филос. наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия). ORCID: 0000-0002-9723-465X

Леонид Сергеевич Чернов, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии, Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (УИУ РАНХиГС) (г. Екатеринбург, Россия). ORCID: 0000-0003-2277-2899

получило название «черного лебедя» и отчасти укоренило свое право на полноценное существование. Не является ли «черный лебедь» тенью чего-то иного?

Каждый человек знает, что такое тень. Внимательный человек понимает, что тень собственной сущности не имеет и полностью зависит от существования предметов и наличия света. В темноте теней нет. Тени появляются на ярком свете, когда вещи видны. Конечно, «тень» в данном смысле не будет рассматриваться с позиции оптики, в данном случае «тень» будет по-своему свидетельствовать о символической природе мира.

Ясное видение вещей на свету, ясность в осознании мира, в котором мы живем, заставляет нас пренебрегать тенями, не учитывать их и понимать их несамостоятельный статус. Но память и опыт свидетельствует еще и о возможности другой реальности, когда тень, вырастая мгновенно в сознании до невообразимых размеров, начинает затмевать собой реальное положение дел и определять направление мыслей. Это символические тени, те, что видимы «особым зрением». Здесь не идет речь о какой-то психической патологии, скорее о душевной чувствительности, способности видеть за материальными предметами еще дополнительный смысл, который улавливает «настроение от предметов». Есть предположение, что люди, могущие разглядеть ужасающие тени вещей и событий, на самом деле от них более застрахованы, чем те, которые не верят в их силу и которые, думая, что живут вне иллюзий, на самом деле абсолютно открыты для проникновения теневого именно в связи со своей душевной слепотой.

В сказке Андерсена «Тень» [1] рассказывается о том, как ученый, любопытный по природе человек, был очарован музыкой, исходящей из дома на противоположной стороне улицы. Ученый не мог сам попасть в заветный дом, и только его тень, приобретающая любые размеры, могла беспрепятственно преодолеть расстояние в ширину улицы и осесть на балконе напротив. Ученый «благословил» свою тень на познание, думая, что тень принесет ему весточку об источнике музыки. Но тень, как известно, пропала. Соприкоснувшись с подлинным бытием, тень освободилась от связи с ученым. Прикосновение тени к живому, к Поэзии,

сделало ее самодостаточной. Нужно было пройти через живое, жизнь, чтобы приобрести сущность. Тень перестала быть просто отражением, она получила возможность проявлять свою символическую пустоту. Природа тени никуда не делась. Ожив, Тень, тем не менее, осталась тенью.

Так вирус, псевдоживое существо, способен проявить себя, только находясь в живой клетке. Полагаем, что одна из особенностей символически-теневого – прицепиться к живому как к своему источнику, подчиняя и властвуя над ним, заставляя существовать по своей теневой программе и продуцируя тень в масштабах, внешне проявленных как кризис. Кризис похож на неустойчивую шатающуюся фигуру, поэтому он рассматривается как ситуация, вышедшая из-под контроля. В кризисных ситуациях присутствуют составляющие, которые «выбивают почву», беспочвенные элементы, болотные кочки, на которые в сложное время нельзя опереться, но сразу это не понятно. Эти включенности замаскированы под обычные вещи и нормальных людей, а также под здоровые уважительные отношения, сами таковыми не являясь. Паразиты. Те, которые, вступая в связь с носителем-хозяином, выворачивают живые работающие системы под себя, насаждая им новую логику функционирования и новые принципы существования. Вирусная пандемия продемонстрировала всему миру, как часть может навязывать свою логику целому. Вирус – промежуточная форма между живым и неживым. Он нарушает границы миров, одновременно существуя в обоих; он защищен категорией «случайности», кантовской категорией особой модальности бытия, и кажется, что перед нами объективная реальность, которая противостоит человеку. Но перед нами паразит, с особым инклюзивным статусом бытия. Непонятным образом появившись, носясь по миру в человеческих телах, паразит разрушает привычные связи. И насаждает свои. Даже рассматривая вирус как нечто внешнее человеку, мы попадаем в спровоцированную им логику тотальной изоляции, логику бессознательного страха и недоверия, логику машинного и цифрового опосредования отношений, логику неуверенности и разрушения привычного. Так Тень, завладев своим «источником», указывает, как ему

существовать. Сказка Андерсена заканчивается апокалиптически. Тень предлагает ученому приличный гонорар за то, что тот забудет о своей человеческой природе и согласится лежать у ног Тени, как и подобает тени. Ученый вдруг понимает всю «кривизну» случившегося, он одумывается и отказывается быть тенью Тени. А Тень, чтобы скрыть подлинник, обманывает принцессу (власть) и попускает убийство (казнь) ученого. Теперь Тень существует, прицепившись к власти.

Человеческое бытие погружено в симулякры. Повседневность симуляционного становится в жизни современного человека общим местом, отсюда невидимость теневого обычному взгляду, стертость. Теневые предметы и ситуации не внешние этому миру, а вставлены в него в общем ряду возможных элементов и их связей. Социальное бытие строится по принципу ленты Мёбиуса, где внешнее незаметно переходит во внутреннее и мир становится единой искривленной плоскостью. Вещи становятся вровень с людьми, образуя союзы «под задачу», «по ситуации». Но это не символическое единство людей и вещей, о котором пишут Михаил Бахтин или Мартин Хайдеггер. В мире искривленного плоского бытия нечеловеческие объекты часто оказывают на человеческое гораздо большее воздействие, чем сами люди, подверженные контролю. Искривленная плоская онтология с виду демократична. Вещи, символы, бренды, вирусы, люди существуют в равных позициях, в едином поле взаимного влияния. И наиболее силен в определенный момент тот, кто в этот момент способен осуществлять/состоять в большем количестве связей и отношений с другими элементами взаимодействия. Быть так называемой «узловой станцией», сквозь которую идут основные потоки информации, денег, человеческих ресурсов и даже времени. Что это за «узловые станции», решающие вопросы современности? Где они находятся? В современном мире эти «силовые точки» – совсем не обязательно люди. Это может быть любой активный элемент, существование которого в данный момент нельзя не учитывать. И именно он будет определять направление исторического развития. Нечеловеческие объекты восстанавливают свои права и на равных вступают в возможные взаимодействия с людьми.

Техническое диктует свои условия характеру и интенсивности человеческих связей, вирус определяет политику и экономику государств в мировом масштабе. Искривленная плоская онтология пронизана информационными сетями, соединяющими и разъединяющими социальную энергию. Предоставляются каналы связи, отношения между людьми и социальными общностями сопровождаются двоичным бинарным кодом цифровой волны. Информация – это то, что может быть преобразовано в двоичный код и усвоено/читано/обработано машиной. Информация не имеет отношения к смыслу, потому что смысл предполагает иерархизированный план бытия. Расширение и рост информации, ее бесконечное продление симулирует смысловое. Кажется, что смысл дальше, ты только открой новую страницу в Сети и посмотри еще, а потом еще и еще. Смысловое симулируется тотальным расширением сетей. «Не нужно выпрыгивать из Сети наружу, чтобы создать объяснение (причину, фактор, множество факторов, серии совместных появлений), нужно просто расширить Сеть дальше... Объяснение невозможно, если Сеть не расширяет себя» [3, с. 188]. Подобная тень «дурной бесконечности» была предупреждена Гегелем. Преодоление границы шаг за шагом, через внешнее полагание следующей цели, так и не выводит к смыслу. Отсюда паника плоских искривленных онтологий, пронизанных сетями, проявленная в разбухании каждой своей части, с неминуемым вправлением внешнего во внутреннее и выходом внутреннего из какой-нибудь норы внешнего.

Информатизация социальных отношений с необходимостью ведет к трансформации человеческой природы, когда человек утрачивает чувство особого достоинства, выраженного в способности человека самостоятельно определять свою судьбу. Отсутствие света скинуло человека со всех ценностных пьедесталов и не позволяет видеть тени, в которые он погружен.

«Цифровой переворот реален, – говорит вице-президент по цифровым преобразованиям, SAP, – он происходит в настоящий момент и в корне изменит принципы конкурентной борьбы в последующие десятилетия. Одновременно с большими возможностями он несет большие риски. Тем, кто не будет меняться, грозит

быстрое массовое уничтожение» [4, с. 5]. Судя по тому, как легко выбрасываются на обочину жизни люди, достигшие определенного возраста и не участвующие в «цифровой гонке», данное заявление напрямую касается не только организаций. Отдельно обращаем внимание, что в плоских искривленных онтологиях нет времени. Всякое увеличение, разрастание, ускорение не имеет отношения к реальному времени, время в таких онтологиях – формальный фактор, мы никогда не выйдем во время, если будем основываться на бинарном дискретном коде. Цифра не ловит длительности. Будет только кинематографический эффект, эффект времени. Эффект есть, а времени нет. Но для плоских искривленных онтологий время – это самый большой враг. Преодоление времени и временности человека – одна из главных анонимных целей современной науки. Хотя именно эта цель является одной из архаических, идущих от алхимиков: сделать человека бессмертным в этой жизни в обход божественного. С божественным никак не получается «договориться» на манер взаимодействия человеческих и нечеловеческих объектов. Поэтому есть в этой плоской искривленной онтологии одна явная незадача: «Как показать эту человеческо-нечеловеческую коммуникацию в сфере религиозных практик, направленных не на распространение знания, а на распространение благодати?» [5, с. 161]. Но в таком мире божественное избыточно, тени в таком мире не отбрасываются, поскольку трансцендентного нет. Преодоление времени в таком мире видится как возможность свести человека к матрице, к безличному вневременному коду. Кажется, что на данном этапе развития науки сведение человеческой жизни к генетической матрице является утопией, но, возможно, сущность кризиса заключается как раз в том, что природа человеческого будет преобразована настолько, что от современного понимания человека ничего не останется. Мы шагаем к новому типу человеческого, направив законы естественной эволюции к новым, заранее поставленным нечеловеческим целям.

В философской традиции «человек» понимался по-разному, но никогда не было сомнения, что человеческая природа связана со свободой. Согласно ветхозаветному представлению человек

создан Богом ни хорошим, ни добрым, ни умным, ни талантливым и т. д. Он создан Богом свободным. Эта главная черта, и дальнейшее представление о человеке и об обществе, так или иначе, «крутится» вокруг понимания/центра свободы. Есть увеличение свободы, значит, есть прогресс в историческом развитии – так сказал бы Гегель [2]. Но, к сожалению, современные тенденции в развитии человека и общества никак не связаны с увеличением свободы личности. В цифровом мире, под контролем новых технологий, человек все больше теряет свою свободную природу.

Альтернативой цифровой реальности являются ситуации живого присутствия. Ситуации, которые формируют реальные человеческие связи и отношения. Как-то раз мы спросили у одного старенького доктора: «Что является главным в вашем деле? Что нужно для того, чтобы быть хорошим врачом?» Мы полагали, что он скажет о высоком уровне образования, о большом опыте и постоянной медицинской практике, а он ответил, что главное в медицине – это любить людей. Если любить людей – будет желание их лечить, и помогать им, и спасать их личную «незнакомую» жизнь. Система образования похожа на медицину. Здесь так же любовь к людям является базовым профессиональным навыком, на который накладываются все остальные – «предметные, операционные, технологические».

«Любовь – единственное решение. Но она встречается очень редко. Обычно ее поглощают власть, деньги, конкуренция и рассеянность. Те же люди, которые посвящают себя любви, создают тайную аристократию общества. Они не являются президентами республик, это не ученые, не финансисты. Они подкупают своей простотой, которая, может быть, и есть ключ к святости. Эти люди есть соль земли, о которой говорит Евангелие. Любовь была бы в каждый момент бытия единственно правильным решением для всех людей, но ее никто не хочет. Ах, в конце концов, так много говорят о любви, но ощущать ее глубоко в своем сердце, проявлять каждый раз с нерушимой верностью – это, к сожалению, большое исключение, и именно в этом и состоит, наверное, самая большая трагедия» [6, с. 395].

Действительно, ведь подлинную любовь не измерить, не продать, не сосчитать, тем более не инвестировать, не оцифровать – но то, что современная культура называет любовью, увы, можно.

Литература

1. Андерсен Х. К. Полное собрание сказок / под ред. Л. М. Сурис ; пер. П. Г. Ганзен, А. В. Ганзен. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2014. – Ч. 2. – 766 с. : ил. – (Сказки на книжную полку). – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=256494> (дата обращения: 01.03.2021). – Режим доступа: по подписке.

2. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / пер. Г. Шпет. – М. : Директ-Медиа, 2002. – 934 с. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=7082> (дата обращения: 01.03.2021). – Режим доступа: по подписке.

3. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Логос. – 2017. – № 1 (27). – С. 173–200.

4. Лаукс Д., Маколей Д., Норонха Э., Уэйд М. Цифровой вихрь: как побеждать диджитал-новаторов их же оружием : пер. с англ. – М. : Эксмо, 2018. – 352 с.

5. Салин А. Как упаковать жизненный мир в черный ящик: инструкция по сборке // Логос. – 2018, № 5 (28). – С. 137–164.

6. Серр М. Только красота нас спасет // Книга знаний. Беседы с выдающимися мыслителями нашего времени / сост. К. Ф. Барлёвен ; пер. Г. Наумова. – М. : Прогресс-Традиция, 2010. – 504 с. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=103067> (дата обращения: 15.02.2021). – Режим доступа: по подписке.

Энтропийный характер социокультурного модуса современной России

Почему Кандид идет с ножом на мертвяков, зная, что их убить нельзя? А чтобы не умножать энтропию!

А. и. Б. Стругацкие. «Улитка на склоне»

Есть поразительный исторический факт. В 1940 году великого русского ученого Владимира Вернадского спросили о перспективах развития Второй мировой войны и о прогнозе ее финала. Вернадский дал потрясающий ответ, звучавший дословно так: «Германия проиграет войну – несмотря на все ее нынешние успехи. Она проиграет ее по элементарной причине: из Германии “утекают мозги”. Страну покидают ее лучшие умы – это не может кончиться ничем, кроме поражения». На вопрос, кто же выиграет войну, великий ученый ответил не менее знаменательно: «Выиграет страна, куда утекает интеллект Германии. Это будет страна английского языка, но это не Англия!» Учитывая специфику времени, пророчество Вернадского смотрится как самоубийственная смелость; глядя же из сегодняшнего дня, следует признать – прогноз оказался поразительно точным...

Это – преамбула к теме нашего разговора. Поскольку генеральная тема нашего симпозиума может быть сформулирована как «Проблемы футурологии России в свете современных кризисных явлений», то речь неизбежно должна пойти в ракурсе системных вызовов современности. И здесь нам не обойтись без обращения к фундаментальным выводам синергетики.

В мире систем существуют только два алгоритма: энтропия (упрощение и распад системы) и негэнтропия (термин Леона

Дмитрий Владимирович Суворов, кандидат культурологии, доцент (г. Екатеринбург, Россия).

Бриллюэна) [1, с. 89], «отрицательная энтропия» (термин Эрвина Шредингера) [9, с. 51], «синтропия» (термин Луиджи Фантаппье и Альберта Сент-Дьерди) [3, с. 81–84]. Это – азы теории систем. Суть негэнтропии идеально определил Э. Либберт в так называемом «определении живого»: «Живыми называются такие системы, которые способны самостоятельно поддерживать и увеличивать свою очень высокую степень упорядоченности в среде с меньшей степенью упорядоченности. Такие процессы являются процессами с отрицательной энтропией (негэнтропийными процессами)» [4, с. 112]. То есть, спускаясь с научных высот на понятийный ряд «обыденности», можно сформулировать так: система, способная на негэнтропию, – это живая система, энтропийные системы – мертвы или запрограммированы на смерть. Пресечение информации в системе есть энтропия – это всеобщая аксиома. Рецепт же негэнтропии в социальных системах В. Вернадский, как известно, определил как «набухание разумом».

Из сказанного можно сделать логические выводы. Любая социокультурная практика, культивирующая (или хотя бы допускающая) пресечение информации – сознательный или бессознательный путь в никуда (слово «никуда» надо понимать буквально – как результат энтропии, то есть распад и гибель системы). В этой связи полезно посмотреть, как обстояли дела в данной области в СССР, и сравнить положение тех лет с нынешним. При знании основных положений теории систем – футурологические выводы способен сформулировать не только ученый, но даже и просто грамотный гуманитарий, которому для этого не понадобятся таланты ни Нострадамуса, ни Ванги.

Никаких сенсаций: в СССР пресечение информации носило, как известно, не выборочный (как в современной России), а тотальный и систематический характер. Из культурной ойкумены «советского человека» вычеркивались не только конкретные феномены мировой духовной, научной и художественной культуры (Библия, Талмуд и Коран; «Бесы» Ф. Достоевского и «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. Гоголя, «Карманный оракул» Балтазара Грасиана и «Венера в мехах» Л. Захер-Мазоха, «Голубой кристалл» П. Филонова и опера К. Гольдмарка «Царица Сав-

ская»), не только конкретные персоналии (среди которых были не только понятные в контексте тоталитарной идеократии литераторы, мыслители и кинематографисты, но даже и композиторы – достаточно вспомнить Фромантала Галеви, Владимира Ребикова или Хидайята Инайята Хана). Нет, «под нож» (в спецхран) шли целые огромные пласты культуры и искусства – вся религиозная культура, вся немарксистская философия (то есть, по сути – вообще вся мировая философия, причем применительно к этапу после Маркса и Энгельса – тотально), вся русская (и мировая) историческая наука, вся культура Серебряного века и Русского Зарубежья, все научные разработки классического и современного менеджмента и экономической теории (в том числе – отечественные), почти вся культура и искусство модерна, авангарда и постмодерна (список сей, разумеется, неполон – любой знающий проблему может продолжить его самостоятельно). Классик поэзии Серебряного века Владислав Ходасевич, заставший старт данной практики, пророчески точно определил ее как «духовный вампиризм». И каков же был результат?

Уже почти 30 лет идут ожесточенные споры о причинах распада СССР и краха советской цивилизационной модели (ожесточенные в буквальном смысле – имеющее тенденцию переходить в виртуальные или даже не виртуальные рукопашные!). Причем в выводах доминируют исключительно ссылки на субъективный фактор – конкретно, на неких «исторических злодеев», разрушивших «единый и могучий». Для мыслителей, владеющих фактологией и аналитическим инструментарием, это просто смешно. Распад СССР носил системный и комплексный характер, каждый аспект этой комплексности достоин отдельного разговора, но в свете обсуждаемой в данной статье проблемы всё мгновенно становится на свои места. Напомним еще раз: пресечение информации есть энтропия! И, с данного ракурса рассмотрения, алгоритм распада еще не созданного Советского Союза был заложен уже в 1917 году – Лениным и иными «отцами-основателями» советской системы! С того самого момента, когда по инициативе Н. Крупской на площадях отечественных городов запылали костры из «неправильных» книг (за 15 лет до Гитлера!); и даже ранее –

с дореволюционных статей Ленина о «пролетарской» и «буржуазной» культурах – был запущен адский механизм формирования энтропийной социальной системы, которая могла финишировать только тем, что и произошло – энтропией. Причем это произошло в исторически предельно сжатые сроки – поскольку, пережив в сталинскую эпоху своего рода «шекспировский» этап (по накалу страстей и трагедийности), СССР уже в 50-х годах вошел в полосу кризиса и к эпохе «дорогого Леонида Ильича» превратился в классический пример энтропийной и неуклонно энтропирующей системы [5, с. 233] («тоталитаризм с выпавшими зубами и запашком дома престарелых», по классическому афоризму А. Михника). Более того: финальная стадия энтропии могла наступить даже ранее того, чем она наступила в реальности – если бы не «фактор ХМАО-ЯНАО». Наконец: запоздалая «перестроечная» попытка переломить инерцию энтропии, дать обществу негэнтропийный импульс (в том числе и по части прекращения практики пресечения информации) – на деле только ускорила развязку, поскольку хлынувшая «запретная ранее» информация смела все ложные псевдоидейные «столпы» и духовные симулякры, на которых только и держалась внешне несокрушимая (а на самом деле давно мертвая) система.

Теперь посмотрим: как обстоят дела в интересующей нас области в современной России? Картина вырисовывается красноречивая – и угрожающая. Ее репрезентируют многие сферы: и положение дел в СМИ, и декларируемые «сверху» ценности, но прежде всего – положение в сфере образования (прежде всего – гуманитарного). В этом смысле система образования (особенно в ее гуманитарной составляющей) – важнейшая подсистема макро-социума, поскольку именно здесь закладываются краеугольные камни мировоззрения и мировосприятия целых поколений, их аксиология и позиционирование себя в окружающем мире. Автор этих строк 25 лет работает в системе образования (причем на разных ее уровнях – от школ до вузов) и знает ситуацию не понаслышке. И так...

Что можно констатировать однозначно: на сегодняшний день уже не просто сложилась, но едва ли не кристаллизовалась си-

стема «пресечения информации» в образовательном процессе (напрямую вытекающая из макрокультурной политики, проводимой в РФ). Она неуклонно и систематически проводится по конкретным направлениям, что полностью исключает всякий фактор случайности. Эта практика (пока) не носит того всеобъемлющего характера, какой был характерен для СССР, но имеет явственную тенденцию к «расширению захватываемой площади». Сферы «пресечения информации» можно сфокусировать следующим образом:

Неуклонное усиление консервативных тенденций (классика жанра – текст последнего варианта российского гимна под неизменным авторством С. Михалкова). Восхваление и глорификация «традиционных ценностей» и «духовных скреп» (что характерно: рационально и членораздельно сформулировать эти самые ценности и «скрепы» не удалось ни одному из глашатаев и идеологов современного российского неоконсерватизма!). «Осанна консерватизму» в современной России доходит до гротеска – например, до восхвалений крепостного права (из уст Н. Михалкова и В. Зорькина). Разумеется, вся документальная и художественная информация, противоречащая данной посылке, подвергается иногда стыдливой, а иногда и откровенной вивисекции (красноречивый пример – выдавливание из школьной программы наследия А. Герцена).

Второе вытекает из первого: откровенное, подчас истерическое шельмование либерализма (мы дожили до того, что само слово «либерал» в России стало ругательством – и такое положение создавалось целенаправленно!). Здесь нельзя отказать диктующим правила игры адептам несвободы в абсолютной последовательности: из российского культурно-информационного поля неуклонно вытесняются все концепции, сочинения и персоналии, имевшие несчастье по-пушкински «восславлять свободу в наш жестокий век» (классика жанра – ставшее непробиваемой системой поношение декабристов). Вполне в духе советской практики из сочинений классиков выхватываются именно те опусы, где авторы высказывались «не либертенски», и именно они подаются как наиболее репрезентативные (типа стихотворений Пушкина

«Клеветникам России» и «Из Пиндемонти»). В конкретной педагогической и научной практике можно встретить совсем гоголевские в своей гротескности ситуации, когда наиболее ретивые «валендры» (вспомним персонаж повести Б. Васильева «Завтра была война») подвергают шельмованию в качестве «зловредных либералов» фигуры масштаба И. Канта, Б. Спинозы, Н. Бердяева, А. Камю или М. Мамардашвили (применительно к последнему автор этих строк «счастье имел» наблюдать на одной международной научной конференции из уст доктора философских наук, руководителя философского факультета одного из педуниверситетов Урала).

В этом же ключе – и уже не ползучая, а галопирующая клерикализация России. Причем клерикализация однозначно фундаменталистская, напрочь отметающая любые, даже самые робкие поползновения «либерализма» в собственной среде (например, сочинения о. А. Меня, о. Г. Чистякова и даже совсем не радикального, вполне официального о. А. Блума). Установки православного фундаментализма (зачастую самые одиозные – например, теологический антисемитизм) внедряются в сознание россиян (в том числе в стенах школ, с вопиющим нарушением Конституции) с колоссальным напором и агрессивностью. Доходит до откровенной апологии средневековья – от демонизации Ренессанса (это уже давно перестало быть экзотикой) до применения средневековых юридических прецедентов в современной судебной практике (опять-таки классика – «дело Пасси Райят», вынесение приговора современным светским судом на основании постановлений Вселенских соборов VI в.). Здесь же – агрессивнейшая, проникающая во все информационные каналы (и образовательные в том числе) апология монархизма, связанная в первую очередь с канонизацией Николая II и его семьи (но также и с назойливым возвеличиванием самых одиозных тиранических и «антилиберальных» царей русской истории – прежде всего Ивана Грозного, Николая I и Александра III). Очень показательны, что все монархи-реформаторы (Петр I, Александр II), а также все самые знаменитые политики-реформаторы русской истории (Избранная Рада, А. Ордин-Нащокин, Василий и Дмитрий Голицыны, М. Сперанский,

архитекторы Великих реформ, С. Витте) – откровенно задвигаются в тень... Пресечение информации здесь носит наиболее широкоохватный характер: так, в данной системе воззрений напрочь исключается любая, даже самая робкая критика действий и политики Николая II – он же «прославлен церковью»! Под запрет попадает даже критика и анализ личности и поступков Г. Распутина (которого откровенно и явственно готовят к канонизации). Тогда сразу встает логический вопрос: почему царствование последнего российского императора (подаваемое клерикалами как «царство Божье на Земле» и идеал православного царства) закончилось так, как закончилось? Ответ в данной системе координат может быть только одним, в духе известной песни Игоря Талькова (и отступление от него однозначно трактуется как ересь): Россия «раздражала силы зла», и последние погубили ее. Под «силами зла» понимается «вечно враждебный Запад» и его агенты внутри страны (последние подаются предельно персонифицированно – евреи!). Все иные трактовки отвергаются и «вычищаются» из информационного (в том числе – образовательного) пространства с железобетонной последовательностью.

С предыдущим пунктом органически связан следующий – откровенное, лобовое, приобретшее все черты яростной идеологической пропаганды антизападничество. Это связано и с антилиберализмом (практически в стиле рассуждений героев «Горя от ума»), и со столь милым клерикалам и ультраконсерваторам антисемитизмом – евреи в подобных идеосистемах всегда воспринимаются как агенты и шпионы вражеского лагеря, призванные изнутри разрушить праведную Россию (или Третий рейх – механизм псевдологики здесь абсолютно идентичный). Но прежде всего – современное российское антизападничество (производное и от советского, и даже от победоносцевщины и официоза Николая I) восходит к позднему славянофильству («Россия и Европа» Н. Данилевского, «Дневник писателя» Ф. Достоевского, философское наследие К. Леонтьева), а еще ранее – к плохо прикрытому христианскими одеждами манихейству времен обеих концепций «Третьего Рима». Вариациям на данную тему нет числа – от приписывания «Западу» постоянных «помыслов злодейских» по

адресу нашей страны до приписывания России всех мыслимых и немыслимых приоритетов (по анекдоту «Россия – родина слонов»), от трактовки всех эмигрировавших из России и СССР как «предателей» (такая трактовка в современной школе – отнюдь не экзотика) до замалчивания всех проблем и феноменов российской и советской модернизации (поскольку все отечественные модернизации носили вестернизированный характер!) [6, с. 14–15], от постоянного продавливания концепта о «неприменимости западного опыта для России» до максимального умолчания или даже прямого отрицания фактов вклада западных союзников России в военные победы последней (классика здесь, разумеется – официальная трактовка событий Второй мировой войны).

Наконец, и это самое болезненное – современная трактовка патриотизма, общая и для официоза, и для «мнения народного». Если совсем кратко – патриотизм ныне подменен до боли узнаваемым великодержавным шовинизмом. Облик его хрестоматиев: это «религия ненависти» (определение философа Русского Зарубежья о. А. Шмемана), основанная не на любви к Отечеству (которая, кстати, вовсе не исключает критического взгляда на существовавшие и существующие негативные процессы и тенденции, что в свое время констатировал еще философ И. Ильин), а на агрессивном противопоставлении себя окружающему миру, трактуемому как источник угрозы и враждебности (то есть на все том же манихействе!). Кроме того, правит бал ситуация, афористически подмеченная в свое время М. Салтыковым-Щедриным: «Многие путают понятия “Отечество” и “Ваше превосходительство”» (то есть – знак равенства между Родиной и политическим режимом). На практике, особенно образовательной, подобное положение дел выливается в следствия поистине карикатурные: так, в современной российской школе совсем не трудно встретить учащихся, искренне убежденных в том, что «Россия не проиграла ни одной войны» – и натурально впадающих в ступор, когда им сообщают об Аустерлице и Фридланде, Великой Ливонской, Крымской и Русско-японской войнах, о Смутном времени и (тем более) о Зимней войне 1939–1940-го и катастрофах 1941 года. (Кстати, следствием получения данной информации может быть не только

ступор, но и бешеная агрессия!) Ясно, что ученики и студенты не виноваты – такой концепт им целенаправленно вложили в головы с высоких кафедр, вновь привычно утаив от них неугодные факты (то есть – совершив акт пресечения информации!).

Это – наиболее обобщенные направления, по которым сегодня энтропирует российское гуманитарное образование (в свою очередь ретранслируя энтропийные алгоритмы более общей системы). Есть и множество других, более частных и «тематических» (но от этого не становящихся менее «токсичными»). Так, отдельной и по-настоящему больной темой является Великая Отечественная война – вернее, ее современная официальная трактовка, прочно приобретшая характер «победобесия». Здесь множество аспектов, по которым происходит фальсификация и пресечение информации: причины и истоки войны, роль СССР и Сталина в ее инициировании, «предвоенный период» (бывший на деле серией необъявленных войн), катастрофа 1941 года (и ее причины), оценки действий советских войск и полководцев, феномены «третьей силы» и коллаборационизма, трактовка роли и вклада союзников СССР в победу, преступления карательной системы и силовых структур СССР в годы войны, цена победы. Пресечение информации в данной области носит уже совершенно тотальный характер (вполне сопоставимый с советской практикой), запреты иницируются на государственном уровне (характерный пример – запрет на публикацию и распространение в РФ сочинений всемирно известного британского историка Энтони Бивора), носителей и ретрансляторов «альтернативной информации» подвергают официальному и «народному» шельмованию (а иногда и репрессиям).

Другой, не менее болезненный пример, – украинская тематика. В связи с имеющими сегодня место трагическими событиями данная сфера внезапно и фатально стал «запретной». Причем запретной в типично русской иррациональной манере: «низзя» распространилось не только на факты и трактовки украинской истории (и ранней, и тем более современной), но даже и на все без исключения феномены богатой и разноплановой украинской культуры (как назло, очень мощно повлиявшей на культу-

ру России в эпоху модернизаций XVII–XVIII вв.) [6, с. 121–124]. Опять-таки в условиях современной российской образовательной системы дело сплошь и рядом оборачивается карикатурными изломами: вовсе не раритетом выглядит ситуация, когда вузовский преподаватель публикует в сборнике международной научной конференции статью об Украинской Повстанческой армии и ее руководителях – статью, носящую не научный, а пропагандистский характер, повторяющую все идеологические клише сталинско-брежневских эпох и игнорирующую неопровержимые документальные данные, в том числе и официозно признанные (например, документы Нюрнбергского трибунала).

И здесь следует вернуться к исходной проблеме – футурологическому прогнозу применительно к современной России. Напомним: судьба СССР (чьим правопреемником объявила себя РФ) была решена сочетанием нескольких неблагоприятных бифуркаций (политических, экономических, социокультурных, цивилизационных, синергетических), на которые наложились конкретные событийные и личностные флуктуации. Это – абсолютная реальность, типичная для исторических судеб всех без исключения стран, государств и цивилизаций, как существующих, так и канувших в Лету истории; и судьба современной России, разумеется, не составит исключения. Поэтому футурология российского бытия может быть благоприятной только при учете всех подобных возможных факторов. В ряду последних учет (или игнорирование) законов синергетики – один из самых кардинальных. И описанные тенденции пресечения информации, напрямую ведущие к неотвратимой энтропии, – одни из самых опасных и злокачественных. Строго говоря, энтропийной является даже сама попытка строить макросоциум на основе «традиционных ценностей» и «духовных скреп» – поскольку, по точной констатации Тоёхиро Коно, единственным гарантированно успешным управленческим (и не только) стилем является инновационно-аналитический, а единственным гарантированно провальным – консервативно-интуитивный (цит. по: [7, с. 289]).

Энтропия политических, социальных и государственных систем – вещь небыстрая по меркам длительности человеческой

жизни. Исторический опыт КНДР, Туркменистана, Кубы, Пакистана, Судана, Зимбабве (а сегодня – и Беларуси) показывает: при условии социальной пассивности населения и наличия лояльного силового аппарата (а применительно к КНДР – и подпитки извне) энтропийные государственно-политические системы могут существовать довольно длительное время (длительное не с исторического, а с человеческого ракурса). Но это не меняет конечного прогноза: мертвая социальная система (мертвая по определению Э. Либберта) существует в агональном состоянии, которое становится стационарным («существование в виде гальванизированного трупа», как по другому – но аналогичному! – поводу высказался Е. Тарле) [8, с. 341]. И чем дольше затянется такое существование, чем позднее будет предпринята негэнтропийная попытка – тем хуже. Скажем, СССР мог бы иметь шанс на сохранение в случае активизации хрущевской и косыгинской реформ (и даже при успехе «евроазиатского» проекта А. Сахарова). Но если негэнтропия запоздает или не наступит, то в существовании любой системы обязательно случается «переход красной черты», за которой энтропия быстро и неотвратно приводит к финальному распаду. А характер и цена этого распада зависит от множества конкретных флуктуаций, которые не подвластны никакой футурологии. Единственное, что могут сделать в данной ситуации принимающие управленческие решения, – действовать в соответствии с объективными (научно доказанными и зафиксированными) законами онтологии. И не пытаться брать пример с товарища Ленина, объявившего в 1918 году о прекращении действия закона стоимости на территории РСФСР (сей закон, разумеется, действовать не перестал – а вот советская экономика начала развиваться в абсурдном и гибельном направлении). Существование в виртуальной реальности – вещь увлекательная, не спорю; вот только человек, выпавший из окна, подвергнется воздействию закона Ньютона (то есть разобьется) вне зависимости от отношения выпавшего к «враждебному Западу» и его конкретному интеллектуальному представителю с берегов туманного Альбиона...

Литература

1. Бриллиуэн Л. Наука и теория информации. – М. : Физматлит, 1960. – 392 с.
2. Бриллиуэн Л. Научная неопределенность и информация. – М. : Мир, 1966. – 271 с.
3. Вяткин В. Б. Об использовании термина «синтропия» в научных исследованиях // Научное обозрение : реферативный журнал. – 2016. – № 3. – С. 81–84.
4. Основы общей биологии / под общ. ред. Э. Либберга. – М., 1982. – 440 с.
5. Стариков Е. Н. Общество-казарма от фараонов до наших дней. – Новосибирск, 1996. – 420 с.
6. Суворов Д. В. Своеобразие российской цивилизации и процессы модернизации в России. – Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing, 2011. – 326 с.
7. Суворов Д. В. Основы делового общения : учеб. пособие. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2004. – 404 с.
8. Тарле Е. В. Наполеон. – М. : Воениздат, 1939. – 520 с.
9. Schrödinger E. What is Life – the Physical Aspect of the Living Cell. – Cambridge : University Press, 1944.

Социокультурные черты кризиса: уроки истории

Аннотация. Тезисы доклада посвящены рассмотрению некоторых черт, сопровождающих кризисные ситуации в обществе и имеющих свои корни в историческом развитии. Приводятся свидетельства очевидцев общественного и культурного кризиса в России первой половины XX века.

Ключевые слова: кризисная ситуация; протестное движение; власть; художник К. Коровин.

Очевидными реалиями нынешней российской общественной жизни выступают, с одной стороны, наметившееся стремление разрешить кризисные ситуации путем радикального протеста, с другой – противодействие подобным устремлениям. Важно, что с обеих сторон могут обнаружить себя черты, уже наблюдавшиеся в истории нашей страны и сопровождавшие ее движение к еще более глубокому социальному и культурному кризису. При этом бесценным является опыт наблюдений и осознания процессов сползания страны в смуту, в «окаленные дни», оставленный наиболее проникательными очевидцами трагических событий русской революции, к числу которых принадлежат многие деятели культуры. Но если свидетельства И. Бунина, И. Шмелева, С. Рахманинова и других хорошо известны, то обращение к воспоминаниям К. Коровина и Ф. Степуна представляется не менее интересным. Такая память не отрицает исторического сознания, а углубляет его.

Наталья Михайловна Субботина, канд. филос. наук, доцент кафедры истории и теории исполнительского искусства, Уральская государственная консерватория им. М. П. Мусоргского (г. Екатеринбург, Россия).

Попытаемся выделить некоторые характерные черты кризисной ситуации. Начнем с того, что можно обозначить как повод без причины. Известна гегелевская цепочка категорий: основание – следствие, причина – действие; в этой цепочке находится и повод, он приводит причину в действие. В протестных настроениях, в протестном сознании от этой цепочки зачастую остается лишь повод и действие. Почти все из перечисленных выше свидетелей русской смуты отмечали, что попытки узнать у ярых ниспровергателей существующих порядков причину их действий выявляли какие-то совершенно незначительные, иногда смехотворные события, которые можно было бы считать сугубо частным поводом протеста, но никак не общественно значимой причиной действий по переустройству страны. И причина, и основание, конечно, существовали, но они находились вне сознания протестующих, которых никак не волновал их поиск и осмысление.

Отсюда и следующая черта – иррационализм протеста. Понятно, что не всегда протест иррационален, но в латентном виде он постоянно несет в себе это качество, которое при определенных условиях просыпается, как в России в XX веке или в европейских странах в настоящее время (например, протест против введения ограничительных мер в условиях пандемии). Феномен такого сознания и протеста М. Гефтер справедливо называет «катастрофичнее бессознательным» и не видит ничего удивительного в наличии «нынешней эпидемии исторической невменяемости» [1, с. 437, 438]. Самая благоприятная среда для его распространения – невежественная масса, в сознании которой, как показывают Бунин, Степун, Коровин и другие деятели культуры, поразительно легко соединяется несоединимое, очевидные факты приобретают самые причудливые, часто дикие, интерпретации. Так, К. Коровин пишет: толпа спешит «на бесчисленные заседания» и дружно аплодирует «всем ораторам, что бы те ни говорили: одно или прямо противоположное – всему рукоплещут» и описывает особенности такого сознания: «...все прочитанное... превращалось... в абракадабру, а события извращались и преувеличивались до чудовищности» [2, с. 152, 164]. Это свойство нерелевантного сознания. Утверждения или опровержения,

построенные на рациональных рассуждениях, на логике, оказываются совершенно бессильными в столкновении с носителями этой социальной умственной болезни, которая, распространяясь, поражает и часть, казалось бы, просвещенного класса, что ведет к переворачиванию существующих норм, и как итог – «химера и чушь, нелепость и бессердечие» [2, с. 152].

Далее мы сталкиваемся еще с одной чертой кризиса – протест как праздник. Протестное движение «окаянных дней» (как и современных) не осознает не только своих причин, но и целей. Самоценным становится праздничная атмосфера низвержения. В первые дни после Манифеста 17 октября 1905 года, вызванного протестными настроениями и выступлениями, Россия жила в празднике «резона и обновления» и «ликовала Москва». И у этой энергии, и у этой силы сразу возникают воодушевленные спутники – та самая просвещенная публика, которую К. Коровин ярко представляет в заметке «Святая простота». В этой публике – артисты, адвокаты, прогрессивно настроенные чиновники. «Малый театр торжественно чествовал дни свобод... Соорудили возвышение-пьедестал, на него встала... Яблочкина, почтенная красавица театра, подняв к небу руки, обвитые разорванной цепью, а к ее ногам картинно припал солдат (почему солдат – неизвестно)... Эта живая картина называлась “Свободная Россия”... Оркестр играл “Марсельезу”...» [2, с. 183]. Потом праздник продолжился, и все на тройках помчались в ресторан, встречая по пути толпы народа и многочисленные митинги. Еда еще не исчезла, но скоро исчезнет, как исчезнут и все основы нормальной жизни, а на смену им придут голод, разруха, тиф, беззаконие. И первыми жертвами нового мироустройства станут как раз эти самые спутники протеста. «Святая простота»...

Особое место в этом процессе занимает молодежь и связанные с ней характеристики – протест как веселое властвование молодежи. Отмечая, что в центре событий 1917 года постоянно находится взбудораженная молодежь, К. Коровин пишет: «Особенно странной кажется молодежь... Что означает это веселое, это уверенное настроение молодежи? И как все они довольны! Учреждений образовалось много, всюду толпы служащих: все

больше молодые девицы и молодые люди. И нравится им... что к ним обращаются, просят их, умоляют, что они – власть. Нравится им, что они могут отказать, отменить, запретить» [2, с. 152]. Поначалу протест движется задорной энергией молодых, которую чем дальше, тем больше сменяет мрачная сила невежественных масс, растет «злая воля». Радость длилась недолго: «Казалось, что небесный факел свободы попал в руки вечнослепых и они сожгут все хорошее. Пришла злая, ненужная энергия» [2, с. 228].

Кризис усиливается, когда протестные движения получают подкрепление в виде беспечности членов общества, не обременяющих себя ответственностью за жизнь страны. В этом проявилась такая черта, как недалёковидность просвещенного класса. К. Чуковский дал точный образ настроений своих современников: «Едут и смеются, пряники жуют» и неожиданно сталкиваются с невесть откуда взявшейся, казалось бы, ничтожной силой, но оказавшейся способной разрушить весь уклад жизни. Беспечности сопутствует угар отупляющих развлечений, которые накануне 1917 года заполняли все духовное пространство российского общества. Яркие картины этого загула дает Степун в книге «Бывшее и несбывшееся». Процесс низвержения становится своего рода народным гулянием, бездумным, сплошь и рядом приобретающим дикие черты «кровавой потасовки». К. Коровин так записывает откровения одного из участников разнузданного гульбища: «Народ гуляет. Никто не работает. Кто что. Свобода потому. Очень антиресно. Где подожгут, где стащат, своруют, потом ловят, кого бьют. Антиресно. Гуляют... Ну, и рады все» [2, с. 166]. В «двуединстве освоения и отрицания» (М. Гефтер), при сущем перевороте, здесь налицо явно последнее.

Если протестное движение, чреватое кризисом, сопровождаются воодушевленные и наивные спутники, то власть, идущая к кризису, направляется к этой точке с окружением, отличающимся таким признаком, как беспринципность. Беспринципность окружения власти – другая черта кризиса. Она еще до кризисной ситуации отчетливо проявляет себя в безудержном прислуживании власти, и это – тревожный сигнал, увы, как показывает российская история, плохо воспринимаемый. Власть, не способ-

ная к критической, объективной самооценке, опирающаяся на прихлебателей, обрекает себя на самоуничтожение, а вверенную ей страну на катастрофу. Окружение, прислуживающее власти, имеет свойство в любой момент перевернуться. И тогда недалеким верховным руководителям придется в какой-то момент с горечью признать: «Кругом измена, трусость и обман».

Возникновению кризисной ситуации во многом способствует такая характеристика власти, как неспособность к самонастройке. Исходя из верной установки, что «расшатывание устоев» требуется упредить, власть, скованная формализмом и оторванными от жизни бюрократическими традициями, вместо непредвзятого и постоянного анализа общественной жизни предпочитает сосредоточиться на профилактике выдуманных угроз. История русской смуты – тому подтверждение. Маленький, но яркий образец подобного рода глупого поведения власти приводит К. Коровин. Как-то, накануне событий 1905 года, он, кого в российской прессе стали поругивать словом «импрессионист», был вызван в Министерство внутренних дел. Там высокий министерский чин попросил Коровина объяснить, «почему импрессионизм явился как раз в одно время с социализмом?». Коровин ответил: «Не знаю» и с досады пошутил: «Впрочем, может быть, открытие Пастером сыворотки от укуса бешеных собак как раз совпадает с днем вашей свадьбы?» [2, с. 162]. После такого ответа дело приняло серьезный оборот, и художнику пришлось обратиться за помощью к Великому князю Сергею Александровичу. Нелепая проблема была тут же снята. Такой способ ее решения высвечивает другую черту власти, которая неизбежно окажется у кризисной черты: она работает в режиме «ручного» управления, не способна автоматически отвергнуть ошибки и нелепости.

И протестующим, и властным структурам необходимо помнить уроки истории: не только противостоять друг другу, но и самокритично оценивать свои действия. Вовремя распознавать в своих действиях возможные признаки социального и культурного разрушения.

Литература

1. Гефтер М. Октябрьская революция // 50/50. Опыт словаря нового мышления / ред.-сост. Г. Козлова ; под общ. ред. Ю. Афанасьева, М. Ферро. – М. : Прогресс ; [Париж] : Пайо. – М. : Прогресс, 1989. – С. 429–438.

2. Коровин К. А. «То было давно... там... в России...»: воспоминания, рассказы, письма : в 2 кн. – Кн. 1 : Моя жизнь : мемуары ; Рассказы (1929–1935). – М. : Русский путь, 2012. – 752 с.: ил.

Влияние кризисов на сохранение доверия к демократическим институтам власти

Аннотация. Пандемия коронавируса создает серьезную угрозу для благополучия человечества, а также его поступательного прогресса и развития. Любой кризисный период в истории человечества поднимал вопрос доверия к власти и к общественным институтам, выполняющим властно-распорядительные функции. Вызовы, с которыми столкнулись демократические институты власти в эпоху пандемии COVID-19, обострили проблему доверия людей к демократической модели управления государством.

Ключевые слова: пандемия коронавируса; COVID-19; власть; доверие; правительство; институты власти; мировая общественность; демократия.

Казалось очевидным, что в XXI веке, в эпоху относительной политической стабильности, экономического роста и благополучия населения, а также равенства людей в обладании базовым набором прав и свобод, уровень доверия к власти и современным сформировавшимся политическим системам будет расти. Однако пандемия коронавируса продемонстрировала обратное. Отчет американской исследовательской компании Edelman, составляющей ежегодный рейтинг доверия граждан к институтам власти уже на протяжении 20 лет, показал, что, несмотря на рост мировой экономики, граждане не доверяют своим правительствам. Пандемия коронавируса оказалась катализатором, обострившим это недоверие, безусловно, оказывающее не-

Иван Михайлович Теньковский, юрисконсульт, ООО «Группа компаний «Метрикс»; аспирант АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

гативный эффект на экономическую, политическую, культурную и другие сферы деятельности человека. Таким образом, перед человечеством, помимо непростой задачи по преодолению пандемии коронавируса, стоит не менее серьезный и важный вызов, требующий восстановления доверия мировой общественности к демократическим институтам и разработки дальнейших стратегий развития с учетом приобретенного опыта.

При формировании отношения граждан к властным институтам наибольшее значение имеют два фактора: компетентность правительства, выражающаяся в своевременном и точном выполнении данных гражданам обещаний, и этичность, выражающаяся в осуществлении действий, направленных на общественное благо, а не на извлечение личной сиюминутной выгоды. Пандемия COVID-19 продемонстрировала не только неготовность либо неспособность местных правительств к быстрой и компетентной реакции на сложную, комплексную задачу, требующей нетривиального подхода к ее разрешению, но и неготовность вести с гражданами честный и открытый диалог о реальном положении дел в стране и в мире. Распространение в СМИ противоречивой информации о пандемии, манипуляции со статистикой, отсутствие политической воли лидеров для воздействия на бюрократический аппарат, не отличающийся эффективностью в выполнении поставленных перед ним задач, ведет к снижению доверия не только к местной власти, но и к демократии в целом. На фоне потребности мировой общественности в быстром и безоговорочном воплощении универсальных решений по актуальным проблемам, демократическая система, основой которой является дискуссия, плюрализм мнений и политических идеологий, кажется неэффективной, не способной к быстрой реакции на новые вызовы. При таких обстоятельствах возникает запрос на сильного лидера, наделенного большим объемом власти и обладающего сильной политической волей. Все эти факторы укрепляют позиции авторитарных режимов и политических популистов, обладающих иным подходом, основанным на отрицании сложных механизмов представительской демократии с системой делегирования полномочий.

Однако данный подход представляется заведомо проигрышным, поскольку сложные и комплексные задачи не подразумевают легких и быстрых решений. Авторитарные лидеры, использующие методы политического популизма, тонко чувствующие основные страхи и желания людей, используют их как средство удержания собственной власти. Американский политолог Р. Нойштадт писал, что президентская власть – это в первую очередь власть убеждения. Политики-популисты без труда завоевывают внимание и расположение людей, используя природный дар убеждения, артистичность, эмоциональную риторику. Авторитарный лидер, провозглашая общественное мнение как единственное, обладающее легитимностью, а себя главным его последователем и защитником, ставит себя в исключительное положение и наделяется безоговорочным авторитетом в глазах масс: ведь политический лидер должен обладать моралью, а высоконравственный лидер – это тот, кто поддерживает народ в его желаниях; те же, кто выражают свое несогласие с желаниями народа, – аморальны, являются частью коррумпированной элиты, преследуют исключительно собственные интересы. Такая популистская риторика, основанная, как правило, на необоснованных обвинениях и невыполнимых обещаниях, пагубна, поскольку неконструктивна, излишне эмоциональна и предполагает вовлечение и использование больших масс некомпетентных людей. Именно по этой причине авторитарные политики-популисты склонны игнорировать мнения специалистов системы здравоохранения, которые далеко не всегда готовы согласиться с принятыми политическими решениями, обладают собственным экспертным мнением и готовы обосновать свою позицию публично. Авторитарные политики-популисты не приемлют плохих новостей и сложных решений проблем, они преуспевают только там, где всё очевидно и просто, ведь их методы не позволяют решать сложные и комплексные задачи. Как следствие, в интересах сохранения своей власти и влияния они готовы жертвовать невыгодными для себя лично, но эффективными для общественных интересов решениями, направленными на преодоление пандемии.

Таким образом, пандемия COVID-19 поставила перед человечеством не только вызов с точки зрения медицинской науки, но и социокультурный, заключающийся в сохранении демократической системы управления, достижении солидарности, сохранении доверия к власти и институтам демократии, поскольку именно они способны максимально рационально и эффективно преодолеть пандемию коронавируса и нейтрализовать ее последствия.

Литература

1. Нойштадт Р. Президентская власть и нынешние президенты : пер. с англ. / предисл. В. Рыжкова. – М. : Изд. фирма «Ad Marginem», Б. г. (1997). – 463 с.
2. Доверие как критический фактор достижения стратегических целей социально-экономического и политического развития государства : материалы научно-методического семинара Аналитического управления в рамках подготовки заседания Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации // Аналитический вестник. – 2020. – № 5 (748). – URL: <http://council.gov.ru/media/files/ZuyffAndc55HCTkMIVsA5A1r22tq2ZQx.pdf> (дата обращения: 23.02.2021);
3. Финансы и развитие : журнал. – 2020. – № 6. – URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2020/06/pdf/fd0620r.pdf> (дата обращения: 23.02.2021);
4. Edelman Trust Barometer 2021 : Global Report. – URL: <https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2021-01/2021-edelman-trust-barometer.pdf> (дата обращения 23.02.2021).

Типология русского протеста

Аннотация. В работе обращается внимание на этнотипопсихологические особенности политических изменений на постсоветском пространстве. На примере грузинских (2003) и российских (2021) протестов доказывается их этнически «консервативный» характер, являющийся реакцией общества на ускоренный переход к чувственной культуре в целом и к чувственному политаризму в России в частности

Ключевые слова: социокультурная динамика; этногенез; политаризм; типопсихология; этнотипопсихология; «революция роз» (2003).

1. Россия продолжает догоняющее развитие в рамках западноевропейской цивилизации, переходя в процессе социокультурной динамики [1] к **чувственному типу культуры**, основанному на деньгах и удовольствии от жизни, после эпизода аскетичной идеалистической культуры советского образца.

2. В рамках процесса своего этногенеза [2] Россия продолжает движение в **фазе надлома (раскола) этнического поля**, начавшейся с 1800 года и кратковременно прерванной эпизодом идеалистической советской культуры. С 1985 года процесс внутриобщественного противостояния (с обострением вплоть до революций и гражданской войны) возобновился, особенно обостряясь в 2011 и 2021 годах.

3. Рикардианский тип экономики [3], основанный на эксплуатации монопольного природного преимущества (от пушнины до нефти и газа, а в перспективе – зерна, леса и пресной воды),

Владимир Михайлович Танаев, ст. преподаватель юридического факультета АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

закономерно приводит к постоянно воспроизводящемуся оптимальному для своего эффективного функционирования политическому строю – **политаризму** [4], осуществляющему эксплуатацию всего общества путем образования «общеклассовой частной собственности», принадлежащей политарху, субполитархам и очень узкой группе приближенных к ним лиц (политархату).

4. Российский политаризм прошел путь от идеационального политаризма (во главе с царем) через идеалистический политаризм (Генсек ЦК КПСС) к **чувственному политаризму** современного образца (Президент РФ), не изменив своего рикарданского экономического базиса, который, в свою очередь, постоянно и исправно восстанавливает политическую структуру этого «азиатского способа производства».

5. Этот процесс социокультурной динамики обеспечивают соответствующие этнические механизмы. Так, «**стабилизаторами**» этноса выступают его «ядерные» психотипы [5; 6; 7; 8] (**ESTP+INFP**, например Сталин+Есенин), собственно и образующие его этнопсихологическую оболочку в виде Власти и Народа соответственно. «**Консерваторами**», реализующими управляющие сигналы «стабилизаторов», выступают «психологически подчиненные» психотипы (**ESFJ+INTJ**), обеспечивающие как территориальное расширение этнического ареала (Ермак, пограничные атаманы и казаки – **ESFJ**), так и «правозащитную заботу» об основной массе жестоко эксплуатируемого населения (от А. Н. Радищева до акад. А. Сахарова и Людмилы Алексеевой – **INTJ**). «**Революционерами**» в процессе социокультурной динамики являются психотипы основных реформаторов, а также экономических акторов, оказывавших им поддержку (**ENTJ+ISFJ**).

6. **Идеациональную революцию** окончательно закрепил Петр Великий (**ENTJ**) при помощи своих соратников (в т. ч. и экономических – А. Демидов (**ISFJ**) и др.). **Идеалистическая революция**, совершённая В. И. Лениным (**ENTJ**), во многом обязана помощи московской группировки промышленников и купечества – староверов (**ISFJ**) (С. Морозов и др.). И в дальнейшем в процессе существования советской культуры делались разнообразные попытки укрепления ее экономического базиса (эко-

номические реформы А. Н. Косыгина (**ISFJ**) и др.) Важнейшим эпизодом **чувственной революции** 90-х годов XX века было проведение приватизации экономики, непосредственно осуществленное А. Б. Чубайсом (**ENTJ**) при активной поддержке «красных директоров» (В. С. Черномырдин (**ISFJ**) и др.).

7. Однако первоочередной считалась задача политической консолидации в борьбе с представителями идеалистической культуры (коммунисты и т. п.) Поэтому осуществить до конца чувственную революцию с переходом к рыночной экономике конкурентного типа [9] не удалось, в том числе и по психотипологическим причинам. К власти в стране был приведен представитель **«активаторов» (ENFP+ISTP)** – В. В. Путин и его политическая команда: Бортников, Патрушев, Нарышкин, С. Иванов и др. (все – **ISTP**) – резко ускорившие создание политической системы чувственного политаризма. Идеологическую поддержку этого перехода обеспечивали представители психотипа **ENFP** (В. Сурков и др. – «суверенная демократия», «глубинные народ и государство» и т. п.) Впрочем, старая, рикарданская по сути, экономическая основа строя («нефтегазовая игла») осталась в руках представителей старого эксплуатационного строя самодержавного, диктаторского типа – психотипа **ESTP** (Сечин, Миллер, Чемезов и др.). Одновременно был парализован «революционный» этнический потенциал (М. Б. Ходорковский, А. Б. Чубайс, Г. Греф, П. Дуров и др. – **ENTJ**) или подчинен задачам политаризма (Д. А. Медведев – **ISFJ**).

8. Всё это очень быстро привело к резкому росту экономического неравенства в обществе, не готовом к такому «циническому разгулу» чувственного политаризма («Шубохранилище Якунина», «Виноградники в Тоскане и домик для уточки Медведева», «Дворец Путина» и т. п.). Сопровождающая этот процесс негативная личностная динамика психотипа **ISTP** – появление психотипологической маски Наставника (**ENFJ**) после 60-летнего возраста – мессианские настроения апокалиптического характера («Они все подохнут, а мы попадем в рай» и т. п.) – всё это привело к «консервативной» этнической реакции упорного характера (деятельность А. Навального (**INTJ**) и ФБК; многомесячное про-

тивостояние в Хабаровске, самый массовый протестный митинг в феврале 2021 года в Краснодаре – в обоих случаях реализуется активность субэтнического психотипа **ESFJ** и т. п.). Таким образом, наблюдается своеобразная реакционная консервативная «Вандея» после гиперактивной стадии построения чувственного политаризма.

9. Сегодня перед Россией стоит «вызов» [10] поистине цивилизационного масштаба – реальная опасность уже безвозвратно опуститься в страны миросистемной периферии [11]. Ситуация требует срочного демонтажа экономической базы чувственного политаризма – разгосударствления экономики (особенно в нефтегазовом монополизированном секторе – основе «общеклассовой частной собственности» политархата), проведения его справедливой приватизации (по образцу стран Восточной Европы и Прибалтики). Диверсификация экономики и создание реального экономически и политически активного среднего класса – без этого невозможна ликвидация политической надстройки режима, он будет воспроизводиться снова и снова, как трёхголовый сказочный дракон.

10. Типологически стоит непростая задача «революционного» воздействия на экономическую (ESTP) и политическую (ISTP) власть одновременно, которое, однако, должно сохранить контакты с прогрессивной частью прежней элиты, не допустив очередного разрушения «до основания». Как можно увидеть из поставленной задачи, **найти одну фигуру, которая одновременно удовлетворяла бы всем необходимым задачам типологически, невозможно – одного такого психотипа не существует в природе.** Тем не менее история нам дает примеры фактически **коллективного руководства**, когда 2 (дуумвират) или 3 (триумвират) человека управляли огромной империей (Древний Рим), четко разделив свои сферы влияния.

11. Ведущую роль в этом **временном** триумвирате (и должность Президента) должен взять на себя наиболее активный революционный актер российской истории – психотип Предприниматель (**ENTJ**), умеющий повлиять на двух остальных членов триумвирата: Генерального Прокурора (психотип Аналитик (**INTJ**))

(с включением в его подчинение Следственного Комитета), перед которым стоит задача демонтажа политической верхушки режима; и Председателя Правительства (психотип Хранитель **(ISFJ)**, перед которым стоит первоочередная задача опять же аккуратного демонтажа экономической основы режима – государственной монополии в экономике (при активном, а не номинальном участии Президента).

12. В то же время невозможно не учитывать политические риски прихода к власти одной фигуры (например, Аналитика – **INTJ**), типологически относящейся к этническим консерваторам (**ESFJ+INTJ**). В этом случае возможен сценарий грузинской «революции роз» (2003), когда «зарвавшихся активаторов» (**ESFP+INTP**) во главе с Эдуардом Шеварднадзе (**ESFP**) остановили представители «консерваторов» (**ENFJ+ISTJ**) грузинского этноса (**ENTP+ISFP**) – Михаил Саакашвили (**ENFJ**) и Вано Мерабишвили (**ISTJ**), которые, проведя ряд революционных по своей сути преобразований в обществе, были вынуждены уйти, не получив массовой поддержки на очередных выборах: явный недоучет этнопсихологических закономерностей дорого обходится обществу. Впрочем, уже произведенные ими общественные перемены явно двинули грузинское общество по направлению к свободному рынку и демократии. Так что, повод для исторического оптимизма даже при таком развитии событий всё же остается.

Литература

1. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и обществ. – СПб. : Рус. Христиан. гуманитар. ин-т, 2000. – 1054 с. – (Социология : Университет. б-ка / Ин-т социологии РАН, Междунар. ин-т Н. Кондратьева – П. Сорокина).

2. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – 3-е изд., стереотип. – Л. : Гидрометеоздат, 1990. – 528 с.

3. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. – М. : Эксмо, 2016. – 1040 с.

4. Семёнов Ю. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. – М. : Волшебный ключ, 2008. – 401 с.

5. Юнг К.-Г. Психологические типы / пер. С. Лорие под ред. В. Зеленского. – М. : Эксмо-Пресс, 2001. – 480 с. – (Психологическая коллекция).
6. Бриггс-Майерс И., Майерс П. MBTI: Определение типов. У каждого свой дар. – М. : Pretext, 2010. – 320 с.
7. АРТ стандарт // The Myers & Briggs Foundation. – URL: <http://www.myersbriggs.org/> (дата обращения: 28.02.2021).
8. Танаев В. М., Карнаух И. Практическая психология управления. – М. : АСТ-пресс книга, 2004. – 304 с. : ил. – (Практическая психология).
9. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М. : 2016. – 1056 с.
10. Тойнби А. Дж. Постижение истории. - М. : Академический проект, 2019. – 802 с.
11. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение : пер. с англ. – М. : Территория будущего, 2006. – 248 с. – (Университетская библиотека Александра Погорельского).

Культура равноправия в эпоху кризиса: от «липкого пола» до «стеклянного потолка»

Аннотация. В статье представлена попытка анализа возможностей достижения культуры равноправия и оформления гендерного равенства в России в контексте социокультурного кризиса. Указывается, что выявленные в ходе анализа тенденции позволяют говорить о расширении процессов архаизации социума.

Ключевые слова: феминизм; архаизация; гендерные стереотипы; культура равноправия; самодискриминация.

Известно, что изменения в отношениях между полами – явление достаточно длительное. Суфражистки в начале прошлого столетия боролись за предоставление избирательных прав женщинам, а их последовательницы – феминистки второй волны ставили под сомнение вопрос об особой женской природе. Феминизм третьей волны уничтожает понятие «пола» как такового.

Эти явления, как сто лет назад, так и сегодня, представляются крахом привычного мира. Современный гендерный кризис есть не что иное, как следствие разрушения понятия «пол» как некой данности. Соответственно, размываются привычные понятия и уходят в прошлое традиционные представления о роли женщин и мужчин в обществе.

Наступление гендерного равенства и, соответственно, достижение определенной культуры равноправия на текущий момент

Ольга Сергеевна Селиванова, канд. филос. наук, начальник информационно-методического отдела Управления образования Верхнеуфалейского городского округа (Челябинская обл., г. Верхний Уфалей, Россия).

выступают одним из актуальных показателей мирового рейтинга стран в контексте преодоления различного рода дискриминации.

Что касается нашей страны, то мы можем наблюдать обратную ситуацию. Или, как замечают исследователи, «гендерный парадокс», при котором Россия неуклонно теряет свои позиции в рейтингах гендерного равенства, оказавшись на 81-м месте из 153 в 2019 году. Хотя еще год назад занимала 75-е место из 149 и 70-е место из 147 в 2017 году [3].

Изучив, прежде всего, политические и экономические маркеры, исследователи обозначили ситуацию возрождения традиционного права на Северном Кавказе, сохраняющуюся разницу в заработной плате мужчин и женщин в размере 23–25 %, а также явный крен между видами труда в сторону традиционных отношений. К тому же в 2018 году Государственная Дума отклонила закон о гендерном равенстве.

Еще более масштабным выглядит гендерный дисбаланс в политической сфере и сфере управления. Как показывает статистика, чем выше уровень власти, тем ниже там представительство женщин. Лишь 9 % ректоров вузов страны – женщины. В составе Государственной Думы седьмого созыва только 15 % – женщины. Хотя женщины и составляют 72 % российских госслужащих, при этом чем ниже должностной уровень, тем больше на нем женщин [2].

Данные явления социологи характеризуют в понятиях «липкий пол» и «стеклянный потолок». Понятие «липкий пол» описывает ситуацию, при которой «женщины по сравнению с мужчинами дольше задерживаются на начальных позициях в служебной иерархии» [6, с. 6]. «Стеклянный потолок» предполагает «некий уровень в карьерной иерархии, выше которого женщины фактически не могут подняться по разным причинам» [6, с. 3]. Совмещение ситуации «стеклянного потолка» со «стеклянными стенами» указывает на то, что вертикальная сегрегация усиливается горизонтальной, ограничивая доступ женщин к видам деятельности, гарантирующим карьерный рост.

Соответственно, культура равноправия в нашей стране имеет мало шансов стать частью общей культуры, поскольку Россия

до сих пор остается страной патриархата, базирующегося, в том числе, на самодискриминации женщин. Феминизм как теория и практика борьбы женщин за свои права по-прежнему не актуален в массовом сознании россиян. «Главное достижение феминизма в России – то, что он не умер», – считают его представительницы [4].

«Но, по крайней мере, в крупных городах усиливается понимание того, что мир изменился и что феминизм – нормальная составляющая нашей жизни... Однако растет и определенная агрессивность в отношении феминизма», – полагают исследователи [4].

«Буду бороться за право быть “телочкой”», «женщина сама виновата в совершенном над ней насилии», «феминистки – просто мужененавистницы» [1] – такие высказывания не редкость в пространстве Интернета, в том числе за авторством женщин. Фактически можно отметить, что массовое сознание по-прежнему репрезентирует гендерные стереотипы и традиционные модели поведения.

Пандемия коронавируса обозначила эту проблему как новый рубеж витка «патриархата». Статистика указывает, что женщины оказались в этот период в два раза более уязвимыми перед безработицей, поскольку пострадали в первую очередь сфера услуг и торговля.

За период самоизоляции усилилось количество случаев насилия в семье. «Консорциум женских неправительственных объединений сообщил, что количество обращений за помощью в центральном федеральном округе, включая Москву, в мае 2020 года выросло вдвое по сравнению со средними показателями за месяц», – утверждают активисты [7].

«Кризис COVID-19 рискует свести на нет значительные успехи, достигнутые странами с низким уровнем дохода за последнее десятилетие в плане вывода людей из нищеты и создания более равноправных обществ для женщин и мужчин», – сказал исполнительный директор CARE Australia Питер Уолтон [5]. Думается, что данное высказывание для нашей страны приобретет вскоре особую актуальность.

В 2019 году исследователи полагали, что для достижения гендерного равенства нашей стране, возможно, понадобится еще 108 лет [3]. С учетом пандемии как фактора изменения привычного существования и развития, а также расширяющихся авторитарных тенденций в политической и духовной жизни страны достижение указанной цели откладывается на неопределенный срок.

К тому же нарастание неопределенности и тревоги в обществе, вызванное страхом заболевания, способно придать дополнительный импульс и усилить уже протекающую архаизацию социума. Таким образом, достижение гендерного равноправия как решающего фактора конкурентоспособности страны, и соответственно, формирование культуры равноправия, представляется на текущий момент проблематичным.

Литература

1. Столярова М. «Буду бороться за право быть телочкой». В фейсбуке разгорелся большой спор о феминизме в России // Medialeaks.ru. – 15.10.2016. – URL: https://medialeaks.ru/1510mms_feminism-sratch (дата обращения: 28.02.2021).

2. В Минтруде рассказали, сколько женщин работает на госслужбе // РИА Новости. – 17.10.2019. – URL: <https://ria.ru/20191017/1559898569.html> (дата обращения: 28.02.2021).

3. Гендерный парадокс: достигнуто ли в России равноправие мужчин и женщин // Рамблер. – 04.03.2019. – URL: <https://news.rambler.ru/other/41816318-gendernyy-paradoks-dostignuto-li-v-rossii-ravnopravie-muzhchin-i-zhenshin/> (дата обращения: 28.02.2021).

4. Коробейникова А. «Главное достижение феминизма в России? Он не умер». Победы женского движения за 10 лет // 7x7 Горизонтальная Россия. – 30.05.2020. – URL: <https://7x7-journal.ru/articles/2020/05/30/glavnoe-dostizhenie-feminizma-v-rossii-on-ne-umer-pobedy-zhenskogo-dvizheniya-za-10-let> (дата обращения: 28.02.2021).

5. Пандемия в большей степени ударила по женщинам // Красная весна : информационное агентство. – 23.09.2020. – URL: <https://rossaprimavera.ru/news/e2ca83d5> (дата обращения: 28.02.2021).

6. Солнцев С. А., Рошин С. Ю. Кто преодолевает «стеклянный потолок»: вертикальная гендерная сегрегация в российской экономике. – М. : ГУ ВШЭ, 2006. – 52 с.

7. Федоренко Н. Во время карантина в России резко вырос уровень домашнего насилия. Число жалоб подскочило вдвое, а власти не смогли эффективно защитить жертв // Meduza. – 17.07.2020. – URL: <https://meduza.io/feature/2020/07/17/vo-vremya-karantina-v-rossii-rezko-vyros-uroven-domashnego-nasiliya-chislo-zhalob-podskochilo-vdvoe-a-vlasti-nesogli-effektivno-zaschitit-zhertv> (дата обращения: 28.02.2021).

Размывание границы между частным и публичным как проявление кризисности современного сознания

Аннотация. В статье рассматривается кризисность современного сознания, вызванная стиранием границ между публичностью и частностью. Происходит утрата интереса граждан к политике и проникновение частных интересов в публичную сферу. Частное пространство утрачивает функцию защиты в связи с атомизацией индивида и деградацией института семьи.

Ключевые слова: частность; публичность; атомизация; кризис семьи; индивидуализм.

В последние десятилетия исследователи отмечают размывание границы между явлениями частной и публичной жизни. Ранее в западных демократических обществах былработан механизм взаимоотношений индивида и общества, защищающий обе эти сферы от взаимопроникновения друг в друга. В своей работе «Структурные изменения публичности» Ю. Хабермас реконструирует социальные, политические и культурные предпосылки разделения этих сфер в буржуазном обществе модерна [8]. С одной стороны, в ведении публичности находились вопросы общего блага. Нейтральность и дистанцирование от частной жизни рассматривались как предпосылка к возможности рациональной дискуссии и взаимодействию субъектов во имя общих интересов. С другой стороны, в основании частной сферы лежала идея прав индивида, согласно которой все граждане имеют право на гарантированное законами и социальными нормами личное пространство.

Леся Владимировна Чеснокова, канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры социологии, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (г. Омск, Россия).

Эта специфически современная идея разделения двух сфер была направлена на защиту индивида от любого произвола и провозглашала его право на свободу и автономию. В социально-философском контексте граница между публичностью и приватностью понималась как механизм, призванный регулировать отношения человека и общества и защищающий как человека от давления со стороны государственных и общественных институтов, так и публичную сферу от проникновения в нее частных интересов. Подобная граница обеспечивала стабильность и порядок, являющиеся важнейшими человеческими потребностями и условием безопасного социального взаимодействия субъектов. Стабильность подразумевает «устойчивое состояние общества, позволяющее ему эффективно функционировать в условиях внешних и внутренних воздействий, сохраняя при этом свою структуру и основные качественные параметры» [4, с. 294].

В настоящее время обе сферы – и публичная и приватная – переживают ситуацию кризиса. Граждане утратили веру в возможность воздействия на политические процессы, в то, что политические партии могут представлять их интересы. Повсеместно наблюдаются апатия и разочарование в публичной политике. Современные люди не интересуются политическими процессами, не хотят брать на себя ответственность за то, что происходит в государстве, а всё больше заняты интересами, относящимися к области приватного: личной жизнью знаменитостей, собственным благосостоянием, потреблением, досугом, развлечениями и т. п. В общественном сознании большее значение имеет имидж и приватная жизнь политика, чем его политическая программа.

В данный момент в российском обществе отсутствует разграничение публичного и приватного пространств, в том числе на уровне государственных институтов. В недостаточной степени обеспечиваются гражданские права индивида: на жизнь, собственность, неприкосновенность личности. «Население испытывает хроническое чувство социальной униженности, связанной с недооценкой труда, с объективной невозможностью для части населения выйти из состояния бедности» [5, с. 058]. Осознание невозможности влияния на публичную жизнь приводит к уходу в

приватный жизненный мир, сферу интересов малой семьи, которая в буржуазном обществе традиционно понималась как островок стабильности в мире хаоса, где можно отдохнуть от тревог, борьбы и конкуренции. В отличие от области политики, человек в большей степени может воздействовать на свой приватный мир, приспособлявая его к собственным вкусам и потребностям.

Однако процессы трансформации затронули и сферу дома и семьи, которая в настоящий момент также переживает кризис. В результате развития цифровых технологий человек даже в собственном доме не может чувствовать себя спокойно и уверенно, поскольку даже там он не в состоянии контролировать информацию о себе. В современном глобальном паноптикуме невозможно определить, кто в настоящий момент следит за индивидом: вместо контроля со стороны государства, сейчас неизвестно, кто и с какой целью за ним наблюдает и как этот некто воспользуется полученной информацией.

Зачастую человек сам, из соображений каких-то выгод и удобств, готов отказаться от части своей приватности, что приводит к утрате контроля над собственной жизнью. В цифровом обществе возникает новая форма власти, действующая с помощью не принуждения, а соблазна. Человек посредством социальных сетей сам стремится поделиться информацией о себе, в том числе теми деталями жизни, которые ранее не предназначались для публичного распространения. В результате происходит трансформация приватной сферы. «Многое из того, что раньше носило сугубо приватный характер, начинает существовать вне физического тела – в виде цифровой информации, оставляемой личностью в информационном пространстве как социальной сцене» [6, с. 12].

Рост неопределенности связан также с распространением культуры индивидуализма. Если в традиционной культуре жизненный путь был заранее предопределен, стабилен и ограничен рамками общины, то с переходом к современному обществу увеличилась свобода действий. «Необходимость взять свою жизнь в собственные руки после того, как были поколеблены такие традиционные социальные институты, как семья или церковь,

требовала от субъекта напряжения и усилий» [7, с. 55]. Индивидуализация сознания лишила человека ощущения безопасности, подорвала его социальные связи и заставила нести бремя ответственности за свою собственную жизнь и за последствия индивидуального выбора.

В результате роста индивидуализма происходит разрыв старых связей, что порождает ощущение одиночества и отчужденности. Однако теперь невозможно найти защиту от них в пространстве собственного дома. Современность характеризуется утратой семейных ценностей и недолговечностью семейных союзов, существующих только пока оба партнера друг друга устраивают. «Пребывание у семейного очага уже не может гарантировать стабильности и бесконфликтности» [3, с. 130], о чем свидетельствует снижение количества регистрируемых браков, рост разводов и снижение уровня рождаемости.

В сфере межличностных отношений господствует дух потребительства, когда Другой воспринимается лишь как источник удовольствия, перед которым отсутствуют долгосрочные обязательства. «Обязательства, порождаемые этим новым прагматизмом, принимаются до следующего уведомления, отменяются по первому желанию и не предполагают предоставления или обретения устойчивых прав и обязанностей» [1, с. 108]. Современный человек понимает, что всего – работы, дома, семьи – можно лишиться в один момент. Это ведет к утрате устойчивости и надежности. Возрастание неопределенности человеческого бытия лишает возможности строить любые прогнозы касательно своей жизни.

Атомизация делает нашего современника гораздо более уязвимым перед политическими и экономическими кризисами по сравнению с членом традиционного общества. «Сегодняшние страхи, беспокойства и печали устроены так, что страдать приходится в одиночку» [1, с. 31]. Как отмечает С. Жижек, сегодня мы относимся к другим, их чувствам и страданиям, как к некой абстракции. Пространство приватности превращается в сферу калькулируемых удовольствий, и современному человеку проще рассказывать о своих интимных тайнах незнакомцам в соцсетях,

нежели близким. В результате стирания границы между публичным и частным «подробности интимной жизни становятся доступными каждому на веб-сайтах, а не непристойной тайной; выражаясь несколько консервативно, скандал заключается в том, что нет больше никакого скандала» [2, с. 81].

В результате утраты социальных связей человек испытывает ощущение одиночества и страха, являющиеся ценой его новой свободы. Однако выбор, который ему ежедневно приходится делать, ни в коем случае не гарантирует успеха. Очевидно, что не все могут выдержать подобное испытание. Нужно быть достаточно зрелым, чтобы суметь выдержать испытания индивидуализмом. «Поздний модерн несет глубокие изменения процессов индивидуализации, который многими людьми проживается как освобождающая возможность, однако многими другими – как эрозия структур intersубъективных условий успешного развития личности и тем самым как потеря личностной интеграции» [9, с. 168–169]. Безмерно возросшее количество возможностей сочетается с утратой социальных связей, с недостатком ориентиров и сдерживающих факторов.

Таким образом, в результате эрозии границ между частностью и публичностью страдают обе эти сферы. Происходит проникновение частных интересов в область публичной политики, утрачивается вера гражданина в возможность влияния на политический процесс. В частной сфере в результате цифровизации, атомизации общества и кризиса института семьи индивид более не чувствует себя в безопасности.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М. : Логос, 2005. – 390 с.
2. Жижек С. 13 опытов о Ленине. – М. : Ad Marginem, 2003. – 256 с.
3. Мельников М. В., Чуркина Н. А. Влияние гендерной ментальности на особенности маскулинных и феминных практик современного общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3 (53). – С. 129–132.

4. Руди А. Ш. Источники и признаки социальной стабильности // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 1 (38). – С. 294–296.

5. Фан И. Б. Роль частного лица для рядового российского гражданина // Вопросы политологии и социологии. – 2011. – № 1 (1). – С. 052–060.

6. Ходус Е. В. Интерпассивность как субъективный эффект современной медиакультуры: к постановке проблемы // Антропологические измерения философских исследований. – 2014. – № 5. – С. 7–12.

7. Чеснокова Л. В. Сфера частного как убежище от страхов и тревог внешнего мира в эпоху модерна // Вестник ОмГПУ. Гуманитарные исследования. – 2020. – № 3 (28). – С. 55–58. – DOI 10.36809/2309-9380-2020-28-55-58.

8. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 2015. – 391 S.

9. Pollman A. Schmerz, lass` nach. Die körperliche Hülle als Schauplatz autodestruktiver Privatisierung // Die Grenzen des Privaten (hrsg. von S. Seubert, P. Niessen). – Baden-Baden : Nomos, 2019. – S. 165–180.

Политика памяти и гражданственность

Аннотация. В статье обсуждается проблема тесной связи государственной, или национальной, политики памяти и политики «воспитания патриотизма и гражданственности». Автор считает это элементами государственной идеологии, доминирующей в публичном поле России в настоящее время. В условиях невозможности абсолютного контроля над информацией эффективность государственного манипулирования памятью о прошлом и формирования гражданственности в духе исключительной лояльности власти проблематична.

Ключевые слова: историческая политика; государственная (национальная) политика памяти; идеология; гражданственность; патриотизм; легитимация; мобилизация.

Одним из самых острых и сложных вызовов, с которыми сталкивается современный человек, является вызов со стороны гигантского потока информации, продуцируемой бурно развивающимися информационными технологиями. Большинство людей при встрече с этим валом информации не может отличить факты от их интерпретаций, реальность от искусственных мифологических конструкций, истину от лжи или полуправды, от идеологических, политических, религиозных и иных искажений и манипуляций. «Войны памяти» идут не только в России, опыт публичного обсуждения сложного прошлого в странах Восточной Европы показывает, что Россия в этом отношении не уникальна. Борьба интерпретаций и смыслов сопровождает и обсуждение советского прошлого. Проблема – в оценке того наследия, которое продолжает воздействовать на постсоветское настоящее. Однако

Ирина Борисовна Фан, д-р полит. наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела философии Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

это обсуждение в публичной сфере России осуществляется не естественно и свободно, а со значительными ограничениями «равенства сторон», поскольку его участники и субъекты находятся в разных «весовых» категориях. Подавляющим «весом» обладает государственная (национальная) «историческая политика», или «политика памяти». На наш взгляд, официальная политика памяти тесно связана с государственной политикой «воспитания патриотизма и гражданственности» среди молодежи. Но может ли быть эффективной такая стратегия вытеснения иных субъектов из сферы определения ценностей и целей общественного развития в эпоху информационной свободы?

Понятие гражданственности употребляется в трех основных типах дискурсов: официальном, репрезентирующем идеологию правящей партии, образовательно-дидактическом и научном, предполагающим осмысление понятия с разных идеологических позиций. Об этом нам уже приходилось писать [3; 4].

В официальной риторике первых лиц Российского государства в последние годы акцентируется задача воспитания патриотизма и гражданственности у молодежи. Продлено действие «Программы патриотического воспитания граждан на 2016–2020 годы», которая разработана «с учетом важности обеспечения российской гражданской идентичности... воспитания, направленного на формирование патриотического сознания в сложных условиях экономического и геополитического соперничества». Патриотическое воспитание в ней определяется как «систематическая и целенаправленная деятельность органов государственной власти, институтов гражданского общества и семьи по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины». Основной акцент в Программе сделан на военно-патриотическом воспитании. В поправках в Закон «Об образовании», внесенных президентом РФ в мае 2020 г., говорится о необходимости усиления патриотического воспитания. Цель последнего – «формирование чувства патриотизма и гражданственности, уважения памяти защитников Отечества и подвигов героев Отечества, к за-

кону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению» [1]. Главное в поправках – требования к организации патриотического воспитания: усиление государственного контроля над исполнением образовательными учреждениями календарного плана мероприятий по патриотическому воспитанию. В публичном дискурсе в понятиях гражданственности и патриотизма подчеркивается не столько ценностное содержание и искренность, не столько их естественное формирование в ходе социализации молодежи, сколько необходимость управляющего воздействия государственной политики. Так выявляется идеологическая функция этих понятий и прагматические мотивы власти, использующей их.

В государственной политике памяти выделяются специфические этапы. В 1990-х годах, несмотря на расцвет критического осмысления советской реальности и истории, преступления политического режима не были признаны ни на юридическом, ни на политическом уровне. Это дало возможность разворачивания в 2000-х годах эклектической платформы отношения к прошлому, в которой содержались противоречащие друг другу понятия и символы – либерально-демократические, коммунистические, националистические и т. п. Эта противоречивая конструкция «держалась на умолчании о проблемах и ответственности» [2, с. 331]. В 2010-х годах возобладала тенденция дискредитации ценностей демократии, либерализма, «критического патриотизма», произошел консервативный поворот, заявленный в Мюнхенской речи президента РФ (2007 г.). После 2014 г. усилилась прямая пропаганда милитаристски понимаемого патриотизма и манипулирование информацией и общественным мнением. Государственная политика памяти была нацелена на формирование коллективной памяти россиян в соответствии с подновленными стереотипами советской пропаганды. «Уши заказчика», или правящей политической группы, ощущались в публично утверждавшейся оценке многих этапов советской истории, и в первую очередь в культивировании победы в Великой Отечественной войне и умолчании о промахах военного руководства, о потерях и жертвах, а также в оценке государственных деятелей. Профессиональные историки

и правозащитники были обвинены в «очернительстве», «фальсификации» советской истории и «непатриотизме». Составными частями такой политики памяти являются разработка и внедрение единого «правильного» учебника истории России в школе и административные рычаги для развития провластно ориентированных молодежных движений. Политика памяти опирается на административные ресурсы всей системы власти, а также на монополию государства над СМИ и архивами. А. Миллер описал ключевые элементы «исторической политики» [2, с. 341]. Однако тактика «вытесняющего забывания» противоречивого и сложного советского прошлого, в котором существовал государственный террор по отношению ко многим слоям населения, не может полностью уничтожить травмы коллективной памяти о прошлом. Без осуждения преступлений и установления ответственности преступников коммунистического режима, без проработки травмы общества и лишь последующего прощения и примирения потомков жертв и палачей, невозможно оздоровить общественную мораль, преобразовать общество и выстроить политическую систему, ориентированную на интересы общества, а не правящей группы.

Система образования и педагогика России тесно связаны с государственной идеологией, включающей в себя и политику памяти. Понятие идеологического плюрализма отвергнуто, государство культивирует апологетику советской власти. В нынешней политике памяти сильна тенденция «нормализации сталинизма». По сути, это насилие над памятью общества, ее переозначивание, перекодирование под нужды нынешней власти. Цель всей системы идеологического воздействия – воспитание гражданина. Однако проблема заключается в том, как понимается гражданин и гражданственность. Самым важным качеством официальной модели гражданственности становится лояльность (преданность, подчинение) государственной власти, а не обществу, исполнительность, а не инициативная активность, государственный патернализм, а не политическая, правовая и моральная автономия. В патриотизме значение «приверженности отцам, собственным

предкам, прошлому, истории семьи и общества» замещается лояльностью «отцам» государства.

Официальная политика памяти тесно связана с государственной системой образования, она носит дидактический характер, на ее основе конструируются программы формирования «правильной» гражданственности у молодежи. Такая политика памяти стала инструментом формирования государственной модели гражданственности. И государственная политика памяти, и «политика гражданственности», – элементы одной стратегии сохранения власти правящим классом путем мобилизации молодежи и части общества на поддержку действующего курса. Идеология правящей партии служит средством легитимации действующей политической элиты и мобилизации масс. Однако эффективность манипуляции памятью о прошлом и информацией о настоящем не может быть бесконечной.

Литература

1. Воронов А., Васильева А. Закон об образовании правят в воспитательных целях // Коммерсант. – 2020. – 31 июля. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4379291> (дата обращения: 10.02.2020).
2. Историческая политика в XXI веке : сборник статей / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 648 с.
3. Фан И. Б. Гражданство и миграция в политических концепциях XX века // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. – 2009. – Вып. 8. – С. 257–278.
4. Фан И. Б. Дискурс патриотизма: от многообразия к монополии // Дискурс-Пи : научный журнал. – 2013. – Вып. 11-12. – С. 147–153.

Методы и подходы к изучению локальных сообществ периода постиндустриализма

Аннотация. Развитие постиндустриализма повлекло за собой ряд изменений общественного характера в глобальном масштабе и трансформировало структуру общества. Процессы, протекающие в мире, становятся всё более непредсказуемыми и подвержены влиянию случайных факторов. Исследование особенностей существования локальных структур становится невозможным в рамках линейной динамики, и нужно определить подходы и методы, соотносящиеся с происходящими изменениями.

Ключевые слова: постиндустриализм; локальные сообщества; синергетика; холизм; интегральный подход.

Начавшись в отдельных развитых индустриальных центрах США и стран Европы, во второй половине XX века изменения, получившие далее название «постиндустриализм», постепенно трансформировали жизнь, экономику и общественный уклад повсеместно, в глобальном масштабе. Особенности нового уклада были описаны в работах таких исследователей, как Р. Арон (1959), Дж. К. Г. Гэлбрейт (1967); Д. Белл с работами «Грядущее постиндустриальное общество» (1973) [2] и «Культурные противоречия капитализма» (1978).

С течением времени теоретическая концепция постиндустриального общества Д. Белла, получившая широкое распространение в исследовательских кругах Запада, подверглась резкой критике со стороны таких исследователей, как К. Кумар, Ф. Уэбстер, С. Г. Кара-Мурза, и других. В 2010-х годах начал фиксироваться

Евгения Владимировна Ореховская, преподаватель, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия).

ряд противоречий между заявленной теорией ПИО и действительностью. Так, П. А. Водопьянов и Ч. С. Кирвель заметили, что, вопреки ожиданиям, университеты со своим творческим потенциалом так и не смогли стать «центральным социальным институтом общества», но этим центром очень часто является банк. «В самом лучшем случае то, что называли постиндустриализмом, превратилось в новый виток научно-технической революции, продолжением техногенного пути развития на основе более рафинированных технологий» [3, с. 76]. Т. В. Красавина уточняет, что к 2010 году теория постиндустриального общества существовала скорее как методологический принцип, в рамках которого происходит построение новых, более совершенных концепций, а концепция информационного общества представляется как его составная, но не всеобъемлющая часть, которая по большей мере акцентирует внимание на технологическом аспекте будущих изменений [6, с. 36].

Фрэнк Уэбстер считал концепцию постиндустриального общества Белла спорной с эмпирической, теоретической и методологической точек зрения и абстрактной в целом, отметив, что она разработана Д. Беллом как аналитическая конструкция, а не описание конкретного общества [11, с. 43]. Российские ученые-философы Д. В. Базыкин, В. Е. Лепский склонны считать, что теория Белла является *прогностической*, и в связи с этим наблюдается существенная разница между предположенными тенденциями и происходящими в действительности процессами. В. Е. Лепский отмечает, что теория постиндустриализма не несет в себе *проектный подход*, а скорее является *прогнозной моделью* или, другими словами, представляет собой *модельный подход прогностического типа*. Результаты этой модели могут использоваться разными субъектами в своих интересах, в том числе манипуляциях, для достижения своих целей [5].

Исследуя методологию постиндустриализма Белла, исследователь Д. В. Базыкин приходит к выводу, что она основана на принципе *антихолизма* и является неоконсервативной, так как делит общество на различные независимые сферы, которые взаимосвязанно изменяются. Из-за применения такой антихолистической по сути методологии, Белл так и не смог сформулировать

цельное видение мира, и его мнения, относящиеся к области таких сфер, как культура, политика и экономика, являются противоречивыми [1, с. 140].

При рассмотрении вопросов развития постиндустриального общества авторы так или иначе опираются на представления о *линейном развитии, детерминизме*, то есть обозначают некую предопределенность развития. В то же время еще Э. Тоффлер заметил, что любая попытка понять биологические и социальные системы, которые носят открытый характер, в рамках механистической модели заведомо обречена на провал [9, с. 17]. Отсюда можно сделать вывод, что методологии, учитывающие нелинейность, непредсказуемость развивающегося общества, включающие комплексный характер изменений и вероятностные события, будут более приемлемыми для исследования перспектив социальных структур. Из последних примеров можно привести пандемию COVID-19 и блокировку Суэцкого канала грузовым кораблем, последствия которых будут ощущаться годами.

На наш взгляд, при изучении общественных преобразований, происходящих в современном мире, для определения перспектив развития как всего общества, так и локальных сообществ, будет более продуктивно уйти от механистической модели, с характерным для нее линейным поступательным развитием, в сторону нелинейного прогнозирования, перехода от антихолизма к холизму. Такой подход демонстрирует синергетическая парадигма, в которой присутствует «холизм и элементаризм, непрерывно переходящие друг в друга», и ее признание ознаменовало переход от классической науки к постнеклассической. основополагающими методологическими принципами синергетики указываются *неравновесность, открытость и нелинейность*, что близко по своим характеристикам к процессам глобализации. Для синергетики характерно обращение одновременно и к целому, и к его части, что позволяет применить ее как для анализа всего общества постиндустриализма, так и его локальных частей [13, с. 80–82].

Синергетику в качестве потенциального метода исследования общества рекомендовали применить Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов. На основе синергетической парадигмы ими была констатирована невозможность навязывания путей развития си-

стемам, имеющим сложную организацию; явление хаоса как созидающего конструктивного начала; вариативность путей развития для сложных систем; а также определены принципы сборки сложного эволюционного целого из частей, и другое [7]. Все эти направления могут быть использованы для изучения изменений в локальных структурах и обществах периода постиндустриализма, особенно в области структурирования сообществ, проблем их создания и распада.

Более верно, по сравнению с теорией постиндустриализма, изменения представлены в теории глобализации Р. Робертсона, где он описывает процессы, уже происходящие в обществе в глобальных масштабах, и дальнейшую трансформацию ее в глокализацию, подчеркивающую необходимость усиления местных кусков [15]. Сложность и комплексность процессов, протекающих в период глобализации, позволяют обратиться, наряду с *синергетическим подходом*, к применению других, *комплексных методов*, интегрирующих достижения различных подходов и школ, для лучшего понимания и анализа процессов социально-исторического развития общества. Ряд авторов предлагает для решения этой задачи применить *интеграционный (трансдисциплинарный) подход*, включающий в себя знания различных областей наук, положения как социологии, так и психологии, теории организаций и управления, учитывающей личностные качества. Трансдисциплинарность по сути и есть «интегративно-синтетическая, конвергентная и *холистическая методология* исследования многомерных социальных миров, выводящая на путь познания целостности внутренне сложного и не редуцируемого к простым основаниям предмета исследования», – указывает А. А. Шевелев [14, с. 58].

Основываясь на принципах холизма, Кен Уилбер, американский философ и социальный мыслитель, последователь П. Сорокина, пересмотрел эпистемологию и онтологию социальной реальности и от уплощенного материализма перешел к формированию цельного видения развития общества, разработав *интегральную метатеорию* [14, с. 59]. Соответственно, и подход был назван *интегральным* и описан Уилбером в его Теории Всего [10].

Интегральный подход используется такими современными исследователями, как Клинт Фус, который применил его к анализу лидерства в сообществах и организациях [12], Фредерик Лалу, применивший холистическую методологию к определению градации организаций по пути становления в них сообществ [8].

Указанная теория из-за своей всеохватывающей основы оптимально подходит для синтетического описания процессов, происходящих в постиндустриальном обществе, и в том числе в локальных сообществах, так как учитывает социально-исторические аспекты развития, достижения в различных теориях и методиках [14]. Ю. Емельянова отмечает, что теория интегральной социальной сущности человека, рассмотренная в рамках эволюционного подхода, видит в человеке существо уникальное, «итог развития не только живого мира планеты, но всего Космоса» [4, с. 13]. При таком подходе учитывается вся сложность, многомерность, неоднозначность духовно-материального процесса исторического развития. Фактически эта теория делает акцент на трансдисциплинарном подходе к исследуемым проблемам развития общества, выделяя интегральную стадию как принципиально новый этап эволюции человечества, которая, как считал К. Уилбер, вбирает в себя все самое прогрессивное от предыдущих стадий развития человечества [10].

Таким образом, с социально-философской точки зрения интегральная теория, в рамках эволюционного подхода на основе холистической методологии, включающей трансдисциплинарность и синергетическую парадигму, будет оптимальной основой для рассмотрения общественных изменений постиндустриализма не только в глобальном масштабе, но и для исследования локальных его частей, в том числе сообществ.

Литература

1. Базыкин Д. В. Теоретические и методологические основы теории постиндустриального общества // Новые идеи в философии. – Пермь : ПерГНИУ, 2007. – № 16. – С. 131–150.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М. : Academia, 2004. – 788 с.

3. Водопьянов П. А., Кирвель Ч. С. Постиндустриализм: проблемы и перспективы развития // Труды БГТУ. История, философия, филология. – 2011. – № 5 (143). – С. 74–79.
4. Емельянова Ю. Социально-философская и социологическая интерпретация общественных изменений на рубеже XX–XXI веков // Український соціологічний журнал. – 2015. – № 1-2. – С. 6–15.
5. Калашников М. Постиндустриализм: глобальная иллюзия? : круглый стол в Институте динамического консерватизма // Изборский клуб. – 09.06.2012. – URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/443/> (дата обращения: 01.11.2020).
6. Красавина Т. В. Содержание, формы, особенности постиндустриального общества // Вестник ЧелГУ. – 2010. – № 5. – С. 36.
7. Курдюмов С. П., Князева Е. Н. У истоков синергетического видения мира // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления : сб. ст. / Рос. АН, Ин-т философии ; отв. ред. И. А. Акчурин, В. И. Аршинов. – М. : АРГО, 1994. – С. 162–186.
8. Лалу Ф. Открывая организации будущего / пер. с англ. В. Кулябиной. – М. : Манн, Иванов, Фербер, 2016. – 432 с.
9. Тоффлер Э. Предисловие // Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой : пер. с англ. – Изд. 4-е. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 312 с.
10. Уилбер К. Теория всего: интегральный подход к бизнесу, политике, науке, духовности / пер. с англ. Е. Пустошкина. – М. : Постум, 2017. – 288 с.
11. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной ; под ред. Е. Л. Вартановой. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
12. Фус К. Развитие перспектив и присутствия через развитие стадий структур и стадий состояний. Ч. 3: Развитие перспектив и присутствия через развитие стадий структур и стадий состояний. – URL: <https://sites.google.com/site/integralblog/home/fuhsstructuresstates> (дата обращения: 01.11.2020).
13. Цырендоржиева Д. Ш. Динамика общества: синергетический анализ // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 316, № 6. – С. 79–82.
14. Шевелев А. А. Интегральный (трансдисциплинарный) подход в философии, политической экономии и институционализме // Проблемы современной экономики. – 2018. – № 3 (67). – С. 58–62.
15. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. – London : SAGE, 1992.

Этические вызовы современности: модерн – постмодерн – метамодерн

Аннотация. В фокусе рассмотрения доклада – смена этической установки в разных культурных логиках: логиках модерна, постмодерна и метамодерна. Базовое различие двух последних рассматривается в методологической парадигме выдвинутого метамодернистами концепта «структура чувств». В этической парадигме решающей оппозицией оказывается противостояние двух «структур»: иронии и пост-иронии.

Ключевые слова: классическая этика; этика постмодернизма; метамодерн; структура чувств; ирония; пост-ирония.

Быстротекущая современность затрагивает как поверхностные, так и глубинные качества человеческого бытия. Сфера этического, безусловно, относится к последним. На протяжении многих веков моральные принципы, установки, ориентиры, по большому счету, только уточнялись, разворачивались, углублялись, не меняясь в своих базовых основаниях. По крайней мере, это касается периода становления и утверждения на европейском континенте христианской культуры. Категорический императив Канта – этот, как он утверждал, «голос Бога» в душе человека, стал, можно сказать, вершиной в формулировании основного принципа классической этики, именно вокруг него разворачивается вся система кантовской и, по сути, общеевропейской этики долга.

Данная этика базируется на двух предельных основаниях: метафизичности и императивности. То есть, прежде всего, мораль принципиально внеположена человеческому бытию. В том смысле, что она предшествует поведению человека, его суждениям и

Галина Андреевна Брандт, д-р филос. наук, доцент, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

оценкам. Человек может ее в разной степени присваивать, лично перерабатывать или сознательно отвергать (понимая масштаб ответственности своего протеста – против «голоса Бога»), но изначально мораль существует как внешний императив, как кодекс предписаний: от «не убий» до «относись к человеку всегда только как к цели».

Все это было свойственно этическому сознанию вплоть до последней трети XX века. Можно спорить, является ли постмодерн отдельной эпохой или это кризисный этап модерности – в любом случае моральные метаморфозы, происходящие в этот период, чрезвычайно значительны. Изменился сам тип реальности, которая, по словам Теодора Адорно, «имеет в наши дни такую огромную власть, она (реальность. – Г. Б.) требует от человека такой исключительной изворотливости, подвижности и приспособляемости, что любая деятельность на основе общих принципов становится просто невозможной» [1, с. 141]. То есть эта новая реальность, считают постмодернисты, продуцирует неэффективность «общих принципов», они перестают быть императивами, перестают быть правилами, обязательными к исполнению. Они всегда нарушались, но при этом люди, повторимся, знали, что нарушают какие-то непреложные основы. Здесь же речь о стирании, исчезновении самих основ.

Читаем дальше Адорно: «Кантовские нравственные принципы предполагают некое прочное, цельное Я, которого больше не существует. Тот, кто сегодня действует на основе общих принципов, кажется безнадежным педантом... Сама жизнь искажена, изуродована настолько, что ни один человек уже не способен жить правильно...» [1, с. 141]. Некое прочное, цельное Я Канта имеет причину своей «цельности и прочности» в метафизических моральных основаниях, в принципах «должного». Поступать, как должен поступать Человек – представитель человечества. В постмодерне этот Человек перестает восприниматься всерьез, находясь в новом типе реальности, люди иронизируют над ним как над определенной мыслительной конструкцией, над пафосом его претензий на императивность и универсальность.

Этика постмодернизма, утверждают исследователи, принципиально ненормативна и неметафизична. Она спонтанна, ситуативна, базируется на конкретной эмоции, а не на общем рациональном основании. Например, Зигмунд Бауман пишет, что «мораль в ситуации хаоса возникает эмерджентно внутри скоротечных солидарностей, моральные Я не ищут себе этических оснований, но создают их в процессе самосоздания» [8, р. 17–20]. Иными словами, моральные поступки вырастают из спонтанных чувств, исключительно в конкретной ситуации человеческого стояния «лицом-к-лицу» с Другим. И случаются не в результате давления моральных универсалий, они определяются чувством «неотвратимой неизбежности».

Мишель Фуко также отрицает значимость «моральных дедуктивных канонов» в функционировании современной морали, он убежден, что сегодня можно говорить не о выполнении общих предписаний, а о творческом «управлении собой», или о «стилизации поведения» (см. об этом: [4, с. 29]). Эту тенденцию теории постмодерна обозначают как процесс «эстетизации этики», как утверждение «этики вкуса» [7, с. 30].

Прежде чем обозначить позицию теоретиков (только еще определяющегося) движения – метамодерна, необходимо представить выявленную ими методологическую категорию «структура чувств»: «метамодернизм представляет собой структуру чувства, возникшую в 2000-х годах и ставшую доминантной культурной логикой западных капиталистических обществ» [2]. Структура чувств – это «определенный тип восприятия, эмоция, столь распространенная, что ее можно назвать структурной», это определенная форма чувственности, это «вроде «культурной надстройки в классическом марксистском понимании этого слова». Ей, как свидетельствуют сами исследователи, трудно дать четкое определение: «структура чувства представляет собой эмоцию или, скорее даже, восприятие – оно присуще каждому из нас, каждый его осознает, но вот дать ему точное определение очень и очень трудно, если, конечно, вообще возможно» [2].

Так вот, главный водораздел в этике постмодернизма – метамодернизма находится в сфере как раз структуры чувств. Базо-

вой структурой постмодернизма, как известно, является ирония: некая опередающая установка, некий универсальный «этос», в котором «трансцендентные ограничения становятся неотложным творческим, философским и политическим проектом». Приведем в этой связи понимание «ироника» Ричарда Рорти: «Я использую слово “ироник” для обозначения людей, готовых примириться со случайностью своих, его или ее, самых главных убеждений и желаний, – тех, кто является историцистом и номиналистом в достаточной мере, чтобы отказаться от мысли, что эти главные убеждения и желания соотносятся с чем-то за пределами досягаемости времени и случая» [6]. Для обозначения метамодернистской структуры чувств авторы используют понятие «пост-ирония». Один из исследователей метамодерна филолог Ли Константину в своей статье «Четыре лика пост-иронии» подчеркивает: не нужно путать последнее с «анти-иронией», поскольку для них важно «сохранить постмодернистские критические озарения»¹, но использовать их «для обсуждения или представления исключительно старых человеческих истин, связанных с духовностью, чувствами, обществом и идеями» [5], то есть всего того, что находится как раз «за пределами досягаемости времени и случая».

Константину утверждает, что отчетливее всего смену структуры чувств «можно проследить через искусство, обладающее способностью выражать совместный опыт, приобретаемый в определенный временной промежуток на определенном пространстве» [5]. Автор подробно анализирует произведения американских писателей, работающих в этой «новой культурной логике». Думается, интересно проследить, как с этой «логикой» обстоят дела в современном российском искусстве. Причем речь идет об искусстве, создатели которого, сошлемся еще раз на статью, «редко полагают, что могут повернуть часы вспять (постмодернизм нельзя игнорировать или отмахиваться от него), но при

¹ Вообще метамодерн, как утверждают авторы, по природе своей представляет собой колебание, он «осциллирует между энтузиазмом модерна и постмодернистской насмешкой, между надеждой и меланхолией, между простодушием и осведомленностью, эмпатией и апатией, единством и множеством, цельностью и расщеплением, ясностью и неоднозначностью» [3].

этом стремятся восстановить то, что постмодернизм нарушил или погубил...» [5]. Есть ли стремление художников, отдавших в свое время дань постмодерну, восстановить Высшие смыслы, без которых межчеловеческие – и, конечно, этические прежде всего – связи видятся им поверхностными, неустойчивыми, хаотичными, и потому глубоко неудовлетворительными?

Назовем здесь только одно имя – драматурга, кино- и театрального режиссера, актера Ивана Вырыпаева, весь творческий путь которого мог бы стать яркой иллюстрацией постепенной смены этих культурных логик. От «Кислорода» (пьесы, спектакля, фильма), где автор бросает открытый вызов главным заповедям европейского человечества, собственно – самому институту Высших моральных канонов, до, например, широко идущей на современных сценах пьесы «Пьяные», где самым сокровенным желанием (которое можно открыто выразить только тогда, когда рацию с его ограничениями отключено: отсюда «пьяные») самых разных людей – директора кинофестиваля и офисных менеджеров, банкиров и их жен, модели и сотрудника строительной компании, проститутки и просто «красивой девушки» – оказывается «слышать в своем сердце шепот Бога».

Литература

1. Адорно Т. В. Проблемы философии морали / пер. с нем. М. Л. Хорькова. – М. : Республика, 2000. – 239 с.
2. Аккер Р., Вермюлен Т. Периодизируя 2000-е, или Появление метамодернизма // *Метамодернизм: историчность, аффект и глубина после постмодернизма* / пер. с англ. В. М. Липки ; под ред. Р. Аккера, Э. Гиббонс, Т. Вермюлена. – URL: <https://metamodernizm.ru/four-faces-of-postirony/> (дата обращения: 02.04.2021).
3. Вермёлен Т., Аккер Р. Заметки о метамодернизме / пер. А. Есипенко // *Metamodern* : журнал о метамодернизме. – 2015. – 2 дек. – URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> (дата обращения: 02.04.2021).
4. Волков В. Н. Постмодернистская этика и эстетика: отказ от ценностно-нормативного // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. – 2014. – № 3. – С. 9–34.

5. Константи́ну Л. Четыре лика пост-иронии // *Метамоде́рнизм: историчность, аффе́кт и глубина после постмоде́рнизма* / пер. с англ. В. М. Липки ; под ред. Р. Аккера, Э. Гиббонс, Т. Вермюлена. – URL: <https://metamodernizm.ru/four-faces-of-postirony/> (дата обращения: 02.04.2021).

6. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность // *Центр гуманитарных технологий*. – 10.12.2010. – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5152/5154> (дата обращения: 02.04.2021).

7. Шустерман Р. Прагматическая эстетика: живая красота, переосмысление искусства : пер. с англ. – М. : Канон+, 2012. – 408 с.

8. Bauman Z. *Life in Fragments: Essays on Postmodern Morality*. – London : Blackwell, 1995. – 237 p.

Вторжение виртуальной реальности в повседневность: кризисное явление или перспектива развития?

Аннотация. В данной работе автор показывает влияние виртуальной реальности на повседневную жизнь человека. В статье рассматривается отношение к онлайн-захвату повседневности у нескольких поколений. Автор приводит ряд примеров проникновения виртуальной реальности в повседневные занятия человека из разных сфер: в работу, путешествия, экономические процессы, бытовые реалии и т. д. Выдвигается тезис о виртуальной реальности в XXI веке как о равноценном способе бытия человека. Рассматриваются положительные и отрицательные стороны «прихода» виртуальной компоненты в социум. Затрагивается мысль о том, что «захват повседневности» виртуальной реальностью способствует усилению разрыва между поколениями в обществе. Автор оставляет открытым вопрос, останется ли «основной» для индивида «реальная реальность» или виртуальный мир отвоюет передовую позицию в жизни современного общества.

Ключевые слова: виртуальная реальность; виртуализация повседневности; Поколение Z; киберпространство; вовлеченность; информационные технологии.

Вопрос о том, что есть реальность, а что лишь имитация реальности, иллюзия, волновал людей в древние времена и волнует до сих пор. Еще две с половиной тысячи лет назад Платон подарил нам образ пещеры, в которой узники могут наблюдать за миром и пытаться постичь его лишь по смутным

Елена Владимировна Шлегель, преподаватель факультета журналистики и медиакоммуникаций, аспирант 4-го курса направления «Философия, этика и религиоведение», АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

тениям на стене [11]. Для современных поколений транслятором идей Платона стал оscarоносный фильм братьев Вачовски «Матрица»: красная таблетка против синей таблетки, иллюзия против реальности. Распознать, что настоящее, а что лишь проекция настоящего, невероятно сложно.

Эта проблема получила новый виток со стремительным развитием компьютерных технологий, которые сделали немыслимое до этого – виртуальный мир стал практически «осязаем». В недрах Всемирной паутины возникла новая реальность – виртуальная. И она уже не ощущается как иллюзорная, она такая же настоящая, как и всё то, что мы можем потрогать, понюхать или ощутить. Более того – с приходом новых технологий мы можем говорить не о двух, а о целом множестве реальностей, которые окружают человека. Кто-то может считать эту «экспансию виртуальности» кризисным явлением современности, кто-то увидит в ней небывалые ранее возможности и перспективы развития общества. Вопрос весьма дискуссионный.

Виртуальной реальностью называют искусственную среду, которая создается при помощи современных компьютерных технологий. Многие исследователи сходятся на том, что в этой искусственно созданной реальности человек зачастую не способен различать события реального и виртуального миров, «мир дан ему непосредственно в его ощущениях, а они оказываются на этом уровне неразличимыми» [13, с. 12].

Однако можно смело утверждать, что виртуальная реальность – это не только порождение компьютерной мысли. Разве кино – это не виртуальная реальность? Театр, телевидение, книги, в конце концов? Разве, читая книгу и погружаясь в пучину воображения, которую вызывают образы автора, мы не находимся в некоей виртуальной реальности? Разве работа нашего сознания, наше воображение – не порождение виртуальности, не ее творение? Более простое и точное определение, с нашей точки зрения, дает британский философ и физик Дэвид Дойч, который говорит, что этот термин относится к любой ситуации, когда у человека искусственно создается ощущение пребывания в определенной среде [3, с. 107].

Для старшего поколения использование новейших технологий и погружение в мир виртуальной компьютерной реальности зачастую бывают некомфортны. Эта реальность воспринимается как нечто чуждое, искусственное, не настоящее. Сколько родителей, бабушек и дедушек испереживались по поводу того, что дети постоянно «сидят в компьютере», играют в вымышленных вселенных онлайн-игр, создавая в фэнтези-симуляциях персонажей-игроков, которые иногда становятся практически дополнительной личностью ребенка, новой онлайн-идентичностью. Большая часть современных детей и подростков хоть раз надевала шлем и перчатки дополненной реальности, уносясь в порыве игры в симулированные миры. Для них виртуальная реальность вполне близка, понятна и не вызывает опасения. На смену поколению, которое взяло в руки компьютерную мышь лишь в зрелом возрасте, пришло так называемое Поколение Z, для которого гаджет – это атрибут телесности, а не просто «сподручное средство» [10, с. 60]. И не только потому, что они с раннего детства начинают постигать эту реальность, воспринимая ее такой же данностью, как Интернет или мобильный телефон. Нет. Потому что весь мир вокруг них наполнен этой виртуальной реальностью, для них это – естественная среда обитания. Новое поколение не страшится этой реальности, оно прекрасно понимает ее границы. Взаимодействие человека с виртуальной реальностью стало частью его жизни, его каждодневных занятий, частью быта. Те же компьютерные игры становятся отличным примером того, что игра перестала быть обособленной от обыденности: «компьютерные игры с их возможностью создания максимально реалистичных виртуальных миров, с одной стороны, уводят из реального мира, мира повседневных дел... с другой стороны, игра стала обычным, иногда рутинным занятием, тесно связанным с повседневной жизнью человека» [12, с. 77]. В некоторых играх, например, можно обменивать игровую валюту на реальную, зарабатывать деньги, проходить собеседования на работу и т. д. В Донском государственном техническом университете 18 марта 2020 года провели лекционное занятие в виртуальном пространстве популярной компьютерной игры Minecraft, где геймеры совместно

могут создавать любые здания, по кирпичикам сооружая стены, крыши и другие объекты. Студенты своими силами построили виртуальную аудиторию, которая имитирует их учебный кабинет.

Вся повседневная жизнь сегодня строится и существует по типу виртуальной реальности. Если оглянуться, то можно увидеть, что виртуальный мир уже лет 15 присутствует практически во всех сферах человеческой жизни. Доля россиян, заказывающих товары в онлайн-магазинах, уже превысила 40 % [4]. Разве это не пример виртуальной реальности, прокравшейся в нашу повседневность? А прогулки по Google-картам? Это ведь не что иное, как виртуальное представление окружающей реальности, созданное на основе миллионов панорамных фотографий. Примеров масса: архитекторы создают виртуальные прототипы зданий, рисуя симуляции квартир в 3D-формате, чтобы покупатели могли по ним пройти и выбрать нужную для себя планировку. Битвы на финансовых рынках напрямую связаны с игровыми технологиями. Появление беспилотных автомобилей, «облачных» ресторанов, систем «умных домов» — это не прогнозы на будущее, это уже реальность, которая через пару лет может стать «прошлым», уступив место новым формам и форматам проникновения виртуальности в повседневность. Происходит трансформация коммуникационных процессов и настоящая виртуализация культурных практик повседневности, то, о чем писал еще М. Маклюэн [9]. Городские культурные практики уходят в сетевое пространство. В качестве простого наглядного примера можно рассмотреть организацию любого городского праздника, например «Дня города». Помимо офлайн-мероприятий, в него будет включен целый спектр элементов «онлайн»: покупка электронных билетов на платные площадки, онлайн-трансляции с основных локаций праздника, подготовка целого арсенала специальных хэштегов для «постинга» фотографий в социальных сетях, проведение в этих же соц. сетях конкурсов и квестов, создание интерактивных карт главных площадок праздника и т. д. При этом те, кто оказывается в стороне от этих онлайн-процессов, в полной мере ощущают изолированность и отчуждение от большей части аудитории [8, с. 35].

Вследствие пандемии COVID-19 практически каждый из нас впускал элементы виртуальной реальности в свою повседневность: онлайн-конференции и переговоры, занятия у школьников и студентов, сотни театров мира транслировали свои представления онлайн. Находясь с родными на разных материках, вы могли одновременно наслаждаться произведениями искусства и делиться впечатлениями, притом что ваши реальные тела не выходят за пределы квартир. Но кто скажет, что это не реальное общение и эмоции? Являясь, по сути, лишь производной «реальной реальности», реальность виртуальная проникает в породившую ее среду, интегрируя в нее и, зачастую, становясь равной ей, а то и беря верх над ней. Она теперь – равноценный способ бытия человека. Тени становятся реальнее фигур, которые их отбрасывают. И в этих условиях родились и существуют представители молодого поколения.

Виртуальная реальность в XXI веке стала частью объективного мира, утратив свой статус принадлежности исключительно сфере новых компьютерных технологий. Геймификация из онлайн перешла в офлайн. При этом, и это очень важно, даже в том случае, когда виртуальной компоненты нет, современная жизнь все равно строится по игровым технологиям. Квесты практически захватили многие сферы повседневности: мы видим квесты в туризме, в маркетинге, музыкальной практике и т. д. Игра, компенсируя заурядность повседневного бытия, позволяет выйти за пределы реальности, спастись от надоевшей «бытовухи». Как никогда актуальным становится тезис Бодрийяра: «Мы живем в мире симулякров» [1]. Происходит, своего рода, экспансия виртуальности: «Искусственно созданный мир превращается из “зеркального подобия” реальности в самостоятельную и относительно автономную систему, влияющую на современную социокультурную среду, отношения, сознание и личность современного человека» [6]. Практически все значительные денежные операции происходят в онлайн, а пост Дональда Трампа в Твиттере о том, что он подхватил коронавирус, может обрушить финансовые рынки.

Основную часть населения, вовлеченного в виртуальную реальность, составляют представители Поколения Z (теория поколений Нила Хоува и Уильяма Штрауса) [15]. Имея гаджет в руках с самого рождения, именно они способны максимально быстро и просто освоить новые технологии. Вполне логично предположить, что непрерывающееся пребывание в виртуальности формирует (и уже формирует) у них новый тип мышления, который, несомненно, окажет сильнейшее влияние на дальнейшее развитие общества в сторону диджитализации в окружающей нас действительности. Плюсы «прихода» виртуальной компоненты в социум весьма очевидны: экономия времени (электронный документооборот; в условиях растущих мегаполисов, пробок и ускорения темпов жизни иметь возможность побывать где-то, при этом физически не перемещаясь, весьма важна); новые технологические возможности – появилась возможность смоделировать сложные технические устройства и процессы в виртуальном формате, областей применения этих технологий масса – космические исследования, архитектура, машиностроение, материаловедение, фармацевтика и т. д. Можно провести моделирование дорогостоящего оборудования и выявить слабые места, даже не выпуская тестовый образец. Иными словами – огромная экономия средств. Не будем забывать и о возможности виртуализировать физические явления, тем самым предсказывая, например, природные катаклизмы, поведение комет и астероидов, в конце концов – возможное будущее нашей галактики. Еще одна важная для социума возможность, пришедшая с технологиями виртуализации, – сохранение культурного наследия. Мы можем реконструировать исторические события и культурные объекты, осуществить цифровое 3D-моделирование памятников наследия для сохранения в веках. Далее, использование виртуальной реальности открывает новые возможности в процессе психотерапии и позволяет видоизменять исследовательские парадигмы в когнитивной, организационной, социальной, педагогической и клинической психологии [2]. Не будем забывать и о плюсах межличностной коммуникации удаленных друг от друга пользователей, притом что современные технологии позволяют передавать не только изображения и зву-

ки, но и прикосновения. Погружение в виртуальную реальность также может рассматриваться в качестве прекрасной профилактики стрессов – после тяжелого дня на работе или, например, в школе человек может погрузиться в желанный фантастический мир, временно отдохнув и забыв о своих проблемах.

При этом нельзя не сказать и о потенциальных негативных последствиях виртуальной экспансии. Первое – это возможные проблемы со здоровьем человека. Уменьшение физической нагрузки ведет к большим проблемам с сердечно-сосудистой системой, нарушениям работы опорно-двигательного аппарата и т. д. От постоянной нагрузки на глаза возникают проблемы со зрением. Опасение вызывает и психологическое здоровье людей, особенно в детском и подростковом возрасте: злоупотребление гаджетами порождает явление виртуальной аддикции – психологической зависимости людей от систем виртуальной реальности [5]. Яркий пример – компьютерные игры, которые затягивают подростков настолько, что они иногда оказываются не в состоянии адекватно функционировать в реальном мире, путая реальность и игру. Следующая опасность – развитие технологий манипуляции сознанием человека в системе виртуальной реальности. Основатель одной из первых VR-компаний Джером Ланье, например, открыто заявляет, что эта технология может превратиться в машину для манипуляции людьми [7].

Нельзя не отметить, что «захват повседневности» виртуальной реальностью способствует усилению разрыва между поколениями, ибо виртуальная реальность занимает значительное место в повседневной жизни современной молодежи, в то время как старшее поколение всё-таки воспринимает новые реалии с некоторой опаской. Хотя и этот тезис небесспорен: по результатам исследования Л. Темновой и М. Медниковой, представители поколений Y (1984–2000 гг. рождения) и Z примерно в равной степени вовлечены в виртуальную реальность – деятельность, связанная с ней, занимает около 33,0 % от общего количества упоминаний разных видов досуга [14]. Однако нельзя отрицать, что в ментальности нового поколения с приходом виртуальных

технологий происходят глубинные изменения, и эта тема требует особого осмысления.

Анализируя все вышесказанное, мы можем выдвинуть тезис о том, что «захват повседневности» виртуальной реальностью – это уже свершившийся факт, данность жизни нашего социума. Несомненно, присутствие технологий виртуальной реальности в обществе будет только усиливаться, форматы этого присутствия будут становиться все разнообразнее и продолжат глубже вплетаться в наши бытовые реалии. Вопрос о том, какая реальность выйдет для индивида на первый план в ближайший десяток лет, что выберет человек – синюю или красную таблетку (или всё-таки выберет адекватный нашему восприятию гибрид), остается открытым.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция // Литмир : электронная библиотека. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=183034&p=1> (дата обращения: 04.02.2021).
2. Войскунский А. Е., Меньшикова Г. Я. О применении систем виртуальной реальности в психологии // Вестн. Моск. унта. Сер. 14 : Психология. – 2008. – № 1. – С. 22–36.
3. Дойч Д. Структура реальности / пер. с англ. Н. А. Зубченко ; под общ. ред. академика РАН В. А. Садовниченко. – М. : Ижевск : РХД, 2001. – 398 с.
4. Тренды рынка онлайн-торговли. – Яндекс.Маркет : GfK, 2019. – URL: https://yastat.net/s3/milab/2019/gfk/market_gfk_2019.pdf (дата обращения: 20.12.2020).
5. Коловоротный С. В. Виртуальная реальность: манипулирование временем и пространством // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2003. – № 1.
6. Королева Н. Н. Экспансия виртуальности // Universum : Вестник Герценовского университета. – 2011. – № 9. – С. 76–78.
7. Ланье Д. VR-технология может стать средством манипуляции людьми // VR-Journal. – URL: <https://vr-j.ru/news/dzharon-lane-vr-tehnologiya-mozhet-stat-sredstvom-manipulyatsii-lyudmi/> (дата обращения: 20.01.2021).
8. Лисенкова А. А. Виртуализация городских культурных практик // Культура и образование. – 2016. – № 3 (22). – С. 31–36.

9. Маклюэн Г. М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. – М. : Жуковский : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2003.

10. Мясникова Л. А., Шлегель Е. В. Трансформация межпоколенческих ценностей и механизмов их передачи // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – № 5 (439). – Философские науки. – Вып. 56. – С. 59–67.

11. Платон. Государство. Кн. седьмая (в переводе А. Н. Егунова) // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 3. – М. : Мысль, 1994.

12. Соколова Н. Популярная культура Web 2.0: к картографии современного медиаландшафта : монография. – Самара : Самарский университет, 2009. – 203 с.

13. Соснина Т. Н. Определение понятия «виртуальность». Анализ терминологического статуса // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2017. – № 2 (16). – С. 11–19.

14. Темнова Л. В., Медникова М. М. Влияние виртуального пространства на коммуникацию представителей поколений Z и Y // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 11. – С. 19–23.

15. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. – New York : William Morrow & Company, 1991. – URL: <https://archive.org/details/GenerationsTheHistoryOfAmericasFuture1584To2069ByWilliamStraussNeilHowe/page/n3/mode/2up> (дата обращения: 20.01.2021).

Конфликты и мифология современного религиозного человека в глобальном обществе потребления

Аннотация. Развитие техники, информационных технологий, генной инженерии, новых идеологических движений не приблизило человечество к избавлению от конфликтов. Наблюдения за разрушением экологического равновесия планеты, за военными изобретениями, за беспомощностью перед вирусной угрозой приводят современного человека к поиску ответов в религиозных идеях и мифотворчестве, в надежде на чудо. Современные мифологические концепции становятся новой исторической реальностью для человека, живущего в условиях глобального общества потребления.

Ключевые слова: конфликт; миф; глобализм.

В начале XXI века в человеческом обществе не стихли конфликты даже после страшного опыта мировых войн прошлого века. Развитие техники, информационных технологий, генной инженерии, новых идеологических движений не приблизило человечество к избавлению от конфликтов. Наблюдения за разрушением экологического равновесия планеты, за военными изобретениями, за беспомощностью перед вирусной угрозой приводят современного человека к поиску ответов в религиозных идеях и мифотворчестве, в надежде на чудо. Современные мифологические концепции становятся новой исторической реальностью для человека, живущего в условиях глобального общества потребления. Но в глобальном обществе потребления, построенном на принципах животной эволюции, конфликты не могут

Александр Васильевич Толмачёв, Российский православный университет св. Иоанна Богослова (г. Москва, Россия).

исчезнуть, так как эволюционные законы определяют борьбу за выживание при естественном и искусственном отборе.

Если говорить языком современной физики, то можно сказать, что во все известные периоды жизни человеческого общества происходит рост энтропии человеческого общества, то есть падение жизненного порядка и нарастание хаоса. Мифология дает человеку инструменты по упорядочению его жизни, уменьшению энтропии и повышению структурной организованности человеческого общества.

Мифология помогает человеку в обществе не только выживать, но и прогнозировать собственную жизнь, так как во всех мифах время циклично, а не линейно. Поэтому миф защищает современного человека, даже если этот миф не о мире, а о вражде. Ведь миф дает человеку образцы поведения в разных ситуациях.

Многие исследователи предполагали, что конфликт неотделим от социальной жизни, что природа конфликта заложена в природе человека. Томас Гоббс считал, что естественное состояние общества – война всех против всех, что конфликт существует во всех социальных отношениях, включая и религиозные [2]. Г. Спенсер полагал, что конфликт в обществе происходит из-за естественного отбора лучших из людей. К. Маркс считал, что социальное поведение можно объяснить только из конфликта. Конфликты бывают политическими, профессиональными, этническими, религиозными и др.

В религиозных группах возможны следующие противоречия между ними: экономические (конфликт из-за собственности и ресурсов); политические (конфликт из-за этнически-религиозных притеснений или отсутствия суверенности); территориальные (конфликт из-за разделенного народа или обетованных территорий); исторические (конфликт из-за исконных врагов); социально-культурные (конфликт из-за дискриминации по религиозному признаку) [5, с. 39].

В связи с исследованиями причин религиозных конфликтов ставятся задачи совершенствования современного общества в целом, а также поддержания в обществе принципа толерантности. Теоретическое осмысление влияния религий на общество с точки

зрения объединяющего или разъединяющего фактора проводили Э. Дюркгейм и М. Вебер [1].

В современном обществе XXI века религиозные конфликты могут разрастаться из-за новых миграционных волн, из-за увеличивающегося материального неравенства и уменьшающейся возможности получения хорошего образования. В сегодняшнем мире мы часто наблюдаем, как религиозный конфликт служит только дымовой завесой для конфликтов между финансово-политическими правящими элитами. Поэтому такие элиты конструируют новые социальные и религиозные мифы для управления населением.

А. Г. Дугин показал, как преодолевался не только религиозный, но и мировоззренческий конфликт между религией правящей элиты и традиционной религией русского народа.

«Запредельность Бога диктует ориентацию жизни в направлении небесной вечности, никогда не достижимой в полной мере, но открывающейся на дальнем горизонте святости... Государство является опорой Церкви, служит для того, чтобы придать ее теологическим установкам и догматическим принципам и силовой характер» [4, с. 289].

Современная Россия, идущая в ногу с либеральным глобализмом, вынуждена формулировать новые мифы с помощью новых мифотворцев (PR-менеджеров, рекламистов, политологов, политтехнологов и т. п.) и новых информационно-пропагандистских и психоцифровых технологий. Мифоконструкторы сообщают нам о ближайшем безусловном примирении всех имущих и неимущих, исчерпанию всех конфликтов в России. Потребительское мифоконструирование не есть настоящая мифология, а только симулякр, так как нет никакого мыслительного резонанса с цифровыми мифо-симулякрами у человека с живым мифологическим сознанием. Конечно, как сообщал М. Элиаде, «потребность погружаться в “другие” вселенные и следовать за перипетиями “истории” – необходимая человеческая черта, и потому неискоренима» [6, с. 188]. Но у всякого мифологически мыслящего человека есть также некий внутренний «камerton» для настройки на мифы сакральные, священные, а не на симулякры.

Большинство внедренческих мифотехнологий опирается на психоаналитические и нейрофизиологические исследования. Это замечательно практикуется в самой разнообразной коммерческой и политической рекламе. Ошибка же таких технологий в том, что они воспринимают человека как некий объект, который можно описать символами, знаками, цифрами и который подчиняется простым бинарным взаимоотношениям: раздражение – реакция, стимул – удовольствие и т. п. Такой человек запросто моделируется в объект-субъектной системе.

Однако живой, реальный человек – *homo religiosus* живет и мыслит иначе. Он опирается на многоуровневую реальность религиозной мифологии, а рекламные мифо-симулякры только на время могут сбить его с толку. Именно в этом и утверждается жизнь реальной религиозной мифологической концепции о Христе, который есть и человек, и Бог, и Любовь. Анализ показывает, что практически в любой мифологической системе формируется только поле брани и поле битвы, но не поле миротворчества. Миротворчество есть только воля божества или правителя помимо всякого конфликтного поля по совершенно непонятным для конфликтующих людей желаниям божеств или правителей.

В современном глобальном потребительском обществе слишком много противоречий и разнополярных интересов, которые приводят к бесконечным конфликтам, войнам и терактам. Мифостроители глобального либерального общества надеялись, что, ликвидировав коммунистическое и фашистское политические устройства некоторых государств и объединив всё человечество (за исключением избранных) под руководством мирового финансового капитала (некоторые называют это мировым правительством), они избавили человечество от войн между главными мировыми конкурентами. Ведь у мирового финансового глобального капитала всё будет по плану и всё будет во благо людей. Но оказалось, что если и есть план, то уж благо существует только для ограниченного круга избранных мировым капиталом людей. Войны и конфликты продолжаются.

Несколько иной взгляд на конфликты и войны у этнологов. Например, Л. Н. Гумилев дает собственное видение появления

гражданских войн – из этногенеза. По Л. Н. Гумилеву, этнос есть замкнутая система дискретного типа – корпускулярная система. Она получает единый заряд энергии и, растратив его, либо переходит к равновесному состоянию со средой, либо распадается на части. «Этнос – феномен биосферы, или системная целостность дискретного типа, работающая на геобиохимической энергии живого вещества, в согласии с принципом второго начала термодинамики, что подтверждается диахронической последовательностью исторических событий» [3, с. 6]. С такой позиции конфликты исчезнут при равновесном состоянии человека с природой, что не умещается в представления современных создателей цифрового искусственного мира.

Литература

1. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. – 3-е изд., доп. и испр. – М. : СПб. : Центр гуманитарных инициатив : Университетская книга, 2016. – 656 с. – ISBN 978-5-98712-086-6.
2. Гоббс Т. Левиафан / пер. с англ. А. Гутермана ; вступ. сл. А. Филиппова. – М. : РИПОЛ классик, 2018. – 608 с. – ISBN 978-5-386-0099004.
3. Гумилев Л. Н. Полное собрание сочинений. – М. : Изд-во АСТ, 2021. – 1024 с. : ил. – ISBN 978-5-17-105299-7.
4. Дугин А. Г. Ноомахия: война ума. Русский Логос I. Царство Земли, Структура русской идентичности. – М. : Академический проект, 2019. – 461 с. – ISBN 978-5-8291-2384-0.
5. Толмачев А. В. Современные мифологические концепции. Источник социальных и религиозных конфликтов, и основа миротворческой деятельности в поместных православных церквях. – Riga, Latvia, EU : LAP Lambert Academic Publishing, 2021. – 87 с. – ISBN 978-620-3-30427-5.
6. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. В. П. Большакова. – М. : Академический проект. 2010. – 251 с. – ISBN 978-5-8291-1125-0.

Е. Г. Дьякова, А. Д. Трахтенберг

Экспертное знание в условиях эпистемологического недоверия: 5G, COVID-19 и контрнаучный дискурс

Аннотация. В статье на примере дискурса об излучении вышек 5G как источника пандемии COVID-19 рассматривается процесс формирования и функционирования зон эпистемологического недоверия на основе контрнаучного дискурса. Усиление эпистемологического недоверия ведет к подрыву рациональной легитимации управленческих мер, направленных на борьбу с пандемией. В результате происходит формирование общей политизированной зоны эпистемологического недоверия.

Ключевые слова: эпистемологическое недоверие; контрнаучный дискурс; COVID-19; рациональная легитимация; протестные акции.

Пандемия COVID-19 обострила целый ряд социальных и политических тенденций, включая тенденции, связанные с «реверсивной модернизацией», как еще в 1984 году назвал процесс обращения модернизации на собственные само собой разумеющиеся основания (науку и прогресс) У. Бек [1]. В условиях направленной политики чрезвычайного положения и постоянного присутствия невидимой, но оттого еще более пугающей смертельной опасности резко обострилась борьба научной и социальной рациональности за право суверенного суждения о том, как определять эту смертельную опасность. Монопольные притяза-

Елена Григорьевна Дьякова, д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт философии и права Уральского отделения РАН» (г. Екатеринбург, Россия).

Анна Давидовна Трахтенберг, канд. полит. наук, ст. научный сотрудник ФГБУН «Институт философии и права Уральского отделения РАН» (г. Екатеринбург, Россия).

ние научных экспертов на рациональность, будучи оспоренным, порождает контрнаучный дискурс, обладающий всеми внешними признаками дискурса научного. Данный тезис У. Бек сформулировал еще до начала цифровой трансформации, которая создала особо благоприятные условия для формирования контрнаучного дискурса, обеспечив его разработчиков обилием самой разнообразной информации. Контрнаучный дискурс, в свою очередь, активно порождает протест в самых разнообразных его формах, от создания сообществ для обмена контрнаучными сообщениями в социальных сетях до радикального совместного политического действия.

Так, весной 2020 года по целому ряду стран, включая и Российскую Федерацию, прокатилась волна нападений на вышки связи 5G (или то, что нападавшие считали таковыми) (см.: [5, 7]). Поиски источника информации об опасности излучения 5G привели в Нигерию, где популярный протестантский проповедник К. Оякхиломе предупреждал об опасности 5G через свой телевизионный канал (закрытый в мае 2020 года) [9], еще раз подтвердив глобальный характер не только пандемии COVID-19, но и реакции на нее.

Нападавшие считали излучение этих вышек причиной пандемии COVID-19, причем опирались на комплекс контрнаучных аргументов. За месяц до этих событий Всемирная организация здравоохранения посвятила разъяснению полной безопасности излучения вышек 5G для человека особую страницу на своем сайте [15], что, впрочем, не оказало никакого влияния. В основе контрнаучного дискурса лежит принципиальное недоверие к любым объяснениям, исходящим от институтов с признанным экспертным и научным авторитетом (включая, разумеется, и ВОЗ), поэтому информация, свидетельствующая об отсутствии связи между излучением 5G и коронавирусом (см., напр., [14]), изначально рассматривается как ангажированная и по определению ложная.

Созданное в рамках контрнаучного дискурса обоснование опасности вышек 5G выглядит следующим образом: частоты 5G заставляют молекулы кислорода колебаться с частотой 60 милли-

ардов Герц в секунду, поэтому они не могут связаться с гемоглобином в крови человека, что приводит к гипоксии (то есть симптомам коронавируса). Используется доступный поясняющий пример: вышки 5G действуют по принципу микроволновой печи (предмета повседневного и привычного в пользовании). Только в микроволновой печи с частотой 2,45 миллиарда Герц в секунду колеблются молекулы воды, и их трение разогревает еду. Это позволяет перейти к утверждению, что «теперь, когда мы понимаем, как работает микроволновка, мы можем использовать этот пример для того, чтобы объяснить, что происходит с молекулами кислорода, когда они подвергаются воздействию сигнала 5G». Кроме объяснительной схемы, имеется подтверждающий эмпирический факт: в китайском Ухане (как и еще в нескольких китайских городах), где началась пандемия, осенью 2019 года проводили тестирование 5G-сетей (текст взят из сети Reddit: [13]).

Таким образом, контрнаучный дискурс вовсе не тождествен обскурантизму и отрицательному отношению к научному познанию. Он, напротив, предполагает уважение к научному методу исследования и основан на самостоятельном сборе и критическом чтении информации: создатели контрнаучного дискурса «пытаются предложить наивную критику источников, отделяя их от профессиональной интерпретации, с их точки зрения непременно искаженной» [3]. На этой основе формируется общность тех, кто знает правду, противопоставляющая себя тем, кто правду скрывает. В обычных условиях это могут быть очень небольшие, маргинальные группы. Например, опасения, связанные с мобильной связью, прослеживаются с момента ее появления [11], однако в условиях эпидемии COVID-19 опасность стала смертельной (и по-прежнему невидимой), и маргинальные группы вышли из тени.

Резкое расширение зоны эпистемологического недоверия, в которой право признанных авторитетов на монополию на истину не признается, является вполне типичной характеристикой любого масштабного социального кризиса. Однако язык, на котором «говорит» недоверие, может быть различным. К. А. Богданов, проанализировав риторику и социальную мифологию,

окужавшие холерные эпидемии в России XIX века, подчеркнул, что холера приводила к активизации магических практик, поражавших просвещенных современников своим откровенным иррационализмом [2]. Отчасти магические практики возродились и в пандемию COVID-19, однако теперь они проходят по сфере психиатрии, а не социальной психологии и антропологии [4]. Современное недоверие в условиях социального кризиса изъясняется на языке науки.

Усиление эпистемологического недоверия ведет к подрыву рациональной легитимации управленческих мер, направленных на борьбу с пандемией. Происходит формирование общей политизированной зоны эпистемологического недоверия: теперь не верят не только тому, что говорят эксперты, но и тому, что говорят политики, которые на этих экспертов ссылаются. Происходит это тогда, когда органы власти особенно нуждаются в активном участии граждан в реализации антиковидных мер. В результате чем сильнее представители власти, с целью обосновать легитимность своих действий и доказать их эффективность, опираются на научное и экспертное сообщество, тем более сильным оказывается контрнаучное и контрэкспертное сопротивление. Наиболее ярким примером в этом плане можно считать движение QAnon, завоевавшее массовую поддержку в США и покоряющее сейчас другие страны мира [8], и, подобно губке, впитавшее в себя множество контрнаучных построений (включая тезис об опасности 5G [12]).

Вопрос о том, каким образом эффективно работать с эпистемологическим недоверием, в настоящее время активно обсуждается. раздаются призывы вернуться к эпистемологическому патернализму [6] и «запечатать ворота постправды» [10]. В то же время опыт 2020 года показал сложность и неэффективность процессов переубеждения сторонников разнообразных контрнаучных конструкций.

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.

2. Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели. Патографические тексты русской культуры. – СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2017. – 672 с. – (Культурный код).
3. Кормина Ж. Дрожжи-убийцы: гастрономическая конспирология и культура недоверия в современной России // Антропологический форум. – 2015. – № 27. – С. 149–175.
4. Осколкова С. Н. Амбулаторные случаи психических нарушений в период коронавирусной пандемии COVID-19 // Психиатрия. – 2020. – Т. 18 (3). – С. 49–57.
5. Щербаков А. В России сожгли первую телефонную вышку. Люди боятся внедрения 5G // Mail.ru. – 03.05.2020. – URL: https://hi-tech.mail.ru/news/v_rossii_sojgli_pervuyu_vishku/ (дата обращения: 01.03.2021).
6. Ahlstrom-Vij K. Epistemic Paternalism. A Defence. – London : Palgrave Macmillan, 2013. – 194 p.
7. Chan K., Dupuy B., Lajka A. Conspiracy theorists burn 5G towers claiming link to virus // AP News. – 21.02.2020. – URL: <https://apnews.com/article/4ac3679b6f39e8bd2561c1c8eeafd855> (дата обращения: 01.03.2021).
8. Coda Staff. The Year QAnon Went Global // Coda. – 22.02.2020. – URL: <https://www.codastory.com/disinformation/information-war/qanon-went-global/> (дата обращения 01.03.2021).
9. Ibrahim J. Covid-19 in Nigeria: Once Again, Religion Stands in the Way // Friedrich-Ebert-Stiftung, Africa department. – 29.06.2020. – URL: <https://www.fes.de/en/africa-department/more-posts/covid-19-in-nigeria-once-again-religion-stands-in-the-way> (дата обращения: 01.03.2021).
10. Kienhues D., Jucks R., Bromme R. Sealing the gateways for post-truthism: Reestablishing the epistemic authority of science // Educational Psychologist. – 2020. – Vol. 55 (3). – P. 144-154.
11. Meese J., Frith J., Wilken W. COVID-19, 5G conspiracies and infrastructural futures // Media International Australia. – 2020. – Vol. 177 (1). – P. 30–46.
12. Spring M., Wending M. How Covid-19 myths are merging with the QAnon conspiracy theory // BBC Trending. – 03.09.2020. – URL: <https://www.bbc.com/news/blogs-trending-53997203> (дата обращения: 01.03.2021).
13. u/isthatsuperman. The 5G coronavirus connection explained // Reddit. – URL: https://www.reddit.com/r/conspiracyNOPOL/comments/fd2qdd/the_5g_coronavirus_connection_explained/ (дата обращения: 01.03.2021).

14. Utman M. et al. 5G Radiation and COVID-19: The Non-Existent Connection // International Journal of Research in Electronics and Computer Engineering. – 2020. – Vol. 8 (2). – P. 34–38.

15. Radiation: 5G mobile networks and health // World Health Organization. – 27.02.2020. – URL: <https://www.who.int/news-room/q-a-detail/radiation-5g-mobile-networks-and-health> (дата обращения: 01.03.2021).

В. В. Фурсова, Д. Р. Гимадеева

О социальных последствиях эпидемии Covid-19 в российском обществе

Аннотация. Пандемия, вызванная вирусом Covid-19, является важным социально-экономическим феноменом, оказавшим большое влияние на все стороны жизни общества. В статье делается попытка первичного осмысления ее последствий. Предполагается, что перед научным сообществом стоит задача осмысления и концептуализации данных процессов.

Ключевые слова: пандемия; Covid-19; этические принципы; интернетизация.

Эпидемия Covid-19 стала важным событием в жизни общества, которое сильно повлияло как на экономическое развитие, так и на социально-психологический климат общества, а также подняла этические аспекты человеческого общежития.

К моменту появления и распространения эпидемии нового вируса мир и общественный порядок были установившимися, казались довольно стабильными. Однако новый вирус, темпы его распространения, отсутствие четкого понимания, как лучше себя вести, вынудили общество перекраивать сложившийся порядок, пробуя разные сценарии и оценивая возможные риски и последствия. В данной статье предпринимается попытка осмысления социальных последствий этой эпидемии.

Анализ социальных последствий целесообразно провести, условно разделив сферы общественной жизни, которых коснулась

Валентина Владимировна Фурсова, канд. социол. наук, доцент, кафедра общей и этнической социологии, Казанский федеральный университет (г. Казань, Россия).

Динара Рифкатовна Гимадеева, ассистент кафедры общей философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский федеральный университет (г. Казань, Россия).

трансформация в большей степени. Вначале стоит рассмотреть этический аспект, стоявший как перед обществом в целом, так и перед руководящими лицами, которые принимали ответственные решения. С одной стороны, прогнозы врачей и экспертов склоняли к тому, что наилучшим решением будет полная изоляция, которая предотвратит скачок заболеваемости и не допустит ситуации, когда система здравоохранения не сможет оказывать помощь всем, кто в этом нуждается. Такой вариант более приемлем с этических позиций, однако означает большие экономические трудности как для государства, так и для бизнеса и людей, которые лишаются возможности заработка, вынуждены отказаться от привычного образа жизни. Сам характер болезни, когда, в целом, смертность не слишком высока, однако можно выделить группы риска (по возрасту и состоянию здоровья), выдвинул дилемму, что цена тотальной изоляции слишком высока и целесообразно не вводить жесткий локдаун: «Выжить надлежало именно этически, поскольку новые условия и понимание добродетельной жизни основывались уже не на традиции (и нравах), а на сознательном выборе некой одной из господствующих в то время этических теорий» [1, с. 73]. В истории общественной мысли известны случаи такого морально-этического выбора. В рамках теоретической концепции, которая получила название социал-дарвинизма, обосновывался тезис, что общество не должно заниматься защитой слабых. Применение данного подхода привело бы к относительно небольшим потерям в экономике, вызванным эпидемией коронавируса, однако в силу ограниченности сил здравоохранения, направленных на лечение тяжелых случаев Covid-19, привело бы гораздо к более высокому уровню смертности. В результате, к счастью, идеи гуманизма взяли верх и общество не сделало выбора в пользу принципа «выживает сильнейший». Также этическим аспектом обладает решение каждого индивида по соблюдению мер безопасности и ношения маски в общественных местах. Масочный режим как метод борьбы с распространением инфекции примечателен тем, что не столько дает индивидуальную защиту от заражения, сколько помогает остановить распространение в случае, если индивид болеет бессимптомно и является перенос-

счиком вируса. То есть основным мотивом ношения маски должно стать не соображение собственной безопасности, а забота об окружающих. Общество разделилось на две группы: тех, которые ответственно соблюдают данное предписание, и тех, кто делает это формально (не носят маску правильно и надевают ее только в тех местах, где могут оштрафовать). В целом можно сказать, что в обществе утверждается новая этика заботы об окружающих, принятия в повседневные практики новых мер безопасности.

«В период эпидемии коронавируса и нахождения на самоизоляции произошло, с одной стороны, проникновение интернет-коммуникации во все сферы жизнедеятельности человека с изменением его привычного образа жизни, с другой – пользовательская аудитория Интернета существенно увеличилась, благодаря чему наблюдается появление нового типа социального взаимодействия – цифрового» [2, с. 123]. В трудовой сфере также произошли значительные изменения, связанные с распространением альтернативных форм занятости. Удаленная работа как форма занятости не нова, она появилась вместе с интернетизацией. Однако как определенные сферы, так и члены общества, в силу инертности, не спешили переходить на эту форму занятости. Например, в образовании давно есть все возможности перевести если не весь процесс обучения, то его основную часть на удаленную форму, чего не происходило. Инертность, консерватизм и отсутствие необходимости перестраивать давно устоявшийся процесс пришлось пересмотреть под натиском новых реалий. Несмотря на критику, имеющиеся недостатки такого образования, особенно касающиеся дошкольного и младшего школьного возраста, удаленная форма завоевала признание. Например, многие процессы, не связанные с проведением занятий и с работой ППС, переводятся на удаленную форму (например, совещания). Представляется, что в дальнейшем онлайнизация образования будет набирать обороты и синтезироваться с занятиями в традиционной очной форме.

В целом качественный скачок произошел именно в том, что представители самых разных профессий в той или иной форме «примерили» удаленный формат работы. Таким образом, эпиде-

мия коронавируса пришлось на период технологического и информационного развития, многие опции которого не использовались в обществе. Вынужденные меры заставили людей, различные социальные группы пересмотреть устоявшийся уклад коммуникаций и использовать возможности информационных технологий. Новые условия ускорили использование всего накопленного потенциала информационных технологий в бытовой жизни (онлайн-покупки, общение с близкими с помощью мессенджеров и видеосвязи), а также в профессиональной деятельности.

Литература

1. Согомонов А. Ю. Этическая повестка «цифрового общества» // Вестник прикладной этики. – 2020. – Вып. 56. – С. 71–85.
2. Ярмак О. В., Страшко Е. В., Шкайдерова Т. В. Реакция на пандемию Covid-19 интернет-аудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя (по материалам медиа-аналитического исследования) // Вестник Института социологии. – 2020. – Т. 11, № 11. – С. 121–142.

Локдаун: одиночество в городе

Аннотация. В связи с настигшей мир эпидемией COVID-19 тема одиночества и изоляции актуализировалась повсеместно. Состояние одиночества заставило людей по-другому оценить собственные способы взаимодействия с окружением и с собой в условиях ограниченного пространства. В тезисах анализируется проблема переживания одиночества в городском пространстве в условиях локдауна.

Ключевые слова: пространство; город; городское пространство; одиночество; бинарные оппозиции свой/чужой, один/много.

Одиночество является феноменом индивидуального бытия человека. В период пандемии состояние одиночества актуализировалось, оно коснулось социального, политического, экономического, духовного и физического пространства человека.

Городское пространство имеет собственную уникальную структуру и организацию. Эта организация предполагает наличие центра и периферии, а также особые зоны досугового, политического, социального и т. п. взаимодействия. В таком разнородном пространстве особенно важна граница между «своим» и «чужим». «Свое» и «чужое» связано и с частной жизнью и частной собственностью, и с причастностью человека к определенным социальным группам, а также особым субкультурам. В данном случае важным оказывается тот факт, что «свое» – это нечто освоенное или присвоенное, близкое и понятное, тогда как «чужое» есть нечто за границей «своего» как физического, так и ментального. Границы, которые выстраиваются в рамках городского про-

Мария Алексеевна Калистратова, аспирант 1-го курса направления Философия, этика и религиоведение, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

странства, способствуют развитию большей индивидуализации и обособленности, за счет чего человек, с одной стороны, осознает собственную уникальность, а с другой стороны, чувствует отчужденность, которая может перерасти в ощущение одиночества.

Понятие «одиночество» имеет множество разных трактовок. Так, например, философы-экзистенциалисты мыслили одиночество как исходное условие существования человека, отождествляемое с заброшенностью в мир и брошенностью в мире и с уникальностью «жизненного опыта», а социальный философ Георг Зиммель рассматривал одиночество как исключение из социального взаимодействия [1]. В данной работе под одиночеством мы будем понимать чувство вынужденной отчужденности, духовной и физической. Одиночество переживается как ограниченность и отторженность. Эта отторженность обнаруживает себя и на духовном, и на телесном уровне, поскольку человек, находящийся в состоянии одиночества, не только должен вынужденно изолироваться, но и замкнуться в себе. Для человека, испытывающего одиночество, «сжимается» не только фактическое пространство, но и внутреннее. В журнале «New England Journal of Medicine» было опубликовано исследование, в рамках которого ученые, на основании проведенного ими наблюдения за мозгом участников полярной экспедиции, высказали предположение, что одиночество провоцирует недостаток мозговой стимуляции и, как следствие, влияет на некоторые отделы головного мозга, заставляя их уменьшаться в размерах [5].

Городское пространство усиливает контраст бинарной оппозиции «один» – «много», поскольку город, будучи самым крупным, структурированным и организованным из всех поселений, является и самым многонаселенным пунктом обитания, где обилие людей, с одной стороны, предполагает большее количество социальных взаимодействий, а с другой – «в городе происходит разрыв ранее существовавших традиционных связей и их замена поверхностностью, мимолетностью и анонимностью контактов» [2]. Отсюда выводятся и другие проявления упомянутой выше бинарной оппозиции, такие как, например, «индивид» и «толпа», «одиночество» и «стадность». Галина Горнова пишет, что город

«мультиплицирует одиночество» [2], что также обостряет конфликт между «один» и «много», поскольку, с одной стороны, мультипликация одиночества – это усиление самого чувства одиночества для каждого индивида, а с другой – увеличение количества одиноких людей, т. е. формирование «множественного одиночества».

Бинарная оппозиция свой/чужой также актуализируется через одиночество. Человек, проживающий состояние одиночества, оказывается в позиции, где все другие – не «свои», и он сам «не свой», а «чужой» для всех. Оливия Лэнг в своей книге «Одинокий город. Упражнения в искусстве одиночества» пишет: «Какое это – быть одиноким? Чувство, похожее на голод: все равно что голодать, когда все вокруг приготовились к пиру» [3]. Человек, испытывающий одиночество, также невольно расширяет «чужое», оппозиционное пространство, поскольку одиночество – чувство, не ограниченное только пределами города, чувство одиночества – ощущение отрезанности не только от среды обитания и от конкретных людей, но и от всего мира в целом [4].

Говоря об одиночестве, многие исследователи различают две формы его существования: «уединение» и «изоляция», поскольку первое – добровольный выбор человека, связанный с необходимостью спокойно решить какие-то собственные вопросы и задачи, а второе – вынужденное и априори дискомфортное состояние, связанное с изгнанностью, покинутостью, отделением себя от других, это «выбор вынужденный, или даже не выбор, ведь он предполагает наличие субъектности и свободы воли, а его отсутствие, ощущение безнадежности, принципиальной «заточенности» в ситуацию безысходности, субъективного представления о невозможности ее изменения» [2]. Период локдауна стал периодом вынужденной изоляции, который усугубил и ощущение «множественного одиночества», о котором мы говорили ранее, равно как и ощущение покинутости, ненужности, чуждости. Людям, лишенным возможности привычной социализации, стало труднее реализовывать собственную энергию ввиду невозможности применить ее каким-то из прежних способов. Как следствие, многие стали прибегать к прокрастинации, а многие, напротив,

искали возможность выплеснуть энергию каким-то действием, что стало причиной как социальных, так и политических всплесков и протестных акций. Одной из центральных проблем, вытекающих из этого, является проблема неравноценности реального физического социального взаимодействия его виртуальным аналогам, и, как следствие, человеческое естество восстает против поглощения физического пространства виртуальным.

Однако локдаун имеет и целый ряд положительных сторон, помимо контроля распространения эпидемии, в которых можно отметить и другие проявления упомянутых выше оппозиций. Так, человек может быть один, но общаться с огромным количеством людей онлайн или по телефону, человек может стать «своим» в новых кругах, поскольку одиночество может подтолкнуть человека искать новые увлечения, новые занятия и возможности. Человек расширяет свое пространство, реализуя новые практики, имея возможность контактировать со всем миром и, что немало важно, с самим собой, что способствует расширению и внутреннего пространства, поскольку человек может открыть новые грани самого себя. Городское пространство в этом смысле, временно становясь «чужим» или запретным физически, фактически становится еще более «своим», поскольку помогает человеку, обеспечивая его разными возможностями (например, Интернетом, доставкой продуктов и т. д.). Но, кроме того, город сам, несмотря на то что людей на улицах становится меньше и целый ряд городских ритуалов невозможно соблюдать, не стагнирует, напротив, он тоже обновляется и тоже обнаруживает в себе новые грани.

Итак, мы можем констатировать, что одиночество в своей «усиленной» фазе, проявившееся в период пандемии и локдауна, стало причиной целого ряда структурных изменений в обществе. Эти изменения носят как негативный, так и позитивный характер и касаются всех сфер жизни человека. Локдаун качественно изменил не только жизнь самого человека, но и жизнь городов, в которых люди живут, заставив не только людей, но и города привлекать к вынужденному неожиданному состоянию одиночества, и теперь кажется наиболее интересным то, как человек, город и весь мир в целом будут выходить из этого состояния одиночества

или, напротив, адаптироваться к нему как к некой обновленной единице реальности.

Литература

1. Анисимов Н. О. Одиночество и город // Наука. Искусство. Культура. – 2019. – Вып. 4 (24). – С. 197–207. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/odinochestvo-i-gorod/viewer> (дата обращения: 18.02.2021).

2. Горнова Г. Город и одиночество // Управление развитием территории : сайт. – 06.05.2019. – URL: <https://urtmag.ru/public/654/> (дата обращения: 18.02.2021).

3. Лэнг О. Одинокий город. Упражнения в искусстве одиночества. – URL: <https://mybook.ru/author/oliviya-leng/odinokij-gorod-uprazhneniya-v-iskusstve-odinochest/citations/> (дата обращения: 18.02.2021).

4. Пропотенская М. Свои и чужие в городе // Пространство : сайт. – URL: <https://www.prostranstvo.media/svoi-i-chuzhie-v-gorode/> (дата обращения: 18.02.2021).

5. Lanese N. Lonely Antarctic Expeditions Shrink People’s Brains // LiveScience : сайт. – 05.12.2019. – URL: <https://www.livescience.com/antarctic-expedition-changes-the-brain.html> (дата обращения: 18.02.2021).

Юмор как способ разрешения кризисной ситуации пандемии коронавируса

Смеясь, душа становится врачом тела.

И. Кант

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению социокультурного феномена юмора в ситуации пандемии коронавируса. «Пандемийный» юмор рассматривается как часть смеховой культуры, психологическая защита, способ разрешения напряженности и культурный ответ на кризисы современности.

Ключевые слова: «вирусный» фольклор; «вирусный» новояз; «пандемийный» юмор; социально-психологические функции смеха и юмора в культуре.

Уже в древней культурной традиции, а именно в Библии, в X веке до н. э., в Книге Притчей Соломоновых (17.22) было сказано: «Веселое сердце благотворно, как врачество, а унылый дух сушит кости». Демокрит (ок. 460 – ок. 370 гг. до н. э.), прозванный «Смеющимся философом», сказал: «Высшее благо состоит в покое и веселии души». Современник Демокрита, реформатор античной медицины Гиппократ (460–356 гг. до н. э.) писал о том, что оживленная и веселая беседа за обедом способствует хорошему пищеварению. Интересно, что эту мысль повторил на свой лад уже в XIX веке Фридрих Ницше (1844–1900), когда заметил, что должно десять раз смеяться в течение дня и быть веселым: иначе ночью будет беспокоить тебя желудок, «этот отец скорби». Ярким примером понимания юмора и остроумия как

Елена Валентиновна Белоусова, канд. культурологии, доцент кафедры философии, биоэтики и культурологии, Уральский государственный медицинский университет (г. Екатеринбург, Россия).

разрядки явился основатель психоанализа Зигмунд Фрейд (1856–1939). По Фрейду, юмор – это «редкий и драгоценный дар», «высший из защитных механизмов», позволяющий преодолеть неприятную ситуацию.

В медицине есть специальная наука – гелотология (от *греч.* «gelos» – смех), которая изучает положительное воздействие смеха на организм. Она была основана в 60-х гг. прошлого века американским психиатром Уильямом Фрайем. Американский журналист Норман Казинс, когда его настигла тяжелая болезнь, стал целыми днями смотреть кинокомедии, и произошло чудо исцеления («Человек, победивший смерть»). Патч Адамс («Целитель Адамс») стал одним из первых больничных клоунов, участвующих в реабилитации маленьких пациентов, в России необходимо назвать Владимира Ольшанского («Клоун Доктор»). В Индии доктор Мадан Катариа пропагандирует Хасья Йогу. Слово «Хасья» в переводе с санскрита означает «смех».

В период самоизоляции творческая мысль пользователей «разыгралась» и в Сеть хлынул поток приколов по поводу туалетной бумаги и гречки, изобретения масок из подручных средств, работы на «удаленке» или образования на «дистанте». Пример коронавирусных шуток: символы пандемии в еде (тефтели с воткнутыми грибочками, имитирующие главного героя 2020 г., или маски из мяса, или макарон на сковородке). Аркадий Ляхов с пост-иронией написал стихи о пандемийном креативе:

*На Русь напал Коронавирус –
Как печенегі прежних дней.
Так креативность проявилась
У тех, кто мог бы быть умней... [6].*

Например, появилось такое шутивное чудо-заклинание от Александра Гутина:

*Ты возьми рулон бумаги, но не менее трёхслойной
Со смывающейся втулкой, с ароматом орхидей.
Замотай себя плотнее и своих всех домочадцев,
Тёщу, тестя и собаку, кошку, хомяков, жену.
А потом насыпьте гречку по периметру квартиры*

Толстым, толстым, толстым слоем, сантиметров пятьдесят.

И сидите за дверями повторяя хором громко:

– Уходи, коронавирусу, поскорее уходи! ... [3].

Появились частушки для взрослых и детей. Причем создатели и собиратели следующих частушек (например, В. Кузьминов) сами рассматривают данное народное творчество как способ избавиться от лишнего, переизбыточного страха и призыв соблюдать все предписанные правила:

Я теперь довольно часто на лице меняю маски!

Пусть болезнь с температурой облетит меня культурно!

Все науки нам резонно познавать дистанционно,

Чтоб на уроках-лекциях не подхватить инфекции!

Если влезла некультурно в организм температура,

Обратись быстрее в больницу, и трагедий не случится!

Смешные частушки про коронавирус, сочиненные для детей:

Все микробы, будто мошки, и порхают свитой!

С мылом чаще мой ладошки, чистота – защита!

Принеся беду впервые, к нам явилась пандемия,

Одолеем с маменькой вирусные шарики! [5].

Анекдоты также приобрели «пандемийную» специфику:

– Рабинович, как Вы думаете, когда можно будет уверенно сказать, что пандемия коронавируса прошла?

– Таки смотрите объявления. Как только станут появляться: «Продам туалетную бумагу и гречневую крупу. Дешево. Спросить Марью Ивановну», – считайте, что опасаться больше нечего...

– Сема, а ты чего без маски ходишь? Не боишься заразиться коронавирусом?

– Изя, мне 75 лет, у меня гипертония, простатит, псориаз, камни в почках, тахикардия и аллергия на кошек. Там такая конкуренция среди стремящихся меня добить болячек, что если в организм еще коронавирус попадет, он просто станет в очередь.

– Мой батя относится к пандемии очень серьезно.

– Почему ты так думаешь?

– От него постоянно пахнет санитайзером.

– А вы помните свою самую первую маску?

– Что за дурацкий вопрос? Я в ней хожу.

– А что делать с теми, кто не носит маски?

– Да чихайте на них!

– Еще никогда выражение «молчи в тряпочку» не было таким буквальным [10].

Таким образом, «пандемийный» юмор явился откликом на неожиданную и пугающую ситуацию как со стороны профессиональных художников, так и со стороны обычных пользователей Интернета. «Судя по количеству мемов, анекдотов и приколов, такой веселой пандемии в мире еще не было» – высказывание это не имеет конкретного автора, а значит, принадлежит всем. Напри-

мер, веселый пандемийный ролик с туалетной бумагой стал популярным в Сети не только потому, что он вызвал добрые улыбки, но и потому, что наглядно продемонстрировал возможность объединения людей из разных стран, в реальности изолированных друг от друга. Мультипликатор из Австралии Кайсей Форман, известный в Сети под псевдонимом Kai F, опубликовал на своей странице забавное видео, которое он смонтировал из нескольких роликов, снятых в период пандемии в разных странах. На видео люди передают друг другу своеобразную эстафету – рулон туалетной бумаги [8].

Классикой жанра и символом самоизоляции в рунете стал мем с Наташиными котами. Весной прошлого года коты стали предвестниками не очень приятных событий. Как было замечено в одном развлекательном сообществе, мемы с котами стали хроникой смутных времен: «Из нейтрального мема с текстом *“Вставай, мы всё уронили”* вырос целый сериал, откликающийся на важные события этой весны: ...коронавирус со всеми вытекающими (дефицит масок, национальная любовь к гречке, карантин, самоизоляция), печенег, половцы – Наташины коты лучше остальных расскажут о том, что происходит в мире» [7]. Интересно, что автор популярного мема про котов и спящую хозяйку Дарья Бородулина решила зарегистрировать товарный знак «Наташа, мы всё уронили».

Также в нашем языке появились неологизмы, а у некоторых старых слов – новые значения. Составились коронавирусные «словари»: зумиться, удаленка, санитайзер, ковидиот и ковид-диссидент, ковидаст, карантини, корониалы, или представители поколения С, маскобесие, наружу и др. Как отмечают авторы заметок, посвященных этому явлению, языковой «креатив» снимает напряжение и помогает отнестись к изменениям спокойно и даже с юмором [9].

Татьяна Шахматова, отвечая на вопрос: «У вас есть собственные “любимчики” среди этих неологизмов?», заметила: «Неологизмы из России, как обычно, подтверждают нашу иронию по отношению абсолютно ко всему. Мне очень нравится выражение “до н. э.” (до начала эпидемии) – здесь отлично обозначена

барьерность нашего времени. “Ковидиот” – тоже замечательное слово. И “удаленщик года” мне тоже очень нравится» [2].

С «пандемийным» юмором связан феномен «вирусного» фольклора как разновидности городского фольклора: легенды, слухи, анекдоты, теории, которыми люди делятся в соцсетях или при встрече. Антрополог и фольклорист Анна Кирзюк заметила, что в условиях пандемии многие стали увлекаться теорией заговора. Пандемийный фольклор очень часто предупреждает об угрозе. Можно сказать, что с пандемией связаны три основных страха:

- 1) перед вирусом;
- 2) перед государством или некими могущественными людьми;
- 3) перед социально-экономическими последствиями карантина [1].

Таким образом, «ковидный» фольклор отражает, с одной стороны, страхи и надежды населения, а с другой стороны – переводит их в смеховую культуру. *Все дороги ведут в Ухань; Вирус не воробей, вылетит – не поймаешь; Корона, что дышло – куда чихнёшь, туда и вышла; Незванный гость – хуже инфицированно-го; Переболела – гуляй смело! и проч.*

Можно сделать вывод, что в «пандемийном» юморе наиболее ярко проявились защитная функция и функция психологической разрядки, а также социально-объединяющая функция, присущие смеховой культуре. Юмор способен объединять людей в сложные времена. Александр Козинцев заметил: «...ведь подлинный субъект и объект юмора – не индивидуум и не группа, а Homo sapiens, двойственное биокультурное существо, рефлектирующее о своем онтогенетическом, филогенетическом и культурном развитии и пародирующее себя самого» [4, с. 61].

Литература

1. Васильева С. Вирусный фольклор // Кот Шредингера. – 20.11.2020. – URL: <https://rg.ru/2020/11/20/samye-populiarnye-sluhi-spletni-legendy-i-zagovory-pandemijnogo-goda.html> (дата обращения: 26.02.2021).

2. Иванова К. Шахматова Татьяна: «Словом года в мире стал “локдаун”, а в России – “самоизоляция”» // Реальное время. – 01.01.2021. – URL: <https://realnoevremya.ru/articles/198993-filolog-kak-koronavirus-obogatil-nash-leksikon> (дата обращения: 26.02.2021).

3. Клоков П., Коробкова Е. Лучшие стихи, шутки, заклинания и мемы о коронавирусе // Комсомольская правда. – 20.03.2020. – URL: <https://www.kp.ru/daily/27107.7/4181615/> (дата обращения: 26.02.2021).

4. Козинцев А. Г. Антропология смеха: на пути к синтезу // Докса. – 2008. – № 13. – С. 58–66. – URL: <http://www.philosophy.ua/lib/11kozintsevdoha-13-2008> (дата обращения: 21.02.2021).

5. Кузьминов В. Частушки про коронавирус: 27 лучших // Мама может всё! : [сайт]. – URL: <https://mamamozhetvse.ru/chastushki-pro-koronavirus-27-luchshih.html> (дата обращения: 26.02.2021).

6. Ляхов А. Пандемийный креатив // Стихи.ру. – 09.04.2020. – URL: <https://stihi.ru/2020/04/09/7187> (дата обращения: 26.02.2021).

7. «Нагаш, ты спишь?»: Мемы с котами стали хроникой смутных времен // ЯПлакаль : развлекательное сообщество. – URL: <https://www.yaplakal.com/forum2/topic2097906.html> (дата обращения: 26.02.2021).

8. Осина Л. Веселый «пандемийный» ролик с туалетной бумагой набирает популярность в Сети // Top News. – 19.10.2020. – URL: https://www.topnews.ru/video_id_309709.html (дата обращения: 26.02.2021)

9. Степочкин Е. #Ошибки_нет: Вирусный «новояз». Как пандемия отразилась на нашей речи // Есть talk! – 05.08.2020. – URL: https://talk-on.ru/materials/oshibki-net/Oshibkinet_Virusnyu_novoyaz_Kak_pandemiya_otrazilas_na_nashey_rechi/ (дата обращения: 26.02.2021).

10. Юмор на тему Covid-19 Лучшие анекдоты и шутки о коронавирусе // 100 % юмора: анекдоты из Одессы : [сайт]. – 18.04.2020. – URL: <https://odesskianekdoty.com.ua/virusnye-anekdoty-pro-koronavirus-covid-19-karantin-i-samoizolyatsiyu/> (дата обращения: 26.02.2021).

Кризисы нашего времени как вызов традиционным институтам: российские православные практики в период пандемии

Аннотация. В статье рассматриваются противоречия, с которыми столкнулась Русская православная церковь в период пандемии, осмыслиется глубинная суть этих противоречий, возможности адаптации православных практик к новым условиям, ставится вопрос об актуальности более масштабных перемен в организации жизни церкви.

Ключевые слова: российские православные практики; пандемия; религиозность; духовные потребности.

Введение

Глобальные процессы, вызванные пандемией новой коронавирусной инфекции, затронули все сферы человеческой жизнедеятельности и, безусловно, не могли не сказаться на традиционных институтах, к которым относится и церковь. Впрочем, за последние годы российское православие в своем институциональном выражении уже столкнулось с определенными трудностями. Прежде всего, оно не смогло избежать раскола между поместными церквями из-за так называемого украинского кризиса, вызванного беспрецедентным вмешательством константинопольского патриарха Варфоломея в расстановку украинских церковных сил на церковной территории, относящейся к ведению Московского патриархата: легализацией для мирового православия раскольнического Киевского патриархата и неканонической Украинской ав-

Евгений Викторович Кныш, канд. филос. наук, ст. преподаватель, Уральский государственный юридический университет; доцент АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

токефальной православной церкви путем создания на их основе новой структуры – Православной церкви Украины. Последующее противостояние Московского и Константинопольского патриархатов соответственно против и за признание правомочности такого решения разделило некогда единое мировое православие на два лагеря. А протекционистская по отношению к Русской православной церкви государственная политика, особенно в правовой сфере, создает напряжение уже внутри России – в отношениях с нецерковными силами: гражданскими активистами, либерально мыслящей общественностью. Уголовные дела из-за оскорбления чувств верующих становятся своего рода репрессиями наоборот (церкви по отношению к ее противникам в противовес религиозным притеснениям верующих в СССР) и аллюзией на устрашительные средневековые инквизиторские кострища. Имущественная экспансия, касающаяся как требований реституции дореволюционной церковной собственности, так и строительства новых сооружений, также вызывает вопросы у общества. Добавив сюда неоднозначные высказывания или негативные поступки священнослужителей разного ранга, образ стяжательства, периодически муссирующиеся в прессе, мы получим немалый список неудобных вопросов к российскому православию и до пандемии. Локдаун, ограничения перемещения людей, необходимость соблюдения особых медицинских требований, наконец сама по себе пандемия как глобальная проблема для человечества должны были стать серьезным вызовом и для церкви, поставив под угрозу привычный порядок совершения православных практик и актуализировав церковную интерпретацию происходящего. Нам видится актуальным осмысление этого вызова, характера изменений совершения православных практик в России и отчасти прогнозирование необходимых действий для адаптации церкви к новым условиям.

Церковные практики и пандемия: очевидные противоречия

Прежде всего необходимо указать на противоречия между сложившимися православными практиками и теми действиями, которые стали предпринимать власти в ответ на быстрое распро-

странение опасного заболевания. Современные практики подразумевает ориентацию на посещение храма: верующие собираются вместе на богослужение, причем на главные праздники, вроде Рождества и Пасхи, скапливаются в большом количестве. При этом священнослужителю в принципе канонически запрещено совершать богослужение в одиночку. А внебогослужебные практики (церковные школы, паломничества, просветительские встречи и т. д.) также предполагают совместное пребывание людей. Кроме того, важной частью православных практик является телесный контакт: целование икон, крестов, мест хранения мощей. Особое место занимает таинство причастия, являющееся аллюзией на Тайную вечерю из евангельских повествований, которое осуществляется путем фактического облизывания верующими специальной ложки – лжицы, содержащей Священные дары: кусочек хлеба из потира с вином. Не стоит говорить, что это в корне противоречит любым противопандемийным рекомендациям.

Другим важным моментом является институциональность церкви. Церковь, как большая организация, зависит от тех финансовых трат, которые несут приходящие в храм, а кроме того, заинтересована в поддержании образа влиятельной структуры, способной объединять и опять же собирать большое количество людей. Такие акции, как крупные общегородские крестные ходы, становятся как бы посланием власти, что с церковью необходимо считаться, а еще лучше поддерживать.

Кроме того, состав самих верующих крайне неоднороден. Помимо тех, кто был готов соблюдать все медицинские предписания, оказалось немало и таких, кто скептически отнесся к надвигающейся угрозе, идеалистически поставил во главу угла не меры предосторожности, а доверие высшей божественной силе, хранящей от всех бед, а также акцентировал внимание на конспирологических версиях происходящего. Эта немалая часть верующих болезненно воспринимала любые ограничения, а в особенности касающиеся посещения храмов. Это озвучивалось и самими священнослужителями, причем публично [1].

Казалось бы, печально известный корейский опыт со взрывным распространением инфекции из-за собраний «Церкви Иисуса Синчхонджи» должен был заставить власти, в том числе и священноначалие, во избежание общественного порицания объявить запреты на посещение церковных собраний, но на деле этого не было сделано, по крайней мере на местах. Да, была выпущена специальная патриаршая Инструкция, предусматривавшая определенные меры дезинфекции церковной утвари, но официальная позиция церкви могла быть прямо противоположной происходящему в храмах. Самый яркий пример – открытое противостояние уральского священника С. Романова противопандемийным мерам, критиковавшего церковные и светские власти, что привело его в конечном итоге не только к лишению сана, но и к отлучению от церкви и даже к потере свободы.

Неудивительно, что священнослужителей, монастыри захлестнула волна заболеваний [1]. И для либеральной общечеловечности церковь вновь дала повод критиковать ее за косность и неумение реагировать на современные вызовы. Но возникает вопрос о возможных действиях церкви в этой ситуации без ущерба главным ценностям православия.

Церковные практики и пандемия: пути выхода из ситуации

Например, некоторые религиозные мыслители выступали за бóльшую четкость в формулировках официальной позиции, обозначение санкций и критериев для их применения. Однако нам кажется, что для современной церкви пандемия выступает своеобразной лакмусовой бумагой, выявляя актуальность более значительных перемен. Дело в том, что церковь по инерции пытается сохранить тот порядок совершения православных практик, который существовал веками, лишь точечно вводя новшества, которые невозможно игнорировать, например присутствие в социальных сетях. Но, учитывая, что современное общество далеко ушло от времен расцвета Византии и Крещения Руси, для удовлетворения религиозных потребностей становятся востребованными совершенно иные способы организации своей деятельности, в том числе и совершения практик. Однако это требует отдельного раз-

говора, а в рамках обозначенной темы хотелось бы рассмотреть, каким образом могли бы быть скорректированы практики, подпадающие под пандемийные запреты (см. таблицу ниже).

Таблица

**Православные практики в пандемийный период:
угрозы и возможности корректировки**

Практика	Угроза здоровью в период пандемии	Суть	Возможность корректировки
Храмовое богослужение	Скопление людей в замкнутом помещении, несоблюдение масочного режима	Общественная молитва – обязательный атрибут церкви, принципиально отличающийся от индивидуальной	Возможность совершения молитвы в режиме видеоконференцсвязи, видеотрансляции богослужения, актуализация способа существования общины как хорошо знакомых людей
Практики телесного контакта со священными вещами	Риск заражения через телесный контакт	Форма выражения религиозных чувств, поиска поддержки в трудных ситуациях	Нелегкий отказ от привычки прикладываться к святым вещам, перенос внимания на духовное выражение веры
Причастие	Риск заражения через употребление даров из одной чаши с помощью одного предмета – ложки	Центральное таинство церкви, от которого не представляется возможным отказаться	Изменение формы причастия: передача каждому частицы для причастия более безопасным способом

Необходимо признать, что некоторые формы, вроде видеотрансляций богослужений, существовали и раньше, но в период

пандемии мало просто показывать богослужение – необходимо удовлетворять запросы на общение верующих, их участие в таинствах.

Заключение

Таким образом, пандемийные ограничения в очередной раз актуализировали вопросы о месте православных практик в жизни современного общества, возможностях удовлетворения религиозных потребностей, налаживании новых каналов взаимодействия церкви с верующими и в то же время продемонстрировали не только масштаб необходимых перемен, но и всю сложность даже небольших подвижек в этом направлении. Новый образ церкви еще не найден, не сформулирован ни светскими мыслителями, ни религиозными, и в большей степени мы можем ожидать его в философско-религиозном обобщении новаций отдельных церковных единиц.

Литература

1. Год вместе: ковид и РПЦ // Ахилла: Независимый аналитический проект. – 26.02.2021. – URL: <https://ahilla.ru/god-vmeste-kovid-i-rpts/> (дата обращения: 01.03.2021).

Дистанционное образование в России в эпоху COVID-19

Аннотация. В эпоху пандемии дистанционное образование стало общей судьбой миллионов людей во всем мире. Благодаря пандемии многие узнали, что существует «иная» реальность образования, началось «вживание» в нее, осмысление ее специфики и возможностей. Этот процесс был трудным и неоднозначным: в дистанционное образование «включались» люди в разных жизненных обстоятельствах и с разной степенью подготовленности. Многим оно дало возможность продолжить учиться, но в такой форме, к которой практически каждый не был готов. Дистанционное образование не предназначено для *массового* использования в *общей* школе, и те негативные явления, с которыми столкнулись его участники, определялись именно этим. Ограничения пандемии стимулировали практическое освоение и теоретическое осмысление дистанционного образования, его границ и возможностей. Для многих педагогов оно стало точкой профессионального роста, а само дистанционное образование получило мощный импульс к развитию.

Ключевые слова: дистанционное образование; правовое регулирование; возможности дистанционного образования; границы дистанционного образования; пандемия.

К марту 2020 года дистанционное образование представляло собой международную подсистему образования, поддерживаемую мировым сообществом, правительствами и ведущими университетами мира, имевшую своих теоретиков и

Ирина Алексеевна Петрикеева, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, ФГБОУ ВО «Уральский государственный лесотехнический университет» (г. Екатеринбург, Россия).

методологов, развитую сеть образовательных онлайн-платформ, программное, телекоммуникационное и аппаратное обеспечение, дидактические ресурсы и т. д. Эта развитая подсистема образования давала возможность обучения каждому человеку вне зависимости от его социального статуса или местонахождения.

Россия, являясь частью этой системы, замыкала рейтинги европейских стран по участию в непрерывном образовании [6, с. 79–82]. В 2018 году сетью Интернет для дистанционного обучения воспользовались 2,7 % взрослого населения России [13, с. 28]. В 2019 году лишь 69,4 % домашних хозяйств в России имели персональный компьютер, 76,9 % – доступ к сети Интернет, а доступ к сети Интернет с персонального компьютера – 65,4 % [3]. Образовательные программы высшего образования, реализуемые с применением дистанционных образовательных технологий, составили 11,4 %, 12,9 % и 14,9 % от общего числа программ бакалавриата, специалитета и магистратуры соответственно [8, с. 3].

Массовая информационная неосведомленность в сфере дистанционного образования до сих пор проявляется в сообщениях СМИ, интернет-форумах и, к сожалению, в профессиональных сообществах. Ярким примером такой неосведомленности (а возможно, дезинформации) явилось обсуждение Федерального закона от 30.12.2020 № 517-ФЗ [12], вызвавшее бурю негодования и протестов против «перевода системы образования в дистанционный формат», о чем в содержании принятого Закона даже не упоминается.

Ситуацию усугубляет *отсутствие* понятия дистанционного образования в действующих нормативно-правовых актах в сфере образования. Закон об образовании в РФ [11] использует *три* понятия, имеющие отношение к дистанционному образованию: «сетевая форма реализации образовательных программ», «дистанционные образовательные технологии» и «электронное обучение». Ни одно из них не раскрывает понятия дистанционного образования как *подсистемы*, фактически реализованной на практике. В Законе отсутствует также понятие «дистанционная форма получения образования» (статья 17), что странно в ситуации, когда примерно седьмая часть (111) российских вузов ведет подготовку

студентов с использованием данной формы обучения [2]. В итоге в отношении дистанционного образования современное российское законодательство оказывается позади самых первых правовых документов, принятых в середине 90-х гг. прошлого века [9].

В теоретических работах, посвященных данной теме, имеется ряд фатальных «ошибок». Авторитетные исследования в данной области приравнивают дистанционное образование к «заочному обучению в Советском Союзе» и утверждают, что дистанционное образование отличается от очного образования «технологией доставки образования» [1, с. 32–33]. Тем самым и в теории нивелируется *понимание* дистанционного образования как *системы* со специфическими законами функционирования, дидактикой и специалистами.

Пандемия многое изменила в восприятии дистанционного образования в России. Существенно выросла информированность россиян о мировых и российских образовательных платформах, о действующих в России edtech-проектах, «игроках» рынка онлайн-образования и сетевых образовательных ресурсах. Само дистанционное образование вступило в этап интеграционных процессов: Минобрнауки РФ запустило *единую* платформу «доступа к онлайн-курсам, разработанным и реализуемым *разными* организациями на *разных* платформах онлайн-обучения» [10], российская IT-компания NexTouch разработала *международную* образовательную онлайн-платформу, позволяющую «получить образование из любой точки мира на любом языке», адаптированную для лиц с ограниченными возможностями здоровья [4].

Вместе с тем *экстренность* перехода к дистанционному обучению усилила социальное, технологическое и психологическое неравенства в степени подготовленности отдельных организаций и индивидов к дистанционному образованию. Около 60 % школьных учителей [5] и примерно столько же преподавателей вузов [7] оказались технически и психологически не готовы к качественному оказанию дистанционных услуг.

Часть образовательных организаций не смогла организовать обучение с использованием дистанционных технологий, и обучающиеся перешли на семейную форму получения образова-

ния. Это привело к конфликтам в семьях, а не подготовленные к профессиональной педагогической деятельности представители старших поколений, часто продолжавшие исполнять *свои* профессиональные обязанности, стали «педагогами».

Катастрофа пандемии парадоксальным образом «сплывалась» в общественном сознании с особенностями дистанционного образования, что не способствовало ни росту его популярности, ни лучшему пониманию. Для рядового человека дистанционное образование стало символом ограничений, разрыва «живых» социальных связей, «удаления» и «выключения» из привычных способов жизни и взаимодействия. В «измененной» социальной реальности удаленного доступа дистанционные технологии стали ответственными за переворачивание привычных взаимоотношений работы и дома, профессионализма и домашних обязанностей.

Для развития самого дистанционного образования пандемия имеет как *негативные*, так и *позитивные* последствия.

Негативными последствиями явились:

1) миссия и сущность дистанционного образования оказались размыты: уместное в сфере профессионального образования и обучения, повышения квалификации и профессиональной переподготовки, дистанционное образование распространилось на общую школу и было реализовано неподготовленными специалистами;

2) оказалась забытой важнейшая особенность дистанционного образования – высокая внутренняя мотивированность его участников;

3) дистанционное образование, являясь высокотехнологичной подсистемой образования, использует новейшие программные, технологические и дидактические разработки. В период пандемии многие его возможности оказались нереализованными;

4) это привело к негативным психологическим последствиям для его участников: они испытывали стресс и депривацию от отсутствия «живых», непосредственных контактов друг с другом. Остро встали психологические проблемы переживания телесности, утраты чувства реальности, самоидентификации. Вынуж-

денное использование дистанционных технологий сопровождалось их неприятием и негативными эмоциями.

Позитивными последствиями пандемии для дистанционного образования стали:

1) через все трудности формировалось осознание, что в рамках своей ниши (а именно, непрерывное образование, профессиональное образование и обучение, самообразование) дистанционное образование является эффективной подсистемой образования;

2) дистанционное образование требует от педагога навыков работы с техническими дидактическими средствами и, следовательно, специального обучения и определенных профессиональных и личностных качеств;

3) дистанционное образование по-новому выстраивает роли организаторов образовательного процесса. В нем участвуют: продюсер – эксперт – технический специалист – методист – тьютор. Педагог выступает в роли *эксперта*. Эффективность обучения определяется системным взаимодействием его организаторов при движении к цели: профессиональному и/или личностному росту обучающихся;

4) мир дистанционного образования имеет особый онтологический статус: прозрачность действий его участников, возможность изменения хода времени (через использование видеозаписи), возможность тотального контроля (статистика обучения). Хотелось бы надеяться, что эти особенности будут использоваться во благо его участников и совершенствования самого дистанционного образования.

Литература

1. Бочков В. Е., Краснова Г. А., Филиппов В. М. Состояние, тенденции, проблемы и роль дистанционного обучения в трансграничном образовании : учеб. пособие. – М. : РУДН, 2008. – 405 с. – URL: <https://pps.ranepa.ru/Publication2/2008/4f59e86d-cfbf-e611-80d0-005056a06105/5767a2952622a.pdf> (дата обращения: 12.02.2021).

2. Вузы дистанционно // EduNetwork. – URL: <https://vuz.edunetwork.ru/dist/> (дата обращения: 13.02.2021).

3. Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей // Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/fed_nabl-croc/index.html (дата обращения: 13.02.2021).

4. 2020: Разработка международной образовательной онлайн-платформы // Tadviser : Государство. Бизнес. ИТ. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82:NexTouch:%D0%9C%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D0%BD%D0%BB%D0%B0%D0%B9%D0%BD-%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0 (дата обращения: 13.02.2021).

5. Дистанционное образование, 2020 год // RAEX Аналитика : рейтинговое агентство. – URL: https://raex-a.ru/researches/distance_education/2020 (дата обращения: 13.02.2021).

6. Индикаторы образования: 2020 : статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Д. Р. Бородина, Л. М. Горхберг и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : НИУ ВШЭ, 2020. – 496 с. – URL: <https://www.hse.ru/primarydata/io> (дата обращения: 14.02.2021).

7. Тарасова Н. В., Пастухова И. П., Пестрикова С. М. Как влияет сейчас и повлияет в перспективе перевод образовательного процесса в дистанционный режим на образовательные результаты // ФИРО РАНХИГС. – URL: https://firo.ranepa.ru/novosti/105-monitoring-obrazovaniya-na-karantine/803-tarasova-ekspertiza#_Точ39055691 (дата обращения: 13.02.2021).

8. Левен Е. И., Суслов А. Б. Дистанционное обучение населения // Мониторинг экономики образования. – 2020. – Вып. № 22. – URL: https://www.hse.ru/data/2020/12/03/1354425801/release_22_2020.pdf (дата обращения: 10.02.2021).

9. Постановление Госкомвуза РФ от 31 мая 1995 г. № 6 «О состоянии и перспективах создания единой системы дистанционного образования в России» // Гарант: информационно-правовое обеспечение. – URL: <https://demo.garant.ru/#/document/181033/paragraph/24/doclist/1251/showentries/0/highlig ht/> (дата обращения: 13.02.2021).

10. Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации : портал. – URL: <https://online.edu.ru/public/about?faces-redirect=true> (дата обращения: 13.02.2021).

11. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 17.02.2021).

12. Федеральный закон от 30.12.2020 № 517-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300052> (дата обращения: 17.02.2021).

13. Цифровая экономика: 2020 // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. – URL: <https://issek.hse.ru/digest2020> (дата обращения: 13.02.2021).

Фольклорная онлайн-экспедиция в условиях пандемии: возможна ли она?

Аннотация. В настоящей статье представлен опыт проведения практических занятий в рамках учебной дисциплины «Народно-сценический танец и методика его преподавания» на факультете современного танца АНО ВО «Гуманитарный университет» в условиях дистанционного обучения.

Ключевые слова: пандемия; дистанционное обучение; народный танец; народно-сценический танец; фольклорная экспедиция; онлайн-экспедиция.

В 2020 году мир пережил ряд потрясений, связанных, прежде всего, с распространением новой коронавирусной инфекции. Мгновенно распространяющийся вирус затронул не только экономическую, политическую, социокультурную сферы нашего общества, дестабилизировал образовательную область, но, несомненно, вызвал большое количество изменений в потребностях, привычках, образе жизни людей, их мировосприятии, поведении, образе мыслей.

Формат удаленного доступа стал для многих «вызовом», связанным, прежде всего, с локализацией привычной жизни. В частности, в образовательной сфере на всех уровнях необходимо было принимать быстрые, ситуационные решения в организации образовательной деятельности, в выстраивании образовательной стратегии (в частности, проведение занятий в условиях удаленного доступа, формирование кейсовых заданий, установление «обратной связи» обучающихся и т. п.). Пожалуй, самым проблемным моментом оказалась мотивация обучающихся к

Анна Сергеевна Полякова, ст. преподаватель факультета современного танца АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

познавательной деятельности. Но для творческих людей любые ограничительные меры зачастую являются лишь дополнительным импульсом к продуцированию новых идей и проектов.

На факультете современного танца Гуманитарного университета учебный курс «Народно-сценический танец и методика его преподавания»¹ ориентирован на изучение и технически грамотное, выразительное в характере и манере исполнения танцев народов мира, а также формирование умений стилистически точно интерпретировать художественно-образное содержание исполняемого материала. Совершенно ясно, что в условиях дистанционного обучения все это оказалось невыполнимым. В таких обстоятельствах и были найдены новые формы получения и усвоения информации, учебного материала в целом. Так, после изучения тем «Формы русского народного танца и их особенности» и «Сценическое оформление фольклорного материала» в качестве одного из творческих заданий студентам 2-го курса было предложено совершить фольклорную онлайн-экспедицию². В рамках экспедиции необходимо было не только познакомиться с географическим положением определенного региона нашей страны, традиционной культурой, бытом, особенностями музыкальной и танцевальной культуры, но и на основе собранного эмпирического материала создать авторское произведение – то есть преобразовать народный танец в танец народно-сценический (и не только создание композиции танца, поиск танцевальной лексики на основе изученного фольклорного фрагмента, но и разработка авторского сценического костюма).

На сегодняшний день можно констатировать, что наблюдаемые в современной хореографической культуре процессы утраты традиционных форм народного танца вполне очевидны. И в пер-

¹ Класс А. С. Поляковой.

² Ознакомиться с результатами фольклорной онлайн-экспедиции и увидеть уникальность и неповторимость каждого творческого процесса можно на канале «Мастерская по народному танцу» (плейлист «Фольклорная онлайн-экспедиция» в рамках тем «Формы русского народного танца и их особенности» и «Сценическое оформление фольклорного материала». URL: <https://www.youtube.com/channel/UCYKTFSRxEJTLHjaZI4fiKfQw>).

вую очередь это объясняется историческими предпосылками: с начала и вплоть до середины XX века в России «народный танец был широко распространен в быту, являясь неотъемлемой частью деревенской молодежной культуры. Обучение традиционному танцу происходило стихийно» [4, с. 40]. После Великой Отечественной войны настойчивые директивы, «спущенные сверху», гласили о повсеместном «воспитании масс» и транслировании народной плясовой культуры в условиях социалистической идеологии – в форме народно-сценической хореографии, что меняло естественность народного танца. Как отмечает А. А. Соколов-Каминский, «многоцветная, праздничная, ликующая стихия народного танца отвечала этим задачам. И ее эксплуатировали сполна!» [1, с. 7]. Активная экспедиционная деятельность по сбору и фиксации фольклорных образцов, начатая еще в 1960-х годах и осуществляемая и в настоящее время, не позволила сократить все более осязаемый разрыв, угасание необходимой трансмиссии и, как следствие, потерю самобытности пляски. До сих пор аутентичный фольклорный танец остается малоизученным. К тому же в современном обществе под влиянием процессов урбанизации и глобализации всё явнее ощущается недостаток межличностного общения (а народный танец, в свою очередь, зачастую являлся основой коммуникативной культуры). А в условиях пандемии это стало практически невозможным.

Многие исследователи (в т. ч. Т. В. Пуртова, Н. И. Заикин, М. П. Мурашко, А. И. Шилин) выделяют несколько направлений в качестве возможного выхода из сложившейся ситуации. Прежде всего, это появление так называемых фольклорных ансамблей, где в основе репертуара – синкретизм представляемого действия (неразрывная связь пения, танца, игрового начала). По мнению этнохореографа и исследователя народной традиционной культуры А. И. Шилина, «задача таких коллективов очевидна: в период, когда фольклорная хореографическая традиция уже сильно разрушена, необходимо по крупицам собирать танцевальные элементы, пополнять ими свой исполнительский багаж, стремясь к обогащению лексики танца» [5, с. 16]. Достижение художественного результата происходит не за счет высокого исполни-

тельского мастерства танцовщиков, а в опоре на их искренность и естественность. Другим, не менее интересным, направлением можно считать попытки сценической адаптации региональных образцов народного танца (прежде всего основанные на опыте хореографов советского периода, в том числе на полученные ими материалы в ходе фольклорных экспедиций). В данном случае наблюдается трепетное и бережное отношение к первоисточнику и его сценическая адаптация (придание композиционной формы и разработка лексического модуля, усиление средств выразительности (придание большей экспрессии в исполнении), введение приемов режиссуры и др.), тщательный отбор наиболее характерных и специфических приемов, черт, исполнение на достаточно высоком техническом уровне. Также высказывается идея вовлечения представителей молодого поколения в традиционную плясовую культуру (организация и проведение различных специализированных встреч и состязаний – вечёрок), чтобы те становились соучастниками общего действия. Ведь народная танцевальная культура – явление современное в любой исторический момент, и она меняется (эволюционирует) вместе с развитием культуры в целом.

Действительно, сегодня интерес к русскому народному танцевальному творчеству обширен. И связано это с желанием современников не только изучать забытые традиции и обычаи, но и воссоздавать утраченные образы регионального танцевального фольклора в различных видах искусства. А для будущих танцовщиков и хореографов современного танца знание традиционных фольклорных форм способствует раскрытию исполнительских возможностей и развитию творческого мышления, столь необходимого при создании авторских хореографических произведений. Ведь каждый хореограф вправе найти свою собственную манеру исполнения, создать набор выразительных средств, где каждая композиция – это индивидуальный поиск, индивидуальный способ хореографического мышления. И условия дистанционного обучения, вернее, адаптация образовательного процесса к текущим быстроменяющимся событиям как никогда помогла в получении этой новой полезной информации.

Так, в ходе каждой онлайн-экспедиции были выявлены интересные особенности того или иного фольклорного материала, что послужило импульсом к созданию студентами небольших авторских высказываний.

Софья Горлова, изучая пляску под свадебную песню «Зашел козел в огород» Суздальского района Владимирской области, не только определила основные особенности данной пляски (исполняемой полукругом, где исполнительницы держат общий ритм за счет дробных движений в ногах, при этом руками, поднятыми вверх, свободно и раскованно двигаются), но и подробно проанализировала сам текст песни, раскрыв все заложенные в ней смыслы. В частности, что козел – достаточно популярный в славянском фольклоре персонаж. На свадьбах нередко разыгрывали сценки с участием козы или козла, включая в эти сценки мотив смерти или болезни, от которой потом исцелялись. Козлом иногда представляли и самого жениха. В данной песне козел – это парень, соблазняющий чужую жену, «зашедший во чужой огород», а жена, совершая продажу этого козла, избавляясь от него и меняя на товар, сохраняет верность мужу. Смысл песни «Зашел козел в огород» представляется как своеобразное обещание верности в замужестве.

Мария Кунис, подробно разбирая русскую женскую пляску Алтая, обратила внимание, что данная пляска исполняется под частушки, с традиционным продвижением по кругу, где исполнительница двигается по кругу мягким, шаркающим шагом. А иногда используются и легкие дробные выстукивания (практически не отрывая ног от пола), при этом положение рук – свободно опущены вниз, и в пляске они не поднимаются высоко. Исполнялись такие пляски на вечёрках и на так называемых «тырлах», разница между которыми заключалась в том, что вечёрки исполнялись в избах (в холодное время года), а «тырло» – на свежем воздухе в летний период и отчасти в межсезонье, где-нибудь на твердой поверхности (мост, деревянный тротуар).

Мария Меркульева, ознакомившись с круговым танцем Суздальского района Владимирской области, обнаружила, что данный танец является фрагментом (фигурой) когда-то исполняв-

шейся круговой кадрили. Почти каждый район Владимирской области, и даже отдельные сёла и деревни, имели свои отличительные черты, рисунок, манеру исполнения кадрили. В предложенном фрагменте движения в парах и одиночные переходы происходят по кругу, против часовой стрелки, а также к центру круга и обратно. Исполняется танец простым, шаркающим и переменным шагом, неторопливо и степенно.

Валентина Попова, изучая матросский танец «Яблочко» в исполнении Ю. М. Загвоздина (р. 1938 г.) выявила, что основой всем известного танца «Яблочко» является танец английских моряков хорнпайп, позже именуемый «матлот» (от фр. *matelote* – «матросский»). Его исполнители (а иногда – исполнительницы – травести) включали в свои номера обязательные элементы – «вытягивание каната», «подъем на мачту», «качалку» с ноги на ногу, воспроизводившую морскую качку, и т. п. В послереволюционные годы матлот обрел всенародную популярность, сменив название на чисто русское: матросское «Яблочко», по одноименной песенке, распевавшейся по всей России: «Эх, яблочко! Куда ты котишься?», став как бы символом революционного моряка. Главным в нем становятся ритмичные удары и различные переборы ног – чечётка.

Полина Савиновских, знакомясь с традиционной пляской под свадебную песню «Я малым, я маленька» села Малоархангельск Красночикийского района Забайкальского края, отметила, что исполнялась она среди семейских³ – старообрядцев, высланных в Забайкалье еще в XVIII веке с целью укрепления восточных рубежей России, граничащих с империей Цинь. В исследуемом фольклорном материале выявлено, что песенная культура семейских прежде всего выделяется многоголосным неповторимым распевом, поскольку одной из главных особенностей семейских является их семейственность и коллективизм. Пляска девушек зачастую представлена неторопливыми переходами, где движения рук минимальны и чаще или просто опущены вдоль тела, или поставлены в бока «кулачками», или синхронно переводились перед

³ Свое название семейские старообрядцы получили от местных жителей ввиду их прихода большими семьями.

собой в одну и другую сторону. Двигались они «мелкими шажочками, вышаркивая ритм песни» [3, с. 68], держась скромно, тогда как пляска юношей и мужчин чаще всего носила динамичный, соревновательный характер.

Мария Тарбеева, изучая бытовой танец «Краковяк» Суздальского района Владимирской области, выяснила, что в России танец «Краковяк», имеющий польское происхождение, появился в период с 1810-го по 1812 г. А уже в 1889 г. артист Мариинского балета и педагог Санкт-Петербургского театрального училища Н. Л. Гавликовский предложил исполнять в балетах «Краковяк с вальсом своего сочинения», где новаторским приемом оказалось соединение движений народного танца с вальсовым вращением. Именно краковяк Н. Л. Гавликовского «попадает в книги, распространяется по российским глубинкам» [2, с. 68], перейдя в сферу быта, где стал любимым на различных деревенских и городских гуляниях. Во Владимирской области он появился только в начале XX века. Краковяк Н. Л. Гавликовского состоял из двух частей, где исполнители распределялись по парам, танец имел круговое построение (то есть все пары перемещались по кругу в одном направлении против часовой стрелки). Рассматриваемый владимирский краковяк также имеет двухчастную структуру танца, где исполнители танцуют по парам и завершают вторую часть вращением в паре по линии танца. Изменилась и танцевальная лексика: неудобные, порой вычурные *pas de basqué*, придуманные Н. Л. Гавликовским, местные жители заменили на различные шаги и притоптывания, исполняемые в ритме вальса.

Татьяна Токаревских, исследуя традиционную кадрили Медвежьегорского района Карелии, отметила, что отличительной чертой ее исполнения является степенный, размеренный характер, что очень отличается от русской кадрили, исполняемой в довольно быстром темпе. В танце нет пустого жеманства, а есть, наоборот, честность, прямота и бескомпромиссность, присущие народу Карелии, проявляющиеся в их четких и отточенных танцевальных движениях. В частности, для рук есть несколько определенных движений в танце, а расправленные плечи и поднятая голова добавляют исполнению строгости и лаконичности.

Диана Четверкина, знакомясь с рязанской «Игрой в платочек», выявила, что данная игра являлась одним из элементов формирования отношений между мужчиной и женщиной в традиционной русской культуре. Смысл игры заключался в том, что девушка, подбрасывая платочек, давала возможность любому парню поймать его. Тот, кто поймал, – шел к девушке и опускал платочек ей на плечо, тем самым вызывая в круг на танец. Девушка плясала в свое удовольствие, водя платочком, а парень должен был, не касаясь руками и не применяя силы, взять этот платочек, получив в награду поцелуй девушки.

Ирина Якухнова, изучая пляску под заслонку деревни Пожарище, Нюксенского района Вологодской области, определила, что данная пляска основана на шагах с разными приемами и телодвижениями всего тела: к примеру, «ход уточкой» и «рожки». А каждое движение этой пляски имеет определенный смысл, в частности: притопывание ногами – символизирует пробуждение земли для посева (для того чтобы научиться, на голову ставили чашу с водой – чтоб исполнительницы не скакали, чтоб вода не проливалась – нужна степенность); завязывание узлов на волосах и закручивание их рожками под платками и круговые движения руками возле висков – символ Небесной коровы Земун и т. п.

Безусловно, опыт 2020 года во многом изменит привычные образовательные ориентиры. Но проявленный, пусть даже с помощью онлайн-технологий, интерес к удивительному, многогранному народному танцу не только открывает возможности его грамотного трансформирования в современных движенческих практиках, но и позволяет предотвратить исчезновение самобытного русского народного танца. Многозначность элементов фольклорного аутентичного танца настолько очевидна, что объясняет его витальность и прочность, открывая возможность многократного его использования (на протяжении нескольких эпох) и обращения хореографов к одним и тем же элементам, движениям, композиционным приемам и пр. Это дает возможность фольклорному танцу жить «вторую», «третью» жизнь и т. д., в том числе в структуре авторских произведений профессиональной культуры.

Литература

1. Народный танец: проблемы изучения : сб. науч. трудов / под ред. А. А. Соколова-Каминского. – СПб. : Всерос. НИИ искусствознания, 1991. – 234 с.
2. Стадник Ю. А. Краковяк: сравнение танцевальной лексики // Современный спортивный бальный танец: исторический опыт, современные проблемы, перспективы развития : II Межвуз. науч.-практ. конф., 28 февраля 2014 г. – СПб. : СПбГУП, 2014. – С. 67–69.
3. Фурман О. Ю. Пляска в свадебном обряде у «семейских» Забайкалья // Традиционная культура. – 2013. – № 3 (51). – С. 61–70.
4. Шилин А. И. Молодежная вечерка // Народное творчество. – 2012. – № 2. – С. 39–41.
5. Шилин А. И. Неизвестный русский танец // Народное творчество. – 2006. – № 3. – С. 12–16.

Современный танец в режиме самоизоляции: опыт онлайн-выживания

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению нового, сетевого формата современного танцевального спектакля, активированного режимом самоизоляции. Делается попытка проанализировать появившийся за последний год опыт создания и презентации подобных форматов, рассмотреть их особенности, наличие предпосылок заменить собой более привычный формат «живого» спектакля.

Ключевые слова: онлайн; режим самоизоляции; интернет-платформа; трансляция; сетевой спектакль; виртуальность; сайт-специфик, киберформанс.

Локдаун (тотальные ограничительные меры в связи с пандемией Covid-19), начавшийся в России в марте 2020 г., тяжело ударил, в первую очередь, по тем явлениям художественной культуры, которые принято относить к области сценических (перформативных) искусств. Спектакли, концерты, перформансы, ориентированные на процесс, на «здесь и сейчас», на обязательное присутствие зрителя и на существование в публичном пространстве, оказались под запретом. Чтобы выжить, «театры начали искать все более изощренные способы подачи спектаклей в Сети, сражаясь за их внимание зрителей. Началось перепрофилирование театров и фестивалей под онлайн-контент как основной» [2]. Активизировалась деятельность самых разных платформ (ZOOM,

Наталья Валерьевна Курюмова, кандидат культурологии, доцент кафедры хореографического искусства и художественной культуры АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Instagram, YouTube, Vimeo и др.)¹. В России активно заявил о себе мультимедийный сервис Okko²: здесь в январе 2020 г., незадолго до пандемии, появился актуальный театральный проект – «Okko театр». Его целью было предоставление возможности смотреть лучшие театральные постановки страны в режиме онлайн из любой ее точки. Генеральный продюсер проекта Иван Вырыпаев ставил своей задачей не просто выкладывать видео спектаклей, но создавать «качественно новый продукт, трансформируя уже существующие спектакли под формат фильма-спектакля» [1]. Достаточно быстро виртуальность стала повседневностью: новая реальность вынудила искать принципиально новые пути взаимодействия со зрителем (которого, пожалуй, в период самоизоляции уместнее было бы называть «пользователем»).

Хореографический театр не стал исключением. Запертые дома, лишенные возможности ежедневного тренинга и репетиций в танцевальных классах, а также возможности представлять свое искусство на сцене, балетмейстеры, танцовщики, педагоги прибегли к дистанционным IT-технологиям, не требующим для коммуникации «живого присутствия».

Началось с более простых и уже отработанных форм: интернет-трансляции ранее снятых спектаклей (балетов и произведений contemporary dance). Хореографы, педагоги и труппы (от Английского национального балета до Большого и Мариинского театров; от Нидерландского театра танца – до огромного количества менее масштабных компаний современного танца) перешли в онлайн, где, проводя запланированные тренинги и репетиции, щедро делились уроками и мастер-классами со всеми желающими.

¹ В сообществе российского современного танца еще более востребованной стала деятельность сетевого образовательного центра Dancehelp.ru, оказывающего информационную, методическую поддержку для хореографов, педагогов, руководителей коллективов, созданного несколько лет назад Еленой Панасенко.

² Okko – российский мультимедийный сервис, занимает второе место среди российских онлайн-кинотеатров по объему аудитории и выручке, создан как онлайн-кинотеатр в 2009 г.

В условиях продолжительного карантина формы присутствия в Сети быстро развивались. Например, уже в апреле в сетях появился ролик, в котором пятьдесят танцовщиков Парижской оперы (каждый у себя дома, в интерьерах кухонь, гостиных или в проеме окна) делали энергичные па под музыку Прокофьева, демонстрируя героическое стремление не сдаваться перед лицом опасности, сохранять профессиональную форму. В ответ появился ролик, где артисты балета Мариинского театра самоотверженно крутят пируэты, совершают прыжки и делают растяжку в своих квартирах или на придомовых территориях. Подобные ролики, созданные самыми разными танцевальными коллективами, быстро заполнили сетевое пространство. Нечто новое внесли интернет-опусы, появившиеся следом и ориентированные на более впечатляющий художественный результат. Например, фильм хореографа Кори Бейкер, созданный через Zoom, по заказу BBC Arts: 27 артистов Лондонского Ковент Гарден, Парижской оперы и АВТ³ станцевали «Лебединое озеро» (вернее – парафраз каждого танцовщика на образ Лебедя, ставший исследованием собственных телесных возможностей в ограниченном пространстве) у себя дома, в ванне...

Качественно новым в этом контексте явлением не только для отечественного contemporary dance, но и далее, стал проект театра «Балет “Москва”» «Прощай, старый мир!», созданный в апреле-мае 2020 г. Впервые зрителям-пользователям была предложена не видеозапись, а онлайн-трансляция (два раза – 31 мая и 21 июня 2020 г., на Okko) полноценного танц-спектакля, коллажирующего синхронные действия шести танцовщиков, находящихся в разных пространственных точках (на самоизоляции в своих квартирах).

Постановочная команда, возглавляемая хореографом Владимиром Варнавой, сознательно отказалась от записи и монтажа, решив, что запись не дает адекватной замены живому спектаклю, тем самым вступив на заведомо неисследованную территорию. Постановщики и исполнители в течение полутора месяцев созда-

³ «American Ballet Theatre» – одна из ведущих балетных компаний США, основанная в 1940 г.

вали, репетировали, а в момент трансляций – представляли онлайн первую полнометражную танцевальную постановку эпохи коронавируса в стиле «бытовой сюрреализм» (ключевую роль в показе играла команда студии медиарешений Юрия Исхакова), буквально не выходя из дома. Танцовщики при этом находились по своим домам в Москве, художник спектакля Павел Семченко («Инженерный театр АХЕ»), композитор Денис Антонов и сам хореограф – в Санкт-Петербурге, видеохудожник Олег Михайлов – в Кёльне.

По словам директора театра, Елены Тупысевой, в момент вынужденного ухода труппы на карантин ей пришлось взять паузу. «Я думала о том, насколько артистам важно выходить на сцену... К концу второй недели я поняла: надо придумать что-то, чего мы бы в обычной жизни не сделали. И очень важно, чтобы это было life-art, живое искусство» [3]. Сначала речь шла о постановке нескольких хореографических миниатюр и синхронов в режиме конференции в ZOOMe. Результат превзошел ожидания: получился гораздо более сложный и новаторский проект.

Исходной темой стало осмысление того, как чувствует себя человек в мире, суженном до размеров квартиры. Спектакль («о самоизоляции, созданный в самоизоляции») монтировался на основе «домашних заданий», которые предлагали артистам хореограф и художник спектакля. Артисты исследовали свои психофизические состояния и «отанцовывали» те или иные фрагменты и предметы своего жилища. «Ты начинаешь ползать по кухне и думаешь – вот этот угол я очень здорово могу обыграть... Новая среда и предметы дают тебе новые ресурсы изобретательности», – рассказывает одна из участниц проекта [3]. Свои первые работы артисты должны были записать на смартфон и отправить постановщикам. Владимир Варнава отметил, что «к моменту премьеры ребята управлялись с камерами, как операторы-ловкачи. Выходя на лестничную клетку или в ванную комнату, они должны были помнить о миллионе вещей: где стоит свет, камера, работает ли сейчас 4G или WiFi, и, конечно, нести свой танец... Для нас всех это было похоже на жонглирование горящими булавами на моноколесе, под куполом цирка» [3].

Далее процесс перешел в фазу онлайн-репетиций: студия принимала видеосигнал шести артистов из разных локаций и транслировала его видеохудожнику спектакля. Видеохудожник сводил и обрабатывал видеопотоки – миксовал, проводил цветокоррекцию и накладывал визуальные эффекты в режиме реального времени. Композиционную основу задавала подготовленная хореографом «раскадровка» всего действия, где обозначались ракурсы танцующего тела, место транслирующей камеры, а также точки входа и выхода (в эфир и из эфира) для каждого исполнителя. В момент трансляции спектакля (она обеспечивалась сразу двумя платформами: «чистой» (на зрителя) и «черновой» (здесь шла координация всех участников действия)) эти переходы создавали, действительно, особый сюрреалистический «ландшафт». Под стать ему – и электронный музыкальный эмбиент, который создавался в процессе репетиций, в результате удаленного взаимодействия композитора и танцовщиков.

Конечно, сайт-специфик⁴ и опыт работы с использованием современных средств коммуникации (к примеру, киберформанс⁵)

⁴ Site-specific — вид пространственно-ориентированного искусства; художественный образ и смыслы возникают благодаря взаимодействию перформера и зрителей с определенным местом действия. Важная особенность пандемийных танцевальных роликов: авторы поставлены перед необходимостью творческого освоения доступных, на тот или иной момент, локаций. (Локаций, характеристики которых в периоды наиболее строгих самоизоляции определялись жесткими пространственными ограничениями (не отходить далее определенного количества метров от дома).) Другими словами, свое личное пространство, собственное жилище представить как «сцену».

⁵ Киберформанс – перформанс, в котором участники могут работать вместе в режиме реального времени удаленно через Интернет, используя специализированное программное обеспечение. Киберформанс также называют онлайн-перформансом, сетевым или телематическим перформансом и цифровым театром. Отсчет истории киберформанса начинается с работы «*Satellite Arts Project*» («Проект спутникового искусства») 1977 года, где художники Кит Галлоуэй и Шерри Рабинович исследовали возможности применения актуальных на тот момент телекоммуникационных технологий (в том числе, трансляции видеозображений через спутниковую связь) в художественных целях: они

известны и практикуются в актуальной художественной среде уже давно. Но именно безвыходность ситуации, связанной с пандемией, подтолкнула к их (домашнего «заклочения» и цифровых технологий) объединению и, как следствие, к освоению качественно новых способов создания и презентации спектаклей. По словам хореографа, «мы встали перед ситуацией, когда технологии не было. Мы должны были ее создать – и создали методом проб и ошибок. Пока мы с артистами придумывали некую новую художественную форму, остальная команда придумывала, как это осуществить технически» [3]. Опыт рассмотренного проекта еще предстоит осмысливать и развивать. Но некоторые сущностно важные моменты нового сетевого перформативного искусства уже можно отметить. В том числе:

– *онлайнность* спектакля, которая превращает его, действительно, в искусство живое и, как минимум, интригующее: всё как бы возникает на ваших глазах, у происходящего в данный момент (да еще в столь сложных условиях) нет никакой защиты от случайностей, есть зависимость от текущего момента;

– *многоканальность происходящего*, которая предъявляет ко всем участникам требование расширения функционала. Выполняя свои задачи, актер должен моментально перестроиться от одной сцены к другой (не будем забывать – все происходит в домашних условиях; пока артист вне эфира, он сам готовит себе новую «площадку» для следующего «выхода в эфир»: убирает мебель, крепит камеру в новом «месте действия» и т. п.); не терять связь с координатором; в нужный момент оказаться в нужном месте и вновь «под камерой». Постановочная команда, предъявляя спектакль зрителю в текущий момент, должна мобильно оперировать сразу несколькими коммуникативными и информационными каналами;

– *новый тип организации постановочного процесса*: каждый участник способен к импровизации, инициативе и принятию решений по ходу дела; совершая «приносы» (то есть создавая те попытки объединить нескольких художников, находящихся на разных континентах, в одном живом изображении (см. подробнее об этом: [4]).

или иные решения для спектакля), он увеличивает личный вклад в общее целое; удаленно осуществляет сам и получает для себя «feedback» – обратную связь. Таким образом принципы сетевого общества, основанного на горизонтальных взаимосвязях, переносятся в постановочный процесс; происходит де-иерархизация последнего.

Важным результатом стало художественное качество спектакля, особая *экзистенциальная и смысловая наполненность* происходящего. Благодаря вторжению цифровых интернет-технологий, связанному с режимом самоизоляции, стала возможна *трансформация личного пространства – в пространство публичное*, повлекшая *открытие все новых смыслов и художественной образности*. По словам танцовщицы Анастасии Пешковой, «соматически по-другому ощущается твое тело в доме или на сцене, в зале. Себя надо “перенастроить”. Комментарии в наушниках подтверждают, что это реальность, а не что ты сошел с ума и сам себе придумал спектакль» [3]. И вот что говорит о своем опыте работы в проекте танцовщик Андрей Остапенко: «Сначала было забавно. Я живу один в однокомнатной квартире – и было интересно заставить себя заниматься каждый день, найти место, расчистить его, переосмыслить пространство, в котором живешь. Но в какой-то момент наступает переворот: происходит встреча с самим собой, вдруг всплывают вопросы, которые до этого времени лежали на полочке, и вдруг на них теперь нужно ответить» [3]. Сюрреалистическая история тела, зависающего на перилах лестницы в подъезде; «перетекающего» из пространства квартиры – на балкон, находящийся на большой высоте; втягиваемого, словно как в какой-то странный, кошмарный тоннель, – в проем стиральной машины, в изнеможении катящегося по полу; тела, погруженного в причудливый мир, соединяющий прозаический быт с цифровым сюрсом, – фиксирует переживаемые отдельным человеком, но понятные всему миру новые модусы существования. «Прощай, старый мир» – пластическая рефлексия человека, оказавшегося «вынутым» из привычного порядка вещей, самоопределяющегося и с тревогой вглядывающегося в будущее.

Литература

1. Артемьева В. Сплошной интертеймент. Как «Okko Театр» Ивана Вырыпаева делает качественное искусство доступным широкому кругу людей // Новая газета. – 18.02.2020. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/02/17/83972-splshnoy-interteuyment> (дата обращения: 20.03.2020).
2. Бейлина М., Флеров А. Обращение к участникам онлайн-конференции «Стратегии выживания» // THEATRUM: Ре-Формация. – 14.08.2020. – URL: <http://theatrum-re.instituteoftheatre.ru/#events> (дата обращения: 20.03.2020).
3. Как театр «Балет Москва» создал спектакль в условиях самоизоляции? : разговор Елены Панасенко с авторами спектакля «Прощай, старый мир» в эфире сетевого образовательного центра Dancehelp.ru. – Dancehelp.ru, 19.06.2020. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WB9dZlA9dxc> (дата обращения: 20.03.2020).
4. Киберформанс // Википедия : свободная энциклопедия. – URL: <https://inlnk.ru/r9A9m> (дата обращения: 20.03.2020).

Раздел второй

Коронавирус, состояние российской экономики и требования к ее реформированию

Социальная ответственность как элемент развития бизнеса

Аннотация. В настоящее время всё большее значение приобретают социальные, или общественные, проблемы. Социальные проблемы отражают влияние событий или условий на гражданина с точки зрения общества. Поиск решения этих проблем, зарождение новых взглядов и идеологий на социальную сферу жизни поспособствовали усилению роли компаний в улучшении благосостояния общества в целом. Такое участие предприятий в жизни общества дало жизнь понятию социальной ответственности бизнеса. Современные компании рассматривают социальную ответственность уже как неотъемлемую часть в управлении и ведении своей деятельности. В данной статье рассматривается значение социальной ответственности для компании и общества в целом, способы реализации социальной ответственности в современном мире, а также описываются пути решения проблемы развития социальной ответственности компаний.

Ключевые слова: социальная ответственность; бизнес; общество; социальные программы.

Социальная ответственность, заключающаяся в выполнении определенных обязательств перед обществом, является также одним из инструментов обеспечения устойчивого развития компании. К основным элементам социальной ответственности бизнеса, как правило, относят [8]:

Ольга Константиновна Белорыбкина, магистрант, факультет бизнеса и управления АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Научный руководитель: О. В. Карпова, канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

- методы построения и управления социально-трудовыми отношениями;
- механизм формирования и реализации социальной политики компании;
- представление ежегодного нефинансового отчета о деятельности компании в области КСО;
- формирование и организацию обратной связи.

Социальная ответственность бизнеса подразумевает разработку и реализацию социальных программ. Описание типичных направлений социальных программ и формы их реализации представлены в таблице [3, с. 28].

Таблица

Направления социальных программ

Направление социальной программы	Форма реализации
Развитие персонала	Обучение и профессиональное развитие работников, предоставление социального пакета, схемы мотивации труда, создание условий отдыха и досуга
Природоохранная деятельность и ресурсосбережение	Деятельность по экономичному потреблению природных ресурсов, предотвращению загрязнения окружающей среды, организации экологически безопасных транспортных перевозок, мероприятий по озеленению территорий, экологического аудита и пр.
Развитие местного сообщества	Акции поддержки пенсионеров, инвалидов, детей из нуждающихся семей; поддержание объектов культурно-исторического значения; спонсорская поддержка спортивных и образовательных организаций, организаций культуры и искусства; поддержание социально значимых исследований

В Российской Федерации для более четкого определения понятия «корпоративная стратегия» был разработан и утвержден национальный стандарт ГОСТ Р ИСО 26000-2012 «Руководство по социальной ответственности» [1], который ориентирует все типы организаций на соблюдение основных принципов и реше-

ние проблем социальной ответственности и т. д. Данное предписание носит скорее рекомендательный характер и помогает компаниям в подготовке корпоративного социального отчета, который является важным инструментом в улучшении имиджа и репутации компании.

В последние годы концепция социальной ответственности приобретает стратегический характер, являясь элементом базовой стратегии предприятия. По данным анализа Ассоциации менеджеров [2, с. 31], стратегия в области социальной ответственности в основном закреплена в отдельном документе, утвержденном высшим исполнительным лицом. В остальных случаях данная стратегия может быть закреплена в этическом кодексе компании, кодексе корпоративного поведения, коллективном договоре.

Внимание к социальной ответственности особенно характерно при разработке стратегии молодых развивающихся компаний, для которых социальная ответственность, прежде всего, связана с формированием своего имиджа и репутации. Например, международная сеть компаний «Deloitte», предоставляющая консалтинговые и аудиторские услуги, провела исследование, которое показало, что при поиске работы 70 % представителей поколения миллениалов (люди, родившиеся в период с 1981-го по 1996 г.) учитывают социальные ценности компании [6].

Для наглядного примера определения социальной ответственности бизнеса рассмотрим несколько примеров компаний.

Нестле-Россия

Одной из самых популярных социально ориентированных компаний является швейцарский производитель продуктов питания «Нестле». Концепция подразделения компании «Нестле-Россия» «Создание общих ценностей» подразумевает успех в долгосрочной перспективе не только для благополучия акционеров компании, но и для благополучия общества в целом. Данная стратегия нацелена на внесение вклада в такие сферы, как здоровое питание, охрана водных ресурсов и развитие сельскохозяйственных регионов. Также корпорация «Нестле» активно участвует в различных областях социальной жизни: охране прав человека, бизнес-этике, отношениях с местным населением, борьбе за гу-

манное отношение к животным, за изменение климата и во многом другом. Каждый год компания выпускает документ «Социальный отчет компании Нестле-Россия», который рассматривает вопросы социальной ответственности и вместе с тем устойчивого развития компании. В 2020 году компания «Нестле-Россия» оказала помощь медицинским работникам и нуждающимся гражданам в получении продуктов питания, за что была награждена медалью «За бескорыстный вклад в организацию Общероссийской акции взаимопомощи #МыВместе» и Благодарственным письмом Президента Российской Федерации В. В. Путина [9]¹.

МТС

Российская компания МТС, которая является крупнейшим оператором сотовой связи в России и странах СНГ, в 2016 году в качестве продолжения своей бизнес-стратегии утвердила «Стратегию МТС в области корпоративной социальной ответственности на 2017–2020 гг.» [7]. Деятельность компании в области социальной ответственности бизнеса осуществляется по социальным и экономическим направлениям. Одним из известных проектов МТС является акция «Подари жизнь», направленная на помощь детям с тяжелыми заболеваниями с помощью перевода денежных средств в благотворительный фонд [5]. Благодаря стратегии устойчивого развития возросла инвестиционная привлекательность компании. Так, в 2019 году компания МТС стала лидером по индексам Российского союза промышленников и предпринимателей в области развития корпоративной социальной ответственности «Ответственность и открытость», после чего Московская биржа рассчитала одноименные фондовые индексы, список эмитентов для которых формируется из числа лидеров по индексам РСПП [4].

Таким образом, в ходе мероприятий, направленных на решение актуальных проблем общества, предприятие может получить взамен определенные выгоды, например дополнительную мотивацию работников, повышение инвестиционной привлекательности компании и др.

¹ Вся информация по данному абзацу взята с официального сайта компании «Нестле» (URL: <https://www.nestle.ru>).

Литература

1. ГОСТ Р ИСО 26000-2012. Руководство по социальной ответственности : национальный стандарт Российской Федерации : дата введения 2013-03-15 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200097847> (дата обращения: 24.02.2021).
2. Доклад о социальных инвестициях в России – 2019: к трансформации бизнеса в интересах устойчивого развития / Ю. Е. Благов, А. А. Петрова-Савченко ; под общ. ред. Ю. Е. Благова. – М. : Ассоциация менеджеров, 2020. – 74 с. – URL: https://amr.ru/upload/Доклад%20о%20социальных%20инвестициях_2019_ebook.pdf (дата обращения: 24.02.2021).
3. Корпоративная социальная ответственность : учебник / под ред. И. Ю. Беляевой, М. А. Эскиндарова. – М. : КНОРУС, 2016. – 320 с. – (Бакалавриат). – ISBN 978-5-406-04173-4.
4. МТС для акционеров // Отчет об устойчивом развитии группы МТС – 2019. – URL: <https://our2019.mts.ru/ru/values-create/shareholders/> (дата обращения: 24.02.2021).
5. Подари жизнь: благотворит. фонд помощи детям с онкогематологическими и иными тяжелыми заболеваниями // МТС Деньги. – URL: <https://stage2.ssl.mts.ru/pay/5833> (дата обращения: 24.02.2021).
6. Социальная ответственность бизнеса // Business booster : [сайт]. – 07.07.2020. – URL: <https://bbooster.online/stati/sotsialnaya-otvetstvennost-biznesa.html> (дата обращения: 27.01.2021).
7. Стратегия МТС в области корпоративной социальной ответственности на 2017–2020 гг. // ПАО «МТС» : официальный сайт. – URL: <https://moskva.mts.ru/about/mts-dlya-obshhestva/principy-korporativnoj-socialnoj-otvetstvennosti/socialnaya-otvetstvennost/strategiya-socialnoj-otvetstvennosti> (дата обращения: 24.02.2021).
8. Элементы корпоративной социальной ответственности // Справочник24 : [сайт]. – URL: https://spravochnik.ru/menedzhment_organizacii/korporativnaya_socialnaya_otvetstvennost_kompanii/elementy_korporativnoy_socialnoy_otvetstvennosti (дата обращения: 24.02.2021).
9. Nestlé Россия : официальный сайт. – URL: <https://www.nestle.ru> (дата обращения: 24.02.2021).

О. В. Карпова, А. М. Садратдинова

Анализ влияния управления запасами на результаты хозяйственной деятельности ПАО «XXX»

Аннотация. Данная статья посвящена анализу влияния управления запасами на результаты хозяйственной деятельности ПАО «XXX». Рассматриваются методы нормирования оборотных средств, которые требуются для создания запасов в производстве. Автором были детально изучены годовые отчеты, на основании которых можно утверждать, что анализ годового расхода материальных ресурсов установил неравномерность расхода по всем уровням группировки. Это говорит о необходимости использования метода ABC-классификации при формировании системы управления запасами.

Ключевые слова: управление запасами; ресурсы; сырье; материалы; полуфабрикаты.

Процесс планирования поставок, решение вопросов постоянного контроля, операции по пополнению и созданию поставок представляют собой совокупность системы управления запасами [3].

На примере промышленного предприятия ПАО «XXX» рассмотрена система управления производственными запасами, которая включает в себя запасы, находящиеся на различных этапах производства.

Ольга Владимировна Карпова, канд. экон. наук, доцент, факультет бизнеса и управления, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Анна Михайловна Садратдинова, студентка 2-го курса магистратуры очно-заочной формы обучения, направление «Экономика», факультет бизнеса и управления, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Производственные этапы промышленного предприятия ПАО «XXX» подразделяются на группы:

- техническая продукция,
- производственная продукция,
- товарно-материальные ценности,
- предметы потребления.

Для улучшения системы управления запасами производства промышленного предприятия ПАО «XXX» был проведен анализ используемых методов управления запасами.

Для осуществления контроля запасов, промышленное предприятие ПАО «XXX» в своей работе использует метод нормирования оборотных средств.

Данный метод позволяет предприятию производить расчет норматива на месяц собственных оборотных средств раз в квартал.

Норматив определяется на укрупненные группы материалов. Такие группы установлены исходя из действующей на данном предприятии классификации материальных ресурсов с учетом их натурально-вещественной формы¹.

К таким видам материалов на предприятии ПАО «XXX» относятся сырье и горюче-смазочные материалы. Для выделения этих групп предприятие использует классификацию материальных ресурсов. В классификации учитывается натурально-вещественная форма материалов [1].

На предприятии можно выделить еще несколько групп:

1. К группе «запасные части» предприятие относит комплектующие.

2. К группе «покупные полуфабрикаты» – покупные полуфабрикаты.

3. К группе «сырье и материалы» – сырье и материалы, горюче-смазочные материалы.

4. В группу быстроизнашивающихся предметов входят: инструмент, канцелярские товары, инвентарь. Оставшиеся группы представлены в таблице 1.

¹ Составлено автором самостоятельно на основе обработки данных деятельности компании.

Анализ состояния нормируемых оборотных средств ПАО «ХХХ», тыс. руб.²

Период	Сырье и материалы		Покупные полуфабрикаты		Запасные части		Сменное оборудование		МБП		Спецежда		
	факт. ост.	откл.	факт. ост.	откл.	факт. ост.	откл.	факт. ост.	факт. ост.	факт. ост.	откл.	факт. ост.	откл.	
Норматив	1 185 758		177 864		105 235		833		10 557		1 950		
1 кв.	Янв	1 181 430	4 328	178 899	-1 035	109 000	-3 765	800	33	10 559	-2	2 000	-50
	Фев	1 112 090	73 668	122 233	55 631	112 220	-6 985	840	-7	10 789	-232	1 980	-30
	Март	1 192 203	-6 445	123 122	54 742	112 224	-6 989	869	-36	10 999	-442	2 130	-180
Норматив	1 185 758		177 864		105 235		833		10 557		1 950		
2 кв.	Апр	1 200 900	-15 142	180 000	-2 136	106 000	-765	1 000	-167	11 000	-443	2 000	-50
	Май	1 195 980	-10 222	179 890	-2 026	106 500	-1 265	1 000	-167	11 500	-943	1 980	-30
	Июнь	1 201 000	-15 242	178 899	-1 035	105 999	-764	1 000	-167	11 090	-533	1 900	50
Норматив	1 185 758		177 864		105 235		833		10 557		1 950		
3 кв.	Июль	1 189 000	-3 242	178 990	-1 126	112 000	-6 765	1 000	-167	10 000	557	2 000	-50
	Авг	1 189 999	-4 241	178 999	-1 135	112 300	-7 065	1 100	-267	10 500	57	1 990	-40
	Сент	1 179 000	6 758	188 000	-10 136	119 900	-14 665	790	43	10 500	57	1 970	-20
Норматив	1 185 758		177 864		105 235		833		10 557		1 950		
4 кв.	Окт	1 190 000	-4 242	178 000	-136	106 000	-765	1 020	-187	10 340	217	1 970	-20
	Ноя	1 209 909	-24 151	177 002	862	104 600	635	1 020	-187	11 090	-533	1 990	-40
	Дек	1 190 888	-5 130	188 700	-10 836	106 000	-765	990	-157	10 400	157	1 920	30

² Составлено автором самостоятельно на основе обработки данных деятельности компании.

Группа быстро изнашивающихся предметов используется лишь для определения по ним норматива.

В таблице 1 отражено состояние нормируемых оборотных средств, определяемых каждый квартал на каждый месяц нормативов запасов согласно группам материалов.

При рассмотрении таблицы можно проследить, что отклонения фактического запаса от установленного предприятием норматива существенно колеблются. Так, например, если изучить группу «сырье и материалы», то прослеживается завышение норматива в 2-м и 4-м кварталах, а в 1-м и 3-м кварталах остатки были меньше установленного уровня.

Занижение норматива прослеживается по группе «покупные полуфабрикаты».

По запасным частям почти весь период, за исключением некоторых месяцев, замечено занижение норматива.

В отношении сменного оборудования и спецодежды отклонения от нормативного уровня незначительны.

По группе быстро изнашивающихся предметов уровень запаса в основном был выше норматива. В данной группе определен верный норматив.

В таблице 2 расписан расчет выполнения суммарного норматива запасов нормируемой части материальных счетов.

Отталкиваясь от полученных данных, можно резюмировать, что запасы по факту превышают определенные нормативы. Исходя из этого, можно сделать вывод, что данная методика неспособна дать точный прогноз о фактическом уровне формируемых запасов.

Проведем анализ структуры запасов. Таких как материалы, сырье и другие аналогичные ценности. Для этого составим таблицу 3.

По данным таблицы 3 видно, что группы «сырье и материалы», «запасные части» и «покупные полуфабрикаты» имеют самые высокие показатели. Следует отметить, что величина этих показателей неизменна на протяжении всего периода. Стабильные данные остатков сохранялись и в группах «прочие материалы» и «запасные части».

Таблица 2

**Анализ состояния нормируемых оборотных средств
ПАО «XXX», тыс. руб.³**

Период	Итого по материальным счетам		
	Норматив запасов	Фактические остатки	Отклонение от норматива
Январь	1 482 197	1 482 688	491
Февраль	1 482 197	1 360 152	-122 045
Март	1 482 197	1 441 547	-40 650
Апрель	1 482 197	1 498 900	16 703
Май	1 482 197	1 494 870	12 673
Июнь	1 482 197	1 497 988	15 791
Июль	1 482 197	1 492 990	10 793
Август	1 482 197	1 494 888	12 691
Сентябрь	1 482 197	1 500 160	17 963
Октябрь	1 482 197	1 487 330	5 133
Ноябрь	1 482 197	1 505 611	23 414
Декабрь	1 482 197	1 498 898	16 701

При рассмотрении оставшихся групп, высокие показатели прослеживаются лишь в некоторые месяцы.

При рассмотрении структуры прослеживается схожая направленность.

Промышленное предприятие ПАО «XXX» использует упрощенный способ расчета нормативов. Это связано с большим числом номенклатурных позиций запаса.

Также выявлены недостатки планирования при проведении анализа размера фактических остатков запасов за год в месячном разрезе с установленным уровнем норматива [2].

Анализ годового расхода материальных ресурсов определил неравномерность расхода по всем уровням группы, что говорит о необходимости использования метода ABC-классификации при формировании системы управления запасами.

³ Составлено автором самостоятельно на основе обработки данных деятельности компании.

Таблица 3
Динамика остатков материальных ценностей ПАО «XXX» в течение года, млн руб.⁴

Подгруппы запасов	янв	фев	март	апр	май	июн	июл	авг	сен	окт	ноя	дек	янв
Сырье и материалы	34,5	33	32,1	43,4	23,2	34,5	30,1	22	12,2	23,1	22,3	25,6	27
Сменное оборудование	0,1	0,1	0,1	0,3	0,1	0,2	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Инструмент и приспособления	0,9	1,3	1,2	1,22	1,3	1,2	0,9	1	1,4	1,3	1,1	1,3	1,4
Инвентарь	0,04	0	0,06	0,04	0,06	0,04	0,04	0,1	0,04	0,04	0,04	0,05	0
Измерительные приборы	0,05	0,1	0,08	0,15	0,07	0,09	0,11	0,1	0,12	0,11	0,1	0,06	0,1
Вычислительная техника	1,32	1,3	1,36	1,2	1,22	1,23	1,24	1,2	1,7	1,6	1,23	1,43	1,5
Канцелярские товары	0,1	0,1	0,19	0,09	0,2	0,2	0,12	0,1	0,14	0,11	0,2	0,1	0,1
Спецодежда на складе	2,1	2,1	2	2,2	2	2,1	1,8	1,9	2	2,1	2,1	1,8	2,1
Покупные полуфабрикаты и комплектующие	20,2	21	21,4	23,2	24,1	20,6	20,7	20	19,8	22,1	21	21,3	20
ГСМ	0,9	0,9	0,92	0,91	0,92	0,93	0,91	0,9	0,89	0,9	0,89	0,89	0,9
Запасные части	12	12	13,1	12,5	13,9	13,1	12,7	12	12	12,3	11,8	12,3	12
Возвраты с производства	3,02	3	2,54	2,3	3,1	3,2	5	2,7	2,3	2,4	2,5	2,7	3,4
Прочие материалы	15,3	16	14,7	14,6	14,8	15	15,4	15	15,7	15,9	15,8	15,8	16
Итого	90,6	91	89,8	102,1	85	92,4	89,1	78	68,4	82,1	79,2	83,4	84

⁴ Составлено автором самостоятельно на основе обработки данных деятельности компании.

Для измерения влияния закупок на конечные результаты деятельности предприятия применима стратегическая модель прибыли [5].

Данная стратегическая модель представляет собой функцию трех переменных: чистой прибыли, оборачиваемости активов и финансового рычага [5].

Отчета о финансовых результатах и баланса достаточно для ее использования. В мае 2017 г. финансовые аналитики ПАО «XXX» начали внедрение данной модели в свою работу.

Для увеличения рентабельности собственного капитала необходимо увеличить рентабельность активов [4].

Для повышения рентабельности активов можно использовать следующие способы:

- 1) увеличить маржу чистой прибыли;
- 2) ускорить оборачиваемость активов.

Увеличив выручку, при этом снизив затраты и уменьшив стоимость активов, менеджеры смогут увеличить рентабельность активов [6].

Рассмотрим три способа увеличения рентабельности активов топ-менеджерами до 35 %.

При первом способе, при увеличении выручки на 4 %, на тот же процент вырастут себестоимость и переменные затраты. Соответственно, оборачиваемость активов и маржа чистой прибыли также увеличатся.

При втором способе сократим себестоимость, переменные затраты и постоянные затраты на 2,9 % и получим увеличение маржи чистой прибыли и самой чистой прибыли.

Третий способ достижения 35 %-ной рентабельности активов – снижение стоимости активов. Этот способ может быть осуществлен с помощью сокращения запасов и снижения дебиторской задолженности. Результатом этого станет 35 %-ная рентабельность активов.

Все три способа могут сочетаться в любой комбинации.

Литература

1. Бродецкий Г. Л., Гусев Д. А. Экономико-математические методы и модели в логистике. Процедуры оптимизации. – М. : Академия, 2012. – 288 с.
2. Гаджинский А. М. Практикум по логистике. – М. : Дашков и К, 2015. – 320 с.
3. Григорьев М., Уваров С., Ткач В. Коммерческая логистика. Теория и практика : учебник. – М. : Юрайт, 2016. – 490 с.
4. Еремина Е. А. Пути снижения логистических издержек при распределении продукции // Экономические науки. – 2015. – № 3. – С. 67.
5. Секерин В. Д. Логистика. – М. : КноРУс, 2016. – 240 с.
6. Щербаков В., Букринская Э., Гвилия Н. и др. Логистика и управление цепями поставок : учебник. – М. : Юрайт, 2015. – 592 с.

Н. А. Красовский, А. М. Тарасьев

Оценка скоординированных инвестиционных решений в газотранспортных проектах на основе динамических моделей биматричных игр

Аннотация. Статья посвящена анализу равновесных траекторий в динамических биматричных координационных играх, связанных с инвестиционными процессами. Динамика управляемой системы рассматривается на бесконечном горизонте времени, а функции выигрышей игроков определяются как предельные значения ожидаемых выигрышей в биматричных играх. Решение задачи реализуется в рамках теории обобщенных минимаксных решений уравнений Гамильтона–Якоби. Предлагаемый подход обеспечивает решение динамической игры с лучшими свойствами, чем значения конкурентных статических равновесий по Нэшу. Полученный результат демонстрирует идею сдвига динамической системы от неблагоприятных конкурентных равновесий по Нэшу к совместным максимальным точкам Парето с лучшими выигрышами. В качестве приложения рассматривается процесс инвестиций в проекты Восточно-Сибирских газопроводов, для которых построены равновесные траектории и анализируется эффективность вложений.

Ключевые слова: модели инвестиций; динамические биматричные игры; оптимальные стратегии; скоординированные решения.

Николай Андреевич Красовский, канд. физ.-мат. наук, математик 1-й категории отдела динамических систем Института математики и механики им. Н. Н. Красовского УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

Александр Михайлович Тарасьев, д-р физ.-мат. наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга АНО ВО «Гуманитарный университет»; заведующий отделом динамических систем Института математики и механики им. Н. Н. Красовского УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

Эволюционная игра

Рассматривается система дифференциальных уравнений, описывающая динамику поведения двух игроков или движения инвестиционных фондов:

$$\begin{aligned}\dot{x}(t) &= -x(t) + u(t), x(t_0) = x_0, \\ \dot{y}(t) &= -y(t) + v(t), y(t_0) = y_0.\end{aligned}$$

Здесь параметры $x = x(t)$, $0 \leq x \leq 1$ и $y = y(t)$, $0 \leq y \leq 1$ определяют акции инвестиционных фондов, направляемые в соответствующий проект. Другая интерпретация может быть связана с вероятностной формулировкой, в которой параметры x , y задают вероятности того, как игроки придерживаются своих выбранных стратегий. Параметры управления $u = u(t)$ и $v = v(t)$ удовлетворяют условиям $0 \leq u \leq 1$, $0 \leq v \leq 1$ и являются сигналами, которые рекомендуют смену стратегий игрока. В частности, в игре, моделирующей инвестиционный процесс, управляющие сигналы u , v устанавливают поток средств из одного проекта в другой.

Терминальные функционалы определяются как математические ожидания выигрышей, заданных соответствующими матрицами $A = \{a_{ij}\}$, $B = \{b_{ij}\}$, $i, j = 1, 2$ в биматричной игре, и могут быть интерпретированы как «локальные» интересы игроков:

$$g_A(x(T), y(T)) = C_A x(T)y(T) - \alpha_1 x(T) - \alpha_2 y(T) + a_{22}$$

в данный момент времени T . Здесь параметры C_A , α_1 , α_2 определяются в соответствии с классической теорией биматричных игр [1]:

$$C_A = a_{11} - a_{12} - a_{21} + a_{22}, \alpha_1 = a_{22} - a_{12}, \alpha_2 = a_{22} - a_{21}, x_A = \frac{\alpha_2}{C_A}, y_A = \frac{\alpha_1}{C_A}.$$

Функционал качества g_B для второго игрока определяется аналогично в соответствии с коэффициентами матрицы B .

«Глобальные» интересы первой коалиции определяются как:

$$J_A^\infty = [J_A^-, J_A^+], J_A^- = \liminf_{t \rightarrow \infty} g_A(x(T)), J_A^+ = \limsup_{t \rightarrow \infty} g_A(x(T), y(T)).$$

Интересы J_B^∞ второй коалиции определяются аналогично.

Вводится понятие динамического равновесия по Нэшу [2]. Строится функция цены [3]. Показано, что функция цены обладает свойствами u -стабильности и v -стабильности [4; 7], которые могут быть выражены через сопряженные производные [6].

Модель

Рассмотрим пример координационной игры. В таких играх функции выигрышей игроков не прямо противоположны и подразумевают скоординированные решения. В качестве примера можно привести ситуацию инвестирования в аналогичные проекты.

Рассмотрим случай инвестирования двумя компаниями в два проекта строительства газопроводов. Пусть первым игроком является российская компания «Газпром», а вторым игроком «China National Petroleum Corporation, CNPC». Компании инвестируют средства в два проекта: «Сахалин–Хабаровск–Владивосток» и «Сила Сибири-2».

Газопровод «Сахалин–Хабаровск–Владивосток» предназначен для доставки газа, производимого на шельфе Сахалина, потребителям Хабаровского края и Приморского края с возможной дальнейшей поставкой в Китай [5]. Проектируемый газопровод «Сила Сибири-2» будет транспортировать газ из Сибири в Китай («восточный маршрут»). Этот проект отличается от проекта «Сахалин–Хабаровск–Владивосток» тем, что значительная его часть еще не построена.

Согласно источнику [8], средневзвешенная стоимость капитала (WACC) для действующего газотранспортного проекта составляет 13 %. Предполагается, что при условии продолжения газопровода «Сахалин–Хабаровск–Владивосток» на территорию Китая компания «Газпром» будет обладать 10 %-ной нормой доходности от инвестирования в новый сектор [8], а китайская компания будет иметь 16%-ную норму прибыли с учетом равно долевого участия [9]. При этом норма доходности рассчитывается для дохода от операций по торговле валютой и экспортом. Если расширение газопровода «Сахалин–Хабаровск–Владивосток» на территории Китая не произойдет, то китайская компания получит нулевой доход, а «Газпром» получит 7 %-ную норму доходности на функционирующей части газопровода в России с учетом ин-

фляции и обесценивания обменного курса рубля [8]. Согласно данным из источника [8] средневзвешенная норма доходности для проекта «Сила Сибири-2» в стадии строительства составляет 17 %. При этом норма доходности для компании «Газпром», как владельца проекта, может составить 23 %, а норма доходности китайской компании будет составлять 11 % при условии равной доли участия [9]. В случае, если проект «Сила Сибири-2» не будет реализован, нормы доходности для обеих компаний равны нулю.

Указанные данные могут быть представлены в матрицах биматричной игры. В такой игре выбор первой строки первым игроком (компания «Газпром») означает инвестиции в проект «Сахалин», а выбор второй строки – инвестиции в проект «Сила Сибири-2». При этом выбор первого столбца вторым игроком («Китайская национальная нефтяная корпорация») означает инвестиции в проект «Сахалин», а выбор второго столбца – инвестиции в проект «Сила Сибири-2». Выигрыши игроков определяются как норма доходности для соответствующих инвестиций, выраженная в процентной ставке. Первая матрица (матрица A) соответствует выигрышам компании «Газпром» (первый игрок), а вторая матрица (матрица B) описывает выигрыши китайской компании (второго игрока)

$$A = \begin{pmatrix} 10 & 7 \\ 0 & 23 \end{pmatrix}, B = \begin{pmatrix} 16 & 0 \\ 0 & 11 \end{pmatrix}.$$

Игроки ничего не выигрывают или выигрывают мало, если они инвестируют в разные проекты, и наоборот получают больше преимуществ при инвестировании в те же проекты. Такой вариант биматричной игры подразумевает существование трех статических равновесий по Нэшу [1].

На рисунке 1 показан случай с тремя статическими равновесиями по Нэшу N_1 , N_2 , N_3 в координационной биматричной игре. Линии переключения управлений игроков K_A и K_B сгенерированы функцией цены, построенной с помощью методов теории минимаксных обобщенных решений для уравнений Гамильтона–Якоби. Проведены вычислительные эксперименты, в которых равновесные траектории T_1 , T_2 , T_3 , T_4 начинают свое

движение из начальных точек IP_1, IP_2, IP_3, IP_4 , которые расположены в качественно разных областях квадрата игры. Равновесные траектории ведут себя следующим образом: они движутся по характеристикам уравнений Гамильтона–Якоби, затем встречаются с линиями переключения K_A или K_B , а после этого скользят вдоль этих линий в направлении точки равновесия по Нэшу N_3 , которая также обладает свойствами точки максимума Парето. Значения функционалов выигрыша для обоих игроков в асимптотически предельной точке N_3 равны следующим значениям доходности процентной ставки: $g_A(N_3) = 10, g_B(N_3) = 16$, которые выше ставок в точке конкурентного равновесия по Нэшу N_2 : $g_A(N_2) = 8.8, g_B(N_2) = 6.5$.

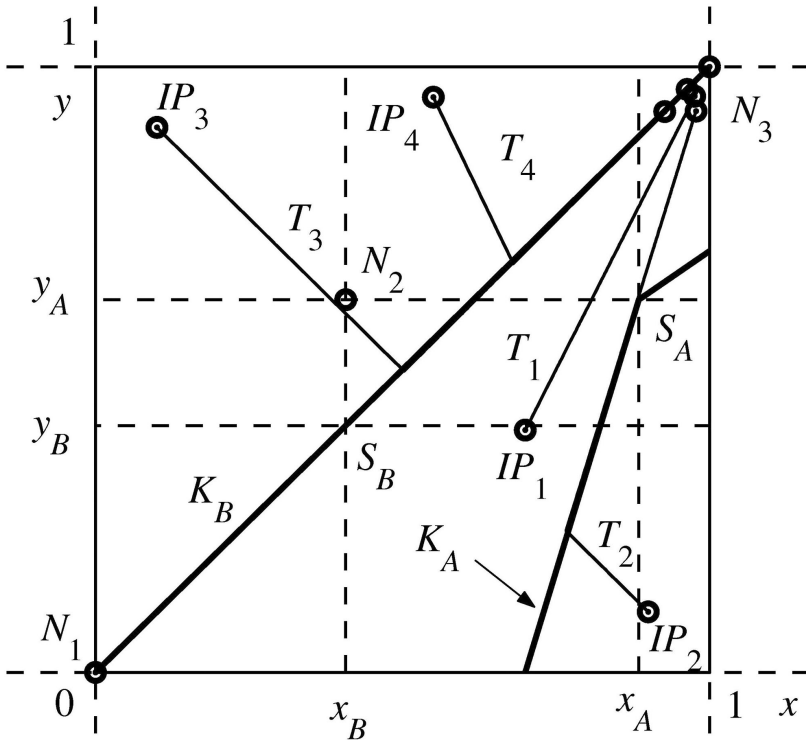

Рис. 1. Равновесные траектории в биматричной координационной игре

Литература

1. Воробьев Н. Н. Теория игр для экономистов-кибернетиков. – М. : Наука, 1985. – 272 с.
2. Клейменов А. Ф. Неантагонистические позиционные дифференциальные игры. – Екатеринбург : Наука, 1993. – 185 с.
3. Красовский Н. А., Кряжковский А. В., Тарасьев А. М. Уравнения Гамильтона-Якоби в эволюционных играх // Труды ИММ УрО РАН. – 2014. – Т. 20, № 3. – С. 114–131.
4. Красовский Н. Н., Субботин А. И. Позиционные дифференциальные игры. – М. : Наука, 1974. – 456 с.
5. Никонов О. И., Минуллин Я. Е. Равновесные модели развития энергетических инфраструктур // Вестник УГТУ-УПИ. – 2003. – № 1. – С. 100–109.
6. Субботин А. И., Тарасьев А. М., Сопряженные производные функции цены дифференциальной игры // Доклады АН СССР. – 1985. – Т. 283, № 3. – С. 559–564.
7. Krasovskii A. N., Krasovskii N. N. Control under Lack of Information. – Basel : Birkhauser, 1995. – 322 p.
8. Годовой отчет ПАО «Газпром» за 2020 год // Газпром : официальный сайт. – URL: <https://www.gazprom.com/investors/disclosure/reports/2020/> (дата обращения: 01.03.2021).
9. Годовой отчет компании “China National Petroleum Corporation” за 2019 год // China National Petroleum Corporation. – URL: http://www.cnpc.com.cn/en/ar2019/AnnualReport_list.shtml (дата обращения: 01.03.2021).

Финансирование деятельности предприятий строительного комплекса через выпуск корпоративных облигаций

Аннотация. В связи с изменением законодательства для застройщиков актуален вопрос привлечения дополнительных финансовых ресурсов. В статье проведен анализ эффективности финансирования деятельности девелоперов через выпуск корпоративных облигаций.

Ключевые слова: облигации; рынок ценных бумаг; корпоративные облигации; финансирование; дополнительное финансирование.

Введение

На определенном этапе развития и с учетом постоянных изменений в законодательстве перед быстро развивающейся компанией встает вопрос о выборе способа привлечения дополнительных финансовых ресурсов. Большинство компаний обращаются к кредитным и финансовым учреждениям с целью получения заемных денежных средств. Далеко не все собственники бизнеса и менеджеры задумываются об использовании альтернативных способов привлечения капитала, которые могут стать шагом для будущего роста компании.

Долгое время основным источником финансирования строительства нового жилья оставались денежные средства покупателей. В 2004 году был принят Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законо-

Дарья Леонидовна Мангилева, магистрант АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург)

Научный руководитель: А. А. Мещгер, канд. техн. наук, доцент.

дательные акты Российской Федерации» № 214-ФЗ [3], который ввел такое понятие, как «Дольщик».

В 2018 году, в связи с утверждением Правительством Российской Федерации новой схемы финансирования жилищного строительства [4], ситуация изменилась.

С 01 июля 2019 года строительные предприятия не вправе осуществлять строительство без использования счетов эскроу. В период строительства денежные средства покупателей хранятся на данных счетах в банках, и застройщик не может их использовать. В связи с этим застройщик сталкивается с проблемой кассового разрыва, т. е. нехваткой средств для осуществления своей деятельности, в т. ч. строительных проектов.

Доля проектов, реализуемых с применением счетов эскроу, с октября 2019 г. по 01.09.2020 выросла с 16 до 38 % и будет увеличиваться в дальнейшем [1]. Одновременно доля проектов, которые будут завершены по старым правилам, сократилась с 60 до 54 % [1].

Дополнительное финансирование в виде выпуска биржевых облигаций поможет предприятию решить проблему кассового разрыва, позволит свободно распоряжаться средствами, использовать их не только на текущую деятельность, но и на расширение компании.

В январе–июле 2020 г. размещено 16 новых выпусков облигаций строительных компаний общим объемом более 55 млрд руб. (за тот же период 2019 г. – 17 новых выпусков объемом 41 млрд руб.) [1]. На конец июля 2020 г. годовой темп прироста портфеля облигаций строительных компаний составил 19,7 %, почти не изменившись по сравнению с аналогичным показателем начала 2020 года [1].

В данной статье делается попытка оценить эффективность финансирования деятельности девелоперов через выпуск корпоративных облигаций.

На сегодняшний день большинство предприятий строительного комплекса предпочитают использовать банковский кредит, как наиболее простой, понятный и привычный способ привлечения заемного финансирования.

Привлечение дополнительных финансовых ресурсов через выпуск корпоративных облигаций является нетрадиционным способом в сравнении с банковским кредитом. Суммарные затраты на обслуживание кредита и облигационного займа не имеют большой разницы. В свою очередь значительными преимуществами облигаций являются: свободное распоряжение денежными средствами, отсутствие зависимости со стороны кредиторов при принятии решений. Кредитные организации, в свою очередь, выдают займы для конкретных проектов и диктуют заемщику свои условия. Объем облигационного займа теоретически ничем не ограничен, в то время как объем кредита на одного заемщика неизбежно будет ограничен внутренним риск-менеджментом коммерческого банка и нормативами со стороны регулятора (Банка России).

Следует отметить еще одно важное обстоятельство, связанное с порядком погашения обязательств перед кредиторами. В случае с банковским кредитом, как правило, погашение тела долга и процентов, в большинстве случаев, происходит в течение всего срока займа. Напротив, при выпуске облигаций инвесторам (кредиторам) осуществляются лишь периодические купонные выплаты, в то время как основная сумма долга выплачивается при погашении облигационного займа. Это в наибольшей степени соответствует специфике финансирования строительных проектов: 1) финансирование объекта строительства обеспечивается за счет выпуска облигаций; 2) после сдачи объекта строительства банк раскрывает эскроу-счета и у застройщика появляются средства для погашения облигационного займа.

«Облигация – эмиссионная ценная бумага, закрепляющая право ее держателя на получение от эмитента облигации в предусмотренный ею срок ее номинальной стоимости и зафиксированного в ней процента от этой стоимости или иного имущественного эквивалента» [5].

С точки зрения порядка регистрации и обращения можно выделить следующие виды корпоративных облигаций:

1. «Классические», которые размещаются после их регистрации Банком России.

2. Биржевые, которые размещаются после их регистрации Биржей.

3. Коммерческие, которые размещаются по закрытой подписке и не требуют регистрации Центральным Банком и Биржей.

Требования к «классическим» облигациям выше, чем к биржевым и коммерческим, так как их выпуск регистрируется Банком России, сумма выпуска должна быть не менее 10 млрд рублей. Данные требования закреплены в Положении Банка России «О стандартах эмиссии ценных бумаг» [2]. Не все девелоперы могут соответствовать данным требованиям. Для выпуска «классических» облигаций эмитент должен иметь высокий кредитный рейтинг, кроме того, компания должна осуществлять деятельность не менее трех лет и в течение последних трех лет не допускать дефолтов по другим облигациям. У коммерческих облигаций указанные требования ниже, однако они характеризуются низкой ликвидностью, так как отсутствует вторичный рынок. Заинтересовать инвесторов в приобретении коммерческих облигаций можно повышенной доходностью, но это дополнительные расходы для эмитента. По экспертным оценкам премия за ликвидность может достигать 3–4 п.п.

Следует отметить, что существуют определенные ограничения, связанные с требованиями к российским эмитентам при выпуске корпоративных облигаций. Например, полная оплата уставного капитала, срок существования эмитента. Данные требования закреплены в Положении Банка России «О стандартах эмиссии ценных бумаг» [2]. При этом к числу указанных ограничений не относятся требования, связанные с организационно-правовой формой и уровнем публичности эмитента, если последний создан в форме акционерного общества.

Вывод

На основании вышеизложенного, можно прийти к выводу, что привлечение дополнительных ресурсов в виде корпоративных облигаций наиболее полно соответствует специфике девелоперских проектов. Что касается конкретного вида (типа) облигаций, можно сделать вывод о предпочтительности биржевых облигаций, которые представляют собой компромисс доходности, ликвидности

(торгуются на вторичном рынке) и издержек, так как не требуют обеспечения, в т. ч. залогового. Их выпуск возможен от 500 млн рублей, что соответствует объему финансирования большинства девелоперских проектов в сфере жилищного строительства.

Литература

1. Жилищное строительство : аналитическая записка Банка России № 1 (2) от 03.04.2020 года // Официальный сайт Банка России. – URL: <https://cbr.ru/> (дата обращения: 26.02.2021).

2. Положение Банка России от 19.12.2019 № 706-П «О стандартах эмиссии ценных бумаг» // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344933/ (дата обращения: 26.02.2021).

3. Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 № 214-ФЗ // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51038/ (дата обращения: 26.02.2021).

4. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 01.07.2018 № 175-ФЗ // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357077/ (дата обращения: 26.02.2021).

5. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10148/ (дата обращения: 26.02.2021).

Эконометрические оценки прогнозных значений макроэкономических переменных России

Аннотация. В работе излагаются основные результаты очередной авторской версии эконометрической модели экономики России. По сравнению с предыдущими версиями модель была модифицирована: ее параметры были оценены по обновленным квартальным данным за 1999–2019 гг., спецификации уравнений также были обновлены. Модель показала низкие темпы роста экономики России в базовом варианте прогноза и их сильную зависимость от темпов мировой экономики.

Ключевые слова: эконометрическая модель; макроэкономика; экономика России; темпы роста

Среди российских и зарубежных ученых имеется обширный опыт эконометрического моделирования экономики России. Так, группой под руководством С. А. Айвазяна были разработаны эконометрические модели России, отраженные в работах [4; 2; 3]. Из работ зарубежных авторов отметим в первую очередь [9; 10; 14], а также [12; 15; 13].

Из относительно недавних работ отметим [8], также [7], где даются эконометрические оценки российского импорта, и [1], где делается попытка построения макроэкономической модели и ее эконометрической оценки. В работе [6] дается эконометрическая оценка российской инфляции. В работе [5] оценивается произ-

Сергей Александрович Мицек, д-р экон. наук, доцент, декан факультета бизнеса и управления АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Елена Борисовна Мицек, д-р экон. наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

водственная функция для России. Отметим также недавно вышедшую работу [11].

Авторами изложены основные результаты очередной версии 2020 года нашей макроэкономической эконометрической модели. Модель является рекурсивной и структурной, она включает 25 уравнений и 65 тождеств, описывающих взаимосвязи между примерно 90 переменными, из которых 15 – экзогенные, 75 – эндогенные.

В число экзогенных включены переменные экономической политики (денежная база, ключевая ставка Банка России, величина государственных закупок, налоговые ставки и т. д.), внешнеэкономические переменные (индексы экспортных и импортных цен, ВВП стран ОЭСР), численность экономически активного населения. Эндогенные переменные – объем ВВП, индексы инфляции, инвестиции в основной капитал, объемы экспорта и импорта и другие.

Факторы предложения в модели представлены макроэкономической производственной функцией и уравнениями движения факторов производства – труда и основного капитала. Движение основного капитала определяется инвестициями в основной капитал и некоторыми другими переменными, динамика трудовых ресурсов – численностью экономически активного населения, величиной реальной зарплаты и некоторыми другими.

В производственную функцию помимо традиционных труда и капитала включены переменные, влияющие на степень загрузки основных факторов. Это переменные, характеризующие ликвидность (реальные кассовые остатки и банковские кредиты бизнесу), цены энергетических ресурсов, транспортные тарифы и ряд других.

Факторы спроса – это уравнения, определяющие потребительские расходы, инвестиции в основной капитал, государственные закупки, экспорт и импорт. Потребительские расходы определяются преимущественно величиной располагаемого дохода.

Инвестиции в основной капитал разделяются на три группы по источникам финансирования: за счет собственных средств, за счет банковских кредитов и за счет средств государства. Первые

зависят преимущественно от величины чистой прибыли и чистого предельного дохода на основной капитал, а также от ликвидности, величины государственных инвестиций и государственных закупок. Вторые зависят преимущественно от объема банковских кредитов бизнесу, чистого предельного дохода на основной капитал, величины государственных закупок. Инвестиции за счет государственных средств зависят, в первую очередь, от доходов бюджетов, величины государственных закупок, ликвидности.

Государственные закупки в модели являются экзогенной переменной, но задаются пределы их соотношения с государственными доходами.

Величина экспорта зависит, в первую очередь, от ВВП стран – членов ОЭСР. Также экспорт зависит от индекса экспортных цен и реального обменного курса, от ликвидности и величины государственных закупок. Импорт в модели зависит от величины ВВП, импортных цен, реального обменного курса, ликвидности.

Разность совокупного предложения и совокупного спроса, которая равна приросту запасов, включается с лаговым значением в уравнение дефлятора ВВП. Рост запасов ведет к снижению цен, и наоборот, что доказано статистически существенным и отрицательным по знаку параметра при соответствующей переменной в данном уравнении.

Ценовой блок представлен уравнениями дефлятора ВВП, потребительских цен, дефлятором основного капитала, ценами энергетических ресурсов. Тарифы на грузовые перевозки, дефлятор государственных закупок, экспортные и импортные цены являются экзогенными переменными.

Дефлятор ВВП в модели зависит, прежде всего, от денежной массы, дефлятора государственных закупок, экспортных цен, обменного курса, объема ВВП. Дефлятор ВВП оказывает сильное влияние на индекс потребительских цен; на последний также влияют обменный курс и индекс экспортных цен. Дефлятор основного капитала зависит от дефлятора ВВП, а также от денежной массы, обменного курса, импортных цен. Индекс цен на энергоресурсы зависит от дефлятора ВВП, показателей денежного блока, обменного курса.

Величина средней реальной зарплаты в модели зависит, прежде всего, от предельного дохода от труда.

Обменный курс зависит от таких переменных, как экспортные и импортные цены, объем денежной массы, объем ВВП, ВВП стран – членов ОЭСР.

Денежный блок модели представлен уравнениями денежной массы и процентной ставки. Денежная масса зависит, прежде всего, от денежной базы, а также от спроса на деньги, который представлен величиной ВВП. Процентная ставка зависит от ключевой ставки Банка России и объема денежной массы.

Банковский блок модели состоит из уравнений депозитов, как граждан, так и организаций, как рублевых, так и валютных. Депозиты зависят от доходов граждан, величины ВВП, обменного курса. Величина кредитов зависит, в первую очередь, от депозитов. На величину кредитов влияет также объем ВВП.

Наконец, в модели имеется блок государственных доходов и расходов. Он представлен тождествами налоговых выплат, которые определяются на основе фактически сложившихся коэффициентов.

Базами данных для оценки параметров модели являются данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат, сайт www.gks.ru), Банка России (www.cbr.ru), сайт группы RIM Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (www.macroforecast.ru), базы данных ОЭСР (www.oecd.org) и некоторые другие.

Параметры модели оценивались обыкновенным методом наименьших квадратов и методом ML – ARCH.

Результаты расчетов на основе модели показывали, что в базовом варианте прогноза, в котором темпы изменения экзогенных переменных приняты теми же, что они были в 2016–2019 гг., среднегодовые темпы роста ВВП России в 2020–2023 гг. будут близки к нулю. Они будут существенно выше лишь при высоких темпах роста мировой экономики. Активные меры фискальной и денежной политики не помогут, а роста численности рабочей силы, от которой наша экономика сильно зависит, ждать также не приходится.

Литература

1. Айвазян С. А., Березняцкий А. Н., Бродский Б. Е. Макроэкономическое моделирование российской экономики // Прикладная эконометрика. – 2017. – Т. 47. – С. 5–27.
2. Айвазян С. А., Бродский Б. Е. и др. Макроэконометрическое моделирование экономик России и Армении. I. Особенности макроэкономической ситуации и теоретическое описание динамических моделей // Прикладная эконометрика. – 2013. – № 30 (2). – С. 3–25.
3. Айвазян С. А., Бродский Б. Е. и др. Макроэконометрическое моделирование экономик России и Армении. II. Агрегированные макроэконометрические модели национальных экономик России и Армении // Прикладная эконометрика. – 2013. – № 31 (3). – С. 7–31.
4. Айвазян С. А., Бродский Б. Е. Макроэконометрическое моделирование: подходы, проблемы, пример эконометрической модели российской экономики // Прикладная эконометрика. – 2006. – № 2. – С. 85–111
5. Афанасьев А. А., Пономарева О. С. Народохозяйственная производственная функция России в 1990–2017 гг. // Экономика и математические методы. – 2020. – № 56 (1). – С. 67–78.
6. Березняцкий А. Н., Бродский Б. Е. Анализ структурных сдвигов в моделях российской инфляции // Экономика и математические методы. – 2020. – № 56 (2). – С. 90–100.
7. Полбин А. В., Фокин Н. Д. Моделирование динамики импорта РФ с помощью модели коррекции ошибок // Прикладная эконометрика. – 2020. – Т. 59. – С. 88–112. – DOI 10.22394/1993-7601-2020-59-88-112.
8. Скрыпник Д. В. Макроэкономическая модель российской экономики // Экономика и математические методы. – 2016. – Т. 52, № 3. – С. 92–113.
9. Basdevant O. An Econometric Model of the Russian Federation // Economic Modelling. – 2000. – Vol. 17. – P. 305–336.
10. Benedictow A., Fjaertoft D., Lofsnaes O. Oil Dependency of the Russian Economy: an Econometric Analysis // Economic Modelling. – 2013. – Vol. 32. – P. 400–428.
11. Bolatbayeva A., Tolepbergen A., Abilov N. A macroeconomic model for Russia // Russian Journal of Economics. – 2020. – Vol. 6. – P. 114–143. – DOI 10.32609/r.jue.6.47009.
12. Kerkela L. Distortion costs and effects of price liberalization in Russian energy markets: A CGE analysis // BOFIT Discussion Papers. – 2004. – № 2. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1015022 (дата обращения: 20.03.2021).

13. Merlevede B., van Aarle B., Schoors K. Russia from Bust to Boom and Back: Oil Price, Dutch Disease and Stabilization Fund // *Comparative Economic Studies*. – 2009. – № 51 (2). – P. 213–241.

14. Perifanis T., Dagoumas A. An Econometric Model for the Oil Dependence of the Russian Economy // *International Journal of Energy Economics and Policy*. – 2017. – Vol. 7 (4). – P. 7–13.

15. Rautava J. The role of oil prices and the real exchange rate in Russia's economy // *BOFIT Discussion Papers*. – 2002. – № 3. – URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/212501/1/bofit-dp2002-003.pdf> (дата обращения: 20.03.2021).

Автоматизация бизнес-процессов как фактор повышения конкурентоспособности предприятия

Аннотация. Современный рынок меняется крайне быстрыми темпами. Цифровизация экономики дает новые возможности для совершения покупки. В условиях пандемии продавцам приходится уделять вопросам удержания у себя клиентской базы значительно больше внимания, нежели в условиях стабильной экономики. В статье рассмотрены возможности повышения конкурентоспособности за счет автоматизации бизнес-процессов компании.

Ключевые слова: рынок; потребитель; клиентская база; автоматизация данных; бизнес-процессы

Пандемия коронавируса нарушила привычные связи между производителями и потребителями и внесла серьезные коррективы в бизнес. В настоящий момент российские логистические компании переживают не лучшие времена. По оценкам экспертов, только в России убытки транспортного сектора на начало мая 2020 г. превышают 230 млрд руб., причем большая часть приходится на авиационный сегмент, практически остановивший логистические операции [2]. Среди наиболее существенных угроз можно отметить мировой экономический кризис в связи с пандемией коронавируса, снижение покупательской способ-

Зинаида Васильевна Нестерова, канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры маркетинга и международного менеджмента ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Елизавета Игоревна Маковкина, ассистент кафедры маркетинга и международного менеджмента, ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (г. Екатеринбург, Россия).

ности, снижение платежеспособности потенциальных клиентов, обострение конкуренции.

Проблемы управления процессом продаж достаточно актуальны для бизнеса вне зависимости от сферы деятельности, ведь любая компания желает реализовать свой товар с максимальной прибылью и в наиболее короткие сроки. Основная возможность удержаться на рынке и повысить свою конкурентоспособность для многих компаний видится в повышении эффективности бизнес-процессов за счет их автоматизации. О необходимости оптимизации и диджитализации [6], т. е. перевода имеющейся у компании информации на бумажных носителях в цифровую форму, в бизнесе говорилось давно, теперь же многие компании начали активно внедрять в свою деятельность IT-технологии.

Одним из примеров компаний, рассматривающих варианты повышения своей конкурентоспособности за счет автоматизации бизнес-процессов, может служить компания «Линия 7». Данная компания оказывает полный спектр услуг производителям товаров повседневного спроса, которые продаются в больших количествах по доступным ценам. Компания является одним из ведущих дистрибьюторов Уральского региона. Ассортимент ООО «Линия 7» включает в себя продукты питания, напитки, корма и товары для животных, средства личной гигиены [3]. Компания ООО «Линия 7» является официальным партнером таких производителей товаров, как Nestle, Heineken, Heinz, Perfetti Van Melle, Rieber i Son, Hills, Mars, Royal Canin, «Балтика», «Бристоль» [3]. Клиентская база ООО «Линия 7» включает в себя более 10 000 торговых точек [3].

Комплексная аналитика каналов дистрибуции позволяет ускорить загрузку и очистку данных по вторичным продажам, закупкам и складским остаткам [4].

Для компаний, имеющих обширную клиентскую базу, вопросы внедрения системы комплексной аналитики каналов дистрибуции, бизнес-анализа и системы предотвращения оттока клиентов более актуальны, чем для предприятий, работающих с одним-двумя клиентами.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на разработки российской фирмы Navicon, а именно на систему TDC (Trade Data Consolidation) [1], которая обеспечивает комплексную систему управления продажами предприятия в реальном времени. Эта система позволяет автоматически загружать в информационную систему компании данные обо всех ее продажах и может представлять интерес для предприятий, работающих в сфере продаж.

Данная система позволяет [1]:

- оперативно получать аналитические данные по вторичным продажам, закупкам и складским остаткам;
- составить отчет о наличии/отсутствии товара в магазине/торговой сети;
- прогнозировать выпуск продукции с учетом данных о реализации;
- детально и комплексно оценивать маркетинговые активности с торговыми сетями;
- знать всё о результатах деятельности компании на определенной территории и пр.

Использование данной информационной системы в деятельности предприятия позволяет [1]:

1. Объединить все данные по вторичным продажам, закупкам и складским остаткам.

Обеспечивается автоматическая загрузка информации о вторичных продажах, закупках и складских остатках, а также сортировка и соотнесение адресов торговых точек. Анализ данных о продажах, закупках и складских остатках. Полученная информация может быть в дальнейшем использована для подробного анализа сбыта: информация о продажах может стать основой для вычисления бонусного числа торговых сетей, дистрибьюторов.

2. Усовершенствовать CRM-систему (Customer Relationship Management) [5] компании, т. е. систему взаимоотношения с клиентами.

Территориальный менеджер отслеживает динамику продаж через торговые сети и дистрибьюторов, он видит всю клиентскую базу. В случае оттока клиентов возможно своевременное проведение дополнительных мероприятий по совершенствованию

системы управления взаимоотношениями с клиентами, формирование списка персональных рекомендаций по экономической целесообразности удержания того или иного клиента из «группы риска», а также проведение мероприятий, способных повысить лояльность клиентской базы в целом.

3. Разработать производственный план.

Полученные данные о продажах позволят компании составить максимально реалистичный план выпуска продукции «снизу-вверх».

Преимуществами автоматизации – комплексной аналитики каналов дистрибуции, предлагаемых компанией Navicon, являются [1]:

- готовое «коробочное» решение, гарантирующее запуск за 2 недели;
- обработка 95 % информации в автоматическом режиме, что сводит к минимуму вероятность ошибок;
- сокращение времени на подготовку ежемесячной отчетности, в среднем, в 3 раза;
- аналитика сбыта в автоматическом режиме с детализацией до розничной торговой точки.

В заключение хотелось бы отметить, что широкое внедрение автоматизации бизнес-процессов на предприятии, по нашему мнению, может позволить компании:

- повысить точность планирования и прогнозирования продаж;
- оперативно обрабатывать и анализировать данные из множества источников;
- получать достоверную и актуальную информацию в любое время, в удобном формате;
- быстро адаптироваться под изменяющиеся условия представления отчетности, что дает широкие возможности визуализации данных;
- увеличить точность представляемых данных;
- снизить трудозатраты на формирование отчетности;
- получать глубокую аналитику о деятельности компании;
- повысить качество и скорость принимаемых решений.

Всё это, в конечном итоге, может способствовать улучшению качества работы предприятия, сохранению и расширению его клиентской базы, а также повышению уровня конкурентоспособности компании на рынке.

Литература

1. Комплексная аналитика каналов дистрибуции в FMCG // Navicon. – URL: https://navicongroup.ru/our_solutions/solution.php?E_ID=3872 (дата обращения: 26.02.2021).

2. Логистические тренды 2020–2021 года: влияние пандемии COVID-19 на перевозки // Диалоги о ритейле. Спецпроект. – 08.06.2020. – URL: <https://www.retail.ru/articles/logisticheskie-trendy-2020-2021-goda-vliyanie-pandemii-covid-19-na-perevozki/> (дата обращения: 26.02.2021).

3. Официальный сайт ООО «Линия 7». – URL: <https://line7.ru> (дата обращения: 26.02.2021).

4. Порфирьев Е. Е. Моделирование поведения экономических агентов для совершенствования управления поведением потребителей // *Ars Administrandi. Искусство управления.* – 2019. – № 4. – С. 33–40.

5. Рамазанов И. А. Биполярная модель поведения потребителя и метод определения степени полярности поведения покупателя // *Маркетинг в России и за рубежом.* – 2018. – № 3. – С. 3–11.

6. Kierzkowski A. Marketing to the digital consumer // *McKinsey Quarterly.* – 2019. – № 2. – С. 180–183.

Влияние ограничения миграции в условиях пандемии на трудовые ресурсы сельского хозяйства: зарубежный и отечественный опыт

Аннотация. Закрытие государственных границ и ограничения внутренних передвижений в связи с пандемией приостановили потоки трудовой миграции населения. Это повлияло на многие отрасли экономики, в том числе создало риски для сельского хозяйства. В развитых странах многие отрасли АПК зависят от занятости иностранных граждан. Особенно остро этот вопрос стоит в трудоемких отраслях сельского хозяйства, в которых увеличивается спрос на рабочую силу в пиковый сезон и зачастую применяется ручной труд. В условиях Covid-19 они оказались в весьма уязвимом положении, встретившись с серьезной нехваткой работников для посадки и сбора урожая. Дефицит кадров повлиял как на сельхозпроизводителей, которые терпели убытки и потерю урожая, так на потребителей, которые столкнулись с повышением рыночных цен. Государства были вынуждены принимать меры по восполнению нехватки сельскохозяйственных работников, привлекая местные кадры или осуществляя специальные схемы для привлечения мигрантов в условиях пандемии. Зарубежный опыт может быть полезен для России.

Ключевые слова: трудовая миграция; сельскохозяйственная миграция; занятость в сельском хозяйстве; сезонные работники; нехватка трудовых ресурсов; пандемия коронавируса; меры по решению.

Александра Андреевна Потапова, м. н. с. Центра агропродовольственной политики ИПЭИ РАНХиГС, аспирант географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

Несмотря на то что мигранты, живущие в сельской местности и работающие в сельском хозяйстве, представляют относительно небольшую группу по сравнению с мигрантами, проживающими в городах, они играют большую роль в поддержании определенных видов сельскохозяйственного производства.

Анализ рынка труда показывает, что доля трудящихся-мигрантов, занятых в сельском хозяйстве, ежегодно увеличивается. В период с 2011 по 2017 гг. в целом по ЕС она возросла с 4,2 % до 6,5 %, и составила около 600 тыс. чел. [13]. Причем большая часть приходилась на мигрантов из стран, не входящих в ЕС. Наиболее значимые показатели отмечаются в Испании, где в 2017 г. трудовые мигранты занимали около четверти от общего числа занятых в сельском хозяйстве страны (около 200 тыс. чел.) [13]. В Италии доля занятых иностранцев в сельском хозяйстве к 2017 г. достигла 20 % (около 170 тыс. чел.) [13]. Причем эти страны привлекали мигрантов как из европейских стран, так и из других регионах мира (Северная Африка, Латинская Америка, Азия). Кроме стран Южной Европы, традиционно славившихся сельскохозяйственной специализацией, трудовых мигрантов привлекают и другие государства ЕС. Например, доля иностранных сельскохозяйственных работников возросла в Дании до 20 % – 12 тыс. чел. (2017 г.), в Великобритании – до 15 % или около 40 тыс. чел. (2016 г.), Германии и Греции (по 8 % в каждой или 45 и 35 тыс. чел. соответственно – 2015 г.) [13]. В основном, эти страны ориентированы на работников из Восточной Европы (Румыния, Болгария, Польша). Самое большое количество мигрантов в сельском хозяйстве – в США, в 2017 г. их насчитывалось 360 тыс. чел. или 15 % от общего числа сельскохозяйственных работников в стране [10]. В Канаде также для занятости в сельском хозяйстве привлекаются трудовые мигранты, которые составляют около 18 % (около 65 тыс. чел.) от общего числа сельскохозяйственных работников [15]. В основном, для занятости в аграрном секторе этих стран прибывают граждане Мексики и стран Карибского бассейна.

Еще в большей степени сельскохозяйственный сектор развитых стран зависит от сезонного труда мигрантов. В отдельных

государствах существуют программы по привлечению из-за рубежа сезонных работников для сельского хозяйства. Так, в США в 2018 г. было привлечено более 200 тыс. мигрантов, получивших визы для временных неквалифицированных работников сельского хозяйства [6]. Главными регионами притяжения иностранцев являются штаты Флорида, Джорджия, Калифорния и Вашингтон, где выражена специализация на плодоводстве и овощеводстве [4]. Канада привлекает более 45 тыс. сезонных мигрантов для занятости в сельском хозяйстве ежегодно [15]. В основном они направляются в провинции Онтарио и Британская Колумбия, в которых развиты плодоводство, овощеводство, табаководство и виноградарство [4]. В странах ЕС также выдаются разрешения на сезонные работы в сельском хозяйстве. Отмечается разнообразный состав мигрантов как из других регионов мира, так и из самой Европы. Масштабы потоков из каждой страны происхождения мигрантов невелики, но в целом, во многие европейские государства ежегодно прибывает несколько десятков тысяч сезонных сельскохозяйственных работников из-за рубежа. Иностранцы, главным образом, заняты в районах развития трудоемких отраслей: например, в Испании – это Альмерия, Уэльба; во Франции – Буш-дю-Рон и Воклюз; в Великобритании – Кент и Херефордшир; в Италии – Сицилия, Апулия, Эмилия-Романья и т. д. [4]. Потребность в сезонных сельскохозяйственных мигрантах в европейских странах насчитывает более 1 млн человек [13]. Кроме того, мигранты также работают и на производстве продуктов питания [12].

Из-за закрытия международных границ и ограничений на поездки в 2020 г., во многих государствах остановились традиционные схемы привлечения мигрантов из-за рубежа, и в сельскохозяйственных районах, особенно там, где развиваются трудоемкие отрасли, образовалась нехватка рабочей силы. В результате увеличились риски потерь урожая, повышения потребительских цен и возникла угроза продовольственной безопасности стран.

Государства были вынуждены принимать меры по решению проблемы нехватки сельскохозяйственных работников. В первую очередь, для сельхозработ привлекались местные кадры, которые

в условиях Covid-19 не могли заниматься своей постоянной деятельностью или остались безработными, а также студенты [9]. В Европе эта тема широко освещалась в СМИ, звучали призывы к «сельскохозяйственному патриотизму» [8], были созданы специальные сайты для поиска местных работников, где производители могли размещать требуемые вакансии, а желающие помочь могли откликнуться. Также многие страны принимали финансовые стимулы для привлечения местных: сохранение социальных пособий (Испания, Франция, Бельгия) или стимулирующие выплаты для компенсации расходов на переезд, проживание и питание сезонных работников (Австралия) [14]. Несмотря на эти поощрения, в развитых государствах местные кадры не смогли восполнить дефицит сезонных работников в сельском хозяйстве, не желая выполнять физически тяжелую работу. Таким образом, большинство государств были вынуждены открывать границы для сезонных сельскохозяйственных работников из-за рубежа. В условиях пандемии организовывались специальные рейсы для мигрантов, исходя из нужд сельхозпроизводителей, предъявлялись строгие требования по санитарно-эпидемиологическим условиям и соблюдению карантина после прибытия и т. д. В зарубежных странах на основе ранее сложившихся схем привлечения трудовых мигрантов проводился прием иностранцев [7]. В европейских государствах сезонные работники для сельского хозяйства были признаны критически важными работниками. В США и Канаде потоки сельскохозяйственной миграции не прекращались даже в условиях пандемии [11].

Использование трудовых мигрантов в отраслях АПК не обошло и Россию. Во многих регионах страны (например, Астраханская, Волгоградская и Московская обл., Приморский кр.), где развито трудоемкое сельское хозяйство, заняты тысячи иностранцев [5]. Однако в силу отсутствия статистического учета занятости мигрантов по секторам экономики и, зачастую, нелегальной работы иностранцев, точные данные привести невозможно. Пандемия обострила проблему нехватки работников-мигрантов. В 2020 г. Россия решала ее с помощью привлечения местных кадров, но, как и в зарубежных странах, это не было эффективным. В отдель-

ных регионах местные кадры не смогли восполнить нехватку мигрантов, что привело к сокращению посевной площади, потерям урожая и росту себестоимости продукции [1; 2]. В настоящее время разрабатывается схема привлечения иностранцев в качестве сезонных сельскохозяйственных работников [3], которая должна сопровождаться координацией межведомственных органов.

Литература

1. АПК РФ нашел возможность обходиться без мигрантов, делает ставку на технику и местные кадры // Milknews. – 24.08.2020. – URL: <https://milknews.ru/index/apk-migranty-kadry.html> (дата обращения: 15.02.2021).

2. Карабут Т. Поле зовет. Аграриям не хватает иностранных рабочих рук // Российская газета. – 2020. – 27 декабря (Федер. выпуск № 293 (8347)). – URL: <https://rg.ru/2020/12/27/agrariiam-ne-hvataet-inostrannyh-rabochih-ruk.html> (дата обращения: 15.02.2021).

3. Минсельхоз попросил пустить в Россию мигрантов для сезонных работ в поле // РБК. – 10.02.2021. – URL: <https://www.rbc.ru/business/10/02/2021/602284149a79477561239575> (дата обращения: 15.02.2021).

4. Наумов А. С., Потапова А. А. Влияние международной трудовой миграции на современное региональное развитие мирового сельского хозяйства // Региональные исследования. – 2017. – № 4. – С. 56–70.

5. Потапова А. А. Риск ограничения занятости иностранных мигрантов в сельском хозяйстве России в условиях пандемии // Экономическое развитие России. – 2020. – Т. 27, № 6. – С. 44–53.

6. Castillo M., Simnitt S. Farm labor United States // Department of Agriculture Economic Research Service. – 22.04.2020. – URL: <https://www.ers.usda.gov/topics/farm-economy/farm-labor/#h2a> (дата обращения: 15.02.2021).

7. Coronavirus: Commission presents practical guidance to ensure the free movement of critical workers // European Commission. – 30.03.2020. – URL: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?langid=en&catid=89&furthernews=yes&newsid=9630> (дата обращения: 15.02.2021).

8. Barbière C. Les Français appelés au champ pour pallier l'absence des travailleurs agricoles étrangers // Euractiv. – 25.03.2020. – URL: <https://www.euractiv.fr/section/agriculture-alimentation/news/les-francais-appelles-au-champ-pour-palier-labsence-des-travailleurs-agricoles-etrangers/> (дата обращения: 15.02.2021).

9. European governments scramble to find farm workers for harvest // Financial Times. – 13.04.2020. – URL: <https://www.ft.com/content/601a4dd9-b996-4c49-bc22-8f49bfd06ea0> (дата обращения: 17.02.2021).

10. Hired farm labor – workers and payroll // United States Department of Agriculture. National Agricultural Statistics Service. – 2017. – URL: https://www.nass.usda.gov/Quick_Stats/CDQT/chapter/2/table/7 (дата обращения: 15.02.2021).

11. Important announcement on H2 Visas // Travel.State.Gov. – 26.03.2020. – URL: <https://travel.state.gov/content/travel/en/News/visas-news/important-announcement-on-h2-visas.html> (дата обращения: 17.02.2021).

12. McGuinness T., Grimwood G. Migrant workers in agriculture // Briefing paper № 7987. – 04.07.2017. – P. 22.

13. Natale F., Kalantaryan S., Scipioni M., Alessandrini A., Pasa A. Migration in EU rural areas. – Luxembourg : Office of the European Union, 2019.

14. Relocation Assistance: Relocation Assistance for short-term agricultural work helps eligible people to relocate to take up agricultural work // Australian Government. – URL: <https://jobsearch.gov.au/harvest/workers/relocation-assistance> (дата обращения: 17.02.2021).

15. Temporary foreign worker program work permit holders by program and year in which permit(s) became effective // Government of Canada. – URL: <http://open.canada.ca/data/en/dataset/d8dea62f-f496-49d0-8eaf-8d5a1ab36b2a> (дата обращения: 15.02.2021).

Темная сторона силы: негативные эффекты экономики больших данных

Аннотация. Выявлены ранее не изученные проблемы экономики больших данных: дисбаланс интересов, недооценка издержек, подмена целей регулирования, препятствия разделению труда. Намечены пути их преодоления в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: big data; цифровая экономика; эффективность, благосостояние.

Новым горизонтам, открывшимся человечеству благодаря big data (большим данным), посвящена обширная литература. Немало сказано и о специфических рисках и угрозах, связанных с big data, причем внимание концентрируется на рисках неправомерного доступа к данным, контроля над поведением фирм и индивидуумов, а также сокращения занятости в сфере услуг, особенно юридических и финансовых. Сегодня эти риски второстепенны, но опасения в отношении будущего имеют под собой основания. Ниже речь пойдет о других негативных эффектах, которые пока не привлекли должного внимания исследователей, хотя, в отличие от вышеназванных, актуальны уже в течение длительного времени.

1. Дисбаланс экономических интересов поставщиков и приобретателей big data

Вспомним общее условие эффективного использования ресурсов (УЭИР), сформулированное применительно к различным формализациям рыночного механизма в работах [9, р. 95; 1; 3, с. 18–19; 6, п. 2.3]: альтернативная стоимость одного и того же ре-

Николай Михайлович Светлов, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН, гл. науч. сотр., Всероссийский институт аграрных проблем и информатики имени А. А. Никонова – филиал ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ (г. Москва, Россия).

сурса¹ должна быть одинаковой для любого владельца. В транзакциях, связанных с *формированием big data*, это условие, *за рядом исключений*, не выполняется. В самом деле, поставщик данных (часто это лицо, претендующее на приобретение или продление какой-либо лицензии) передает данные получателю (лицензиару) безвозмездно и притом берет на себя издержки по приведению их к формату, требуемому лицензиаром. Такое положение дел согласуется с УЭИР, если эти издержки вычитаются, вместе с платой за данные, из стоимости договора о лицензировании. Однако этого, как правило, не происходит, на что указывают два признака: лицензиар, во-первых, обладает монопольной властью (например, является государственным органом) и, во-вторых, требует предоставить больше данных, чем способен обработать.

Примером служит лицензирование образовательной деятельности и ее государственная аккредитация. Эффект транзакции по передаче данных лицензиару отрицателен (и чувствителен) для лицензиата и либо положителен (но в расчете на единицу данных очень мал), либо равен нулю для лицензиара. С УЭИР такое положение дел несовместимо: транзакция делает общество в целом не богаче, а беднее. Более тонкие ситуации возникают при сборе персональных данных владельцами социальных сетей: в обмен на них пользователь приобретает услугу, но альтернативная стоимость единицы данных для пользователя может систематически быть меньше, чем для владельца сети, из-за дисбаланса рыночной власти участников транзакции. Благодаря таким транзакциям общество богатеет, но упускает возможность еще большего роста благосостояния.

Исправление такого положения дел – задача очень трудная, но потенциально разрешимая. Она связана с тонкой настройкой институций – вначале неформальных, затем формальных. Гражданское общество способно, осознав проблему, отказаться от одобрения безвозмездной передачи любых запрошенных данных в пользу любых бенефициаров (за исключением установленных законом случаев), подобно тому как ранее находило в себе силы

¹ Критерии, по которым ресурс признаётся «одним и тем же», изложены в: [9, р. 28–32].

не одобрять огораживания общинных земель в Англии и Шотландии. Затем на этой основе можно будет установить формальные институты – принять нормативно-правовые акты, во-первых, возлагающие издержки сбора и обработки данных на их получателя – в частности, в форме явных вычетов из стоимости заключенных контрактов, предусматривающих транзакции данных; во-вторых, направленные против информационной асимметрии на рынке big data – допускающие использование передаваемых данных способом, не указанным в договоре, исключительно по заключении письменного дополнительного соглашения.

2. Недооценка издержек проектов, связанных с обработкой big data

Этот изъян – прямое следствие предыдущего. Анализ проектов, связанных с big data, инициируют те агенты, которые эти данные накапливают. Поскольку они несут издержки сбора и обработки данных не в полной мере, постольку их исходящие денежные потоки оказываются меньше исходящих денежных потоков общества. В результате по мере становления экономики big data перечень причин парадокса Солоу [12] пополняется еще одной. Устранение дисбаланса экономических интересов способно решить эту проблему, но лишь в отдаленной перспективе. Скорейшее решение – анализ таких проектов с позиций общественного благосостояния по методикам, представленным, например, в [4, ч. 10; 11, part 3].

3. Подмена целей регулирования хозяйственных систем целями, обусловленными семантикой больших данных, оказавшихся доступными регулятору

Примером могут опять-таки служить процедуры лицензирования и аккредитации в сфере образования, принятые в России. Вместо того чтобы исследовать показатели, которые соответствуют цели данных процедур, но трудны для наблюдения и поступают с большой задержкой – например, данные о карьерах выпускников, – регулятор собирает огромные массивы данных, слабо связанных с целью регулирования и плохо поддающихся компьютерной обработке, и вводит контролируемые нормативы именно по ним. Второй пример такого же рода – ведомственный

проект Минсельхоза России «Цифровое сельское хозяйство». Он анализируется с этой точки зрения в статье [7]. Не случайно в 2019 г. бюджет этого проекта не был исполнен даже наполовину [2, с. 9]. Третий пример – разрыв между теорией и практикой использования информационных ресурсов для регулирования развития сельского хозяйства. К 2018 г. в нашей стране созданы мощные микроэкономические модели сельского хозяйства в масштабе всей страны, основанные на больших данных Росстата [8]. Тем не менее, два года спустя на уровне субъектов Федерации обнаруживается подмена целей федерального проекта «Экспорт продукции АПК», требующих применения моделей такого рода, другими целями, которые можно кое-как измерить, не обращаясь к моделированию [5]. В свою очередь, Правительство Российской Федерации оказалось не в состоянии своевременно выявить подмену.

Меры противодействия искажению целей регулирования изложены, например, в книге [10]. Они хорошо известны специалистам по экономической кибернетике, однако подготовка таких специалистов почти полностью прекращена в нашей стране.

4. Препятствия разделению труда

Требования безвозмездного предоставления данных, которые подчас не связаны никакими регламентами, формируют отношение к себе со стороны менеджмента как к обстоятельству неодолимой силы, на борьбу с которым направляются все имеющиеся ресурсы. Нарушается нормальный ритм бизнес-процессов. Специалисты, профессионалы оставляют свои профессиональные обязанности и, вопреки принципу разделения труда, принимаются за работу специалистов по обработке данных и прикладной информатике. Какими оказываются качество такой работы и производительность труда при ее выполнении – хорошо известно. И если первые три изъяна, рассмотренные в статье, оплачиваются лишь недополученной общественной пользой, то четвертый изымает из рыночной системы хозяйствования источник ее фундаментального преимущества перед альтернативными системами. Учитывая возрастание роли экономики данных в мировом хозяйстве, развал разделения труда именно в связи с big data, скорее

всего, не останется в ряду второстепенных проблем – он рано или поздно выйдет на первый план.

Решение предыдущих трех проблем способно попутно решить и эту. Возмещение издержек сбора и обработки передаваемых данных позволит открыть вакансии специалистов в области обработки данных в достаточном количестве. Полезной полумерой может также послужить постепенное упразднение свойственной российским организациям неформальной институции беспрекословного повиновения начальству, затрудняющей применение формальных институций – должностных инструкций, трудового договора, профессиональных союзов – в качестве инструментов защиты принципа разделения труда.

Итак, перечисленные пороки экономики big data опасны, но меры противодействия им, более или менее эффективные, существуют. Значит, эти пороки отнюдь не имманентны экономике big data. Их коренная причина кроется в противоречии между устаревшими институциями и новой реальностью – преодолимом, но требующем усилий не одного поколения.

Литература

1. Багриновский К. А. Основы согласования плановых решений. – М. : Наука, 1977. – 303 с.
2. Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2019 году государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия / Минсельхоз России. – М., 2020. – 193 с. – URL: <https://mcs.gov.ru/upload/iblock/98a/98af7d467b718d07d5f138d4fe96eb6d.pdf> (дата обращения: 15.02.2020).
3. Полтерович В. М. Экономическое равновесие и хозяйственный механизм. – М. : Наука, 1990. – 256 с.
4. Проектный анализ: продвинутый курс : учеб. пособие / под ред. М. В. Грачёвой. – М. : Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2017. – 404 с.
5. Светлов Н. М. Как улучшить планирование федерального проекта «Экспорт продукции АПК» // АПК: экономика, управление. – 2020. – № 10. – С. 41–50.

6. Светлов Н. М. На пути к новой концепции стоимости. – М. : Изд-во МСХА, 2002. – 108 с.

7. Светлова Г. Н. Цифровое сельское хозяйство: концепция и реальность // Системное моделирование социально-экономических процессов : доклады 43-й Международной научной школы-семинара / под ред. В. Г. Гребенникова, И. Н. Щепиной. – Воронеж : Истоки, 2021.

8. Светлов Н. М., Сиптиц С. О., Романенко И. А. Как улучшить размещение отраслей сельского хозяйства России // АПК: экономика, управление. – 2018. – № 3. – С. 13–19.

9. Debreu G. Theory of value: An axiomatic analysis of economic equilibrium. – New Haven and London : Yale University press, 1959. – 114 p.

10. Beer S. Brain of the Firm. – 2nd ed. – Wiley, 1995. – 432 p.

11. Gittinger J. P. Economic analysis of agricultural projects. – 2nd ed. – Baltimore and London : Johns Hopkins University Press, 1982. – 506 p.

12. Solow R. We'd better watch out. Book review // New York Times. – 1987. – July 12.

Раздел третий

**Кризис прав человека как вызов
обществу, культуре, человеку**

Современный феодализм: кризис идей демократии и прав человека

Аннотация. В статье исследуются современные тенденции развития институтов демократии и прав человека, анализируются причины системного кризиса ключевых для западной цивилизации правовых идей и основанных на них институтов. Автор приходит к выводу о том, что за фасадом демократического устройства европейских и североамериканских стран скрывается иерархический средневековый миропорядок («новый феодализм»), в котором роль главного политического центра, определяющего внутреннюю организацию, глобальные цели и принципы функционирования, играет объединенная старо-новая аристократия. Западная система мироустройства была основана на вере большинства в правовые идеалы, демократические ценности, естественные и неотчуждаемые права человека, которая сегодня в значительной мере утрачена; вместе с верой в правовое будущее человечества рушится и сама европейская цивилизация.

Ключевые слова: права человека; демократия; феодализм; правовой прогресс; кризис правового сознания; западная цивилизация.

Известный российский правовед, социолог Питирим Сорокин, эмигрировавший из революционной России в Соединенные Штаты Америки, в результате проведенных им исследований «самого демократического» общественного строя

Сергей Иванович Архипов, д-р юрид. наук, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета; профессор АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия); приглашенный профессор Университета «Париж-Нантер» (г. Париж, Франция). ORCID: 0000-0003-0154-5494

пришел, на первый взгляд, к парадоксальному выводу о том, что феодализм и олигархия в современном западном мире отнюдь не исчезли, они продолжают существовать во всех сферах: в политике, менеджменте, науке и искусстве, в банде преступников и демократических учреждениях – словом, повсюду [3, с. 16]. Разумеется, речь идет не о классическом феодализме, а о более утонченной и извращенной форме политико-экономического господства сильных над слабыми, когда, прикрываясь демократическими процедурами, политические элиты осуществляют свою волю через «народных избранных», реализуют собственные клановые интересы. По мнению П. А. Сорокина, в западном обществе пирамида политической иерархии вовсе не разрушена, социальные революции не привели к исчезновению политического неравенства, всеобщее избирательное право не обеспечило реальный переход правления от меньшинства к большинству; миром, как и прежде, управляет горстка людей.

В XXI веке политический феодализм не исчез, правящее меньшинство не утратило своего влияния, но то, что раньше тщательно скрывалось от общественности, теперь вырвалось наружу. Избирательная кампания 2020 г. в США наглядно продемонстрировала, что во имя защиты собственных корпоративных интересов американская элита готова нарушать права не только рядовых граждан, но и действующего президента Америки (Д. Трампа). Беспрецедентная в истории американской и европейской демократий ситуация, когда без суда блокируются аккаунты первого лица государства, а также миллионов его сторонников – это нечто из ряда вон выходящее, несовместимое с принципами демократии и прав человека. Если исходить из базовых принципов американского законодательства и теории естественного права, то можно констатировать факт грубейшего нарушения фундаментального права на получение и распространение информации, свободы слова, а также подрыв основ демократического правового устройства. Кроме того, посредством процедуры импичмента теперь уже бывшего президента США американская политическая элита пыталась лишить его права занимать выборные должности в будущем. Налицо глубочайший кризис западной демократии, прав человека, системы европейско-американских ценностей.

Известные культурологи О. Шпенглер и А. Тойнби предполагали, что европейская цивилизация (культура) основывается на «христианском братстве». О. Шпенглер утверждал, что «душа» каждой культуры зиждется на общей религии. Для западной культуры таким стержнем в его теории являлось не классическое, раннее христианское учение, проповедующее свободу и любовь к ближнему, а германско-нордический католицизм. Он рассматривал его как новую религию в старом обличье – религию не аскетов, а завоевателей, колонизаторов, стремящихся «превратить всю земную поверхность в единую колониальную область и экономическую систему» [2, с. 394, 475]. А. Тойнби также считал, что западная цивилизация берет начало не от Христа, а с периода правления Каролингов (VIII–X вв.), когда католическая церковь активно «осваивала» саксонские земли, обращая в христианскую веру язычников [1, с. 37]. Данная позиция, с нашей точки зрения, представляется весьма спорной, о каком «христианском братстве» может идти речь, когда религия в Европе выступала фактором раздора, причиной кровопролитных «религиозных войн» XVI–XVII вв. между протестантами и католиками, а также представителями других христианских конфессий.

Если рассматривать западную цивилизацию исходя из принципа единства культурно-правовых ценностей европейских народов, то может быть взята за основу другая точка отсчета, иная система измерений цивилизационной целостности. Представляется, что исходным периодом, когда формируется единый культурно-правовой континуум Европы, стала совсем другая эпоха – Просвещение. Именно в данный период созревают основные правовые ценности, идеалы будущего правового устройства не только Европы, но и всего человечества. В расколотом внутренними церковными конфликтами и Реформацией сознании европейцев постепенно зарождается совсем другая вера – не в загробный мир, а в земной «правовой рай», в «светлое социально-правовое будущее». Идеи прав человека, принципы правового государства становятся культурным фундаментом новой Европы, системообразующим фактором для западной цивилизации. Они не только укоренились в европейском сознании, но и воплотились

в конституционном устройстве государств западного мира, в их основных законах. В XX веке эти правовые принципы, идеалы стали культурным базисом для создания объединенной Европы. Не религия и не эфемерная «фаустовская душа» явились цивилизационной основой для формирования Европейского союза, а общие правовые идеалы, ценности. Удивительным является то обстоятельство, что в своих теориях О. Шпенглер и А. Тойнби полностью игнорировали фактор правового сознания, правовых идеалов, их значение с точки зрения формирования западной культуры (цивилизации).

Первый системный кризис новой веры в земной «правовой рай» возник после так называемых «буржуазных революций» (нидерландской, английской, американской, Великой французской революции). Победа идей демократии, свободы, прав человека не привела к разрушению пирамиды власти, старая аристократия «голубой крови» соединилась с новой аристократией денег, капиталов. Политический феодализм с его стремлением к мировому господству никуда не исчез, он укрепился, приобрел новую форму: если раньше западный мир завоевывал человечество под знаменем церкви, то теперь – прав человека. Те, кто раньше возглавлял движение в защиту прав и свобод человека, после достижения своих политических целей оказались заодно с теми, против кого они воевали. В западноевропейском сознании уже в конце XVIII – начале XIX в. возникло внутреннее противоречие между верой в правовые идеалы и германско-нордической «душой», ее жаждой власти.

Второй системный кризис веры в правовое будущее человечества возник в XX веке: первая и вторая мировые войны. Одна из самых просвещенных европейских наций – германская, давшая миру отцов-основателей теории правового государства (Канта и Гегеля), как только перед ней вставал выбор между мировым господством и правовым мироустройством, каждый раз выбирала мировое господство. Порывы нордической «души» оказались сильнее кантовско-гегелевских идеалов, фасад правовой культуры начал разрушаться под натиском животных инстинктов. Хотя в XX веке после глобальных катаклизмов западный мир возвра-

щался к идее прав человека, к своим правовым идеалам и даже смог на их фундаменте создать Европейский союз, но вера, которая выступала внутренним стимулом борьбы и социального созидания для деятелей эпохи Просвещения, побуждая их жертвовать собой во имя светлого правового будущего, неуклонно угасала, трансформируясь во внешнюю, официальную государственную идеологию. Эту идеологию, например, Запад успешно использовал в качестве оружия в своем глобальном геополитическом противостоянии с СССР в годы холодной войны.

Третий системный кризис правовых ценностей, идеалов европейской цивилизации возник в XXI веке. Если предыдущий был внутрицивилизационный, то современный – это противостояние западной цивилизации и новой восточной (Китай). Уже в конце XX века Соединенные Штаты после распада Советского Союза оказались в роли мирового гегемона. Нация, которая искренне верила в идеалы свободы, прав человека, демократии, боролась против рабства, всех форм угнетения, как только перед ней открылась перспектива мирового господства, выбрала, как в свое время немцы, мировое господство. Статуя Свободы – это уже не тотем, а исторический памятник Соединенных Штатов Америки, напоминающий об утраченных правовых идеалах. В противостоянии природных инстинктов власти и нравственно-правовых ценностей в современном западном мире победу одерживают естественные инстинкты, они приводят к внутреннему разложению европейской цивилизации. Процесс самораспада культуры, как показывает опыт существования предшествующих культур, может быть достаточно длительным, если у нее нет конкурентов, внешних врагов. Но у западного мира появился реальный соперник, внешний враг, который успешно заимствовал его достижения во многих сферах общественной жизни (наука, образование, технологии, рыночные отношения и т. д.), при этом он обладает собственным культурным кодом, своей системой культурных ценностей. Совмещение эффективных рыночных механизмов с государственным долгосрочным планированием, дисциплиной, квалифицированным управлением общественными процессами дает конкуренту Запада заметное преимущество в борьбе за мировое

господство. Если раньше в борьбе с Советским Союзом у западной цивилизации еще был внутренний стержень, объединяющий и укрепляющий ее, – вера в свою правоту, в собственные идеалы добра и справедливости, то в современном противостоянии с Китаем этой веры уже нет, есть лишь официальная идеология.

Что касается России, то идеи демократии, прав человека, в отличие от Западной Европы, не укоренились в общественном сознании, не стали новой религией масс. Культурный код русского народа изначально определялся общинным, патриархальным укладом и неразрывно связанным с ним патриархальным государством, которое не предполагало существования свободного индивида (гражданина), его правовой автономии от государственной власти. Для общинного сознания мысль о противопоставлении себя миру, государству, «царю-батюшке», о «суверенитете» личности, признании естественных и неотчуждаемых прав человека была чуждой, инородной, не соответствующей образу жизни, нравственным устоям общества (перефразируя Н. М. Карамзина, можно сказать: «О лицах трактовать нам не было и нет резона»). Там, где нет свободного индивида, где отсутствует частная собственность на землю, нет почвы для институтов демократии и прав человека. Первые правовые и социально-культурные предпосылки для заимствования западных идей и институтов появляются в России после отмены в 1861 г. крепостной зависимости крестьян. Однако уже через полвека это движение в сторону Запада обрывается, после 1917 г. происходит возврат к общинным истокам: к общественной собственности на землю, средства производства, к коллективным формам хозяйствования (колхозы, совхозы, государственные предприятия), к централизованной государственной власти. С точки зрения общественного сознания происходят существенные сдвиги: православие вытесняется новой верой – в коммунизм, бесклассовое общество. Эта новая вера, по сути, была антиподом мечты о правовом государстве, она не предполагала существования в будущем ни государства, ни права, следовательно, никаких институтов прав человека и демократии.

Современная Россия после распада Советского Союза оказалась перед непростым цивилизационным выбором: 1) следовать

по пути Запада, заимствуя институты демократии и прав человека; 2) попытаться совместить собственные культурно-исторические традиции с достижениями западной цивилизации (по примеру Китая); 3) создать нечто принципиально новое, более совершенную систему социально-государственного устройства и управления, чем ныне существующие в западном и восточном мире.

Первый (западный) путь не вполне соответствует тому культурному коду, традициям народа, которые сформировались на протяжении тысячелетней истории России. Надо также учитывать то обстоятельство, что современные западные институты демократии и прав человека в условиях цивилизационного кризиса, переживаемого Европой и странами Северной Америки, утрачивают свою былую привлекательность даже для самих европейцев и американцев; на первый план выходят скорее их недостатки, чем достоинства: институт прав человека в западном мире постепенно превращается в особую форму социального паразитирования государственных и муниципальных служащих, работников за счет бюджета, чему способствует система подкупа избирателей властвующими элитами посредством разного рода государственных выплат (несоразмерных пособий, компенсаций, непосильных для бюджета зарплат, льгот и т. д.), приводящая в конечном счете к финансовому банкротству прежде процветающих демократий. Кроме того, большим недостатком современной западной демократии является некомпетентность (непрофессионализм) народных избранников, их неспособность эффективно осуществлять правотворческую деятельность.

Второй путь (механического совмещения достижений европейской цивилизации с собственными российскими культурными традициями) также имеет свои недостатки. Главный из них заключается в том, что исходные различия систем ценностей, лежащих в основе российской и западноевропейской культур, предполагают возможность отторжения некоторых базовых западных политико-правовых идей и основанных на них институтов. В истории России главными цивилизационными вызовами, определившими сознание народа и государственное устройство, были факторы

внешнего давления: татаро-монгольское нашествие, шведские крестовые походы (XII–XIV вв.), польско-литовская интервенция (1609–1618 гг.), вторжение армии Наполеона (1812 г.), германская оккупация (в период первой и второй мировых войн), холодная война с Западом. Как справедливо отмечал А. Тойнби, в долгой и беспощадной борьбе с внешними агрессорами Русь выработала свой цивилизационный ответ – жесткое централизованное государство византийского типа. Для России – это своего рода спасительный панцирь от внешних угроз, в основе которого лежит сформированный веками защитный инстинкт народа, отстаивающего свою независимость. Можно с большой долей вероятности утверждать, что назревающее новое противостояние Запада с Россией в очередной раз вызовет ее защитную реакцию и возврат к «мобилизационной» форме государства, в которой нет места «враждебным» западным идеям демократии и прав человека.

Третий путь (создание принципиально новой системы государственного устройства, более совершенной, чем современная западная, а также предшествующие ей культуры) – это самый тернистый. Он предполагает формирование взамен отвергнутых общественным сознанием коммунистических идеалов новой системы ценностей, иной веры в социальное будущее человечества. Речь идет не об очередной научной теории общественного прогресса, а о цивилизационном выборе народа. Когда О. Шпенглер сформулировал в начале XX в. свой тезис, что русско-сибирская культура еще не созрела до уровня «великих» культур, то он вызвал вполне обоснованную реакцию со стороны российской научной общественности. Разве шедевры Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, П. И. Чайковского и т. д. – это не проявление великой культуры? Безусловно, но есть одна сфера, где величие русской культуры не столь заметно. Речь идет о социальных науках, в особенности – о политических и правовых, где Россия идет в фарватере западной культуры, не создала собственных альтернатив теориям прав человека, правового государства, демократии и др. Марксизм, как достояние российского общественного сознания XX в., также не является изобретением нашей науки. В цивилизационном противостоянии Западу у современной России нет соб-

ственного духовного щита, такого социально-правового идеала, перед которым меркнут идеи эпохи Просвещения. И этот духовный щит, если и будет создан, то, учитывая нынешнее состояние российской правовой науки, а также общественного сознания, можно предположить, что не скоро.

Литература

1. Тойнби А. Дж. Постижение истории : пер. с англ. – М. : Прогресс, 1991. – 736 с.
2. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. И. И. Маханькова – Т. 1 : Образ и действительность. – М., 2003. – 522 с.
3. Sorokin P. A. Social and Cultural Mobility. – New York, 1959.

Т. М. Баженова, С. В. Кодан

Понимание права и права человека: исторический аспект и современный контекст

Аннотация. В статье прослеживается историческое развитие проблематики прав человека и гражданина в России и ее современное состояние.

Ключевые слова: права человека; правопонимание; Конституция Российской Федерации.

Проблема понимания места, роли и значения прав человека в современном обществе выступает тем оселком, на котором проверяется отношение всей государственно-правовой системы к человеку и гарантирует на их основе определение посредством позитивного права (законодательства) его правового статуса как гражданина конкретного государства. В хорошо известной и аксиоматической для юриста связке – «права человека и права гражданина» – все вроде бы достаточно понятно – первые носят базовый характер, присущи всем людям от рождения и т. д., а вторые определяются принадлежностью к государству и гражданством и т. п. Но возникает вопрос: что же устанавливает, на какой доктринальной основе формируются, оформляются и реализуются права гражданина и человека? Представляется, что в указанной конструкции отсутствует еще один важный элемент – связующее звено, каковым является именно понимание права –

Татьяна Милославовна Баженова, канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой истории государства и права АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Сергей Владимирович Кодан, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, заслуженный юрист Российской Федерации (г. Екатеринбург, Россия).

правопонимание, – в его конкретно-исторической и теоретической проекциях. Остановимся на следующих вопросах.

1. Конкретно-исторический аспект понимания прав человека связан с законодательным оформлением правового статуса отдельного человека в государственно-организованном обществе, который отразил «сменявшие друг друга формы и ступени роста в развитии человеческой свободы от древности до современности и связан с типом понимания права», как отмечает В. С. Нерсесянц. В его либертарно-юридической концепции правопонимания «типы права и государства – это основные исторические формы признания и организации свободы людей, выражающие этапы прогресса свободы», которые последовательно составляют этнический, сословный, индивидуально-политический, гуманитарно-правовой периоды своего развития [3, с. 242–243]. Представляется, что данный подход создает возможность охарактеризовать связь правопонимания и прав человека и гражданина как в теоретическом, так и в конкретном историко-юридическом плане. Последнее позволяет дать периодизацию развития подходов и выявить тенденции развития взаимосвязи определения прав человека в контексте правопонимания отдельных исторических периодов государственно-правового развития общества.

2. Сословный тип государства и права стал этапом, когда в государственно-правовой системе статус конкретного человека был юридически оформлен и выступал в условиях сословного типа политико-правовой системы, где «каждый является субъектом права и субъектом государства именно в качестве члена определенного сословия», а «внутрисословное равенство людей в их правосубъектности и государствовсубъектности сочетается с межсословным неравенством – неравенством государственно-правовых статусов разных сословий и их членов» [3, с. 244]. Сословный статус закреплялся в «законах о состояниях» и конкретизировался в индивидуальном сословном статусе конкретного человека. Тем самым государство распределяло и прикрепляло человека, как подданного, к определенной группе населения и устанавливало «права состояния», которые, впрочем, и по решению государства могли быть утрачены при совершении определенных противозаконных

деяний через процедуру «лишения прав состояния». В России с изданием екатерининских жалованных грамот 1785 г. были заложены основы сословного политико-правового режима, который был оформлен Сводом законов о состояниях, вошедшим в Свод законов Российской империи 1832 г., который в соответствующих редакциях сохранял свою юридическую силу до 1917 г. При этом Манифестом от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» с переходом к конституционной монархии были провозглашены основные гражданские права и свободы – неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний, союзов и др. В российской юридической науке и официальной законодательной практике сложились основы легистского понимания права.

3. После 1917 г., с установлением в несколько последующих лет механизмов партийно-государственной власти на основе моноидеологии (идеократического типа государства и права), постепенно сформировался и соответствующий классовому подходу легистский тип понимания права как «продукта государства (его власти, воли, усмотрения, произвола): право – приказ (принудительное установление, правило, норма, акт) официальной (государственной) власти, и только это есть право. Здесь право сводится к принудительно-властным установлениям, к формальным источникам так называемого позитивного права (законам, указам, постановлениям, обычному праву, судебному прецеденту и т. д.), т. е. к закону (в собирательном смысле) – к тому, что официально наделено в данное время и в данном месте законной (властно-принудительной) силой», – подчеркивает В. С. Нерсесянц [3, с. 11]. Одновременно необходимо было учитывать идеологическую заданность права, доминирующее значение в правообразовании коммунистической партии и формальное закрепление партийных решений законодательными органами в виде конституционных актов и законов. При этом вопрос о правах человека не стоял – естественные и общепринятые права человека и гражданина не вписались в главную концепцию «права революции» – его классовое понимание. Конституция РСФСР 1918 г. закрепила этот подход. Конституция СССР 1936 г., провозгласив принцип

равноправия всех граждан, указывала на политические и личные права и свободы, акцентировала внимание на социально-экономических правах, что было лишь формально-юридическим закреплением этого. При этом конституционные нововведения совпали по времени с репрессиями. Суть правопонимания практически всего советского периода была выражена в определении права, которое сформулировал А. Я. Вышинский: «Право – совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства, в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу» [2, с. 233–234].

4. Коренной поворот к пониманию значения прав человека и необходимости их законодательного оформления в соответствии с международными стандартами был связан со второй половиной 1980-х – началом 1990-х гг. Декларация прав и свобод человека и гражданина, принятая Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г., а затем Конституция Российской Федерации 1993 г. закрепила новую, по сравнению с предшествующими конституциями, концепцию прав человека и гражданина. По Конституции РФ основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (ч. 2 ст. 17), а гражданин рассматривается как человек, который состоит в устойчивой политико-правовой связи с государством, заключающейся в совокупности взаимных прав и обязанностей. Человек, его права и свободы были объявлены высшей ценностью, обязанность государства состояла в том, чтобы признать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2). Гл. 2 Конституции РФ учитывает нормы международно-правовых актов о правах человека и закрепляет большой круг прав и свобод человека и гражданина – право каждого на жизнь, здоровье, личную безопасность и неприкосновенность, защиту чести, достоинства, доброго имени, свободу мысли и слова, выражение мнений и убеждений, выбор места жительства; может приобретать, владеть, пользоваться и распоряжаться соб-

ственностью, заниматься предпринимательской деятельностью, покидать страну и возвращаться обратно, свободно определять свою национальность и др. Особо подчеркивается равенство всех перед законом и судом. В. С. Нерсисянц же подчеркивает: «Под правами и свободами человека Конституция, по существу, имеет в виду прирожденные и неотчуждаемые права и свободы каждого индивида – как гражданина Российской Федерации, так и гражданина другого государства и лица без гражданства, т. е., пользуясь традиционной терминологией, естественные права человека» [3, с. 244]. Конституция РФ 1993 г. впервые в истории страны в целом основывается на типе государства и права, относящемся к новейшему времени, который В. С. Нерсисянц определяет как *гуманитарно-правовой тип государства и права – правовое государство*, в рамках которого «каждый человек именно как человек является (и официально признается государством и законом) субъектом прирожденных и неотчуждаемых (естественных) прав и свобод, которые составляют исходную основу действующего (позитивного) права и государства данного типа и обладают общеобязательной силой и значением» [3, с. 334].

Современный контекст соотношения современного правопонимания и прав человека и гражданина уходит в плоскость реализации потенциала Конституции РФ, реального осуществления закрепленных в ней прав и свобод гражданина. С. С. Алексеев, один из авторов проекта Конституции РФ 1993 г., не случайно акцентирует внимание на том, что «основные права и свободы, делающие каждого человека независимой и суверенной личностью (прежде всего – по отношению к власти), имеют свою морально-духовную основу, относящуюся к каждому человеку. И это как раз достоинство человека, выражающее его высокий статус в обществе. Без признания и обеспечения высокого достоинства личности в обществе декларируемые права и свободы во многом теряют свою реальную человеческую основу, становятся, применительно к отдельному человеку в его практической жизни, бумажной “буквой”» [1, с. 43].

Литература

1. Алексеев С. С. У истоков Конституции России. Субъективные заметки. – Екатеринбург, 2009.
2. Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права. Доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // Вопросы правоведения. – 2009. – № 1. – С. 191–285.
3. Нерсеянц В. С. Общая теория права и государства : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». – М. : Изд. группа Норма–Инфра-М, 1999. – 539 с.

Уставный Суд Свердловской области: итоги деятельности за 2020 год

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о роли и месте конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации в контексте конституционной реформы. Автор проводит правовой анализ итогов деятельности Уставного Суда Свердловской области за 2020 г., а также последствий изменения федерального законодательства для региональной конституционной (уставной) юстиции.

Ключевые слова: региональная конституционная юстиция; конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации; Уставный Суд Свердловской области.

Конституционные (уставные) суды в субъектах Российской Федерации созданы и действуют по состоянию на 10 марта 2021 г. в двенадцати республиках (Адыгея, Башкортостан, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карелия, Коми, Марий Эл, Саха (Якутия), Северная Осетия – Алания, Татарстан, Чеченская Республика), в двух областях (Калининградская, Свердловская) и в одном городе федерального значения (Санкт-Петербург). В доктрине уделяется особое внимание вопросам и проблемам создания и деятельности органов регионального конституционного (уставного) судебного контроля (см., например: [1; 3; 4; 7; 12] и др).

О возможности существования подобных судов никогда не упоминалось в Конституции Российской Федерации [2]. Тем не

Марина Львовна Белых, канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета; руководитель Филиала кафедры в Уставном Суде Свердловской области; завкафедрой европейского права и сравнительного правоведения АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

менее статья 27 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» [11] предусматривала право субъектов Российской Федерации учреждать региональные судебные органы конституционного контроля.

В Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» были внесены существенные изменения, касающиеся непосредственно возможности существования подобных судов в субъектах. Федеральный конституционный закон от 08 декабря 2020 года № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» [10] предусмотрел конкретный срок упразднения конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации – 1 января 2023 года.

В качестве примера, в Калининградской области вопрос о ликвидации Уставного Суда был решен оперативно, и к 1 апреля 2021 года данный суд перестанет существовать [8]. Тем не менее в 2021 году назначены несколько заседаний суда [9], и это, несомненно, свидетельствует о необходимости наличия данного органа конституционного судебного контроля в регионе. Однако новые обращения в Уставный Суд Калининградской области не принимаются в связи с изменением федерального законодательства.

В рамках настоящего доклада будет представлена практика деятельности Уставного Суда Свердловской области. За 2020 год Уставный Суд Свердловской области вынес два постановления и одно решение закрытого заседания судей Уставного Суда Свердловской области. В 2021 г. по состоянию на 10 марта 2021 г. постановлений Уставным Судом Свердловской области не принималось.

Одно из постановлений было вынесено по обращению гражданина О. В. Ковальчука [5], а второе по запросу депутата Законодательного Собрания Свердловской области М. В. Зубарева [6]. Постановления выносились в рамках факультативного последующего постановляющего конституционного судебного контроля по вопросам о соответствии Уставу Свердловской области ряда региональных нормативных правовых актов.

В качестве вывода хотелось бы отметить, что ликвидация конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации не вызывает однозначной реакции. Региональная конституционная (уставная) юстиция, бесспорно, нуждалась в модернизации. Совершенствование ряда механизмов создания и деятельности обсуждалось и в теории и на практике, тем не менее федеральный законодатель принял решение кардинальное и категоричное. Какую роль для развития механизма региональной защиты прав и свобод человека и гражданина подобное изменение сыграет, полноценно проанализировать возможно через определенное время.

Хотелось бы отметить не только роль Уставного Суда Свердловской области в сфере судебного конституционного контроля на региональном уровне, но и его вклад в совершенствование и качество образовательного процесса в юридической сфере. У уральских студентов была возможность проводить модельные процессы в Уставном Суде Свердловской области с участием и привлечением ведущих теоретиков и практиков; студенты присутствовали во время осуществления уставного судопроизводства; проводились заседания научных обществ и семинарские занятия в помещении, специально оборудованном для данных целей в Суде; и т. д. Кроме того, в рамках научного направления деятельности, в том числе наряду с массой иных мероприятий, например, проводились обсуждения диссертаций на соискание степени кандидатов и докторов юридических наук на базе Уставного Суда Свердловской области с активным участием судей. Таким образом, ликвидация регионального органа уставного судебного контроля, несомненно, скажется на методиках преподавания юридических дисциплин, связанных с реализацией и защитой прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации.

Литература

1. Карасев А. Т., Казанцев А. О. О принципе независимости судей конституционных (уставных) судов субъектов РФ // Российское право: образование, наука, практика. – 2013. – № 2-3 (80-81). – С. 40–43.

2. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // Российская газета. – 2020. – 4 июля.

3. Несмеянова С. Э. Национальный механизм судебной защиты основных прав и свобод человека и гражданина в контексте федеративных отношений // Известия Саратовского университета. Серия: экономика, управление, право. – 2020. – Т. 20, № 3. – С. 310–319.

4. Пантелеев В. Ю., Смородина О. С. Построение эффективной системы защиты прав граждан как основная задача судебной реформы в России // Российское право: образование, наука, практика. – 2019. – № 1. – С. 20–26.

5. Постановление Уставного Суда Свердловской области от 02 июля 2020 года по делу о соответствии Уставу Свердловской области части третьей пункта 2 статьи 6 Закона Свердловской области от 23 декабря 2010 года № 104-ОЗ «О ветеранах труда Свердловской области» в связи с запросом гражданина О. В. Ковальчука. – URL: <http://ustavsud.ru/index.php?ind=rechenia&catalog=rechenia&id=1> (дата обращения: 10.03.2021).

6. Постановление Уставного Суда Свердловской области от 09 июня 2020 года по делу о соответствии Уставу Свердловской области Решения Думы Асбестовского городского округа от 30 января 2020 года № 32/3 «Об отмене Решения Думы Асбестовского городского округа «Об утверждении Порядка увольнения (освобождения от должности) лиц, замещающих муниципальные должности в Асбестовском городском округе, в связи с утратой доверия № 19/4 от 25 декабря 2018 года» и Решения Думы Асбестовского городского округа от 25 декабря 2018 года № 19/4 «Об утверждении порядка увольнения (освобождения от должности) лиц, замещающих муниципальные должности в Асбестовском городском округе, в связи с утратой доверия» в части, устанавливающей необходимость принятия решения об увольнении (освобождении от должности) лица в связи с утратой к нему доверия не менее чем двумя третями от установленной численности депутатов Думы Асбестовского городского округа, в связи с запросом депутата Законодательного Собрания Свердловской области М. В. Зубарева. – URL: <http://ustavsud.ru/index.php?ind=rechenia&catalog=rechenia&id=1> (дата обращения: 10.03.2021).

7. Саликов М. С. Региональные конституционные (уставные) суды: место в судебной системе России // Российское право: образование, наука, практика. – 2013. – № 2-3 (80-81). – С. 18–22.

8. Уставный закон Калининградской области от 01 декабря 2020 года № 485 // Гарант. – URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/kaliningrad/1427673/> (дата обращения: 10.03.2021).

9. Уставный Суд Калининградской области : официальный сайт. – URL: <http://www.ustavsudklgd.ru/> (дата обращения: 10.03.2021).

10. Федеральный конституционный закон от 08 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» // Российская газета. – 2020. – 11 декабря.

11. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 08 декабря 2020 г.) «О судебной системе Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.03.2021).

12. Цалиев А. М. Конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации и современный правопорядок // Российский судья. – 2019. – № 12 (55). – С. 45–50.

Общественная экспертиза: опыт и проблемы развития в Российской Федерации

Аннотация. Дается анализ норм действующего законодательства по теме. Рассматриваются существующие пробелы законодательства и проблемы развития института общественной экспертизы как формы общественного контроля. Делаются выводы о необходимых действиях для развития и повышения эффективности института общественной экспертизы.

Ключевые слова: общественный контроль; общественная экспертиза; эксперт; общественная палата; законотворческий процесс; гражданская экспертиза.

Характерной чертой развитого гражданского общества является возможность участия граждан в управлении делами государства. Данная возможность закреплена в ч. 1 ст. 32 Конституции Российской Федерации. Правовая природа общественной экспертизы также исходит из смысла указанной нормы [3]. Общественная экспертиза является одной из форм общественного контроля. Нормы об общественной экспертизе содержатся, прежде всего, в Федеральном законе от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об основах общественного контроля в РФ»), Федеральном законе от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об Общественной палате РФ»). На основании положений данных законов в регионах России были приняты соответствующие нормативные акты, которые имеют схожее содержание. В чис-

Арсен Умарович Везиев, аспирант, Институт философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

ло субъектов общественного контроля, согласно п. 1 ст. 9 ФЗ «Об основах общественного контроля в РФ», входят Общественная палата РФ, общественные палаты субъектов РФ, общественные палаты (советы) муниципальных образований, общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, общественные советы при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов РФ. Процедура общественной экспертизы Общественной палаты РФ прописана в Положении о порядке проведения общественной экспертизы (утв. решением Совета Общественной палаты РФ от 15 мая 2008 г., протокол № 4-С). Общее положение общественных советов при федеральных органах исполнительной власти закреплено в Указе Президента РФ от 04 августа 2006 г. № 842 [9]. Указанные органы вправе инициировать и проводить общественную экспертизу проектов нормативных актов, касающихся вопросов их деятельности [5, с. 458].

Тем не менее само по себе закрепление института общественной экспертизы в названных правовых актах не свидетельствует о том, что он активно и эффективно используется, несмотря на то что некоторые авторы рассматривают общественную экспертизу как важнейший инструмент гражданского контроля деятельности власти, без которого невозможно существование демократического государства [4, с. 89]. Существует точка зрения, что в отсутствие реальной электоральной демократии любая общественная экспертиза может свестись к ее имитации. А. Ю. Сунгуров отмечает, что функции организации общественного контроля и общественной экспертизы были в основном возложены на Общественную палату РФ, созданную во многом как имитационная структура [4, с. 91]. Некоторые авторы также отмечают, что Общественная палата РФ и региональные общественные палаты рассматриваются как органы, в которых государство принимает значительное участие, из чего следует вывод, что их нельзя в полной мере считать независимым и эффективным институтом гражданского общества [1]. Указанная точка зрения и опасения видятся вполне оправданными, так как на данный момент механизм формирования состава общественных палат не всегда вы-

глядит прозрачным и независимым от органов власти, в связи с чем существует риск их превращения в инструмент легитимации решений органов власти от имени общества.

Стоит отметить, что в действующем законодательстве имеется, на наш взгляд, ряд пробелов в вопросе проведения общественной экспертизы. В частности, в законах по-разному определен круг ее объектов. Так, в п. 1 ст. 22 ФЗ «Об основах общественного контроля в РФ» указано, что в объекты общественной экспертизы включаются, в том числе, акты, проекты актов, решения, проекты решений, документы и другие материалы, а также действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций [6]. Однако в п. 3 ст. 2 и п. 1 ст. 18 ФЗ «Об Общественной палате РФ» в качестве объектов общественной экспертизы, проводимой Общественной палатой РФ, указаны только проекты нормативных правовых актов [6].

Представляется, что необходимо принять ряд нормативных правовых актов, развивающих положения ФЗ «Об основах общественного контроля в РФ» в части наделения других субъектов общественного контроля правом проведения общественной экспертизы не только в отношении проектов правовых актов. Возможно, стоит также рассмотреть вопрос расширения и полномочий самой Общественной палаты РФ в этом направлении, так как на данный момент она является, пожалуй, наиболее активным субъектом проведения общественной экспертизы. На сайте Общественной палаты РФ (<https://orgf.ru/>) имеется специальный раздел, посвященный общественной экспертизе, в котором публикуются новости, тексты экспертных заключений, планы экспертной деятельности, а также законопроекты для обсуждения.

Следует отметить, что по-разному определен и круг инициаторов общественной экспертизы. Так, согласно пунктам 3-4 ст. 22 ФЗ «Об основах общественного контроля в РФ» граждане не наделены правом выступать ее инициаторами. В свою очередь, ст. 20 Федерального закона от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» содержит положение о том, что общественная экологическая экспертиза может быть организова-

на и проведена по инициативе, в том числе, и граждан [8]. Вместе с тем п. 1 ст. 23 данного Федерального закона не содержит указания на право гражданина подать заявление и устанавливает, что общественная экологическая экспертиза осуществляется при условии государственной регистрации заявления только общественных организаций (объединений).

Ограничение прав граждан на ее инициирование служит дополнительным препятствием к развитию данной формы общественного контроля. Ограничение перечня объектов общественной экспертизы только проектами правовых актов очевидно ограничивает возможность субъектов общественного контроля принимать активное участие в изменении или отмене устаревших, неэффективных или противоречащих интересам общества действующих норм, а также иных результатов деятельности органов власти.

К другой причине, замедляющей развитие института общественной экспертизы и общественного контроля в целом, можно отнести пассивность граждан, отсутствие надлежащей информированности населения о данной и иных формах общественного контроля, недостаточное доверие по отношению к общественным палатам, общественным советам, федеральным органам исполнительной власти.

Таким образом, устранение пробелов и противоречий в законодательстве, расширение перечня объектов общественной экспертизы, повышение информационной прозрачности деятельности общественных палат, иных субъектов общественной экспертизы, а также информированность населения о различных формах общественного контроля, на наш взгляд, будут способствовать развитию и укреплению института общественной экспертизы как важнейшего инструмента гражданского контроля за деятельностью власти. Данные изменения в перспективе помогут снизить вероятность возникновения различного рода напряжения в обществе относительно принимаемых публичной властью решений.

Литература

1. Гуськов В. О., Короткова О. А. Участие институтов гражданского общества в экспертизе законодательства // Ученые записки Тамбовского отделения РОСМУ. – 2020. – № 18. – С. 93–98.

2. Дерен И. И., Лазарева Л. В. Исследование роли Общественной палаты Российской Федерации в общественной экспертизе нормотворчества // Вестник Самарского юридического института. – 2019. – № 3 (34). – С. 31–36.

3. Правовые основы общественного контроля в Российской Федерации: Постатейный научно-практический комментарий к Федеральному закону от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» / Е. А. Абросимова, В. В. Гриб, А. Г. Дейнеко и др. ; под общ. ред. М. А. Федотова. – М. : Статут, 2017. – 208 с.

4. Сунгуров А. Ю. Общественная и гражданская экспертизы: современные российские дискуссии // Общественные науки и современность. – 2019. – № 4. – С. 87–98.

5. Эмих В. В. Общественные советы в системе Следственного комитета Российской Федерации // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2012. – № 12. – С. 452–466.

6. Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ (ред. от 5 декабря 2017 г.) «Об Общественной палате Российской Федерации» // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 23.02.2021).

7. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ (ред. от 27 декабря 2018 г.) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 23.02.2021).

8. Федеральный закон от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об экологической экспертизе» // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 23.02.2021).

9. Указ Президента РФ от 4 августа 2006 г. № 842 (ред. от 23 мая 2013 г.) «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам» // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 23.02.2021).

Проблема идентичности представителя ЛГБТ-сообщества в правовой сфере

Аннотация. Работа посвящена исследованию правовых нарушений представителя ЛГБТ-сообщества на примере члена Ресурсного центра (г. Екатеринбург). Целью статьи является проверка ангажированности гендерной самоидентификации политико-правовым процессом. Выдвигается гипотеза, согласно которой проблема дискриминации – следствие культурной нормы в отношении инаковости вообще, а не правовых установок. Делается вывод о том, что дискриминации можно избежать, рассматривая вопрос идентичности за рамками уголовных дел.

Ключевые слова: гендерная идентичность; ЛГБТ; дискриминация.

Проблема гендерной самоидентификации актуальна для нашего времени, хотя ее редко обсуждают в дискурсе современной российской культуры вообще и вне контекста консервативной этико-правовой сферы в частности. Тем не менее «возможность свободного, не скованного внешними социальными ограничениями формирования собственной гендерной идентичности является одним из нормальных этапов взросления и залогом нормального развития интеллектуальных способностей, культурных, практических компетенций и осознания человеком своей роли и места в жизни» [1, с. 340]. В этой же статье Е. С. Балашова заключает, что «свободная гендерная самоидентификация взрослеющего человека в нашей стране – в значительной мере политизированный процесс, который невозможно рассматривать в отрыве от правового и правозащитного дискурса» [1, с. 341].

Екатерина Максимовна Великодня, магистрантка 2-го курса департамента философии УГИ, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

В качестве аргументов она приводит и отсылки на законодательство Российской Федерации (мотив ненависти к ЛГБТ официально никогда не фигурирует в уголовных процессах; наказание за добровольный гомосексуальный контакт с лицом 14–16 лет выше, чем за гетеросексуальный; наследственное право без завещания выступает не на стороне однополых пар; запрещено усыновление детей и т. п.); наложение Россией вето на принятие совместной декларации, содержащей требования по борьбе с дискриминацией ЛГБТ на 9-й конференции министров по делам молодежи Совета Европы. Правовой аспект гендерной дискриминации становится заметен, если прилагать определенные усилия, чтобы вникнуть в юридические тонкости. В противном случае мы можем говорить об этой проблеме только в культурных и этических рамках. С чем это связано? А. Кондаков, ссылаясь на Дж. Батлер, пишет: «Межгрупповой конфликт будет виден закону только в том случае, если угнетаемая группа сформулирует запрос на равноправие» [3, с. 88], т. е. права и признание распределяются в группе, объединенной определенной спецификой, которая выстраивает статус истцов. Однако само корректное определение «сексуальных меньшинств» является проблематичным в связи с тем, что характеристики представителя ЛГБТ-сообщества, сформулированные на Западе, – размыты и нечетки; не все гомосексуалы, трансгендеры, квир и пр. причисляют себя к ЛГБТ-сообществу; само понятие «сексуальных меньшинств» дискриминирует [1]. Получается, что самой группы, от которой бы был подан запрос на признание ее прав, не существует. На помощь приходит Кэрол Джонсон, которая «предлагает новое понимание “правовой идентичности” как “исковой идентичности”» [3, с. 88]. Это понятие включает в себя следующие характеристики: существование субъекта с заданными априори характеристиками, понимаемыми в качестве неотъемлемых; существование только в рамках правового дискурса; сконструированность идентичности. Главная цель – «доказать естественность существования категории, на основе которой строится политика против угнетения» [3, с. 89]. Проблема в том, что модель поведения в контексте гендерных дисплеев, которые, согласно Гофману, «экспериментально подготавливают

почву для контактов, вырабатывают модус, стиль или формулы взаимодействия, которые создают дискурсивные гарантии для всех участников коммуникации и для персоны, которая предъясвляет дисплей, и для тех, кто становится ее свидетелем» [2, с. 309], хотя и связана с определенными стереотипами восприятия пола, но является скорее интериорной, чем интенциональной, поскольку в первую очередь зависит от внутреннего переживания своего пола и оценки проживаемой ситуации. Иначе говоря, у нас, конечно, есть формально заданные социумом представления о поло-ролевой модели, которые помогают объективно сконструировать тот или иной гендер, но гендерная идентичность (или сексуальная идентичность, если речь шла о сексуальных меньшинствах) по большей части зависит от нашего внутреннего восприятия. Значит, таких идентичностей может быть огромное множество, которое не вписывается в формальные рамки правотворчества. Даже попытка учесть притязания всех индивидов приведет к еще большей дискриминации.

Таким образом, вопрос политической и идеологической ангажированности в правовом аспекте представителей ЛГБТ-сообщества – скорее следствие, нежели причина. Корень проблемы кроется в культурной и социальной составляющей вообще – в отношении народа (российского или любого другого) к инаковости в проявлении индивидом его идентичности. Гендер и сексуальная ориентация в этом деле – наиболее наглядные и наименее вписывающиеся в унифицируемые формы норм права прецеденты. В качестве примера, подтверждающего мою позицию, предлагаю рассмотреть историю представителя ЛГБТ-сообщества в Екатеринбурге, с которым мной было проведено анонимное интервью.

Респондентка определяет себя как *«трансгендерную девушку»*. Окончательное осознание и принятие своей идентичности произошло в 16 лет: в 12 лет, благодаря однокласснице, респондентка узнала о существовании бисексуалов и стала отождествлять себя с ними, поскольку влюбилась в мальчика. При этом она отмечает, что на тот момент ей было трудно признать себя гомосексуальным мальчиком. Объясняется это гомофобией и трансфобией своей семьи. Ее идентичность семья не принима-

ет, ненавидит ее: применяет насилие, оскорбляет. В 15 лет она поняла, что ничего не испытывает к девушкам, поэтому определила себя как гомосексуала. В 16 лет после приема у психиатра задумалась о своей принадлежности к мужскому полу (на этот момент она определяла себя как гендерфлюида). Примечательно, что респондентка подчеркивает принадлежность психиатра к женскому полу, она поправляет себя в той части фразы, где речь заходит о проблеме ее идентичности, более того, именно этот вопрос послужил для нее стимулом для переориентации своей личности. Можно заключить, что данная фигура является для нее значимым Другим: с одной стороны – моделью женщины, с которой респондентка себя отождествляет, с другой – индивидом, считывающим ее гендерный дисплей на предмет соответствия роли ситуации. Противоречие между внутренним самовосприятием и внешним образом составляет конфликт, который, главным образом, мешает ей наладить межличностный контакт. Поэтому на вопрос «Твоя идентичность оказывает влияние на твои социальные роли? Если да, то каким образом?», она отвечает: *«Мне довольно сложно подружиться с некоторыми людьми. Они могут смотреть на меня в мужской одежде и воспринимать меня как мужчину, а когда я скажу им, что я девушка, то начинается: непонимание, дискриминация, либо они просто делают “ой, я не хочу иметь с этим дело” и уходят»*. С другой стороны, ее не воспринимают всерьез: *«Например, в моей группе, в колледже, меня воспринимают как клоунессу. То есть мне они говорят в лицо: “да ты – просто клоун!”»*. Расхождение между самовосприятием респондентки и ее биологическими данными становится причиной проблем не только в контексте гендерного дисплея, но и в ее сексуальной ориентации. Назвав себя девушкой, она говорит тем самым – у меня нормальная гетеросексуальная ориентация, просто я нахожусь в чужом для меня теле. Более того, она таким образом отказывается от мужского тела, которое мешает ей реализовывать свою идентичность и является объектом для насилия (*«Меня избивали, оскорбляли, были изнасилования даже на этой почве»*). Однако, как и в случае с невозможностью реализовать себя как женщина социально, она сталкивается с неприятием ее

сексуальной ориентации. Так, на вопрос «Приходилось ли тебе сталкиваться со стереотипами, связанными с гендером и/или ориентацией?», она говорит: *«Когда, например, я говорила о себе, что я бисексуальный мальчик, мои молодые люди говорили мне “да ты еще не определился”, или “да ты – гей, ты просто сам не можешь это принять” и все такое. Когда я говорила о себе, например, что я гендерфлюид, то мой молодой человек, опять же говорил выкинуть эту дурость из головы и что я все себе придумала и что это бред... Хотя при этом, к другой части трансгендеров, скажем так, он относится очень даже хорошо».* Другими словами, ее попытки определения своей гендерной идентичности наталкивались на стену отчуждения и неприятия. Помимо фигур, способствующих формированию идентичности, есть также такие, у которых разрыв между информантом и Другим – глобален. Мужское связано у нее с негативными впечатлениями: *«Всё, что хоть как-то относится к мужчинам, на меня давило, мне это не нравилось, и я от этого страдала».* Вместе с тем данная характеристика касалась не только ее внешнего вида, то есть ее одежды и прически, все ее негативные эмоции были связаны с мужчинами. Говоря о гомофобии в семье, она приводит в качестве примера фигуру брата; когда был задан вопрос про стереотипы, она говорила об их существовании только в рамках своих отношений. Можно сказать, что также в ее рассказе присутствует символический образ мужчины – государство, характеризующееся гомофобным отношением и гомофобными законами: *«Я считаю, что, ну ты не будешь отрицать, что у большей половины стран мира всё еще у власти довольно гомофобные люди, в этих странах довольно гомофобные законы, довольно несправедливые к членам ЛГБТ... и не только к ним...»* Она иллюстрирует это примером проведения парада в Санкт-Петербурге, когда активистов, вышедших с акцией протеста, *«арестовали, погрузили в автозаки, в которых их (некоторых) избивали, распылили газ из перцового баллончика и все такое».* В связи с этим мной был поднят вопрос о необходимости бороться за права и о том, какими эти права должны быть. Главным средством борьбы она назвала – не замалчивать проблему, не скрывать свою гендерную идентичность и сексуальную

ориентацию, открыто заявлять о преступлениях, совершенных в связи с принадлежностью индивида к ЛГБТ-сообществу. Поэтому основным лейтмотивом ее истории я бы назвала отстаивание права быть собой: *«Просто выглядеть, как ты хочешь, любить, кого ты хочешь, говорить о себе, как ты хочешь, ходить в той одежде, в которой ты хочешь, говорить о себе то, что ты хочешь и... вплоть до мелочей это. К сожалению, это так».*

По сути, то, о чем говорит респондентка, есть не что иное, как базовые человеческие права: право на жизнь, свободу слова и самовыражения. Соответственно, когда вопрос касается представителей ЛГБТ-сообщества (как членов институции или представителей определенной идентичности) в рамках судебного дела, вопрос их идентичности должен оставаться за скобками, как проблема поло-ролевой модели, а не исковой идентичности.

Литература

1. Балашова Е. С., Богачева А. В., Кочеганова П. П. К вопросу о гендерной самоидентификации студентов в контексте современного правозащитного дискурса в Российской Федерации // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2018. – Т. 7, № 2 (23). – С. 339–342.

2. Гофман Э. Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования / отв. ред. С. В. Жеребкин. – Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. – Ч. II. – С. 306–335.

3. Кондаков А. Правовые раны: значение прав человека для геев и лесбиянок в России // Laboratorium. – 2012. – № 4 (3). – С. 84–104.

О роли образовательных ресурсов медиасферы в развитии культуры прав человека в современной России¹

Аннотация. В статье анализируются вопросы, связанные с медиапотреблением россиян, новыми тенденциями в медиасфере. По мнению автора, в современном обществе в развитии культуры прав человека большое значение имеют уровень обеспеченности и качество содержания образовательных ресурсов медиасферы. Среди наиболее востребованных направлений развития медиасферы рассматриваются городские, тематические, профессиональные медийные платформы, платформы местных сообществ и региональных групп/отделений национальных или международных организаций.

Ключевые слова: права человека; медиасфера; образовательные ресурсы; культура прав человека; образовательный потенциал.

В условиях пандемии, ограничения контактов и снижения уровня социальной и гражданской активности внимание, силы, энергия многих граждан, организаций и объединений переместилась из офлайн-формата в онлайн. Резкий, внезапный характер такого перемещения в конце марта 2020 года и затем ожидание быстрого завершения, неверие в затяжной, длительный период пандемии, вначале существенно тормозили создание новых

Светлана Игоревна Глушкова, д-р полит. наук, завкафедрой прав человека АНО ВО «Гуманитарный университет», председатель Свердловского регионального отделения РАПН, эксперт РАН (г. Екатеринбург, Россия).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00813\20 «Образовательный потенциал медиасферы как пространства развития правовой культуры и культуры прав человека в современной России».

и приведение в рабочее состояние имеющихся онлайн-ресурсов, прежде всего образовательных и информационных.

Если первая половина 2020 года в образовательном пространстве была, преимущественно, связана с дистанционной работой, созданием в образовательных организациях текстовых и инфографических ресурсов, то во второй половине 2020 года можно отметить повышенную готовность к созданию образовательных онлайн-продуктов, более терпимое, ответственное, спокойное отношение к повсеместным онлайн-вебинарам, учебным занятиям, конференциям, защитам диссертаций.

В современном обществе в развитии правовой культуры и культуры прав человека большое значение имеют уровень обеспеченности и качество содержания образовательных ресурсов медиасферы.

Среди наиболее востребованных направлений развития медиасферы рассматриваются городские, тематические, профессиональные медийные платформы, платформы местных сообществ и региональных групп/отделений национальных или международных организаций.

Интересно в связи с этим исследование ВЦИОМ «Медиапотребление россиян: мониторинг» от 3 марта 2021 года, в котором отмечается, что «более половины россиян являются активными пользователями телевидения и Интернета – они смотрят телевизор и сидят в Сети не реже нескольких раз в неделю (53 %). Наиболее активные пользователи и телевидения, и Интернета – опрошенные в возрастной группе 35–59 лет (61–64 %)...

Вторая по объему группа медиаактивности – россияне, которые пользуются Интернетом, но не смотрят телевизор – 28 %... Отказ от телесмотрения в пользу Интернета наиболее характерен для молодежи: 69 % среди 18–24-летних, среди 25–34-летних – 48 %. Смотрят телевизор и почти не пользуются Интернетом 17 % наших соотечественников... Среди представителей россиян от 60 лет эта доля достигает 45 %» [1].

Как видим, молодежь больше интересуется Интернетом (в том числе тематическими или профессиональными медийными платформами, блогосферами и социальными сетями), нежели те-

левидением, то есть предпочитает виртуальное (в определенной части диалоговое) общение монологу в рамках телесмотра. В таких условиях возрастает роль образовательных ресурсов медиасферы, многие из которых еще только формируются или совершенствуются.

Наиболее готовыми к созданию новых образовательных ресурсов медиасферы, в том числе обучающих интерактивных материалов и познавательных видеоресурсов, оказались те организации и системы, которые сформировали их задолго до пандемии: платформа ООН и платформа Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, ЭБС «Знаниум», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», «Президент России – гражданам школьного возраста», СПС «Гарант», СПС «Консультант Плюс», ведущие российские университеты, др.

С одной стороны, в рамках официальных национальных проектов «Культура» и «Образование» начали усиленно создаваться многожанровые образовательные ресурсы, направленные на формирование правовой, политической, гражданской культуры, культуры прав человека; а с другой стороны, общественные организации и другие институты гражданского общества тоже активизировали свою деятельность (объединившись в коалиции или др.) по созданию электронных ресурсов, посвященных сохранению исторической памяти, обсуждению актуальных вопросов современного общества, др.

В связи с актуальностью вопросов, связанных с сохранением исторической памяти, интерес представляет, например, опрос ВЦИОМ, приуроченный к 160-летию со дня отмены крепостного права в России (результаты были опубликованы на сайте 17 марта 2021 г.).

По результатам опроса стало известно следующее:

- 1) «от крепостной зависимости крестьян освободил Александр II» – знают об этом 30 % россиян, чаще те, кто получил высшее образование (полное и неполное) (42 %),
- 2) более трети (39 %) опрошенных затруднились ответить на этот вопрос,

3) каждый десятый выбрал другого правителя из предложенных: Николая I (10 %), Николая II (12 %) или Александра III (9 %),

4) отвечая на вопрос: «Какие законы стоит отменить и принять сейчас?», наши соотечественники ответили так: если бы они были советником Президента, то «посоветовали бы отменить пенсионную реформу и вернуть пенсионный возраст» (14 %), «уменьшить налоги и изменить налоговую систему» (6 %) или «изменить Конституцию, вернуть предыдущую версию» (3 %); а также «принять стоит законы, ужесточающие наказания за коррупцию, взяточничество (7 %), законы, направленные на развитие страны и внутреннюю политику (6 %), а также на изменение пенсионной реформы и индексацию пенсий (6 %) или на социальную политику (5 %)» [2].

Специфика формирования и развития образовательных ресурсов в частности и образовательного потенциала медиасферы в целом связана с фактическим созданием не разовых, единичных онлайн-продуктов/ресурсов, а системы обучения, образования, повышения квалификации посредством вебинаров, консультаций, индивидуальных или массовых рассылок информационных и обучающих материалов.

Можно отметить в качестве тенденций развития современной медиасферы следующие:

1) острую борьбу за внимание читателей, слушателей в виртуальном пространстве, борьбу за влияние на эту аудиторию;

2) быстрое развитие «виртуальных» правозащитных сообществ;

3) особый интерес, особенно у среднего и старшего поколения, к медиатекстам, видеороликам, видеофильмам, направленным на сохранение исторической памяти, в том числе трагической и горькой для многонационального российского народа памяти об эпохе сталинских репрессий, ГУЛАГе, Голодоморе, а также памяти о семейных историях и историях семейных династий.

Несомненно, что преодоление кризиса прав человека (как универсальной и в то же время индивидуальной ценности, осязаемой и ощутимой для каждого человека), правового нигилизма, развитие культуры прав человека, правовой культуры во многом

возможно благодаря повышению образовательного потенциала медиасферы, созданию целой системы новых образовательных ресурсов по обучению знаниям, умениям, навыкам соблюдения, обеспечения, защиты прав человека.

И такие образовательные ресурсы должны быть разработаны с учетом их адресного назначения: обучающий правовой и правозащитный контент с игровыми элементами для детей и молодежи; правовой контент для повышения квалификации государственных служащих; обучающий правовой и правозащитный контент для широкой аудитории.

Литература

1. Медиапотребление россиян : мониторинг // ВЦИОМ. – 03.03.2021. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-rossijan-monitoring> (дата обращения: 18.03.2021).
2. Отмена крепостного права: 160 лет спустя : аналитический обзор // ВЦИОМ. – 17.03.2021. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otmena-krepostnogo-prava-160-let-spustja> (дата обращения: 21.03.2021).

Кризис государств, пренебрегающих правами человека

Аннотация. С конца XVIII в. мы видим активную борьбу человечества за права человека и гражданина. Она привела государства, отвергающие права человека и гражданина, к общему кризису. Но эти государства стремятся к самосохранению и ищут разные способы выхода из данного кризиса.

Ключевые слова: права человека; государство; кризис; выходы из кризиса.

С конца XVIII в. мы видим явное устремление наиболее развитых групп мирового сообщества к закреплению в позитивном праве прав человека и гражданина. Сегодня трудно представить правовую систему, хотя бы частично не закрепляющую эти права. Однако разного рода элиты, возглавляющие государства, не перестают оказывать сопротивление реализации прав человека и гражданина в реальной жизни. Им есть что терять. Итогом конфликта между сторонниками прав человека и авторитарными государствами является перманентный кризис этих государств, который будет продолжаться до их полного устранения из жизни человечества. Этот кризис то обостряется и приобретает форму вооруженной борьбы с диктатурами, то смягчается, становится вялотекущим. В данной статье предполагается сделать обзор реакций авторитарных государств на их кризисное состояние.

1. Самым простым и примитивным способом выхода из кризиса (его предотвращение) является физическое уничтожение тех, кто выступает за права человека, лишение их свободы, при-

Сергей Алексеевич Денисов, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры прав человека юридического факультета АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

менение иных форм репрессий. Методы подавления и насилия применялись в качестве профилактики буржуазно-демократических революций и в ходе их подавления. До середины XX в. это был самый распространенный путь борьбы с движением за права человека. Наиболее часто к нему прибегали группы военных.

Одним из приемов, призванных снизить накал кризиса в авторитарных государствах, является вытеснение сторонников прав человека и гражданина из страны. После Гражданской войны большевики принудительно выдворяли оставшуюся интеллигенцию из страны («философские пароходы»).

Борьба со сторонниками прав человека и гражданина может осуществляться руками консервативных групп общества. Носителями гуманистических идей являются имущие классы и гражданская интеллигенция. Большевики уничтожили этот верхний слой общества с помощью массы пролетариев и крестьянства. В мусульманских странах борьба с гражданской интеллигенцией осуществляется с помощью фанатичной массы верующих. При этом охлократия выдается за демократию.

Государство может искусственно организовывать группы консервативно настроенного населения для борьбы со сторонниками гуманизации общества. В царской России это были черносотенцы. Сегодня – это Национально-освободительное движение (НОД), организация «Серп».

В XIX–XX вв. недемократические страны создавали блоки для совместной борьбы с распространением прав человека и гражданина в мире («Священный союз», «Варшавский договор»). Сегодня нет ни одного союза, направленного на борьбу с распространением прав человека в мире. На полицейские цели направлен ОДКБ, но он не оправдывает надежд диктаторов. Его вооруженные силы ни разу не применялись для подавления движений за права человека.

2. Более хитрым способом преодоления кризиса диктатур является попытка увести общество от борьбы за права человека, предложить ему иные цели. Наиболее успешно такие выходы из кризиса были предложены фашистской Германией (нация – прежде всего) и СССР (борьба за светлое коммунистическое буду-

щее). В современной России правящая группа попыталась отвлечь население от борьбы за права человека и гражданина идеями восстановления великодержавия (2014 г.). Однако это имело кратковременный эффект. Консерваторы пытаются придать блеск тоталитарной системе воспоминаниями о ее былой славе (победы в войнах, индустриализация). Сегодня правам человека пытаются противопоставить необходимость борьбы с экстремизмом и терроризмом.

Тоталитарные государства стремятся сформировать нового человека, безразличного к своим правам и готового отдавать жизнь за предложенные государством цели. Они эксплуатируют стадные инстинкты человека, которым придают блеск с помощью слов о «коллективизме», «соборности», реализации «общественных» целей. Наибольшего успеха в этом сегодня достигли корейские и кубинские коммунисты. Советские коммунисты не справились с поставленной задачей. Потребительские ценности советского человека возобладали над обанкротившейся идеологией коммунизма.

В условиях информационной открытости мира манипулировать сознанием общества становится все более трудно. Поэтому авторитарные государства стремятся к изоляции от мира. Права человека объявляются чуждыми или даже враждебными для нации целями. Высшей ценностью объявляется суверенитет государства. Пропаганда пытается играть на национальной спеси обывателя и требует прекратить давление на нарушителей прав человека извне. Международные организации, распространяющие права человека в мире, объявляются нежелательными, а сотрудничающие с ними общественные объединения внутри страны – «иностранными агентами».

Наряду с навязыванием обществу идей, отвлекающих от борьбы за права человека, государственная пропаганда стремится девальвировать сами эти права. Она стремится принизить ценность этих прав, например доказывая, что они нигде не реализуются, что все государства их нарушают. Типичным приемом российской пропаганды является указание на негативные последствия реализации прав человека: нарушения общественного порядка,

норм нравственности. С негативной стороны пытаются представить самих защитников прав человека.

Борцы с правами человека усвоили терминологию сторонников прав человека. Разгон мирных собраний они оправдывают заботой о спокойствии простых обывателей.

3. Эволюционный путь развития элитарных систем предложили буржуазные государства. В них права человека и гражданина предоставлялись только наиболее активной части общества. Сначала это были права только для богатых, затем их распространили на всех мужчин. Только в XX в. права гражданина были предоставлены женщинам и молодежи. В административных (этатизированных) обществах права, привилегии предоставляются клиентеле бюрократии. Это люди, полезные для сохранения власти административного класса («помогаи») и приближенные к этому классу. Клиентела выступает от имени общества в поддержку авторитарного государства. Она создает видимость демократии в стране.

4. Ряд авторитарных государств пытается преодолеть кризис путем предоставления обществу социально-экономических прав. Это права подданных на достойное их содержание патерналистским государством. По такому пути обычно идут страны с рентными экономиками, основанными на добыче и продаже за рубежом нефти и газа. Рентная экономика появилась в СССР в 1970-х гг. в связи с быстрым ростом мировых цен на углеводороды. Это позволило резко увеличить благосостояние населения и поднять уровень удовлетворенности государством в условиях, когда идея коммунизма перестала работать. Сегодня рентная экономика позволяет выживать фактически феодальным монархиям Ближнего Востока.

Для успешной реализации патерналистской тактики антикризисных мер государству нужно общество потребителей, которое довольствуется высоким уровнем жизни и не претендует на политические свободы. Государство формирует людей, похожих на домашних животных, которые довольствуются тем, что их кормят, одевают, заботятся об их здоровье, об их детях, развлекают.

Интересен пример современного Китая. Его руководство сумело организовать развитие экономики, которое опережает рост социальных притязаний китайцев. Репрессии и выезд из страны наиболее активной части населения позволяют предотвратить острую фазу кризиса, связанную с отсутствием политических прав граждан в этой стране.

5. Во второй половине XX в. провозглашать откровенные диктатуры стало уже неприлично. Военные диктаторы передеваются в гражданскую форму и объявляют себя избранными народом президентами. С конца XX в. меры по имитации демократии стали еще более изощренными. Правящие группы создают видимость многопартийности в стране, формируют безвластные парламенты, принимают конституции, формально закрепляющие весь набор прав и свобод человека и гражданина.

Сегодня бюрократия не выступает против прав человека и гражданина. Она требует только получения от нее разрешения на реализацию этих прав и осуществление их под ее надзором. В ходе процессуальных действий создается возможность не допустить реализации прав человека и гражданина, посягающих на интересы этой бюрократии. Люди могут собираться мирно, но с разрешения бюрократии. Они могут объединяться, но только если зарегистрируют свое объединение. Граждане могут участвовать в управлении государством, но только под руководством самой бюрократии.

В реальности авторитарные режимы пытаются применять комплекс мер по предотвращению кризиса (выходу из него), связанного с давлением на них движения за права и свободы человека и гражданина. На определенных этапах авторитаризм переходит в наступление на права человека. В 1960–1970-х гг. советская система власти казалась незыблемой и ее модель внедрялась во многих странах мира.

Обычным следствием кризиса авторитарных государств является их отставание в развитии от стран, принявших права человека. Наиболее активные люди обладают чувством собственного достоинства и устремлены к свободе. Они бегут из авторитарных стран и отдают свои способности на благо развития свободных

обществ. Права человека являются следствием буржуазного развития общества. Административные элиты, выступающие против прав человека, как правило, не дают развиваться капитализму в своей стране. Незащищенный капитал бежит из страны в демократические страны и работает там на их развитие. Китайские коммунисты пока умудряются удерживать капитал в своей стране и оттягивают острую фазу неизбежного кризиса, которая возникнет в связи с посягательством на права человека.

Итак, в мире продолжается борьба за права человека и гражданина, которая приводит к общему кризису государства, сопротивляющегося движению за эти права. Эти государства ищут разные способы выхода из сложившихся кризисов.

Юридическая конструкция общего блага

Аннотация. В статье анализируется юридическая конструкция общего блага как модель общей теории права, имеющая многовековую историю. Показывается место модели в истории и теории права, учении о государстве и праве, конституционном праве России и зарубежных стран, международном и европейском праве.

Ключевые слова: благосостояние всех и каждого; общее благо; общая польза; юридическая конструкция; правовое регулирование; юридическая модель.

Введение

По справедливому убеждению С. С. Алексеева, «собственное развитие права, его самобытная история – это под известным (важнейшим для правоведения) углом зрения во многом и есть история становления и совершенствования юридических конструкций» [1, с. 332]. В Конституции Российской Федерации 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020, в тексте статьи 75.1 появились новые нормы: «В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность». Возникает вопрос: какая юридическая конструкция (модель) лежит в основе норм: «создание условий для повышения благосостояния граждан» или

Алексей Вениаминович Дмитриев, преподаватель кафедры истории государства и права юридического ф-та АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

«обеспеченность сбалансированности прав и обязанностей гражданина»? Пока статья 75.1 Конституции РФ не стала основанием для разрешения юридических споров, аргументаций и предметом толкования, ответ на данные вопросы можно найти в общей теории права.

Результаты и обсуждение

Доказательством принадлежности теории, концепта, принципа, идеи к правовым явлениям является наличие соответствующей правовой формы. Одной из таких форм является юридическая конструкция, которая, по словам А. Ф. Черданцева, является «моделью урегулированных правом общественных отношений или отдельных элементов, служащей методом познания права и общественных отношений, урегулированных им» [2, с. 228]. Я рассматриваю здесь юридическую конструкцию, выражаясь языком Н. Н. Тарасова, как «научную юридическую модель» [3, с. 28].

Термин «благосостояние» имеет длительную историю, восходящую к Античности. И означал он далеко не только материальное благополучие. Обрастая этическими, философскими, политологическими и иными определениями, данный термин получил в юриспруденции собственную жизнь. Словосочетания «благосостояние всех и каждого», «блаженство всех», «общее благо», «общая польза», «общий вред» получили распространение в законодательстве стран Западной Европы и России XVIII – первой четверти XIX века, в правовых учениях С. Пуфендорфа, Я. Бильфельда, И. Юсти, В. Н. Татищева, П. Д. Лодия, М. А. Рейснера, популяризовались в среде русских масонов [4], принадлежали носителям консервативного либерализма как основного типа либерализма в России [5, с. 95]. Юридическая конструкция общего блага состояла из нескольких элементов: «пользы каждого», «общей пользы», «общего вреда» и «частного вреда» [6]. Смысл конструкции сводился к такому правовому регулированию, при котором приносилась духовная и материальная польза и одновременно исключался общий вред для всего общества, государства, сословий и для каждого индивида в отдельности. К общей пользе в доктрине и законодательстве принадлежали учреждение непре-

менных законов, составление свода законов, принцип равенства перед законом и судом, принцип баланса юридически закрепленных общественного и частного интересов, юридическое закрепление прав и волюнтаризма граждан. К общему вреду относились войны, массовые бедствия, революции.

В конституционном праве зарубежных стран как науки юридическая конструкция общего блага получила значительное распространение. В 46 из 55 основных законов и конституционных актов (в выборку вошли акты большинства стран Европы и СНГ, а также конституции США, Республики Индия, КНР, Японии) содержатся термины и словосочетания: «всеобщее благо», «общее благо», «благополучие всех и каждого», «благополучие всех и каждого», «общий вред», «наибольшая польза», «общая польза». Юридическая конструкция общего блага **используется**: в тексте преамбул, как цель публичных институтов, как принцип правовой политики, как принцип прав человека, как принцип ограничения прав и свобод; **применяется** в конституционно-правовом регулировании: отношений собственности, вопросов экономики, финансов, предпринимательства, социального обеспечения, законотворчества, вопросов федерализма и местного самоуправления, введения чрезвычайного и военного положения, института семьи, процедуры вступления в должность высших должностных лиц. Общее благо понимается как благо государства, как благо нации, как благо народа, как публичное благо, как общественное благо. Конструкция общего блага географически присутствует в конституциях стран Европы, Азии и Америки, причем как территориально небольших государств (Ватикан, Лихтенштейн, Исландия и др.), так и больших и густонаселенных стран (Индия, Китай, США и др.).

В международном и европейском праве юридическая конструкция общего блага получила признание и закреплена в следующих документах: Уставе Организации Объединенных Наций 1945 г. (ст. ст. 14, 55, 73-74), Уставе Международного агентства по атомной энергии 1956 г. (ст. ст. II, III В), Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (ст. 29), Конституции Европейского союза 2004 г. (преамбула, ст. ст. I-3, II-113, III-175), Европейской кон-

венции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ст. 35). «Общее благополучие» является основанием для принятия Генеральной Ассамблеей ООН мер мирного улаживания любой ситуации. «Наибольшая возможная общая польза» является целью деятельности МАГАТЭ. Общее благо и благосостояние являются целью политики членов ООН в отношении самоуправляющихся территорий, являются основанием для ограничения прав и свобод национальными государствами, являются целью ЕС. В европейском праве к общему вреду приравнивается «ущерб правам человека и основным свободам», которые признаны национальным, европейским или международным правом. К общему вреду не относится ущерб, причиняемый государством – членом ЕС самому себе в случае нарушения условий конкуренции в рамках общего рынка и игнорирования принятых Европейской комиссией по данному вопросу рекомендаций. К общему вреду относится нарушение принципа уважения прав человека, которое является основанием для признания жалобы в ЕСПЧ приемлемой, даже если «заявитель не понес значительного ущерба».

В отечественной правовой доктрине конструкция «общего блага» получила отражение преимущественно в качестве: а) **юридической концепции, правовой модели, правовой парадигмы** [7, с. 69–72]; б) **цели** развития общества и государства [8, с. 29; 9, с. 292; 10, с. 59–60, 72–73; 11, с. 61]; в) **интереса** юридически квалифицированного, общественного, общезначимого либо универсального [7, с. 70; 9, с. 10, 301, 302, 471, 473; 12, с. 10–11; 13, с. 81–83]; г) **баланса** интересов личностных, групповых, общественных, государственных [11, с. 60; 13, с. 83].

Заключение

Таким образом, юридическая конструкция общего блага нашла применение в правовом регулировании, относится к предмету наук истории государства и права России и зарубежных стран, учений о государстве и праве, конституционного права России и зарубежных стран, международного и европейского права, теории государства и права. Конструкция *«повышение благосостояния граждан»* в связи со *«сбалансированностью прав и обязанностей гражданина»* является разновидностью юридической

конструкции общего блага, так как предполагает общую пользу («благосостояние граждан») и баланс личных и групповых интересов («сбалансированность прав и обязанностей») в правовом регулировании. Таково ли будет официальное толкование Конституционным Судом России данных конституционных норм, покажет время.

Литература

1. Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия // Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. – Т. 5 : Линия права. Отдельные проблемы концепции. – М. : Статут, 2010. – 549 с.
2. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 319 с.
3. Тарасов Н. Н. Юридические конструкции в праве и научном исследовании (методологические проблемы) // Российский юридический журнал. – 2000. – № 3. – С. 25–36.
4. Дмитриев А. В. Истоки государственно-правовых идей русских масонов конца XVIII – первой четверти XIX века // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 207–215. – DOI 10.35853/UfH-RMP-2019-L07.
5. Глушкова С. И. Проблема правового идеала в русском либерализме. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2001. – 466 с.
6. Дмитриев А. В. Учение о «благосостоянии всех и каждого» как модель для успешной модернизации законодательства Российской Федерации в XXI веке // Публичное/частное в современной цивилизации : материалы XXII российской науч.-практ. конференции (с междунар. участием), 16–17 апреля 2020 года : доклады / редкол. : Л. А. Закс и др. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2020. – С. 225–229.
7. Нерсисянц В. С. Философия права. – М. : Норма–ИНФРА-М, 1998. – 652 с.
8. Семитко А. П. Культура права и общее благо // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 2 (52). – С. 25–33.
9. Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. – М. : РАП, 2012. – 577 с.
10. Дедов Д. И. Юридический метод. – М. : Волтерс Клувер, 2008. – 150 с.

11. Гаджиев Г. А. Этические основы философско-правовой категории «общее благо» в контексте конституционной экономики // Сравнительное конституционное обозрение. – 2010. – № 2 (75). – С. 58–63.

12. Дедов Д. И. Общее благо: Как система критериев правомерного регулирования экономики. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – 274 с.

13. Лихтер П. Л. Правовая категория «общее благо» в интерпретации Конституционного Суда Российской Федерации // Lex Russica (Русский Закон). – 2019. – № 4 (149). – С. 78–84.

Роль мотивации преступления для выбора способов эффективной превенции

Аннотация. Статья посвящена анализу природы преступной мотивации. В статье сделана попытка осмысления процессов, приводящих к преступному поведению, причины которых в значительной степени можно отнести к сфере неосознаваемой психической деятельности. На понимание таких процессов, влияющих на преступное поведение, должна опираться разработка мер профилактики, выбор эффективных средств воздействия на личность в целях предупреждения противоправного поведения. Ставится вопрос о модели развития исправительной системы как «реадаптационной», учитывающей вопросы соблюдения прав и психологической безопасности личности и общества.

Ключевые слова: мотивация преступления; неосознаваемые мотивы; профилактика; личность преступника.

Любая разработка мер профилактики преступлений, на наш взгляд, должна базироваться на выборе эффективных средств воздействия на личность в целях предупреждения противоправного поведения. К сожалению, современная исправительная система носит репрессивный характер и работает, в основном, не с самой личностью, причинами и мотивацией преступного поведения, а со следствием – в виде совершенного преступления. Вопросы воздействия на личность преступника с целью определения первопричины криминального поведения,

Елена Игоревна Думанская, канд. юрид. наук, доцент, Уральский государственный юридический университет; АНО ВО «Гуманитарный университет»; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

а также выработки «реадаптационных» мер профилактики, как правило, остаются вне фокуса внимания.

Достаточно традиционным является подход, согласно которому решающее значение в формировании преступной личности и ее мотивов имеют приобретенные (социогенные) психологические свойства личности. Указанные свойства находят свое выражение в таких категориях, как ориентации, ценности, психологические установки.

Определенные трудности при анализе и установлении мотивации вызывают случаи передачи сценариев, паттернов преступного поведения в рамках семейной системы.

Усвоены ли эти сценарии в результате процесса социализации, или мы можем говорить о роли наследственного, биологического фактора?

Дети практически с момента рождения подпадают под влияние преступных деяний или своих родителей, или ближайших родственников. Это приводит к быстрому усваиванию их норм жизни, традиций, привычек, преступных и девиантных стандартов поведения.

Существует широкий спектр исследований о влиянии семейных паттернов (употребление наркотиков родителями, преступное поведение и тюремное заключение родителей) на риск вовлечения ребенка в преступную деятельность [5].

Отрицательный микроклимат неблагополучной семьи, девиантное поведение родителей и иных родственников способствуют тому, что дети не просто перенимают отрицательные образцы поведения, но и усваивают неосознаваемые установки, например особую субкультуру насилия. А. Шутценбергер констатирует, что «при рождении и даже во чреве ребенок получает определенное количество посланий: ему передают фамилию и имя, ожидание ролей, которые ему придется играть или же избегать. Эти ролевые ожидания могут быть позитивными и/или негативными» [2, с. 196]

Проблеме неосознаваемых установок, сформированных семейной системой преступника, фактически не дается правовой оценки. Но «...индивид является биологической и психологиче-

ской целостностью... реакции которой детерминированы как индивидуальной психологией, так и правилами семейной системы. Семейный миф выявляется через паттерн функционирования: некоторые люди действуют в жизни согласно паттернам... (убийство... нездоровую защиту “чести семьи”). Такие ритуалы образуют... гештальт отношений, бессознательно структурированный и вовлекающий всех членов семьи» [2, с. 35–36].

К сожалению, архетипы инцеста, суицида, детоубийства включены в негативный криминальный опыт человечества. По нашему мнению, помимо сформированных неосознаваемых семейных паттернов поведения следует подробно остановиться на проблеме архетипов как часто повторяющихся образов (моделей поведения) в преступном поведении. Архетипы – это коллективные универсальные паттерны (модели), или мотивы, возникающие из коллективного бессознательного, обобщая типовые опыты целого ряда поколений. Архетипы связаны с социализацией личности, усвоением ею части мирового человеческого опыта. Автор идей об архетипах К. Юнг так характеризует данное явление: «...архетипы, сокровенная сущность которых опыту недоступна, представляют собой осадок психического функционирования у целого ряда предков, то есть это суть опыта органического бытия вообще, накопленного миллионкратными повторениями и сгущенного в типы. Поэтому в этих архетипах представлены все опыты, которые издревле встречались на нашей планете. И чем чаще и чем интенсивнее они бывали, тем явственнее они выступают в архетипе» [3, с. 487].

В своей работе «Почему люди совершают преступления. Причины преступности» Ю. Антонян склонен видеть проявление архетипических факторов даже в таких масштабных эксцессах, как терроризм (см.: [1]).

Архетипы как неосознаваемые психологические или социальные роли очень часто самовоспроизводятся, в том числе в преступном, криминальном поведении.

Вышеприведенные неосознаваемые процессы работают не только в отношении преступника, но и по отношению к жертве. Выражается это в «привыкании к насилию» со стороны жертвы,

принятии его как нормы. И такое привыкание, безусловно, начинается с родительской семьи: дети усваивают и повторяют модели поведения родителей в браке. Таким образом, интериоризация виктимогенных норм, полученных из семейной системы, будет являться определяющим фактором в формировании различных типов поведения (выбор себе в «защитники» тиранов, провоцирующее поведение, «комфортность» насилия для жертвы и т. д.).

В рассматриваемой ситуации мы имеем дело с обусловленностью отдельного индивидуального преступного поведения множеством факторов, взаимодействием осознаваемых и неосознаваемых, рациональных и эмоциональных компонентов.

Криминологами предпринимаются попытки выявления и исследования механизмов, лежащих в основе передачи преступного поведения из поколения в поколение, включая социальное обучение, криминогенную среду, биологическую предрасположенность [4]. Это очень важно для предотвращения возможных преступлений.

Но, поскольку речь идет о формирующихся уже в раннем детстве достаточно устойчивых неосознаваемых регуляторов человеческого поведения, это весьма затрудняет применение традиционных профилактических мер.

Эффективная профилактика возможна только в случае работы с первопричиной такого преступного поведения. Однако судебная и пенитенциарная практика, как правило, не предпринимает попыток проникновения в неосознаваемую сферу психики преступников, раскрытия глубинных личностных образований.

Только на знании мотивационных закономерностей преступного поведения может базироваться разработка мер предупреждения, выбор эффективных средств воздействия на преступника.

Понятия, используемые правоприменительной практикой для характеристики мотивов, такие как жестокость, агрессивность, склонность к садизму и т. п., мало способствуют выработке эффективных профилактических мер.

Следует отметить, что весьма важной отличительной характеристикой неосознаваемых поведенческих регуляторов становится их прочность и устойчивость. Как уже отмечалось выше,

эффективная профилактика требует применения методов, непосредственно адресованных в неосознаваемую область. Изменение прежних установок в данном случае невозможно под влиянием одних воспитательных мер и назначения наказания.

Внедрение в широкую превентивную практику эффективных методов возможно лишь на основе глубокого теоретического и методического оснащения. На понимание вышеописанных процессов, влияющих на преступное поведение, должна опираться разработка мер профилактики, выбор эффективных средств воздействия на личность в целях предупреждения противоправного поведения.

Безусловно, решение указанных задач требует внесения изменений в законодательство в части определения субъектов профилактики правонарушений, которые будут работать с потенциальными и реальными преступниками и жертвами для выявления семейных поведенческих паттернов (например, методом геносоциогаммы), а также принимаемых ими мер.

По нашему мнению, существующая в Российской Федерации изоляционно-репрессивная модель развития исправительной системы, ограничивающая права человека (а иногда и просто лишаящая прав и умаляющая достоинство личности) заслуживает новых оценок в плане эффективности профилактики. Среди ученых бытует мнение, что в связи с распространением новейших подходов к предупреждению преступности, связанных с осуществлением ситуационной профилактики, с вовлечением частного капитала в сферу обеспечения безопасности, безопасность становится благом, доступным лишь наиболее привилегированным и финансово обеспеченным слоям населения [6, с. 87].

В свете этого противоположная модель развития исправительной системы – «охранная» и «реадаптационная» (реинтеграционная), учитывающая вопросы соблюдения прав и психологической безопасности личности и общества, работающая с первопричинами преступного и виктимного поведения, а не с последствиями в виде преступного поведения, представляется более перспективной.

Литература

1. Антонян Ю. М. Почему люди совершают преступления. Причины преступности. – М. : ИД «Камерон», 2006. – 304 с.
2. Шутценбергер А. А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы. – М. : Изд-во Института психотерапии, 2009.
3. Юнг К. Психологические типы. – М., 1995.
4. Besemer S., Ahmad Sh., Hinshaw S., Farrington D. A Systematic Review and Meta-Analysis of the Intergenerational Transmission of Criminal Behavior // *Aggression and Violent Behavior*. – 2017. – Vol. 37. – P. 161–178.
5. Giordano P., Copp J., Manning W., Longmore M. Linking Parental Incarceration and Family Dynamics Associated with Intergenerational Transmission: A Life-Course Perspective // *Criminology*. – 2019. – Vol. 57 (3). – DOI 10.1111/1745-9125.12209.
6. The Sage Dictionary of Criminology. – 2nd edition / ed. by E. McLaughlin, J. Muncie. – London : Sage Publications, 2006. – 485 p.

О кризисе прав человека в России: актуализируя политико-правовые идеи П. И. Новгородцева

Аннотация. В статье рассматривается проблема кризиса прав человека в России. Посредством обращения к опыту известного мыслителя конца XIX – начала XX века, П. И. Новгородцева, автором предлагается один из возможных путей его преодоления.

Ключевые слова: права человека; кризис прав человека; либерализм; история политических и правовых учений; философия права; П. И. Новгородцев.

Начало 90-х годов XX века в России можно охарактеризовать, как время надежды на лучшую жизнь в рамках победившей демократической политической системы и переживавшего свой расцвет института прав человека. Однако многообразные вызовы начала XXI века методично и неминуемо приводили к упадку этих чаяний, о чем, в частности, писал В. Осятыньский, справедливо указывая на то, что в последние годы в категориях прав человека стало принято обосновывать и формулировать практически все претензии, будь они связаны со стремлением к достойной жизни или с целью улучшения условий жизни людей. По этой причине понятие прав человека размылось и потеряло свою остроту. Трактовка содержания прав человека в столь расширенном виде, по мнению Осятыньского, однажды приведет к

Станислав Олегович Ислентьев, аспирант 1-го курса, направление 41.06.01 Политические науки и регионоведение, АНО ВО «Гуманитарный университет»; Администрация городского округа Первоуральск (г. Первоуральск, Россия).

Научный руководитель: С. И. Глушкова, д-р полит. наук, доцент, завкафедрой прав человека, замдекана юридического факультета АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

тому, что они будут восприниматься людьми как «сиюминутное, лишенное длительной перспективы средство для оправдания претензий на лучшую жизнь» [9].

Последним и наиболее существенным из вызовов стала пандемия новой коронавирусной инфекции 2020 года, которая обнажила многие проблемы в самых разных сферах человеческой жизни, отнюдь не только здравоохранения. Как справедливо указал в апреле 2020 года Генеральный секретарь ООН Антониу Гуттериш, «это экономический кризис. Социальный кризис. И человеческий кризис, который быстро превращается в кризис прав человека» [5].

Для поисков возможных путей преодоления указанной ситуации представляется необходимым обратиться к опыту прошлого. Если исходить из теории исторического циклизма, можно предположить, что подобные события в том или ином роде уже должны были происходить ранее и, соответственно, становились предметом рефлексии мыслителей своего времени. И одним из таких мыслителей был П. И. Новгородцев.

Павел Иванович Новгородцев (1866–1924) – личность, безусловно, исключительная. Многие ученые, исследуя политико-правовое и философско-правовое наследие П. И. Новгородцева, находили в трудах этого российского мыслителя оригинальные идеи свободы и равенства, прав человека и правового государства, обоснование концепции естественного права с изменяющимся содержанием, теории «нового либерализма». Как верно отмечает С. И. Глушкова, он сочетал в себе уникальные особенности, будучи ученым-правоведом, философом, историком, преподавателем, а также общественным и политическим деятелем. Именно Новгородцев являлся основоположником и главой школы «возрожденного естественного права», которая пользовалась поддержкой многих именитых мыслителей, в том числе таких, как Б. Н. Чичерин, В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев и т. д. [3, с. 286]. Среди его научных трудов можно отметить такие, как «О праве на существование», «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве», «История философии права», «Введение в философию права: Кризис современного правосознания», «Об общественном

идеале». Последние две из указанных работ посвящены, в частности, идее кризиса в правосознании, праве и правах человека.

В конце XIX – начале XX века в воздухе витало предчувствие социально-политических изменений, из-за чего возникала необходимость переосмысления устоявшихся представлений о праве и правосознании. Внимание многих мыслителей в указанный период было обращено к изучению правовой сферы. В частности, законодательство Российской империи представлялось ими как неэффективное и потому нуждающееся в серьезных изменениях.

Научная деятельность и философско-правовые исследования Новгородцева осуществлялись в условиях кризиса правоведения, когда наблюдалось повсеместное господство позитивизма и отторжение юснатурализма. Философ, в свою очередь, предлагал понимать и изучать право не только как факт социальной жизни, но и как норму, или принцип, личности. Это привело к возрождению естественного права и основанию научной школы с аналогичным названием.

Важность и актуальность идей Новгородцева о кризисных явлениях в современном ему правосознании сложно переоценить. Многие исследователи обращаются к ним и проводят аналогии с сегодняшними реалиями. Так, например, А. И. Геращенко и И. Г. Геращенко обращались к идее о том, что правовое государство не является высшим идеалом нравственной жизни, из-за чего попросту не способно воплотить в себе чистоту нравственных начал. Данное обстоятельство подчеркивает важность солидарности в обществе, чего в наше время, как указывают авторы, не наблюдается [2]. Другой автор, Ю. К. Краснов, исследуя различные аспекты кризиса права в современном мире, тоже обращается к идеям Новгородцева в рамках ретроспективного анализа юридической литературы с целью ответить на вопрос о том, когда же начался кризис в праве и современное ли это явление [6, с. 22]. В процессе исследования представлений о социально-правовом прогрессе российских дореволюционных правоведов, С. И. Архипов также рассматривает указанные идеи [1, с. 5–6].

В своем научном труде «Введение в философию права. Кризис современного правосознания» философ на основании глубо-

кого анализа теорий западноевропейских мыслителей, таких как Ж. Ж. Руссо, Ш. Л. Монтескье, И. Бентама, И. Канта, Г. Гегеля и других, приходит к выводу о кризисе правосознания, который стал следствием кризиса индивидуализма, а также западноевропейских теорий правового государства [4, с. 75]. Он указывает, что «опыт XIX века показал, что право само по себе не в силах осуществить полное преобразование общества» [7, с. 20].

Из этого вывода, по мнению Новгородцева, закономерно следуют две точки зрения. Для кого-то это послужит причиной для отрицания значимости права. Другие же убедятся в необходимости наполнить и подкрепить право новыми началами, а также расширить его содержание, для того чтобы оно могло соответствовать своему времени и было способно разрешить возникающие социальные проблемы [7, с. 20]. Несмотря на разницу вышеуказанных позиций, сторонники обеих точек зрения солидарны в том, что «право по отношению к полноте нравственных требований есть слишком недостаточное и грубое средство, неспособное воплотить чистоту моральных начал» [7, с. 20]. Указанный процесс неминуемо приводит нас к необходимости расширения содержания основ права, таких как понятие свободы и понятие равенства.

Новгородцев отмечал, что необходимо рассматривать свободу не только в рамках классического либерализма, в котором она рассматривалась в отрицательном контексте, т. е. как свобода личности от вмешательства государства в частную жизнь личности, но и в новом качестве, т. е. как положительное явление, когда от государства требуется «не только устранение юридических препятствий к развитию свободы, но и доставление материальной возможности для наилучшего проявления свободы» [7, с. 208].

Аналогичным образом следовало поступить и с понятием равенства. Поскольку принцип формального равенства, который подразумевает равенство всех людей перед законом, отнюдь не гарантирует реального равенства, требовалось наполнить его новым содержанием. Под таковым мыслитель подразумевал равенство исходного пункта, которое акцентировало бы внимание на положительном аспекте равенства, т.е. на предоставлении каждо-

му человеку условий, содействующих его общественному самоопределению. По Новгородцеву, «современный либерализм, устанавливая требование равенства исходного пункта, идет в этом отношении навстречу потребности свободного человека изменять условия жизни в соответствии со своими идеалами справедливости и прогресса» [7, с. 222]. Таким образом, концепция равенства наполнялась социальным содержанием. Государство же, в свою очередь, должно было выступать его гарантом.

Подводя итог вышеизложенному, можно заключить, что на современном этапе развития России, вступившей в начале 90-х годов в новую эпоху победившей либеральной идеологии, институт прав человека стал играть немаловажную роль в обновлении всех сфер общественной жизни. Как и в конце XIX – начале XX века, обществу необходимо осознать, что кризисные явления в правовой сфере ни в коем случае не являются отречением от прогрессивных стремлений, а лишь являются ступенькой к поиску нового [8, с. 10]. И для того чтобы найти искомое, следует переосмыслить основания права и содержание прав человека. Гражданам еще только предстоит осознать подлинную ценность естественного права, прав и свобод человека, а также оценивать действующее в государстве право с точки зрения его соответствия общечеловеческим ценностям, которые нашли свое закрепление в международно-правовых актах, касающихся прав человека. Государство же должно совершенствовать судебные и внесудебные механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина, усиливая уровень и качество правовой защищенности каждого на основе равенства всех перед законом и судом. Кризис прав человека в России и многих странах в современный период порожден растущим неравенством в социальной и других сферах жизни общества и государства, а также сохранением правового нигилизма в национальном менталитете, системными проявлениями нарушений прав и свобод человека и гражданина. Одним из путей преодоления такого кризиса должно стать, как предлагал в свое время П. И. Новгородцев, наполнение концепции равенства социальным содержанием. Актуализируя эту и многие другие важные, в том числе и на сегодняшний день, идеи Павла Ивановича, надо

отметить необходимость совершенствования российского законодательства и правоприменительной практики, институтов прав человека, правозащитных механизмов, уровня и качества соблюдения, обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, учитывая такие ключевые принципы государственной правовой политики, как справедливость, равенство возможностей и путей их реализации, движение по пути правового прогресса, ценность каждой человеческой жизни и уважение достоинства личности.

Литература

1. Архипов С. И. Идея правового прогресса в трудах П. И. Новгородцева и И. А. Покровского // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2020. – № 4. – С. 5–16. – URL: http://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/%D0%90%D1%80%D1%85%D0%B8%D0%BF%D0%BE%D0%B2_5.pdf (дата обращения: 27.02.2021).
2. Геращенко А. И., Геращенко И. Г. Философия права П. И. Новгородцева и кризис правосознания // *Studia Humanitatis*. – 2018. – № 1. – С. 22. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-prava-p-i-novgorodtseva-i-krizis-pravosoznaniya> (дата обращения: 27.02.2021).
3. Глушкова С. И. Проблема правового идеала в русском либерализме. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2001. – 466 с.
4. Гусарова М. А. Концепции правосознания в философско-правовой мысли России (на примере взглядов П. И. Новгородцева, И. А. Ильина и Л. И. Петражицкого) // *Общество: политика, экономика, право*. – 2013. – № 2. – С. 73–39.
5. Гутерриш А. Пандемия COVID-19 и права человека // Организация Объединенных Наций : официальный сайт. – URL: <https://www.un.org/ru/coronavirus/we-are-all-together-human-rights-and-covid-19-response> (дата обращения: 19.02.2021).
6. Краснов Ю. К. Некоторые теоретические и практические аспекты кризиса права в современном мире // *Право и управление*. XXI век. – 2016. – № 3 (40). – С. 21–28.
7. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. – М. : Наука, 1996. – 269 с.
8. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. – М. : Директ-Медиа, 2011. – 565 с.

9. Осятынський В. Права человека в перспективе XXI века / науч. ред. русскоязычного издания проф. А. Горелик ; пер. с англ. И. Багаевой-Урбанек. – Варшава : Helsińska Fundacja Praw Człowieka, 2004. – URL: <http://edu.helsinki.org.ua/files/docs/1277590889.pdf> (дата обращения: 19.02.2021).

Ю. И. Клепалова, Н. В. Пугачёва

Реализация пожилыми лицами права на труд в период пандемии

Аннотация. Меры, принимаемые государствами в целях минимизации риска заражения коронавирусной инфекцией и недопущения ее распространения, связаны, как правило, с ограничением прав граждан. В большей степени введенные в стране ограничения в сфере труда коснулись пожилых людей: решение об оставлении на рабочем месте определяется в большинстве случаев субъективными факторами; не учитывается возможность вакцинации лиц старше 65 лет, а также приобретения ими антител в результате болезни. Законодателю, и прежде всего региональному, следует пересмотреть действующее законодательство, учитывая частные интересы таких работников, для которых трудовая деятельность – не только способ получения средств к существованию, но и источник жизненных сил и энергии.

Ключевые слова: реализация права; пожилые лица; пандемия; коронавирус.

Объявленная ВОЗ в начале 2020 г. пандемия в связи с распространением новой коронавирусной инфекции затронула все сферы человеческой жизни. Меры, принимаемые государствами для погашения взрывного характера эпидемии, носят во многом беспрецедентный характер и связаны, как правило, с

Юлия Игоревна Клепалова, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Санкт-Петербург, Россия).

Наталья Владимировна Пугачёва, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права, Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Санкт-Петербург, Россия).

ограничением прав граждан. Согласно статистическим данным сайта Федеральной службы государственной статистики в Российской Федерации, численность рабочей силы в 2020 г. составила около 75 млн человек, при этом подавляющее большинство из них работают по найму, следовательно, работа по трудовому договору является основным, а во многих случаях и единственным источником средств к существованию, в связи с чем наибольший интерес вызывает вопрос о возможности и пределах реализации гражданами права на труд в условиях безопасности и гигиены в период пандемии.

В большей степени введенные в стране ограничения, в том числе в сфере труда, коснулись лиц из так называемых групп риска – пожилых людей и лиц, имеющих хронические заболевания. Прежде всего следует отметить, что понятие «пожилой человек» не имеет общепризнанной конкретизации. Как указывают А. М. Солнцев и К. О. Кебурия, «сложность в самом определении того, кто же является пожилым, а следовательно, можно ли вообще выделять пожилых в качестве отдельной категории населения» [1, с. 46]. Конечно, отнесение людей к данной категории связано не только с возрастом, но и с физическим и психологическим состоянием, однако именно этот критерий избран международными организациями. Так, в Конвенции МОТ № 128 «О пособиях по инвалидности, по старости и по случаю потери кормильца» (Россия не участвует) указано, что пособиями по старости обеспечиваются лица по достижении установленного возраста, который не может превышать 65 лет, но может быть повышен при надлежащем учете демографических, экономических и социальных критериев. Всемирная организация здравоохранения во Всемирном докладе о старении и здоровье (2015 г.) называет пожилыми людей в возрасте 60 лет и старше, указывая при этом на продление активной жизни таких лиц.

В рамках правового регулирования, осуществляемого в Российской Федерации в связи с угрозой распространения острой коронавирусной инфекции, возраст 65 лет также избран в качестве той границы, которая призвана обозначить отнесение лица к группе риска, характеризующейся потенциально более высокой

возможностью заражения и более тяжелым течением болезни, что обусловлено возрастным снижением иммунитета. И в этой связи повышенное внимание публичной власти к данной категории населения представляется не просто оправданным, но необходимым. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на некоторые аспекты введенной для данных лиц защиты от воздействия коронавируса и не проанализировать их как с точки зрения обусловленности объективными факторами, так и с точки зрения целесообразности дифференциации. Как известно, начало экстраординарному правовому регулированию в сфере труда было положено принятием Указа Президента РФ «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» от 25 марта 2020 г. № 206, в соответствии с которым были введены нерабочие дни с сохранением за работниками заработной платы, целевым назначением которых было обеспечение социального дистанцирования и минимизация контактов между работниками [2, с. 3]. В дальнейшем предприятия стали постепенно снимать ограничения, однако такие послабления не коснулись лиц старше 65 лет – им по-прежнему была предписана самоизоляция.

Однако такое требование коснулось не всех работодателей и было распространено не на всех работников указанного возраста. Так, согласно п. 2.42 постановления Правительства Санкт-Петербурга «О мерах по противодействию распространению в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции» от 13.03.2020 № 121 обязанность перевода на дистанционную работу не коснулась лиц, «чье нахождение на рабочем месте является критически важным для обеспечения функционирования организации (индивидуального предпринимателя), работников сферы здравоохранения, транспорта, торговли, педагогических работников, а также работников (исполнителей по гражданско-правовым договорам) организаций (индивидуальных предпринимателей), определенных решением Оперативного штаба по реализации мер профилактики и контроля за распространением коронавирусной инфекции в Санкт-Петербурге». Схожее правовое регулирование установлено и в Москве – согласно указу мэра Москвы «О внесении изменений в указ мэра Москвы от 8 июня 2020 г. № 68-УМ»

от 27.01.2021 г. № 5-УМ работодателям следует «перевести на дистанционный режим работы всех работников... из числа граждан старше 65 лет... за исключением граждан, чье нахождение на рабочем месте является критически важным для обеспечения функционирования организаций, индивидуальных предпринимателей». При этом данное требование не распространяется на организации, входящие в состав госкорпораций «Роскосмос» и «Росатом», организации, работающие по оборонному заказу, организации здравоохранения, а также иные, «определенные Штабом по мероприятиям по предупреждению завоза и распространения инфекции, вызванной коронавирусом 2019-nCoV в городе Москве».

Прежде всего отметим, что термин «критически важное» применительно к присутствию работника на рабочем месте имеет оценочный характер, в связи с чем возможность допуска к работе лица старше 65 лет зависит, во-первых, от субъективного мнения работодателя, во-вторых, от его умения обосновать такую необходимость. В результате решение о предпочтении в оставлении на рабочем месте будет лежать вне сферы действия объективных факторов. Кроме того, если в отношении основной массы работников старше 65 лет вводится такой критерий, как критическая важность его нахождения на территории работодателя, то в отношении отдельных работников этого возрастного диапазона критерием выступает наличие трудового договора с работодателем, входящим в перечень, установленный названными нормативными правовыми актами либо определенным в предусмотренном в них порядке. Не вдаваясь в принципы отбора таких работодателей, отметим, что критерием дифференциации при решении вопроса о возможности осуществлять трудовую деятельность лицом из группы риска, на наш взгляд, должна выступать не только сфера осуществления хозяйственной деятельности работодателя, но и трудовая функция работника – ведь сам факт осуществления работодателем той или иной деятельности не говорит ни о возможности перевести работников на дистанционную работу, ни о необходимости присутствия конкретного работника старше 65 лет на рабочем месте. Так, уборщица офисных помещений

юридического департамента корпорации «Росатом» выполняет ту же трудовую функцию, что и уборщица офиса юридической фирмы, т. е. их нахождение на рабочем месте одинаково важно для лиц, присутствующих в офисе, – работа в условиях, отвечающих санитарным требованиям. Тем не менее присутствие первой из них на рабочем месте предопределено нормативно, а присутствие второй зависит от субъективных факторов, а если исходить из текста упомянутого указа мэра Москвы, предопределяющего критическую важность участием в обеспечении непрерывных технологических и иных процессов, необходимых для функционирования работодателей (п. 2.4.2), то ее присутствие на работе не может быть оправдано.

Представляется важным отметить и тот факт, что осуществленное региональным законодателем правовое регулирование не учитывает двух важных факторов – начавшуюся вакцинацию от коронавирусной инфекции, в том числе лиц старше 65 лет, а также тот факт, что пожилые граждане, перенесшие заболевание, с большой долей вероятности могут быть обладателями антител. Учитывая, что введенные ограничения призваны обезопасить самих пожилых граждан от возможности заражения коронавирусом, эти факторы должны служить основанием для снятия запрета на участие пожилых работников в трудовой деятельности. Однако, к сожалению, такое правило в нормативных правовых актах отсутствует. Таким образом, следует с сожалением признать, что правовое регулирование, преследующее социально значимую цель повышенной защиты от заражения коронавирусной инфекцией лиц из групп риска, в том числе пожилых людей, в этой части страдает косностью, отсутствием гибкого реагирования на изменяющуюся ситуацию, что приводит к чрезмерному ограничению прав трудящихся в возрасте 65 лет. Конечно, в целях защиты лиц, которые не могут в силу рассмотренных ограничений продолжать работу, от утраты дохода в виде заработной платы предусмотрена возможность оформления листков временной нетрудоспособности согласно Временным правилам оформления листков нетрудоспособности, назначения и выплаты пособий по временной нетрудоспособности в случае карантина застрахованным лицам

в возрасте 65 лет и старше, утвержденным Постановлением Правительства РФ № 402 от 01.04.2020 г. В целом приветствуя такой механизм, следует и тут отметить, что, во-первых, выплата пособия по временной нетрудоспособности не всегда компенсирует утраченный заработок в связи с тем, что размер пособия может быть меньше размера заработной платы работника, а во-вторых, невозможность ходить на работу для таких людей – это не только потеря дохода, но и существенное ограничение общения, разрыв множества социальных связей, возникновение ощущения своей ненужности, что очевидным образом неблагоприятно сказывается на их физическом и психическом здоровье и не способствует продлению их активной, качественной жизни. В таких условиях законодателю, и прежде всего региональному, имеющему в своих руках основные полномочия по правовому регулированию общественных отношений в рамках противодействия пандемической угрозе, следует особенно внимательно, даже точно, подходить к введению ограничений в сфере труда для лиц пожилого возраста, соблюдая баланс между публичным интересом по предотвращению угрозы заражения таких лиц и снижению нагрузки на систему здравоохранения и частными интересами таких работников, для которых трудовая деятельность – не только способ получения средств к существованию, но и источник жизненных сил и энергии.

Литература

1. Солнцев А. М., Кебурия К. О. К вопросу о создании международного договора о правах пожилых людей // Социальное и пенсионное право. – 2013. – № 2. – С. 45–53.
2. Головина С. Ю. Пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) как новый вызов трудовому праву // Трудовое право в России и за рубежом. – 2020. – № 3. – С. 3–8.

К вопросу о сущности цифровых прав: новый комплекс прав или актуализация существующих?

Аннотация. Рассматривается вопрос дифференциации одного из новейших трендов в развитии прав человека – цифровых прав человека. Возникновение данного вопроса обусловлено отсутствием однозначного мнения относительно того, являются ли цифровые права новой категорией прав или же это лишь уже существующие права человека, адаптированные к новой реальности.

Ключевые слова: права человека; цифровые права; квази-цифровые права человека; информационные технологии; интернет; цифровизация; цифровая трансформация права.

В условиях новых реалий, ускоренной цифровизации политических, социально-экономических процессов в государстве и обществе можно предположить, что и на сеть Интернет распространяется возможность реализации следующих прав и свобод: права на свободу слова; права на поиск, получение и передачу информации; права на приватность; права на защиту персональных данных; права на забвение (удаление, «цифровую смерть»); права на использование, создание и публикацию цифровых произведений.

Евгений Дмитриевич Летунов, Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской и Курганской области; аспирант 1-го курса, направление 41.06.01 Политические науки, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Научный руководитель: С. И. Глушкова, д-р полит. наук, доцент, завкафедрой прав человека, замдекана юридического факультета АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

С начала XXI века информационные технологии запустили процесс серьезной трансформации общества, которая впоследствии получила название цифровой трансформации общества, и права соответственно [3, с. 25]. Цифровизация формирует свои условия развития общества, под которые необходимо адаптировать правовые институты, чтобы они оставались актуальными и защищали права и свободы человека.

Цифровая трансформация права стала одним из основных вопросов, обсуждаемых правоведами и политологами XXI века. Информационные технологии изменили привычный формат общественных отношений, переведя их на качественно новый уровень. В связи с этим начали формироваться вопросы правового регулирования появившихся отношений и классификации нового комплекса прав. В ученой среде отсутствует единство мнений касательно того, являются ли цифровые права новым поколением прав человека и будет ли это справедливо по отношению к иным вариантам нового поколения прав.

Анализ содержания данной категории прав показывает, что на сегодняшний день к цифровым правам человека относят достаточно большое количество прав, однако не все из них являются цифровыми по своей сути. Так, многие считают, что данные права являются не чем иным, как результатом актуализации уже существующих прав человека, которые обновили свое содержание под влиянием процесса цифровизации. Другая сторона вопроса поддерживается мнениями ученого сообщества об уникальности содержания ряда прав, которые относят к категории цифровых. Прежде всего необходимо разобраться в сущности цифровых прав человека в целом: являются ли они чем-то новым или это уже существующие права человека, которые расширили свою область применения?

В своей научной работе, касающейся вопроса о том, являются ли цифровые права новым поколением прав человека, С. И. Глушкова и Е. Д. Летунов ставят вопрос: «...являются ли права, которые формируются в цифровую эпоху, новым поколением прав человека?», и выдвигают два равноправных варианта ответа на него: «С одной стороны, процесс цифровизации политики, эко-

номики, культуры не формирует целого каталога принципиально новых прав человека. С другой стороны, рассуждая о поколениях прав человека, следует отметить, что цифровые права требуют принципиально новых способов их признания и регулирования, соблюдения, обеспечения и защиты» [1, с. 26]. Исходя из этого получается, что для понимания сущности цифровых прав человека необходимо провести анализ и дифференциацию квазидигитальных прав человека и цифровых прав человека.

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин одним из первых дал определение цифровых прав человека: «Цифровые права человека – это, по сути, конкретизация (посредством закона и правоприменительных, в том числе судебных, актов) универсальных прав человека, гарантированных международным правом и конституциями государств, – применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации» [2]. Автор данной работы считает, что приведенное определение относится, скорее, к квазидигитальным правам человека, что более точно отражает сущность данной категории прав.

Квазидигитальные права, по мнению автора, представляют собой «актуализированные» права человека, поэтому не следует их относить к цифровым правам человека, так как они существовали до цифровой трансформации права и на сегодняшний день лишь расширили область применения (включив в нее сеть Интернет), в отличие от цифровых прав человека.

Э. В. Талапина в своей научной работе, посвященной эволюции прав человека в цифровую эпоху, пишет: «Система прав человека будет меняться в зависимости от условий их реализации. С приходом цифровых технологий возникают так называемые цифровые права» [6, с. 122]. Автор данной работы поддерживает изложенную позицию, а также конкретизирует, каким именно образом следует понимать цифровые права человека: к цифровым правам человека относятся те права, которые сформировались под непосредственным влиянием цифровизации и являются уникальными, защищая права человека в цифровом, виртуальном

пространстве. В качестве примера можно привести следующие цифровые права человека:

право на доступ к сети Интернет: возможность неограниченного доступа к сети Интернет (ключевыми аспектами его реализации является свободный доступ к содержимому сети Интернет) и наличие необходимых для доступа технологий, инфраструктуры;

– право на защиту от нежелательной информации: возможность оградить себя от нежелательной (по мнению человека) информации в сети Интернет;

– право на анонимность: возможность неограниченного использования сети Интернет без возможности идентификации своей личности (анонимно);

– право на виртуальную личность: возможность владения собственной неприкосновенной идентификацией личности в сети Интернет [5, с. 48].

Разумеется, приведенные в качестве примеров перечни цифровых и квазидигитальных прав человека не являются закрытыми, они служат иллюстрацией необходимой дифференциации современных прав человека, относимых научным сообществом к цифровым правам человека. Н. В. Кравчук говорит о «перемещении прав человека в цифровую сферу», подчеркивая, что адаптация национальных и международных правил, «применимых к науке и технологиям, происходит медленно, а действующее право не способно адекватно регулировать ситуации, порожденные технологическими инновациями» [4, с. 184]. Данное утверждение указывает как раз на то, что квазидигитальные права человека появляются в результате «переноса» существующих прав в «новое» цифровое пространство, а цифровые права человека формируются в результате стремительного развития информационных технологий и появления уникальных общественных отношений в цифровом пространстве.

Литература

1. Глушкова С. И., Летунов Е. Д. Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий // Вестник Гуманитарного уни-

верситета. – 2020. – № 4 (31). – С. 16–28. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44447281> (дата обращения: 20.02.2021).

2. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышления на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. Столичный выпуск. – 2018. – 29 мая (№ 115 (7578)).

3. Карцхия А. А. Цифровая трансформация права // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 1 (30). – С. 25–29. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37359160> (дата обращения: 20.02.2021).

4. Кравчук Н. В. Практика Европейского суда по правам человека по делам, затрагивающим использование новых технологий // Государство и право в новой информационной реальности : сборник научных трудов / отв. ред. Е. В. Алферова, Д. А. Ловцов. – М. : ИНИОН РАН, 2018. – С. 184–195. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44184080> (дата обращения: 20.02.2021).

5. Левова И. Ю., Шуклин Г. Н., Винник Д. В. Права интернет-пользователей: Россия и мир, теория и практика : аналитический доклад. – М. : Ассоциация интернет-издателей, 2013. – 144 с.

6. Талапина Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2019. – Т. 14, № 3. – С. 122–146. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39555877> (дата обращения: 20.02.2021).

Опосредование социальных явлений в сервитутном праве

Аннотация. В статье рассматриваются сервитуты как проявление толерантности в экономических и политических отношениях, готовности признать чужой интерес и даже согласие поступиться собственными благами ради другого лица.

Ключевые слова: сервитут; право собственности; толерантность; аксиологический подход.

Аксиологические подходы в современной философии поднимают вопрос о ценностных категориях, в том числе и о значимости права и отдельных правовых институтов. С. С. Алексеев выделяет инструментальную и собственную ценность права [1, с. 344]. При первом подходе затрагивается ценность «средства» разрешения экономических, политических и иных задач, а при втором – выражение самостоятельности и инициативности людей на основе согласованной упорядоченности отношений.

Ранее И. А. Покровский, рассматривая проблему деления права на публичное и частное, отмечал наличие разных приемов правового регулирования как критерий различия двух систем [2, с. 37]. При этом централизация и децентрализация, будучи самостоятельными методами упорядочения общественных отношений, рассматриваются им как имеющие свою особую значимость. Он видел в принципах публичного права средство сплочения общества, способ внесения определенности и планомерности в регулируемые отношения, хотя государственное вмешательство снижает частную инициативу и может привести к подавлению индивидуальности. Частное право, основанное на децентрали-

Александр Юрьевич Маракулин, ст. преподаватель юридического факультета АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

зованном принципе, создавая ситуацию неопределенности и случайности, в то же время высвобождает предприимчивость и энергию отдельных лиц. В целом же можно полагать, что сочетание императивности и диспозитивности устраняет опасность как частного, так и властного произвола и обеспечивает баланс общественных и индивидуальных интересов, определяя социальную ценность права.

Право, являясь сложной социальной регулятивной системой, обладает основными признаками органических открытых систем, в том числе таким свойством, как проявление главных характеристик системы в ее составляющих элементах. Можно полагать, что отдельные правовые институты, хотя и в меньшей степени, чем право в целом, но имеют все те ценностные характеристики, о которых говорилось выше. Следовательно, важно и необходимо рассмотреть аксиологические аспекты такого института, как сервитут.

Цивилизационное значение права заключается в обеспечении сохранения человеческого общества и баланса в нем. При этом общеизвестная мысль о том, что свободное развитие каждого есть залог свободного развития всех, порождает вопрос о границах свободы и механизмах ее обеспечения. Современные правовые документы среди многих прав и свобод человека называют и право собственности человека на имущество. Но при этом не всегда обращается внимание на то, что, по сути, право собственности является реальной, материальной гарантией всех остальных признаваемых возможностей человека, ибо вне признания имущественных прав человек остается перед всем комплексом потребностей как биологическая особь, а не как представитель социума. Право собственности первично. На это обстоятельство уже давно было обращено внимание Гегеля: «Чтобы не остаться абстрактной, свободная воля должна прежде всего дать себе наличное бытие, и первым чувственным материалом этого наличного бытия суть вещи, другими словами внешние предметы. Этот первый вид свободы есть тот, который мы узнаем как собственность» [3, с. 94].

Право собственности, как и любое другое право, – есть мера возможного поведения, и значит, ограничено интересами иных лиц, противостоящих собственнику. Сервитутные права выступают в качестве одного из обременений собственности. Сторонники абсолютного, неограниченного права собственности всегда достаточно негативно относились к сервитутам. В частности, такую позицию занимал Р. Йеринг [4, с. 382]. Но при внимательном взгляде становится ясно, что осуществление права одним из собственников может быть просто парализовано отсутствием возможности реализовать свой интерес через непосредственное воздействие на чужое имущество, что является неизбежным в условиях объективного существования пространственных границ и ограниченности природных ресурсов. Следовательно, обременение имущества чужими сервитутными правами есть условие наиболее полной реализации самостоятельных интересов собственника за счет ограниченных прав на чужие вещи.

Извечный конфликт «мое – чужое» имеет различные аспекты и варианты разрешения. С одной стороны, в праве закрепляется статика имущественных отношений и право собственности позволяет лицу использовать свою вещь в личном интересе. Традиционно закон обеспечивает защиту этого права от посягательства посторонних лиц. Собственник может истребовать утраченное из чужого незаконного владения, может требовать возмещения причиненного вреда. В конце концов, государство берет интересы собственника под свою непосредственную защиту, устанавливая меры уголовно-правовой ответственности за посягательство на имущество. Конечно, собственник существует в окружении других лиц, обладающих схожими правами, следовательно, он вынужден считаться с их интересами. Но признание важности и значимости чужого имеет в данном случае эквивалентный характер, поскольку, не препятствуя реализации иного интереса, каждый вправе предполагать встречное уважение и признание своего.

С другой стороны, наряду со статикой существует и динамика имущественных отношений. Оборот имущества опосредуется обязательственным правом, и прежде всего обязательствами, возникающими в результате соглашений между обособленными ли-

цами. В системе договоров, регулируемых гражданским правом, выделяются те, в силу которых одно лицо приобретает возможность для удовлетворения своих потребностей использовать имущество другого. Собственник соглашается с подобным вторжением в сферу своего интереса, но он при этом получает встречное вознаграждение в виде арендной платы и тем самым компенсирует утрату реальных возможностей в самостоятельном использовании принадлежащего ему. Конечно, существует возможность и безвозмездного пользования имуществом по договору, однако подобные отношения предполагают особый характер связи между сторонами, где на первое место выходят не экономические, а иные интересы личного или социального порядка.

В последние годы достаточно обсуждаемой является проблема толерантности, подразумевающая готовность признать чужой интерес и даже готовность поступиться собственными благами ради другого лица. Мы обнаруживаем, что и в сфере вещного, и в сфере обязательственного права обнаруживаются проявления готовности ограничить свой интерес или уступить его часть в пользу иного субъекта. Однако претерпевание чужой активности при реализации возмездного договорного отношения связано с определенной компенсацией, носящей имущественное содержание. Данное претерпевание нетолерантно, ибо имеет заместительный характер. В то же время сервитутное право соседствующих субъектов имеет специфические черты, которые отличают его от всех схожих юридических явлений тем, что лицо, приобретающее право, ничего не предоставляет взамен. Конечно, дело не в том, что сосед, взяв щепоть соли, может ее не возвращать в силу сложившегося обычая. Соседское право или сервитуты выступают в качестве особой возможности ограниченно пользоваться в своем интересе чужим имуществом для преодоления тех или иных препятствий.

Классическая теория сервитутов, выработанная еще в римском праве, подразделяет их на публичные и частные, реальные и личные, городские и сельские. Но в любом случае одно лицо приобретает возможность вторгаться в сферу чужого имущественного интереса, а второе лицо смиряется с подобным вме-

шательством. Предполагается, что появление сервитутов связано с процессами индивидуализации интересов в результате распада родового строя, при котором имущество, прежде всего земля, находилось в коллективном пользовании. Появление индивидуального землепользования с неизбежностью поставило вопрос о согласовании интересов лиц, занимающих соседние наделы земли. Объективное неравенство возможностей владельцев разных земельных участков вызвало попытки устранить сложившуюся несправедливость. Экономическая деятельность чаще всего невозможна в строгих границах своей территории, а следовательно, нужен выход за установленные пределы. Природные ресурсы количественно и пространственно ограничены, и нельзя удовлетворить свои потребности за счет того, что не принадлежит никому, если все уже распределено. Зато можно воспользоваться чужим. В результате были определены особые права собственника господствующего участка, которые обременяют собственника служащего участка. При этом следует отметить, что расположение второго более выгодно по сравнению с первым, и один должен послужить другому. В пользу сервитуария, собственника господствующего участка, могли устанавливаться право прогона скота, право прохода, право проложить водопровод. В дальнейшем разнообразие видов сервитутных прав все более увеличивалось, но в основе лежал единый подход к решению проблемы.

Специфика сервитутов заключается в том, что они предоставляют возможность использовать чужое имущество, ничего не передавая в обмен на приобретенные выгоды. При этом, конечно, сервитуарий не безграничен в своем праве. Использование имущества возможно лишь при соблюдении интересов владельца служебного участка. В то же время даже причинение вреда обремененному лицу не влечет прекращения сервитута, а лишь порождает обязанность возместить реальный ущерб. Кроме того, сам факт установления сервитута определяется не личным характером связи между владельцами господствующего и служебного участков, а соотношением хозяйственных возможностей независимо от конкретных лиц. Перемена субъектов в сервитутном правоотношении не влечет прекращения права для новых участни-

ков, которые вынуждены считаться с волей своих предшественников. Прежде всего это относится к собственнику обремененного участка, поскольку у сервитуария есть закономерный интерес.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что не каждый случай претерпевания чужих прав и интересов имеет толерантное содержание. Во-первых, готовность признать иную позицию не должна определяться уступками или предоставлением встречных выгод со стороны другого лица, хотя ясно, что ни один обмен никогда не будет абсолютно эквивалентным. Сервитутное право не предполагает встречного вознаграждения или обязательного установления сервитута на имущество сервитуария, хотя возможны взаимные сервитуты. Во-вторых, признание чужих возможностей не должно определяться слабостью собственной позиции, а должно проявляться там, где более сильная сторона готова считаться с противоположным интересом. В соседском праве именно служащий участок обладает определенными преимуществами перед господствующим. В-третьих, признание чужого права не исключает возможности собственной реализации схожей потребности. Владелец сервитута не лишает другое лицо права пользоваться выгодами его имущества. В-четвертых, терпимое отношение к обременениям в интересах другого лица не означает отказа от собственного интереса. В случае недобросовестного использования сервитутного права владельцем господствующего участка вторая сторона может защищать свой интерес вплоть до предъявления требования о прекращении сервитута. В целом, видимо, необходимо, чтобы толерантность рассматривалась не только как элемент политической жизни, но и как явление более широкого содержания.

Экономическая сущность сервитута заключается в том, что он используется для более эффективного использования природных, материальных и людских ресурсов. Хозяйственная деятельность носит общественный характер. Появление сервитутов связано с переходом от присваивающего к производящему типу хозяйствования, с переходом от натурального хозяйства к товарному.

Литература

1. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. – М. : Статут, 1999. – 710 с.
2. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – М., 2001.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
4. Иеринг Р. Цель в праве. Т. I. – СПб. : издание Н. В. Муравьева, 1881. – 412 с.

Права человека в кризис пандемии: актуализация коллективности¹

Аннотация. Статья рассматривает процесс индивидуализации системы прав человека и показывает, что актуальная дискуссия о содержании прав человека, институтах, их фиксирующих, и приемлемых режимах реализации в кризисные 2020–2021 гг. во многом определена реставрацией нормативных ожиданий, получивших признание в условиях, когда суверенные государства являлись восходящей формой организации мирового политического пространства. Новая ревизия в логике *covid*-национализма предлагает реставрацию в значительном объеме позиции коллективистских воззрений на права человека как производных от принадлежности к определенному сообществу. При этом секьюритизация политического и правового поля может длительно удерживаться системой в качестве новой нормы взаимодействия между властью, обществом и индивидом, способствуя укреплению авторитарных тенденций общественного развития как исполнения властью запроса на безопасность со стороны органически сформированного общества.

Ключевые слова: государство; индивид; меньшинство; секьюритизация; социальное разнообразие; идентичность; кризис пандемии; *covid*-национализм.

Дискуссия о содержании прав человека, институтах, их фиксирующих, и приемлемых режимах реализации в кризисных 2020–2021 гг. во многом определена реставрацией

Наталья Владимировна Панкевич, канд. полит. наук, доцент, ст. научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

¹ Выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60337.

нормативных ожиданий, получивших признание в условиях, когда суверенные государства являлись восходящей формой организации мирового политического пространства.

Мейнстрим политической мысли XX века, фиксирующий итог практически пятисотлетнего периода восхождения нации-государства, исходит из предпосылки, ярко схваченной Дж. Стрейером: *«Худшая судьба, которая может выпасть человеку в современном мире – оказаться отлученным государства... Человек вне государства» угнетен и обездолен... Его права не гарантированы, он беззащитен и не имеет возможностей разумно обеспечить себя»* [5, р. 3]. Эта точка зрения не уникальна и представляет собой вполне типичный образец суждения о государстве как о единственной арене, на которой в принципе возможны право, свобода, равенство (см., напр.: [2, с. 246; 6, р. 89]). Очевидно, подобный способ суждения опирается на мощную политическую традицию, которая восходит к поискам механизмов защиты индивида от бедствий естественного состояния, а также наработанную столетиями практику, для которых государство выступает и политическим благом [4], и естественно доминирующим политическим актором.

Но если пережитый человечеством в конце XX века опыт глобализации ставит под вопрос действительность системного сопряжения государственности и гарантий прав человека, то современная ситуация, обострившаяся в период пандемии, вновь обнажает непреодоленные линии напряженности между ключевыми подходами к пониманию практического содержания прав человека и практиками, которые они кодируют в области политического и правового регулирования. Содержание данного конфликта разворачивается в очередном цикле поиска баланса между политической и правовой субъектностью индивида, социального меньшинства, обладающего выраженной спецификой на фоне «большого общества» и собственно социального целого в его несводимых друг к другу трактовках.

В своем предельном развитии комплекс воззрений, связанных с парадигмой государственного суверенитета, эволюционирует в «методологический национализм», предполагающий, что инсти-

туты государственности удерживают в своих рамках не просто ассоциацию личностей, но упорядоченное социально-политическое единство, которое и должно стать первичным субъектом конституционного права, превосходя каждого конкретного индивида или группу в своем составе. Нормативность социальной согласованности нации-государства не ставится под вопрос, и наличие в теле общества разнообразных меньшинств рассматривается как девиация.

С точки зрения исторического опыта, действительность подобного норматива весьма спорна. Даже если оставить за скобками проблему того, что выравнивающие социальное пространства практики государства сталкивались с проблемой системного устранения различий, связанных с сословными границами, корпоративными привилегиями и локальными обычаями, необходимостью решать острейший классовый конфликт, то проблема социального разнообразия, которое государство должно было удерживать в рамках физически определенных границ, чрезвычайно остра. По свидетельству Х. Арендт, «бесправные пасынки мира», «выброшенные из покровительственных связей» собственного государства, составляли вплоть до половины населения вновь создававшихся в межвоенный период территориальных государств, особенно если такие государства наследовали империям [1, с. 361–362, 366].

Проблема заключенных в физических границах государства без права на исход, но исключенных политически и далее социально из состава государственного сообщества контингентов, результирует в проблему радикализованных меньшинств, нежелательных и опасных сегментов, неустранимо присутствующих в обществе. Межвоенные договоры, налагающие на государства обязанности по их защите (*Minority Treaties*), задают ситуацию, в которой отклоняющийся групповой актор становится важным субъектом права, кодируя также и отличный на фоне нормализованного общества объем прав, предоставленный его представителям. Любое разрешение данного конфликта – будь то дискриминация в прямом смысле или ее антипод в виде различных позитивных практик социальной и экономической реабилитации –

по сути своей оказывается неприемлемым для государства, поскольку равномерность внутреннего социального пространства является для него принципиальным условием существования.

Решение проблемы меньшинства как субъекта прав стала одним из главных вызовов государственности как политической форме. В регулярном политическом процессе этой цели служили, во-первых, вытеснение различия в частную сферу, где оно деполитизировалось и становилось предметом личного предпочтения (как, например, в случае практик светского государства). И, во-вторых, индивидуализация субъекта права, в рамках которой дискуссия о коллективном месте меньшинства в составе общества замещалась обсуждением персональной судьбы индивида, чья идентичность поляризована его личностными характеристиками, статусом и судьбой. Правосубъектность индивида обеспечивается особым, минуя промежуточные звенья и коллективности, характером связи каждого человека с политией посредством гражданства, что разрешает дилемму политического самоопределения меньшинства и приверженности правам человека: индивидуализация позволяет конвертировать сумму групп, характеризующихся специфическими идентичностями и потребностями, в демос, способный удерживать практически бесконечное разнообразие индивидуальных участников [3, р. 2, 11, 211]. Результатом отвердения данной формы становится делегитимация субъектности меньшинства, а система прав структурируется вокруг диады народа как субъекта политики и индивида как носителя гарантированных социальным целым прав.

Следующий шаг в процессе формирования современного понимания ключевого субъекта – носителя прав можно связать с выходом социальных процессов на тот уровень, где существование государственных территориальных границ и юрисдикций становится безразличным, а человеческие общности массово покидают выкроенные государствами безопасные ниши социального воспроизводства. В рамках жизни в разомкнутом трансграничном пространстве индивид эмансипируется также по отношению к охватывающей его коллективной «соборной» личности, которой является государствообразующий народ. Его права более

не опосредуются государством. Институционально данную новацию фиксирует возвышение в 1990-х гг. системы международного правосудия, в рамках которой частные лица получают доступ к судебной процедуре и наделяются правом инициировать слушания против государств. Таким образом, одновременно внутри государства и в международном пространстве обеспечиваются условия, в которых индивид становится единственным легитимным субъектом-носителем прав.

Ситуация актуального кризиса, связанного с пандемией 2020–... гг., во многом отрицает достигнутое состояние. Системная угроза коллективного характера мгновенно актуализировала способы реагирования на проблему, традиционно присущие миру государств с их ориентацией на эксклюзивную территориализацию, контроль над физическим пространством, стремлением к социальной однородности и опорой на принудительные ресурсы, и вновь вывела в фокус внимания проблему баланса между индивидом, меньшинством и социальной тотальностью в герметически замкнутом социуме. Новая ревизия в логике *covid*-национализма предлагает реставрацию в значительном объеме позиции коллективистских воззрений на права человека как производных от принадлежности к определенному сообществу. В своем февральском (2021 г.) обращении к Совету ООН по правам человека министр иностранных дел Китая предельно четко обозначил эту позицию, предложив центрированный на народе (*people-centered*) подход к правам человека, а также необходимость учета национального своеобразия в понимании объема, номенклатуры и способов защиты прав человека с приоритетом прав, связанных с безопасностью [7].

Процесс деиндивидуализации понимания прав человека характерен не только для стран, подобных Китаю, с сильной коллективистской традицией. С новой силой актуализируется проблема неинтегрированных меньшинств. В условиях пандемии именно такие группы в большей мере несут бремя риска и потому рассматриваются одновременно и как жертвы, требующие помощи, и как потенциальная угроза более благополучным группам общества. Секьюритизация политического пространства, в кото-

ром силовые структуры получают мандат коллективного целого на принудительное действие в отношении меньшинств, стремительно набирает обороты. Германия расширяет спектр особых полномочий силовых структур в рамках специального полицейского права для сдерживания инфекции. Франция рассматривает предоставление гарантий представителям силовых структур, в т. ч. их анонимизацию в медийном пространстве. В том же ряду введение комендантского часа в Нидерландах в качестве чрезвычайной меры сдерживания и др., вызывающие резкие локальные реакции в виде массовых протестов. Будучи направленными на решение проблем, связанных с напряженной эпидемической обстановкой и легитимированными именно этой необходимостью, данные меры практически сразу обнаруживают свой избыточный потенциал, распространяясь на все общество в рамках государства в целом. Таким образом, установившееся в результате пересмотра в критической ситуации правовое положение личности может длительно удерживаться системой в качестве новой нормы взаимодействия между властью, обществом и индивидом, способствуя укреплению авторитарных тенденций общественного развития как исполнения властью запроса на безопасность со стороны органически сформированного общества.

Литература

1. Арндт Х. Истоки тоталитаризма : пер. с англ. – М. : ЦентрКом, 1996. – 672 с.
2. Шмитт К. Государственная этика и плюралистическое государство // Шмитт К. Государство и политическая форма : сб. работ / пер. с нем. О. Кильдюшова. – М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010.
3. Benhabib S. The Rights of Others: Aliens, Residents, and Citizen. – New York : Cambridge University Press, 2004.
4. Jouvenel B. de. Sovereignty: an Inquiry to the Political Good. – Liberty Fund Inc, 1997.
5. Strayer J. R. On Medieval Origins of the Modern State. – Princeton University Press, 1970.
6. Walzer M. Just and Unjust Wars. – New York : Basic Books, 1977.

7. Wang Yi H. E. A People-centered Approach for Global Human Rights Progress. Remarks at the High-level Segment of the 46th Session of The UN Human Rights Council // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – 22.02.2021. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1855685.shtml (дата обращения: 25.02.2021).

Формы и способы правового просвещения в области прав и свобод человека в России при непосредственном участии правозащитника

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению вопроса форм и способов правового просвещения в области прав и свобод человека в России на основе изучения и анализа опыта просветительской деятельности в Свердловской области.

Ключевые слова: правозащитная деятельность; правовое просвещение; права и свободы человека.

Институт правозащитной деятельности в Российской Федерации со времен становления постсоветского периода имеет четко направленный вектор развития в сторону демократизации, приоритета человека над государством, а также приоритета личностных прав и свобод в рамках государственной политики.

С момента вступления Российской Федерации в Совет Европы, а также ратификации Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод гражданам нашей страны открылись новые способы защиты своих прав в судебном порядке – а именно возможность подачи жалобы в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ). Ввиду четкой и строго урегулированной процедуры подачи процессуальных документов в Страсбургский

Никита Романович Пекарев, бакалавр 3-го курса юридического факультета АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Научный руководитель: С. И. Глушкова, д-р полит. наук, доцент, завкафедрой прав человека, замдекана юридического факультета АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

суд, для отечественного «legal market» стали нужны узконаправленные специалисты, «правозащитники», способные эффективно отстаивать права и свободы человека, которые были ущемлены со стороны государства.

С тех пор российские правозащитники получили возможность реализовывать свои навыки в новой для себя сфере, активно участвуя в судопроизводстве Страсбургского суда, тем самым они стали одними из ведущих просветителей в области защиты прав и свобод человека в России.

Помимо этого, особый вклад в данную сферу вносят общественные организации, члены которых осуществляют правозащитную деятельность в судах Российской Федерации.

В широком смысле, государство поддерживает правозащитное движение и правовое просвещение на законодательном уровне. Так, одним их нормативно-правовых актов, реализующих эту поддержку, является Указ Президента РФ от 13 июня 1996 г. № 864 «О некоторых мерах государственной поддержки правозащитного движения в Российской Федерации» [8], а также Указ Президента Российской Федерации № 120 от 01.02.2011 г. «О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека» [7]. Несмотря на то что данные указы были изданы относительно давно, последствия мы видим и сейчас. Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, который был сформирован на основании данных указов, является одним из основных органов реализации внутригосударственной программы правового просвещения в области защиты прав человека и активно действует по сей день.

Но автор, изучая тематику данной работы, ставит перед собой определенные вопросы:

– возможны ли способы эффективного просвещения в области прав и свобод человека на уровне обучающихся университета/старших классов школ?

– каким образом в данной ситуации может помочь правозащитник?

– какие методики/способы реализации можно создать для эффективного просвещения молодежи при непосредственном участии правозащитника?

Как было упомянуто ранее, правозащитник имеет значительный объем опыта и пройденной судебной практики, которым он может поделиться с начинающими юристами, проходящими обучение в университете по программам бакалавриата или магистратуры.

Само же эффективное просвещение в области прав и свобод человека на уровне обучающихся университета вполне вероятно и возможно по некоторым, но довольно весомым причинам. Одной из основных причин может послужить желание самого обучающегося, начинающего юриста, набраться знаний от более опытного представителя юридической профессии, дабы использовать их уже в своей практике участия в судебных делах в качестве правозащитника. Второй же причиной будет то, что способ передачи профессионального опыта от старшего поколения младшему является наиболее распространенным, поэтому равных ему альтернативных способов попросту нет (наставничество не берется в расчет по той причине, что мы хотим распространить просвещение в широком масштабе, а не сугубо индивидуально).

На этом основании автор предполагает, что наиболее эффективным способом правового просвещения обучающихся в области защиты прав и свобод человека станет взаимодействие между учащимися и правозащитником в формате очных встреч.

Способы «связать» обучающихся и опытного правозащитника для установления хоть и кратковременного (в рамках одной/нескольких встреч), но сотрудничества, есть, и существуют прецеденты, которые показывают, что данные встречи крайне продуктивны в плане обмена опытом.

В России существует много интересных гуманитарных практик, направленных на правовое просвещение и образование в области прав человека и реализуемых институтами гражданского общества, университета, уполномоченными по правам человека и по правам ребенка. Например, постепенно с 2005 года по настоящее время при поддержке Уполномоченного по правам

человека в Свердловской области, юридического факультета АНО ВО «Гуманитарный университет» (далее ГУ), Ассоциации преподавателей права Свердловской области «Правовое образование – XXI век» была сформирована система постоянного правового просвещения детей и молодежи, учителей Свердловской области.

Одной из таких форм стала весенняя сессия образовательного проекта «Школа прав человека и гражданского образования» [4]. На площадке ГУ проходила встреча бакалавров юридического факультета с практикующими юристами – представителями общественных организаций: МОД «Народный контроль» и НКО «Граждане России – за закон», членами рабочей группы по взаимодействию с институтами гражданского общества при Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Свердловской области. В рамках встречи обучающиеся узнали о деятельности институтов гражданского общества, общественных организаций на территории Свердловской области, обращениях граждан за защитой своих прав и свобод, о взаимодействии власти и гражданского общества, в том числе по противодействию коррупции.

Помимо этого проходили мероприятия и вне стен Гуманитарного университета. На базе Ельцин центра, при участии Уполномоченного по правам человека в Свердловской области Т. Г. Мерзляковой, с 6 по 8 июня 2019 года проходила Молодежная гуманитарная школа по защите прав человека и общественных интересов, в которой приняли участие бакалавры и магистранты ГУ [3]. Кроме лекций известных специалистов по правам человека, стоит отдельно отметить мастер-классы опытных адвокатов КА «Свердловская областная гильдия адвокатов» Т. Г. Будкевич и В. В. Астафьевой, а также выступление Андрея Юрова – международного и российского эксперта по правам человека, экс-члена Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека.

Автор данной работы, как начинающий юрист, изъявивший желание встретиться с экспертами в области правозащитной деятельности, присутствовал на занятиях в Молодежной гумани-

тарной школе, получил богатый опыт, который, безусловно, будет применен в будущем.

Стоит отдельного упоминания и тот факт, что за последние годы институт просветительской деятельности в Свердловской области формирует новые способы продвижения. Помимо очных встреч с правозащитниками в рамках мероприятий, обучающиеся старших классов школ и вузов могут проанализировать насущные проблемы в области защиты прав и свобод человека через творческие работы, например в формате эссе, проектов или научных статей.

Гуманитарный университет в сотрудничестве с такими организациями, как ООО «Российский Красный Крест» (Свердловское региональное отделение), Свердловское региональное отделение Российской ассоциации политической науки (РАПН), Свердловская областная гильдия адвокатов, Народный университет российского конституционализма, а также с Уполномоченным по правам человека в Свердловской области ежегодно проводит различные конкурсы творческих работ по проблематике защиты прав и свобод человека.

В период с 2019-го по март 2021 года в рамках данного сотрудничества были проведены следующие мероприятия: областной конкурс «Права ребенка в современном мире: актуальные вопросы правовой защиты, обеспечения правовой безопасности, просвещения и образования в области прав человека» [1], Международная научно-практическая конференция «Право и права человека, власть и общество, государство и личность в условиях пандемии» [5], областной конкурс творческих работ «Имею право: школьные, студенческие, молодежные идеи, предложения и проекты по защите прав и свобод человека, правовому просвещению, образованию в области прав человека в России» [6], областной конкурс творческих работ «Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца и Российский Красный Крест: гуманитарное сотрудничество во имя спасения человека» [2].

Здесь правозащитник выступает в качестве «наставника», который в роли члена жюри изучает творческую работу обучающе-

гося, дает оценку идеям и анализам, изложенным в его работе, награждает тех, чьи тезисы были уникальными и тщательней всего раскрывали суть изучаемой проблемы, и, что самое важное, дает наставления и рекомендации по дальнейшей научной и творческой деятельности в области защиты прав и свобод человека, что также является одним из способов передачи опыта и знаний.

В заключение хочется сказать, что данные мероприятия проводятся с четкой целью просвещения в области защиты прав и свобод человека. И данная цель имеет под собой обоснование. За последние десятилетия, из-за обострения международной и геополитической ситуации на планете, на глобальном уровне возник кризис концепции прав человека. Во многих странах мира ухудшилась ситуация с правами человека. Из-за борьбы с такими формами проявления агрессии и насилия, как терроризм, экстремизм, радикализм, а также из-за борьбы за обеспечение внутрисударственной экономической и политической стабильности сформировалась практика подавления инакомыслия, свертывания гражданских прав и свобод в угоду общественной безопасности.

Автор считает, что одним из способов реализации концепции прав и свобод человека, основанной на признании их высшей ценностью, является ее продвижение в обществе с целью просвещения и развития правовой культуры. Обучающиеся старших классов школ/студенты вузов, т. е. молодые люди, которые в силу возраста и неопытности являются особой социально-возрастной группой, склонны активно впитывать в себя информацию из разных источников, которые могут нести деструктивное содержание, что может усугубить кризис прав человека. Поэтому важно разъяснять старшеклассникам и университетской молодежи не только права и свободы, обязанности человека и гражданина, но и риски, угрозы, вызовы правам человека, которые существуют в современном мире.

Сторонники концепции прав и свобод человека должны привлекать своей просветительской деятельностью молодежь на свою сторону, и вышеупомянутые способы дают положительный результат, а правозащитники, как наиболее опытные в данной области, играют важную роль в их реализации.

Таким образом, автор предполагает возможность преодоления кризиса прав человека посредством развития различных форм и способов правового просвещения и образования в области прав человека, формирования правовой культуры детей и молодежи, повышения уровня правовой культуры взрослых.

Литература

1. Итоги Областного конкурса творческих работ (эссе) по правам ребенка // Гуманитарный университет : официальный сайт. – 28.04.2020. – URL: <https://gu-ural.ru/2020/04/itogi-oblastnogo-konkursa-tvorcheskih-rabot-esse-po-pravam-rebenka/> (дата обращения: 10.03.2021).

2. Конкурс от ГУ и Российского Красного Креста // Гуманитарный университет : официальный сайт. – 21.01.2021. – URL: <https://gu-ural.ru/2021/01/konkurs-ot-gu-i-rossijskogo-krasnogo-kresta-3/> (дата обращения: 10.03.2021).

3. Молодежная гуманитарная школа по защите прав человека и общественных интересов // Гуманитарный университет : официальный сайт. – 14.06.2019. – URL: <https://gu-ural.ru/2019/06/molodezhnaya-gumanitarnaya-shkola-po-zashhite-prav-cheloveka-i-obshhestvennyh-interesov/> (дата обращения: 10.03.2021).

4. Открыта весенняя сессия образовательного проекта «Школа прав человека и гражданского образования» // Гуманитарный университет : официальный сайт. – 02.03.2020. – URL: <https://gu-ural.ru/2020/03/otkryta-vesennaya-sessiya-obrazovatel'nogo-proekta-shkola-prav-cheloveka-i-grazhdanskogo-obrazovaniya/> (дата обращения: 10.03.2021).

5. Подискутируем про право и права человека в условиях пандемии? // Гуманитарный университет : официальный сайт. – 06.11.2020. – URL: <https://gu-ural.ru/2020/11/podiskutiruем-pro-pravo-i-prava-cheloveka-v-usloviyah-pandemii/> (дата обращения: 10.03.2021).

6. Поздравляем финалистов Областного конкурса «Имею право» // Гуманитарный университет : официальный сайт. – 05.03.2021. – URL: <https://gu-ural.ru/2021/03/pozdravlyaem-finalistov-oblastnogo-konkursa-imeyu-pravo/> (дата обращения: 10.03.2021).

7. Указ Президента Российской Федерации № 120 от 01.02.2011 г. «О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека» // Президент России : официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32557> (дата обращения: 10.03.2021).

8. Указ Президента РФ от 13 июня 1996 г. № 864 «О некоторых мерах государственной поддержки правозащитного движения в Российской Федерации» // Гарант : справ.-правовая система. – URL: <https://base.garant.ru/135151/> (дата обращения: 10.03.2021).

Справедливость и архетип эквивалентности в русских народных сказках

Аннотация. Статья посвящена описанию феномена справедливости и правового архетипа эквивалентности, их отражению в русских народных сказках. Формируется вывод о том, что архетип эквивалентности является универсальным правовым архетипом, проявившимся в представлениях о личном или имущественном возмездии, о награде за добрые дела, о справедливом обмене вещами, волшебными предметами, символами.

Ключевые слова: правовое сознание; коллективное бессознательное; правовой архетип; ранние правовые идеи; правовая культура.

Целью настоящей статьи является описание отражения феномена справедливости и правового архетипа эквивалентности в русских народных сказках. Мы исходим из предположения о том, что правовой архетип – это элемент коллективного бессознательного, представляющий собой универсальные, типичные, существующие независимо от воли людей прообразы идей о справедливости (соразмерности), норме и мере, проступке и воздаянии, свободе, имуществе, сущности договора и его силе, власти и суде.

Одним из оснований для анализа русских народных сказок на предмет отражения в них правовых архетипических образов является представление сказочных героев и рассказчика о справедливости.

Юлия Евгеньевна Попова, аспирант 2-го курса направления подготовки 40.06.01 Юриспруденция, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Научный руководитель: А. П. Семитко, д-р юрид. наук, профессор, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

ности (соразмерности). Следует отметить, что это представление является отражением базового правового архетипа – архетипа эквивалентности. Данный архетип носит универсальный характер, является основой всей социальной организации людей, служит началом не только для права, но и для экономических, личных и даже религиозных отношений. Именно универсальный принцип всеобщего эквивалентного обмена выделил человеческое общество из природы и положил начало формированию культуры, то есть – собственной среды человечества. Марсель Мосс отмечал, что архаические сообщества символически и социально воспроизводят себя посредством цикла: дарить – принимать – возмещать [3, с. 87]. Стремление к справедливости, которое выражается в желании возмездия, определяет ценность вещам, поступкам, желаниям (мотивам) – всё это исключительные человеческие качества, которых не найти в животном мире. Причем такое стремление носит для человека почти инстинктивный характер. Примерами тому является неутолимая жажда мести за обиду, жгучее желание возмездия за совершенное преступление, стремление получить возмещение за причиненный вред, попытка установить справедливые условия договора.

Правовой *архетип эквивалентности* соответствует всем признакам архетипов. Во-первых, он является элементом коллективного бессознательного, его существование не зависит от психических процессов отдельно взятого человека. Повторяемость сказочных сюжетов о справедливости (соразмерности) – тому подтверждение. Во-вторых, он сложно поддается непосредственному эмпирическому наблюдению. Он не встречается нам в чистом виде, нигде не сформулирован, он только лишь отражается в представлениях о справедливости (соразмерности), причем отражается очень разнообразно. Даже само название «архетип эквивалентности» весьма условно. В-третьих, налицо типичность и повторяемость данного правового архетипа. В-четвертых, он универсален [7, с. 70]. Даже в ограниченном круге русских народных сказок отражено его удивительное разнообразие. При этом разнообразные проявления справедливости (соразмерности) удивительным образом похожи и повторяются из сказки в сказку.

Отечественные исследователи выделяют несколько правовых архетипов [1, с. 112; 4, с. 84; 5, с. 9–10; 2, с. 11–12]. Несомненно, правовой архетип эквивалентности является универсальным архетипом, отражающимся не только в представлениях о справедливости (соразмерности), но и в представлениях о норме и мере, проступке, возмездии, договоре и других. Поэтому мы можем утверждать, что он имеет фундаментальное значение для других правовых архетипов.

В русских народных сказках представления о справедливости (соразмерности) отражаются в разных формах. Первой формой является возмездие, которое настигает героев (преимущественно отрицательных) сказок за совершение ими обмана или проступка. Возмездие носит или личный характер – в виде смерти, увечья, лишения первоначального образа, или – имущественный, когда герой лишается имущества или остается ни с чем. Примеров возмездия личного характера большое количество. В сказке «Лиса, заяц и петух» один из героев – петух зарубил косой лису за то, что она захватила у зайца избёнку. В сказке «Звери в яме» лиса была разорвана собаками благодаря стараниям дрозда, который таким образом наказал ее за серию обманов, убийств и шантажа. Что примечательно, в первом случае нет эквивалентности, по крайней мере с нашей точки зрения. Лиса лишь захватила имущество – избёнку, а в итоге – лишилась жизни. Хотя захват избёнки мог поставить зайца в ситуацию, опасную для жизни. Тем не менее эквивалентностью здесь выступает возмездие как таковое. В сказке «Волк и коза» возмездие настигает волка, который тоже прощается с жизнью за то, что съел козлят. Есть еще примеры, когда смерть настигает героя за захват чужой территории (места обитания). В «Сказке о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове», главного героя настигла смерть за то, что он захватил Ростовское озеро. В известной русской народной сказке «Морозко» возмездие настигает старухину дочь, причем Морозко убивает ее за отсутствие хороших речей в свой адрес. Исходя из повествования, это воспринимается как проявление справедливости, что странно, по крайней мере на взгляд человека XXI века. Но не всё так просто. По-видимому, здесь отражены идеи социальной не-

справедливости, которые с легкостью можно обнаружить в мифах многих народов, в литературе, в религиозной истории, поэту и смерть в качестве возмездия представлена как проявление эквивалентности. Подобное «несоразмерное» возмездие можно увидеть в сказке «Небесная избушка», в которой несанкционированное проникновение старухи в небесную избушку карается гибелью ее самой, а также старика и внучки. Если не усматривать в сюжете этой сказки религиозного подтекста, то опять налицо некая неэквивалентность. Но если в этом сюжете увидеть отголоски древних мифов (тема запретного плода), то такая эквивалентность, безусловно, просматривается. Примечательно, что возмездие настигает отрицательных персонажей независимо от социального статуса. Это видно в сказке «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что», в которой описано возмездие королю в виде смерти, наступившее за предложение с его стороны замужней женщине выйти за него замуж. Здесь прослеживается еще одна сторона эквивалентности. В данном случае сказка выполняет некую компенсаторную функцию, восстанавливая в своем сюжете социальную справедливость, волшебным образом наказывая тиранию и самодурство правителя. Победа добра над злом – проявление высшей справедливости, основа идеального миропорядка. И в этом проявлении справедливости архетип эквивалентности достигает наивысшего выражения, возводя здание гармоничного мира, пусть даже в воображаемой реальности.

Таким образом, возмездие выступает как одна из форм проявления справедливости. Следует заметить что зачастую не имеет значения точная соразмерность понесенных лишений характеру и степени тяжести правонарушения, часто возмездие более сурово (на наш современный взгляд), чем предосудительное деяние. Соразмерность достигается самим наличием возмездия. Оно осуществляется самими героями в виде самосуда или хитрости, или же сказочник предоставляет такую привилегию высшим силам, придавая особую значимость возмездию и отражая представления о вселенском миропорядке. Божественный порядок – основа любого социального порядка. Поэтому такое проявление архетипа эквивалентности носит, безусловно, правовой характер, отражает

зарождающиеся представления о правомерном и неправомерном поведении и наказуемости отклоняющегося от нормы поведения.

Но не только возмездие является отражением справедливости (соразмерности). Очень большое количество русских народных сказок содержит сюжеты награды за услугу, доброе дело, бескорыстную помощь или иное проявление доброты. В качестве награды выступают разные предметы, услуги и даже люди. Распространенным сюжетом русских народных сказок является рассказ о помощи или вознаграждении главного героя за его доброту и сердечность. Зачастую вознаграждение многократно превосходит оказанную услугу. Такое отступление от эквивалентности можно увидеть в сказке «Морозко», когда Морозко щедро награждает главную героиню за скромность и приветливость, которая получает в награду шубу, сундук «полный всякого приданого», платье «шитое и серебром, и золотом». Это объяснимо: награда за услугу, доброту или что-нибудь подобное не требует соблюдения эквивалентности, она подчеркивает саму суть такого обмена – добро должно быть вознаграждено. Здесь также можно увидеть компенсаторную функцию сказки, которая выстраивает идеальную модель вселенского мироустройства. Доброта бесценна, и сказка, используя гиперболические художественные приемы, акцентирует внимание на этом, создает модель идеального мира, настраивает людей на подобное поведение, помогает им примириться с несправедливостью реального мира.

Иногда эквивалентность, едва уловимо, прослеживается в отдельных, но ярких фразах. Так, в сказке «Дока на доку» описан диалог между колдуном и солдатом: «Я на тебя сердит! – А за что на меня сердиться? Ни я не занимал у тебя, ни ты мне не должен! Давай-ка лучше пить да гулять».

Отражается в сказках и очевидное нарушение эквивалентности, что подчеркивает значение справедливости в общественном сознании. К примеру, в сказке «Горе» представлен случай несправедливого вознаграждения за труд – одна коврига за неделю работы. Или в сказке «Доброе слово» занижена оплата труда главного героя: «Жил-был Иван Несчастный: куда ни пойдет работать – другим дают по рублю да по два, а ему всё двугривенный». В

некоторых сказках несправедливый раздел имущества служит завязкой сюжета, ставит героев в изначально неравное положение, а затем весь сюжет строится на основе восстановления справедливости. Многократно повторяется сюжет несправедливого или, по крайней мере, неравномерного раздела наследства между братьями. Потом младший брат получает большую награду за проявление добрых качеств, ответственного исполнения сыновьего долга или подобных дел.

Архетип эквивалентности является универсальным правовым архетипом, разным образом проявившимся в русских народных сказках. Действительно, этот правовой архетип отражается в представлениях о личном или имущественном возмездии, в представлениях о награде за добрые дела, в представлениях о справедливом обмене вещами, волшебными предметами, символами. В проявлении этого архетипа участвуют сказочные герои, силы природы и волшебные силы. Все они, в той или иной степени, присутствуют в процессе торжества идеи справедливости.

Литература

1. Гуляихин В. Н., Пантелеев Е. В. Правовая социализация человека: роль архетипов правового сознания // Право и образование. – 2014. – № 5. – С. 110–118.
2. Мирошниченко О. И. Русский культурный архетип как средство идентификации современного российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. – 33 с.
3. Мосс М. Очерк о даре. – М. : КДУ, 2011. – 416 с.
4. Мурунова А. В. Национальные архетипы юридической мифологии // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 4. – С. 84–87.
5. Строева О. А. Теоретико-правовая интерпретация понятия «архетип правосознания» // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2018. – № 1-2. – С. 94–99.
6. Тюрин М. Г. Архетипы национальной правовой культуры : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2008. – 29 с.
7. Юнг К. Г. Сознание и бессознательное : сборник. – СПб. : Университетская книга, 1997. – 544 с.

Соблюдение принципа правовой определенности при изменении Кодекса профессиональной этики адвоката

В конце декабря 2020 года на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в разделе «Проекты» были опубликованы «Предложения по обсуждению поправок в Кодекс профессиональной этики адвокатов».

Предполагается, что изменения в Кодекс профессиональной этики адвокатов будут внесены на X Всероссийском съезде адвокатов.

Обращаясь к предлагаемым поправкам, хотелось бы проанализировать их с точки зрения соблюдения принципа правовой определенности, относящемуся к общим принципам права.

И. С. Дикарев содержание принципа правовой определенности раскрывает через систему следующих элементов:

- 1) стабильность правового регулирования;
- 2) осведомленность гражданина относительно действующих законов и подзаконных нормативных актов, а также правоприменительных решений, затрагивающих его права и законные интересы;
- 3) ясность, недвусмысленность и согласованность правовых норм, правоприменительных решений;
- 4) единообразное применение закона (в том числе единство судебной практики);
- 5) стабильность правоприменительных решений;
- 6) исполнимость судебных решений [1, с. 12–13].

Анна Алексеевна Простолупова, адвокат, ст. преподаватель кафедры европейского права и сравнительного правоведения юридического факультета АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Применительно к обсуждаемым поправкам Кодекса профессиональной этики адвокатов особого внимания заслуживает соблюдение такого элемента принципа правовой определенности, как ясность и недвусмысленность правовой нормы, поскольку неопределенность содержания правовых норм влечет неоднозначное их понимание, а следовательно, неоднозначное применение. Более того, создает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения.

Так, с вышеуказанной точки зрения обращают на себя внимание следующие предлагаемые изменения.

1. Разработчиками поправок предлагается дополнить статью 9 Кодекса пунктом шестым следующего содержания: *в целях предупреждения нанесения ущерба авторитету адвокатуры вице-президент адвокатской палаты субъекта Российской Федерации и в исключительных случаях вице-президент Федеральной палаты адвокатов вправе направить адвокату **предостережение** о недопустимости нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса.*

В данном случае хочется обратить внимание на два момента:

– предостережение как мера реагирования адвокатского общества в лице вице-президента адвокатской палаты субъекта Российской Федерации на некое поведение конкретного адвоката – абсолютно новая конструкция в регулировании адвокатской деятельности. По этой причине представляется, что закрепление подобного нововведения требует более детальной проработки.

Безусловно, появление в Кодексе указанной меры реагирования является вполне закономерным, принимая во внимание современные реалии. Однако простая констатация наличия соответствующего полномочия у вице-президента палаты субъекта Российской Федерации без закрепления каких-либо правовых последствий направления предостережения создает ситуацию правовой неопределенности, как минимум, в выборе модели правового поведения адвоката, получившего предостережение. Неизбежно возникновение ряда вопросов, в частности: должен ли адвокат активно отреагировать на вынесенное предостережение? Имеет ли он право на обжалование вынесенного предостереже-

ния? Обязательна ли для адвоката корректировка того поведения, которое вызвало указанную меру реагирования? и т. д.;

– отсутствие критерия исключительности тех случаев, при которых предостережение может быть вынесено вице-президентом Федеральной палаты адвокатов, вызывает явную необходимость последующего толкования указанной нормы, не снимая при этом указанных выше вопросов.

2. Одна из поправок статьи 18 Кодекса гласит: *Течение указанного срока **может быть** приостановлено квалификационной комиссией или советом адвокатской палаты субъекта Российской Федерации либо комиссией по этике и стандартам или советом Федеральной палаты адвокатов при наличии **уважительных обстоятельств**.*

В данном случае речь идет о возможности приостановления срока привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности.

Отсутствие правовой определенности в вопросе неизбежности приостановления срока привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности влечет крайне неблагоприятные последствия для формирования единообразных подходов дисциплинарной практики. Само предоставление возможности уполномоченному органу по собственному усмотрению в схожих ситуациях решать вопрос приостановления/неприостановления соответствующих сроков чревато субъективизмом.

Более того, отсутствие критериев уважительности обстоятельств, способных повлиять на решение вопроса о приостановлении срока, позволяет сделать вывод о наличии в одной правовой норме одновременно двух диспозиций, что явно нарушает принцип правовой определенности.

Указанное безусловно препятствует выработке на практике единого подхода к архиважному вопросу приостановления сроков привлечения адвокатов к дисциплинарной ответственности, поскольку нарушение принципа правовой определенности при написании правовой нормы с высокой степенью вероятности может повлечь нарушение этого же принципа в применении данной правовой нормы. Неопределенность содержания правовой нормы

допускает возможность произвольного усмотрения в процессе правоприменения.

Подводя итог вышесказанному, хочется выразить надежду на то, что окончательный вариант вносимых в Кодекс профессиональной этики адвокатов изменений будет максимально выверен с точки зрения юридической техники и не будет противоречить общим принципам права.

Литература

1. Дикарев И. С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе : монография. – Волгоград : Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2015. – 173 с.

Категория «Права человека»: кризис, ведущий к разрушению, или очередной этап развития?

Аннотация. Целью настоящей статьи является приглашение к дискуссии о современном состоянии и возможных направлениях дальнейшего развития категории «права человека», подходах к формулированию принципов права.

Ключевые слова: права человека; принцип справедливости; принципы права; кризис.

Любые правовые категории, появляясь в законодательстве и/или трудах ученых, так же как и любые другие явления нашей жизни, претерпевают эволюцию в их понимании, толковании, оценке. Это можно сказать, в том числе, про такие категории, как «частная собственность», «персональные данные», «семья», «суверенитет» и многие другие. Законодатель может менять свое отношение как к необходимости наличия данных явлений в общественной жизни, так и к их содержанию. Представляется, что и такая категория, как «права человека», претерпела существенные изменения. В связи с этим возникает вопрос о том, является ли современное понимание данной правовой категории очередным этапом ее эволюции или кризисом категории, который приведет к ее разрушению как ценности для общества и человека.

Если обратить внимание на такие категории, как «демократия», «либерализм», «толерантность», «бюрократия», «свобода», «справедливость», то нельзя не увидеть, что, возникая как положительно или нейтрально оцениваемые, указанные категории по-

Елена Сергеевна Резник, канд. юрид. наук, доцент АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

степенно окрашивались в отрицательные тона и, в ряде случаев, становятся «карикатурами» на самих себя.

Отправной точкой в современном понимании категории «права человека» можно назвать осмысление итогов Второй мировой войны. Мировым сообществом были выработаны положения, направленные на комплексную охрану прав человека, созданы Организация Объединенных Наций и Европейский суд по правам человека и т. д. Так, в Уставе ООН указано, что народы объединенных наций преисполнены решимости вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций [1]. Во Всеобщей декларации прав человека указывается, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира [2]. Согласно Конвенции о защите прав человека и основных свобод стороны обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I Конвенции [3]. Международные акты закрепили основные права человека, которые нашли в дальнейшем отражение во внутригосударственном законодательстве. Так, в ст. 2 Конституции РФ указано, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

Обращаясь к отношению отдельных лиц, общества, включая представителей научного сообщества, к данной категории, можно увидеть, что такое меняется как по содержательному наполнению, так и по ценностному значению. Можно условно выделить несколько направлений таких изменений. Во-первых, это расширение перечня обеспеченных правом возможностей, которые относят к «правам человека», а также расширение содержания самих прав. Безусловно, такое расширение частично происходит за счет сфер, которые развиваются в настоящее время и вызваны техническим прогрессом. Так, выделены и обсуждаются «Цифровые права человека» [4]. Однако представляется, что не всегда объективные причины приводят к появлению «новых прав» или к «расширению содержания» ранее признанных. Так, выделяют

«право на мобильную связь», «право на продажу и трансплантацию органов» [5], «право на индивидуальный облик» [6].

При этом следует ли дробить отдельные права, разделяя их на составляющие и называя самостоятельными правами, или расширять границы их содержания? Постановка данного вопроса представляется также обоснованной при понимании того обстоятельства, что в рамках увеличения количества прав границы каждого из них размываются. В качестве примера для обсуждения можно привести ситуацию, рассмотренную ЕСПЧ в рамках дела Ван Марле против Нидерландов, по которому Европейский суд по правам человека должен был установить, может ли клиентура компании, оказывающей услуги в сфере своей профессиональной деятельности, быть объектом защиты ст. 1 Протокола № 1. Государство утверждало, что у заявителей не было «имущества» в значении ст. 1, но Суд не согласился с этим. Он постановил, что право, из наличия которого они исходили, «может быть уподоблено праву собственности» в контексте ст. 1. Посредством собственного труда заявители создали клиентуру, которая составляет актив, а тем самым и «имущество». Далее, «отказ в регистрации заявителей радикальным образом повлиял на условия их профессиональной деятельности, и сфера этой деятельности сузилась. Их доходы упали, сократилось число клиентов, и, в целом, дело пришлось в упадок. Следовательно, вмешательство в их право беспрепятственно пользоваться своим имуществом имело место» (цит. по: [7]).

Ситуация является еще более непонятной в контексте того, что содержание уже безоговорочно признанных прав до настоящего времени не является установленным и единообразным. Ярким примером может служить право на жизнь, содержание которого полностью не раскрыто, составляющие правомочия признаются и защищаются по-разному, момент возникновения – не определен. Соответственно, без определения правомочий, составляющих право, его содержание можно растянуть до любого нужного вывода.

Возникает следующий вопрос: если мы видим, что правовых возможностей в рамках какого-либо права больше, чем мы ду-

мали ранее, нужно расширить его содержание или выделить отдельное право? Остановиться и ничего не делать – не получится, поскольку жизнь разнообразнее, чем наше представление о ней, и технологии продолжают развиваться, ставя перед юристами всё новые задачи. При этом, какой бы путь ни был выбран, представляется, что совмещение этих двух вариантов развития приведет к «бессистемности системы прав человека».

Однако, несмотря на то что указанный выше процесс является естественным, возникает вопрос: что произойдет в итоге процесса детализации и придания любой правовой возможности статуса «право человека»? Представляется, что при указанном подходе, когда все обеспеченные правом возможности приобретут статус «прав человека», сама данная категория может быть обесценена.

Видится, что процесс размывания границ является системным, например, затрагивая основополагающие начала, на которых строится правовое регулирование – принципы права. Все больше исследователей стараются выделить и обосновать наличие и самостоятельность какого-либо права и/или принципа. При этом возникает ситуация, когда одни права или принципы становятся обязательными требованиями/элементами других. Например, «принцип (принципы) пропорциональности, соразмерности». В одних источниках данные принципы разделяют союзом «и» и указывают во множественном числе [8; 9; 10], в других – данные термины приводятся как синонимы [11; 12; 13]. Формулируется «принцип адекватности». В свою очередь, без соразмерности, пропорциональности и адекватности невозможна реализация требований принципа справедливости как основополагающего принципа права. Кроме того, процесс стирания границ происходит и в отраслях права. Все больше отношений регулируется нормами различных отраслей, и часто сложно определять отраслевую принадлежность. К таковым можно отнести вопросы имущественных отношений супругов, отношений суррогатного материнства, персональные данные и личную тайну, отношения профессиональной деятельности спортсменов и т. д.

Во-вторых, представляется, что категория «права человека» все чаще становится не средством защиты, но оружием при на-

падении. Так, под лозунгами защиты прав человека проводятся в жизнь решения, приводящие к ущемлению прав лиц, не относящихся к категории лиц, которых в данный момент стараются защитить. Например, власти запретили устраивать пункты горячего питания для бедных, которые организовывала «Солидарность французов», поскольку нуждающимся предоставлялся традиционный галльский суп из свинины. Дискриминация, по утверждениям властей, состояла в том, что бесплатная раздача бедным и бездомным людям галльского супа из свинины исключает из числа возможных его потребителей лиц мусульманского и иудейского вероисповеданий, которые не позволяют их адептам употреблять в пищу еду, приготовленную на основе свинины [14]. В Великобритании запретили называть учащихся школы для девочек девочками, поскольку есть учащиеся «ставящие под вопрос свою гендерную идентичность или не отождествляющие себя с девочками» [15]. Нельзя не вспомнить фактов применения отдельными государствами насилия, организацию переворотов в других странах, со ссылками на необходимость защиты прав человека. К сожалению, следует говорить уже о существенных противоречиях и негативных последствиях ситуаций, когда разговор идет о защите прав одних групп лиц путем фактического ограничения прав других. Те, кто хотят быть мальчиками и девочками, есть свинину, растить детей в соответствии с традиционными подходами к половой принадлежности и к семье, кто считает, что памятники не надо уничтожать, исходя из того, что тот или иной исторический персонаж жил в определенную эпоху и подчинялся ее правилам, что «жизни белых тоже имеют значение», не должны ущемляться в правах в угоду подобному пониманию «прав человека». Представляется, что в настоящее время существует значительный перегиб и защита отдельных групп лиц, часто меньшинства, которая, безусловно, является обязательной для правового государства, осуществляется «за счет» других. Соответственно, можно сформулировать третий вывод – о том, что всё чаще права человека становятся поводом для столкновения, а не базой для разрешения противоречий. Представляется, что в этой ситуации всё большее значение приобретает такая категория,

как «справедливость». Однако сама справедливость, как явление, представляется слишком субъективной для того, чтобы считать ее объективно существующей. Соответственно, состояния справедливости, осознаваемого и принимаемого с такой оценкой всеми жителями нашей планеты, мы не достигнем никогда. Поэтому будем говорить исключительно о принципе справедливости. Проблематика понятия и содержания принципа справедливости является неизменным объектом научного, политического, публицистического и обыденного дискурса. Однако до настоящего момента данный принцип не нашел своего законченного и единообразного понимания и отражения. Не вдаваясь в дискуссию относительно содержания данного принципа, его места в системе принципов и составляющих его требований, представляется возможным предложить следующую формулу. Принцип справедливости в регулятивных отраслях может быть выражен формулой «равноценное за равнозначное». В данном контексте, совершая любое действие (сделку, заключая брак и т. д.), влекущее правовые последствия, все лица, совершившие такое действие, должны получить равную ценность, т. е. одинаковое благо. В охранительных отраслях формулу следует сформулировать так: равнозначное за равноценное. Данная формулировка будет означать равное наказание или иное последствие за нарушение одних и тех же ценностей. Такой подход позволит устранить «исторический дисбаланс требования справедливости». Например, с современных позиций какое-то действие, в том числе наказание, которое имело место в прошлом, мы можем оценивать как несправедливое. Однако, применяя предложенную формулу, мы сможем выяснить, было ли оно справедливым, исходя из актуальных для момента его совершения условий. Аналогично можно применить данную формулу для оценки правопорядков, которые имеют иные, часто не понятные нам, правила и ценности. Например, применение смертной казни, эвтаназия, удары плетьюми как форма наказания¹

¹ Отменены только в 2020 г. «ТАСС, 24 апреля. Власти Саудовской Аравии приняли решение об исключении ударов плетьюми из списка возможных форм наказания за совершенные противозаконные деяния. Об этом в пятницу сообщило агентство Reuters со ссылкой на материалы верховного суда королевства» (см.: [16]).

и т. д. Предвосхищая возможные вопросы относительно требований принципа справедливости в отношении тяжести наказаний, существенной ограниченности прав, а иногда и жестокости в отдельных правовых порядках, укажу, что в данном случае речь пойдет о другом принципе – принцип гуманизма.

Завершая краткое рассуждение на указанную тему, нельзя не согласиться с тезисом о том, что все поколения прав человека, дополняя друг друга, образуют целостную систему, обусловленную самой многогранной жизнью человека, дифференцированной на множество сфер, областей и аспектов, в которых каждый из людей в той или иной степени принимает участие [17]. Однако не станет ли процесс переосмысления прав человека и их реализация в том виде, как это происходит сейчас, причиной разрушения современного понимания прав человека, а также причиной новых мировых и внутригосударственных конфликтов?

Литература

1. Устав Организации Объединенных Наций // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. – М., 1956. – С. 14–47.
2. Всеобщая декларация прав человека // Российская газета. – 05.04.1995 (№ 67).
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Собрание законодательства РФ. – 08.01.2001. – № 2. – Ст. 163.
4. Невинский В. В. «Цифровые права» человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 10. – С. 26–32.
5. Основы права : учебник для неюридических вузов и факультетов / под ред. В. Б. Исакова. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. – 480 с.
6. Малеина М. Н. Право обучающегося и преподавателя на индивидуальный облик // Lex russica. – 2019. – № 3. – С. 24–33.
7. Карсс-Фриск М., Жеребцов А. Н., Меркулов В. В., Эртель А. Г. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 1 Протокола 1: Право на собственность. Прецеденты и комментарии. – М., 2002.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2017 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14

пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А. Н. Сергеева» // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284733/ (дата обращения: 19.02.2021).

9. Определение Конституционного Суда РФ от 13 февраля 2018 г. № 117-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Калиновской Анастасии Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьей 15, пунктом 1 статьи 1064 и статьей 1072 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-13022018-n-117-o/> (дата обращения: 19.02.2021).

10. Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве : монография. – М. : ИЗиСП : Контракт, 2019. – 488 с.

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 марта 2017 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А. Е. Певзнера» // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213815/ (дата обращения: 19.02.2021).

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2016 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. – URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-13122016-n-28-p-po/> (дата обращения: 19.02.2021).

13. Пахаруков А. А. Реализация принципа соразмерности в правовом регулировании отношений несостоятельности // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». – 2018. – № 3. – С. 28–32.

14. Семитко А. П. Французская кухня и политкорректность: может ли благотворительность нарушать права человека? // Человеческая жизнь: ценности повседневности в социокультурных программах и практиках : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Гуманитарного университета, 5–6 апреля 2007 г. : в 2 т. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2007. – Т. 2. – С. 229–248.

15. СМИ: в английской школе учениц запретили называть «девочками» // РИА новости. – 10.01.2018. – URL: <https://ria.ru/20180110/1512357832.html> (дата обращения: 19.02.2021).

16. В Саудовской Аравии отменили удары плетьюми как форму наказания // ТАСС : информационное агентство. – 25.04.2020. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/8332175> (дата обращения: 19.02.2021).

17. Концепция трех поколений прав человека // Международное право : [сайт]. – 17.09.2020. – URL: <https://interlaws.ru/pokoleniya-prav-cheloveka/> (дата обращения: 19.02.2021).

Ограничения прав человека в период пандемии COVID-19 в Испании: правовые основы и практика реализации¹

Аннотация. Проанализированы основные условия режима повышенной готовности, использованного в Испании в период распространения коронавирусной инфекции. Показаны основные проблемы ограничения прав человека в период пандемии коронавируса в Испании.

Ключевые слова: Испания; пандемия; режим повышенной готовности; права человека; COVID-19.

В Испании режим повышенной готовности вводился за период пандемии с марта 2020 г. три раза посредством Королевских Законов-декретов, подписываемых Королем и одобряемых Генеральными Кортесами. Согласно ст. 86.1 Конституции Испании 1978 г. такая форма актов допустима в случае чрезвычайной и неотложной необходимости [3]. Введенный с 14 марта 2020 г. режим предполагал следующие меры: а) ограничение свободы передвижения людей; б) временное изъятие имущества; в) сдерживание болезни в сфере образования и обучения; г) сдерживание болезни в сфере коммерческой деятельности, культуры, учреждений отдыха; д) сдерживание распространения болезни в местах отправления культа, а также гражданских и религиозных

Валентина Викторовна Руденко, канд. юрид. наук, ст. научный сотрудник, Институт философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

¹ Подготовлено при поддержке Гранта РФФИ «Оптимизация социально-экономических принципов регуляции современных обществ в контексте последствий коронавирусной пандемии» (20-04-60337, рук. академик РАН В. Н. Руденко).

церемоний; е) укрепление национальной системы здравоохранения на всей территории страны посредством передачи управленческих функций в области здравоохранения центральным органам власти; ж) обеспечение поставок товаров и услуг, необходимых для охраны здоровья населения; з) обеспечение минимума транспортных услуг; и) обеспечение поставок продовольствия; к) обеспечение таможенного транзита; л) обеспечение поставок электроэнергии; м) защиту и обеспечение работы операторов основных служб; н) мобилизацию государственных и частных СМИ на борьбу с болезнями [5].

Отдельные дополнительные ограничения вводятся на уровне автономных сообществ и провинций. Так, правительство автономного сообщества Мадрид перенесло комендантский час на 23.00 (вместо 00.00) во вторую волну пандемии, было запрещено покидать часть районов, бары и рестораны обязали закрываться в 22.00. В Каталонии было запрещено передвижение между муниципалитетами без уважительной причины, запрещено встречаться компаниями более шести человек, ночью введен комендантский час, работа ресторанов и баров ограничена несколькими часами в день. В Эстремадуре запрещено передвижение между муниципалитетами без уважительной причины. В населенных пунктах, где живут более 5 тыс. человек, закрыты рестораны и магазины не первой необходимости.

Хотя режим повышенной готовности был введен с соблюдением демократических принципов, его правовая основа вызвала бурную дискуссию как среди политиков, так и среди ученых – относительно формы введения режима повышенной готовности и объема ограничения права на передвижение, права на неприкосновенность частной жизни (в частности, при определении географической локализации для отслеживания инфицированных людей), отдельных культурных прав, права на предоставление информации.

Неопределенность правовых установлений привела к неправомерному ограничению прав лиц, подпадающих под регулирование Закона об иммигрантах, поскольку, будучи занятыми в сельском хозяйстве, уходе за больными, клининге, они не могли

объективно доказать необходимость передвигаться до работы. Это дало, в свою очередь, слишком широкое усмотрение полиции по применению мер наказания за нарушение режима повышенной готовности. Правозащитной платформой «Defender a quien Defiende» за три месяца с начала введения режима повышенной готовности было зафиксировано 237 случаев противоправных действий полиции по применению санкций за нарушение режима повышенной готовности, в том числе случаев жестокого обращения и привлечения к ответственности без надлежащего оформления всех документов [4].

Особенностью Испании является то, что за нарушение ограничительных мер не было предусмотрено специального законодательства, используется законодательная база, основы которой были заложены в 2015 г. посредством изменений в Уголовном кодексе и Законе о гражданской безопасности. Чаще всего за нарушение положения повышенной готовности применялась ст. 36.6 закона «Неповиновение или неподчинение представителям власти при осуществлении ими их функций». В целом санкции по различным составам данного закона и Уголовного кодекса предусматривают штрафы от 100 до 600 000 евро и тюремное заключение на срок от 3 месяцев до 1 года.

В то же время пандемия позволила выработать новые эффективные решения, которые были невозможны в обычных условиях. Задержание лиц, ожидающих депортации, было признано незаконным, и Защитник народа Испании рекомендовал освободить мигрантов, незаконно пребывающих на территории страны, или отправить их в безопасные места для изоляции. В результате все центры содержания иностранцев (CIE) были закрыты.

Достаточно обширная судебная практика сложилась по вопросу реализации права на собрание. В Галиции Высокий суд счел, что запрет на собрания является законным ввиду опасности заражения, в Арагоне – напротив, незаконным, поскольку право на собрание не ограничивается во время специального правового режима повышенной готовности, но предполагает использование специальных мер: применение закрытых транспортных средств, ношение масок и т. д. [6]. После вынесения решения Высоким су-

дом Сьюстизы-де-Галиции профсоюз обратился в Конституционный Трибунал, который подтвердил законность конкретного запрета в связи с риском заражения (решение от 30 апреля 2020 г.) [1]. Трибунал признал допустимым ограничение права на собрания, поскольку право на жизнь является приоритетным и право на собрание не является абсолютным правом. Критерий соразмерности ограничения также, по мнению Трибунала, был соблюден: «в данном случае ограничение права имеет цель, которая должна не только рассматриваться как законная, но и имеет достаточное конституционное основание во взаимосвязанных статьях 15 (гарантия неприкосновенности) и 43 Конституции (защита здоровья)». Принятые профсоюзом превентивные меры (а именно передвижение в маркированных автомобилях, в каждом из которых находится один протестующий) трибунал посчитал недостаточными, поскольку такой вид протеста препятствуют движению служб скорой помощи или свободному доступу в больницы, что недопустимо в условиях пандемии.

Еще один весомый пласт проблем связан с приватностью и правом на доступ к информации. Вызывают опасения некоторые технологические инициативы (в Мадриде запущен проект CovidApp, в Каталонии StopCovid19Cat), мобильные приложения, которые позволяют персональным данным пользователей оказываться в распоряжении таких компаний, как Google, Telefónica или Ferrovial, которые участвовали в его разработке. Обеспечением достоверности распространяемой информации о коронавирусе заняты как государственные (например, RTVE 32), так и частные (например, eldiario.es33) СМИ.

В исследовании Агентства Европейского союза по основным правам, посвященном ситуации с правами человека во время пандемии COVID-19 в Испании, особо выделены следующие категории граждан: дети, женщины – жертвы гендерного насилия, люди с ограниченными возможностями и пожилые люди, проживающие самостоятельно или в специализированных учреждениях, лица, принадлежащие к определенной этнической общине [2].

Невозможно переоценить физическое, эмоциональное и психологическое воздействие на детей, учитывая, что 7 из 10 человек

в Испании проживают в квартирах и в период режима повышенной готовности был установлен запрет находиться в местах общего пользования (патио, дворы, крыши). После смягчения мер правительством Испании было разрешено детям выходить на улицу в сопровождении законного представителя, что спровоцировало протесты в форме вывешивания красных лоскутов на балконах.

Увеличилось количество обращений по поводу домашнего насилия, поскольку жертвы и агрессоры не могут покинуть свои дома. Огромное количество сообщений в испанских СМИ затрагивает ситуацию, сложившуюся с престарелыми людьми в период пандемии. Закрытие дневных центров и ограничение посещения домов престарелых означает, по сути, изоляцию для пожилых людей. Вспышки коронавируса в специализированных учреждениях в ряде случаев приводили к отказу сотрудников продолжать работу, что приводило к смерти больных. Зафиксирован ряд случаев проявления ксенофобии в отношении китайцев, проживающих на территории Испании.

Примененная в Испании система мер противодействия распространению коронавируса привела к необоснованному ограничению прав ряда категорий граждан и продемонстрировала проблемы испанской правовой системы, особенно в области здравоохранения и обеспечения правовой защиты уязвимых категорий граждан.

Литература

1. Auto 40/2020, de 30 de abril de 2020, Recurso de amparo 2056-2020 // Tribunal Constitucional de España. – URL: <https://hj.tribunalconstitucional.es/es/Resolucion/Show/26279> (дата обращения: 08.03.2021).

2. Coronavirus COVID-19 outbreak in the EU Fundamental Rights Implications. – EC Agency for Fundamental Rights, 2020. – URL: https://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/spain-report-covid-19-april-2020_en.pdf (дата обращения: 08.03.2021).

3. The Spanish Constitution. Passed by the Cortes Generales in Plenary Meetings of the Congress of Deputies and the Senate held on October 31, 1978. – URL: <https://www.boe.es/legislacion/documentos/Constitucion-INGLES.pdf> (дата обращения: 08.03.2021).

4. Spain: Human Rights and Support Networks in times of Pandemic // Civic Space Watch. – 09.07.2020. – URL: <https://civicspacewatch.eu/spain-human-rights-and-support-networks-in-spain-in-times-of-pandemic/> (дата обращения: 08.03.2021).

5. Real Decreto 463/2020, de 14 de marzo, por el que se declara el estado de alarma para la gestión de la situación de crisis sanitaria ocasionada por el COVID-19. – URL: <https://www.boe.es/buscar/pdf/2020/BOE-A-2020-3692-consolidado.pdf> (дата обращения: 08.03.2021).

6. Sentencia Contencioso-Administrativo N° 151/2020, Tribunal Superior de Justicia de Aragon, Sala de lo Contencioso, Sección 1, Rec 112/2020 de 30 de Abril de 2020. – URL: <https://www.iberley.es/jurisprudencia/sentencia-contencioso-administrativo-n-151-2020-tsj-aragon-sala-contencioso-sec-1-rec-112-2020-30-04-2020-48237761> (дата обращения: 08.03.2021).

Требования к ограничениям прав и свобод человека с точки зрения принципа справедливости

Аннотация. В период кризиса особенно остро ощущается проблема, связанная с возможностью ограничения тех или иных прав и свобод человека. Чтобы избежать рисков различного рода злоупотреблений со стороны властей, необходимо предельно четко обозначить список требований, предъявляемых к подобным ограничениям с точки зрения общеправового принципа справедливости, ориентированного на общее благо.

Ключевые слова: справедливость; принцип справедливости; принципы права; права человека; свободы; приоритет прав и свобод человека; общее благо.

Сегодня концепция прав человека переживает тяжелый кризис, обусловленный множеством социальных, политических, экономических, культурных и даже эпидемиологических факторов. В частности, пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 выявила ряд вопросов, которые еще предстоит в полной мере проанализировать и осознать всему человечеству в ближайшем будущем. Так, она наглядно продемонстрировала: 1) без чего в повседневной жизни можно более или менее обойтись, а без чего нельзя; 2) какие виды деятельности, действительно, вполне поддаются максимально безболезненному переводу на дистанционный формат, а какие нет; 3) наличие глубинных системных проблем в области обеспечения и защиты прав человека в Российской Федерации (то есть данные проблемы существовали и раньше, но именно пандемия осветила их с нового ракурса).

Антон Николаевич Рундквист, ст. преподаватель юридического ф-та АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

В возникших экстраординарных обстоятельствах особенно важно, не поддаваясь панике, последовательно осуществлять правовое регулирование, ориентируясь на базовые юридические ценности вроде правовых принципов. Только таким образом можно попытаться избежать злоупотреблений со стороны субъектов публичной власти. Стоит согласиться, что в период кризиса у последних вполне закономерно возникает огромный соблазн под видом защиты населения «продвинуть» реформы, идущие вразрез с подлинными интересами граждан, а также идеей защиты основных прав и свобод человека. К примеру, наличествует существенная разница между двумя целями ограничения в отношении предусмотренного статьей 27 Конституции РФ права на свободное передвижение: одно дело, когда их введение продиктовано заботой о здоровье людей (чем меньше мест граждане посещают, тем ниже шанс подхватить инфекцию), и совсем другое, если это делается сугубо из желания властей поставить под жесткий контроль поведение населения и (или) для создания дополнительных препятствий к реализации конституционных прав на объединения и мирные собрания.

Вместе с тем ограничения прав и свобод в иных случаях действительно становятся необходимыми. Но тогда законодателю при принятии соответствующих нормативных правовых актов следует руководствоваться определенными правилами, формулируемыми на основе требований общеправового принципа справедливости, опирающегося, в свою очередь, на концепцию общего блага. Ядром указанной концепции является человек как свободная личность, и потому конечный результат правового регулирования всегда должен быть нацелен именно на интересы человека и на создание максимально возможных условий для правомерной реализации личностного потенциала каждого члена общества. Иными словами, любым ограничениям прав и свобод человека самим надлежит подчиняться ряду ограничений (то есть уместно говорить об одних ограничениях, действующих применительно к другим ограничениям), дабы не вступать в противоречие с принципом справедливости и не препятствовать процессу достижения общего блага.

С учетом сказанного были осуществлены анализ и обобщение обширной практики Конституционного Суда Российской Федерации в сфере вопросов допустимости либо, наоборот, недопустимости ограничения прав и свобод человека, а по итогам составлен нижеприведенный перечень из тринадцати обязательных с точки зрения принципа справедливости требований к таким ограничениям.

1. Ограничения могут устанавливаться лишь нормативным правовым актом, по юридической силе не уступающим федеральному закону. Здесь в полной мере действует тесно связанный с принципом справедливости принцип законности. В противном случае оказываются не соблюдены формально-процедурные требования, закрепленные в части 3 статьи 55 Конституции РФ.

2. Ограничения должны быть в принципе допустимыми, то есть должны применяться к правам и свободам, не относящимся к абсолютным, иначе утрачивается само содержательное притязание на справедливость. К абсолютным же относятся права и свободы, не подлежащие ограничению даже в условиях чрезвычайного положения и перечисленные в части 3 статьи 56 Конституции РФ.

3. Недопустимо подменять понятием «ограничение» фактические отмену, умаление и иные приравненные к ним действия, приводящие к утрате правами и свободами их реального содержания [4].

4. Ограничения, так как они опосредуют ухудшение правового положения людей, не должны иметь обратной силы [3] – это требование, диктуемое соответствующей правовой аксиомой.

5. Ограничения обязаны преследовать только конституционно одобряемые цели, указанные в части 3 статьи 55 (защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства) [2]. Таким образом будут выполняться требования обозначенного Л. Л. Беломестных принципа целесообразности ограничения прав и свобод [1, с. 7]. При этом с позиции принципа справедливости цель должна в любом случае корреспондировать концепции общего блага.

6. Ограничения обязаны быть социально оправданными, то есть продиктованными реальными потребностями общества, причем именно общества как совокупности составляющих его свободных личностей, а не государственного аппарата. Как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд (и мы также считаем чрезвычайно важным выделить данный момент), «цели одной только рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод» [5].

7. Ограничения должны быть действительно необходимыми [7], то есть должны вводиться исключительно ввиду объективного отсутствия других вариантов правового регулирования и потому являться вынужденными; кроме того, между необходимостью ограничений и преследуемыми социально обусловленными и конституционно одобряемыми целями должна прослеживаться четкая логическая связь.

8. Ограничения обязаны подчиняться требованиям принципа равенства, чтобы не допускать необоснованных различий в правовом регулировании в отношении лиц, имеющих одинаковый юридический статус, вследствие чего ограничения должны носить общий и абстрактный характер [3].

9. Ограничения должны быть соразмерными (пропорциональными), то есть адекватными социально необходимому результату; очевидно, что польза для общего блага от ограничения должна превышать ущерб, причиняемый правам и свободам, иначе можно будет поставить под сомнение реальную необходимость такого ограничения. Правда, в одном постановлении Конституционный Суд употребляет вместо обычного в подобных случаях слова «адекватны» слово «эквивалентны» [11], что, на наш взгляд, является не вполне верным, так как эквивалентность подразумевает равноценность между ограничением и достигаемым результатом, то есть по сути ничего не меняется, но при этом какие-то права и свободы подвергаются ограничению, чего при прочих равных условиях все же следует по возможности избегать. Но во всяком случае государство должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные конституционно одобряе-

мыми целями меры [4]. В идеале ограничение и вовсе должно быть сведено лишь к вынужденно необходимому минимуму.

10. Ограничения обязаны подчиняться требованиям принципа разумности; в частности, федеральный законодатель обязан любое свое решение основывать на оценке данных, характеризующих существенные признаки того или иного предмета регулирования [9].

11. Ограничения должны основываться на принципе гуманизма и ориентироваться на благо человека, обеспечивать последнему достойную жизнь и свободное развитие [7].

12. Ограничения должны согласовываться с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, которые являются составной частью ее правовой системы в соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции РФ [10].

13. Ограничения обязаны отвечать требованиям принципа правовой определенности; это касается: а) точности, четкости и ясности соответствующей ограничивающей нормы, не допускающих расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения [4]; б) возможности для участников соответствующих правоотношений в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав, действительности их государственной защиты [6]; в) в случаях, когда введение ограничений подразумевает их временный характер, никто не может быть поставлен под угрозу возможного обременения на неопределенный или слишком продолжительный срок, а законодатель обязан установить четкие и разумные временные рамки допускаемых ограничений прав и свобод [8].

Также важно отметить, что все перечисленные требования к ограничениям прав и свобод должны выполняться в совокупности, и если хотя бы одно из них не соблюдается, то норма, предусматривающая соответствующие ограничения, уже может рассматриваться в качестве несправедливой. При этом невыполнение требований с первого по четвертое является, по сравнению с

прочими, наиболее очевидным нарушением, поскольку автоматически лишает правовое регулирование каких-либо формальных и (или) содержательных притязаний на справедливость.

Литература

1. Беломестных Л. Л. Ограничение прав и свобод человека и гражданина : Теоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 19 с.

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.12.1996 № 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1996. – № 5.

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 01.04.2003 № 4-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 7 Федерального закона «Об аудиторской деятельности» в связи с жалобой гражданки И. В. Выставкиной» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2003. – № 3.

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30.10.2003 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бунтмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2003. – № 6.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.06.2010 № 14-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 1 и подпункта «а» пункта 8 статьи 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А. М. Малицкого» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2010. – № 5.

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.07.2011 № 20-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 4 статьи 93.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации, части 6 статьи 5 Федерального закона «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С. В. Мухоморова» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2011. – № 7.

Федерации» и статьи 116 Федерального закона «О федеральном бюджете на 2007 год» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2011. – № 6.

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.05.2012 № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2012. – № 4.

8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2015 № 23-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей – седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. В. Махина» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 6.

9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.10.2016 № 20-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 25.10 и подпункта 1 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Республики Корея Х.» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2017. – № 1.

10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2017. – № 1.

11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.04.2017 № 11-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 40, частей 10 и 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», пунктов 2 и 3 части 1 статьи 128 и части 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой граждан И. Л. Трунова и М. В. Юревича» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2017. – № 4.

Кризис права, правовой культуры и прав человека?

Аннотация. В статье анализируются отдельные аспекты конституционной реформы в России в 2020 году через призму категории правового кризиса. Данная категория в социальной науке разработана недостаточно и в итоге оказывается зависимой от исходных методологических установок и ценностных правовых ориентаций исследователя. Всё это требует дополнительного внимания научной общественности к анализу данной категории как в целом, так и на материале важнейших исторических событий, каковым, безусловно, является конституционная реформа 2020 года в России.

Ключевые слова: правовой кризис; поправки к Конституции РФ; конституционализм; ограничение государственной власти; права человека; демократия; республика; монархия; авторитаризм; субконституция.

Понятие кризиса в социальных науках достаточно многозначно: это и резкий, крутой перелом, и тяжелое положение, состояние, и поворотный пункт¹, который может вести как к улучшению (своего рода мощный рывок вперед), так и к ухудшению состояния какого-либо объекта – общества, права, культуры, в том числе культуры правовой, отдельного человека и (или) человечества в целом. Какова совокупность событий (критериев, показателей, признаков), которые позволили бы го-

Алексей Павлович Семитко, д-р юрид. наук, профессор, декан юридического ф-та, завкафедрой публичного права АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург); приглашенный профессор университета Париж-Запад (Франция), старший научный сотрудник РАН, Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

¹ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. – 24-е изд. – М., 2007. – С. 214.

ворить с полной уверенностью о состоянии кризиса какого-то социального объекта? Указанная совокупность событий (при ее наличии) не всегда может быть зафиксирована наблюдателями и (или) участниками в соответствующий исторический период времени, то есть в момент самого кризиса бывает часто совершенно неизвестно и непонятно, крутой ли это перелом и резкий поворот вообще, и если да, то поворот ли это к лучшему или к худшему состоянию в жизни общества, в развитии правовой культуры и прав человека. Однако даже через десятилетия и века после такого крутого перелома (совокупности событий, явно похожих на таковой, как минимум), то есть даже после проживания того или иного кризиса неясно, к чему-таки он привел то или иное общество, ту или иную правовую систему или правовую культуру (и ее центральное системообразующее ядро – права человека), которая нас здесь интересует прежде всего. Так, например, Октябрьский переворот 1917 года кем-то оценивается как кризис и даже катастрофа в области правового развития, а кто-то полагает, что это крутой перелом, который вывел человечество к новым, невиданным ранее высотам². Можно ли в момент протекания того или иного кризиса (крутого перелома, резкого поворота) быть уверенным как в направлении этого поворота – к лучшему или к худшему, – так и в его характере: рядовое ли это, периодически происходящее в любых сложных системах изменение, или же изменение это крутое, резкое, т. е. качественное? Не будем спешить с выводами, а лишь попытаемся поставить некоторые вопросы, для того чтобы сделать посильную попытку ответить на них сейчас или в дальнейшем.

О кризисе в праве, правовой традиции, в правовой системе, как и в области прав человека, пишут давно и практически почти постоянно. В 80-х годах прошлого века Г. Берман говорил о кризисе западной традиции права, в которую он включал и российскую правовую систему тоже: этот кризис, прежде всего беспрецедентный кризис правовых ценностей, «равного которому, – по

² См.: Семитко А. П. Российская правовая культура и особенности ее модернизации: к столетию Октябрьского государственного переворота в России // Вестник Гуманитарного университета. – 2017. – № 4 (19). – С. 32–72.

мнению указанного автора, – еще не было, никак нельзя научно доказать»³. Всесторонне анализируют кризис и в современной российской юридической науке⁴. Классификацию кризисных явлений в праве с позиции их природы дает А. Н. Власенко, выделяя кризисы «*органические (системные) и собственные*»⁵. А. Н. Медушевский рассматривает множество авторских классификаций правовых кризисов, анализируя проблему начиная с рубежа XIX – XX вв⁶. Только вопросы понимания таковых и их классификации могли бы составить целое научное направление в кризисологии, поэтому определим задачу исследования более конкретно и обозначим ее как попытку рассмотреть конституционно-правовые события 2020 года в России через призму категории правового кризиса. Можно ли отнести указанные события к кризису – резкому повороту, перелому – в российском праве и правовой культуре в целом, либо, напротив, принятие поправок есть завершение кризиса, который правовая система России переживала с начала 90-х годов прошлого века? Однако в любом случае конституционная реформа 2020 года закрепила юридически стратегию и даже тактику (то есть некоторые мелкие детали) дальнейшего политико-правового развития страны: основные направления теперь четко определены на десятилетия, и можно вполне констатировать то, что мы уже слышали в советской истории: наши «цели ясны, задачи определены. За работу, товарищи!» Хотя разные исходные ценностные позиции – координаты и ориентиры приводят к разным выводам: для кого-то конституционно-правовые события 2020 года – это правовой кризис, а для кого-то – его завершение и начало нового исторического этапа развития страны.

³ См.: Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. – М., 1994. – С. 13.

⁴ См.: Кризис права: история и современность : монография / под общ. ред. В. В. Денисенко, М. А. Беляева, Е. Н. Тонкова. – СПб. : Алетейя, 2018.

⁵ Власенко Н. А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – № 8. – С. 43.

⁶ См.: Медушевский А. Н. Кризис права как проблема теоретической юриспруденции // Право и общество в эпоху перемен. – М., 2008. – С. 89–95.

Развития к лучшему или к худшему? Боюсь, что, скорее, последнее, особенно если смотреть и на последующие политико-правовые события в стране. Хотя в данный момент сложно еще делать однозначный вывод.

Цель данной статьи, таким образом, гораздо скромнее – проанализировать в самых общих чертах и в какой-то мере пока весьма предварительно недавнюю, но, безусловно, историческую по своим масштабам и глубине конституционно-правовую реформу, проведенную в России в 2020 г. – речь идет о поправках к Конституции РФ 1993 года. Объявлено о них было впервые 15 января 2020 г. в выступлении Президента РФ с Посланием Федеральному Собранию России. Вечером того же дня появилось Распоряжение Президента РФ от 15.01.2020 г. № 5-рп о создании рабочей группы по внесению поправок к Конституции России, а с 17 января 2020 г. началась ее работа⁷ и уже через три дня – 20 января 2020 – готовый проект поправок – в виде законопроекта – поступил в Государственную Думу на рассмотрение. 23 января депутаты Думы единогласно приняли его в первом чтении, а далее – второе, третье чтение и т. д. В рамках последних, 10 марта, первая в мире женщина-космонавт Валентина Терешкова предложила внести в текст поправок к Конституции РФ положение, которое позволило бы действующему ныне Президенту РФ принять участие в выборах на этот пост без учета уже прошедших трех и текущего четвертого президентского срока еще дважды и – при положительных результатах выборов 2024 и 2030 гг., в чем сомневаться, естественно, не приходится, – возглавлять страну до 2036 года. В политико-правовом как научном, так и обыденном дискурсе эта сложная юридическая конструкция получила краткое название «обнуление» потому, что поправка к Конституции РФ, с одной стороны, вводит в ч. 3 ст. 81 более жесткое правило, чем было в первоначальном конституционном тексте 1993 г., и теперь «одно и то же лицо не может занимать должность Президента Российской Федерации более двух сроков» (в конце этой

⁷ См.: Подготовкой поправок в Конституцию займутся Прилепин, Мацуев, Терешкова // РБК. – 15.01.2020. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfeenews/5e1f6b8d9a7947fb132a31c8>.

фразы ранее было еще одно слово – «подряд», которое теперь из текста исключено), а с другой – делает индивидуальное изъятие для нынешнего Президента РФ, которое позволяет ему не учитывать предыдущие президентские сроки для занятия указанной должности в будущем еще два раза.

Итак, 10 марта 2020 – выступление первой женщины-космонавта с идеей «обнуления» сроков действующего Президента РФ, а уже 11 марта Государственная Дума и Совет Федерации принимают Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (в дальнейшем: Закон РФ о поправке), включая, разумеется, и эту последнюю по времени поступления⁸, но явно далеко не последнюю, а может быть даже наиболее важную из всех поправку В. В. Терешковой. Далее Председатель Совета Федерации Федерального Собрания РФ направляет указанный Закон РФ о поправке в законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации для рассмотрения – как и предписано в самом общем плане статьей 136 Конституции РФ и более подробно в Федеральном законе от 04.03.1998 № 33-ФЗ (в редакции от 08.03.2015) «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» (в дальнейшем: Закон 1998 г.), принятом с ориентиром на правовые позиции Конституционного Суда РФ, высказанные им в Постановлении от 31.10.1995 № 12-П «По делу о толковании статьи 136 Конституции Российской Федерации»⁹. Правда, рассматриваемый Закон РФ о поправке в очень многих отношениях изменил утвержденный Федеральным зако-

⁸ Если говорить буквально, то технически вполне возможно, что после указанного предложения депутаты могли вносить и еще какие-то уточнения в текст рассматриваемого Закона РФ о поправке, но вряд ли они могут сравниться по своей значимости с тем, что было предложено членом рабочей группы по внесению поправок к Конституции РФ депутатом В. В. Терешковой.

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.1995 № 12-П «По делу о толковании статьи 136 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 06.11.1995. – № 45. – Ст. 4408 ; Российская газета. – 09.11.1995. – № 217.

ном от 04.03.1998 № 33-ФЗ порядок, предусмотрев ряд процедур, не упомянутых ни в последнем, ни в Конституции РФ.

Конституционный Суд РФ в своем Заключении от 16 марта 2020 г. № 1-З¹⁰, указав на то, что «статья 1 Закона о поправке принята в процедуре, установленной статьей 136 Конституции Российской Федерации, и в соответствии с данным Законом (часть 4 статьи 3) вступает в силу со дня официального опубликования результатов общероссийского голосования, если предусмотренные ею изменения в Конституцию Российской Федерации получают одобрение в ходе общероссийского голосования», то есть зафиксировав, по сути дела, новый порядок вступления в силу поправок к Конституции РФ, который расходится с порядком, установленным ранее Законом 1998 г. и отсутствует в статье 136 (в ней ничего не говорится об общероссийском голосовании, например), подчеркнул, что он «не оценивает согласованность такого требования с положениями Федерального закона от 4 марта 1998 года № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции РФ», принятого в развитие статьи 136 Конституции РФ. Однако надо отметить, что вступившие в силу положения Закона о поправке – применительно к регулированию процедуры последующего вступления в силу других его положений – имеют приоритет перед названным Федеральным законом как содержащиеся в специальном и более новом правовом акте, притом обладающем большей юридической силой». Данная правовая позиция (в частности, по поводу соотношения общей/специальный

¹⁰ Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 16.03.2020. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> ; Российская газета. – 17.03.2020. – № 56.

акт) была подвергнута критике в правовой доктрине¹¹. Однако в любом случае очевидно, а значит, бесспорно то, что «особый порядок» вступления в силу Закона РФ о поправке, его статей 1 и 2 в частности, на что указано в его статье 3 (часть 1), новая процедура, которая включает участие Конституционного Суда РФ, общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ в 2020 г. были уникальными и беспрецедентными в нашей конституционно-правовой истории (в таком именно сочетании).

Что касается расхождений нового порядка принятия поправок с предусмотренным Законом 1998 г., то последний предусматривает возможность внесения взаимосвязанных изменений конституционного текста одним законом о поправке, и этот последний «получает наименование, отражающее суть данной поправки» (ч. 3 ст. 2 Закона 1998 г.). Мы же видим Закон РФ о поправке, который включает дополнительную, пусть и не такую большую (по объему документ получился примерно таким же, как Конституция США, а по содержанию принципиально иным, если не прямо противоположным по многим основаниям), но, по сути дела, новую Конституцию со своей самостоятельной концепцией и ведущими идеями (главная из них – это полная абсолютизация президентской власти, то есть сложившейся к 2020 году властной конструкции, в особенности самого высшего ее звена, в России), которая отличается фундаментально от концепции и идей 1, 2 и 9 глав Конституции России. Так, мы читаем: «Закон РФ о поправке (в единственном числе)», а видим две сотни самых разнообразных по сфере правового регулирования поправок (во множественном числе). Как говорил небезызвестный Козьма Прутков, «если на клетке слона прочтёшь надпись “буйвол”, не верь глазам своим». А если сформулировать идею строго научным языком, то мы видим совершенно новую Конституцию, «возведенную» на

¹¹ Глубокий и всесторонний анализ расхождений нового порядка принятия и вступления в силу поправок к Конституции РФ в 2020 г. и порядка, предусмотренного Федеральным законом от 4 марта 1998 года № 33-ФЗ, представлен в работе Н. Е. Таевой «Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации: эволюция юридических свойств» [17].

старом фундаменте (1, 2, 9 глав) или внутри «старого» Основного Закона 1993 года. Произошло в некотором смысле то, что называется «вливанием молодого вина в старые мехи». Поскольку в новой Конституции России появилось упоминание о Боге (ч. 2 ст. 67.1), то теперь кажется вполне обоснованным и уместным в научных юридических текстах, а тем более в текстах, посвященных анализу Конституции, ссылаться на Святые Писания, комментарии Святителей, труды отцов и учителей Церкви и т. д. Так, в Евангелии от Матфея сказано: «Также не наливают новое вино в старые мехи, иначе мехи прорвутся, и вино выльется, и мехи будут испорчены. Но молодое вино наливают в новые мехи, и тогда сохраняется и то и другое» (Мф 9:17)¹². На светском языке это означает в том числе и возможность противоборства «на выживание» между двумя этими разнокачественными «субстанциями» и даже возможность взаимного уничтожения в итоге («и вино выльется, и мехи будут испорчены»). И этот новорожденный конституционный «организм» (имеются основания настаивать на том, что у него есть-таки глубинная внутренняя целостность и концептуальность) можно назвать, например, «субконституцией», хотя данный термин не претендует на окончательность: вполне возможно, что со временем доктрина найдет лучшее название, которое сможет более отчетливо и всесторонне выразить результат того уникального исторического события, которое произошло в 2020 г. в сфере конституционно-правового строительства России, когда в рамки уже действующей Конституции России включен совершенно новый и относительно самостоятельный акт, пусть даже и состоящий из разрозненных, но разрозненных только на первый и, по определению, поверхностный взгляд, поправок. Дальнейшее правовое развитие неминуемо, как уже было отмечено выше, приведет к конфликтам включенных в текст нововведений (новой «субконституции») с имеющимся фундаментом Основного закона России. Какая из этих частей «возьмет верх» либо обе они будут разрушены, трудно пока сказать определенно, даже

¹² Комментарии Святителя Иоанна Златоуста по этому поводу см.: Толкование на Евангелие от Матфея : в 2 кн. – Кн. первая. – М. : Сибирская Благовонница, 2010. – С. 271.

несмотря на то, что фундамент нынешней Конституции России обладает более высокой юридической силой.

Возвращаясь к порядку и очередности некоторых важных процедурных требований, следует подчеркнуть, что в силу необыкновенной спешки в принятии Закона РФ о поправке они оказались в ряде отношений нарушенными. Так, например, ст. 7 Закона 1998 г. предусматривает, что «Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации не позднее пяти дней со дня принятия закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации публикует для всеобщего сведения уведомление, включающее текст закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации с указанием дат его одобрения Государственной Думой и Советом Федерации», а затем, согласно статье 8 Закона 1998 г., «Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации не позднее пяти дней со дня его принятия направляется Председателем Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации для рассмотрения». Эта последовательность – сначала опубликование для всеобщего сведения уведомления, включающего текст закона РФ о поправке к Конституции РФ (ст. 7 Закона 1998 г.), а затем уже (согласно ст. 8 того же Закона) Закон РФ о поправке направляется в законодательные (представительные) органы субъектов РФ для рассмотрения – вытекает из вполне логичной по содержанию и по форме (месту расположения: ст. 7, а затем ст. 8) последовательности данных статей Закона 1998 г.: как же можно рассматривать неопубликованную поправку к Конституции РФ? Поэтому сначала должны быть выполнены предписания статьи 7, а затем – статьи 8. Однако в обоих случаях Председатель Совета Федерации обязан предпринять указанные действия в срок «не позднее пяти дней со дня принятия закона Российской Федерации о поправке к Конституции», что позволяет заключить, что эти важные процедурные действия могут быть предприняты, как минимум, почти одновременно: происходит опубликование уведомления с текстом Закона РФ о поправке, и в следующее же мгновение

последний направляется в законодательные (представительные) органы субъектов РФ для рассмотрения ими с ориентиром в обязательном порядке на опубликованный для всеобщего сведения текст. Логика такого расположения статей 7 и 8 Закона 1998 г. в том, что депутаты законодательных (представительных) органов субъектов РФ рассматривают именно опубликованный уже для всеобщего сведения Закон о поправке к Конституции РФ, в который не могут быть внесены какие-то дополнительные поправки после его опубликования для всеобщего сведения. В данном же случае одобренный 11 марта 2020 г. палатами Федерального Собрания РФ Закон РФ о поправке был опубликован в «Российской газете» (Федеральный выпуск № 54 (8108))¹³ только 13 марта 2020 г., тогда как 12 марта 2020 г., то есть как раз накануне, 80 из 85 законодательных (представительных) органов субъектов РФ уже одобрили указанный и не опубликованный на тот момент Закон РФ о поправке¹⁴. Мы исходим исключительно из презумпции *bona fides* всех действующих в данном конституционном правотворческом процессе лиц, включая вспомогательные службы, однако может произойти техническая ошибка, компьютерный сбой, искажающее вмешательство вирусных программ и т. д., и т. п. И такие ошибки, к сожалению, встречаются даже в практике опубликования нормативно-правовых актов (разные версии закона публикуются в разных источниках официального опубликования либо в одном источнике, но «не те» версии и т. д.), однако в силу публичности информации, доступности ее широкому кру-

¹³ Российская газета в своем Федеральном выпуске № 54 (8108) от 13 марта 2020 г. на основании статьи 7 Федерального закона от 4 марта 1998 года № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» опубликовала Уведомление о Законе РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» вместе с упомянутым текстом Закона РФ о поправке [19].

¹⁴ См.: Мисливская Г. Совфед утвердил итоги рассмотрения в регионах закона о поправке к Конституции // Российская газета. – 14.03.2020. – URL: <https://rg.ru/2020/03/14/sovfed-utverdil-itogi-rassmotreniia-v-regionah-zakona-o-popravke-k-konstitucii.html>.

гу лиц ошибка рано или поздно обнаруживается и исправляется. Поэтому мудрый законодатель предусматривает даже процедуру исправления подобного рода «ошибок, опечаток, неточностей, допущенных при официальном опубликовании нормативных правовых актов»¹⁵. А как быть в данном случае? Уведомление с текстом одобренного Государственной Думой и Советом Федерации 11 марта 2020 г. Закона РФ о поправке ведь вообще не было опубликовано до рассмотрения данного текста 12 марта 2020 г. практически всеми региональными парламентами. Возникают самые разные вопросы: а какой именно текст находился на рассмотрении у 80 региональных парламентов 12 марта 2020 года? И у всех ли указанных парламентов текст Закона РФ о поправке был один и тот же, а не те или иные, например, ранние его версии или какие-то совсем другие документы, лишь отдаленно указывающие на поправки? Нарушение правотворческой процедуры даже в таких, как кому-то может ошибочно показаться, второстепенных деталях способно подорвать доверие общества к конституционному законодателю, поставить под вопрос легитимность окончательного результата. Наконец, на следующий день, когда было опубликовано уведомление вместе с текстом Закона РФ о поправке, последний одобрили еще пять оставшихся законодательных (представительных) органов субъектов РФ, оказавшихся не такими расторопными, как все остальные, либо ожидавших официального опубликования уведомления с текстом Закона РФ о поправке. Хотя следует подчеркнуть, что Закон 1998 г. позволял рассматривать Закон РФ о поправке к Конституции РФ в течение года. При этом последний – Закон РФ о поправке 2020 г. – не сокращал указанного годового срока и вообще не содержит каких-либо предписаний по данному поводу, что позволяет предположить, что такой удивительный по скорости эффект был достигнут за счет организационно-политических, партийных, а не правовых средств.

¹⁵ См., например, Закон Республики Алтай от 5 марта 2008 г. № 18-РЗ «О нормативных правовых актах Республики Алтай» (с изменениями и дополнениями) [4]. Статья 36 данного Закона так и называется: «Исправление ошибок, опечаток, неточностей, допущенных при официальном опубликовании нормативных правовых актов».

Столь молниеносная реакция восьмидесяти пяти законодательных (представительных) органов субъектов РФ, одоббивших Закон РФ о поправке за 2 дня¹⁶, прекрасно демонстрирует великолепно организованную вертикаль власти в России, эффективность деятельности которой многократно превышает результативность деятельности некоторых даже весьма «старых», то есть опытных и весьма успешных, демократий, но, к сожалению, превышает результативность деятельности последних не во всех случаях управления делами современного общества, а только в незначительном ряде каких-то узко-организационных вопросов. Так, например, 27-я поправка к Конституции США «проходила процесс ратификации 200 лет»¹⁷. Причем в этом последнем случае речь шла об одной-единственной поправке, а в России в 2020 году их было более 200, что можно сравнить с принятием отдельной Конституции в целом. «Обычная» Конституция по объему – это примерно 150–200 статей. Например, в Конституции Австрии 1920 г. – 152 статьи, Конституции ФРГ 1949 г. – около 150 статей, Конституции Франции 1958 г. – около 100 статей и плюс конституционные тексты, которые наряду с Конституцией входят в «блок конституционности»: Декларация прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г. – преамбула и 17 статей, Преамбула к Конституции от 27 октября 1946 г., Экологическая хартия 2004 г., включенная в 2005 г. в Конституцию через упоминание о ней в первом абзаце преамбулы Конституции 1958 г., – еще 10 статей) и т. д. В таком случае 206 поправок вполне «тянут» на отдельную Конституцию. Для сравнения можно посчитать и объем (количество слов в тексте – во всех случаях на русском языке): самой краткой считается Конституция США (4,5 тысячи слов), а самой большой по объему – Индии (42,5 тысячи слов). Конституция Швейцарии, 1999 г. (Союзная конституция Швейцарской Конфедерации) – 13,5 тысячи слов, а обновленная в 2020 г. Кон-

¹⁶ Заметим, что Конституционный Суд РФ представил свое Заключение 16 марта 2020 г., то есть ему тоже, как и всем региональным парламентам, хватило 2 дня, если считать, что он, возможно, работал и в воскресенье (15 марта 2020 г. было воскресенье).

¹⁷ Сравнительное конституционное право / отв. ред. В. Е. Чиркин. – М., 2002. – С. 85.

ституция РФ – около 15 тысяч, притом что вариант 1993 г. составлял чуть более 10 тысяч слов (к которым присовокупили по две поправки в 2008 и 2014 гг., которыми какие-то «слова» были добавлены, а какие-то изъяты). Можно считать, что дополнения и изменения Конституции РФ, произведенные в 2020 г., составляют в целом как минимум самостоятельную Конституцию как по объему, так и, как уже говорилось выше, по концепции и целостной, единой системе идей. В итоге получается, что в США одну поправку ратифицируют 200 лет, а в России 200 поправок, то есть практически дополнительную к фундаменту (главы 1, 2 и 9) Основного закона субконституцию – за 2 дня. Если к этому добавить также и то, что субъектов-то – региональных парламентов, высказывающих свое мнение по поводу поправок, – в России больше на 70 %, чем субъектов американской федерации – парламентов штатов в США, то скорость утверждения более 200 поправок в России оказывается примерно в 12,5 миллиона раз быстрее, чем в США¹⁸. Понятно, что это – крайние ситуации, возможно, что даже – исключения, которые лишь подтверждают, с одной стороны, правило о длительности демократических процедур обсуждения важных общественных вопросов, а с другой – возможности авторитарных политических режимов решать те или иные задачи гораздо быстрее, чем это делается в развитых, старых, опытных демократиях. Понятно, что вопрос об эффективности, полезности, экономичности и т. д. здесь не обсуждается: какие-то вопросы решаются быстро и эффективно, а какие-то быстро и неэффективно, как и наоборот (то есть медленно и эффективно или медленно и неэффективно для общества в целом). Но в любом случае для социальных процессов и политико-правовых систем в целом такая уникальная скорость прохождения поправок в региональных парламентах вполне может быть названа космической, и, возможно, это лишь случайное совпадение, что такое мощное

¹⁸ Подсчет базировался на сопоставлении количества дней в двухстах годах и объеме поправок (одна – в США или 206, но за 2 дня – в РФ), которые рассматривали в США за эти два века, и результат был увеличен также на коэффициент, связанный с количеством субъектов принятия решения (субъектов РФ по отношению к количеству штатов в США больше в 1,7 раза).

ускорение данному процессу было задано женщиной-космонавтом, а может быть – это, своего рода, красота и эстетика, необходимая инициатору и (или) исполнителям всей этой конструкции – «порешать вопрос» с космической скоростью. Ведь и общероссийское голосование первоначально было назначено на 22 апреля 2020 г., но сложная ситуация с пандемией коронавируса в России грубо нарушила эти планы, и голосование было перенесено на конец июня – 1 июля того же года. Разумеется, это – гораздо лучше, чем всего лишь пять недель на обсуждение всех поправок. Однако и этого чуть увеличенного срока было, как представляется, явно недостаточно для широкого обсуждения, публичных дискуссий и общероссийского размышления о всех поправках к Конституции России. Правда, здесь могут последовать серьезные возражения по поводу данной позиции: а кто, собственно говоря, основной субъект современного политико-правового процесса? Им решение принято, а остальные должны лишь его исполнять, и как можно быстрее. Однако хотелось бы, чтобы субъектом принятия исторических политико-правовых решений в стране было всё общество в целом, а не отдельный человек – пусть даже занимающий высшую государственную должность и пользующийся популярностью и уважением в российском обществе. Ведь именно это последнее – общество, именно многонациональный российский народ является носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации, что и закреплено в основах конституционного строя и соответствует принципам демократии, правового и республиканского по форме правления государства. И, кроме того, могут также возразить: а что, собственно говоря, обсуждать-то, когда и так все понятно? Кому-то понятно, а кому-то – не очень, с одной стороны, а с другой – какие-то поправки, действительно, очевидны и, возможно, не нуждаются в дополнительном обсуждении, однако есть и такие, которые, наоборот, требуют вдумчивого и всестороннего анализа. Когда людей спрашивают, согласны ли они, что «государством гарантируется минимальный размер оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации», заинтересованы ли они в «индексации

пенсий не реже одного раза в год в порядке, установленном федеральным законом», и (или) в улучшении системы здравоохранения и т. д., и т. п., то ответ весьма и весьма очевиден, так как в нем на конституционном уровне закрепляется известная народная мудрость, что лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным! Понятно, что представления о богатстве у каждого человека – разное, но чем больше в том или ином обществе бедных (живущих за чертой бедности¹⁹) и недостаточно богатых, тем для большего количества людей эта проблема будет наиболее важной и актуальной. Хотя очевидность даже таких поправок может быть поставлена под сомнение как потому, что о социальном государстве, например, сказано уже всё – всё, что касается документов конституционного уровня, – в статье 7 Конституции РФ, в которой закреплён принцип социального государства, так и потому, что законодатель предусмотрел уже ранее, хотя и не так давно (с 1 января 2019 года²⁰), реализацию ряда введенных поправками в Конституцию положений в федеральном законодательстве. С учетом части 2 ст. 55 Конституции РФ, а именно с учетом того, что «в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражда-

¹⁹ Таковых в России, по официальным данным, примерно 20 миллионов человек, т. е. около 15 % населения. А по подсчетам независимых экономистов – более 35 млн – значит, примерно 20–25 % населения, хотя и следующие по данному критерию категории населения живут не в разы лучше и т. д. См.: Минтруд назвал число бедных в России // РБК. – 12.10.2020. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f844dad9a79477f252824a8> ; Фаляхов Р. Бедность в России: десятки миллионов за чертой // Газета.ру. – 09.05.2018. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/05/09/11745109.shtml>.

²⁰ См.: Федеральный закон от 28.12.2017 № 421-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части повышения минимального размера оплаты труда до прожиточного минимума трудоспособного населения» установил: «Начиная с 1 января 2019 года и далее ежегодно с 1 января соответствующего года минимальный размер оплаты труда устанавливается федеральным законом в размере величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации за второй квартал предыдущего года» [21].

нина», данное решение законодателя в области социальной политики (о соответствии минимального размера оплаты труда величине прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по РФ) уже не могло бы быть отменено. Одним словом, оснований для включения таких поправок в конституционный текст нет абсолютно никаких, однако с другой позиции – есть, и, следовательно, есть острая необходимость в публичных дискуссиях, размышлениях и обсуждениях даже по самым очевидным, не говоря уже о далеко не очевидных, предложениям конституционного законодателя. Поэтому если не успели всесторонне обсудить все идеи до принятия поправок в 2020 году, то это не значит, что не надо обсуждать их позже. Ведь если станет очевидным, что какие-то поправки приняли наспех, не продумав до конца все вытекающие из них последствия и опасности, то такие положения можно и нужно будет – при широком общественном консенсусе – отменить в будущем.

Можно сравнить, какое время отводят другие современные нации на решение подобных вопросов. Так, в Чили 25 октября 2020 года тоже прошло общечилийское, всенародное голосование, а точнее – референдум по конституционному вопросу. При этом люди голосовали не за новую конституцию или пару сотен поправок к имеющемуся Основному закону, а только отвечали на вопрос о том, считают ли граждане необходимым написание текста новой Конституции или нет, а также о том, кому поручить эту работу. Если перевести на российский политико-правовой язык этот последний вопрос (а всего их было два), то на голосование была вынесена проблема, кому поручить разработку проекта конституции – рабочей группе из 75, безусловно, весьма уважаемых в обществе людей и в основном неюристов (юристов было, кажется, лишь 12 человек), сформированной за несколько часов после провозглашения самой идеи внесения поправок, а по сути, реформирования конституционного текста, или парламенту, а может быть, надпарламенту (парламент плюс дополнительно избранные делегаты и т. д.) или специально избранному Учредительному Собранию. Проект новой чилийской конституции должен быть разработан и вынесен на всенародный референдум

не позже конца 2022 года. Итак, если учесть, что первый референдум задумывался и обсуждался точно не накануне дня голосования 25 октября 2020 г., то получается, что на решение конституционного вопроса отводится около трех лет. Этот срок – вполне оптимальный, то есть такой, небольшие отклонения от которого в ту или иную сторону вполне возможны, но представляется, что только такие или весьма близкие к ним сроки могут быть признаны достаточными для демократического обсуждения и решения вопросов, связанных с глубоким изменением конституционного текста, который, как в нашем случае, вполне сопоставим с новым и относительно самостоятельным документом.

Более глубокий и обстоятельный анализ пары сотен поправок, а также лежащих в их основе идей, объединенных в одну общую концепцию, ждет еще своих пытливых исследователей. Объем данной статьи не позволяет его провести, хотя некоторые ведущие идеи можно отметить вкратце. Прежде всего, представляется, что в основе нового текста лежит не идея приоритета прав и свобод человека над интересами государственного аппарата, закрепленная в статье 2 и других статьях первых двух глав Конституции РФ²¹, а идея общественной солидарности, приоритета публичных интересов над частными и общественными, которые по определению могут быть выражены в новых условиях только и исключительно высшим представителем государственной власти, а точнее, только Президентом РФ, в руках которого оказались сконцентрированы максимально широкие полномочия, вряд ли уместные для государства, которое претендует называться демократическим и республиканским по форме правления. И сейчас даже трудно предложить еще что-то более или менее основательное (не по мелочам, разумеется!) – хотя бы в порядке мыслительного эксперимента, – что могло бы еще больше усилить эту власть, если оставаться, конечно, в рамках формально-демократических деклараций и прочих политико-правовых «приличий» современ-

²¹ См.: Семитко А. П. Приоритет прав и свобод человека как одно из правовых оснований либерализма // Вестник Гуманитарного университета. – 2015. – № 4 (11). – С. 59–83.

ной конституционной фразеологии, необходимой для прикрытия реальной монархии и авторитарного режима правления.

Другим важным моментом, вытекающим из предыдущего, является то, что если определять конституционализм как необходимость ограничения государственной власти с целью обеспечения прав и свобод человека²², то снятие всех существенных ограничений с главы государства – с главы государственной власти есть одновременно и уход от самой идеи конституционализма. Разумеется, данная гипотеза нуждается в более солидных и всесторонних доказательствах, но в порядке постановки вопроса ее следовало бы обсудить обстоятельно. Необходимо отметить, что работа по изучению поправок уже началась. Одной из первых и очень глубоких попыток концептуального анализа самых разных сторон прошедшей конституционной реформы в России является исследование сопредседателей Рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации Т. Я. Хабриевой и А. А. Клишаса²³. Одной из выдающихся характеристик данного анализа является то, что авторы проводят свое исследование на фоне современного мирового конституционного процесса, что придает их выводам особый научный вес и значимость. Так, в частности, они совершенно верно отмечают, что одним из трендов «в мировом конституционном развитии является усиление культурно-исторической специфичности конституций, закрепление в них национальной и конституционной идентичности, оригинальных концептов соразмерности универсальных и национальных ценностей. Если десятки новых конституций эпохи 1990-х гг. были написаны очень похожим языком, соответствующим представлениям об окончательной победе либеральной идеологии, то конституционные реформы XXI в.

²² См.: Краснов М. А. Введение в конституционное право с разъяснением сложных вопросов. – М., 2018. – С. 63.

²³ См.: Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». – М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. – 240 с. – URL: <http://www.consultant.ru/law/review/other/xm2021-01-13.html/>

демонстрируют уникальный всплеск самобытности»²⁴. Это – исключительно важная, глубокая и, как мне кажется, совершенно бесспорная констатация, с которой невозможно не согласиться, поскольку, действительно, если в 90-х годах прошлого века многие новые конституции, и российская в том числе, ориентировались на либеральную идеологию – свободу, права и достоинство человека, правовое государство, верховенство права, демократические ценности, ограничение государственного внеправового всевластия над судьбой человека, исключение авторитаризма и тоталитаризма из жизни общества, то сегодня идет мощный откат от указанных общечеловеческих по своему значению достижений западной цивилизации под видом стремления к культурно-исторической специфичности и уникального всплеска самобытности и т. д. Так, скажем для примера, традиционная исламская культурно-историческая, и в том числе правовая, специфичность и самобытность, имеющая почти полуторатысячелетнюю историю, исходит из требований признания подчиненного и второстепенного по отношению к мужчинам правового положения женщин, а также из юридической дозволенности мужчинам применять силу для воспитания своих нерадивых жен, из допустимости дискриминации лиц немусульманского вероисповедания, вплоть до возможности содержания их в рабстве, из требования смертной казни мусульманина за вероотступничество и т. д., и т. п. Азиатские в целом – индийский, китайский и другие незападные (в том числе не самоопределившиеся до конца, как Россия, – действительно ли она незападная или нет) – культурные и правовые ареалы имеют свои, уходящие корнями в тысячелетнее историческое развитие, оригинальные и весьма самобытные основания и черты, резко противостоящие западным либеральным правовым ценностям – ценностям уважения прав и свобод человека, его достоинства, идее ограничения государственной власти, принципам правления права, правового государства и реальной, а не показной демократии. Незападные культуры, включая ее пра-

²⁴ Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Указ. соч.

вовую составляющую²⁵, формируют сегодня активный исторический запрос на признание своей самобытности или идентичности на международном и конституционном уровне, что и происходит в современном мире как в сфере международного права, так и в области конституционного строительства в государствах соответствующих цивилизаций. Этот исторический запрос на политико-правовую самобытность, культурно-историческую специфичность и был реализован в России в процессе конституционной реформы 2020 года. Можно ли считать это правовым кризисом? Возможно, что для российской цивилизации это – не кризис, а освобождение от тяжелых оков чуждой идеологии и соответствующих ей ущербных правовых ценностей; это – возвращение к действительной исторической правде и преемственности, как указано в части 2 ст. 67.1 Конституции России, хотя по своему пафосу и эмоциональной насыщенности это, скорее, стиль преамбулы, чем «обычной» статьи внутри конституционного текста: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство». Лучше о новых политико-правовых ценностях и идеалах сказать, по-видимому, невозможно – ведь на преемственности с чем именно настаивает конституционный законодатель 2020 года в этой торжественной и абсолютно искренней декларации? На сохранении памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственности в развитии Российского государства. А какие этапы своего исторического политико-правового развития, с которыми мы теперь обязаны сохранять преемственность, прошло Российское государство? Царское абсолютистское самодержавие (если говорить обобщенно, так как некоторое движение в сторону конституционализма и парламентаризма, то есть дуалистической монархии, в России все-таки происходило после событий 1905 года), потом единовластный советский партоткратический

²⁵ См.: Семитко А. П. «Незападные» концепции прав человека: вопросы методологии // Российский ежегодник теории права. – 2009. – № 2. – С. 612–626.

тоталитаризм и авторитаризм и далее очень короткая по историческим меркам и крайне неудачная в итоге попытка перехода к демократии и уважению прав человека – попытка, от которой решено отказаться в ходе конституционной реформы 2020 года. Это была попытка построения демократического правового государства, оптимального ограничения государственной власти с целью защиты прав человека и гражданского общества в целом – именно эта цель и была провозглашена Конституцией 1993 года. Теперь наш конституционный законодатель, а фактически глава государства, предлагает российскому обществу ориентироваться на тысячелетнюю историю и сохранять преемственность в развитии Российского государства. Но что мы можем найти в реальной тысячелетней политико-правовой истории развития Российского государства? Жесткий авторитаризм и подавление прав человека (с момента, когда они стали зарождаться в нашем Отечестве) со стороны ничем не ограниченной государственной власти, с одной стороны, и не реализованные по разным причинам стремления общества, его выдающихся представителей к конституционализму, свободе, справедливости, равенству и правам человека в целом – с другой. Если не исключать всё это последнее из нашей великой истории, тогда нам есть на что ориентироваться в опыте наших предков и тогда можно смотреть с полным оптимизмом и непоколебимой надеждой в наше будущее.

Литература

1. Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. – М., 1994.
2. Власенко Н. А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – № 8. – С. 43.
3. Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Офици-

альный интернет-портал правовой информации. – 16.03.2020. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> ; Российская газета. – 17.03.2020. – № 56.

4. Закон Республики Алтай от 5 марта 2008 г. № 18-РЗ «О нормативных правовых актах Республики Алтай» (с изменениями и дополнениями) // Звезда Алтая. – 2008. – 18 марта (№ 61–62) ; Сборник законодательства Республики Алтай. – 2008 (январь-февраль). – № 47 (53).

5. Краснов М. А. Введение в конституционное право с разъяснением сложных вопросов. – М., 2018.

6. Кризис права: история и современность : монография / под общ. ред. В. В. Денисенко, М. А. Беляева, Е. Н. Тонкова. – СПб. : Алетейя, 2018.

7. Медушевский А. Н. Кризис права как проблема теоретической юриспруденции // Право и общество в эпоху перемен. – М., 2008. – С. 89–95.

8. Минтруд назвал число бедных в России // РБК. – 12.10.2020. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f844dad9a79477f252824a8> (дата обращения: 13.10.2020).

9. Мисливская Г. Совфед утвердил итоги рассмотрения в регионах закона о поправке к Конституции // Российская газета. – 14.03.2020. – URL: <https://rg.ru/2020/03/14/sovfed-utverdil-itogi-rassmotreniia-v-regionah-zakona-o-popravke-k-konstitucii.html> (дата обращения: 15.03.2020).

10. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – 24-е изд. – М., 2007.

11. Подготовкой поправок в Конституцию займется Прилепин, Матвеев, Терешкова // РБК. – 15.01.2020. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e1f6b8d9a7947fb132a31c8> (дата обращения: 16.01.2020).

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.1995 № 12-П «По делу о толковании статьи 136 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 06.11.1995. – № 45. – Ст. 4408 ; Российская газета. – 09.11.1995. – № 217.

13. Семитко А. П. «Незападные» концепции прав человека: вопросы методологии // Российский ежегодник теории права. – 2009. – № 2. – С. 612–626.

14. Семитко А. П. Приоритет прав и свобод человека как одно из правовых оснований либерализма // Вестник Гуманитарного университета. – 2015. – № 4 (11). – С. 59–83.

15. Семитко А. П. Российская правовая культура и особенности ее модернизации: к столетию Октябрьского государственного переворота в России // Вестник Гуманитарного университета. – 2017. – № 4 (19). – С. 32–72.

16. Сравнительное конституционное право / отв. ред. В. Е. Чиркин. – М., 2002.

17. Таева Н. Е. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации: эволюция юридических свойств // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 8. – С. 43–54. – DOI 10.17803/1994-1471.2020.117.8.043-054.

18. Толкование на Евангелие от Матфея : в 2 кн. – Кн. первая. – М. : Сибирская Благовонница, 2010.

19. Уведомление о Законе РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Российская газета. – 2020. – 13 марта (Федер. вып. № 54 (8108)). – URL: <https://rg.ru/2020/03/12/popravka-site-dok.html> (дата обращения: 14.03.2020).

20. Фаляхов Р. Бедность в России: десятки миллионов за чертой // Газета.ру. – 09.05.2018. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/05/09/11745109.shtml> (дата обращения: 10.05.2018).

21. Федеральный закон от 28.12.2017 № 421-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части повышения минимального размера оплаты труда до прожиточного минимума трудоспособного населения» // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286456/ (дата обращения: 13.03.2021).

22. Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». – М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. – 240 с. – URL: <http://www.consultant.ru/law/review/other/xm2021-01-13.html/> (дата обращения: 13.03.2021).

Проблема ограничения права на свободу передвижения в условиях пандемии

Аннотация. В рамках статьи проанализированы закрепленные в международных стандартах ограничения прав и свобод граждан в мировом сообществе. Сделан вывод об их необходимости и правомерности установления в рамках режима ограничительных мероприятий. Кроме того, проведен анализ последствий запрета на свободу передвижения среди некоторых категорий населения.

Ключевые слова: коронавирус; права и свободы человека; государство; ограничение прав; правовое ограничение прав и свобод; последствия; миграция; свобода передвижения.

В современный период во всех странах мира тем или иным образом были реализованы меры, которые направлены на предотвращение пандемии вируса «Coronavirus disease 2019». Можно выделить такую примененную меру, как ограничение на свободу передвижения. Такое ограничение связано с необходимостью уменьшения контакта людей между собой, в целях сдерживания распространения коронавирусной инфекции.

Стоит отметить, что свобода передвижения является одним из фундаментальных прав человека, которое имеет долгую историю становления и является одним из самых важных элементов правового статуса каждого в демократическом государстве [3, с. 138]. Известный философ Ханна Арендт говорила: «Из всех конкретных свобод, которые могут прийти нам в голову, когда мы слышим слово “свобода”, свобода передвижения исторически является самой старой и самой элементарной. Возможность уйти

Иван Борисович Скатов, аспирант 1-го курса, направление 41.06.01 Политические науки и регионоведение, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

туда, куда мы пожелаем, является прототипом жеста свободы, поскольку ограничение свободы передвижения с незапамятных времен было предпосылкой порабощения» [1].

Свобода передвижения – это право человека, защищаемое внутренним законодательством и международными договорами, включая Всеобщую декларацию прав человека (статья 13) [2] и Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП) (статья 12) [6]. Оба документа гарантируют право каждого человека покинуть любую страну, включая свою страну, и вернуться в нее. Они также защищают право каждого человека, находящегося в стране на законных основаниях, свободно перемещаться по территории этой страны.

В то же время статья 25 Всеобщей декларации прав человека гласит нам о том, что каждый имеет право на уровень жизни, необходимый для здоровья его самого и его семьи. Кроме того, в статье 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (МПЭСКП) признается право каждого человека на наивысший достижимый уровень здоровья и содержится призыв к правительствам принимать меры для предотвращения угроз для здоровья населения и предоставления медицинских услуг тем, кто в них нуждается. Права человека взаимосвязаны. Из этого следует, что право на свободу передвижения не является абсолютным и может быть ограничено, когда это необходимо для здоровья населения. Статья 12 МПГПП допускает ограничения права на свободу передвижения для сохранения здоровья населения при чрезвычайном положении в стране. Однако эти ограничения должны быть законными, необходимыми и соразмерными.

Такие серьезные решения, как обязательный карантин или изоляция людей с симптомами, должны, как минимум, выполняться в соответствии с законом.

Кроме того, в соответствии с Сиракузскими принципами – принципами, определяющими условия, при которых ограничения гражданских свобод оправданы, – любые шаги, предпринимаемые для защиты общества и ограничения прав и свобод людей, должны быть «законными, соразмерными и необходимыми». Эти меры должны быть ограничены по времени, и нужно учитывать

их влияние на уязвимые и маргинализированные группы [7]. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш в своем докладе «Пандемия Covid-19 и права человека» говорит: «Мы должны следить за тем, чтобы все чрезвычайные меры – включая введение чрезвычайного положения, – были законными, соразмерными, необходимыми и недискриминационными, имели конкретную цель и длительность и были как можно менее интрузивными с точки зрения защиты здоровья населения. Наилучшей формой реагирования будет нейтрализация прямых угроз действиями, соразмерными этим угрозам, при одновременной защите прав человека и верховенства права. Заглядывая в будущее, мы должны, преодолев пандемию, построить жизнь лучше той, что была прежде. Цели в области устойчивого развития – а они опираются на права человека – закладывают фундамент для созидания более инклюзивной и устойчивой экономики и общества» [4].

Однако эти ограничения затронули группы населения, которые были ущемлены в свободе передвижения задолго до коронавирусной инфекции. Ситуация с мигрантами является хорошим примером, который выражает противоречия и напряженность в свободе передвижения и ее отрицание в период Covid-19. Мигранты, которые переехали или всё еще стремятся пересечь границу без разрешения, чтобы избежать опасности, подвергаются мерам ограничения и сдерживания, которые узакониваются часто ложными ссылками на общественную безопасность и глобальное здоровье [8]. Ограничительные меры на границе ставят под угрозу жизнь уязвимых групп населения, для которых передвижение является средством выживания. Большинство стран закрыло свои границы из-за угрозы пандемии. По крайней мере, некоторые аспекты этих закрытий вызывают вопрос о том, является ли общественное здравоохранение адекватным юридическим оправданием мер, принимаемых во время пандемии Covid-19, которые ограничивают права человека, в том числе мигрантов.

Наиболее важной является реакция Европейского союза и США, которая оказала значимое давление на права беженцев в условиях пандемии. Хотя Европейский союз (далее ЕС) традиционно серьезно относится к правам человека, многие государства

ЕС временно приостановили доступ к процессу предоставления убежища. Реакция США является более предсказуемой, учитывая то, что администрация Дональда Трампа закрывала внешние границы с Канадой и Мексикой даже для лиц, ищущих убежища, и запрещала въезд путешественникам из многих стран. Эта политика кажется более постоянной, чем ограничения ЕС. Более того, США продолжали задерживать мигрантов, просящих убежища, несмотря на риски, связанные с пандемией, тогда как некоторые страны ЕС смягчили свою политику содержания под стражей. Выбор того, какие границы закрыть, раскрывает фундаментальные различия между ЕС и США. США являются федеративным государством почти 250 лет. Хотя губернаторы некоторых штатов высказывали опасения о закрытии внутренних границ, самой строгой мерой был карантин, налагаемый на путешественников из других штатов. ЕС, который с 1958 года работает над тем, чтобы сделать союз еще более совершенным и открытым, столкнулся с серьезной угрозой достижению этой цели, поскольку государства ЕС закрыли внутренние границы внутри и за пределами Шенгенской зоны и ввели ограничения на поездки и запреты на въезд и выезд. В полной мере не ясно, насколько опасной должна быть угроза здоровью населения, чтобы закрытие границ было соразмерным правовым решением при любом правовом режиме. В Европе ограничения на поездки и запреты на въезд и выезд были ослаблены, чтобы обеспечить летний туристический сезон, но они могут возобновиться с новой волной пандемии. Все эти закрытия границ были беспрецедентными, подрывая региональные договорные обязательства ЕС и нарушая международно-правовые обязательства в соответствии с Конвенцией ООН о беженцах [5]. Эти закрытия также представляют собой серьезный вызов фундаментальным принципам прав человека в каждой стране; например, свободное передвижение людей без пограничного контроля является основной целью существования ЕС, а защита лиц, спасающихся от преследований, была основным обязательством США с момента их основания. Последствия для прав человека закрытия этих границ вызывают тревогу, подвергая серьезному риску уязвимые группы населения, которые якобы защищены этими внутренними и международными правовыми обязательствами.

Стоит подчеркнуть, что даже во время пандемии государства должны проявить понимание тех, кто пользуется этой свободой передвижения для обеспечения безопасности своей жизни, в отношении тех, кто больше не может оставаться в бесчеловечных условиях и пытается бежать, чтобы обрести безопасность. В этот период, когда границы закрываются, борьба за элементарную свободу передвижения будет по-прежнему оставаться как решающим фактором, так и инструментом в борьбе с глобальной несправедливостью, даже или особенно во время глобального кризиса в области здравоохранения. В демократическом обществе должен поддерживаться баланс между основными свободами, общественным здоровьем и безопасностью.

Литература

1. Арендт Х. Опыты понимания, 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм / пер. с англ. Е. Бондал, А. Васильевой, А. Григорьева, С. Моисеева. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2018. – 712 с.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 10.03.2021).
3. Гулина О. Р. Право на свободу передвижения (часть 1) // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 5. – С. 138–144.
4. Гутерриш А. Пандемия COVID-19 и права человека // Организация Объединенных Наций : официальный сайт. – URL: <https://www.un.org/ru/coronavirus/we-are-all-together-human-rights-and-covid-19-response> (дата обращения: 10.03.2021).
5. Конвенция о статусе беженцев // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15154#03140427206375156> (дата обращения: 10.03.2021).
6. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения: 10.03.2021).
7. Сиракузские принципы о положениях, касающихся ограничения и умаления прав в Международном пакте о гражданских и политиче-

ских правах // Pandia. – URL: <https://pandia.ru/text/79/495/49779.php> (дата обращения: 10.03.2021).

8. Klein N. “Coronavirus Capitalism”: Naomi Klein’s Case for Transformative Change Amid Coronavirus Pandemic // Democracy Now. – 19.03.2020. – URL: https://www.democracynow.org/2020/3/19/naomi_klein_coronavirus_capitalism (дата обращения: 10.03.2021).

Народовластие как конституционная ценность

Аннотация. В статье актуализируется проблема народовластия, представительства женщин во власти, подчеркивается важность соблюдения принципов конституционализма, института политической конкуренции, необходимости воспитания демократической гражданственности российской молодежи.

Ключевые слова: народовластие; конституционные принципы; правовая культура; свобода и порядок; демократическая гражданственность.

Размышляя над вопросом: является ли народовластие актуальной ценностью демократии, прихожу к выводу, что, конечно, является. В трудное время, когда на нашу страну, впрочем как и на весь мир, обрушились несчастья, связанные с пандемией (COVID-19), а политическая жизнь проходит острый период турбулентности, нужно именно молодым и мобильным приходить во власть, оперативно решать вопросы социально-экономического, политического, культурного характера, опираясь при этом на цифровые технологии. 30–40-летние молодые люди, мужчины и женщины, не имеющие в багаже советского опыта, на мой взгляд, более открыты и бескорыстны, легче вступают в различные коммуникации, у них нет зависти и снобизма. Во время путешествий по миру они сами видели или узнали из большого количества источников (благодаря Интернету), как развиваются демократические страны за рубежом, в которых, в основном, побеждена

Мария Васильевна Снегирёва, канд. пед. наук, доцент кафедры документоведения, истории и правового обеспечения Института гуманитарного и социально-экономического образования, Российский государственный профессионально-педагогический университет (РГППУ) (г. Екатеринбург, Россия).

коррупция, существует сменяемость власти и подотчетность своим гражданам, а уровень жизни при этом является высоким, как, например, в Скандинавских странах.

«В России весьма неохотно и редко признают, что конституционные принципы являются самым главным и самым существенным в конституционализме. В то же время это вытекает из самой природы конституционализма. Конституция соединяет в себе юридическое и политическое начала. Она своего рода двуликий Янус, который одной стороной обращен к праву, а другой – к политике. Политика и право в Конституции как раз и соединены узким перешейком конституционных принципов» [1, с. 354]. Основополагающие идеи, конституционные принципы предполагают «народовластие, обеспечение прав и свобод каждого человека, обеспечение гражданского согласия» [2]. Без конституционных принципов, по утверждению ученых, «связи между людьми утрачивают цивилизационную основу. А юридическое регулирование общественных отношений приобретает субъективный характер, признаками которого являются хаотичность правовой регламентации. Соблюдение конституционных принципов позволяет исключить пробелы в праве. Можно также утверждать, что конституционные принципы играют стабилизирующую роль» [2]. Все это надо изучать, повышать правовую культуру, если в дальнейшем люди собираются активно участвовать в политической жизни, осознанно строить свою политическую карьеру, приобретая при этом профессиональный и житейский опыт.

Можно ли деятельно участвовать в избирательных процессах? Полагаю, что можно и нужно, тем более что совсем не обязательно играть пока первые роли. Например, Ксения Собчак показала многим российским женщинам, что нужно создавать свою команду, сильный избирательный штаб, аккумулировать финансовые средства, разбираться в политике, экономике, социально-экономических, исторических вопросах, знать философию, хорошо владеть русским языком, оттачивать риторические навыки, быть смелым, творческим человеком, готовым пойти на риск. Пример, может быть, спорный, но показательный, так как кандидат в президенты сама вела дебаты, активно встречалась с избирателями,

отвечая на острые социально-политические вопросы и противников, и сторонников.

Оказывается, подготовка к выборам – это самодисциплина, умение работать в команде, альтруизм, потому что надо отдавать себе отчет в том, что время, силы и деньги могут быть затрачены впустую, притом что ты желаешь сделать добро большому количеству соотечественников, будь это столичный город или сельская местность. Но вообще не делать попыток, если ты неравнодушный образованный человек, наверное, тоже неправильно.

При этом следует приготовиться к жесткой нелицеприятной критике, понимать, что возникнут вопросы гендерных различий между кандидатами, а методы борьбы со стороны мужчин вряд ли будут отличаться рыцарством и благородством. Но так как уровень образования и практических навыков в разных сферах деятельности современных российских женщин достаточно высок, то следует преодолеть психологический барьер, решиться на широкое представительство женщин в органах власти в своей стране, «исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества» [3]. Соглашаясь с тем, что Конституция Российской Федерации – закон прямого действия, может быть, нужно набраться определенной смелости и претворять ее положения в жизнь. Делать это гораздо легче, когда действует сплоченная команда, но сегодня, в силу разных причин, ощущается кадровый голод. В органы представительной власти или в главы муниципальных образований иногда попадают совсем уж случайные люди, без глубоких знаний в правовой и экономической сферах.

Пример с выбранной уборщицей у всех на слуху, это красноречивое свидетельство того, что иногда не срабатывает административный ресурс и есть усталость от неавторитетного прежнего руководителя. С другой стороны, налицо правовая, экономическая и политическая неподготовленность избирателей, непонимание меры ответственности при выдвижении кандидата на столь высокий пост, связанный с конкретной жизнедеятельностью людей и благополучием их территории. «Известия» сообщили: «Уборщица Марина Удгодская стала главой Повалихинского сельского

поселения Чухломского района Костромской области. Женщина в выборах участвовать не собиралась, но действующий глава попросил составить конкуренцию. Неожиданно для всех Удгодская набрала 62 % голосов» [4]. С одной стороны, это пример подлинной демократии, существующей в стране; с другой стороны, ситуация выявила объективную неготовность людей к реальной работе; с третьей стороны, показана необходимость широкого правового просвещения россиян, воспитание в них демократической гражданственности.

Пока в России остается сложным положение, которое возникло уже давно. «У молодежи, в частности у студенчества, сегодня отсутствует вера в единую политическую силу, которая могла бы вывести страну из затянувшегося кризиса. Это сказывается на общей гражданской и политической активности современного молодого человека, а также является одним из факторов, провоцирующих определенную часть молодых людей на проявления протестного поведения. Есть вероятность того, что если социально-экономическая ситуация не изменится, а главное – если не будет проявлено должного внимания и заботы о подрастающем поколении российских граждан, то в недалеком будущем страна вправе ожидать не только общественных, но и крупных политико-экономических потрясений» [5, с. 162]. Так писала Е. В. Митягина в статье «Студенты и политика: грани соприкосновения». Высказанные в 2007 году мысли остаются актуальными и сегодня. В таких условиях непросто заниматься правовым просвещением, формированием активной личности, осуществлять вовлечение в современные электоральные процессы, которые противоречивы и нестабильны.

В философских теориях, например у Эрнста Блоха, немецкого философа, социолога, писателя, есть интересные суждения о противопоставлении свободы и порядка. Многие молодые образованные люди в нашей стране интуитивно стремятся к тому, чтобы здесь воцарился определенный социально-политический порядок. Подчеркнем здесь слово «порядок». Но некоторые пожилые политики с опаской смотрят на то, что молодежь стремится идти во власть, боясь, что она разрушит некий устоявшийся порядок.

Философы же подчеркивают, что «настоящий порядок – это не регулируемый или насильственно поддерживаемый беспорядок, это выражение общей воли некоего “гемайншефта”, сообщества и тем самым свободы. *Свобода является единственным субстанциональным содержанием порядка.* Только воля свободы дает порядку внутреннюю наполненность. Их соединение не есть успокоившееся тождество, это диалектическое соединение. *Свобода и порядок связаны друг с другом и переходят друг в друга*» [6, с. 165]. Эту мысль можно развить и следующим образом: свобода и порядок чрезвычайно важны во время электоральных процессов, когда мы рассматриваем выборы как институт политической конкуренции, деятельно вовлекаемся в избирательную борьбу, становясь на сторону одного из кандидатов. При этом следует подчеркнуть, что выборы должны быть конкурентными, честными, открытыми, с широким народным представительством и большим количеством наблюдателей от разных политических сил, с участием средств массовой информации.

Осознавая кризис прав человека как вызов обществу, культуре, человеку, педагогам сегодня нужно продуктивно формировать демократическую гражданственность, анализировать социальные противоречия, продолжать просветительскую деятельность, формировать в молодежной среде нетерпимость к коррупционному поведению, профашистской идеологии, терроризму и экстремизму, расширять возможности «осуществлять и защищать свои демократические права и ответственность в обществе, ценить многообразие и играть активную роль в демократической жизни с целью продвижения и защиты демократии и верховенства права» [7]. Слова из Хартии Совета Европы о воспитании демократической гражданственности в области прав человека (утверждена в рамках Рекомендации СМ/Rec(2010)7 Комитета министров) звучат сегодня особенно актуально. Звучит сложно, но разбираться в этом следует, учитывая складывающиеся социально-экономические и политические обстоятельства. Демократия как практическое воплощение свободы востребована сегодня людьми разных поколений.

Литература

1. Пастухов В. Революция и конституция в посткоммунистической России: Государство диктатуры люмпен-пролетариата. – М. : ОГИ, 2018. – 448 с.
2. Василевич Г. А. Конституционные принципы // Электронная библиотека БГУ. – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/52417/1/%D0%9A%D0%9E%D0%9D%D0%A1%D0%A2%D0%98%D0%A2%D0%A3%D0%A6%D0%98%D0%9E%D0%9D%D0%9D%D0%AB%D0%95%20%D0%9F%D0%A0%D0%98%D0%9D-%D0%A6%D0%98%D0%9F%D0%AB.pdf>
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Уборщица стала главой одного из сельских поселений в Костромской области // Известия : ежедневная общественно-политическая газета. – 25.09.2020. – URL: <https://iz.ru/1065194/video/uborshchitca-stalaglavoiodnogoizselskikhposelenii-vkostromskoioblasti> (дата обращения: 10.02.2021).
5. Митягина Е. В. Студенты и политика: грани соприкосновения // Гражданская культура современного студенчества : материалы Международной конференции, посвященной 50-летию ССА-РОС (Екатеринбург, 14 ноября 2007 г.). – Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2007. – 252 с.
6. Вершинин С. Е. Жизнь – это надежда: Введение в философию Эрнста Блоха. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2001. – 304 с.
7. Хартия Совета Европы о воспитании демократической гражданственности и образовании в области прав человека // Совет Европы : официальный сайт. – URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/council-of-europe-charter-on-education-for-democratic-citizenship-and-human-rights-education> (дата обращения: 10.02.2021).

К вопросу об изучении прав человека в университетском курсе иностранного языка

Аннотация. В статье анализируются особенности изучения вопросов прав человека в процессе освоения университетского курса иностранного языка для будущих юристов. Рассматриваются различные формы работы, используемые в учебном процессе по данной дисциплине.

Ключевые слова: права человека; гражданское общество; международная защита прав человека.

Знание прав и свобод человека, а также их обязанностей, умения и навыки соблюдения, обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина являются обязательными составляющими правовой культуры будущих юристов. Формирование этих необходимых элементов, а также их апробация начинаются уже в студенческие годы, когда в ходе учебного процесса фактически в каждой дисциплине (гуманитарной, правовой) изучается тематика, связанная с теорией и практикой прав человека, национальной и/или международной защитой прав человека.

На первом курсе юридического факультета Гуманитарного университета, наряду с универсальными, базовыми дисциплинами, входящими в учебный план (теория государства и права, правоохранительные органы, конституционное право, история

Елена Юрьевна Старкова, ст. преподаватель кафедры европейского права и сравнительного правоведения АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Светлана Игоревна Глушкова, д-р полит. наук, завкафедрой прав человека АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

государства и права зарубежных стран, история государства и права России, др.) преподается и тематический спецкурс «Права человека», ряд тем из которого получает логичное продолжение при изучении университетского курса иностранного языка на втором и третьем курсах обучения будущих бакалавров юриспруденции.

На занятиях по правам человека рассматриваются вопросы теории и истории прав человека (в том числе классификация прав человека, классическая теория трех поколений прав человека К. Васака и концепция новых поколений прав человека, в том числе цифровых), а также национальной, европейской и международной защиты прав человека, судебных и внесудебных институтов защиты прав человека (в том числе института уполномоченного по правам человека, различных моделей этого института в разных странах – в виде омбудсмена юстиции, народного защитника, парламентского уполномоченного по делам администрации, др.).

Для лучшего усвоения достаточно объемного и сложного учебного материала по «Правам человека» в учебном процессе используются, наряду с традиционными (лекции, семинары, практикумы), и интерактивные формы работы, в частности внутривузовская олимпиада по правам человека и/или по правам ребенка, модельные процессы, деловые и ролевые игры, дискуссии, мини-конференции.

Во внеучебное время, в дополнение к классическим занятиям по курсу «Права человека», проводятся мастер-классы адвокатов, встречи с практикующими юристами, посещения и встречи с сотрудниками в Уставном суде Свердловской области, Арбитражном суде Свердловской области, Законодательном Собрании Свердловской области, встречи с Уполномоченным по правам человека Свердловской области и др.

Именно живое общение, реальные истории (кейсы) из жизни людей, примеры обращений к уполномоченному, адвокатам, примеры из судебной практики помогают обучающимся более эффективно разобратся с причинами нарушений прав человека, способами их защиты и более предметно, четко понять, как ра-

ботаю механизмы защиты прав человека, какие ресурсы (правовые и внеправовые) имеет каждый, чтобы уметь отстаивать свои права и свободы в современном обществе и государстве.

Модуль *«Права человека»* входит в программу курса *«Иностранный язык в сфере юриспруденции»* на третьем курсе юридического факультета Гуманитарного университета. На занятиях студенты рассматривают следующие вопросы: происхождение и развитие прав человека; международное сотрудничество по правам человека; деятельность международных правозащитных организаций; права человека в XXI веке.

При изучении этих тем обучающиеся обращаются к оригинальным текстам основных международных документов (стандартов) по правам человека, работают с материалами, размещенными на официальных сайтах ООН, Совета Европы, Европейского суда по правам человека, международных правозащитных организаций: UN Human Rights (ООН и права человека); UN High Commissioner for Human Rights (Управление Верховного комиссара ООН по правам человека); The International Committee of the Red Cross (Международный Комитет Красного Креста); European Court of Human Rights (Европейский суд по правам человека); European Committee for the Prevention of Torture (Европейский Комитет по предупреждению пыток); European Commission against Racism and Intolerance (Европейская комиссия по борьбе с расизмом и нетерпимостью), др.

Основной задачей при изучении модуля *«Права Человека»* является формирование и развитие у обучающихся понимания важности и ценности прав человека в жизни каждого из нас. Английский язык выступает в качестве инструмента, позволяющего присоединиться к международному потенциалу знаний по правам человека.

В ходе изучения особое внимание обучающихся обращается на следующие важные для понимания сути прав человека аспекты:

- 1) права человека – это, по сути, щит, который защищает отдельного человека от произвола государства;

2) все глобальные проблемы, о которых размышляют обучающиеся (локальные войны, международный терроризм, экологические катастрофы, социальное неравенство, бытовое насилие), так или иначе концентрируются на проблеме прав человека;

3) права человека не существуют без его обязанностей; каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором осуществляется его развитие как личности;

4) необходимость активного участия граждан в обеспечении и защите своих прав;

5) соблюдение прав человека помогает улучшить жизнь каждого из нас, сделать ее более безопасной и защищенной.

Среди тем, особенно волнующих обучающихся при изучении модуля «Права человека», можно отметить следующие:

1) расхождение между заявленными в международных и национальных стандартах по правам человека правами и их реализацией в жизни во многих странах мира;

2) использование прав человека в качестве инструмента политики, демагогии, манипулирования сознанием и поведением людей;

3) появление новых поколений и классификаций прав человека (например, цифровые права).

Для того чтобы тематика прав человека вызывала у обучающихся интерес и содействовала воспитанию гражданственности, на занятиях используются контекст и задания (упражнения), которые отражают ценности прав человека и обучают через действие (опыт), побуждают мыслить. Идеи уважения человеческого достоинства и соблюдения, обеспечения, защиты равенства всех перед законом и судом являются ценностными основаниями изучения модуля «Права человека» в университетском курсе иностранного языка.

Среди форм работы, которые используются в учебном процессе по данному модулю, и тематик занятий надо отметить следующие:

– *дискуссию* (например, по теме «Будущее прав человека»);

– *круглый стол* (например, по проблеме «Права человека: искусственный конструкт или естественные права, исходящие из самой природы человека?»);

– *проектную деятельность* (проведение социологического опроса по выявлению ситуации с правами человека);

– *case-studies* (изучение и обсуждение практики Европейского суда по правам человека; анализ конкретных жизненных ситуаций);

– *исследовательскую деятельность* (например, проследить эволюцию какого-либо права, подготовить публикацию на конкурс или конференцию);

– *доклад-сообщение* о роли личности в мировой и/или национальной системе защиты прав человека (Махатма Ганди, Нельсон Мандела, Мартин Лютер Кинг, Элеонора Рузвельт, Андрей Сахаров, Людмила Алексеева, Сергей Алексеев и др.).

С каждым годом тематика прав человека дополняется новой проблематикой, появляются новые ресурсы, что придает дополнительный импульс для особого внимания к этой теме (в том числе поиска новых интерактивных форм обучения) как обучающихся, так и преподавателей. При этом важным является взаимодействие преподавателей разных дисциплин, рассматривающих вопросы прав человека в рамках своих курсов, по поводу обсуждения содержания, литературы и источников, рекомендуемых интернет-ресурсов, интерактивных форматов освоения теории и практики прав человека.

Право на риск как базовое право человека: уроки пандемии COVID-19

Аннотация. Предлагается существующую классификацию абсолютных прав человека (право на существование, право на человеческую идентичность, право на справедливость) дополнить в части базовых прав, составляющих содержание права на существование (право на жизнь и право на смерть), правом на риск, т. е. на свободу поведения в условиях, вероятно способных привести к фатальным последствиям в связи с рискованной деятельностью или при взаимодействии с источником повышенной опасности. Именно здесь происходит взаимодействие этого права с абсолютным коллективным правом на защиту здоровья других лиц, причем в условиях пандемии COVID-19 это взаимодействие осложняется публичным злоупотреблением правом.

Ключевые слова: абсолютные и базовые права человека; право на существование, право на жизнь; право на смерть; право на риск; «право поступать плохо (по отношению к своему здоровью)»; абсолютное коллективное право на защиту здоровья других лиц; публичное злоупотребление правом.

Продолжающаяся пандемия COVID-19 ставит перед юридической наукой ряд вопросов, которые не только назрели, но, фактически, уже и «перезрели». Так, в частности, необходимо теоретическое решение вопросов: о праве на смерть, о праве на риск, о «праве поступать плохо» [1] по отношению к себе лично и о границе этого права в случае защиты здоровья других лиц.

Владимир Михайлович Танаев, ст. преподаватель юридического факультета АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Предложенная автором [2] теоретическая схема выделения абсолютных и базовых прав человека в этом случае нуждается в дальнейшем творческом развитии. Выделяя **три абсолютных права человека (на существование, на человеческую идентичность и на справедливость)** на биологическом, биосоциальном и социальном уровнях соответственно, мы закладываем теоретическую основу для построения собственно научной (дедуктивной) теории прав человека, взяв за основу **антропоцентрический подход в праве**, в соответствии с которым право в своей основе – это особенная коммуникативная функция психики людей, и без физического существования человека как основного субъекта права существовать не может. Поэтому абсолютные права человека – это те условия, без которых нет, собственно, и самого человека.

В рамках этого подхода абсолютное право на существование состоит из двух базовых прав – **права на жизнь** (ст. 20 К РФ 1993) и **права на смерть**, соответствующих природе человека как живого существа, что подтверждается как данными этологии, так и основными психологическими подходами (например, Эрос и Танатос З. Фрейда). Эти два базовых права находятся между собой (как, впрочем, и все другие базовые права – составные элементы абсолютных прав) в отношениях типа «китайская монада Инь-Ян», когда элементы одного присутствуют в структуре другого. Так, внутри права на жизнь находится эвтаназия (пассивная и активная) как элемент права на смерть, а внутри права на смерть находится право на паллиативную медицинскую помощь как способ продолжения жизни в условиях умирания.

Крайними же формами выражения права на жизнь и права на смерть являются **добровольная сдача в плен** (для продолжения жизни) и **самоубийство** (для добровольного ее прекращения). Кстати, именно отношение к этим двум формам проявления свободной воли человека и четко разделяет два типа общественно-го устройства – социоцентристский и персоноцентристский [3]. Так, в случае социоцентризма, для которого характерен выбор в качестве базовых права на смерть, права на коллективную идентичность и права на уравнительную (рестрибутивную) справед-

ливость, добровольная сдача в плен абсолютно неприемлема (например, знаменитый приказ «Ни шагу назад!»), как и самоубийство (например, наказание для самоубийц и их родственников при Петре I). В то же время для персонцентристских обществ характерны полное оправдание факта добровольной сдачи в плен (например, практика США и Израиля) и отсутствие правового преследования в случае добровольного самоубийства, не повлекшего за собой негативных последствий для окружающих.

Та тонкая грань, которая разделяет эти два права (право на жизнь и право на смерть) представляет собой своеобразную «серую зону», именно в которой и происходит реализация свободы воли человека по отношению к этим двум правам и возникает особое, базовое по своей природе право человека – **право на риск** [4], т. е. на свободу поведения в условиях, вероятно, могущих привести к фатальным последствиям в связи с рискованной деятельностью или при взаимодействии с источником повышенной опасности.

Таким образом, право на риск может быть связано как с деятельностью (в т. ч. профессионального характера) и носить постоянный характер, так и с источником повышенной опасности и носить временный, ситуативный характер. Именно на существовании подобных ситуаций основан принцип информированного согласия (в случаях медицинских экспериментов, оказания медицинской помощи, при рекомендательном характере соблюдения масочного режима, при рекомендательной вакцинации и т. п.)

Именно здесь базовое право на риск входит в контакт с **абсолютным коллективным правом на защиту здоровья других лиц** (ч. 3 ст. 55 К РФ 1993) [1]. Здесь проходит граница между базовым правом на жизнь (ст. 20 К РФ 1993) и базовым правом на риск, так как право на жизнь не может быть ограничено даже 3-ФЗ «О чрезвычайном положении», в то время как право на риск может быть ограничено (например, 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»), в частности когда речь идет об обязательном соблюдении масочного режима, обязательной вакцинации и т. п.

Если для абсолютного коллективного права на защиту здоровья других лиц характерен **режим ограничений и санкций** в случае его несоблюдения (обязательная вакцинация, обязательный масочный режим, ограничения на передвижение и т. п.), то для базового права на риск (рекомендуемая вакцинация, рекомендуемый масочный режим и т.п.) возможен только **режим позитивно-го стимулирования**, не носящий дискриминационного характера. В частности, это касается и особой формы права на риск как **«права поступать плохо (по отношению к своему здоровью)»**, которое реализуется, в частности, в случаях, не носящих строго эпидемического характера: употребление алкоголя, наркотиков; табакокурение; незащищенный секс, злоупотребление определенными пищевыми продуктами (с повышенным количеством жиров и углеводов); гиподинамия и т. п.

На практике же, особенно в условиях пандемии, нарушение этих принципов правового регулирования достаточно часто приводит к принятию мер явно дискриминационного характера, и в этом случае мы можем говорить о **публичном злоупотреблении правом как особом правовом институте**. В частности, признаки этого явления наблюдаются как в требовании обязательного ношения перчаток – требовании, не имеющем под собой никаких научных или международно-рекомендательных оснований (ВОЗ), – так и во включении во «Временные методические рекомендации “Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19)”» (в том числе и в последнюю, 10-ю версию от 08.02.2021 г.) медикаментозных препаратов, эффективность которых или не доказана (фавипиравир – коронавир и т. п.; умифеновир – арбидол и т. п.) в соответствии с международными стандартами (ВОЗ), или прямо доказано их отрицательное действие при данном заболевании (гидроксихлорохин) и применение их в этом случае запрещено (ВОЗ). Эти примеры говорят о явно недостаточном правовом регулировании подобных ситуаций, что является еще одним примером уроков пандемии COVID-19.

Литература

1. Семитко А. П. Право и свобода человека поступать плохо // Права человека : энциклопедический словарь / отв. ред. С. С. Алексеев. – М. : Норма, 2018. – С. 156–159.
2. Танаев В. М. Система абсолютных и базовых прав человека // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : материалы XXI российской науч.-практ. конференции (с междунар. участием). – Екатеринбург, 2019. – С. 311–315.
3. Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс / А. П. Семитко ; Урал. гос. юрид. акад., Гуманитар. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во УрГЮА : Изд-во Гуманитар. ун-та, 1996. – 312 с.
4. Танаев В. М. Понятие «риск» в Гражданском кодексе России // Актуальные проблемы гражданского права. – М. : Статут : Юрист, 2000. – Вып. 3. – С. 8–34.

Современное состояние французской компаративистики

Аннотация. В статье анализируются основные особенности предмета и методологии исследований в области сравнительного правоведения, проводимых французскими учеными конца XX – начала XXI в. По мнению автора, анализ их концепций позволяет выделить следующие группы функций компаративистики: внеюридические и юридические. При этом компаративистика рассматривается французскими правоведами преимущественно в качестве относительно самостоятельной вспомогательной науки. Ее ведущие направления сегодня: функционализм, экономический анализ права, культурологическая школа права и школа критических юридических исследований.

Ключевые слова: сравнительное правоведение (компаративистика); методология; функционализм; экономический анализ права; культурологическая школа права; школа критических юридических исследований.

Актуальность исследования методологии современного сравнительного правоведения обусловлена поиском новых способов познания правовых феноменов, которые отвечают потребностям постиндустриального общества. Значительное увеличение объема правовой информации, с одной стороны, и упрощение доступа к ней за счет развития высоких технологий – с другой, а также процессы глобализации и унификации права ставят перед юристом задачу оценки накопленного опыта в сфере сравнительно-правовых исследований [1, р. 11–16]. Иными словами, необходима оценка реального воздействия компаративи-

Василий Алексеевич Токарев, канд. юрид. наук, научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия).

стики на формирование, развитие, функционирование правовых систем. При этом французские ученые полагают, что сравнительное правоведение – как важный и неотъемлемый элемент концептуального осмысления права – следует признать относительно самостоятельной вспомогательной наукой [4, с. 500]. Поэтому сегодня компаративистика нуждается в более эффективной методологии, чем та, которую разрабатывали ее основоположники. И снова французский опыт может оказаться весьма полезным для отечественной науки, начинавшей знакомиться с проблематикой сравнительного правоведения в начале прошлого века во многом благодаря французской и немецкой научной литературе.

Сравнительное правоведение рассматривается французскими юристами с точки зрения фундаментального и прикладного значения разрабатываемой и применяемой методологии, выдвигаемых гипотез, полученных результатов. Поскольку постсоветские правоведы (М. Н. Марченко, А. Х. Саидов, Ю. А. Тихомиров, В. А. Туманов), как правило, придерживаются такого же подхода, определенный интерес представляет выявление отличительных черт предметного поля и методологии французского сравнительного правоведения. Определив их, можно на следующем этапе исследования выявить характерные черты отечественной науки сравнительного правоведения. Анализ особенностей французской модели сравнительного правоведения начала XXI в. позволяет условно выделить следующие группы функций компаративистики: 1) внеюридические и 2) юридические.

В первом случае компаративисты исследуют национальные правовые системы, ориентируясь на особенности ряда структурных элементов социума (политика, экономика, религия, мораль, язык, традиции...). По их мнению, посредством этого подхода развиваются междисциплинарные связи сравнительного правоведения с теорией, историей, социологией, философией права, юридической антропологией, а также с психологией, политологией и экономикой. В качестве примера приведем работы Н. Рулана «Юридическая антропология» и «Историческое введение в право». Их автор проводит сравнительно-правовой анализ отдельных понятий и категорий юридической науки (государство, ответственность, права человека, брак...) в исторической пер-

спективе (см., например: [6, с. 242–295]). Полагаем, что такое исследование может оказаться полезным не только для историков и антропологов права. Более того, французский ученый постоянно подчеркивает, что право не сводится к нормативным правовым актам и перспективы его рецепции зависят от сложившегося в конкретном обществе отношения к власти, праву и иным регуляторам поведения людей (см. подробнее: [5, с. 15]).

В рамках изучения юридических функций компаративистики определяются возможные направления развития и совершенствования правовых систем в перспективе их интеграции и эффективного использования конструкций национального права на региональном, прежде всего европейском, и глобальном уровнях международных отношений. Тогда в поле зрения правоведа оказывается проблематика взаимовлияния и взаимопроникновения национальных правопорядков и европейского права, в т. ч. прецедентных практик конституционных судов и Европейского суда по правам человека. Она, в свою очередь, тесно связана с вопросом о возможности ограничения государственного суверенитета нормами, требующими признания, соблюдения и защиты фундаментальных прав и свобод. Правовые системы сравниваются между собой с точки зрения пределов признания и защиты конкретных субъективных прав, преимущественно первого и последнего поколений. Эффективность проводимого на данном уровне исследования зависит от предварительного сопоставления концепций прав человека, суверенитета, основных законов и конституционного контроля, имеющих свои особенности не только в рамках отдельных правовых семей, но и в каждой правовой системе. По сути, этот предварительный этап исследования представляет собой метасравнение, или сравнение идей, концепций, теорий, например учений о позитивной дискриминации.

Французские компаративисты традиционно уделяют правоприменительной практике существенно меньше внимания, чем их коллеги, представляющие «мир общего права». Они больше интересуются факторами, оказывающими влияние на среду существования правовых феноменов. Однако, в отличие от своих предшественников, таких как известный специалист по конституционному праву и политической социологии М. Дюверже, со-

временные французские юристы не останавливаются на анализе внешних факторов, обуславливающих процессы правотворчества и правоприменения. Предмет их исследований образуют вопросы, связанные также с основаниями и юридической силой правовых суждений, мотивацией поведения правовых субъектов. В частности, их исследования могут быть нацелены на выявление общих и особенных черт таких важных аспектов деятельности судей, как: 1) понимание ими своей роли в обществе («хранители публичной добродетели», по образному выражению А. Гарапона [3, с. 59]); 2) толкование права в соответствии с определенной доктриной (причины и последствия ее выбора); 3) принятие социально-ориентированных решений и т. д.

Например, М. Тропер, размышляя над тем, являются ли судьи конституционных судов реалистами, предлагает различать «реализм» как направление общей теории права, тип поведения и онтологию права. По его мнению, эти три значения одного и того же понятия соответствуют различным типам языка. Поскольку они логически не связаны между собой, судья конституционного суда может быть реалистом с одной точки зрения и не быть им с другой. Выбор судьей правовой нормы, применяемой им в конкретном деле, зависит, по мнению М. Тропера, от эпистемологических предпосылок, аналогичных тем предпосылкам, которые находятся в основании процесса познания права [7, с. 50–62].

Подчеркнем, что юридическая эпистемология, подобно юридической феноменологии, по-прежнему занимает лидирующие позиции во французском правоведении. Однако следует отметить возрастающую с 1980-х гг. популярность функционализма и экономического анализа права. Они относятся к четырем основным направлениям сравнительно-правовых исследований в современной французской науке, вместе с культурологической школой права и школой критических юридических исследований [2, р. 12]. Сторонники функционализма и экономического анализа права придерживаются такого взгляда на компаративистику, согласно которому ее основной целью является помощь в решении проблем, стоящих перед законодателем и судьей. Представители культурологической школы права и школы критических юридических исследований возражают против ограничения методоло-

гии компаративистики инструментарием решения конкретных практических задач. Общим для всех четырех направлений сравнительно-правовых исследований является поиск разумного баланса между «параллеломанией» и «параллелофобией» [2, р. 9].

Обозначенные выше тенденции, которые характерны для современной французской компаративистики, свидетельствуют о возможности проведения сравнительно-правовых исследований в перспективе понимания права как социокультурного феномена. Французские правоведы обращаются к анализу многоуровневой правовой реальности, не ограничивая предмет своих исследований догматикой. Правовые нормы и институты рассматриваются ими в контексте «единого ансамбля» (Р. Леже). Ориентирами для исследователя служат процессы трансформации права, взаимовлияния правопорядков и юридических культур (т. н. «правовая аккумуляция») и формирования национальной идентичности.

На наш взгляд, представление о методах научного исследования, применяемых сегодня французскими учеными, позволит обновить методологический аппарат отечественной науки сравнительного правоведения. Тогда как расширение в разумных пределах предметного поля сравнительно-правовых исследований поможет точнее определить положение российской правовой системы на «юридической карте мира».

Литература

1. Garapon A., Lassègue J. Justice digitale. Révolution graphique et rupture anthropologique. – Paris : P.U.F., 2018. – 364 p.
2. Goltzberg S. Le droit comparé. – Paris : P.U.F., 2018. – 128 p.
3. Гарapon А. Хранитель обещаний: суд и демократия. – М. : Nota Bene, 2004. – 328 с.
4. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 592 с.
5. Рулан Н. Историческое введение в право. – М. : Nota Bene, 2005. – 672 с.
6. Рулан Н. Юридическая антропология. – М. : Норма, 2000. – 310 с.
7. Тропер М. Реализм и судья Конституционного суда // Вестник Гуманитарного университета. – 2018. – № 2. – С. 50–62.

Раздел четвертый

Сохранение и укрепление психологической безопасности в период пандемии

Н. А. Белоусова, Д. Н. Васьков, Е. Н. Сюткина

Особенности аккультурационных ожиданий/стратегий в группах различных этносов, проживающих на общей территории (на примере жителей Амурской и Свердловской областей)¹

Аннотация. В данном исследовании поднимается проблема выбора аккультурационных ожиданий/стратегий представителями разных этносов, проживающих на одной территории. Выбор этническими группами таких стратегий, как «интеграция», «ассимиляция», «сегрегация» и «исключение», обусловлен как экономическими и социальными показателями, так и своеобразием этнического состава в разных субъектах РФ. Выявление аккультурационных ожиданий/стратегий способствует пониманию характера межэтнических отношений, а также выявлению конфликтов, возникающих на этнической почве.

Ключевые слова: аккультурационные ожидания; этнос; этничность; межэтнические отношения.

Наталья Александровна Белоусова, мл. научный сотрудник кафедры социальной психологии факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Дмитрий Николаевич Васьков, аспирант 1-го курса направления «Психологические науки», АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Елена Николаевна Сюткина, канд. филос. наук, ст. преподаватель факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

¹ Работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00112) «Психологическая безопасность как интегральный показатель формирования этнической идентичности в международном взаимодействии россиян».

Процессы глобализации, происходящие во всем мире, приводят к усложнению межэтнических взаимоотношений. Отмечается интенсификация миграционных потоков, оказывающих значительное влияние на способы взаимодействия и самочувствие людей. Социальные взаимодействия, конфликты в полиэтнической среде нередко могут приводить к переосмыслению роли этнической принадлежности человека и к изменениям в межэтнических отношениях.

В России проживает более 180 национальностей (этнических групп). Осознание и степень принятия этнического многообразия общества во многом определяют мировоззренческую позицию каждого человека, наиболее ярко проявляющуюся в межэтнических отношениях. Особенности этничности и этнического самосознания личности взаимосвязаны с уровнем напряженности межэтнических отношений. Это проявляется в таких показателях, как этническая толерантность и установка на социальное равенство.

Нами было проведено исследование, в котором приняли участие респонденты Свердловской и Амурской областей. Особенности межэтнических отношений в данных регионах определены различиями социальных и экономических показателей, особенностями этнического состава, а также территориальным расположением Свердловской и Амурской областей. Анализ экономической, культурной и физической безопасности респондентов в Свердловской и Амурской областях показал, что самый низкий уровень безопасности в данных регионах – экономический. На втором месте – физическая безопасность и на последнем – культурная безопасность. В процессе исследования были выявлены преобладающие аккультурационные ожидания у групп респондентов с разным национальным самоопределением.

Для выявления аккультурационных ожиданий различных этносов респонденты обеих областей были разделены на разные этнические группы, которые были условно названы – «русские» и «другие». В группу «другие» вошли представители разных этнических групп, населяющих Свердловскую и Амурскую области, причем стоит отметить тот факт, что население Свердловской об-

ласти представлено большим этническим разнообразием, чем в Амурской области. Однако в Амурской области заметную роль играет близкое «соседство» с Китаем, оказывающее определенное влияние на межличностные отношения и аккультурационные ожидания принимающего населения.

Исследование было проведено с помощью методики аккультурационных ожиданий Джона Берри в адаптации З. Х. Лепшковой и А. Н. Татарко. Под аккультурационными ожиданиями понимаются установки принимающего населения (или представителей доминирующей этнической группы) относительно того, как именно мигранты или представители этнических меньшинств должны адаптироваться среди принимающего населения (или среди представителей доминирующей этнической группы) в различных сферах повседневной жизни. Д. Берри выделяет 4 аккультурационных ожидания: «интеграция» (ранее – «мультикультурализм»), «ассимиляция» (ранее – «плавильный котел»), «сегрегация», «исключение» [1].

Полученные результаты анализа аккультурационных ожиданий в группах «других этносов» Амурской и Свердловской областей (средний балл) распределились следующим образом. В группе представителей других этносов Амурской области в качестве ведущего аккультурационного ожидания выступает интеграция (24,13 балла). На втором месте – исключение (8,63 балла), далее идет ассимиляция (18,17 балла), а на последнем месте стоит сегрегация – 17,13 балла.

Высокие значения по такому ожиданию, как интеграция, предполагают, что респонденты данной группы в большей степени стремятся как сохранить свою исконную идентичность и культуру, так и встроиться в культуру доминирующего населения. Для них важно найти баланс, успешно встроиться в среду и не растерять свою самобытность. На втором месте – такое ожидание, как исключение, свидетельствующее о том, что часть представителей «других этносов» Амурской области, наоборот, стремится жить внутри своей культуры, не воспринимая при этом культуру доминирующей группы. Возможно, эти люди формируют закрытые

диаспоры, где доминирует родная культура индивида, а не большинства населения, среди которого они живут.

В группе представителей других этносов Свердловской области в качестве ведущей аккультурационной стратегии выступает интеграция – 27,93 балла. На втором месте – ассимиляция – 15,42 балла. Далее идет сегрегация – 12,56 балла, а на последнем месте стоит исключение – 12,25 балла.

Преобладание таких ожиданий, как интеграция и ассимиляция, свидетельствует о том, что часть респондентов других этносов Свердловской области готова принять культуру доминирующей группы, но при этом сохранить и свою культуру тоже. Другие респонденты постоянно стремятся к контакту с представителями доминирующей группы, готовы усваивать их культуру и не поддерживать сохранность культуры своей этнической группы.

В группе русских Амурской области в качестве ведущего аккультурационного ожидания выступает интеграция – 23,26 балла. На втором месте – исключение – 20,51 балла. Далее идет ассимиляция – 18,80 балла, а на последнем месте стоит сегрегация – 18,24 балла. Здесь обнаруживается такая же тенденция, как и в группе других этносов Амурской области.

В группе русских Свердловской области в качестве ведущего аккультурационного ожидания выступает интеграция – 26,91 балла. На втором месте – ассимиляция – 16,22 балла. Далее идет исключение – 13,33 балла, а на последнем месте стоит сегрегация – 13,69 балла.

Можно предположить, что часть населения Свердловской области предпочитает как сохранять свою культуру, так и усваивать ту, в которой она живет, а также включать представителей других национальностей в свою повседневную жизнь. Некоторые представители доминирующего населения желают, чтобы другие этносы отказались от своей исконной культуры и стали частью той, в которой они живут. Часть респондентов доминирующего населения не хотят иметь никаких контактов с нерусскими и, следовательно, не включают тех в свой круг общения. Последняя группа принимающего населения ожидает, что представители других национальностей будут избегать с ними контактов.

При анализе степени ориентации на мультикультурную идеологию показатели выше в группе «других этносов» Амурской области (3,58), чем в группе «других этносов» Свердловской области (3,53).

Данная установка характеризует степень одобрения этническим большинством политики мультикультурализма. Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что представители группы «других этносов» Амурской области в большей степени ориентированы на политику мультикультурализма, чем «другие этносы» Свердловской области.

Ориентация на мультикультурную идеологию выше в группе «русских» Свердловской области, чем в группе «русских» Амурской области (3,38).

Степень одобрения политики мультикультурализма выше в группе русских респондентов Свердловской области (3,43), чем в группе русских респондентов Амурской области (3,38). Можно предположить, что русское население Свердловской области более позитивно относится к культурному разнообразию.

Выбор аккультурационной стратегии не происходит в социальном вакууме, он является ответной реакцией на аккультурационные ожидания принимающего населения. Россия является уникальной страной, в которой этническое разнообразие приводит порой к нарушению баланса в межэтнических отношениях. Выявление ведущих аккультурационных стратегий принимающего населения и других этносов, проживающих на территории РФ, позволит максимально сгладить межэтнические конфликты.

Литература

1. Лепшокова З. Х., Татарко А. Н. Адаптация и модификация методики аккультурационных ожиданий Джона Берри // Социальная психология и общество. – 2017. – Т. 8, № 3. – С. 125–146.

Н. А. Белоусова, Е. Н. Сюткина, О. С. Солодухина

Проблемы психологической безопасности субъектов межэтнического взаимодействия¹

Аннотация. В условиях высокой миграционной активности принимающее население переживает угрозу для своей политической самостоятельности, экономического благополучия и культурной самобытности, что ведет к развитию негативных этнических стереотипов, демонстрации недоверия, враждебности, презрения, а в конечном счете – к росту агрессивности субъектов межэтнического взаимодействия, буллингу и дискриминации по национально-этническим признакам.

Ключевые слова: психологическая безопасность; межэтническое взаимодействие; этнические стереотипы; этническая идентичность; буллинг; агрессия.

Характерная для современная мира высокая миграционная активность усиливает напряжение в социуме. Несмотря на то что она чаще всего обусловлена потребностью людей в поиске наиболее безопасных и стабильных условий жизнедеятель-

Наталья Александровна Белоусова, мл. научный сотрудник кафедры социальной психологии факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Елена Николаевна Сюткина, канд. филос. наук, ст. преподаватель факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Ольга Сергеевна Солодухина, мл. научный сотрудник кафедры общей и прикладной психологии факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

¹ Работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00112) «Психологическая безопасность как интегральный показатель формирования этнической идентичности в межнациональном взаимодействии россиян».

ности, мигранты, напротив, часто сталкиваются с проблемами поиска жилья и работы, становятся жертвами культурного шока, испытывают языковой барьер, переживают одиночество, дискриминацию, эксплуатацию, насилие, подвергаются риску виктимизации по этническому признаку, что заставляет их считать себя неприемлемыми и неценными для принимающего сообщества. Например, молодые иммигранты в Швеции, особенно неевропейцы в первом поколении, сообщают об ощущении социального отторжения и изоляции [9].

Осознание принимающим населением угрозы для политической самостоятельности, экономического благополучия и культурной самобытности может способствовать развитию негативных этнических стереотипов. Этнические стереотипы определяют непонимание и неприятие особенностей культуры и поведения представителей иных этносов, способствуют развитию уверенности представителей одного этноса в своем превосходстве над представителями иных этносов, приводящей к агрессивному поведению, недоверию, враждебности, презрению и другим угрозам психологической безопасности межэтнического взаимодействия.

Согласно исследованию агентства «Михайлов и Партнеры. Аналитика», проведенному в сентябре 2019 года, 33,6 % респондентов в возрасте от 16 до 18 лет одним из наиболее распространенных поводов для школьной травли считают национально-этнические особенности личности. По данным проведенного в Институте образования ВШЭ анализа феномена подросткового буллинга за рубежом и в России, «школьники, не относящие себя к этническому большинству в группе, чаще сообщают об издевательствах со стороны одноклассников» [2, с. 5]. Зарубежными учеными также были получены последовательные доказательства того, что молодежь и иммигранты из расовых и этнических меньшинств с большей вероятностью, чем молодежь из числа большинства и коренного происхождения, подвергаются издевательствам и травле [10].

Буллинг (от англ. *bullying* – издевательство, запугивание, травля) как угроза психологической безопасности личности проявля-

ется в особой форме целенаправленно агрессивного поведения, которая включает повторяющиеся и негативные поведенческие модели (например, умышленное нанесение травм) одним или несколькими лицами по отношению к жертве. Физическая агрессия проявляется в актах порчи имущества, принадлежащего жертве, нанесения ран, избиения и даже убийства жертвы. Психологическая агрессия связана с распространением клеветы, сплетен, порочащих фото или видео о жертве, оскорблениями, проклятиями, обвинениями, угрозами и т. д. Кроме того, определение буллинга включает реальный или предполагаемый дисбаланс сил, когда жертва не может защитить себя. В научной литературе активно исследуется феномен травли на рабочем месте [4], а также школьной травли. Так, согласно исследованию агентства «Михайлов и Партнеры. Аналитика», проведенному в сентябре 2019 года, 52 % опрошенных рассказали о буллинге со стороны сверстников, 32 % респондентов жаловались на психологическую агрессию, 26,6 % – на физическую [3]. У жертв буллинга фиксируется более высокий уровень тревожности, депрессии, суицидальных мыслей и более низкий уровень субъективного благополучия [7]. Быстрый рост электронных и компьютерных коммуникаций и обмена информацией за последние десятилетия резко изменил традиционный набор каналов социального взаимодействия и активировал новые угрозы психологической безопасности личности. Так, по всему миру распространилась новая форма буллинга – кибербуллинг, или киберзапугивание, которое проявляется в агрессивном поведении, связанном с электронным общением с целью причинения вреда жертве [7].

В спектре ролей участников процесса травли выделяются «жертва», «агрессор» и «сторонние наблюдатели». Важность последних определяется принятием поведения агрессора, отсутствием осуждения его поведенческих моделей, что приводит к отсрочке справедливого наказания и только увеличивает уровень агрессивности. Одной из причин такой позиции является страх наблюдателей попасть в положение жертвы, что побуждает их скрывать свое возможное сочувствие жертве и не предпринимать ничего против действий агрессора. Однако в современном поли-

этническом обществе активизируется еще одна важная причина буллинга, которая как раз связана с действием негативных расовых и этнических стереотипов и дискриминацией по отношению к отдельным этническим социальным группам [8] в условиях интенсификации межэтнического взаимодействия. Эта ситуация требует выработки социальных и педагогических методов борьбы с буллингом для обеспечения психологической безопасности личности и общества. В этом контексте представляются значимыми данные о том, что выраженная этническая идентичность у субъектов межэтнического взаимодействия может защитить от травли. Так, была выявлена отрицательная корреляция сильной этнической идентичности с одиночеством, депрессией и агрессией, было установлено, что позитивная этническая идентичность ведет к меньшей восприимчивости агрессии со стороны сверстников [10], снижает вероятность агрессивного поведения по отношению к сверстникам [5]. Таким образом, этническая идентичность у представителей расового и этнического меньшинства как субъектов межэтнического взаимодействия является предпосылкой для развития психологической безопасности за счет утверждения чувства принадлежности и просоциальных связей с семьей и сверстниками, что снижает риск запугивания и травли.

В процессе выработки методов борьбы с агрессией в межэтническом взаимодействии необходимо учитывать, что, согласно некоторым исследованиям, представители расовых или этнических меньшинств могут подвергаться большему риску травли со стороны сверстников как из чужой группы, так и внутри своей группы. Некоторые исследователи обнаруживали, что представители меньшинств практикуют издевательства даже чаще, чем группа большинства. Во многом это объясняется тем, что жизнь в среде, где насилие привычно и даже поощряется, может подвергнуть иммигрантскую молодежь и молодежь из числа меньшинств риску агрессивного поведения, поскольку систематическое наблюдение и переживание насилия создает уверенность, что агрессивное поведение приемлемо как способ разрешения конфликта и обеспечения безопасности. Например, в США, поскольку афроамериканская молодежь охотнее, чем белая молодежь,

одобряет агрессивное поведение, афроамериканцев воспринимают как более агрессивных по сравнению с белыми. Кроме того, восприятие определенных этнических групп как более агрессивных может привести к выполнению самоисполняющегося пророчества, когда люди ведут себя так, чтобы вызвать агрессивное поведение у тех, кого стереотипно считают агрессивными [10]. Также агрессивность поведения в межэтническом взаимодействии может усиливаться, по замечанию О. Ю. Зотовой и Н. А. Белоусовой, в связи с тем, что «люди, которые чувствуют себя неуверенно, могут сильнее реагировать на предполагаемые угрозы их этнической принадлежности» [1, с. 185].

В контексте психологической безопасности межэтнического взаимодействия также важными представляются результаты исследований, которые показывают, что депрессия и тяжелые суицидальные мысли распространены не только среди жертв издевательств, но и среди тех, кто совершал по отношению к ним агрессивные действия. Таким образом, угроза психологической безопасности возникает не только по отношению к жертвам издевательств, но и по отношению к самим агрессорам [6]. Это обостряет необходимость выработки социальных и педагогических методов снижения агрессии в межэтническом взаимодействии, которая исходит из осознания важности гуманизации межэтнических отношений путем преодоления негативных этнических установок и стереотипов, укрепления позитивной этнической идентичности, особенно среди мигрантов и представителей этнических меньшинств, тщательного социально-психологического анализа причин и факторов агрессивного поведения.

Литература

1. Зотова О. Ю., Белоусова Н. А. Особенности взаимосвязи межэтнических отношений и безопасности личности // Психологическая безопасность как интегральный показатель формирования этнической идентичности в межнациональном взаимодействии россиян : монография / Е. Б. Перельгина, А. И. Донцов, О. Ю. Зотова, Л. В. Тарасова, С. В. Мостиков, Е. Н. Сюткина, Н. А. Белоусова, О. С. Солодухина. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2020. – Гл. 4. – С. 185–239.

2. Миронова К. Травля в натуральную величину // Коммерсантъ. – 05.02.2019. – № 20. – С. 5.

3. Статистика дня: 52 % подростков сталкиваются с травлей в школах // Рамблер/новости : новостной ресурс. – 31.10.2019. – URL: https://news.rambler.ru/sociology/43085636/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 24.02.2021).

4. Baixauli E., Beleña A., Díaz A. Evaluation of the Effects of a Bullying at Work Intervention for Middle Managers // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2020. – Vol. 17 (20). – Article 7566. – DOI 10.3390/ijerph17207566.

5. Benish-Weisman M. Brief Report: Ethnic Identity and Aggression in Adolescence: A Longitudinal Perspective // Journal of Adolescence. – 2016. – Vol. 47. – P. 131–134.

6. Kaltiala-Heino R., Rimpelä M., Marttunen M., Rimpelä A., Rantanen P. Bullying, Depression, and Suicidal Ideation in Finnish Adolescents: School Survey // British Medical Journal. – 1999. – Vol. 319 (7206). – P. 348–351.

7. Kumar V. L., Goldstein M. A. Cyberbullying and Adolescents // Current Pediatrics Reports. – 2020. – Vol. 8 (3). – P. 86–92.

8. Lereya S., Copeland W. E., Zammit S., Wolke D. Bully/Victims: a Longitudinal, Population-Based Cohort Study of Their Mental Health // European Child & Adolescent Psychiatry. – 2015. – Vol. 24. – P. 1461–1471.

9. Plenty S., Jonsson J. Social Exclusion among Peers: the Role of Immigrant Status and Classroom Immigrant Density // Journal of Youth and Adolescence. – 2017. – Vol. 46. – P. 1275–1288.

10. Xu M., Macrynika N., Waseem M., Miranda R. Racial and Ethnic Differences in Bullying: Review and Implications for Intervention // Aggression and Violent Behavior. – 2020. – Vol. 50. – Article 101340. – DOI 10.1016/j.avb.2019.101340.

Вандализм как маркер нарушения психологической безопасности в городской среде¹

Аннотация. В статье рассматривается феномен вандализма в современной городской среде как маркер возможного нарушения ее психологической безопасности. Указывается на неоднозначность трактовки вандализма, описываются ключевые аспекты в контексте его влияния на городскую среду и психологическую безопасность ее жителей. Описываются потенциальные риски данной формы деструктивного поведения с точки зрения его восприятия горожанами и/или гостями города, сформулированные на основании результатов проведенных фокус-групп.

Ключевые слова: вандализм; молодежь; городская среда; психологическая безопасность.

Современная городская среда – пространство, в котором максимально представлены самые разнообразные элементы (от архитектурных форм до световых инсталляций), отличающееся высокой динамичностью и являющееся условием жизнедеятельности каждого второго жителя Земли. В нем, помимо запланированных и согласованных изменений, ежедневно появляются результаты несанкционированной активности некоторых жителей – вандализм. Несмотря на его многовековую историю, четкости в дефиниции этого феномена нет до сих пор. В нормативно-правовом поле РФ под вандализмом понимают причинение

Ирина Владимировна Воробьева, канд. психол. наук, доцент, начальник отдела развития научных исследований ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (г. Екатеринбург, Россия).

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01278).

вреда имуществу на общественном транспорте или осквернение зданий и иных сооружений [3]. Подобная трактовка существенно ограничивает правоприменительную практику, поскольку, по мнению многих юристов, термин «осквернение» содержательно не описан, а порча имущества может быть квалифицирована по другим, более однозначным в трактовке статьям. Вместе с тем исследования данного феномена активно развиваются, зарубежные и отечественные специалисты не только изучают различные формы проявления вандальной активности, но и обсуждают возможные предикторы этой деструктивной стратегии взаимодействия человека с окружающей его средой [1; 2].

Отдельным вопросом обозначается влияние вандализма на восприятие городского пространства и формирование на этой основе состояния безопасности человека, который в нем находится. По мнению Т. В. Эксакусто и Н. А. Лызь, психологическая безопасность – это состояние динамического баланса отношений субъекта (к миру, к себе, к другим), его активности и удовлетворенности, соответствующих различным (в том числе угрожающим) влияниям внешнего и внутреннего мира, которое позволяет субъекту сохранять целостность, развиваться, реализовывать собственные цели и ценности в процессе жизнедеятельности [4]. Вандализм в данном контексте может выступать своеобразным маркером, сигнализирующим о том, что среда содержит определенные угрозы, которые прочитываются человеком как на сознательном уровне, с концентрацией внимания на отдельных вандальных элементах, так и неосознанно, когда вандализм становится уже фоновым раздражителем.

При анализе вандализма в городской среде необходимо учитывать несколько ключевых аспектов.

1. *Локализация результатов вандальных актов.* Согласно многолетним исследованиям нашего научного коллектива, граффити и деструктивные формы подобной активности имеют специфику в своей локализации. Так, рисунки представителей субкультурных сообществ (граффити), как правило, располагаются в местах коммуникации или на протяжении привычных маршрутов передвижения членов сообщества, а также на объектах, ко-

торые имеют определенное значение для группы с точки зрения сложности нанесения изображения, определенной семантики и пр. Коммуникационный вандализм, представляющий собой надписи и рисунки с обращением к кому-либо или чему-либо, локализуется также в местах активного взаимодействия молодежи при соблюдении условий возможности анонимного совершения данных действий. Адресные обращения, а также несанкционированная реклама и реклама запрещенных веществ или услуг располагаются в местах потенциального просмотра их адресатом или потребителями. Деструктивные формы вандализма (порча, разрушение объекта или его части) привязаны к местонахождению объекта городской среды. Триггерами могут выступать как уже существующие разрушения у объекта (теория «разбитых окон» [5]), так и представления горожан (или отдельных групп) о его неконгруэнтности по отношению к пространству города.

2. *Динамика изменений результатов вандальных актов.* Данный аспект напрямую связан, с одной стороны, с существующими правовыми алгоритмами реагирования соответствующих служб, а с другой – с активностью субъектов подобных действий. Например, при обнаружении элементов теневого маркетинга на поверхности зданий или сооружений муниципальные службы обязаны сделать данную информацию недоступной для прочтения, при этом ее восстановление, как правило, происходит в кратчайшие сроки. Пространство, насыщенное субкультурным графическим вандализмом, обновляется также достаточно быстро, но этот процесс осуществляется в строгом соответствии с нормами и правилами сообщества. Темпы изменений вандальных коммуникационных сообщений также связаны с несколькими факторами: наличием обратной связи в форме ответа или поддержки, наличием социального контроля, наказаний или санкций за содеянное, установлением субъекта вандальной активности и др.

3. *Семантический контекст результатов вандальных актов.* Рассматривая вандализм как специфическую форму коммуникации жителей города, можно утверждать, что его результаты содержат определенный смысл, который может выражаться в до-

ступной для всех форме, а может содержать информацию, понятную только определенным людям или социальным группам.

Конкретизация рисков, появляющихся у жителей в городской среде, содержащей вандализм, осуществлялась посредством метода фокус-групп. Участниками фокус-групп стали 104 представителя молодежи в возрасте от 19 до 24 лет. Фокус-группе последовательно демонстрировались конкретные примеры вандализма (фоторяд), затем происходило групповое обсуждение и осуществлялась оценка по заранее сформулированным показателям. В качестве стимульного материала были выбраны различные примеры вандализма: графические формы (художественное граффити, несанкционированная реклама, примеры теневого маркетинга), деструктивные формы (разбитые окна, сожженный автомобиль), замусоривание (заклейка объявлениями, наклейками, разбросанный мусор).

Обобщая полученные результаты, можно утверждать, что наибольшее влияние на нарушение психологической безопасности среды оказывает деструктивный вариант вандализма, именно он вызывал наиболее острую реакцию и однозначно оценивался участниками фокус-групп. Вместе с тем в вандально-преобразованной среде города, с точки зрения ее психологической безопасности, можно обозначить несколько рисков, обуславливающих устойчивое негативное отношение к ней среднестатистического жителя:

- 1) насыщенность городского пространства результатами вандальных актов может свидетельствовать об активности в нем молодежных субкультурных сообществ или групп;

- 2) вандализм в среде с очевидным нарушением эргономики пространства демонстрирует проблемы в управлении, низкий социальный контроль и невключенность жителей в сохранность места своего проживания;

- 3) нахождение и систематическое восстановление элементов теневого маркетинга сигнализирует о проживании в среде потенциальных потребителей рекламируемых товаров или услуг.

Литература

1. Ватова Л. С. Социально-психологические основания молодежного вандализма и его профилактика. – М. : Народное образование ; МПСИ, 2007.
2. Волкова Е. Н., Митицина Е. А. Обзор психологических исследований вандализма детей и подростков как основа проектирования программ профилактики в образовательной среде // Вестник Мининского университета. – 2020. – Т. 8, № 3 (32). – С. 6.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации с комментариями и изменениями 2021 года. – URL: <https://uk-kodeks.ru/> (дата обращения: 19.02.2021).
4. Эксакусто Т. В., Лызь Н. А. Психологическая безопасность в проблемном поле психологии // Сибирский психологический журнал. – 2010. – № 37. – С. 86–91.
5. Wilson J. Q., Kelling G. L. Broken windows // Atlantic Monthly. – 1982. – Vol. 249. – P. 29–38.

Психическое здоровье детей в условиях пандемии

Аннотация. Человек всегда сталкивался с различными жизненными трудностями из-за различных географических, социальных или медицинских бедствий: от черной оспы, кори, проказы, туберкулеза, лихорадки Эбола, атипичной пневмонии, свиного гриппа и до самой современной пандемии, с которой мы сталкиваемся сегодня, – пандемии коронавируса. Мы никогда не обращаем внимания на проблемы людей, пока не окажемся в подобной ситуации. Из-за пандемии изменяется привычная среда: изоляция и сокращение социальных контактов, к которым мы привыкли, вызывают чувство одиночества, незащищенности, беспокойства, страха. Негативные чувства также могут вызывать физические симптомы, такие как боль в животе, панические атаки, расстройство пищеварения, бессонница, боли в шее и мышцах, онемение и тому подобное. Данные симптомы проявляются не только у взрослых, к сожалению и дети сталкиваются с подобными проблемами.

Ключевые слова: коронавирус; дети; здоровье; эмоции; чувства.

Мы знаем, что пандемия – это проблема для каждой семьи, но особенно болезненно это переживают семьи с детьми, которые уже столкнулись с проблемами психического здоровья. Социальная изоляция, непосещение школы, отсутствие

Вангелица Гаврилова, д-р психол. наук, преподаватель, Международный славянский университет «Г. Р. Державин» (Свети Николе, Битола, Республика Северная Македония).

Елена Златева, магистр психол. наук, ассистент, Международный славянский университет «Г. Р. Державин» (Свети Николе, Битола, Республика Северная Македония).

привычного распорядка дня, а также страх потерять родного человека из семьи – одни из самых серьезных факторов стресса, с которыми сталкиваются дети. Как и взрослые, наши дети ощущают последствия пандемии. Дети испытывают новые опасения, например, не принесут ли они домой инфекцию, не заразят ли кого-нибудь из членов семьи, испытывают стресс из-за изменений в школьном распорядке и отсутствия привычного общения с одноклассниками. Возможно, некоторые дети избегают школы из-за насмешек со стороны сверстников или из-за того, что они испытывают душевный дискомфорт в школе, в то время как другие могут испытывать беспокойство из-за страха расстаться с друзьями.

Дети, которые особенно уязвимы перед проблемами психического здоровья, должны немедленно присоединиться к поддерживающим программам и лечению. Дети и подростки, пострадавшие от болезни или пережившие утрату близких, дети, живущие в малообеспеченных семьях, также относятся к уязвимым категориям и нуждаются в психологической помощи и поддержке. Стресс, связанный с продолжительностью пандемии или чувствительностью к инфекции, значительно снижается при соблюдении мер социальной дистанции. Дисциплина необходима людям, которые находятся в непосредственном контакте с этим типом детей, потому что соблюдение мер помогает детям чувствовать себя в большей безопасности. В этом случае снижается влияние стрессора.

Проблемы, с которыми взрослые и дети сталкиваются во время пандемии, включают: одиночество, печаль и сожаление по поводу физического дистанцирования; стигматизацию – особенно для людей, которые инфицированы или предположительно подвергались воздействию вируса (включая медицинских работников); финансовую неопределенность и проблемы с удовлетворением основных потребностей; напряженность в отношениях и домашнее насилие, связанное с домашней изоляцией; затрудненный доступ к здравоохранению и социальной поддержке – например, многие дети получают поддержку через школы, которые сейчас закрыты из-за пандемии.

Возникает проблема с услугами, которые необходимы детям и подросткам в качестве дополнительной поддержки (например, посещение логопеда, специальное образование, физические упражнения и др.). Этим детям необходим переходный план, чтобы быть уверенными в том, что всё необходимое будет им доступно и что кратковременное отсутствие таких услуг не окажет негативного влияния на их жизнь. В опросе ВОЗ, проведенном в первые дни пандемии, почти две трети молодых людей заявили, что их психическое здоровье ухудшилось во время пандемии, 60 % – почувствовали сочетание беспокойства, неуверенности, печали и гнева из-за внезапного окончания учебного года, невозможности увидеться с друзьями и страха перед будущим.

Детей нужно проинформировать о том, что они не одни борются с пандемией. Они должны быть ознакомлены с бесплатными номерами телефонов поддержки таких специалистов, как психиатры, психологи, педагоги, социальные работники, врачи. Детям необходимо поговорить с родителями о своих страхах. Средства массовой информации и школы также должны сыграть большую роль в информировании детей и подростков. Исследования ВОЗ показывают, что 59 % родителей заметили недавние изменения в поведении своих детей, начиная от вспышек агрессии или крайней раздражительности и до резких изменений настроения, поведения, нарушения сна, аппетита. Родители могут замечать изменения во взаимодействии с другими людьми, которые негативно влияют на повседневную деятельность ребенка. Также могут наблюдаться резкие перепады настроения; боли в животе или головная боль; постоянные кошмары или недосыпание; избегание привычных занятий, в том числе общения с друзьями; несвойственное поведение – ребенок становится тихим, грустным, скованным, озабоченным и др. Важно обратиться за помощью и знать, что ребенок может испытывать чрезмерный стресс, требующий профессионального подхода. Родители часто не думают, что ребенок испытывает что-то ненормальное, и им следует немедленно обратиться за профессиональной помощью, потому что любая задержка означает усугубление существующей проблемы. Социальная дистанция вынуждает детей, подростков,

их родителей, членов семьи жить вместе и поддерживать связь друг с другом большую часть времени, что обычно вызывает усиление напряженности и возможные конфликты (Дуглас, Катикреди, Таулбут, Макки и Маккартни, 2020). Объяснить некоторые негативные последствия для физического, социального и психического здоровья детей и подростков можно закрытием школ, исчезновением привычного социального круга и неуверенностью и страхами взрослых, связанных с пандемией. Дети, страдающие расстройством аутистического спектра, могут проявлять большее разочарование и быть более раздражительными в связи с изменениями в распорядке дня, вызванными социальной изоляцией (Lee, 2020). Социально-экономический вопрос, связанный с растущими проблемами, сопряженными с психическим здоровьем детей и подростков, несет большую нагрузку на взрослых с точки зрения возможной безработицы и трудностей в поддержке семьи (Clover et al., 2020; Douglas et al., 2020; Golberstein, Wen, Miller, 2020). Эта проблема создает среду с более высоким риском злоупотребления психоактивными веществами, злоупотреблением алкоголем, домашним насилием, даже без предшествующего анамнеза и жестокого обращения с детьми. Женщины, дети и подростки более уязвимы перед насилием в семье в период пандемии. Очевидно, что социальная изоляция усугубляет уязвимость человека и его семьи, несмотря на доступные варианты поддержки.

Период пандемии можно рассматривать как возможность для более тесного взаимодействия между родителями и детьми и укрепления семейных отношений в целом. Следует иметь в виду, что поддержка семьи необходима для предотвращения вреда здоровью и развитию детей. Некоторые данные свидетельствуют о том, что во время каникул, когда дети не ходят в школу, они становятся менее физически активными, проводят больше времени перед экранами гаджетов и меняют свой режим сна и питания (Schmid et al., 2020). Однако следует понимать, что пандемия – это не отпуск, а чрезвычайная ситуация в области здравоохранения, требующая реорганизации деятельности.

Важно соблюдать распорядок дня, особенно в семьях, где есть дети. Родителям необходимо спланировать свой распорядок дня и установить график выполнения домашних заданий, физических упражнений и развлечений. Кроме того, чрезвычайно важно в график включать в течение дня общие моменты, когда вся семья собирается вместе, уделяя друг другу внимание. Это можно делать во время еды или во время занятий спортом, игр и т. д. В такие моменты следует свести к минимуму использование всевозможных гаджетов. Новости могут вызвать у детей стресс и беспокойство. Поэтому следует тщательно выбирать надежные источники информации. Здоровое и сбалансированное питание – еще один важный аспект во время пандемии. Следует избегать сладкой и высококалорийной пищи. Выполнение упражнений помогает снять стресс. Что касается сна, физическая активность помогает регулировать сон и его качество. Креативные игры особенно полезны при выражении чувств и эмоций.

Заключение. Чем дольше длятся меры социальной дистанции и изоляции, тем выше риск психологического стресса, семейных конфликтов и насилия между родителями и детьми. Закрытие школ, отсутствие социального взаимодействия, чувство незащищенности и страха способствуют беспокойству у детей. Такие ресурсы, как Интернет и социальные сети, при правильном использовании могут быть полезными инструментами для психологической поддержки семей во время пандемии путем предоставления терапевтических методов, информации, контактов со сверстниками и, таким образом, сведения к минимуму симптомов стресса, тревоги и депрессии. Стратегии управления пандемическим стрессом являются хорошей альтернативой для поддержания и улучшения физического, психического и социального благополучия детей, подростков и семей.

Литература

1. Wagner K. D. Addressing the Experience of Children and Adolescents During the COVID-19 Pandemic // The Journal of Clinical Psychiatry. – 2020. – Vol. 81 (3). – 20ed13394. – DOI 10.4088/JCP.20ed13394.

2. Lee J. Mental Health Effects of School Closures during COVID-19 // The Lancet. Child & Adolescent Health. – 2020. – Vol. 4 (6). – P. 421. – DOI 10.1016/S2352-4642(20)30109-7.

3. Duarte Wigg C. M., de Almeida Coutinho I. M. F., da Silva I. C., Bezerra Lopes L. The Mental Health of Children and Adolescents during the COVID-19 Pandemic: A Narrative Review // Research, Society and Development. – 2020. – Vol. 9, no. 9. – e704997687. – URL: <https://www.rsdjournal.org/index.php/rsd/article/view/7687/6913> (access date: 01.03.2021).

Abstract. Man has always faced various difficulties in life from different geographical, social or health disasters. From Plague, measles, leprosy, tuberculosis, Ebola, SARS, swine flu to the most recent pandemic we face today, the coronavirus pandemic. We never believe in the problems people had in the past until we have found ourselves in similar situation. Due to the pandemic in human environment, isolation and reduced social contacts we are used to cause feeling of loneliness, insecurity, anxiety, fear. Negative feelings can also cause physical symptoms such as abdominal pains, panic attacks, digestive problems, sleeping problems, neck and muscular pain, numbness and the like. But the mentioned problems do not manifest only in adults, unfortunately children also face the same or similar problems.

Keywords: coronavirus; children; health; emotions; feelings.

Пандемия и пожилые люди: социально-психологические аспекты

Аннотация. Условия, возникшие из-за пандемии, значительно усугубляют уязвимость пожилых людей. Однако у пожилых людей чаще наблюдаются позитивные эмоциональные переживания даже во время пандемии, которая подвергает их большему риску, чем любую другую возрастную группу. Они чаще других возрастных групп говорили о том, что испытывают такие положительные эмоции, как чувство спокойствия, интереса и признательности, и реже сообщали о негативных эмоциях, таких как беспокойство. Самая большая разница заключалась в том, что пожилые люди испытывали отрицательные эмоции значительно реже, чем молодые люди.

Ключевые слова: пожилые люди; стрессовые переживания; психологическое благополучие; психологическая безопасность.

Старение – это неизбежный этап развития, связанный с изменениями в физическом, психологическом, гормональном состоянии [1]. Известно, что позитивное, продуктивное или устойчивое старение связано с хорошим физическим и умственным функционированием и хорошим самочувствием [10; 14], способностью к когнитивному росту [17; 18], удовлетворенностью жизнью [12], адаптацией к изменениям и достижением личных целей [2], контролем [15], продуктивной активностью [4], выполнением задач развития [9], самореализацией и духовностью [6; 11].

Как считает О. Ю. Зотова и ее коллеги, в пожилом возрасте большое значение имеет «психологическая безопасность, которая

Оксана Александровна Донская, аспирант факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

влияет не только на уверенность человека в обладании внутренними ресурсами для противостояния новым угрозам и опасным ситуациям, но и на отношение к смерти» [1, с. 89]. Успешное старение связано с опытом переживания состояния опасности/безопасности, с мерой ответственности за собственную безопасность, а также со способностью понять ситуацию, предвидеть ее последствия и использовать собственные ресурсы для достижения безопасности.

Отсутствие психологической безопасности, связанной с пандемией, может иметь катастрофическое влияние на пожилых людей. Мнение о том, что COVID-19 – это преимущественно болезнь пожилых людей, усугубляют негативные стереотипы о пожилых людях, которые могут рассматриваться как обременительные для общества. Пожилые люди могут сталкиваться с дискриминацией по возрастному признаку при предоставлении медицинских услуг (например, нехватка аппаратов ИВЛ приводит к принятию решений, основанных на возрасте), проблемами, связанными с социальным дистанцированием, обеспечением продовольственной безопасности, технологическими проблемами, что может привести к маргинализации, сегрегации, злоупотреблениям и усилению институционализации.

Условия, возникшие из-за пандемии, значительно усугубляют уязвимость пожилых людей, что может приводить к одиночеству, физическому дистанцированию от своих близких, страху, горю, беспокойству и хроническому стрессу, которые будут иметь долгосрочные психологические последствия. Любая форма стресса связана со снижением иммунитета, усугубляет и без того ослабленные физиологические защитные системы у пожилых людей. Это может подрывать автономию и чувство собственного достоинства, которые важны для психологической безопасности любой возрастной группы.

Пандемия COVID-19 создала беспрецедентный, устойчивый и неизбежный стресс для всего населения, при этом пожилые люди сталкиваются с особенно повышенным риском. Угроза такого масштаба и серьезности может снизить коллективное благополучие нации и ее психологическую безопасность.

По результатам исследований, проведенных за последний год, было выявлено, что у пожилых людей чаще наблюдаются позитивные эмоциональные переживания даже во время пандемии, которая подвергает их большему риску, чем любую другую возрастную группу. Они чаще других возрастных групп говорили о том, что испытывают такие положительные эмоции, как чувство спокойствия, интереса и признательности, и реже сообщали о негативных эмоциях, таких как беспокойство. Самая большая разница заключалась в том, что пожилые люди испытывали отрицательные эмоции значительно реже, чем молодые люди [3; 5; 7; 8; 13; 16].

Что делает пожилых людей более устойчивыми к стрессу? Эти возрастные преимущества, вероятно, объясняются двумя факторами.

Первый – это опыт: у пожилых людей было больше лет, чтобы столкнуться со стрессовыми и негативными переживаниями, и у них было больше времени, чтобы научиться справляться с этими переживаниями, а также узнать, что им подходит, а что нет во время стресса.

Еще один важный фактор – это то, что у пожилых людей меняются мотивы и цели. Существуют убедительные доказательства того, что пожилые люди более мотивированы на то, чтобы сосредоточиться на хорошем в своей повседневной жизни и принимать происходящее, а не думать о том, как оно плохо. Вместо того чтобы сосредоточиться на будущем и беспокоиться о нем, пожилые люди, как правило, ставят цели в отношении настоящего.

С возрастом время становится все более и более ценным: чем старше становится человек, тем меньше времени у него остается. И, может быть, полезно сосредоточить свое время, энергию и мотивацию на том, что имеет значение, и меньше времени уделять негативным аспектам жизни. Важно отметить, что этот тип сдвига – это не отрицание или избегание негативных аспектов, это больше о том, чтобы не поддаваться негативу и сосредоточить больше внимания и энергии на том, что приносит радость и удовольствие.

Пожилые люди больше, чем любая другая возрастная группа, заботятся об эмоционально значимых аспектах жизни. Для пожилых людей невозможность обнимать своих внуков, проводить время с дорогими друзьями и заниматься значимой деятельностью более пагубно сказывается на благополучии, чем беспокойство и страх заразиться COVID-19.

Взгляды на старение и благополучие сильно изменились с годами. Тридцать лет назад это было буквально хрестоматийным знанием о том, что старость характеризуется тревогой, одиночеством и депрессией. Мало того, что это утверждение оказалось ложным, теперь мы знаем, что у пожилых людей более низкий уровень психических заболеваний, чем у любой другой возрастной группы, и есть веские доказательства того, что они испытывают более высокий уровень эмоционального благополучия в повседневной жизни.

Остается один вопрос: улучшается ли самочувствие пожилых людей из-за того, что они избегают негативных ситуаций и стресса? С этой точки зрения пожилые люди не обязательно лучше справляются с негативными эмоциями; скорее, они их вообще избегают. Если пожилые люди сталкиваются со стрессовыми ситуациями, которых они не могут избежать, они могут оказаться менее способны справиться с ними, чем молодые люди, и будут чувствовать себя хуже эмоционально.

Создание психологической безопасности пожилых людей в условиях пандемии и поддержание ее уровня в постпандемический период помогут заложить концептуальную и методологическую основу формирования психологической безопасности всего общества и рассматриваться в качестве ответа на современные вызовы, играя важную роль не только в обеспечении устойчивого развития цивилизации, но и в оценке рисков и возможных опасностей для человечества.

Литература

1. Зотова О. Ю., Тарасова Л. В., Карапетян Л. В. Психологическая безопасность пожилых людей // Ярославский педагогический вестник. – 2019. – № 5 (110). – С. 88–98.

2. Baltes P. B., Baltes M. M. Psychological perspectives on successful aging: The model of selective optimization with compensation // *Successful aging: Perspectives from the behavioral sciences* / ed. by P. B. Baltes, M. M. Baltes. – New York : Cambridge University Press, 1990. – P. 1–34.

3. Brisce G., Lacetera N., Macis M., Tonin M. Compliance with COVID-19 Social-Distancing Measures in Italy: The Role of Expectations and Duration: IZA Discussion Paper 13092. – Bonn : Institute for the Study of Labor (IZA), 2020. – 27 p.

4. Caro F. G., Bass S. A., Chen Y. P. Introduction: Achieving a productive aging society // *Achieving a productive aging society* / ed. by T. R. Cole, R. Kastenbaum, R. E. Ray. – Westport : Auburn House, 1993. – P. 3–26.

5. Fang H., Wang L., Yang Y. Human Mobility Restrictions and the Spread of the Novel Coronavirus (2019-nCoV) in China // *Journal of Public Economics*. – 2020. – Vol. 191. – Article 104272. – DOI 10.1016/j.jpubeco.2020.104272.

6. Greenberg J., Martens A., Jonas E., Eisenstadt D., Pyszczynski T., Solomon S. Psychological defense in anticipation of anxiety: Eliminating the potential for anxiety eliminates the effect of mortality salience on worldview defense // *Psychological Science*. – 2003. – Vol. 14 (5). – P. 516–519.

7. Greyling T., Rossouw S., Adhikari T. Happiness-lost: Did Governments make the right decisions to combat COVID-19? : GLO Discussion Paper 556. – Essen : Global Labor Organization (GLO), 2020. – 29 p.

8. Hamermesh D. Lockdowns, loneliness and life satisfaction : IZA Discussion Paper 13140. – Bonn : Institute for the Study of Labor (IZA), 2020. – 27 p.

9. Havighurst R. J. Development task and education. – New York : David McKay, 1972. – 272 p.

10. Holt-Lunstad J., Smith T. B., Layton J. B. Social relationships and mortality risk: A meta-analytic review // *PLoS Medicine*. – 2010. – Vol. 7 (7). – Article e1000316. – DOI 10.1371/journal.pmed.1000316.

11. Moody H. R. Productive aging and the ideology of old age // *Productive aging concepts and challenge* / ed. by N. Morrow-Howell, J. Hinterlong, M. Sherraden. – Baltimore : John Hopkins University Press, 2001. – P. 175–196.

12. Neugarten B. L., Havighurst R. J., Tobin S. S. The measurement of life satisfaction // *Journal of Gerontology*. – 1961. – Vol. 15 (2). – P. 134–143.

13. Rossouw S., Greyling T., Adhikari T., Morrison P. S. Markov switching models for happiness during a pandemic: The New Zealand experience : GLO Discussion Paper 573. – Essen : Global Labor Organization (GLO), 2020. – 16 p.

14. Rowe J. W., Kahn R. L. Successful aging // *The Gerontologist*. – 1997. – Vol. 37 (4). – P. 433–440.
15. Schulz R., Heckhausen J. A life span model of successful aging // *American Psychologist*. – 1996. – Vol. 51 (7). – P. 702–714.
16. Sibley C. G., Greaves L. M., Satherley N., Wilson M. S., Overall N. C., Lee C. H. J., Milojev P., Bulbulia J., Osborne D., Milfont T. L., Houkama C. A., Duck I. M., Vickers-Jones R., Barlow F. K. Effects of the COVID-19 pandemic and nationwide lockdown on trust, attitudes toward government, and well-being // *American Psychologist*. – 2020. – Vol. 75 (5). – P. 618–630.
17. Tilvis R. S., Kahonen-Vare M. H., Jolkkonen J., Valvane J., Pitkala K. H., Strandberg T. E. Predictors of cognitive decline and mortality of aged people over a 10-year period // *Journal of Gerontology: Medical Sciences*. – 2004. – Vol. 59 (A). – P. 268–274.
18. Wilson R. S., Krueger K. R., Arnold S. E., Schneider J. A., Kelly J. F., Barnes L. L., Bennett D. A. Loneliness and risk of Alzheimer disease // *Archives of General Psychiatry*. – 2007. – Vol. 64 (2). – P. 234–240.

А. И. Донцов, О. Ю. Зотова, Л. В. Тарасова

Взаимосвязь этнической идентичности с геополитическим положением регионов¹

Аннотация. Постоянное присутствие представителей других культур может вызвать чувство угрозы – ощущения, что сложившийся образ жизни, а также его нормы и ценности оспариваются посторонними лицами, что способствует развитию враждебного отношения к этническим меньшинствам, проживающим на одной территории. В связи с этим представляется чрезвычайно актуальным проведение исследования, целью которого является изучение особенностей этнической идентичности личности, обусловленной степенью этнического разнообразия ее среды проживания. Для определения регионов с различной степенью полиэтничности был проведен сравнительный анализ этнического разнообразия населения регионов Российской Федерации. Установлено, что при равном этническом разнообразии регионов различия в проявлениях этнической идентичности их населения могут являться следствием различного геополитического положения регионов.

Александр Иванович Донцов, д-р психол. наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

Ольга Юрьевна Зотова, д-р психол. наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Людмила Владимировна Тарасова, канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры общей и прикладной психологии факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

¹ Работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00112) «Психологическая безопасность как интегральный показатель формирования этнической идентичности в международном взаимодействии россиян».

Ключевые слова: этническая идентичность; этническое разнообразие; полиэтничность; толерантность.

Сложность стала неизбежной парадигмой для эффективно-го изучения взаимосвязанных социально-экономических, биофизических, политических систем в различных пространственных и временных масштабах [8; 9]. В современной науке существует большое количество теорий и концепций, которые объясняют плюсы и минусы этого разнообразия [12]. Так, теория социологических систем [16] предполагает, что усиление дифференциации социальных систем повышает их способность к адаптации к будущим вызовам. Разнообразие социальных структур и организаций ведет к общему прогрессу в экономике [11]. С другой стороны, увеличение социального разнообразия требует дополнительных социальных механизмов контроля и урегулирования конфликтов.

Часто этническое разнообразие рассматривается как наносящее ущерб социальной гармонии и политической стабильности. Правительства многих стран выражают обеспокоенность по поводу этнического разнообразия, призывая к единству и снижению этнической самобытности. Даже мягкие политические действия в основе своей предполагают единообразие, а не разнообразие этнического общества, которое зачастую рассматривается как признак отсталости.

Положительная этническая идентичность дает человеку чувство принадлежности, цели, социальной поддержки и повышает самооценку [3]. Этот процесс может происходить через привязанность к этнической группе, посредством которой убеждения и ценности разделяются и подкрепляются членами группы [1]. Этническая идентичность способствует устойчивости, формирует просоциальные стили преодоления трудностей и служит защитным механизмом против симптомов психического нездоровья [7; 10; 13–15; 17; 18]. В жилых районах границы этнических групп будут стираться из-за социального взаимодействия с местными жителями, что постепенно приводит к принятию культуры принимающей страны. Этническое меньшинство, проживающее в

районе с относительно высокой плотностью другого этноса, будет иметь меньше стимулов для сохранения своей принадлежности, что, в свою очередь, может способствовать процессу культурной интеграции. Предыдущие эмпирические данные о связи между этнической сегрегацией и формированием этнической идентичности крайне скудны и дают неоднозначные результаты. По данным Альберто Бизина и его коллег, идентичность этнических меньшинств может быть более выраженной в смешанных, а не сегрегированных районах [4; 5]. Напротив, Х. Бату и И. Зену предоставляют доказательства, показывающие, что жизнь в этническом анклаве связана с очень низким уровнем идентификации и довольно сильной принадлежностью к соответствующей этнической группе [2]. А. Данзер и Ф. Яман отмечали, что в районах с низкой степенью этнического разнообразия снижается интенсивность социального взаимодействия этнического меньшинства с коренными жителями [6].

Таким образом, социальные взаимодействия, например конфликты в полиэтнической среде, часто приводят к переосмыслению роли этнической принадлежности личности и к изменению ее этнической идентичности.

Общая численность выборки, данные которой были подвергнуты анализу, составила 744 человек, в том числе в Амурской области – 498 человек, в Кемеровской области – 246 человек. При этом состав выборочных совокупностей в каждом регионе был определен на основе сведений Росстата о численности и составе населения регионов РФ по состоянию на 1 января 2019 г. Таким образом, исследовательская выборка каждого региона была репрезентативна и точно отражала генеральную совокупность – структуру населения данного региона по признакам пола, возраста и типа поселения.

Для анализа особенностей принятия определенных групповых представлений и построения системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях были использованы данные, полученные при помощи следующих методик: The Multigroup Ethnic Identity Measure (MEIM) J. S. Phinney, измеряющего выраженность этнической идентичности; опросни-

ка «Индекс толерантности» Г. У. Солдатовой, О. А. Кравцовой, О. Е. Хухлаева, Л. А. Шайгеровой (шкала «Этническая толерантность»); опросника Д. Берри для комплексного исследования аккультурации; опросника аккультурационных ожиданий Д. Берри (адаптированная и модифицированная З. Х. Лепшковой, А. Н. Татарко в 2017 г.); опросника-анкеты, в рамках которой респондентам были заданы вопросы, касающиеся их этнической группы, этнических(-ой) групп(-ы) родителей, а также собраны данные, касающиеся возраста, пола, места проживания.

В ходе анализа, для изучения роли геополитического положения региона, социальной ситуации в регионе в формировании у его населения определенных черт этнической идентичности, было проведено сравнение выявленных особенностей выборки Амурской области с характеристиками выборки другого региона, также с низкой степенью этнического разнообразия населения, но находящегося на равном расстоянии от западных и восточных границ Российской Федерации – Кемеровской области. Индекс этнического разнообразия населения Кемеровской области составляет 0,156 807, что лишь на 0,03 выше индекса этнического разнообразия населения Амурской области. Сравнение регионов производилось по уже заданным критериям анализа. В соответствии с полученными результатами, выраженность компонентов этнической идентичности – и когнитивного, и эмоционального – имеет более высокие показатели в выборке Амурской области (установленные различия являются статистически достоверными на уровне $p = 0,000$). То есть этническая идентичность респондентов региона, не имеющего внешних границ с другими странами, менее выражена, при равной степени этнического разнообразия регионов. Обнаружены и различия в выраженности этнической толерантности и ориентации на мультикультурализм в рассматриваемых областях: в Кемеровской области оба измеряемых параметра имеют большую выраженность, чем в Амурской области; данные различия статистически достоверны.

Полученные результаты обнаружили подтверждение в сопоставлении с показателями, отражающими различные аккультурационные ожидания в рассматриваемых выборках: у респонден-

тов Кемеровской области доминирует стратегия интеграции, в то время как у респондентов Амурской области стратегии аккультурации «интеграция» и «исключение» являются преобладающими. Обнаруженные различия статистически достоверны для всех типов аккультурационных ожиданий, причем наиболее значительны различия именно по стратегии исключения. Показатель мигрантофобии также имеет различия в двух рассматриваемых областях: в Кемеровской области данный показатель ниже.

Таким образом, установлено, что при равном этническом разнообразии регионов различия в проявлениях этнической идентичности их населения могут являться следствием различного геополитического положения регионов. Так, этническая идентичность (ее когнитивный и эмоциональный компоненты) менее выражена у респондентов региона, не имеющего внешних границ с другими странами. В регионе, не имеющем внешних границ, сильнее выражена этническая толерантность, ориентация на мультикультурализм и интеграцию различных групп, и в меньшей степени – мигрантофобия.

Литература

1. Ajibade A., Hook J. N., Utsey S. O., Davis D. E., Van Tongeren D. R. Racial/ethnic identity, religious commitment, and wellbeing in African Americans // *Journal of Black Psychology*. – 2016. – Vol. 42 (3). – P. 244–258.

2. Battu H., Zenou Y. Oppositional Identities and Employment for Ethnic Minorities: Evidence from England // *The Economic Journal*. – 2010. – Vol. 120 (542). – P. 52–71.

3. Berry J. W. Aboriginal cultural identity // *The Canadian Journal of Native Studies*. 1999. – Vol. 1 (19). – P. 1–36.

4. Bisin A., Patacchini E., Verdier T., Zenou Y. Bend it like Beckham: Ethnic Identity and Integration : IZA Discussion Paper 5234. – Bonn : Institute for the Study of Labor (IZA), 2010. – 46 p.

5. Bisin A., Patacchini E., Verdier T., Zenou Y. Formation and Persistence of Oppositional Identities // *European Economic Review*. – 2011. – Vol. 55 (8). – P. 1046–1071.

6. Danzer A. M., Yaman F. Do Ethnic Enclaves Impede Immigrants' Integration? Evidence from a Quasi-Experimental Social-Interaction

Approach // Review of International Economics. – 2013. – Vol. 21 (2). – P. 311–325.

7. Dockery A. M. Culture and wellbeing: the case of indigenous Australians // Social Indicators Research. – 2010. – Vol. 99 (2). – P. 315–332.

8. Evers H.-D., Genschick S., Schraven B. Constructing epistemic landscapes: Methods of GIS-based mapping // The IUP Journal of Knowledge Management. – 2010. – Vol. 8 (3). – P. 7–23.

9. Evers H.-D., Gerke S., Menkhoff T. Knowledge clusters and knowledge hubs: Designing epistemic landscapes for development // Journal of Knowledge Management. – 2010. – Vol. 14 (5). – P. 678–689.

10. Fleming J., Ledogar R. J. Resilience and indigenous spirituality: a literature review // Pimatisiwin. – 2008. – Vol. 6 (2). – P. 47–64.

11. Governing and managing knowledge in Asia / ed. by T. Menkhoff, H.-D. Evers, Y. W. Chay. – New Jersey ; Singapore ; London : World Scientific Publishing, 2010. – 350 p.

12. Holtug N., Mason A. Introduction: Immigration, diversity and social cohesion // Ethnicities. – 2010. – Vol. 10 (4). – P. 407–413.

13. Houkamau C. A., Sibley C. G. Maori cultural efficacy and subjective wellbeing: a psychological model and research agenda // Social Indicators Research. – 2011. – Vol. 103 (3). – P. 379–398.

14. Hughes M., Kiecolt J. K., Keith V. M., Demo D. H. Racial identity and well-being among African Americans // Social Psychology Quarterly. – 2015. – Vol. 78 (1). – P. 25–48.

15. LaFromboise T. D., Hoyt D. R., Oliver L., Whitbeck L. B. Family, community, and school influences on resilience among American Indian adolescents in the upper Midwest // Journal of Community Psychology. – 2006. – Vol. 34 (2). – P. 193–209.

16. Luhmann N. Soziale systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1984. – 675 s.

17. Neblett E. W., Rivas-Drake D., Umaña-Taylor A. J. The promise of racial and ethnic protective factors in promoting ethnic minority youth development // Child Development Perspectives. – 2012. – Vol. 6 (3). – P. 295–303.

18. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations / ed. by S. Worchel, W. G. Austin. – Chicago : Nelson-Hall, 1986. – P. 7–24.

Особенности проявления школьной тревожности детей младшего школьного возраста

Аннотация. В статье исследуются индивидуально-психологические особенности ребенка младшего школьного возраста, подтверждается роль родительского отношения в развитии тревожности ребенка и предлагаются к рассмотрению различные направления деятельности по снижению школьной тревожности в контексте оптимизации детско-родительских отношений. Для эмпирического исследования с помощью тестов был проведен сбор данных у 126 респондентов. Обработка эмпирических данных осуществлялась в статистическом пакете SPSS Statistics 19.0 посредством различных видов анализа.

Ключевые слова: индивидуально-психологические особенности; школьная тревожность; типы родительских отношений; младший школьный возраст.

Школьная тревожность – это проявления эмоционально-го неблагополучия ребенка. Родительское отношение определяет эмоционально положительное (принятие) или эмоционально отрицательное (отвержение) отношение к ребенку. Типы дисгармоничного родительского отношения влияют на развитие тревожности у детей, так как они являются основной, «базовой» причиной тревожности у ребенка.

Так, например, такой тип родительского отношения, как «мать–ребенок», играет ведущую роль в возникновении эмоциональных нарушений. Если в семье мужскую роль исполняет мать,

Наталья Евгеньевна Жданова, канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры психологии образования и профессионального развития Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Екатеринбург, Россия).

а не отец, то у ребенка может быть искажен образ пола, это становится причиной развития тревожности у детей.

В исследовании Л. И. Бочанцевой, А. Н. Завьяловой описываются психологические средства коррекции школьной тревожности [1].

Теоретико-методологическую основу исследования составили работы таких психологов, как А. Я. Варга, А. И. Захаров, А. М. Прихожан, В. В. Столин, Д. Б. Эльконин, и других.

Цель работы: изучить индивидуальные особенности личности, школьную тревожность детей младшего школьного возраста и типы родительских отношений, а также определить направления деятельности по снижению школьной тревожности в контексте оптимизации детско-родительских отношений.

В работе были сформулированы следующие *гипотезы*:

1) можно предположить, что существуют различия в уровне выраженности индивидуально-психологических особенностей и школьной тревожности у мальчиков и девочек младшего школьного возраста;

2) возможно, существует взаимосвязь между индивидуально-психологическими особенностями, школьной тревожностью у детей младшего школьного возраста и типами родительских отношений.

Исследование проводилось на базе общеобразовательной школы Свердловской области. В исследовании приняли участие 62 обучающихся 4-х классов, из них 29 человек – девочки, 33 человека – мальчики. Возраст участников исследования от 9 до 10 лет; 62 человека – родители обучающихся. Выборка была разделена на подвыборки по полу (мальчики и девочки младшего школьного возраста).

Испытуемым предъявлялись методики: «Методика диагностики родительского отношения (ОРО)» (А. Я. Варга, В. В. Столин) [2]; «Тест Кеттела» (детский вариант, адаптирован Э. М. Александровской) [3]; «Тест уровня школьной тревожности» (В. N. Phillips) [4].

В результате описательной статистики по методике «Тест уровня школьной тревожности» выявлено, что у мальчиков выше

уровень проявления тревожности, беспокойства во время пребывания в школе, сильнее страх отношений с учителями, что говорит о негативном фоне отношений, сложившемся у мальчиков с учителями. У девочек выше фрустрация потребностей в достижении успеха, что говорит о неблагоприятном психологическом фоне, который создает трудности в достижении успеха.

По методике «Тест Кеттелла» выявлено, что у девочек выше уровень проявления добросовестности, целеустремленности, ответственности, сильнее стремление выполнять все задания в срок, доводить начатое до конца. Девочки легче вступают в контакт со взрослыми, проявляют большую сентиментальность, доверчивость, больше нуждаются в поддержке значимых взрослых. У девочек выше степень принятия социальных норм и правил, выше стремление действовать по этим правилам.

У мальчиков выше проявления эмоциональной нестабильности, выше стремление противопоставить себя как детям, так и взрослым, есть стремление к лидерству и доминированию, выше склонность к смене настроения, выше уровень проявления тревожности по поводу того, что у них что-то не получится.

В результате исследования по методике диагностики родительского отношения (ОРО) выявлено, что у родителей группы мальчиков выше эмоционально положительное принятие детей, но в то же время у них выше уровень авторитарности, сильное стремление к контролю над поведением, действиями и деятельностью детей.

В результате сравнительного анализа выявлено, что у девочек выше тревожность по поводу своих успехов и достижений, чем у мальчиков. У девочек выше тревожность по поводу оценок со стороны окружающих, выше способность к усвоению новых знаний, выше уверенность в себе и своих способностях, выше целеустремленность, ответственность, добросовестность. У девочек выше решительность, непринужденность, умение вступить в контакт, выше стремление выполнять все требования школы, чем у мальчиков. У мальчиков выше отвлекаемость, нетерпеливость в деятельности и слабее концентрация внимания, чем у девочек.

В результате корреляционного анализа показателей группы мальчиков выявлено, что школьная тревожность взаимосвязана с общей тревожностью, с переживаниями из-за предчувствия неудач, нервным напряжением. Это можно объяснить тем, что чем выше общительность, тем ниже школьная тревожность и ниже общий негативный эмоциональный фон отношений со взрослыми в школе. Чем более высокое положительное отношение к ребенку со стороны родителей, тем ниже у мальчиков стремление проявить активность в ситуации риска. Чем больше развита способность к самоконтролю, тем ниже у мальчиков проявление неадекватной реакции в ситуациях стрессогенного характера.

В результате корреляционного анализа показателей группы девочек выявлено, что школьная тревожность взаимосвязана с общей тревожностью, с переживаниями из-за предчувствия неудач, нервным напряжением. Чем неувереннее родители в успешности ребенка, тем выше проявляется тревожность и неадекватные реакции в ситуациях стрессогенного характера.

Результаты корреляционного анализа говорят о том, что для снижения тревожности необходимо проводить упражнения на снижение нервного напряжения, развивать навыки самоконтроля, повышать уверенность в себе, развивать коммуникативные навыки.

Кроме этого, в соответствии с корреляционным анализом для снижения тревожности необходимо повышать уверенность родителей в успешности ребенка. В соответствии с этим определены два направления программы.

Первое направление – для детей младшего школьного возраста. Второе направление – для родителей детей младшего школьного возраста. Повышенная тревожность девочек по поводу оценок со стороны окружающих говорит о необходимости добавления третьего направления программы – для педагогов.

Направление для детей включает проведение занятий с использованием упражнений и игр. Направление для родителей включает групповые консультации и совместные занятия с детьми. Направление для педагогов включает лекции, семинары и практические занятия.

Литература

1. Бочанцева Л. И., Завьялова А. Н. Групповой тренинг как психологическое средство коррекции школьной тревожности // Проблемы современного образования. – 2020. – № 1. – С. 49–60.
2. Ершова С. Ю., Шалаева С. Л. Исследование показателей тревожности у младших школьников в условиях средней общеобразовательной школы // Экономическое, социальное и образовательное развитие территорий. – 2017. – № 6. – С. 70–72.
3. Иванова Н. Ю., Нестерова К. Ю. Работа школьного психолога со школьной тревожностью как угрозой и риском образовательной среды // Государственная политика Российской Федерации в сфере борьбы с терроризмом, коррупцией и наркотизацией общества : сб. науч. тр. XI Всерос. науч.-практ. конф. – Чебоксары, 2016. – С. 249–256.
4. Спилберг Ч. Д., Ханин Ю. Л. Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности личности // Тестотека : [сайт]. – URL: <http://testoteka.narod.ru/lichn/1/48.html> (дата обращения: 24.02.2021).

Н. Л. Захарова, А. П. Шлыкова

Психологические особенности неформально занятых интернет-работников

Аннотация. Приводятся результаты теоретического исследования и констатирующего эксперимента, раскрывающих некоторые психологические характеристики личности неформально занятых интернет-работников. Определяются основные мотивы деятельности в неформальном секторе экономики, трудности профессионализации субъектов труда в современных социально-экономических условиях. Выявляются значимые профессионально-личностные качества неформально занятых работников.

Ключевые слова: неформальная занятость; интернет-работники; психологические особенности.

В настоящее время количество лиц, занятых в неформальном секторе экономики, постоянно увеличивается. В связи с этим ученые всего мира всё чаще обращаются к проблемам мотивации неформально занятых (НЗ) работников, их классификации, определения социально-профессионального статуса, трудностей профессионализации. В экономической социологии, социологии труда, экономике предлагаются различные определения, раскрываются вопросы экономической и социальной сущ-

Надира Летфулловна Захарова, д-р психол. наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин ГБОУ ВО Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А. А. Леонова» (г. Королев, Россия).

Анна Павловна Шлыкова, аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин ГБОУ ВО Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А. А. Леонова» (г. Королев, Россия).

ности неформальной занятости [5, с. 31; 7, с. 155; 8, с. 86]. На основе исследований отечественных и зарубежных авторов, а также методологии Росстата, к НЗ работникам мы относим всех граждан, выполняющих любую экономическую деятельность, не зарегистрированную официальными органами и реализуемую без соблюдения законов и формальных правил. На основе теоретического анализа литературы и эмпирического исследования можно выделить две группы граждан, занятых в неформальном секторе экономики: одну группу составляют лица с низким уровнем дохода, неквалифицированные индивидуальные работники, качество жизнедеятельности которых определяется прожиточным минимумом и очень низкой производительностью. Они имеют низкую конкурентоспособность, осуществляют деятельность в непривлекательных условиях найма, имеют установки на вынужденную трудовую занятость. Другую группу представляют работники, имеющие языковые компетенции, владеющие компьютерными и интернет-технологиями. Можно отметить общие социально-психологические черты данных больших групп НЗ работников. Во-первых, одним из основных мотивов трудовой занятости в неформальном секторе является стремление приспособиться к нестабильным условиям. В этом случае неформальная занятость является определенным ресурсом преодоления трудных жизненных ситуаций. Во-вторых, в связи с отсутствием формальных трудовых отношений, работодатели могут игнорировать нормы и права работника, что снижает уровень психологической безопасности субъекта деятельности, повышает социально-экономическую уязвимость в период нестабильно развивающейся экономики, кризисных социальных явлений (например, пандемии), безработицы. В-третьих, деятельность НЗ работников, как правило, происходит в условиях нестабильного рабочего графика.

Н. А. Мартыянова, отмечая в современной действительности размытость концептов трудолюбия, преданности делу, признаков профессионального статуса, пишет, что у современного субъекта деятельности наблюдается гибкость профессиональной идентичности, самореализация в условиях множества выборов [6, с. 113]. Очевидно, что для реализации функций сложной деятель-

ности большое значение имеют индивидуально-психологические особенности: способность человека к быстрым изменениям, критическое осмысление опыта, способность прогнозировать свою трудовую жизнедеятельность [3, с. 90]. Когда речь идет о работниках, неформально занятых в виртуальном пространстве, то отмечают их постоянную готовность к самообразованию, самостоятельность, способность вести переговоры и презентовать собственную деятельность [2, с. 328; 4, с. 6; 9, с. 39].

В нашем пилотажном эмпирическом исследовании принимали участие ИЗ работники интернет-сферы. С помощью анкетирования было выявлено, что их основными мотивами являются получение удовольствия от работы (89 %), независимость от работодателя (84 %), возможность творческой деятельности (82 %), самостоятельное определение графика работы (78 %). При этом респонденты отмечали отсутствие социального пакета (89 %), отсутствие стабильности (76 %), нормированного рабочего графика (67 %), высокую конкуренцию (65 %), недостаток общения (48 %), проблему легализации доходов (48 %). Можно предположить, что возможность самостоятельно распоряжаться своим временем является одним из ведущих факторов сохранения профессионального здоровья. В сущности, речь идет о потенциально заложенной возможности свободного графика снижать напряжение, конфликты, профессиональные стрессы, согласовывать рабочие и нерабочие роли; о психологическом потенциале виртуальной рабочей среды, при работе в которой человеку необходимы самостоятельность, мотивация достижения, критичное отношение к результатам своей деятельности. Исследование показало высокий уровень удовлетворенности деятельностью ИЗ работников, однако респонденты отметили, что испытывают трудности из-за необходимости постоянного высокого самоконтроля, зависимости от внешних обстоятельств, невозможности контролировать ситуацию.

Анализ данных, полученных с помощью опросника «Якоря карьеры» Е. Н. Shein, продемонстрировал характерные карьерные ориентации ИЗ интернет-работников. Среди наиболее значимых выделены такие ориентации, как «Стабильность работы»,

«Служение» и «Интеграция стилей жизни». Наименее значимыми ценностями являются «Стабильность места жительства» и «Профессиональная компетентность» (таблица).

Таблица

Карьерные ориентации неформально занятых интернет-работников (N = 123)

Карьерные ориентации	Уровень развития ориентации (в баллах, \bar{X})
Профессиональная компетентность	4,9
Менеджмент	6,0
Автономия	6,3
Стабильность работы	7,8
Стабильность места жительства	4,1
Служение	7,2
Вызов	5,2
Интеграция стилей жизни	6,9
Предпринимательство	5,5

Полученные результаты свидетельствуют о том, что опрошенные работники стремятся занять место в надежной организации, предоставляющей гарантии долговременного трудоустройства, стабильных и фиксированных выплат заработной платы. Также они стремятся к сохранению баланса между профессиональной и личной жизнью. Однако для работников не имеет особого значения сфера профессиональной деятельности и привязка к определенному месту жительства. Преобладание ценностей «Стабильность работы» и «Интеграция стилей жизни» также подразумевает, что ответственность за построение карьеры перекладывается на других лиц – на работодателя, ближайшее окружение, семью. Следовательно, можно предположить, что для НЗ интернет-работников карьера не является первостепенной, что подтверждается низкими показателями по карьерной ценности «Вызов».

Таким образом, современные исследования психологических аспектов деятельности НЗ работников свидетельствуют о следующем:

1. НЗ работники представляют собой разнородную группу, дифференциация которой возможна на основе следующих критериев: материального достатка; образовательного капитала; профессионального мастерства; компьютерной компетентности.

2. НЗ работники демонстрируют ценности трудовой, организационной, финансовой автономии, готовность преодолевать трудности, совладать с трудными жизненными ситуациями и социально-экономической нестабильностью.

3. НЗ интернет-работники отличаются профессиональной мобильностью, высокой ориентированностью на получение удовольствия от процесса и экономического результата деятельности.

4. НЗ работники подвержены рискам нестабильности доходов, безработицы, отсутствия социального пакета, профессиональной изоляции.

В целом анализ исследований показал, что в современной психологической литературе отсутствуют данные, раскрывающие закономерности формирования и развития профессионального самосознания НЗ работников, а сведения о психологических и личностно-профессиональных качествах имеют фрагментарный характер. Эмпирические данные, приводимые авторами, касающиеся психологии рассматриваемой категории работников, противоречивы, что указывает на необходимость более детального изучения психологических аспектов неформальной занятости.

Литература

1. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Некоторые тенденции развития социально-психологических исследований трудовой занятости // Психология и эргономика: единство теории и практики : VII Международная конференция. – Тверь, 2009. – С. 2–4.

2. Зайцев Д., Аринушкина Н. Интернет-занятость молодежи: социально-психологические аспекты регулирования // Бюллетень науки и практики. – 2017. – № 10 (23). – С. 328–332.

3. Зеер Э. Ф., Морозова С. А., Сыманюк Э. Э. Профессиональная мобильность – интегральное качество субъекта инновационной деятельности // Педагогическое образование в России. – 2011. – № 5. – С. 90–97.

4. Кветной Л. Развитие дистанционных форм занятости в современной мировой экономике. – М. : Финансовый университет, 2011. – 180 с.

5. Маллаева М. И. Неформальная занятость: факторы, последствия, инструменты регулирования // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3. Общественные науки. – 2018. – Т. 33, вып. 4. – С. 30–36.

6. Мартянова Н. А. Трансформация профессиональной этики в эпоху постмодерна // Манускрипт. – 2013. – № 10-2 (36). – С. 112–115.

7. Притворова Т. П., Пестунова Г. Б., Бектлеева Д. Е. Специфика неформальной занятости как одной из форм нестандартной занятости в условиях постиндустриальной экономики // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2016. – № 2. – С. 154–161.

8. Савинцева С. А., Шайхутдинов А. Т. Социально-экономические последствия неформальной занятости населения // Успехи современного естествознания. – 2012. – № 4. – С. 86–87.

9. Фесина Е. Л. Неформальная занятость: состояние, структура, проблемы (на примере республики Татарстан) // Труд и социальные отношения. – 2008. – № 1. – С. 38–45.

Этнические особенности использования психологических защит как способ обеспечения безопасности личности¹

Аннотация. В статье рассматриваются этнические особенности использования психологических защит как способа обеспечения безопасности личности. В исследовании приняли участие 160 человек (мигранты из Республики Казахстан, проживающие в РФ, – 80 человек, и граждане России – 80 человек). Используются следующие методики: опросник Д. Берри для комплексного исследования аккультурации и методика «Индекс жизненного стиля» (Р. Плутчик).

Ключевые слова: психология безопасности; этническая идентичность; психологические защиты.

Психологические защиты являются одной из фундаментальных характеристик личностного конструкта и связаны не только с особенностями совладания в стрессовых ситуациях или уровнем организации личности (низшие и высшие психологические защиты), но и с восприятием психологической безопасности. Потребность в защите и психологической безопасности активизируется в ситуации, воспринимаемой как субъек-

Ольга Юрьевна Зотова, д-р психол. наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Сергей Владимирович Мостиков, канд. психол. наук, ст. преподаватель кафедры общей и прикладной психологии факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

¹ Работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00112) «Психологическая безопасность как интегральный показатель формирования этнической идентичности в межнациональном взаимодействии россиян».

тивно опасная. Хочется отметить, что определение ситуации социального взаимодействия как потенциально угрожающей и, соответственно, требующей использования психологических защит детерминировано рядом факторов: личностными особенностями, жизненным опытом, социокультурными, возрастными, гендерными, этническими особенностями. Как отмечает ряд исследователей, «профиль личности меняется в соответствии с актуальными задачами, стоящими перед человеком» [1, с. 243].

В нашем исследовании были изучены особенности применения психологических защит представителями различных этнических групп (русские и казахи), проживающих в г. Екатеринбург. Период проведения исследования: октябрь 2020-го – февраль 2021 г.

Первая выборка: граждане России (русские), мужчины и женщины (распределение равное) в возрасте от 20 до 40 лет ($M = 35,6$) – 80 человек; из них с высшим образованием (законченным и незаконченным) – 58, имеющих средне-профессиональное образование – 22 человека.

Вторая выборка: казахи, эмигрировавшие в РФ и проживающие на постоянной основе в г. Екатеринбурге (критерием участия в исследовании был срок проживания от 6 месяцев); возрастной диапазон от 19 до 38 лет ($M = 33$). Мужчин – 54 человека, женщин – 26 человек. Лиц с высшим образованием (законченным и незаконченным) – 62 человека, лиц со средне-профессиональным образованием – 18.

В исследовании были применены следующие методики:

– «Индекс жизненного стиля» (Life Style Index), адаптация Л. И. Вассермана и др. [2]. Методика позволяет определить доминирующие психологические защиты, благодаря которым личность справляется с кризисом. Как правило, чем выше субъективное восприятие угрозы, тем активнее используются психологические защиты. В настоящее время принято подразделять психологические защиты на первичные (низшие) – реализуемые между личностью и миром и вторичные (высшие) – реализуемые внутри личности. Психологические защиты можно определить как искусство управления опасностью.

– Опросник Д. Берри для комплексного исследования аккультурации (переменная «воспринимаемая безопасность») [3, р. 719]. В анализе феномена безопасности как интегративного понятия Д. Берри предлагает использовать культурные, экономические и физические факторы.

Обработка данных проходила с использованием программного обеспечения SPSS Statistics 17.0, в процедуре сравнения использовался t-критерий Стьюдента. Распределение нормальное, выборки независимые.

По итогам статистической обработки данных были получены следующие результаты (рис. 1, 2):

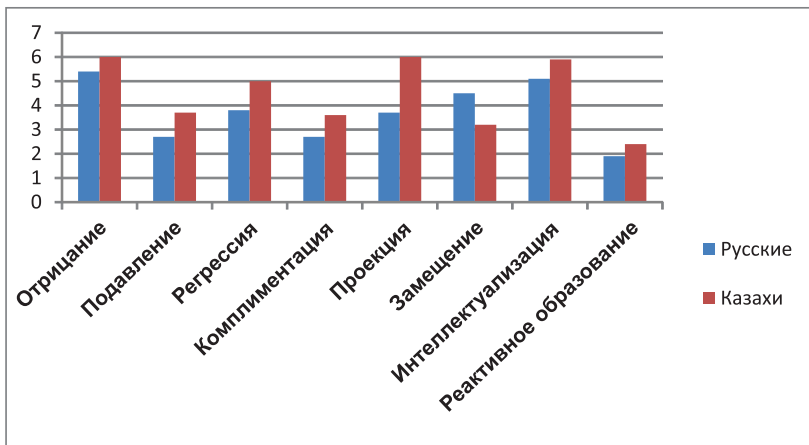

Рис. 1. Итоговые баллы по результатам методики «Индекс жизненного стиля» (Р. Плутчик и др.) ($p < 0,05$)

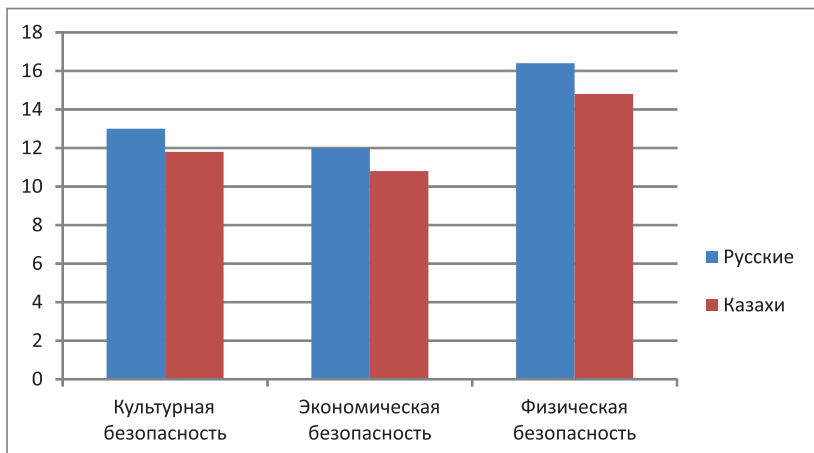

Рис. 2. Итоговые баллы по результатам методики «Воспринимаемая безопасность» ($p < 0,05$)

Как следует из полученных результатов, мигранты статистически чаще используют психологические защиты, как низшие, так и высшие, что находится в соответствии с восприятием безопасности (чем выше значение, тем выше ощущение безопасности). Представители титульной этнической группы ощущают себя в большей психологической безопасности, соответственно, менее активно используют психологические защиты.

Литература

1. Донцов А. И., Зотова О. Ю., Мостиков С. В. Трансформация ценностных ориентаций при международной миграции // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сборник научных трудов XXI российской науч.-практ. конференции (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 238–245.
2. Козлов В. В., Фетискин Н. П., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М. : Изд-во Института психотерапии, 2002. – 490 с.
3. Berry J. W. Mutual attitudes among immigrants and ethnocultural groups in Canada // International Journal of Intercultural Relations. – 2006. – Vol. 30. – P. 719–734.

Психологические детерминанты молодежного экстремизма как инструмент его профилактики в образовательной среде вуза

Аннотация. В статье дается обзор современных исследований проблемы молодежного экстремизма; рассматриваются основные направления, средства и методы профилактики экстремизма в молодежной среде; отражается опыт работы Центра исследования социальных девиаций ТГУ имени Г. Р. Державина; предлагается комплекс методик по выявлению возможной склонности к экстремизму у студентов; описывается система психологических факторов, детерминирующих склонность молодежи к экстремизму, которая включает в себя фрустрированность, манипулирование и импульсивность.

Ключевые слова: молодежный экстремизм; профилактика экстремизма среди молодежи; социальные девиации; детерминанты молодежного экстремизма.

Проблема молодежного экстремизма, к сожалению, не перестает быть актуальной в современном мире, и наша страна здесь не исключение. Закономерно, что данное явление активно изучается современной наукой. Так, по запросу на тему молодежного экстремизма за 2020–2021 гг. на сайте eLIBRARY.RU было найдено более 250 публикаций, что в целом отражает пристальный интерес ученых различных направлений к данной проблеме.

Владимир Владимирович Комаров, канд. психол. наук, доцент кафедры социальной и возрастной психологии ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина» (г. Тамбов, Россия).

Молодежный экстремизм изучается в связи с понятием терроризма, радикализма, насилия, вражды, ксенофобии, делаются попытки дать общую характеристику молодежному экстремизму с позиций научной методологии, анализируются исторические аспекты появления и распространения молодежного экстремизма, классифицируются формы проявлений экстремизма среди молодежи, изучаются факторы и обстоятельства, способствующие распространению идеологии молодежного экстремизма, причины и детерминанты распространения молодежного экстремизма, факторы риска его распространения, изучаются особенности этнополитического и религиозного молодежного экстремизма, специфика проявления молодежного экстремизма с учетом развития современных информационных технологий и телекоммуникационных сетей, специфика проявлений молодежного экстремизма в сети Интернет в целом и в социальных сетях в частности, молодежный экстремизм рассматривается как угроза национальной безопасности нашей страны в условиях глобализации, миграционных процессов, изучаются личностные особенности склонной к экстремизму молодежи, роль молодежных субкультур, в том числе криминальных, в формировании экстремистских установок, изучаются характеристики личности преступника в сфере молодежного экстремизма с точки зрения криминалистики, роль потребности власти в формировании экстремистски направленной личности, взаимосвязь диспозиций насильственного экстремизма с агрессивным поведением, соотношение проявлений молодежного экстремизма с криминогенностью несовершеннолетних в целом и многие другие вопросы.

В современных публикациях, посвященных вопросам профилактики молодежного экстремизма, систематизируются основные подходы, направленные на противодействие распространению экстремизма среди молодежи, анализируется эффективность противодействия молодежному экстремизму в различных регионах, роль информационных ресурсов в противодействии молодежному экстремизму, условия такого противодействия, противодействие молодежному экстремизму рассматривается в законодательном аспекте, обосновывается интеграция государства и

гражданского общества в профилактике молодежного экстремизма, роль межведомственных взаимодействий в такой профилактике, координация деятельности правоохранительных органов и ассоциаций граждан в профилактике экстремизма среди молодежи, проблемы административно-правового регулирования проявлений молодежного экстремизма, предлагаются различные меры по профилактике молодежного экстремизма в образовательной среде, изучается роль культурных инициатив в профилактике молодежного экстремизма, морально-нравственных и профессионально-личностных качеств педагога в этой профилактике, рассматриваются возможности конкретных учебных дисциплин в профилактике молодежного экстремизма, таких например, как «Безопасность жизнедеятельности», возможности формирования ряда личностных качеств как барьеров для экстремистских взглядов, например межнациональной толерантности, критического мышления, роль патриотического воспитания в профилактике указанного явления, профилактика молодежного экстремизма рассматривается в контексте правовой социализации, исследуется отношение самой молодежи, прежде всего студенчества, к экстремизму как социальному явлению, приводится имеющийся опыт борьбы с проявлениями молодежного экстремизма [1].

В рамках работы Центра исследования социальных девиаций Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина [3] была проведена серия исследований, посвященных различным аспектам профилактики девиантного поведения среди студентов и учащихся профильных классов, одно из которых позволило выявить психологические факторы, способствующие формированию склонности молодежи к экстремизму. В исследовании были поставлены задачи: проанализировать основные научные направления исследования экстремизма; систематизировать современные подходы к профилактике молодежного экстремизма в образовательной среде; определить психологические характеристики склонной к экстремизму молодежи; выявить психологические факторы, влияющие на формирование склонности к экстремизму у молодежи; разработать комплекс мероприятий

по профилактике молодежного экстремизма в образовательном пространстве вуза [2].

В качестве гипотезы исследования было сделано предположение, что выявленные факторы, детерминирующие склонность молодежи к экстремизму, могут лечь в основу разработки программы профилактики молодежного экстремизма в образовательном пространстве вуза.

Теоретический анализ научной литературы по проблеме молодежного экстремизма и его профилактики в образовательной среде позволил разработать комплекс психодиагностических методик, которые, в свою очередь, смогли определить психологические характеристики студентов, значимые в плане первичной профилактики их социальных девиаций, в том числе и склонности к экстремизму. Исследование проходило в онлайн-режиме в системе MOODLE (выборку составили 80 студентов в возрасте 18–20 лет), использовались методики экспресс-диагностики личностной склонности к сниженному настроению (В. В. Бойко); к аффективному поведению (В. В. Бойко); экспресс-диагностика неуправляемой эмоциональной возбудимости (В. В. Бойко); определения деструктивных установок в межличностных отношениях (В. В. Бойко); методика Ч. Д. Спилбергера на выявление личностной и ситуативной тревожности; методика измерения уровня макиавеллизма личности (МАК-ШКАЛА).

В результате оказалось, что у троих студентов были повышенные показатели макиавеллизма, личностной тревожности, по шкалам «завуалированная жестокость в отношении к людям» и «обоснованный негативизм». По данным студентам были составлены психологические портреты и разработаны методические рекомендации для оказания им психолого-педагогической помощи, которые затем были переданы заместителям директоров подразделений университета по воспитательной работе.

С целью выявления общих скрытых тенденций результаты психологической диагностики всей выборки были обработаны методом факторного анализа с использованием программы SPSS. В результате обработки были получены три фактора, которые

были нами интерпретированы как психологические детерминанты возможной склонности молодежи к экстремизму.

Первый фактор, обозначенный как «фрустрированность», объединил показатели личностной тревожности (,611), ситуативной тревожности (,587), открытой жестокости (,477), негативного личного опыта (,397) и неуправляемой эмоциональной возбудимости (,626). С учетом того, что фрустрация – это психическое состояние, которое возникает в ситуации несовпадения реального результата с желаемым из-за внешних или внутренних влияний, то, по нашему мнению, этот термин наиболее точно объединяет данные характеристики личности. Личностная и ситуативная тревожность в сочетании с негативным личностным опытом отвечают за переживания, а открытая жестокость и неуправляемая эмоциональная возбудимость выступают реакциями на фрустрацию.

Второй фактор, «манипулирование», объединил такие качества, как завуалированная жестокость (,655), брюзжание (,739) и макиавеллизм (,477). Такая совокупность характеристик позволяет достигать своих целей, пренебрегая нормами морали и ответственности, что обосновывает название фактора.

В третий фактор, «импульсивность», вошли шкалы: склонность к сниженному настроению (,449), склонность к аффективному поведению (,677) и обоснованный негативизм (,435). Проявлением этих качеств может быть импульсивный выброс направленных на окружающих отрицательных эмоций; люди, обладающие такими характеристиками, могут столь же быстро терять контроль над собой, как и овладевать им.

Выводы. Таким образом, система психологических факторов, детерминирующих склонность молодежи к экстремизму, согласно нашему исследованию, включает в себя переживание фрустрации, склонность к манипулированию и импульсивность в поступках. Данные факторы были затем использованы в дальнейшей разработке программы психолого-педагогической профилактики молодежного экстремизма в образовательной среде вуза.

Литература

1. Болдырев Е. В., Гонтаренко Н. Н. Молодежный экстремизм в социальных сетях: анализ основных трендов и мер противодействия // Обзор. НЦПТИ. – 2020. – № 2 (21). – С. 37–46.
2. Гвинджилия С. Х., Комаров В. В. Основные направления профилактики экстремизма в молодежной среде // Развитие личности: психолого-педагогические проблемы : сборник научных трудов / отв. ред. Н. А. Коваль. – Тамбов : Принт-Сервис, 2019. – С. 68–71.
3. Комаров В. В. Основные направления работы Центра исследований социальных девиаций г. Тамбова // Профилактика экстремизма в системе образования : сборник материалов Центра профилактики религиозного и этнического экстремизма в образовательных организациях Российской Федерации. Вып. 2 / сост. С. Ю. Некрасов, А. С. Спрыгин. – М. : МПГУ, 2019. – С. 35–40.

Психологическая безопасность уязвимых групп людей

Аннотация. В представленной статье разъясняется термин «уязвимые группы населения». Причины психических и физических ограничений не позволяют уязвимым группам населения получать наравне с другими лицами доступ к осуществлению своих прав и свобод. В настоящее время подтверждается существование такого социально-психологического явления, как «уязвимость» [4, с. 1].

Ключевые слова: психологическая безопасность; уязвимость; уязвимые группы населения; социальная психология.

Проблема безопасности в современном мире является актуальной, она касается всех сфер жизни общества. Исследования психологической безопасности уязвимых групп доказывают ее важность для психического развития, социализации, преодоления человеческих трудностей.

Психологическая безопасность играет важную роль, помогая людям преодолевать барьеры на жизненном пути и меняться в трудной межличностной обстановке [2, с. 19].

Понятие «психологическая безопасность» представлено в словарях. В. А. Соснин и С. К. Рощин провели анализ его содержания. Обратясь к понятию «безопасность», они выявили, что ее основа – это не «отсутствие угрозы», а состояние чувств и переживаний индивида. В словаре Чемберса термин «безопасность» представлен как отсутствие тревожности, озабоченности, чувство уверенности и стабильности, а также ощущение пребывания в безопасности.

Диана Ильгизаровна Леонтьева, аспирант 3-го года обучения направления «Психологические науки» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

В культурах разных стран были сформированы схожие мнения о безопасности, внимание акцентируется на чувствах и переживаниях, связанных с ситуациями, которые существуют в настоящее время и могут возникнуть в перспективе. Иными словами, человеком безопасность переживается в первую очередь как чувство защищенности от действия различного рода опасностей. Автором была предложена формулировка понятия «психологическая безопасность». Это состояние сознания общества, при котором оно само в целом и каждый отдельный индивид воспринимают настоящее качество жизни адекватно и надежно, создавая действительные ресурсы, направленные на удовлетворение естественных и социальных потребностей людей в данный период времени и возможности для уверенности в будущем [1, с. 7].

Особые группы населения с различными признаками уязвимости стали формироваться в процессе исторического и политического развития общества, они не могут полностью реализовать свои потребности по причине физического или психического состояния организма. Определено, что термин «уязвимость» является синонимом следующих понятий: «жертвенность», «лишения», «социальная зависимость». Действительно, они противопоставлены представлениям о психологической защищенности человека [2, с. 13].

Существуют группы населения, которые нуждаются в особой защите со стороны государства и общества, и есть основания для предоставления им психологической помощи. Согласно определению, данному ВОЗ, «уязвимые группы населения» – это какая-либо группа или часть общества с более высоким по сравнению с другими группами или остальным обществом риском подвергнуться мерам дискриминационного характера, насилию, стать жертвами природных катастроф или экономических кризисов [5, с. 54].

Выделяют несколько групп населения, нуждающихся в особой защите, в оказании психологической помощи со стороны государства и общества. Согласно данным ВОЗ, «уязвимые группы населения» представляют собой часть населения с более высокими рисками по сравнению с остальными группами. Речь идет

о дискриминации, насилии, природных катаклизмах, экономических кризисах, которые являются следствием глобализации [5, с. 54].

Глобальные изменения миропорядка часто приводят к социальной незащищенности людей, «уязвимость» становится интегральным показателем, складывающимся из суммы ряда факторов. Действуют внешние факторы, не зависящие от человека или группы лиц, и внутренние, которые характерны для выделяемых групп населения: нарушение прав человека, дискриминация, основанные на гендерном различии, физиологических особенностях человека, его возрасте и статусе [3, с. 23].

Уязвимые группы представлены следующими категориями лиц: детьми, отдельными категориями женщин, инвалидами, трудящимися-мигрантами, беженцами, национальными меньшинствами, коренными народами, пожилыми людьми. Отмечено, что внутри каждой из них возможна признаковая дифференциация, основанная на психологических, политических, экономических, социальных, правовых, религиозных признаках [6, с. 74].

Таким образом, проблема психологической безопасности уязвимых групп достаточно актуальна как в теоретическом, так и в прикладном аспекте в условиях значительных изменений российского общества.

Психологическую безопасность уязвимых групп можно рассматривать как состояние защищенности их психики от действия многообразных информационных факторов, препятствующих или затрудняющих формирование и функционирование адекватно сориентированной установки социального поведения человека (и в целом, жизнедеятельности в обществе) и соответствующей системы его субъективных (личностных, субъективно-личностных) отношений к окружающему миру и самому себе [1, с. 15].

Выделяя психологическую безопасность уязвимых групп из общего контекста информационной и психологической безопасности в качестве самостоятельного направления, необходимо руководствоваться следующими ключевыми моментами:

во-первых, в связи с резким переходом к цифровизации общества, усиливается ее влияние на психику человека, происходит

усложнение содержаний и структур, масштабов информационных потоков и всей информационной среды, что обуславливает необходимость создания новых механизмов и средств приспособления для выживания уязвимых групп в современном обществе;

во-вторых, выявлено, что реакция психики человека на информационную среду имеет свою специфику, отличаясь при этом от реакции на биологические, технические, социальные системы.

Литература

1. Грачев Г. В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты. – М. : Изд-во РАГС, 1998.

2. Доклад Генерального директора МОТ «О социальной защите в мире в 2017–2019 гг.: всеобщая социальная защита как условие достижения целей в области устойчивого развития». – Женева, 2017. – 490 с.

3. Всемирный день охраны труда. 28 апреля 2018 : концептуальная записка / Международная организация труда. – М., 2018. – URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_622791.pdf (дата обращения: 17.02.2021).

4. Микрина В. Г., Бекашев Д. К. Особенности защиты уязвимых групп населения в международном праве // *Advances in Law Studies*. – 2019. – Т. 7, № 1. – С. 46–50.

5. Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие : материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. – М. : РОС, 2012. – 1 CD ROM. – 10696 с.

6. Kiss M. Vulnerable social groups: Before and after the crisis // *European Parliament*. – 11.07.2016. – 8 p. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_BRI\(2016\)586605](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_BRI(2016)586605) (дата обращения: 17.02.2021).

7. Abuse of a position of vulnerability and other “means” within the definition of trafficking in persons : Issue Paper / United Nations Office on Drugs and Crime. – New York : United Nations, 2013. – 108 p. – URL: https://www.unodc.org/documents/human-trafficking/2012/UNODC_2012_Issue_Paper_-_Abuse_of_a_Position_of_Vulnerability.pdf (дата обращения: 17.02.2021).

А. Б. Неустроева, Е. Г. Кириллина

Социально-психологические особенности детей из неполных и полных семей: сравнительное исследование

Аннотация. В статье на основе результатов психологического тестирования выявляются социально-психологические особенности детей из неполных и полных семей в Республике Саха (Якутия). Исследование показало, что поведение подростков из неполных семей отличалось более высоким уровнем тревожности и фрустрации, избеганием трудностей, заниженной самооценкой и менее развитой эмпатией. В то же время подростки из неполных семей, по сравнению с подростками из полных семей, были более гибкими и пластичными, более спокойными и сдержанными.

Ключевые слова: неполная семья; социальная работа; социально-психологические особенности; тревожность; фрустрация; самооценка; агрессивность; ригидность.

В современных условиях как в России в целом, так и в Республике Саха (Якутия) в частности ежегодно распадается более половины браков [4]. Кроме роста разводимости широкое распространение получают внебрачные рождения. Так, с 1990-го по 2016 год число внебрачных рождений в Республике Саха (Якутия) выросло на 37,5 %, каждый третий новорожденный был ребенком матери-одиночки [7]. Одновременно увеличи-

Аиза Борисовна Неустроева, канд. социол. наук, доцент, Институт психологии, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (г. Якутск, Россия).

Евгения Гаврильевна Кириллина, магистрант, Институт психологии, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (г. Якутск, Россия).

вается число отцов-одиночек. По данным общественной организации «Лига отцов Якутии», в 2018 году в регионе насчитывалось около 8 тысяч отцов-одиночек.

С увеличением разводов и внебрачной рождаемости растет количество неполных или монородительских семей, состоящих из детей и одного родителя, чаще всего матери. Неполные семьи по сравнению с полными находятся в более сложных жизненных условиях, так как все проблемы – от финансовых до психологических – родитель решает в одиночку. В педагогике неполная семья рассматривается как один из факторов неблагоприятного воспитания [3]. В психологии неполная семья рассматривается как форма, возникающая в результате конфликта и разрушения ее привычной структуры – отец, мать и дети. В социальной политике о неполной семье говорят в контексте бедности и нужды. С точки зрения социальной работы неполные семьи относятся к группе риска и являются одной из категорий семей, нуждающихся в государственной социальной помощи и общественной поддержке.

Увеличение неполных семей, дефицит их социально-адаптивных возможностей выдвигают на первый план необходимость создания эффективных механизмов социальной поддержки неполных семей и оказание помощи в решении социальных, психологических, педагогических, правовых, медико-социальных и других проблем. Цель данной статьи заключается в выявлении социально-психологических особенностей детей из неполных и полных семей в Республике Саха (Якутия).

Для изучения самооценки психических состояний старших подростков из полных и неполных семей было проведено психологическое тестирование. Респонденты в количестве 110 подростков в возрасте от 15 до 18 лет прошли методику самооценки психических состояний Г. Айзенка. В выборочную совокупность были включены 55 старшеклассников из неполных семей и в качестве контрольной группы были протестированы 55 старшеклассников из полных семей. С помощью теста Айзенка определялся и сравнивался уровень таких психических состояний, как тревожность, фрустрация, агрессивность, ригидность. Основная гипотеза исследования – в неполных семьях (по сравнению с пол-

ными) поведение подростков отличается некоторыми негативными особенностями проявления. К числу таких особенностей относятся: более высокий уровень тревожности и агрессии, заниженная самооценка и менее развитая эмпатия.

Тревожность – это индивидуальная психологическая особенность, заключающаяся в повышенной склонности испытывать беспокойство в самых различных жизненных ситуациях, в том числе и в таких, которые к этому не предрасполагают [6]. Исследования ученых показали, что одинокие матери выстраивают коммуникацию с детьми на более высоком негативном социально-психологическом фоне, чем в полных семьях [2]. Из-за высокой загруженности одинокие родители не реализуют своих родительских обязанностей в полной мере, что приводит к деформациям в воспитании детей в неполных семьях, высокой тревожности, неуверенности у детей. У большинства (56,4 %) старших подростков из неполных семей преобладал средний уровень тревожности, тогда как в группе детей из полных семей преобладали респонденты с низкой тревожностью (58,2 %). Самый высокий уровень тревожности был выявлен у 5,5 % детей из неполных семей и 1,8 % детей из полных семей.

Фрустрация – это психическое состояние, возникающее в ситуации реальной или предполагаемой невозможности удовлетворения тех или иных потребностей, или, проще говоря, в ситуации несоответствия желаний имеющимся возможностям [1]. У 52,7 % подростков, воспитывающихся в неполных семьях, преобладали средний и высокий уровни фрустрации, тогда как в группе подростков из полных семей преобладали респонденты, устойчивые к неудачам, не боящиеся трудностей (47,3 %). У подростков из неполных семей, по сравнению с подростками из полных семей, была в 2 раза выше доля избегающих трудности и боявшихся неудач (7,3 % и 3,6 % соответственно).

Агрессией можно назвать любое поведение, которое ставит своей целью причинить кому-либо физический или психический вред. Поведение считается агрессивным только тогда, когда нападающий не только наносит физический вред жертве, но и присутствует субъективный мотив такого поведения. Если мотив отсут-

ствуется, то поведение называется псевдоагрессией, то есть ущерб наносится, но агрессор не имеет злого намерения [5]. По данным наших тестов, 61,8 % подростков, воспитывающихся в неполных семьях, были спокойны и сдержанны, в то время как в группе полных семей доля спокойных и сдержанных подростков составила 32,7 %. В группе детей из полных семей обнаружен более высокий уровень агрессивности (14,5 %) по сравнению с детьми из неполных семей (9,1 %). Старшие подростки из полных семей были более уверены в себе, в своих силах, что проявлялось в некой агрессии, иногда в форме демонстрации превосходства в силе по отношению к другому человеку или иному социальному объекту. Подростки из неполных семей реже проявляли агрессию по отношению к другим, агрессия направлялась внутрь, она становилась причиной низкого уровня самооценки, повышенного чувства вины и постоянной тревоги.

Ригидность – это невозможность и неспособность человека меняться, гибко реагировать на спонтанно изменяющиеся жизненные ситуации. У 23,6 % подростков из полных семей была сильно выражена ригидность, это проявляется затрудненностью (вплоть до полной неспособности) в изменении намеченной субъектом программы деятельности в условиях, объективно требующих ее перестройки, а старшие подростки из неполных семей были более пластичны к изменениям.

Семейная среда и детско-родительские отношения являются фактором эмоционального и психического развития ребенка. Нарушение детско-родительских отношений негативно сказывается на развитии личности ребенка – его представлении о себе, самоотношении, самооценке. Основное отличие у двух исследуемых групп детей заключалось в том, что у старших подростков, воспитывающихся в неполных семьях, самооценка была занижена. Каждый пятый ребенок из неполной семьи имел очень низкую самооценку, тогда как в контрольной группе доля детей с низкой самооценкой не достигала 10 %.

Одним из важных навыков является коммуникативность. Коммуникативный человек – это успешный человек в жизни, умеющий выражать свои идеи и мнения, чувства и оценивать проис-

ходящее. Анализ уровня сформированности коммуникативных навыков у старших подростков из полных и неполных семей в нашем исследовании был фактически одинаковым. В группе детей с высоким уровнем коммуникативности преобладали подростки из полных семей (60 %). Зависимость уровня сформированности коммуникативных навыков среди старших подростков от типа семьи не была выявлена.

Таким образом, результаты наших исследований социально-психологических особенностей детей из неполных и полных семей в Республике Саха (Якутия) показали, что наша гипотеза частично верна. Поведение подростков из неполных семей отличалось такими негативными особенностями проявления, как более высокий уровень тревожности и фрустрации, избегание трудностей и боязнь неудач, заниженная самооценка и менее развитая эмпатия.

В то же время подростки из неполных семей, по сравнению с подростками из полных семей, были более гибкими и пластичными, умели подстраиваться под спонтанно изменяющиеся жизненные ситуации, были более спокойны и сдержанны. В группе детей из неполных семей обнаружен более низкий уровень агрессивности, в основном агрессия направлялась внутрь, что становилось причиной низкого уровня самооценки, повышенного чувства вины и постоянной тревоги. Зависимость уровня сформированности коммуникативных навыков среди старших подростков в зависимости от типа семьи не была выявлена.

Литература

1. Епифанова И. Как оказать помощь «трудным» детям // Воспитание школьников. – 2009. – № 8. – С. 65–68.
2. Левая Н. А. Институт неполной (материнской) семьи: исследование потенциала социальной неустойчивости : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Ростов н/Д, 2015.
3. Нафикова Г. З. Понятие неполной семьи и ее типы // Вестник Башкирского университета. – 2009. – Т. 14, №1. – С. 241–243.
4. Официальный сайт ТО Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). – URL: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/statistics/ (дата обращения: 23.11.19).

5. Подласый И. П. Теория и технология воспитания. – М. : ВЛАДОС, 2007. – 463 с.

6. Прихожан А. М. Психология тревожности: дошкольный возраст. – СПб. : Питер, 2009. – 192 с.

7. Сукнева С. А., Барашкова А. С. Внебрачная рождаемость в северном регионе: социодемографический аспект // Социодинамика. – 2018. – № 10. – С. 31–39.

П. С. Никитина, И. А. Оплетина

Социальная напряженность в контексте ситуации неопределенности и ее отражение на образовательном процессе

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проявления социальной напряженности в образовательной сфере, вынужденно перешедшей на дистанционную форму в начале 2020 года. Выясняется, что в основе социальной напряженности лежит неопределенность как одно из влияний пандемии коронавируса (COVID-19). В общем виде обозначаются направления деятельности по снижению общего уровня неопределенности населения.

Ключевые слова: дистанционное обучение; социальная напряженность; социальное самочувствие; неопределенность; пандемия.

Пандемия коронавируса (COVID-19) существенно отразилась на сфере образования, вынудив перевести процесс обучения в дистанционную форму. И если до этого удаленный режим использовался в большей степени как вспомогательный метод, в связи с чем оценка его достоинств и недостатков была затруднена, то повсеместный переход на новую форму обучения сразу же обнаружил ряд значительных отрицательных сторон. Так, к примеру, среди главных минусов участники образовательного процесса отмечают: нехватку эмоционального, «живого»

Полина Сергеевна Никитина, бакалавр 3-го года обучения направления подготовки «Психология» факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Инна Александровна Оплетина, преподаватель факультета социальной психологии, аспирант АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

общения как в системе студент – студент, так и в системе преподаватель – студент [1, с. 424; 7, с. 45], рост рабочей и учебной нагрузки [3, с. 57; 5], формализацию и обезличенность процесса образования [8, с. 35], проблемы технической оснащенности (отсутствие необходимых устройств, скоростного Интернета, недостатки программного обеспечения и платформ размещения дистанционного обучения) и технической грамотности преподавателей и студентов [9, с. 20], а также информационную перегруженность, связанную с обилием разнородной информации и дефицитом времени, и мышечную усталость, возникающую в связи со сниженной двигательной активностью при длительной работе за компьютером.

Один из самых сильных страхов населения сегодня – это уход образования на полный дистант. Связан он не только с уже указанными выше недостатками удаленной формы обучения, которые, безусловно, вносят свой вклад в опасения людей, но и с проблемой социальной напряженности.

Как утверждает А. В. Дмитриев, основной предпосылкой возникновения социальной напряженности является «устойчивая и длительное время неразрешаемая ситуация рассогласования между потребностями, интересами, социальными ожиданиями всей массы или значительной части населения и мерой их фактического удовлетворения» [2, с. 108]. Подобной ситуацией фрустрирования потребностей на сегодняшний день является пандемия и связанная с ней неопределенность как неосуществимость точного предсказания будущих событий. Это сопровождается конфликтами в когнитивной и эмоциональной сфере, на первое место выходит проблема смысла деятельности и жизни в целом. Недостижимость прежних ценностей выступает как новый психологический кризис.

Согласно разнообразным свежим данным, все участники образовательного процесса обеспокоены утратой социального статуса, многие отмечают, что «жизнь проходит мимо», возникает ощущение невозможности спрогнозировать будущие ситуации, а значит, мы можем констатировать наличие ситуации неопреде-

ленности и возникновение социальной напряженности на ее основе.

В состоянии фрустрированных потребностей участники образовательной среды очень часто демонстрируют неконструктивное поведение в виде:

- регресса как примитивизации поведения и склонности к взаимодействию с партнером с позиции детско-родительских взаимоотношений;
- агрессии как формы проявления гнева по поводу ситуации неопределенности;
- эскапизма (избегания) через отказ от активных действий и избегание травмирующей ситуации;
- рационализации как попытки оправдать свое поведение разнообразными мотивами;
- репрессии как подавления своих желаний и вытеснения их в подсознание;
- проекции как процесса переноса своих неосознаваемых мотивов поведения на объяснение поведения других участников взаимодействия;
- аутизма как замыкания личности на самой себе, ее отказе от общения с другими людьми или даже отказе от деятельности;
- сублимации – переключения на другой вид деятельности, приносящей удовольствие, но в ущерб основной задаче [6, с. 266].

Безусловно, дезадаптация личности связана со многими явлениями и обстоятельствами. В ситуации пандемии и онлайн-работы часто возникают нарушения в области саморегуляции, поведение человека окрашивается негативными эмоциями, оно может быть импульсивным и деструктивным. Подобное может возникнуть из-за разных личностных особенностей: накапливающегося стресса, эмоциональной напряженности, нервно-психической напряженности, немотивированных агрессивных выплесков на других, на себя, на ситуацию. Постоянная неудовлетворенность и фрустрированная потребность в межличностном контакте находят разные выходы и могут выражаться и в саморазрушающих формах поведения.

Основное желание сторон взаимодействия преподаватель – студент – снять неопределенность, которая лежит в основе социальной напряженности. В связи с этим основной задачей на сегодняшний день является снижение уровня неопределенности, которое должно осуществляться комплексно как на макроуровне, с подключением государственных мер, так и на микроуровне, затрагивающем каждую отдельную личность.

Как подчеркивают А. Н. Сухов и А. А. Деркач [6, с. 263], «снять неопределенность... может только идея». Как показывает история, кризисные периоды как раз и характеризуются появлением идей, способных сплотить вокруг себя население и существенно снизить градус напряженности. Однако очень важно, чтобы подобные идеи были направлены на созидание, а не на деструкцию, так как первые в большей степени позволяют добиться конструктивных результатов. Если говорить о решении проблемы неопределенности на уровне государства, то примерами подобных конструктивных идей могут являться идеи национальной безопасности, сильной государственности. Объединение людей на их основе достигается за счет восстановления доверия к власти, общего улучшения экономического и социально-правового положения страны, улучшения уровня жизни населения, организации социальной защиты и т. д.

На микроуровне снижение уровня неопределенности может осуществляться за счет использования личностью собственных психических, физических и энергетических ресурсов. Так, к примеру, В. И. Моросанова отмечает важность развития и использования общей способности осознанной саморегуляции как метаресурса, способного значительно улучшить качество жизни в условиях кризисных ситуаций [4].

Таким образом, мы можем сделать вывод о наличии социальной напряженности в образовательной среде, в основе которой лежит ситуация неопределенности, как одно из воздействий пандемии коронавируса. Именно поэтому первостепенной задачей при решении данной проблемы будет являться снижение уровня неопределенности, которое необходимо осуществлять с применением комплексных мер на нескольких уровнях.

Литература

1. Водопьянова Н. Е., Гофман О. О., Густелева А. Н., Сережин Д. В. Анализ трудностей дистанционного обучения студентов и поиск путей совладания с ними // Личностные и регуляторные ресурсы достижения образовательных и профессиональных целей в эпоху цифровизации : материалы междунар. науч.-практ. онлайн-конференции. – М., 2020. – С. 419–434.
2. Дмитриев А. В. Конфликтология : учеб. пособие. – М. : Гардарики, 2000. – 320 с.
3. Кольцова И. В., Долганина В. В. Влияние пандемии на возникновение тревожности у студентов педагогического вуза // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – № 4. – С. 49–61.
4. Моросанова В. И. Саморегуляция как метаресурс образования и решения задач жизнедеятельности в кризисных условиях пандемии // Личностные и регуляторные ресурсы достижения образовательных и профессиональных целей в эпоху цифровизации : материалы междунар. науч.-практ. онлайн-конференции. – М., 2020. – С. 883–896.
5. С переходом в онлайн нагрузка на преподавателей вузов увеличилась // Российская газета. – 20.05.2020. – URL: <https://rg.ru/2020/05/20/s-perehodom-v-onlajn-nagruzka-na-prepodavatelej-vuzov-velichilas.html> (дата обращения: 25.02.2021).
6. Социальная психология : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. А. Н. Сухова и А. А. Деркача. – М. : Academia, 2001. 5–99 с.
7. Цветикова Т. В. Дистанционное обучение: плюсы и минусы // Актуальные вопросы педагогики : сборник статей II Междунар. науч.-практ. конференции. – Пенза, 2020. – С. 43–47.
8. Шестакова А. М. Вебинары как способ вовлечения студентов и преподавателей в образовательный процесс: основные преимущества и недостатки // Дистанционные технологии в профессиональном психологическом образовании, психологии и психоанализе : сборник научных трудов по материалам междунар. науч.-практ. конференции, посвященной 10-летию отдела инновационных технологий в образовании ЧОУВО «ВЕИП». – СПб., 2020. – С. 34–38.
9. Шнейдер Л. Б. Реальности дистанционного обучения в контексте пандемии // Высшее образование сегодня. – 2020. – № 7. – С. 18–23.

Роль социальных норм в формировании безопасного поведения населения

Аннотация. В период эпидемии коронавирусной инфекции мы становимся свидетелями того, как меняются представления о нормах поведения в обществе. Необходимость введения карантинных мер, обязательное ношение масок и перчаток – это уже не только санитарно-профилактическое, но и общественное требование, и не всем оно нравится, не все готовы его соблюдать. В результате этих процессов появляются новые формы социального сознания, а общество идет к формированию новых социальных норм поведения.

Ключевые слова: российское общество; пандемия; безопасность, защищенность; стресс; социальные нормы; социальное здоровье; стандарты поведения.

При помощи социальных норм в обществе регулируются взаимоотношения, поведение, жизнедеятельность людей. «Социальные нормы – сложившиеся под воздействием социальной практики нормы и правила общественного поведения и проявления человека в конкретно-исторических условиях жизни общества. Они определяют сложившиеся или установленные стандарты поведения личности в группе, соблюдение которых выступает для индивида необходимым условием взаимодействия» [8, с. 62].

Наталья Николаевна Старцева, магистрант 2-го курса, факультет социальной психологии, направление Психология, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Научный руководитель: Г. А. Костина, доцент кафедры социальной психологии, ведущий преподаватель факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

Социальная норма «негласно» закрепляет определенный акт деятельности, который утвердился в жизни. Как следствие, данная норма становится правилом поведения для всех. В то же время социальные нормы не являются какими-то жесткими рамками, а допускают относительную свободу поведения каждого человека. Но когда человек нарушает определенные нормы поведения, он должен быть готов подвергнуться санкциям, посредством которых общество призывает отдельных граждан уважительно относиться к общественным правилам.

Введение карантинных мер разделило общество на два лагеря: одни демонстративно пренебрегают профилактикой и скептически относятся к угрозе вируса, тогда как другие готовы «уничтожить» любого нарушителя «масочного» режима в общественном транспорте или нарушителя социальной дистанции в общественном месте. Эти группы вступают в споры и конфликты, нередко проявляют агрессию по отношению друг к другу. Одни считают, что не носить маску опасно и отчасти даже неприлично. Тогда как с точки зрения других, ношение маски – это абсолютно бесполезная мера.

Самоизоляция российского населения как вынужденная мера в условиях пандемии коронавирусной инфекции нарушает одну из основных базовых потребностей человека. Согласно пирамиде Маслоу, это потребность в безопасности. Пандемия явилась своего рода триггером, вследствие чего произошла «травматизация» как отдельной личности, так и определенных групп населения. Особенно это относится к уязвимым группам населения (пенсионеры, люди с ограниченными возможностями здоровья и др.).

По наблюдениям российских и зарубежных психологов и социологов, у людей всё чаще появляются тревога, панические настроения, агрессивное поведение, неудовлетворенность качеством жизни, поскольку даже в кругу семьи в период самоизоляции люди испытывают серьезное перенапряжение, что, в свою очередь, ведет к дезадаптации общественного сознания и изменению ранее устоявшихся социальных норм.

В отношении пандемии COVID-19 уже существуют данные о прагматических причинах некомплаентности населения с про-

тивноэпидемическими мерами [6, с. 88]. Важно исследовать риски для социального здоровья российского населения и возможные долговременные последствия социокультурной «травматизации» общества в текущей ситуации. По сути, в настоящее время мы можем наблюдать, как происходит трансформация ранее существовавших социальных установок и норм.

В 80-е гг. XX в. в западной социальной психологии появились когнитивные модели убеждающей коммуникации, объясняющие изменение социальных установок.

В бихевиористском направлении (К. Ховланд) принято, что аттитуды человека изменяются в зависимости от того, каким образом организуется подкрепление той или иной социальной установки. Меняя систему вознаграждений и наказаний, можно влиять на характер социальной установки, изменять ее (принцип научения). Согласно когнитивистской традиции, изменение установки всегда происходит, когда в когнитивной структуре индивида возникает несоответствие. Данное объяснение изменения социальных установок дается с позиций теории соответствия (Т. Ньюком, Ч. Осгуд, П. Танненбаум, Л. Фестингер, Ф. Хайдер). Так сталкивается негативная установка на какой-либо объект и позитивная установка на лицо, дающее этому объекту позитивную характеристику. При этом стимулом для изменения аттитюда является потребность индивида в восстановлении когнитивного соответствия, т. е. упорядоченного, «однозначного» восприятия внешнего мира [2, гл. 17].

Леон Фестингер (1957) в теории когнитивного диссонанса объясняет влияние поведения на изменение социальных установок тем, что личность испытывает напряжение и дискомфорт, когда имеет несопадающие, непоследовательные идеи и стремится найти пути уменьшения этого диссонанса. Данная теория объяснила некоторые особенности социального поведения. Вот несколько примеров, подкрепленных экспериментально. Эти особенности поведения прослеживаются в различных группах населения в период пандемии. Например такие:

1) чем сильнее становится членство в группе, тем выше группа оценивается личностью;

2) люди, которые придерживаются противоположных взглядов, склонны интерпретировать одни и те же факты совершенно по-разному. Каждый вспоминает только то, что поддерживает его позиции, «наводит блеск на поверхность» и забывает то, что могло бы создать диссонанс;

3) если кто-то имеет выгоду от социальной несправедливости, вызывая страдания других, он убеждает себя, что страдающие сами виноваты, они могли жить лучше, но такова их судьба и т. д. [5].

В теории деятельности говорится, что если социальная установка возникает в определенной сфере человеческой деятельности, то понять ее изменение можно, проанализировав изменения в самой деятельности (соотношение между мотивом и целью деятельности). При этом условии для субъекта изменяется личностный смысл деятельности, а значит, и социальная установка [3].

Факты изменения социальных установок проанализированы в концепциях «убеждающей коммуникации», эффективность которых обусловлена подбором определенных способов убеждения в ситуациях прямого общения с человеком или общения, опосредованного средствами массовой информации [2, гл. 17].

Как мы можем наблюдать в период пандемии, в социальном напряжении находится большое количество категорий населения, а наиболее подвержены социальному напряжению уязвимые группы населения, и для преодоления этого непростого периода большое значение имеют меры социальной и психологической поддержки граждан со стороны государства в условиях пандемии и вынужденной самоизоляции, организация в средствах массовой информации просветительской работы, посвященной вопросам психического благополучия, разработка мероприятий, направленных на повышение социального взаимодействия, социальной активности и интеграции населения, в том числе малых групп.

Для людей, страдающих психическими заболеваниями, необходимо развивать службы онлайн-поддержки, в рамках которой медработники могли бы оказывать помощь уязвимым в этом плане гражданам. Выявить данные запросов и потребности в этом определенных групп населения вполне возможно посредством

контент-анализа социальных сетей. Детальное изучение и целостное понимание изменений жизненной перспективы людей после пандемии, изучение роли социальных норм при формировании правил безопасного поведения становятся актуальными.

Также назрела потребность в юридическом регулировании и закреплении новых этических и социальных норм, возникших в период пандемии. Здесь необходимо проработать вопрос, какие социальные нормы должны регулироваться на законодательном уровне и быть обязательными для всех, а какие априори являются нормами этичного поведения в обществе.

Как совершенно справедливо подчеркивал еще в 2012 году отечественный ученый А. А. Возьмитель, общественное развитие зависит от того, сможем ли мы понять и проанализировать особенности тех событий, которые уже произошли, и тех изменений, которые происходят в настоящий период времени [4, с. 6].

В связи с этим для понимания происходящих общественных изменений, обуславливающих особенности социального поведения и отражающихся на социальном и психологическом здоровье населения, необходимо проведение исследований с подробным анализом социальных эффектов и последствий влияния самоизоляции в условиях пандемии.

Необходимо построить прогноз изменения социальных норм и установок в соответствии с изменением соотношения мотивов и целей деятельности, текущих процессов целеобразования в малых группах и в обществе в целом.

Литература

1. Брэдшоу А. COVID-этикет: как пандемия породила новую культуру общения в мире // Реальное время : сайт. – 14.10.2020. – URL: <https://realnoevremya.ru/articles/190656-kak-pandemiya-koronavirusa-izmenila-kulturu-obscheniya-v-mire> (дата обращения: 21.02.2021).

2. Андреева Г. М. Социальная психология. – М. : Аспект Пресс, 2009. – 362 с.

3. Асмолов А. Г. Деятельность и установка. – М. : Московский университет, 1979. – 154 с.

4. Гафиатуллина Н. Х., Касьянов В. В., Самыгин П. С., Самыгин С. И. Российское общество в условиях самоизоляции: социальные эффекты и

последствия пандемии COVID-19 : монография. – М. : Русайнс, 2020. – 178 с.

5. Роменец В. А., Маноха И. П. История психологии XX века. – Киев : Лыбидь, 2003. – 894 с.

6. Сорокин М. Ю., Касьянов Е. Д., Рукавишников Г. В., Макаревич О. В., Незнанов Н. Г., Лутова Н. Б., Мазо Г. Э. Психологические реакции населения как фактор адаптации к пандемии COVID-19 // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. – 2020. – № 2. – С. 87–94.

7. Социальные последствия пандемии COVID-19 и инклюзивность : дайджест / Департамент международного и регионального сотрудничества. – М. : Счетная палата РФ, 2020. – 37 с.

8. Воронин А. С. Словарь терминов по общей и социальной педагогике. – Екатеринбург : ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2006. – 135 с.

9. COVID-19 и международная практика поддержки экономики и населения. Обзор международной практики поддержки экономики и населения в условиях борьбы с пандемией коронавируса в Армении, Великобритании, Германии, Дании, Испании, Италии, Казахстане, Китае, Нидерландах, США, Финляндии, Франции, Швеции, Южной Кореи, Японии / под общ. ред. О. В. Синявской // Институт социальной политики НИУ ВШЭ. – 26.04.2020. – URL: https://isp.hse.ru/covid_ip (дата обращения: 20.02.2021).

Изменение дистанции между субъектами образовательного процесса в условиях кризисного дистанционного обучения

Аннотация. Совершенствование коммуникативных технологий предопределило качественное изменение дистанции между педагогами и учащимися, которая приобретает всё большую зависимость от интенсивности и качества диалога между участниками образовательного процесса, а также требует переосмысления их ролей и индивидуальных стратегий.

Ключевые слова: дистанционное обучение; цифровизация образования; транзакционная дистанция.

До последнего времени дистанционное обучение было альтернативной образовательной практикой. Технологической базой дистанционного обучения стало онлайн-обучение, получившее распространение на фоне цифровизации общества, и в частности цифровизации образования. Цифровизация предполагает практику создания цифровых информационных продуктов в массовом масштабе, а также определяет сам процесс расширения использования различных компьютерных средств и технологий, включая, таким образом, в качестве базовых компонентов процессы информатизации и компьютеризации.

Завоевания цифровизации оказались значительно востребованы в условиях пандемии COVID-19, когда для противодей-

Елена Николаевна Сюткина, канд. филос. наук, ст. преподаватель факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Моника Никулина, магистр теологии, преподаватель колледжа «Объединение технических школ» (г. Белосток, Польша).

ствия вирусу по всему миру были введены жесткие требования соблюдения социальной дистанции, карантина и социальной изоляции, включая перевод многих организаций на удаленный режим работы.

Создание цифровой инфраструктуры в различных сферах экономической и социальной жизни открыло широкие возможности для внедрения на волне пандемии онлайн-обучения, которое описывается как доступ к обучению на основе использования интернет-технологий. При этом термины «онлайн-обучение» и «дистанционное обучение» нередко используются как взаимозаменяемые, однако дистанционное обучение имеет достаточно длительную историю и появилось задолго до изобретения Интернета. Точкой отсчета дистанционного обучения называют 1728 год, когда в одной из газет Бостона появилось объявление о возможности дистанционного изучения стенографии посредством обмена письмами [2]. Этот опыт впоследствии получил продолжение, и почта стала на долгие годы надежным каналом дистанционного обучения, которое осуществлялось, таким образом, в асинхронном формате, предусматривающем наличие отсроченной обратной связи. Совершенствование коммуникативных технологий предопределило эволюцию дистанционного обучения. В результате Интернет, доступность которого в современном мире неуклонно возрастает, стал новой удобной и функциональной технологией качественного изменения дистанции между педагогами и учащимися. Если физическое расстояние – препятствие для традиционного образования, то в случае с дистанционным образованием физическая дистанция сменяется виртуальной, пространственные и даже временные ограничения снимаются, облегчая доступ к образовательным продуктам.

С одной стороны, Интернет послужил развитию и совершенствованию форм асинхронного обучения, среди которых можно отметить многообразные онлайн-курсы, обучающие рассылки на электронную почту, блоги, предварительно записанные видеуроки, вебинары и т. д. С другой стороны, Интернет содействовал появлению дистанционного синхронного обучения, которое происходит в режиме реального времени, когда группа людей

обучается одновременно, физически находясь в разных местах. При синхронном обучении обратная связь может осуществляться моментально, позволяя учащимся задавать вопросы и сразу получать на них ответы. Кроме того, среди форм синхронного обучения большое распространение получили вебинары и видеоконференции, которые в эпоху пандемии COVID-19 стали временной кризисной заменой очного обучения в вузах и школах.

В условиях синхронного дистанционного обучения на базе интернет-технологий физическая дистанция аннулируется, а всё большую важность приобретает дистанция транзакционная, определяемая как социально-психологическая дистанция между педагогами и учениками, которая является изменчивой и управляемой посредством диалогической коммуникации между участниками образовательного процесса [3]. Когда диалоги и другие значимые взаимодействия между педагогами и учащимися в процессе обучения интенсифицируются, транзакционное расстояние уменьшается. Однако если педагог не ведет диалог с учащимися или уделяет диалогической коммуникации мало внимания, транзакционная дистанция увеличивается. Таким образом, транзакционная дистанция зависит от интенсивности и качества диалога между участниками образовательного процесса.

Возможности и характеристики диалогов зависят от множества факторов, но в основном от структуры и гибкости курса и, в меньшей степени, от средства общения. Когда обучение строго структурировано без учета различий и индивидуализации учащихся в процессе обучения с минимальным диалогом, транзакционное расстояние становится высоким [3]. Эти особенности более характерны для асинхронных форм дистанционного обучения, которые в силу своей специфики провоцируют субъективное ощущение изоляции, ведут к уменьшению уровня мотивации у субъектов образовательного процесса.

Дистанционное обучение, не обеспечивающее постоянного диалога между педагогом и учащимися и недостаточно учитывающее индивидуальные потребности учащихся, увеличивает социально-психологическую дистанцию и приводит к снижению удовлетворенности субъектов образовательного процесса. Такая

проблема может возникать как в условиях очного, так и в условиях дистанционного обучения. Стало быть, такая дистанция может уменьшаться или увеличиваться как в случае непосредственного контакта между педагогом и учащимся, так и в случае контакта, опосредованного технологическими средствами. Однако нельзя сказать, что возможности традиционного очного обучения и дистанционного онлайн-обучения в плане сокращения социально-психологической дистанции между субъектами образовательного процесса одинаковы. «Несмотря на доступность современных средств связи... необходимо отметить ограниченность опосредованных форм коммуникации» [1, с. 42].

Очное обучение создает социальную ситуацию общения, из которой нельзя произвольно выйти и в которой каждый из участников коммуникации играет приписанную ему роль, вовремя дает обратную связь, открывая широкие возможности для развития диалога. Кроме того, по сравнению с технологически опосредованным онлайн-обучением, очное обучение включает расширенный набор коммуникативных средств: участники коммуникации более детально могут различать мимику, пантомимику, тон голоса собеседника и т. д. Всё это позволяет определить очное обучение как более контролируемый, гибкий и управляемый процесс.

Дистанционное онлайн-обучение, с одной стороны, целиком основано на внутренней мотивации ученика, требует значительного самоконтроля, а с другой стороны, дает удобную возможность выйти из ситуации общения по своему желанию или в результате технологического сбоя, ведет к тому, что участники коммуникации ограниченно воспринимают невербальные коммуникативные сигналы, а в ряде случаев и вербальные (под действием различных отвлекающих факторов, технических, программных сбоев). Всё это затрудняет ведение продуктивного диалога и в некоторых случаях сокращает возможности для гибкой индивидуализации образовательного процесса.

Кроме того, дистанционное онлайн-обучение требует фундаментального изменения взглядов на учащихся, которые в новых условиях уже не являются пассивными получателями информации, predetermined педагогом, а являются активными и не-

зависимыми субъектами, формирующими свои образовательные траектории, а роль педагогов сводится к содействию им в этой деятельности [3]. Автономии можно трактовать как «степень участия учащегося в определении и использовании целей, процесса, средств коммуникативного общения участников учебного и контроля обучения» [4, р. 13].

Однако учащиеся в силу возраста, уровня подготовки обладают разной степенью способности выстраивать личную стратегию обучения, находить ресурсы для учебы и оценивать свой собственный образовательный прогресс. Поэтому роль педагогов в онлайн-среде заключается не только в предоставлении информации, но и в мотивации учащихся и расширении их возможностей для обогащения их учебного опыта.

В этой обстановке кризисный переход с очного на дистанционное онлайн-обучение в условиях пандемии COVID-19 не вызвал особенного энтузиазма у многих участников образовательного процесса, поскольку обнажил консерватизм и ригидность образовательной системы, показал невозможность эффективной и быстрой механической директивной замены одних образовательных технологий другими при общем удовлетворении сторон. При этом необходимо отметить, что в условиях пандемии кризисное дистанционное обучение обеспечило непрерывность функционирования системы образования, способствовало более динамичному внедрению цифровых технологий в образовательный процесс и потребовало переосмысления традиционных ролей субъектов образовательного процесса.

Литература

1. Зотова О. Ю., Тарасова Л. В., Сюткина Е. Н. Карантин и изоляция как угрозы психологической безопасности // Безопасность личности и общества в условиях нового кризиса : материалы XI Международного симпозиума (г. Екатеринбург, 22–23 июля 2020 г.). – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2020. – С. 39–43.
2. Петькова Ю. Р. История развития дистанционного образования. Положительные и отрицательные стороны МООС // Успехи современного естествознания. – 2015. – № 3. – С. 199–204.

3. Moore M. G. Theory of transactional distance // Theoretical Principles of Distance Education / ed. by D. Keegan. – London : Routledge, 1993. – P. 22–38.

4. Moore M. Recent contributions to the theory of distance education // Open Learning. – 1990. – Vol. 5 (3). – P. 10–15.

Опыт философствования в рамках системы дистанционного обучения (психологический аспект)

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные со спецификой преподавания предмета «Философия» в техническом вузе в условиях дистанционного обучения. Задачей является поиск способов философствования и организации философского диалога в режиме нового типа общения. Показана роль философии в осознании и решении экзистенциальных проблем, возникших в период дистанционной разобщенности и пандемии. Обозначена роль философии в решении задач, связанных с осознанием новой реальности и преодолением чувства тревоги. Отмечены результаты эффективности методики «размышления вслух» в соединении с формами современного цифрового общения.

Ключевые слова: философская рефлексия; идентичность; дистанционное обучение; цифровое общение.

Новая реальность, связанная с переходом на дистанционное обучение, внесла существенные коррективы в образовательный процесс.

Многолетний опыт преподавания философии в вузе показывает, что интерес к дисциплине, как правило, возникает не сразу. Иногда, в самом начале курса, студент задает вопрос о целесообразности и актуальности изучения данного предмета на технических факультетах. Пробуждение интереса происходит в том случае, если материал преподносится как мысли и идеи, мотивирующие на размышления, рефлекссию о том, что наиболее акту-

Ольга Валерьевна Тарасова, канд. филос. наук, доцент кафедры управления в социально-экономических системах, философии и истории ФГОУ ВО «Уральский государственный университет путей сообщения» (г. Екатеринбург, Россия).

ально для молодого человека. Это вопросы, связанные с поиском смысла жизни, осознанием собственной идентичности, определением места в системе общественных отношений.

Большая роль в этом поиске отводится преподавателю. Классический вариант прочтения лекций и организации практических занятий предполагает диалог, в котором преподаватель излагает материал, а студент откликается на полученную информацию в своем ответе. На пути такого диалога студент остается учеником, отвечающим урок по заранее подготовленной системе вопросов.

Пробуждение философской рефлексии возможно лишь в том случае, если преподаватель выбирает для себя стиль преподавания, который можно назвать «мышление вслух». Философ выступает как размышляющий человек, который не только учит, а возможно, и не учит, а пробуждает в человеке механизм философствования. Запуск такого механизма возможен только в том случае, когда философия не замыкается на решении гносеологических проблем, а является практической философией, актом жизни, по выражению Н. А. Бердяева [1].

Согласно Бердяеву, необходимость в философствовании, как правило, связана с прохождением человеком определенного отрезка жизни, где ему приходится переосмыслить и проанализировать предыдущий опыт. Думается, спецификой данного опыта является понимание необратимости ситуации и желание (нежелание) существования в новой реальности.

Переход на дистанционную форму обучения поставил перед преподавателем философии сложную задачу. Как осуществить философский поиск, как активировать размышления студентов, разбудить в них интерес к философствованию в ситуации виртуального контакта?

Перед студентом стояла не менее сложная задача. Столкновение с опытом философствования на первом курсе – это одно из серьезных интеллектуальных испытаний. Вчерашний школьник должен постигать мысли и идеи предельно общего свойства, работать с текстами философов. Но в режиме дистанционного обучения эти виды деятельности требуют иных средств и навыков.

Новые вызовы реальности заставили переосмыслить и изменить процесс преподавания философии и оценить эту ситуацию как шанс достичь желаемого результата в условиях «цифрового общения».

Современный студент сформирован культурой информационной эпохи. Привычка общения через «черные зеркала» становится нормой жизни. По мнению психологов, прямой контакт с человеком входит в триаду самых тревожных ситуаций. Интернет является, в этом смысле, некоторым буфером, который сглаживает возможные неудачи реальных контактов. Язык общения всё больше перемещается в виртуальную сферу. Новый тип языка по форме является письменным, а по содержанию – это устная речь, но без жестов, мимики и интонации. Такой тип языка очень упрощает выражение мыслей, и, если использовать символику смайликов, эмодзи, играть с сочетанием символов и картинок, в руках у современного студента оказывается весьма «широкий» арсенал специфических средств выражения своих чувств и мыслей.

Общение со студентом проходит в виртуальной комнате, и обратная связь строится на диалогах в чате или переговорах с микрофоном. В процессе преподавания обнаруживается, что студент не желает говорить в микрофон, тем более появляться на экране. Ему гораздо проще писать ответы и общаться с преподавателем через чат.

Общение в чате имеет свои правила. Например, в письменном общении, в чатах, не принято ставить точку, так как она – символ окончания разговора (агрессивный знак). Всем, кто общается в Интернете, не рекомендуется писать большие буквы, так как это воспринимается как взрыв эмоций, крик. Специфика диалога в чате предполагает умение «сжимать» информацию до лапидарных предложений.

Преподаватель, как правило, разговаривает со студентами через микрофон и часто использует видеокамеру, но это не является обязательным требованием. Студенту, привыкшему смотреть в телефон, нет необходимости смотреть в глаза преподавателю.

Специфика нового типа общения заключается в том, что на преподавателя ложится двойная нагрузка. В режиме аудиовизу-

альной анонимности студентов, преподавателю необходимо в устной речи и, часто одновременно, в письменной (в чате) осуществлять интеллектуальную провокацию и заставлять студента работать, думать, рождать мысль, аргументированно излагать ее в письменной форме. Этот стиль работы невероятно энергетически затратен и требует большого профессионального энтузиазма.

Ожидание рисков дистанционного преподавания философии на ранних этапах привело к совершенно неожиданным результатам в конце. Во-первых, находясь в изоляции, студент сконцентрирован на непредсказуемости жизненной ситуации (тревога эпохи пандемии, оторванность от привычного окружения, страх перед будущим); во-вторых, тема одиночества в Интернете трансформируется в интерес исключительно к самому себе, к тому, что ты хочешь знать. Эта экзистенциальная ситуация обостряет желание молодого человека обсудить важные вопросы в рамках нового опыта, который называется опытом философствования.

Анонимность первокурсника, который не видит свою группу и не чувствует страха перед публичным выступлением, дает ему возможность говорить свободно и открыто о тех проблемах, которые обсуждаются в курсе. Привычный стиль общения в чате позволяет выражать мысль кратко, а иногда образно, с использованием символики чата. Возникает новая форма философских размышлений: преподаватель говорит в микрофон, студент отвечает письменно в чате. Очевидно, студент имеет возможность говорить, но микрофон используется очень редко, чаще всего студент пишет. Новая форма взаимоотношений дает возможность опросить большое количество студентов, практически каждый, кто присутствует на семинаре или лекции, может выйти в чат, поделиться собственными мыслями. Чаще всего ответы поступают практически одновременно, преподаватель может фиксировать мнения и позиции в широком диапазоне.

Общий чат создает эффект присутствия, социальной общности, смягчает статусные различия. Парадоксально то, что эффект разобщенности и снижения коммуникативных навыков в Интернете превращается в опыт предельной открытости и заинтересованности, если предметом обсуждения являются вопросы

смысложизненного свойства, характерные для философской проблематики. Важно дать понимание того, что философия «...есть некоторый срез бытия, в котором все события завершены, смыслы уже установлены и т. д., что дает действительную размерность и масштаб нашей человеческой жизни так, как оно есть на самом деле, а не так, как нам кажется в дурной бесконечности» [2, с. 17].

Безусловно, энтузиазм дистанционного преподавания философии обусловлен необходимостью дать студентам максимальные возможности для понимания специфики философского мышления в минимально подходящих для этого условиях. Устная практика дополняется творческими письменными работами, самыми важными из которых являются эссе и миф. Обязательны письменные задания к каждому семинару (теме).

Новая информационная реальность диктует свои правила общения, в том числе и в преподавании гуманитарных дисциплин, где само содержание деятельности обусловлено интеллектуальной энергетикой между преподавателем и студентом, возникающей в процессе реальной встречи. Как соединить живость и дыхание философии как акта жизни с опосредованным общением в Интернете? Этот вопрос требует дальнейшего осмысления и поиска новых форм.

Очевидно, что проживание в различных «информационных квартирах» разобщает людей: не формируются те ценности, которые могут объединять. Общение через социальные сети формирует тип информационных индивидуальностей, когда люди превращаются в фантомы, за которыми нет реальной истории. Обострение чувства одиночества, необходимость в персональном общении приводят к мысли, что все эти проблемы должны быть осмыслены и осознаны. В данной ситуации запуск механизма философствования есть один из возможных путей решения этих проблем, что и показал опыт одного года работы в режиме дистанционного обучения.

Литература

1. Бердяев Н. А. Смысл истории. – М. : Мысль, 1990. – 175 с.
2. Мамардашвили М. О философии // Вопросы философии. – 1991. – № 5. – С. 3–26.

Ресурсы неопределенности в условиях кризисной ситуации

Аннотация. В современном обществе непредсказуемость бытия становится одной из постоянных характеристик. Становится актуальным поиск ресурса для взаимодействия в системе, где одним из условий существования является неопределенность. В статье рассматривается пандемия COVID-19 в качестве «пограничной ситуации». Также предпринята попытка обзора разных точек зрения на феномен неопределенности как одну из характеристик пограничной ситуации.

Ключевые слова: ситуация неопределенности; пограничная ситуация; психологическое благополучие; кризисная ситуация; стигматизация; небинарная система.

В современных социокультурных условиях постмодернистского бытия человек часто встречается с проблемой определения и самоопределения в среде, где нет возможности точного прогнозирования жизненных перспектив. В таких условиях изучение влияния неопределенности на психику крайне актуально. Последний год стал периодом, когда названные тенденции проявились наиболее ярко в связи с пандемией COVID-19. Сейчас, как никогда раньше, актуален тезис о том, что мир вряд ли станет прежним. Несмотря на все достижения в цифровой сфере и стремительный технический прогресс, мировое сообщество переживает ситуацию, трудно поддающуюся контролю. Цифровой мир с его опорой на ценность рационального объяснения явлений оказался не готов к подобному экзистенциальному вызову. Множество людей по всему миру столкнулось с явной угрозой благопо-

Ольга Юрьевна Флейтлих, аспирант 2-го курса, факультет социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

лучию и жизни в совокупности с недостатком информации о том, как справиться с данной угрозой. Всё вышеописанное позволяет нам провести некоторые параллели с «пограничной ситуацией», как понимал ее К. Ясперс. «Ситуации, которые неизменны по своей сути и перед которыми человек бессилён» философ называет пограничными [4, с. 127]. Соприкасаясь с конечностью бытия, бессилием перед реальностью, «человек переживает величайшее душевное потрясение, отрешается от рутинной повседневности, преодолевает ее границы и в итоге совершает личностный прорыв к трагической сути бытия» [4, с. 127]. На наш взгляд, есть основания рассматривать события, происходящие в мире в последнее время, как пограничную ситуацию для человечества в целом.

Фокусом интереса статьи стал феномен неопределенности – одна из значимых характеристик пограничной ситуации. Это мышление о неопределенности как об источнике фрустрации, психологического дискомфорта с одной стороны, и как о потенциально ресурсном состоянии – с другой. Неопределенность рассматривают часто с противоположных позиций. Так, М. Мамардашвили рассуждает о ситуациях с недостаточной ясностью как об антропологической катастрофе [3]. С точки зрения удовлетворения потребностей рассматривал неопределенность П. К. Анохин. В рамках психологии мышления о неопределенности пишет Б. М. Теплов. В. Д. Менделевич, Б. Ф. Ломов, В. А. Ядов касаются неопределенности в рамках изучения антиципации. Кроме того, рассмотрению неопределенности посвящены работы Т. В. Корниловой, Ю. Козелецкого, Белинской и многих других авторов. Зарубежное научное поле представлено работами Дж. Гараедаги, Р. Акоффа, Ф. Эмери¹ в сфере теории целеустремленных систем, динамику которых формирует некая цель, являющаяся элементом системы, как ее атрибута. В работах о неопределенности исследователи выделяют общую закономерность: психологическое напряжение, испытываемое человеком в данной ситуации. По мнению В. А. Бодрова, «неопределенность ситуации часто при-

¹ Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах (1974); Гараедаги Дж. Системное мышление: как управлять хаосом и сложными процессами: платформа для моделирования архитектуры бизнеса (2010).

водит к замешательству, растерянности» [2, с. 66]. Э. Толмен и Дж. Брунер называют более экспрессивные переживания при встрече с неопределенностью: злость, страх, отвращение, тревогу. В данной статье под термином «неопределенность» мы понимаем ситуацию, характеризующуюся недостатком информации о текущем и перспективном состоянии системы, с которой происходит взаимодействие субъекта. С. Л. Соловьева, опираясь на отечественную науку, называет одним из следствий неопределенности «кризис идентичности: утрата стабильности, дезориентированность, разрушение представлений о себе, норм и ценностей, регулирующих поведение и деятельность» [6]. «Предрассудки чаще проявляются у тех, кто склонен к однозначной категоризации мира и людей и не выносит многозначности» [6]. Таким образом формируется тезис о связи интолерантности к неопределенности с такими особенностями мышления, как отсутствие креативности, авторитарность суждений, ригидность.

В русле размышлений о гендерной идентичности личности сегодня актуальна квир-теория как проявление небинарной системы мышления. Долгое время бинарность была основой когнитивных схем индивида. И сегодняшний отказ от бинарных полюсов мужского и женского на конвенциональном уровне, приводит к необходимости для каждого конкретного индивида в ситуации неопределенности искать ответ на вопрос: «Кто Я/Ты?» Небинарная система не дает нам сколько-нибудь понятной границы между гендерными группами просто потому, что их бесконечное множество, а не две. Небинарный подход к гендеру убирает ролевые ожидания. В процессе формирования гендерной идентичности в постмодернизме вполне адекватны вопросы: сколько гендерных моделей рассматривается – две или более? Откуда берутся конструктивные элементы этих моделей – готовые внешние паттерны или внутренний путь поиска? Относятся ли они друг к другу как оппозиции? Находятся ли в бинарной системе или выходят за ее пределы? Таким образом, неопределенность играет в описанной парадигме важную роль. Возможно, отчасти поэтому небинарный подход к гендеру на сегодняшний день имеет скорее негативную коннотацию в общественном пространстве. С чем же

связаны тревога, страх, отвращение и другие переживания, возникающие при встрече с тем, что невозможно категоризировать, опираясь на привычные конструкты? На наш взгляд, эти переживания связаны с субъективным ощущением опасности для общественного стабильного мироустройства. В данном ключе для нас представляет интерес неопределенность как контекст для развития такого социально значимого явления, как стигматизация. Начиная с 2016 года мы работаем над исследованием психологических особенностей людей в условиях стигматизации. В нашем случае мы исследовали особенности идентичности и специфику формирования картины мира трансгендерных людей. И особое внимание уделили стигматизации как условию для такого формирования. В результате нашего исследования мы пришли к выводу, что в результате стигматизации у трансгендерных людей формируется картина мира как небезопасного, в котором разворачивается процесс интернализации стигматизирующих установок. В этой связи образ мира данной группы людей формируется через конструкты опасности, неблагополучия, дискомфорта.

Есть ли выход из данной ситуации? Нам он видится в поиске стратегий преодоления напряжения при встрече с неопределенностью. Вектор наших дальнейших поисков направлен в сферу системного, междисциплинарного подхода. По нашему мнению, весьма перспективным становится взгляд на проблематику неопределенности через идеи И. Пригожина. Эти идеи, на наш взгляд, вполне гармонично экстраполируются из области термодинамики в сферу психологии. И. Пригожин делится очень важным соображением: «Любопытно, но сейчас в больших обществах роль индивидуума возросла, поскольку инициатива отдельных людей ведет к изменениям, которые, в свою очередь, приводят к социальным колебаниям» [5, с. 70]. То есть индивидуум, личность, уникальный человек становится «флуктуацией», играющей определяющую роль в динамике социальной группы. Таким образом возрастает ценность индивидуума в его текучей идентичности, которую можно распознать, лишь обладая определенной толерантностью к неопределенности встречи с уникальным Другим.

В заключение хотелось бы отметить, что в статье лишь обозначены векторы, которые открывают новые возможности для психологического благополучия в условиях глобальных кризисных переживаний, частным случаем которых явилась пандемия 2020 года. Огромным ресурсом для психологического здоровья видится пластичное обращение с неопределенностью. Ситуация пандемии дает возможность сделать выбор каждому: либо застрять в невозможности применения привычных когнитивных схем для описания реальности, либо увидеть в неопределенности возможность для развития. Это некий «пролог для подлинного бытия» по Ясперсу. «Трагический опыт “пограничной ситуации” позволяет человеку осмысленно преобразовать повседневное бытие и сделать его более содержательным и интенсивным» [4, с. 128]. Мы привели результаты нашего исследования специфики картины мира трансгендерных людей как иллюстрацию к идее о важности переосмысления роли неопределенности в межличностных отношениях. Отдавая отчет о трудности, с которой встречается человек, переживая тревогу неизвестности, тем не менее завершим словами русского философа Н. А. Бердяева о важности этих усилий для отдельно взятой личности (на месте которой в любой момент может оказаться каждый из нас, попав в ситуацию отвержения и стигматизации): «Новая, высшая мораль, прошедшая через трагедию, должна сознательно поставить в центре мира индивидуальность, ее судьбу, ее права, ее единственную ценность и назначение» [1].

Литература

1. Бердяев Н. А. Трагедия и обыденность // Библиотека «Вехи». – 2001. – URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/shestov3.html> (дата обращения: 18.02.2021).
2. Бодров В. А. Когнитивные процессы и психологический стресс // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17, № 4. – С. 64–74.
3. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. – М. : Прогресс, 1992. – 416 с.
4. Мануковский В. В. «Пограничная ситуация» и «подлинное бытие» в экзистенциальных концепциях К. Ясперса и Л. Шестова // Вест-

ник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 18 (272).
Философия. Социология. Культурология. – Вып. 25. – С. 127–129.

5. Пригожин И. Определено ли будущее? – М. : Ижевск : Институт компьютерных исследований, 2005. – 240 с.

6. Соловьева С. Л. Выживание в условиях неопределенности // Медицинская психология в России : электрон. науч. журн. – 2020. – Т. 12, № 2 (61). – URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 22.02.2021).

Ю. В. Честюнина, Е. А. Куба

Экономическое сознание трудоспособного населения в период пандемии¹

Аннотация. В статье представлены результаты исследования экономического сознания у трудоспособного населения в период пандемии. Установлено, что ситуация пандемии в большей степени влияет на профессиональную и социальную жизнь людей трудоспособного возраста, а также рассматривается как ситуация общей опасности и угрозы распространения Covid-19. Пропадает финансовый оптимизм, и снижается кредитная потребность и потребительское удовлетворение.

Ключевые слова: экономическое сознание; трудоспособное население; пандемия.

Социокультурная ситуация в стране осложнилась пандемией Covid-19, что повлекло за собой глобальные изменения во всех сферах жизнедеятельности. В период пандемии происходит изменение сознания. В сознание привносятся новые личностные смыслы, впитавшие новый опыт и могущие активизировать процесс понимания себя и ситуации в целом [6; 7]. Наиболее раннее определение экономического сознания дано А. В. Филипповым и С. В. Ковалевым [8], трактующими его как системную составляющую сознания, высший уровень отражения

Юлия Владимировна Честюнина, канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры специальной и клинической психологии ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (г. Челябинск, Россия).

Елена Андреевна Куба, ст. преподаватель кафедры специальной и клинической психологии ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (г. Челябинск, Россия).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-413-740019.

экономических отношений общественно развитым человеком. В рамках российских исследований феномена экономического сознания ученые наиболее активно изучают представления о себе в сфере экономики и об экономических явлениях [1; 2], экономические аттитюды и экономические отношения [3; 4]. Зарубежные исследования сосредоточены на изучении трансформации экономического сознания и поведения. Большинство ученых признает, что обязательным элементом экономического сознания являются экономические аттитюды [5].

Цель исследования – выявить особенности аттитюдов в сфере экономики у представителей трудоспособного населения в период пандемии.

Выборку исследования составили 142 представителя среднего возраста от 24 до 55 лет (средний возраст 37), проживающих в Уральском регионе.

С целью изучения экономического сознания использовался Опросник экономических аттитюдов (Дейнека, Забелина, 2018) [3]. Для определения влияния пандемии респондентам предлагалось ответить на вопросы анкеты.

Анализируя результаты, представленные в таблице 1, можно сделать вывод о том, что распределение по некоторым показателям отличается от нормального. Изучая иерархию средних, представленную во втором столбце таблицы, можно отметить, что большинство опрошенных респондентов высоко оценивают опасность Covid-19 и обеспокоены его распространением. Представители данной возрастной когорты отмечают, что наиболее сильное влияние пандемия оказала на их эмоциональное состояние (повышение тревоги, депрессия).

Распределение соответствует нормальному виду, если для соответствующей переменной абсолютные значения (по модулю) асимметрии и эксцесса не превышают свои стандартные ошибки. Анализируя данные, представленные в таблице 2, можно сделать вывод о том, что распределение по некоторым аттитюдам отличается от нормального. Поэтому далее мы будем использовать непараметрический критерий Спирмена.

Таблица 1

Оценка респондентами влияния пандемии

Экономические аттитюды	Среднее	Ст. откл.	Асим- метрия		Экссесс	
1. Влияние пандемии на физическое состояние	3,4455	1,92800	,151	,230	-1,293	,457
2. Влияние пандемии на эмоциональное состояние	4,1818	1,91652	-,312	,230	-1,090	,457
3. Влияние пандемии на профессиональную жизнь	4,4364	2,12684	-,315	,230	-1,244	,457
4. Влияние пандемии на финансовое состояние	3,9182	2,06825	-,028	,230	-1,199	,457
5. Влияние пандемии на социальную жизнь	4,4364	2,01156	-,329	,230	-1,082	,457
6. Влияние пандемии на личную жизнь	3,4091	2,10850	,294	,230	-1,266	,457
7. Опасность	5,3273	1,41492	-,680	,230	,278	,457
8. Распространение	4,7000	1,63421	-,428	,230	-,281	,457
9. Влияние на развитие региона	3,4455	1,92800	,151	,230	-1,293	,457

Таблица 2

Описательная статистика экономических аттитюдов
трудоспособного населения

Экономические аттитюды	Сред- нее	Ст. откл.	Асим- метрия		Экссесс	
1. Рациональность поку- пок	3,8169	1,69948	,150	,203	-,598	,404
2. Потребительское удов- летворение	3,9648	1,81175	-,085	,203	-,885	,404
3. Стремление к сбере- жению	5,4225	1,71073	-,853	,203	-,194	,404

Продолжение таблицы 2

4. Уверенность в будущем благодаря сбережениям	3,2676	1,80195	,322	,203	-,789	,404
5. Финансовая грамотность	3,8873	1,55330	-,121	,203	-,426	,404
6. Потребительская активность	5,0493	1,83476	-,584	,203	-,696	,404
7. Готовность инвестировать	3,5000	2,04471	,295	,203	-1,123	,404
8. Активность, рациональность в банковской сфере	5,1127	1,95734	-,816	,203	-,465	,404
9. Недоверие к банкам, иррациональность	4,2958	1,94531	-,103	,203	-,960	,404
10. Познавательная экономическая активность	3,6761	1,71166	,353	,203	-,546	,404
11. Ценность самостоятельных экономических достижений	6,2887	1,13351	-1,834	,203	3,293	,404
12. Экономические амбиции	5,5211	1,62742	-1,035	,203	,372	,404
13. Негатив к предпринимателям	3,3310	1,87451	,262	,203	-1,124	,404
14. Активность в сфере недвижимости	4,4014	2,03884	-,227	,203	-1,112	,404
15. Финансовый оптимизм	5,0775	1,70969	-,580	,203	-,523	,404
16. Приоритет заработка призванию	4,0211	1,75632	-,120	,203	-,771	,404
17. Значимость финансового статуса	4,7394	1,73279	-,453	,203	-,551	,404
18. Осознание потребительской иррациональности	5,9437	1,25350	-1,317	,203	1,481	,404
19. Инвестиционная неграмотность	4,8169	1,85892	-,420	,203	-,931	,404

Окончание таблицы 2

20. Социальная ответственность богатства	4,9577	1,71300	-,603	,203	-,258	,404
21. Приоритет заработка здоровьем	3,3873	1,90873	,157	,203	-1,197	,404
22. Избегание долгов	5,6690	1,67044	-1,240	,203	,628	,404
23. Предпочтение кредитам	3,5211	2,08581	,343	,203	-1,179	,404

По данным корреляционного анализа, респонденты, отмечающие сильное влияние пандемии на свое физическое состояние, испытывают низкое потребительское удовлетворение ($r = -0,216$, $p = 0,024$). Чем выше оценивают влияние пандемии на свое эмоциональное состояние испытывающие тревогу и депрессию, тем ниже для них значимость их финансового статуса ($r = -0,205$, $p = 0,031$). Испытуемые, отмечающие сильное влияние пандемии на свою профессиональную жизнь, меньше проявляют познавательную экономическую активность ($r = -0,215$, $p = 0,024$) и не испытывают финансового оптимизма ($r = -0,216$, $p = 0,023$). Чем выше испытуемые оценивают влияние пандемии на свое финансовое состояние, тем выше у них проявляется негатив к предпринимателям ($r = 0,218$, $p = 0,022$), тем более значим для них их финансовый статус ($r = 0,361$, $p = 0,0001$) и тем ниже желание что-то покупать в кредит ($r = -0,200$, $p = 0,036$). Испытуемые, отмечающие сильное влияние пандемии на свою социальную жизнь (отношения с друзьями, знакомыми), менее рациональны в потребительском поведении ($r = -0,194$, $p = 0,042$). Чем выше испытуемые оценивают влияние пандемии на свою личную жизнь (отношения с родителями, детьми, супругами...), тем ниже их потребительское удовлетворение ($r = -0,218$, $p = 0,022$) и тем больше у них долгов ($r = -0,193$, $p = 0,042$). Чем выше испытуемые оценивают опасность Covid-19, тем меньше они готовы инвестировать ($r = -0,246$, $p = 0,010$) и тем выше для них значимость финансового статуса ($r = 0,247$, $p = 0,009$). Испытуемые, озабоченные распространением Covid-19, готовы работать на хорошо оплачиваемой работе, даже если она не является их призванием ($r = 0,198$,

$p = 0,038$), для них характерна инвестиционная неграмотность ($r = 0,218$, $p = 0,022$). Чем выше испытуемые оценивают влияние Covid-19 на развитие региона, тем выше их приверженность кредитам ($r = 0,208$, $p = 0,029$).

Изучая иерархию средних, можно выделить наиболее разделяемые представителями среднего возраста аттитюды. Так, для представителей трудоспособного населения, проживающих в Челябинске, самым значимым аттитюдом является ценность самостоятельных экономических достижений. Большинство людей трудоспособного возраста разделяет утверждение о том, что большинство товаров и услуг навязано рекламой и модой. Также для них характерно избегание долгов и стремление к сбережению. Наименее разделяемые аттитюды представителей трудоспособного населения, проживающих в Челябинске, говорят о том, они не готовы жертвовать своим здоровьем за деньги и не верят, что в будущем им помогут сбережения.

В заключение следует отметить, что у трудоспособного населения в период пандемии предпринимательские аттитюды связываются с ситуацией пандемии, которая вызывает снижение эмоциональных состояний, снижение финансового оптимизма.

Литература

1. Вяткин А. П. Психология экономической социализации личности: субъектно-ролевой подход. – Иркутск, 2010. – 383 с.
2. Голубева Е. В. Факторы экономической социализации младшего школьника // Актуальные вопросы современной психологии и педагогики : сборник докладов междунар. научной заочной конференции. – Липецк, 2010. – С. 187–190.
3. Дейнека О. С., Забелина Е. В. Результаты разработки шкального многофакторного опросника для экспресс-диагностики экономических аттитюдов // Психологические исследования. – 2018. – Т. 11, № 58. – С. 9. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 24.02.2021).
4. Журавлев А. Л., Дробышева Т. В. Экономическая социализация формирующейся личности: теоретическая модель и экспериментальное исследование (на примере ценностных ориентаций личности) // Психологический журнал. – 2011. – Т. 32, № 2. – С. 59–81.

5. Zabelina E., Deyneka O., Tsiring D. Entrepreneurial attitudes in the structure of students' economic minds // *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*. – 2019. – Vol. 25. – № 8. – P. 1621–1633. – DOI 10.1108/UEBR-04-2018-0224.

6. Мячнев В. Я., Чердымова Е. И. Подходы и принципы изучения экологического сознания жителей мегаполиса // *Социология и социальная работа: современные образовательные и научно-исследовательские практики* : сборник материалов науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной 30-летию социологического факультета Самарского университета. – Самара : САМАРАМА, 2019. – С. 318–325.

7. Сорокоумова Е. А., Чердымова Е. И., Пучкова Е. Б., Темнова Л. В. Студенты в период пандемии Covid-19: понимание ситуации самоизоляции // *Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право*. – 2020. – № 3. – С. 196–205. – DOI 10.26653/2076-4650-2020-3-18.

8. Филиппов А. В., Ковалев С. В. Психология и экономика // *Психологический журнал*. – 1989. – Т. 10, № 1. – С. 22–31.

Изменение стрессоустойчивости и эмоционального выгорания медицинских работников в условиях эпидемической обстановки

Аннотация. Настоящее исследование посвящено изучению изменения стрессоустойчивости и склонности к синдрому эмоционального выгорания у медицинских работников в период эпидемии коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: стрессоустойчивость; медицинские работники.

Введение

По данным опроса ВЦИОМ, в 2014 г. основными причинами всех болезней россиян являются работа и стресс [3]. Анализ исследований показывает, что все авторы сходятся в одном: решающим фактором, который провоцирует синдром эмоционального выгорания, является личность работника [1; 2; 3; 4]. Конечно, не исключается воздействие профессионального стресса. И здесь активно исследуется проблема стрессоустойчивости личности в различных профессиональных сферах [1; 2].

По данным отечественных исследователей, синдром профессионального выгорания (СПВ) наблюдается более чем у 30 % работников здравоохранения, социальных служб и работников правоохранительных органов [4]. При хроническом действии стрессоров любой природы (экологической, эргономической) СПВ является значимым фактором риска здоровью работников любых

Виктория Павловна Шмелева, Дарья Сергеевна Роммель, студентки, кафедра общественного здоровья и здравоохранения ФГБОУ ВО УГМУ (Уральский государственный медицинский университет) (г. Екатеринбург, Россия).

профессий [5]. У 6–18 % работающего населения развитых стран наблюдается СПВ [6].

Важно также понимать, что эмоциональное выгорание работника происходит на фоне ухудшения его собственного состояния здоровья, что снижает эффективность профессиональной деятельности. Изучение проблематики стрессоустойчивости медицинских работников имеет большое практическое значение в процессе планирования профилактических и коррекционных мероприятий, направленных на сохранение и укрепление здоровья медицинских работников.

Об актуальности данной темы свидетельствует ежегодное большое количество публикаций и конференций по вопросам ПВ и СПВ: свыше 1 000 [7], включая 64 обзорные статьи за последние 5 лет (в т. ч. информационно-аналитический обзор академика П. Сидорова [4]); разработка отечественных вариантов методик изучения ПВ [2]; издание с 2014 года периодического журнала «Burnout Research»; международные конференции (последняя – г. Орел, 2017 г.); издание нескольких монографий и подготовка научных диссертаций по ПВ и СПВ.

В настоящее время во всем мире бушует эпидемия коронавирусной инфекции, что требует профильной мобилизации всего медицинского сообщества. Нагрузка резко возросла абсолютно на всех, и на фоне повышения заболеваемости и смертности стрессовые состояния, эмоциональная нестабильность стали обычным спутником всех категорий медработников. При этом работ, посвященных изучению склонности к синдрому эмоционального выгорания у медицинских работников в период эпидемии коронавирусной инфекции, в доступной литературе мы не нашли.

Цель исследования: изучение изменения стрессоустойчивости и склонности к синдрому эмоционального выгорания у медицинских работников при оказании помощи больным коронавирусной инфекцией.

Материалы и методы

Проведен опрос медицинских работников, работающих в условиях инфекционного госпиталя с больными коронавирусной инфекцией, с помощью анкеты, разработанной на основе Копен-

гагенского вопросника и включающей 9 вопросов. Всего в опросе приняли участие 125 человек в возрасте от 19 до 61 года (средний возраст – $28,4 \pm 1,0$ г.). Стаж работы в медицинских организациях составил от 0,5 до 38 лет, в среднем $5,9 \pm 0,9$ г.

Методы исследования: социологический и аналитический. Статистическая обработка результатов проведена с помощью пакета программы Microsoft Office Excel 2016.

Результаты и обсуждение

За время пандемии 90 % медицинского персонала усомнились в правильности выбранной профессии или профиля деятельности (занимаю не свое место), из них 55 % – медицинские сестры, 38 % – врачи, 7 % – студенты, преимущественно (92 %) в возрасте **20–29 лет**. Основной мотивацией продолжения работы в инфекционном госпитале для 42 % опрошенных стала возможность хорошего дополнительного заработка. В противном случае уволились бы 41 % медицинских сестер, 38,75 % врачей и 20,25 % студентов.

Анализ частоты заражения COVID-19 на рабочем месте в разных профессиональных группах позволил установить, что самые высокие показатели оказались среди врачей (37,9 %), а самые низкие – среди студентов (12,5 %). Частота заражения достоверно нарастала с возрастом после 45 лет как среди врачей ($r = 0,58$), так и среди медицинских сестер ($r = 0,56$), превышая уровни заражения молодых специалистов в 2,8 и 6 раз соответственно.

Респонденты отметили обострения имеющихся хронических заболеваний в период работы с COVID-19, частота которых зависела от стажа работы в профессии: как у врачей ($r = -0,89$), так и у среднего медицинского персонала ($r = -0,87$).

Более высокий уровень усталости в период работы с COVID-19 наблюдался среди лиц, которые и в обычном режиме отмечали повышенную утомляемость после работы, что более характерно для медицинских сестер ($r = -0,78$), чем для врачей ($r = -0,55$, при $p \leq 0,05$).

Низкий уровень стрессоустойчивости наблюдался преимущественно среди врачей (88 % опрошенных). Это люди, которые в трудных ситуациях могут проявлять беспокойство, нервозность,

напряжение, сопровождающиеся нарушением внимания, нарушением способности к анализу ситуации. Наиболее часто (78 %) высокий уровень стрессоустойчивости наблюдался среди студентов (рис. 1).

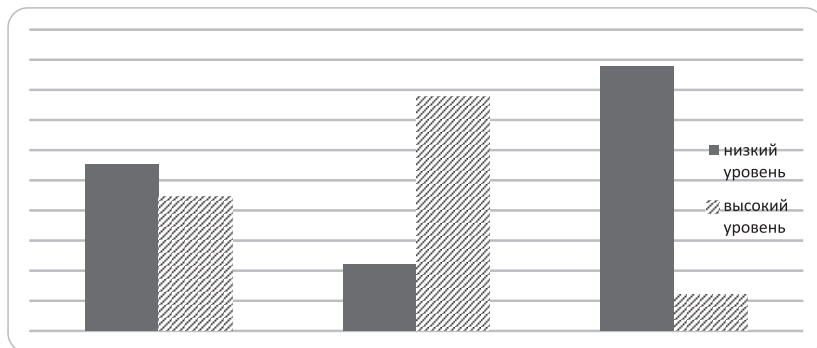

Рис. 1. Результаты сравнения уровня стрессоустойчивости среди медицинских работников

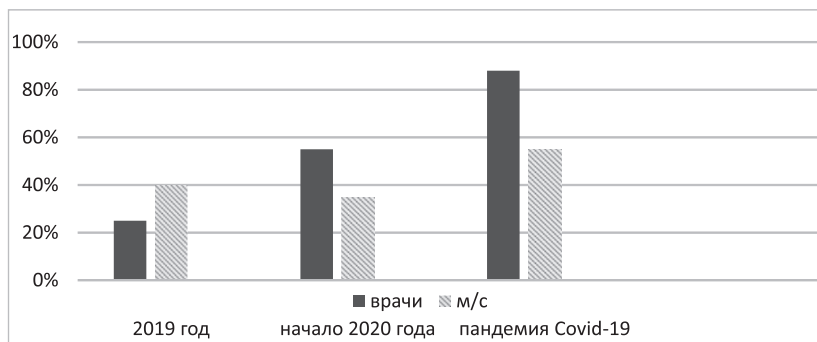

Рис. 2. Сравнение данных эмоционального выгорания у врачей и медицинских сестер

По данным предыдущих исследований (2019 г.), эмоциональному выгоранию подвержены 40 % респондентов – медицинских сестер и 25 % опрошенных врачей [3]. На начало 2020 года, по данным исследования, наличие синдрома эмоционального выго-

рания было характерно для 55 % врачей и 35 % представителей среднего медицинского персонала [5].

При исследовании стрессоустойчивости во время пандемии COVID-19 было выявлено, что эмоциональному выгоранию подвержены 55 % медицинских сестер и 88 % врачей (рис. 2).

Выводы

1. Среди врачей и медицинских сестер с увеличением стажа наблюдалась тенденция к обострению хронических заболеваний в период работы с COVID-19.

2. Заболеваемость COVID-19 среди врачей более чем в 2 раза выше, чем среди медсестер, и составляет 88 и 39 % соответственно.

3. Преимущественно высокой стрессоустойчивостью обладают работники молодого возраста независимо от должности, снижение стрессоустойчивости происходит у лиц старшего возраста при стаже работы более 5 лет.

Литература

1. Александрова А. А. Восприимчивость к эмоциональному стрессу в зависимости от акцентуации характера педагога // Наука и социум : материалы XIII Всерос. науч.-практ. конференции с междунар. участием (3 февраля 2020 г.) / отв. ред. Е. Л. Сорокина. – Новосибирск : Изд-во АНО ДПО «СИППИСПР», 2020. – С. 64–70.

2. Водопьянова Н. Е. Синдром психического выгорания в коммуникативных профессиях // Психология здоровья / под ред. Г. С. Никифорова. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. – 311 с.

3. ВЦИОМ: россияне назвали основные причины всех болезней // Известия. – 17.05.2017. – URL: <http://izvestia.ru/news/703397> (дата обращения: 02.03.2021).

4. Сидоров П. Синдром эмоционального выгорания // Медицинская газета. – 2005. – 8 июня (№ 43).

5. Турчанинов Д. В., Коваленко А. В., Брусенцова А. В., Сохошко И. А. Синдром профессионального выгорания у работников радиотелевизионного передающего центра // Медицина труда и промышленная экология. – 2017. – № 3. – С. 14–18.

6. Pedersen A. F., Andersen Ch., Olesen F., Vedsted P. Stress and burnout increase among general practitioners in Denmark // Ugeskrift for Laeger. – 2014. – Vol. 176 (2). – P. 135–138. – URL: www.researchgate.net/publication/260839945 (дата обращения: 02.03.2021).

7. Schaufeli W. B., Leiter M. P., Maslach C. Burnout: 35 years of research and practice // Career Development International. – 2009. – Vol. 14, No. 3. – P. 204–220. – DOI 10.1108/13620430910966406.

Раздел пятый

Медиа в цифровом пространстве больших данных

Социальные экосистемы как олигополии экономики внимания

Аннотация. Статья представляет собой развернутые тезисы, представленные автором на XXIII Международной научно-практической конференции «Кризисы нашего времени как вызов обществу, культуре, человеку». В статье рассматриваются предпосылки трансформации цифровых рынков в экономические системы, основанные на внимании потребителей. В таких системах роль медиа как общественных институтов сокращается из-за их технологического, аудиторного и дистрибутивного отставания. Роль платформ и государственного регулирования, напротив, растет. Выдвигается предположение о стремлении платформ к олигополии на страновых рынках, а также о неизбежности попыток стать регуляторами общественных отношений, продавая внимание потребителя крупным покупателям. Постулируется, что в роли подобных покупателей не обязательно выступают рекламодатели. Предполагается, что управляющие потребительским вниманием платформы будут играть ключевую роль в предоставлении трудовых ресурсов по требованию для участников цифровых рынков.

Ключевые слова: медиа; платформы; олигополия; экономика внимания; социальные медиа; СМИ; дуополия; стриминги; цифровая трансформация.

Введение

Мировые медиа последние 15 лет переживают тяжелый процесс цифровизации. В его ходе выручка от традиционных каналов катастрофически падает, а от новых цифровых – растет недостаточными темпами.

Александр Анатольевич Амзин, независимый медиаконсультант (г. Москва, Россия).

На рынках с нестабильной экономической и политической ситуацией (например, российском) эти процессы идут особенно трудно. Это можно видеть даже на отчетах АКАР [1–3], где разделить платформы, экосистемы и СМИ в цифровом пространстве не всегда возможно. Особенно четко прослеживаются общая стагнация и упадок в отдельных сегментах, если пересчитать объемы рынка в долларовом эквиваленте [4], чтобы поместить на один уровень с другими странами.

Но даже кризисы, переламывающие структуру рынка (2008–2009, 2014–2015, 2020 годы) теряют в значимости, когда мы пытаемся нащупать тренды десятилетий или спрогнозировать состояние рынка на 2030-й, 2040 год и дальше. Технологические прогнозы здесь делать бессмысленно. В первой половине нулевых мы не могли представить себе, что человечество проведет следующие 15 лет в экранах смартфонов – тогда казалась совсем близкой повсеместная победа VR.

Но это не значит, что никакие прогнозы невозможны. Вероятно, на базовом уровне уже есть подводные течения, которые мы можем учесть и эффект от которых можно экстраполировать на годы вперед. Разрушить такой прогноз может разве что глобальный военный конфликт, которого, как мы надеемся, не произойдет.

Сделав такой прогноз, можно будет вернуться к цифровым медиа и понять, в какой точке нового миропорядка они окажутся.

Внимание как первая производная от времени, главного невосполнимого ресурса

Чтобы сделать верный прогноз на самом низком уровне, нам надо понять, как будут меняться экономические и производственные отношения в современном цифровом обществе.

Предмет экономики – изучение решений о распределении ограниченных ресурсов. Тогда нам надо понять, каких именно ресурсов не хватает цифровому человечеству изо дня в день. Это не нефть, не солнечный свет, не гидро- или атомная энергетика. Надеюсь, что с офлайном мы как-нибудь справимся, мы ищем ресурс, объединяющий экономику цифровой реальности. Двигающий вперед эту революцию.

Технологическую и производственную революцию часто связывают с каким-то вещным символом: ткацким станком, конвейером, автомобилем, ракетой, компьютером, смартфоном. Но, конечно, такой символизм необязателен. Освобождение рабов в США и крепостных в России не изобразишь с помощью вещных эмодзи, однако они, безусловно, определили будущее этих стран.

Чем охотнее мы превращаем офлайн в онлайн, тем труднее нам выразить происходящее в офлайновых терминах. То, что происходит с нами в цифровой реальности, 1) разворачивается в мозгу; 2) происходит всё чаще; 3) отнимает всё больше нашего времени.

Кажется, мы нашли не один ресурс, а два.

Самый базовый ресурс – время, оно веками объединяет экономические и регулирует трудовые отношения. Производный от него ресурс – наше внимание как цифровых граждан.

Главная задача современности – решить, на что обратить внимание, как потратить производительное время. Мы можем потратить несколько часов и разобрать почту. Передвинуть несколько сотен писем. Нажать на несколько кнопок. Можем за тот же срок научить поискового робота лучше искать картинки. Или исправить критическую ошибку в сервисе, которым пользуются миллионы людей. Можем провести как успешную, так и провальную встречу.

Многие из наших виртуальных занятий не сдвигают гор в реальном мире, но от этого они менее важными не становятся. Как и менее привлекательными.

В великолепном исследовании Deloitte [5] говорится, что россияне в 2020 году проводили в смартфоне более трех часов в день. В мире в социальных медиа каждый пользователь в среднем проводит почти 2,5 часа (145 минут [6], у пользователей от 16 до 24 лет – около 3 часов [7]). Досуг в целом сдвигается в сторону визуальных развлечений [8].

Мы можем констатировать:

- цифровое внимание становится ключевым ресурсом современных экономических отношений;

- свободное время всё чаще конвертируется в цифровое внимание;
- рабочее время всё чаще становится цифровым вместе с автоматизацией и сдвигами на рынке труда.

Предупреждая критику, стоит подчеркнуть: конечно, в ближайшие десятилетия у людей сохранится огромное количество задач, которые могут выполнить только они. Поэтому речь не идет о полном вытеснении офлайн-времени цифровым аналогом.

Платформы как утилизаторы излишков внимания

Пока мы далеки от будущего, описанного в «Матрице». Не вся энергия, производимая человечеством, потребляется цифровой экономикой.

Сейчас человечество предлагает больше внимания, чем может потребить экономика. В отдельных сегментах, требующих высококвалифицированного внимания, это не так, из-за чего мы наблюдаем невероятный спрос на разработчиков и аналитиков. Секунда внимания разных людей ценится рынком по-разному. Но обычный типичный сотрудник сферы услуг (от банковских клерков и чиновников до курьеров и таксистов), отработав положенные часы на работе, начинает производить излишки внимания. Их не к чему производительно приложить, но было бы глупо не монетизировать.

С начала XXI века социальные и развлекательные платформы работают утилизаторами этих излишков и даже борются за них. Мы наблюдаем огромный рост конкурентных усилий в сфере стримингов:

- Netflix в финансовом 2021 году вложит в производство оригинального контента \$17 млрд;
- Disney привлек на свои стриминги первую сотню миллионов пользователей;
- На локальных рынках (например, российском) образуются тройки, пятерки лидеров, и остается место для новичков.

Сами пользователи активно подсказывают сервисам, на что они хотели бы тратить время. Достаточно сказать, что поль-

зователи принадлежащего Amazon Twitch потребили в марте 2021 года 2,2 млрд часов видеотрансляций. В основном они смотрели, как играют другие.

На полях стоит отметить, что роль утилизаторов внимания не нова. Очень долго ее играли медиа. Соответствующую деятельность мы даже называем медиапотреблением.

Но, конечно, «медиа» в этом слове давно не имеет отношения к СМИ. Вышедшая в 2021 году статья «Measuring the news and its impact on democracy» в «PNAS» [9] приводит следующие цифры, относящиеся к американскому обществу, но легко экстраполируемые на любое другое.

Согласно исследователям, средний американец тратит на медиапотребление 7,5 часа в день. Лишь 14 % этого времени можно с уверенностью отнести к новостям.

В основном новости потребляются через телевизор. Новостные телепередачи по затратам времени впятеро превосходят онлайн-новости. Даже цифровизированное поколение, в возрасте от 18 до 24 лет, потребляет вдвое больше теленовостей, чем онлайн-новостей. Трое из четверых американцев тратят меньше 30 секунд в день на чтение новостей в онлайн, почти половина – вообще не потребляет онлайн-новостей.

Для нашей статьи важно, что онлайн-новости плохо утилизируют время пользователя. По многим причинам (превалирование текстов над визуальным решением, резюме вместо трансляции и т. п.) они не могут считаться ключевыми игроками этой новой экономики.

Нарушение баланса в экономике внимания

Сейчас в развивающейся цифровой экономике достигнут баланс. Цифровая работа задействует часть времени человечества. В обмен платформы с помощью развлечений утилизируют остатки, стараясь их монетизировать.

Мы поговорим о способах монетизации позже. Сейчас гораздо важнее вспомнить главный урок, преподанный коронакризисом всему миру. Достигнутый баланс обязательно нарушится. Мы не знаем, как именно это произойдет. Но главный инструмент

превращения офлайн в онлайн – это автоматизация решения целых классов задач, стоящих перед человечеством. Кризис или стагнация в процессе автоматизации потребует от человечества вложения больших производительных сил.

Мы уже говорили, что производительные силы в цифровой экономике выражаются человеческим вниманием. Для преодоления очередного кризиса потребуются огромные объемы квалифицированного человеческого внимания. Его используют для постановки задач и валидации машинных решений. Кадрово это означает временное возникновение спроса на множество специалистов. Например, уже многие годы программное обеспечение пожирает мир [10], и для преобразования каждой из офлайновых жертв в цифровую форму требуется, условно, миллион программистов и десять миллионов разметчиков наборов данных для машинного обучения. Когда очередной класс задач решен (автоматизирован), спрос ослабевает.

Колебания спроса на ключевой производственный ресурс создают экономические отношения. Внимание становится то дешевле, то дороже. Вокруг торговли вниманием возникают рынки.

Мы уже сейчас видим, что кризисы создают механизмы для более эффективного управления ресурсами производительного внимания. В 2020 году мы массово столкнулись с понятиями удаленной работы, гибридных режимов работы, четырехдневной рабочей недели и прочими нестандартными трудовыми отношениями.

В основу новых трудовых отношений работодатели в 2021 году кладут предоставление квалифицированного внимания по запросу (work on demand или, скорее, attention on demand), оптимизируя издержки. Другие механизмы, вроде тестирующегося то тут, то там базового дохода, компенсируют потери работника от недопроданного времени.

Регуляторная роль платформ

Сделаем шаг назад и вернемся к платформам.

Современные цифровые социальные платформы зарабатывают деньги, обменивая внимание потребителей на деньги. Обычно

говорят, что покупателем внимания выступают рекламодатели, что и определяет рекламную модель как основную для платформ.

Легко догадаться, что не только рекламодатели могут захотеть массово скупать внимание пользователей. Реализация сделок, включающих в себя внимание пользователей, может меняться. Рассмотрим несколько возможных конфигураций.

Во-первых, платформа может торговаться за регуляторные правила с разными юрисдикциями по всему миру (см. турецкий и российский кейсы [11]). В этом случае она меняет правила управления сообществом в соответствии с идеологическими установками в той или иной стране, получая в обмен возможность продолжать деловую деятельность. В этом случае платформа монетизирует частичную цензуру контента и социальных механизмов, подтачивая коммуникации между пользователями.

Во-вторых, платформа торгуется с отраслевыми партнерами за выгодные условия эксплуатации внимания сообщества. Например, Facebook ведет переговоры с включением в свою экосистему подкастов из Spotify. Тот же Facebook известен плохой интеграцией видео с YouTube. Торговля закрытостью по отношению к бизнес-партнерам – важный источник средств и потенциала развития.

В-третьих, цель платформ не в удовлетворении интереса аудитории, а в его монетизационной эксплуатации. Это немного разные вещи, потому что рыночная конкуренция за цифровое пространство в алгоритмических лентах не гарантирует пользователю оптимальную рекомендацию.

Легко представить, как один и тот же товар продвигают магазин-дискаунтер и премиальный магазин с большей стоимостью клика. Объявление премиального магазина будет появляться выше или чаще. Совершенно справедливо более дорогой товар получит больше шансов быть купленным. К сожалению, это игра с нулевой суммой. Выигрыш дорогого магазина и платформы оплатит потребитель.

Так как монетизационный приоритет выше (нет задачи «наша платформа позволяет купить выгоднее» и множества подобных), мы наблюдаем активный рост продаж аудитории через рекомен-

дации любому, кто предложит достаточную цену. Сюда следует отнести, в том числе, политиков. Очевидным решением кажется внедрение госрегулирования алгоритмических лент или хотя бы торговли рекомендациями, но это почти наверняка обернется негативными последствиями из-за сотен непредусмотренных частных сценариев.

Наконец, в-четвертых, платформы готовы торговать социальными и трудовыми отношениями. Поэтому Facebook запускает дейтинг и уже запустил поиск работы. В целом обеспечение других корпораций сотрудниками по запросу удовлетворяет обе стороны.

Здесь возникают одна задача и одна проблема.

Задача заключается в том, чтобы не выпускать огромные массы работающих людей из экосистемы. Поэтому покупаются мессенджеры, создаются интранеты, похожие на привычную социальную сеть, предлагаются решения для совещаний и удаленной работы.

Проблема же такая: объединение едиными правилами коммуникаций и социальных взаимодействий больших масс людей пересекается со свойствами государственной власти.

К счастью, администраторы Facebook никого не бросают в тюрьму. Это, впрочем, не значит, что их власть не схожа с монополией государства на насилие. Схожа. Платформам в начале двадцать первого века не хватает лишь легитимации этой власти. Подавляющее большинство пользователей не знакомится с правилами платформ при регистрации. При возникновении споров эти пользователи могут с удивлением узнать, под какими требованиями они поставили галочку.

Это очень важная проблема, потому что государство и платформы не могут больше игнорировать друг друга. Это хорошо продемонстрировали бывший президент США Дональд Трамп и социальные медиа, лишившие его права выступать на своих площадках. Юридическое решение подобных конфликтов не имеет большого значения, гораздо важнее, на чьей стороне окажутся пользователи. Другими словами, кого они считают властью в данном случае, кто, по их мнению, легитимен.

Самим платформам тоже все чаще приходится играть регуляторную роль. Частично в этом повинно и государство. Оно часто передает ответственность за соблюдение законности на платформе самой площадке. Это мало отличается от назначения губернатора на некоей цифровой территории. Чтобы стать регулятором, надо, чтобы вашу власть признали подчиненные. Маркетологи не собираются совершать самоубийство, напоминая пользователям об их реальной подчиненной роли на платформе. Поэтому легитимность создается с помощью прокси-стратегий. Например, Facebook создает независимый Надзорный совет, который сам не контролирует. Интересно, что такой совет не создается по демократическим принципам [12], в лучшем случае в нем заседает аристократия – например, бывшие президенты. Тем не менее, если Facebook и другим платформам удастся получить достаточный кредит доверия, он сможет забрать себе огромное число внесудебных регулирующих функций.

Появление олигополий внимания

В предыдущих разделах подчеркивалось, что в цифровой экономике наблюдается особенно высокий спрос на квалифицированное внимание. В этом смысле массовые платформы служат верхней частью воронки внимания, конвертируя его во всё более квалифицированное. Правильная долгосрочная стратегия – сбор в экосистему генераторов трудоспособного внимания и конверсия этого внимания в производительные силы. Этим последовательно занимаются не Facebook или Twitter, а Microsoft.

Принадлежащая Microsoft деловая социальная сеть LinkedIn объединяет свыше 700 млн пользователей, то есть до 10 % всего населения планеты. Доля условна – многие жители Земли не заняты в цифровой экономике, а другие не всегда активны на LinkedIn. Но именно эти люди живут в экосистеме перераспределения цифровых трудовых ресурсов. Более того, LinkedIn предоставляет множество возможностей для сертификации и валидации навыков, облегчая работодателям возможности work on demand.

Нет ничего удивительного и в том, что маркетплейсы по торговле цифровым трудом высоко ценятся рынком. Например, вышедший на биржу в 2019 году маркетплейс простых заданий Fiverr в первый день торгов подорожал на 90 % [13], а к апрелю подорожал в 7 раз и сейчас стоит почти \$8 млрд.

Кроме социально-сетевых и профессиональных платформ ключевыми в ближайшее десятилетие будут платформы развлекательные. Видеостриминги, производители гиперказуальных игр, системы рекомендаций контента – все эти платформы утилизируют излишки внимания и концентрируют его у себя. Логично предположить, что рынок пойдет в сторону укрупнения доминант, контролирующих внимание пользователей. В ближайшие 10–20 лет цифровое внимание на каждом страновом рынке эффективно распределится между 4–5 подобными платформами. Здесь не надо быть пророком, мы наблюдали подобную ситуацию на примере традиционных телеканалов, а затем социальных платформ.

Контроль рынка малым числом участников называется олигополией. Отрасль уже годами активно обсуждает дуополию Facebook и Google на глобальном рекламном рынке. Стоит признать, что в контроле внимания сформируются такие же структуры.

Фантазируя, можно представить себе сценарий, где цифровое человечество не контролируется крупными платформами. Это ситуация, где цифровая личность анонимна, не принадлежит никому, кроме субъекта (функции государства сведены к валидации личности), передача личных данных строго запрещена, а пользователь понимает, почему ему показывают ту или иную рекомендацию. Все это должно быть свободно от суверенного и корпоративного давления. Очевидно, что это утопия. Реализация утопии возможна только в случае кризиса, охватившего текущие олигополии. Предпосылок для такого кризиса пока не видно.

Кроме того, власти самых разных стран мира, заявляя, что хотят защитить пользователей от иностранных или заинтересованных только в монетизации олигополий, часто лукавят. Им хотелось бы влиять на умы так же, как на них влияет поисковая, социально-сетевая или стриминговая выдача. Идеологические

дивиденды здесь невероятно высоки, и, конечно, правительствам хотелось бы самим быть в составе таких олигополий.

Опасность такого пути очевидна. Анализ целеполагания властей в цифровом обществе может являться темой отдельной статьи. А здесь стоит рассмотреть медиа как институт, чьей традиционной ролью и являлось влияние на умы.

Роль медиа в олигополиях внимания

Как говорилось выше, СМИ неспособны конкурировать с платформами (в том числе медиаплатформами) в захвате внимания. На это есть три основные причины.

Во-первых, малая доля новостного и околоновостного потребления по сравнению с общим медиапотреблением. Естественный рынок цифровых новостных медиа исчисляется единицами процентов по сравнению со временем, который субъект медиапотребления тратит на ролики в YouTube, сериалы в Netflix и игровые стримы в Twitch. Кроме того, в терминах времени умами еще долго будет владеть телевидение и его производные.

Во-вторых, технологическая отсталость. Медиа начали использовать современные механизмы рекомендаций и управления вниманием лет на 10–15 позднее крупных платформ. Сейчас они заново изобретают самые простые и неинтересные для платформ сервисы (например, рекомендации на основе тематик, а не социального графа).

В-третьих, аудиторная и маркетинговая отсталость. Современные технологии рекомендаций хорошо работают на крупных массивах данных. Их у СМИ, долгое время отдававших монетизацию вместе с данными на сторону, просто нет. Кроме того, для привлечения новых членов в сообщество нужны маркетинговые бюджеты. СМИ же редко бывают прибыльны настолько, чтобы выделять средства на маркетинг. Они повально пытаются органически привлекать пользователей через каналы на платформах. Неудивительно, что платформы из года в год усложняют эту задачу.

Кем же станут СМИ, если львиная доля внимания окажется под контролем платформ?

Скорее всего, они превратятся в инфраструктурное хозяйство. Многие медиа видят себя всепроникающим институтом, базой, над которой надстраивается все остальное, но выдают желаемое за действительное. Если представить цифровую инфраструктуру в виде услуг, скажем, жилищно-коммунального хозяйства, то СМИ играют роль радиоточки или в лучшем случае водопровода.

В новой экономике они исполняют две основные роли:

- дают людям отдых и развлечения, совпадая здесь в интересах с развлекательными платформами вроде стримингов. Часто СМИ не обладают хорошей собственной дистрибуцией. Поэтому им приходится адаптировать производимые материалы под условия владельцев каналов дистрибуции. Фактически, они становятся тем же, чем продакшн-студии стали для телеканалов;

- предоставляют контент для заполнения немонетизированных, недопроданных мест и связей в социальных платформах. В идеальном мире платформ пользователь, взаимодействуя с каждым постом и всякой записью, приносит деньги платформе. К счастью, идеал этот недостижим. Поэтому места в лентах, где нечего рекламировать, продать или где не хватает качественного пользовательского контента, предоставляются СМИ в рамках партнерств. В лучшем случае СМИ играют роль десерта в ленте пользователя, в типичном – подменяют собою объедки.

Очевидно, что баланс между рекламной моделью платформ и СМИ очень хрупок и зависит от множества факторов. Например, если платформа находит возможность резко улучшить качество пользовательского контента, размещение материалов СМИ становится не деловой, а исключительно общественной, немонетизируемой задачей.

Такое будущее СМИ может показаться мрачным. Но неверно предполагать, что медиа умрут или, по крайней мере, что большинство СМИ прекратят существование. Можно выделить как минимум четыре класса медиа, которые будут жить, а иногда и процветать после 2030 года.

Во-первых, это узконаправленные отраслевые медиа. Деловые издания, научные журналы, профессиональные политические дайджесты, медицинские и бухгалтерские вестники. Они поддерживают принятие решений для элит, чье внимание расписано на долгое время вперед. То есть для тех людей, чье внимание не является предметом торга. Медиа для них – профессиональный инструмент и аксессуар.

Во-вторых, это медиа, обслуживающие старшее поколение. Они надолго переживут текущее поколение благодаря возрастному сдвигу в область более архаичных медиа. Например, предпочитающий цифру 25-летний потребитель после сорока с большей долей вероятности начнет листать газету в кафе, а после 50 станет чаще вечерами смотреть телевизор. Поколения постепенно смешиваются и передают друг другу привычки медиапотребления. Хорошая аналогия здесь – дача, прелесть которой познается многими с возрастом.

В-третьих, это корпоративные медиа. Они обслуживают как сотрудников компаний, так и потребителей, выдавая свои издания за отраслевые авторитеты. Корпоративные медиа с независимой редакционной политикой могут существовать в теории, но экономически бессмысленны и всегда несут в себе конфликт интересов. Сами же бренд- и корпоративные медиа необходимы, располагают хорошими технологиями дистрибуции, бюджетами и способны пережить множество кризисов.

В-четвертых, это местная пресса. Местные СМИ умирают на тысячах рынков и теряют инвестиционную привлекательность. Они постоянно скупаются местной властью и теряют уже привлекательность редакционную. Но, несмотря на это, у местных сообществ всегда сохраняется потребность в достоверном информировании. Удовлетворить этот спрос без независимой редакционной политики невозможно, поэтому в долгосрочной перспективе стоит ожидать множества ярких местных проектов. В краткосрочной – ухода таких СМИ с рынка.

Выводы

Какие выводы можно сделать из вышесказанного?

- Развитие цифровой экономики ложнопредсказуемо. Она обязательно переживет несколько кризисов. Достигнутый сейчас баланс или прогнозируемые устремления (например, раздел рынков стримингов) обязательно нарушится.
- Происходящие кризисы порождают спрос на внимание, которое сейчас контролируют платформы. Возникают рынки и инструменты по продаже этого внимания.
- Внимание будет перепродаваться не только рекламодателям, но и корпоративным заказчикам по B2B, а также представителям госорганов в рамках регуляторных партнерств.
- Игроки рынка по переделу внимания стремятся к олигополии и укрупняются. Возникают цифровые сверхдержавы, причем как корпоративные, так и представляющие реальные суверенные государства.
- К решению политических вопросов все реже будут привлекать СМИ. Важность их общественной роли продолжит уменьшаться. Исключения на этом пути – профессиональные нишевые СМИ и местные медиа. Рынок первых недостижим для платформ, рынок вторых – малопривлекателен.
- Сами СМИ сумеют занять лишь небольшую часть внимания пользователя, так как у новостных поводов есть ограничение по продолжительности потребления. Оно исчисляется не часами, как остальное медиапотребление, а минутами и даже секундами.
- Следует ожидать усиления роли госвласти в борьбе за внимание во всех цифровых юрисдикциях (или попыток усиления).
- Для конечных потребителей важной станет крепкая связь между их цифровой идентичностью и социальными возможностями. В частности, цифровые трудовые навыки будут определяться образовательной экосистемой (Minecraft, Roblox, традиционная), а также платформенной (свободный доступ к экосистемам строительства карьеры вроде LinkedIn).

Литература

1. Объем российского рекламного рынка в 2001–2020 гг. // АКАР: Ассоциация коммуникационных агентств России. – URL: https://www.akarussia.ru/vol_1 (дата обращения: 20.03.2021).

2. Динамика российского рекламного рынка в 2001–2020 гг. // АКАР: Ассоциация коммуникационных агентств России. – URL: https://www.akarussia.ru/vol_2 (дата обращения: 20.03.2021).
3. Структура российского рекламного рынка в 2001–2020 гг. // АКАР: Ассоциация коммуникационных агентств России. – URL: https://www.akarussia.ru/vol_3 (дата обращения: 20.03.2021).
4. Объемы российского рекламного рынка в рублях и долларах. – URL: <https://t.me/themedia/4275> (дата обращения: 21.03.2021).
5. Медиапотребление в России – 2020 // Deloitte. – 2020. – Октябрь. – URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/media-consumption-in-russia.html> (дата обращения: 20.03.2021).
6. Daily time spent on social networking by internet users worldwide from 2012 to 2020 // Statista. – URL: <https://www.statista.com/statistics/433871/daily-social-media-usage-worldwide/> (дата обращения: 20.03.2021).
7. Metev D. How Much Time Do People Spend on Social Media? [63+ Facts to Like, Share and Comment] // Review42. – 18.02.2021. – URL: <https://review42.com/resources/how-much-time-do-people-spend-on-social-media/> (дата обращения: 21.03.2021).
8. Досуг и развлечения // Левада-центр. – 01.07.2019. – URL: <https://www.levada.ru/2019/07/01/dosug-i-razvlecheniya/> (дата обращения: 20.03.2021).
9. Watts D. J., Rothschild D. M., Mobius M. Measuring the news and its impact on democracy // PNAS. – 2021. – Vol. 118, No. 15. – e191244311. – URL: <https://www.pnas.org/content/pnas/118/15/e1912443118.full.pdf> (дата обращения: 20.03.2021).
10. Andreessen M. Why Software Is Eating the World // Andreessen Horowitz. – URL: <https://a16z.com/2011/08/20/why-software-is-eating-the-world/> (дата обращения: 23.03.2021).
11. Амзин А. Бумажный император цифрового мира // Мы и Жо: Медиа и журналистика. – 21.02.2021. – URL: <https://themedia.center/bumazhnyj-imperator-czifrovogo-mira/> (дата обращения: 20.03.2021).
12. Oversight Board Bylaws // Facebook. – 2020. – URL: https://about.fb.com/wp-content/uploads/2020/01/Bylaws_v6.pdf (дата обращения: 20.03.2021).
13. Fiverr shares climb 90% in first day of trading // TechCrunch. – 13.06.2019. – URL: <https://techcrunch.com/2019/06/13/fiverr-ipo/> (дата обращения: 23.03.2021).

Обновляемая журналистика в дискуссионной повестке дня

Аннотация. Автор считает необходимым сосредоточить исследовательское внимание на журналистике как социальном, культурном и профессиональном явлении. Предметом изучения должна стать ее эволюция на основе раскрытия присущих ей свойств. В статье отвергаются конъюнктурная увлеченность технологическими новациями и утопические технократические идеи. Анализ темы строится с использованием трудов по вопросам развития журналистики, вошедших в мировой научный оборот в недавние годы.

Ключевые слова: журналистика; эволюция; технологический детерминизм; терминология.

Дискуссии по вопросам СМИ, журналистики и медиа в последние десятилетия проходят главным образом в контексте развития цифровых технологий. В этой констатации нет новизны, она открывается даже при беглом знакомстве с темами научных конференций в России и за рубежом. Может сложиться впечатление, будто другая проблематика в нашем исследовательском поле утратила актуальность или попала в субординационную зависимость от дигитальных трансформаций. Однако такое распределение приоритетов свидетельствует скорее о конъюнктурном выборе, чем о фундаментальном сдвиге в науке. Один из наиболее компетентных исследователей онлайн-медиа Р. Салаверриа опубликовал примечательную статью под названием «Цифровая журналистика: 25 лет изучения». Он пишет: «Эти первые 25 лет

Сергей Григорьевич Корконосенко, д-р полит. наук, профессор, завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия).

цифровых медиа не были особенно плодотворными с точки зрения создания новых теорий для общей интерпретации журналистики. Идеи великих мыслителей XX века в области социальной коммуникации, журналистики и общественного мнения... по существу, продолжают формировать теоретическую интерпретационную структуру». Кроме того, исследования не подтверждают правоту тех, кто торжественно заявил о радикальных переменах в журналистике: новые формы производства стали «скорее дополнением к медиа, чем заменой» [5].

У данной точки зрения найдется немало сторонников среди авторитетных ученых в нашей стране и за рубежом. Мы приведем лишь некоторые суждения, свидетельствующие о том, что журналистика в своих сущностных и прикладных проявлениях остается предметом углубленных размышлений и теоретических изысканий. Так, полемически заявлено, что крупные изменения в журналистике, произошедшие благодаря новым технологиям и онлайн-формам новостей и конвергентным мультимедийным редакциям, – это не уход от бренда журналистики в принципе, а всего лишь ломка стандартов, заимствованных из американских и британских моделей [6, р. 194]. Более того, «“цифровое” в цифровой журналистике – это механизм, а не среда, передний план, а не фон, сцена, а не реальность. Именно в этом смысле “цифровое” дает журналистике возможность вести свою продолжающуюся борьбу за существование и верное определение» [9, р. 348].

Авторы этих и подобных высказываний оппонируют носителям технократических иллюзий и приверженцам идеологии технологического детерминизма в подходах к изучению журналистики. В истории общественной мысли, и в науке о журналистике в частности, взгляды такого рода на разных этапах набирали популярность, но неизменно опровергались и в ходе живого движения практики, и в теоретических диспутах. Сегодня, спустя четверть века с начала изучения онлайн-медиа, тоже появляются публикации, которые указывают на опасность технологического утопизма и настаивают на необходимости преодолевать его [2]. Все более агрессивное внедрение в медийную среду робототехники и продуктов ее функционирования явно демонстрирует обо-

снованность таких предостережений. Было бы странно и противостоестественно отрицать пользу технического прогресса вообще и развития искусственного интеллекта в частности. Однако эти приобретения действуют во благо, если они не вытесняют или не искажают культурное достояние человечества, в состав которого входит мировая журналистика как средство общественного познания и освоения действительности и вид творческой мыслительной деятельности. В данной связи требует взвешенного и критического к себе отношения так называемая автоматизированная журналистика. Но особенно явную угрозу представляют собой новоявленные гибриды, мимикрирующие под журналистику и тем самым наносящие ей функциональный и репутационный ущерб; некоторые из них уже получили квазитерминологические обозначения, то есть принимаются едва ли не как норма: *churnalism* – перелицовка пресс-релизов для создания статей, *Buzzfeedication* – слияние рекламы и журналистики и др. [7].

Вопрос о терминологии и пределах ее эластичности имеет отнюдь не второстепенное значение в дискуссиях о журналистике. С некоторых пор стала нарастать тенденция к замене слова «журналистика» другими наименованиями, окрашенными опять-таки в технологические тона, среди которых первенствует слово «медиа». Не требует специальных доказательств различие на семантическом уровне, поскольку «медиа» очевидным образом не несет в себе значений деятельности, ее творческих результатов, специфического профессионального этоса и т. п. В данном случае мы хотели бы обратить внимание на популярные отсылки к мировой практике, которая якобы изживает журналистику в пользу более «современных» медиа. Мы проверили надежность такой аргументации на материале представительных научных конференций. За основу взята программа англоязычной конференции ICA – крупнейшей глобальной ассоциации исследователей коммуникаций, – проходившей в мае 2020 года. В названиях докладов слова *journalism*, *journalist* встретились 125 раз – ровно столько же, сколько *media*, то есть внимание к ним распределяется паритетным образом. Для сравнения мы обработали программу конференции «Журналистика в 2020 году», проходившей в Москве в

феврале 2021 года: *журналистика, журналист* – 29, *медиа* – 97. Конечно, анализ не претендует на репрезентативность, но при всей ограниченности материала нельзя не увидеть, что в России мы отказываемся от привычной терминологии, причем действуем явно не в унисон с глобальным научным процессом. Заметим на полях, что mass communication/массовая коммуникация почти совсем не встречается в темах докладов, то есть этот термин уходит из активного употребления.

Настаивая на помещении журналистики в центр исследовательского интереса, мы далеки от стремления законсервировать представления о ней, прежде всего потому, что невозможно остановить ее собственную эволюцию. Известный американский историк прессы Дж. Нерон предсказывает, что, возможно, потребуются развивать другую журналистику [3, р. 205], и он не одинок в своих предположениях. В центр интереса и дискуссий необходимо поместить обновляющуюся журналистику и прогнозы ее будущего. Однако сегодня вряд ли найдется специалист, который способен назвать весь комплекс обновляющихся характеристик. Эксперты концентрируют внимание на отдельных существенных, по их оценке, свойствах, будь то возрастающая роль эмоций [1], медленное повествование, заполняющее пробелы в понимании мира [5], углубленное изучение предмета в журналистике знания [8] и др. Важно, однако, подчеркнуть, что имеется в виду не замещение журналистики другим феноменом или некая загадочная ее реинкарнация, а полноценное использование ее собственных богатых ресурсов.

Литература

1. Beckett Ch., Deuze M. On the role of emotion in the future of journalism // *Social Media + Society*. – 2016. – July-September. – P. 1–6.
2. Lim M. Challenging technological utopianism // *Canadian Journal of Communication*. – 2018. – No. 43. – P. 375–379.
3. Nerone J. Journalism // *The handbook of communication history* / ed. by P. Simonson, J. Peck, R. T. Craig, J. Jackson. – London : Taylor & Francis, 2013. – P. 196–208.

4. Podara A., Matsiola M., Maniou Th. A., Kalliris G. News usage patterns of young adults in the era of Interactive Journalism // *Strategy and Development Review*. – 2019. – Vol. 9 (special issue). – P. 61–83.

5. Salaverría R. Digital journalism: 25 years of research. Review article // *El profesional de la Información*. – 2019. – Vol. 28, no. 1. – e280101. – DOI 10.3145/epi.2019.ene.01.

6. Schudson M. Would journalism please hold still! // *Rethinking journalism: trust and participation in a transformed news landscape* / ed. by Ch. Peters, M. Broersma. – London : New York : Routledge, 2013. – P. 191–199.

7. Tandoc Ed., Jenkins J. The Buzzfeedication of journalism? How traditional news organizations are talking about a new entrant to the journalistic field will surprise you! // *Journalism*. – 2017. – Vol. 18, no. 4. – P. 482–500.

8. Van Witsen A., Takahashi B. Knowledge-based journalism in science and environmental reporting: opportunities and obstacles // *Environmental Communication*. – 2018. – Vol. 12, no. 6. – P. 717–730.

9. Zelizer B. Why journalism is about more than digital technology // *Digital Journalism*. – 2019. – Vol. 7, no. 3. – P. 343–350.

Теоретико-методологические основания медиаэкологии в окружающей пользователя медиасреде

Аннотация. Цель работы – поиск теоретико-методологических основ анализа дискурса медиаэкологии, формирующегося в теоретических и прикладных исследованиях медиасреды. Предложена модель медиасреды в виде фракталоподобной сети (графа) с использованием методологической концепции генерирования мультифракталов Мандельброта и теории перколяционных кластеров.

В исследовании отражено многообразие проблем взаимодействия с окружающей медиасредой.

Ключевые слова: медиаэкология; социальные сети; медиасреда; фрактал.

Направления различных векторов обсуждения проблемы медиасреды и медиаэкологии в России и в мире меняются прямо на глазах. Изменения, которые происходят в российских региональных обсуждениях этой проблемы в традиционных и «новых» медиа, имеют определенные сходства и отличия в сопоставлении с глобальными тенденциями.

Прежде всего, в этих дискуссиях в настоящее время наблюдается явный крен в социогуманитарную сторону, что оправдано общественной значимостью и социальным запросом на подоб-

Ильдар Абдулхаевич Латыпов, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры истории, теории и практики социальных коммуникаций ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (УдГУ) (г. Ижевск, Россия).

Наталья Владимировна Латыпова, канд. физ.-мат. наук, доцент, доцент кафедры математического анализа ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (УдГУ) (г. Ижевск, Россия).

ные обсуждения. Вместе с этим и в России, и в мире подобный «перекосяк» чреват субъективизмом оценок даже признанных экспертов по данным проблемам. Повышения уровня объективности и/или взвешенности подобных обсуждений можно ожидать от более корректных оценок на теоретико-методологической основе точных наук.

Идентификация и разграничение «чужой среды» и «своей среды», противодействие вредоносному воздействию негативных факторов окружающей природной и социальной среды ранее всегда были жизненно важными для всех социальных общностей. Но в современной цивилизации это разграничение часто подвергается критике. Это наиболее ярко проявляется в региональной полемике в социальных сетях, даже если споры дистанцируются от информационных войн и/или политики. Анализ этих изменений востребован именно в настоящий момент, что характеризует актуальность исследуемой проблемы.

Теоретический аспект проблемы изменений медиасреды и медиаэкологии в Social media-сетях можно выделять на основе понятийного аппарата, формировавшегося еще как следствие классической фразы Маклюэна: «Medium is message».

В частности, «медиаэкология – это изучение медиа как посредников», а «медиа» – это «среда обитания» (environment), и понимание медиа в этом смысле ломает представления о них в духе отношений “причина–эффект” [5].

С учетом важности визуализации для современной цивилизации, необходимо также подчеркнуть: «We are what we watch». Но если Маклюэн застал расцвет телевизионных медиакommunikаций, то сетевое общество больше внимания уделяет интернет-коммуникациям.

Социальные сети стали не только независимой ареной для дискуссий или своеобразным фильтром и селектором информации, но и медиатором [1, с. 154]. Более того, сетевые медиа превратились в своеобразные экосистемы со своей медиасредой, окружающей пользователя.

В связи с этим естественно-научное понятие экосистемы получило новые интерпретации и контексты словоупотребления.

А понятие экологии уже давно используется в расширительном смысле (например, см.: [4]).

Медиасреда функционирует в качестве своего рода экосистемы. Информация, формирующаяся, циркулирующая и перерабатываемая в какой-либо медиасреде, определяется контентом, потенциально способным повлиять на нее.

С точки зрения фрактальной теории (понятие фрактала обсуждалось уже во многих работах, например в [2; 6; 7]) и различных моделей медийных экосистем, медиа вызывают сложные нелинейные эффекты. С другой стороны, медиакультура и новые формы медиакommunikации формируются и самоорганизуются в определенной медиасреде, часто перерастая ее рамки.

По привычке, развитие технического «постава» современных медиасред часто рассматривается многими зрителями и пользователями медиакommunikаций как нечто присущее лишь человеку. Но многие мыслители уже давно обращали и обращают внимание на то, что в живой природе довольно много примеров преобразования или даже конструирования среды обитания общественных (и не только общественных) существ.

В частности, Маклюэн рассматривал технологию как расширение только лишь человека, но прообразы и истоки искусности «технэ» мы можем искать уже и в природе. Жизнь не только адаптируется к среде обитания в процессе естественного отбора. Животные способны преобразовывать окружающую среду в процессе межвидовой конкуренции. В самом деле, натуралисты и профессиональные биологи в качестве примеров конструирования животными среды обитания часто пишут о самых разнообразных по конструкции и материалу гнездах птиц, бобровых плотинах, о термитниках, муравейниках и пчелиных ульях.

Природа фрактальна [6] (точнее, фракталоподобна). Поэтому модель медиасреды можно представить в виде фракталоподобной сети (то есть предфрактального ориентированного графа). Под графом (сетью) будем понимать структуру, состоящую из вершин (узлов) и рёбер (связей), которые их соединяют. В медиaprостранстве в качестве узлов могут выступать люди, организа-

ции или предметы в Сети, а в качестве рёбер – отношения или взаимодействия между ними.

Примерами коммуникационных связей какой-либо медиасреды могут служить: социальные сети; распространение мемов, новостей или другой информации; сети сотрудничества и/или конкуренции; сети информационного противодействия; межорганизационные сети.

В силу самоподобия таких сетей, коммуникации в медиасреде имеют не просто фрактальный характер, а представляют собой мультифрактал.

Использование методологической концепции Бенуа Мандельброта [7] для генерирования мультифракталов позволяет точнее описывать медиасреду и дает возможности для ее более серьезных исследований. При генерировании мультифрактала по оси абсцисс, как и у Мандельброта, откладывается время. По оси ординат при анализе медиапространства можно рассматривать, например, показатель активности распространения информации. В этом случае в качестве управляющего параметра в процессах самоорганизации медиасреды может выступать социально значимая информация (информационные поводы, вбросы и т. п.) [2; 3].

Моделирование процесса распространения информации в медиасреде можно исследовать с использованием перколяционных кластеров и/или клеточных автоматов (например, модель диффузии информации). В естественных науках перколяцией называют явление протекания (или непротекания), возникающее при случайном распространении жидкости через среду, причем абстрактные термины «жидкость» и «среда» могут быть интерпретированы в соответствии с физическим смыслом задачи. В обычных процессах диффузии случайность есть не что иное, как случайные блуждания частиц жидкости. Диффундирующая частица может достигать любой точки в среде. Иначе обстоит дело в случае протекания. Совокупность элементов, по которым происходит протекание, называется перколяционным кластером. Наиболее характерной особенностью перколяционных процессов является существование порога протекания (минимальной концентрации, при которой возникает протекание), ниже которого процесс рас-

пространения жидкости ограничен конечной областью среды. Если использовать терминологию теории перколяции, то в качестве «среды» мы рассматриваем медиасреду, а роль «жидкости» будет играть информация. Нахождение порога протекания при такой постановке задачи – это объект дальнейших исследований.

Показательным примером того, как в Сети происходило распространение информации, является постепенное изменение сетевого отношения к проблеме коронавируса COVID-19.

Другой пример фракталоподобия можно найти в том, как растет количество медиатизированных «ролей, которые играем, число “я”, которые мы примеряем. Мы придумываем никнеймы, создаем аватарки, что приводит к диффузии личности. Мы оставляем следы нашей личности, умножая свои “я” до уровня, беспрецедентного в мировой истории. Мы можем встретить свое прошлое “я” онлайн или сохраненное в виде данных, далее расщепляя наш образ самих себя», или «оказаться в мире, где можно принадлежать сразу к нескольким сообществам, а сила и статус измеряются количеством ассоциаций, в которых мы состоим, или гражданств, которые имеем» [5].

Таким образом, термин «медиаэкология» не является пустым понятием, а использование научного аппарата точных наук позволяет по-новому взглянуть на медиасреду и строить модель медиаэкологии как учения о взаимоотношениях с окружающей медиасредой.

Литература

1. Дроздова А. В. Социальные медиа: между демократизацией и коммодификацией // Человек и мир: психология риска, инноваций, конфликта : сборник научных трудов : в 2 т. / под науч. ред. проф., д-ра психол. наук Е. Б. Перельгиной. – Т. 1. – Екатеринбург : Гуманитарный университет. – С. 152–156.

2. Латыпов И. А. Мультифрактальность сетевых медиакommunikаций в информационной цивилизации: философский аспект // Вестник Удмуртского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2020. – Т. 30, вып. 4. – С. 333–343.

3. Латыпов И. А., Латыпова Н. В. Логико-математический аппарат научных коммуникаций // Наука Удмуртии. – 2016. – № 3. – С. 14–29.

4. Латыпов И. А., Мясникова Л. А. Экология духовной собственности: проблемы и уровни анализа // Теория и экология разума. – Вып. 5. – Тюмень, 1996. – С. 70–78.

5. Степанов В. Изучение медиа как медиа: МакЛюэн и медиаэкологический подход // Медиаэкология: исследования медийных экосистем в Институте журналистики БГУ. – 23.02.2011. – URL: http://mediaecology.blogspot.com/2011/02/blog-post_23.html?m=1 (дата обращения: 28.02.2021).

6. Розенберг Г. С. Фрактальные методы анализа структуры сообществ // Принципы экологии. – 2018. – № 4. – С. 4–43.

7. Mandelbrot B. B. A Multifractal Walk down Wall Street // Scientific American. – February 1999. – URL: <https://www.scientificamerican.com/article/a-multifractal-walk-down-wall-stree/> (дата обращения: 18.08.2020).

Децентрализованная сеть и эволюция медиа

Аннотация. Тезисы посвящены феномену децентрализованного веба в связи с основными тенденциями эволюции Интернета и медиа.

Ключевые слова: децентрализованный веб; медиа; Интернет; коммуникации; контент; балканизация.

Основные архитектурные функции Интернета, в частности те, которые контролируют адресацию, хранение и обмен контентом, коммуникацию и социальные сети, в ходе эволюции сети во всё большей степени контролируются гиперцентрализованными институтами и сервисами. Концепция децентрализованного веба (распределенного веба, Web 3.0 и т. д.) – это создание на основе существующей технической инфраструктуры Интернета своего рода надстройки, которая могла бы дополнить веб-протоколами и сервисами, которые позволят сделать его функции более независимыми, децентрализованными и распределенными, а также более защищенными от слежки и цензуры со стороны корпоративных и государственных акторов и устойчивыми к «балканизации» Интернета под давлением национальных государств. Технологической основой такого веба, как правило, становится технология блокчейна, который выступает в качестве универсального распределенного фундамента информационной архитектуры в противовес централизованным базам данных, хостингам и облачным сервисам.

Один из главных пропагандистов и лидеров движения к децентрализованному вебу – Тим Бернерс-Ли, ученый, разработав-

Владимир Владимирович Харитонов, канд. филос. наук, доцент, ст. научный сотрудник кафедры журналистики и медиакоммуникаций АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

ший Всемирную паутину, то есть создавший тот веб, с которым мы все имеем дело сегодня. Однако, по мнению Бернерса-Ли, «растущая централизация Всемирной паутины привела к возникновению, вопреки желаниям создателей, масштабного, стихийного античеловечного феномена» (цит. по: [1]).

Движение в сторону децентрализованного веба – проявление того же паттерна, который характерен для развития медиа начала XXI века и который проявляется, например, в книгоиздании, самой традиционной части медиаиндустрии, вместе с заметным сдвигом пользовательского спроса. В последние двадцать лет можно наблюдать постепенное сокращение ассортимента бестселлеров, вызванное ускорением диверсификации читательского спроса. Это ведет к сокращению числа крупных промышленных акторов за счет их объединения, но при этом создает дефицит удовлетворения спроса «длинного хвоста» и, как результат, условия для экономического роста «независимых» акторов, как средних, так и малых издателей, для расцвета нетрадиционных издателей и сервисов и разнообразных форм независимого производства и дистрибуции книжного контента.

Крупнейшие интернет-олигополии контролируют подавляющую часть коммуникаций и обмена контентом. Они стали главной (если не технической, то сервисной) «точкой отказа» для миллионов пользователей как с точки зрения рисков отключения, так и с точки зрения практической политики, которая, претендуя на универсальность, в реальности не удовлетворяет значительную часть пользователей и их сообществ с их специфическими ценностями и коммуникативными привычками.

Социальная адаптация технологий напрямую зависит от нескольких факторов: востребованности; порога вхождения, критичного для большинства пользователей; поддержки и интеграции в существующую сервисную инфраструктуру. Довольно простыми в использовании и актуальными для большого числа пользователей оказались относительно «старые» децентрализованные технологии VPN, p2p-сетей (в частности, Bit Torrent) и Тог, которые относительно надежно обеспечивают приватность

доступа и/или доступ к заблокированным веб-ресурсам и ресурсам в «подпольной» сети.

Однако проникновение более новых технологий – альтернативных протоколов и сервисов на их основе – идет медленнее: пользователи пока не ощущают реальности угрозы централизации и склонны обменивать приватность и безопасность на комфорт традиционных централизованных сервисов. И даже те из них, кто понимает проблему, не спешат переходить в Web 3.0 именно по причине его нецентрализованности, а значит, «малой населенности» каждого конкретного сервиса децентрализованного веба.

Технологии децентрализации, впрочем, как это ни парадоксально, нужны и «традиционному» вебу. Например, для того, чтобы оптимизировать трафик стриминговых сервисов, поэтому Netflix вкладывает ресурсы в развитие протокола распределенного хранения файлов Inter Planetary File System. Кроме того, крупные централизованные сервисы заинтересованы в том, чтобы каким-то образом удерживать пользователей с интересами и ценностями из «длинного хвоста» и не сохранить свое влияние поверх барьеров «балканизируемой» сети: Facebook и New York Times заводят клоны своих сайтов в сети Tor, а Twitter инвестирует в разработки, связанные с децентрализованным вебом [2]. Важным моментом для адаптации децентрализованного веба является поддержка со стороны ключевого интерфейса веба как такового, то есть браузеров. На текущий момент протоколы децентрализованного веба частично поддерживают не самые популярные браузеры (Opera и Brave), однако поддержка децентрализованных протоколов стоит в планах разработки наиболее популярных браузеров – Chrome и Firefox.

Всё вместе, это дает основание полагать, что децентрализация веба, несмотря на свою не слишком высокую востребованность со стороны массового пользователя, уже в ближайшие годы станет одним из основных трендов развития Интернета и его информационной архитектуры. Так что ко всем прочим проблемам медиаиндустрии добавится и еще одна: найти свой путь к пользователю внутри децентрализованного веба.

Литература

1. Brooker K. “I was devastated”: Tim Berners-Lee, the man who created the World Wide Web, has some regrets // Vanity Fair. – 01.07.2018. – URL: <https://www.vanityfair.com/news/2018/07/the-man-who-created-the-world-wide-web-has-some-regrets> (дата обращения: 07.03.2021).

2. Graber J. Ecosystem Review. – January 2021. – URL: https://matrix.org/_matrix/media/r0/download/twitter.modular.im/981b258141aa0b197804127cd2f7d298757bad20 (дата обращения: 07.03.2021).

Журналистское образование онлайн: унификация vs вариативность

Аннотация. Образовательные онлайн-форматы расширяют доступный обучающимся выбор дисциплин, но одновременно способствуют распространению единых курсов для разных вузов без учета их традиционной специфики. Наблюдается тенденция к постепенному нарушению целостности образовательного процесса, что в перспективе создает угрозу преемственности в развитии научно-педагогических школ в их традиционном для России понимании.

Ключевые слова: научно-педагогические школы журналистики; онлайн-обучение; вариативность; унификация, экспертное интервью.

Дистанционное обучение сделало очевидными амбивалентные тенденции в реализации образовательных программ в рамках сложившихся отечественных школ журналистики. Такой вывод можно сделать по результатам серии экспертных интервью, проведенных в ходе исследовательского проекта СПбГУ «Научно-педагогические школы журналистики в России». В интервью принимали участие руководители крупных подразделений российских университетов, других образовательных учреждений и проектов, а также исследователи журналистики. Всего в 2020–2021 годах было проведено 10 полуструктурированных интервью с видеозаписью для последующей публикации на сайте проекта.

Марина Александровна Бережная, д-р филол. наук, доцент, профессор, завкафедрой телерадиожурналистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия).

Феномен «научно-педагогические школы» понимается экспертами преимущественно как проблемно-тематические направления, которые определяют соответствующий уклон в исследованиях и образовательном процессе в конкретном учебном заведении. Возникновение таких направлений обусловлено рядом факторов, в том числе историей создания учебного подразделения, кадровым составом соответствующей кафедры или факультета, местоположением вуза. Решающую роль в формировании и развитии школ играют исследовательские интересы и практический опыт ее лидеров, которые закладывают ценности и традиции конкретных учебных заведений. Преимущество традиций происходит в процессе обучения, исследовательской и практической работы на последовательных уровнях образования. Новые образовательные онлайн-форматы дают дополнительные возможности и расширяют доступный обучающимся выбор дисциплин, но одновременно способствуют распространению единых курсов для разных вузов без учета их традиционной специфики.

Тенденция активного продвижения онлайн-курсов характерна для последних лет: с 2017 года в учебных планах бакалавриата по журналистике в электронном формате присутствуют как базовые, так и факультативные дисциплины («Философия», «История России», «Основы университетской жизни»), расширяется их перечень в магистерских программах по журналистике (в ООП СПбГУ по направлению «Журналистика» в 2020 году количество онлайн-курсов колебалось от 10 до 15 процентов от общего числа дисциплин). В настоящее время это общеуниверситетские дисциплины, которые включены во все новые программы и обеспечивают ряд компетенций, заявленных в учебных планах. В период дистанционного обучения, как свидетельствовали в интервью эксперты, некоторые региональные вузы не разрабатывали собственных онлайн-продуктов, а быстро подключались к Coursera и другим платформам, где ведущие вузы предлагали свои онлайн-занятия как по общим, так и по специальным предметам. Преподавателям университетов поступали предложения выбирать онлайн-курсы из предлагаемого на рынке образовательных услуг перечня и в отдельных случаях проводить аттестацию по

своим дисциплинам, основываясь на результатах, которые студенты получили самостоятельно онлайн. Таким образом, наблюдается тенденция к постепенному нарушению целостности образовательного процесса, которая обеспечивалась продуманным учебным планом, и переход, с одной стороны, ко все большей вариативности (за счет включения дополнительных онлайн-дисциплин в конкретные планы, за счет выбора студентом для аттестации онлайн-дисциплины вне учебного плана), а с другой – к замене самостоятельно разработанных вузами дисциплин готовыми образцами, взятыми у передовых университетов. Такое движение оценивается экспертами центральных и региональных вузов по-разному.

Глобализация глобализацией, но люди всегда живут в конкретном месте и учатся в конкретном университете. И, наоборот, исходя из этого, нужно говорить о глокализации. Студенты по-прежнему стремятся к реальному месту, в котором они учатся, к реальным педагогам, не виртуальным. Они стремятся к общению. И опыт преподавания в самоизоляции показал это еще раз.

Глобализация будет происходить в парадигме не Москва – Новгород, а Китай – Россия, Америка – Россия. Не только региональным вузам стоит об этом задуматься, но и федеральным тоже. Студенты открыты и для образования на платформах других стран, очень многие знают английский, они готовы подключаться. И конкуренция за умы, за идентичность будет вестись на глобальном уровне.

Дополнительный вызов целостности и уникальности отечественных научно-педагогических школ журналистики, важнейшим компонентом которых эксперты называют широкую гуманитарную подготовку, фундаментальное образование, лежит в плоскости унификации компетенций. Вариативность выбора и зачета курсов онлайн в перспективе дает возможность пренебрегать важными образовательными дисциплинами и отдавать предпочтение другим на том основании, что они обеспечивают формирование одних и тех же компетенций общего характера.

Общекультурные компетенции заменены на универсальные компетенции. Вместо ОК теперь УК, которые уже не предполагают формирования прочных знаний в науках – философии, социологии, экономике, как раньше. Универсальные компетенции для всех направлений абсолютно одинаковые.

Преимственность традиций научно-педагогических школ журналистики определяется экспертами как важное условие их существования и ценности. Нарушение последовательности и логики в образовательном процессе (как результат широкой вариативности образовательных траекторий по выбору студента) оказывает негативное влияние на устойчивость развития школ и даже может угрожать перспективе их существования.

Журфак научил меня тому, что усвоение любого знания должно обязательно учитывать методологию. Оно всегда должно быть последовательным, логичным и вести к какой-то конкретной цели.

Мы сразу ориентируем на какую-то учебную дисциплину; стараемся, чтобы аспирант до защиты обучался у одного профессора – и в бакалавриате, и в магистратуре, и в аспирантуре.

Неизбежное распространение онлайн-формата в высшем образовании ставит задачу определения его ограниченной функциональности, факультативной роли, содержательной взаимосвязи с комплексом дисциплин образовательной программы и сбалансированном присутствии в учебных планах.

Коммуникативные агрессии в интернет-медиа

Аннотация. В статье рассматриваются причины деструктивных проявлений коммуникативных агрессий в медиасфере, связанных с особенностями функционирования современных информационных технологий и Интернета в частности. Акцентируется внимание на росте агрессивности в политическом дискурсе в силу распространения и общедоступности Интернета. Высказывается суждение, что в поисках инструментов снижения коммуникативных агрессий в интернет-медиа необходима широкая общественная дискуссия для оценки формирующейся практики цензуры в интернет-коммуникациях.

Ключевые слова: средства массовой информации; коммуникативные агрессии; интернет-медиа.

Стало тривиальным суждение, что мы, живущие в начале XXI века, являемся свидетелями коренного изменения функционирования медиасферы, где технологии массовых коммуникаций сломали привычную одностороннюю схему информирования аудитории: от институционально очерченного публикатора (издательство, редакция, журналист) к неопределенному кругу потребителей информации. Вчерашний безликий потребитель сегодня активно вторгается в медиасреду и посредством Интернета сам становится генератором публичной информации. Особенно это заметно в сфере политики. Если раньше между политиком и массовым избирателем стояла некая интеллектуальная прослойка в виде традиционных СМИ, в которых редакторы решали, как именно политики через них будут общаться с изби-

Сергей Вячеславович Мошкин, д-р полит. наук, доцент, ст. научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

рателем, то сегодня избирателю, чтобы высказать свое ответное мнение на месседж политика, не нужны ни редакция газеты, ни даже сам политик, потому что в новой медиареальности любой человек с любыми мыслями имеет возможность их опубликовать, к тому же анонимно, и быть прочитанным большой аудиторией. То есть посредник в виде публикатора, в виде профессиональной корпорации журналистов традиционных СМИ перестает быть нужным. В каком-то смысле это возвращение в Античность, когда все граждане могли высказаться напрямую и быть услышаны.

Традиционные СМИ, в силу политической ангажированности и профессиональных стандартов, существенно ограничивали возможность большинству социума публично высказываться о политическом. С приходом Интернета в каждый дом эти ограничения сняты, молчащее прежде, но не молчаливое большинство получило такую возможность, и инстинкты толпы неизбежно хлынули в медиасферу, неся с собой конфликтность, радикализм и агрессию. И здесь выяснилось, что сдерживать человеческий негатив в интернет-медиа попросту некому: новый медийный этос не сформирован; интеллектуальная элита, чья задача – задавать культурные и этические стандарты поведения, сама оказалась вовлеченной в бесконечные медиавойны, где каждый по-своему прав и непреклонен; да и СМИ в их традиционном виде перестали существовать, утратив способность и желание давать объективную оценку событий. В борьбе за аудиторию они не прочь указать факты или представить их ложную интерпретацию в угоду настроениям толпы и политической конъюнктуре.

Надо с сожалением признать, что к наращиванию агрессивной риторики сегодня прибегают практически все участники коммуникативных процессов в медиасфере, вне зависимости от политической позиции, стремясь по медийным каналам нанести оппоненту моральный и политический ущерб, скомпрометировать и ослабить его в глазах широкой аудитории. И как следствие этого, в агрессивный медиадискурс с помощью новейших медийных технологий втягиваются все страты общества, что само по себе чревато непредсказуемыми деструктивными последствиями для жизни социума.

Что же способствует росту агрессии в медийной среде? Во-первых, это связано с функционированием самого Интернета как такового. Социальные сети и интернет-платформы тотально активизировали межличностные коммуникации сетевой среды на основе принципа свободы выражения мнений, при этом предоставляя право пользователю, при желании, на анонимные публичные декларации. Это спровоцировало выброс в информационное поле сидящих в индивидах социальных комплексов, расстройств и травм, обнажило неприглядную сторону человеческого поведения с его жадной подглядывания, критического комментирования других и агрессивного восприятия инаковости. Интернет дал такую возможность, и индивид несет в медийную среду негативизм, агрессию и ненависть.

Во-вторых, налицо кризис самой журналистской профессии, подрыв ее институциональных основ, девальвация профессиональных стандартов, норм и этических принципов, что неизбежно ведет к снижению качества журналистских материалов, к сенсационности и таблоидности в их подаче. К тому же традиционную журналистику основательно пошатнула экспансия Интернета. В погоне за новыми моделями заработка традиционные издания все активнее включаются в мировую паутину посредством своих интернет-версий и, как следствие, начинают играть на информационном поле по правилам интернет-среды с присутствующей ей пониженной чувствительностью к социальной девиации. Но если профессиональная журналистика еще способна контролировать степень агрессивности своих материалов, то обсуждением этих материалов в интернет-дискуссиях издатели управлять не в состоянии. Изначально взвешенные и политкорректные журналистские материалы могут невольно стать триггерами нештучных конфликтов между группами пользователей. Негативные установки, оскорбления, обвинения и угрозы становятся здесь неотъемлемой частью полемики. В этом случае журналистика оказывается просто бессильной, когда дискуссия в интернет-среде выходит за установленные ею рамки. И это, к сожалению, характерная черта современной журналистики, показывающая ее место и роль в современном мире.

Наконец, немалую роль в развязывании коммуникативных агрессий в политическом дискурсе зачастую играет само государство, используя в своей информационной политике разнообразные институты политической пропаганды. Коммуникативные агрессии со стороны государственных СМИ в отношении реальных и мнимых политических оппонентов характеризуются однонаправленностью и ярко выраженным желанием нанести им максимальный политический и репутационный ущерб. В этом случае информационные агрессии осуществляются с применением инструментов жесткой пропаганды, что делает их особенно травмирующими, а журналисты таких СМИ уподобляются специальным агентам, задача которых – изобличить и обезвредить врага. Это особенно характерно для частично свободных стран, таких как Россия, в которых СМИ испытывают серьезное давление со стороны государства, а уровень свободы средств массовой информации не соответствует демократическим стандартам.

Что делать со всевозрастающей агрессией в медиасфере? – ответа у профессионального сообщества попросту нет. Не приходится ожидать от журналистов, чтобы они соблюдали профессиональные стандарты и правила, этические принципы и кодексы профессионального поведения, когда серьезно подорвано само доверие к СМИ и журналистской профессии. Остается лишь предостерегать коллег-журналистов от возможности невольного провоцирования агрессии в медиасфере и уповать на то, что в обществе наблюдается определенная усталость от коммуникативной агрессии и что складывается запрос на некоторую нормализацию медийного контента.

Впрочем, в последнее время мы наблюдаем инструментальные попытки нормализации общения и снижения агрессии в интернет-среде. Речь идет о практике некоторых социальных сетей цензурировать личные посты и сообщения пользователей. По сути, мы говорим об ограничении свободы слова – на этот раз в Интернете. Сегодня социальные сети имеют миллиарды пользователей, а число подписчиков на популярных блогеров и знаменитостей исчисляется десятками миллионов. Новые коммуникационные ресурсы превратились из площадок межличностно-

го общения в серьезные средства массовой информации. Такая ситуация привела к тому, что социальные интернет-сети стали использоваться для политической мобилизации, причем хорошо известно, что для этого применяются фейковые аккаунты, а распространяемая информация порой не соответствует действительности. Естественно, с подобными политическими провокациями стоит бороться, однако такая борьба, похоже, привела в противоположным эксцессам, и прежде всего к фильтрации информации, исходящей от реальных людей, имеющих право на собственное мнение. Их суждения стали произвольно оцениваться работниками (эту работу все чаще стали выполнять роботы) самих информационных гигантов. Яркий пример тому – последние президентские выборы в США поздней осенью 2020 года. Наблюдая за ходом кампании, мы, в частности, стали свидетелями фактического запрета на распространение постов Д. Трампа, сопровождавшегося комментариями администраторов, в которых указывалось на сомнительность информации, размещенной в Сети действующим еще на тот момент президентом.

Стоит ли сомневаться, что владельцы и администраторы социальных сетей в данном случае руководствовались благими намерениями? Они наверняка искренне хотели оградить политизированную публику от информационных провокаций и тем самым снизить градус агрессивности предвыборной гонки и уберечь общество от окончательного политического раскола. Но можно ли ради этого, пусть даже самого благого намерения, жертвовать принципом свободы слова и самовыражения? Можно ли во имя преодоления деструктивных последствий коммуникативных агрессий применять в медиасфере инструменты цензуры? Это серьезные вопросы, на которые нет, да, наверное, и не может быть однозначных ответов. А значит, нужна широкая общественная дискуссия и научное осмысление появившейся практики цензурирования Интернета.

Социальные сети: от глобальной коммуникации к локальным коммуникациям

Аннотация. Сегодня внутри Интернета как глобальной сети, которая объединяет миллиарды пользователей, происходит увеличение локальных сообществ. Современный Рунет превратился в сложную неоднородную, многоуровневую экосистему, где одновременно сосуществует множество узких сетевых групп по интересам, взглядам, предпочтениям и образу жизни. Социальные сети по сути стали зеркалом той новой, противоречивой ситуации современности – «локализации внутри универсализации», здесь происходит разрушение прежнего единства глобальной коммуникации и формируется дисперсная система локальностей, где каждая группа обретает право голоса на свою точку зрения.

Ключевые слова: экосистема; коммуникация; общество сингулярности; сингулярный человек; эхо-камера; filter bubble; локальная коммуникация; глобальная коммуникация.

В современной медиатизированной культуре социальные медиа стали тем местом, где мы живем и общаемся. Социальные сети полностью заняли промежуточную позицию между публичными и частными средствами коммуникациями, время, которое мы проводим в онлайн, занимает почти 7 часов ежедневно, из них более 2 часов мы тратим на общение в социальных сетях. За первое десятилетие своего существования сети из гло-

Алла Владимировна Дроздова, д-р культурологии, доцент, завкафедрой рекламы и связей с общественностью факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Svetlana Winward, Liberty School, Salt Lake School District (Salt Lake City, USA).

бального универсального пространства превратились в сложную, неоднородную и многоуровневую экосистему. Несмотря на объединение миллиардов пользователей в крупнейшие сервисы и видеохостинги YouTube, Facebook, Instagram, социальные сети представляют разнородную мозаику со своей аудиторией, где онлайн-мир разбивается на многочисленные отдельные зоны, отражая кластерную природу современного общества – «глобализм локальностей» [4].

Так, в недавних исследованиях глобального проекта Why We Post [8] была показана гетерогенная природа Интернета и высказано предложение использовать термин «интернететы», переосмыслить социальные сети как таковые. Социальные сети все больше стали напоминать глобальные города со структурированным и иерархизированным пространством, в котором не все имеют одинаковое влияние и зону власти. К примеру, Facebook и Twitter стали центрами цифровой эпохи, тогда как другие социальные сети скованы различными национальными законами, локальной социокультурной политикой и практиками. Пространство социальных сетей может иметь свой центр и периферию-окраину, свои элитарные, закрытые и массовые площадки-платформы. Так, в 2021 году на рынке социальных сетей появился новый игрок – приложение для iPhone Clubhouse, которое буквально «взорвало» Интернет (по данным Sensor Tower, оно было загружено более 2,3 млн раз). Однако, чтобы стать участником этой сети, требуется получить приглашение от того, кто уже там зарегистрирован. В Telegram также есть специальная группа, в которой цена за приглашение начинается от 500 рублей и заканчивается 50 тыс. руб. – это вход в специальные «комнаты», где известные люди обсуждают различные темы от технологий до курсов криптовалют. Кроме того, мы видим, как корпоративная и государственная политика вторгается в пространство социальных сетей, которое изначально было зоной, не контролируемой никакими институтами или государством. Наглядным примером может служить возникновение такого Интернета, как китайский, – с собственным цифровым брандмауэром, то есть системой, предотвращающей несанкционированный доступ к Сети, эффективно фильтрующей

потоки информации в соответствии с государственными интересами.

Процессы локализации социальных сетей приводят к тому, что цифровые аудитории стали фрагментарными, разобщенными, хотя в действительности они носят глобальный характер. Обживание цифровыми аборигенами интернет-пространства выявляет сложные и противоречивые процессы, которые происходят в современной коммуникации общества позднего модерна, названного немецким культур-социологом А. Реквицем «обществом сингулярностей» [6]. Стремление человека к оригинальности, установка на индивидуальную исключительность характеризуют пользователя социальных сетей. В Интернете каждый из пользователей получил возможность отфильтровывать нежелательный для него контент, выбирать тот информационный источник, который отвечает его собственному мнению. Так происходит формирование «эхо-камер/комнат» [7], включающих в себя социальную группу единомышленников. Вступление в группу определяется контактами между схожими по социальному статусу или убеждениям пользователями. Для социальной коммуникации это означает качественное изменение характера диалога. Вместо критической проверки имеющихся точек зрения мы ограничиваемся выбором информации, которая подтверждает наше собственное мнение. Так же как и в офлайне, система взаимодействий в онлайн-среде ограничена нашей системой убеждений. Пользователи создают комфортные сообщества, где они всегда с теми, кто разделяет их точку зрения, что, безусловно, приводит изначально плюральную интернет-коммуникацию к определенным ограничениям, исключению из информационного поля другой точки зрения. Кроме того, технический эффект filter bubble – «алгоритмическая фильтрация, которая персонифицирует контент, представленный в социальных сетях, и через использование поисковых систем только усиливает существующие предпочтения пользователя» [5, р. 3]. Субъект позднего модерна стал крайне чувствительным к собственной аутентичности, своему выбору, своей точке зрения [3]. Его повышенная чувствительность характеризует интенсивность переживания, но вместе с тем и всё проблемное начинает воспри-

ниматься острее. При расхождении во мнениях принимается простое решение: Love it or Leave it («полюби или уходи»). Такой формат все чаще характеризует социально-медийную коммуникацию сингулярного человека. Поэтому то, что недавно выглядело как шаг в сторону цифровой демократии, превращается в господство сетевых локальных групп. Иными словами, коммуникация сингулярного пользователя превращается в «автореферентный диалог» [2], в очередное в истории культуры «восстание масс», где на авансцену вновь выходит «самодовольный недоросль», представляющий свою точку зрения как беспспорную.

Но, с другой стороны, локализация коммуникации приводит к тому, что пользователи инвестируют свое время в создание и оформление профилей и сетей, обустроивая личную страницу как «дом» [1, с. 11], украшая его, выбирая визуальную концепцию. Они продвигают свои профили, конструируя более убедительно свою позицию в онлайн-сообществах. Некоторые из них определяют свою идентичность через определенную социальную сеть, идентифицируя себя как «народ Reddit» (социальный новостной сайт, на котором пользователи размещают ссылки на понравившуюся информацию в Интернете) или каучсерферов, включаясь в иерархии внутри Сети, основанные на частоте постов и соблюдении правил игры. В сущности, эти локальные группы получают свободу от децентрализованного и фрагментированного цифрового пространства, защищающего их от любых форм государственного господства.

Рождение новых локальных сетей также связано и с проблемами больших городов, обеспокоенностью горожан-пользователей тем, что мы не знаем своих соседей, но хорошо знакомы с онлайн-незнакомцами. Поэтому, если невозможно сейчас разрешить глобальную проблему, то почему бы не обратиться к локальной политике, проблемам конкретного города и даже района? Этот этос породил несколько сетевых платформ, таких как SeeClickFix, где ставятся вопросы городского управления и улучшения районной среды, Localocastу, которая объединяет горожан, чиновников и журналистов для обсуждения локальной политики, Nextdoor, чья популярность связана с желанием узнать своего соседа.

Таким образом, внутри Интернета как глобальной Сети, которая объединяет миллиарды пользователей, происходит нарастание локальностей. В современном Рунете одновременно сосуществует множество узких сетевых групп по интересам, взглядам, предпочтениям и образу жизни. Социальные сети, по сути, стали зеркалом той новой противоречивой ситуации современности – «локализации внутри универсализации», здесь происходит разрушение прежнего единства и формируется дисперсная система локальностей, где каждая группа обретает право голоса.

Литература

1. Колозариди П. История интернета: under construction // Неприкосновенный запас. – 2020. – № 130 (2). – С. 10–16.
2. Петров И. Человек сингулярный и новое средневековье // Швейцария для всех : [сайт]. – 23.09.2020. – URL: <https://schwingen.net/igor-petrov-chelovek-singuljarnyj-i-novoe-srednevekovje/> (дата обращения: 14.03.2021)
3. Реквиц А. Одна из особенностей «Я» позднего модерна – крайнее обострение чувствительности // Colta. – 02.03.2020. – URL: <https://www.colta.ru/articles/society/23715-andreas-rekvits-ob-emokratii> (дата обращения 14.03.2021)
4. Ямпольский М. Нарастание локальностей и дисперсия (тезисы о тенденциях будущего) // Вестник Европы. – 2021. – № LV. – URL: <http://www.vestnik-evropy.ru/issues/narastanie-lokalnostey-i-dispersiya.html> (дата обращения 14.03.2021).
5. Dubois E., Blank G. The echo chamber is overstated: the moderating effect of political interest and diverse media // Information, Communication & Society. – 2018. – Vol. 21. – P. 729-745. – DOI 10.1080/1369118X.2018.1428656.
6. Reckwitz A. Die Gesellschaft der Singularitäten. Zum Strukturwandel der Moderne. – Berlin : Suhrkamp, 2018. – 480 s.
7. Sunstein C. R. Democracy and filtering // Communications of the ACM. – 2004. – Vol. 47, № 12. – P. 57–59.
8. Why We Post // University College London. – URL: <https://www.ucl.ac.uk/why-we-post/> (дата обращения 14.03.2021).

Онлайн-коммуникация в эпоху коронавируса

Аннотация. Самоизоляция как основной метод борьбы с пандемией коронавируса в 2020 году подтолкнула людей к активному использованию коммуникационных онлайн-сервисов. За период пандемии электронная коммерция шагнула далеко вперед. Сформировался новый потребительский сегмент со схожим цифровым поведением. Повысился спрос на актуальную информацию. Люди ощутили острую потребность не только получать новости, но и обсуждать их, сравнивать экспертные оценки. Также повысился спрос на разные формы самовыражения. В период пандемии можно было наблюдать разнообразие форм «предъявления своей сингулярности». При этом пользователи активно осваивали такую форму социального бытия, как интернет-комьюнити. Всё перечисленное способствовало усилению роли социальных медиа в жизни людей и обновлению инструментария интернет-маркетологов.

Ключевые слова: цифровое поведение; сингулярность; социальные медиа; социальные сети; интернет-комьюнити.

В условиях пандемии коронавируса в 2020 году благодаря цифровым технологиям люди получили возможность работать удаленно. Необходимость самоизоляции только подтолкнула занятое в разных сферах деятельности население к активному использованию коммуникационных сервисов, таких как

Юлия Владимировна Архипова, канд. филол. наук, доцент кафедры «Реклама и связи с общественностью» факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

David L. Cooper, Co-Director of Undergraduate Studies, Associate Professor, Assistant Professor, Department of Slavic Languages and Literatures, University of Illinois (Urbana-Champaign, USA).

Skype, Zoom, Teams, Discord и т. д., а также дала невероятно сильный толчок развитию электронной коммерции.

Согласно результатам исследования McKinsey Quickening, первый локдаун в Европе позволил I-commerce шагнуть на 10 лет вперед [3]. И это только за три весенних месяца 2020 года. Люди стали активнее покупать продукты, одежду, технику, образовательные и консалтинговые услуги в Интернете. Кроме того, большинство бизнес-процессов было перенесено в Сеть.

Такая вынужденная смена моделей поведения современных пользователей, которые раньше в большинстве своем использовали Интернет для развлечения, побудила к изменению маркетинговых стратегий брендов. Новые обстоятельства потребовали пересмотра способов коммуникации с потребителем и другими значимыми корпоративными аудиториями.

По утверждению некоторых маркетологов, за период пандемии успел сформироваться новый потребительский сегмент со схожим цифровым поведением [3]. Этих пользователей невозможно охарактеризовать только с помощью социально-демографических параметров. Их отличает четкое понимание того, что они хотят получить за свои деньги в условиях критической неопределенности, а также стремление оценивать поведение людей и организаций по их действиям и поступкам. Новое поколение уже не верит красивым словам и ярким лозунгам. Заслужить их доверие можно только реальными действиями и регулярной двусторонней коммуникацией. Иными словами, с ними все время нужно быть в контакте, рассказывая о личном опыте выживания в новых условиях, предлагая свои стратегии спасения мира и лайфхаки реконструкции реальности.

2020 год стал периодом ускоренного технологического ликбеза для большинства россиян. В первую очередь это было связано с необходимостью приобретать продукты питания, лекарства и товары, не покидая своих жилищ. В связи с этим рост электронной коммерции в России по своим темпам приблизился к европейским. Во-вторых, 2020 год создал невероятный спрос на актуальную информацию. Лидерами среди поставщиков информационного контента для россиян, согласно последнему опросу «Ле-

вада-Центра», стали новостные порталы и социальные сети [1]. Число тех, кто вообще не пользуется социальными сетями, по сравнению с 2017 годом сократилось почти вдвое. Не только получение «горячих новостей», но и возможность их обсуждения, оценки авторитетных пользователей из подписок или френд-ленты превратили социальные сети из альтернативного канала коммуникации в едва ли не основной. Ситуация самоизоляции усилила эту тенденцию, так как обострила у россиян потребность в информационном обмене и общении. Запертые в своих жилищах, работающие удаленно, лишенные возможности обсуждения последних новостей на «перекурах» и во время обеденного перерыва, российские пользователи начали осваивать новые формы социального бытия – интернет-комьюнити. Разумеется, всевозможные интернет-сообщества существовали задолго до пандемии коронавируса, но именно в 2020 году они стали мейнстримом.

Виталий Куренной назвал социальные сети «инструментом предъявления своей сингулярности» [2]. В условиях массового тиражирования объектов и идей вырос спрос на уникальность. Существование в замкнутом пространстве и обилие свободного времени в период самоизоляции усилили в людях еще и эту потребность – почувствовать себя уникальным. Следствием соединения этих двух почти антиномических потребностей – почувствовать свою принадлежность сообществу и осознать свою уникальность – стали всевозможные флешмобы в Сети, самым известным из которых стала «ИЗОизоляция». «Эстетизируя повседневность» и «предъявляя свои эстетические компетенции», люди воссоздавали в современных условиях сюжеты шедевров мировой живописи. Такая эстетская форма вынужденного досуга стала одной из признанных интернет-общественностью моделей поведения в эпоху пандемии коронавируса.

Адекватно реагируя на новую реальность, в которой люди ищут новые формы самовыражения и кооперации, реализуемые в условиях самоизоляции, маркетологи и рекламодатели начали еще активнее перераспределять рекламные бюджеты в пользу Интернета и социальных сетей. Так, в 2020 году такие площадки, как Facebook, Google и Amazon, получили рекордные доходы от

рекламы [5]. Это свидетельствует о том, что рекламодатели, признав приоритет данных каналов коммуникации, увеличили расходы на интернет-рекламу и интернет-маркетинг, не желая упускать возможность активного взаимодействия с потребителем.

Пользуясь ситуацией и не желая упускать коммерческую выгоду в благоприятных для развития их бизнеса условиях, социальные сети предлагают коммерческим компаниям всё новые и новые сервисы. Например, в мае 2020 года Facebook запустил новый сервис – Shops, что позволило компаниям вместо закрывшихся из-за пандемии магазинов создавать интегрированные онлайн-витрины для клиентов в Facebook и Instagram [4].

Таким образом, кризисные явления 2020 года, помимо целого ряда негативных явлений, создали благоприятные условия для развития электронной коммерции, а также способствовали усилению роли социальных медиа в общественной и культурной жизни, усложнению форм интернет-коммуникации и обновлению инструментария интернет-маркетологов.

Литература

1. Социальные сети в России // Левада-Центр. – 23.02.2021. – URL: <https://www.levada.ru/2021/02/23/sotsialnye-seti-v-rossii/> (дата обращения: 25.02.2021).
2. Куренной В. Культуральный поворот современного общества // Президентский центр Бориса Ельцина. – 15.02.2021. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=X4XeNFh2Ze8> (дата обращения: 25.02.2021).
3. Солис Б. Встречайте поколение N: портрет новых цифровых покупателей, порожденных ковидной эпохой // COSSA. Реклама. Маркетинг. – 17.11.2020. – URL: <https://www.cossa.ru/news/277718/> (дата обращения: 25.02.2021).
4. Powderly H. Replay: What marketers need to know about Facebook Shops // Search Engine Land. – 28.05.2020. – URL: <https://searchengineland.com/facebook-shops-up-next-on-live-with-search-engine-land-335084> (дата обращения: 25.02.2021).
5. Sterling G. COVID helped drive record ad revenue for big tech in Q3 // Search Engine Land. – 04.11.2020. – URL: <https://searchengineland.com/covid-helped-drive-record-ad-revenue-for-big-tech-in-q3-343201> (дата обращения: 25.02.2021).

Острая ситуация в зеркале современных СМИ

Аннотация. На примере публикаций СМИ о прошедших по стране протестных акциях в поддержку А. Навального рассматривается конструирование острой общественно-политической ситуации в изданиях с противоположными идеологическими позициями, характеризуется проблема, с которой сталкивается читатель.

Ключевые слова: официальные и оппозиционные СМИ; протесты; конструирование общественно-политической ситуации.

Одна из ценностей, которой так не хватало в СССР и к которой стремилась новая Россия, – это ценность свободы слова, отсутствие сковывающей мысль жесткой идеологии [2, с. 7]. И хотя по сравнению с 90-ми годами, когда можно было говорить что угодно и в какой угодно форме, определенные рамки появились, особенно для СМИ, тем не менее в медиапространстве, наряду с журналистикой, транслирующей официальную точку зрения, существуют и оппозиционные издания. Как в этих условиях обстоят дела с объективностью [1, с. 147] при освещении острой ситуации, может ли читатель, сопоставляя описания в различных изданиях одних и тех же событий, составить ясную картину произошедшего? Рассмотрим эти проблемы на примере журналистских публикаций о протестных акциях в поддержку А. Навального.

Протесты были реакцией на задержание А. Навального после возвращения в Россию из Германии и на появившийся в Сети фильм о «дворце» в Геленджике, обвинявший президента России

Светлана Олеговна Калганова, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

в коррупции. 23 и 31 января в разных городах страны прошли несогласованные с властью акции протеста, 2 февраля, в день судебного заседания по делу Навального, в Москве и Петербурге также на улицы вышли протестующие.

Единственное, в чем сходятся официальные и оппозиционные СМИ, – в том, что несогласованные акции действительно имели место в ряде городов России 23 и 31 января и 2 февраля. Во всем остальном рисуются две совершенно различные картины.

В СМИ, критически настроенных к власти, конструируется революционная ситуация: «протесты, охватившие всю Россию, разгорающиеся от подавлений и быстро эволюционирующие в белорусскую сторону», президент России «готов пойти до конца, то есть до полного уничтожения вверенного ему народа» [3]. Современные события сравниваются с революционной ситуацией 1905 г. [3]. На следующей странице той же газеты сообщается, что участников в Москве было сначала несколько сот человек, а к концу акции несколько тысяч [3]. Другие издания говорят о 10–50 тыс. протестующих в Москве [4; 10; 14; 17] и от 3–15 тыс. в Екатеринбурге [13; 14; 15]. Цифры по стране – от 110 тыс. до 300 тыс. [4; 14]. Количество протестующих оценивается с помощью слов «рекорд», «рекордная акция», «митинговала вся Россия», «сотни тысяч» [17; 3]. Перечисляются все города, где прошли акции, и разными способами подчеркивается нарастание протестного движения в стране (отмечается, что в него включились новые города, в которых раньше подобных событий не было, что на акции пришли люди, которые раньше политикой не интересовались, отмечается разнообразие возрастного состава участников).

Подчеркивается мирный характер акций. Если упоминается о том, что в полицию бросали снежки и пластиковые бутылки, дымовые шашки, то кидавших называют провокаторами и сообщают, что другие участники их пытались остановить. В действиях полицейских отмечается чрезмерная, немотивированная жесткость [14; 15; 3]. Хватали не тех, кто провоцировал полицию, а всех подряд. Лупили дубинками всех, кто стоял поблизости [14]. Это подчеркивается лексически: «бессмысленно жестокие дей-

ствия полиции, избивавшей мирных, безоружных граждан», «беспрецедентное винтилово», «ледовое побоище», «ад». По количеству задержаний тоже отмечается рекорд [14; 3]. Суды сравниваются со сталинскими тройками. Цитируется письмо против политических репрессий и жестокости полиции, подписанное многими деятелями культуры и науки. В заголовки выносятся смыслы «рекордное количество участников», «мирные акции», «жесткие задержания».

Иная картина конструируется в официальных СМИ. На акции в Москве 23 января присутствовало 4 тыс. протестующих, в Екатеринбурге – 3–5 тыс. По поводу общего количества участников акций в стране говорится обтекаемо «несколько десятков тысяч». Подчеркивается смысл «вышедших на улицы немного»: 0,3 % от общего количества жителей Екатеринбурга. Цитируют слова Д. Пескова о том, что на митинги вышло мало людей, что гораздо больше голосовало за Путина и за поправки к Конституции. Среди участников акций было много несовершеннолетних, которые пришли в надежде на «классную тусу», а были использованы в качестве живого щита. Журналисты показывают отсутствие ясной политической позиции у протестующих.

Полицейские изображаются максимально корректными. Они раздавали маски пришедшим на Пушкинскую площадь [5]. Когда с одним из протестующих случились судороги, полицейский оказал ему доврачебную помощь, вызвал скорую и передал медикам [6]. Стражи порядка не обращали внимания на снежки и пластиковые бутылки, которые летели в них из толпы. Задержания начались после более серьезных провокаций со стороны протестующих (дымовые шашки, снос заграждений) [19; 5; 18]. Арестовывали только немногих зачинщиков беспорядков, объясняется их вина [16].

Сравнение видеозаписей действий силовиков во время протестных акций в России и на Западе, показанных М. Захаровой, оказалось не в пользу зарубежных полицейских, поэтому западные политики не смогли их прокомментировать. Настойчиво подчеркивается мысль о том, что протестное движение организуется иностранными враждебными России силами [7].

И в провластных, и в оппозиционных изданиях заголовки намеренно заостряют смыслы, выгодные для политической позиции редакции, в расчете на то, что больша́я часть аудитории составляет представление о ситуации, читая только заголовки и лиды. Так в «Собеседнике» материал на целую полосу озаглавлен «За митинг ответишь» [12]. В лиде сообщается, что автор собрал случаи, когда после участия в акциях увольняли с работы, однако при чтении текста выясняется, что из трех историй, описанных в публикации, только первая о человеке, которого действительно уволили с работы. Во второй истории рассказывается, как задержали журналиста, а в отделении после проверки документов отпустили. Третья история – о полицейском, который еще до акции высказался в соцсетях в поддержку Навального, после чего стража порядка уволили. Но если прочитать только заголовки и зрительно оценить, что описаны три истории, то можно поверить, что такая тенденция действительно существует.

Аналогичным образом действуют «РИА Новости». В заголовке сообщается, что участник протеста ударил полицейского [9]. Из текста выясняется, что неизвестно, был ли ударивший участником акции.

Таким образом, по СМИ о протестах можно составить две абсолютно различные картины, между которыми мало точек пересечения. В оппозиционных СМИ рисуется кризис власти и нарастающее революционное движение по всей стране (сотни тысяч), подстегиваемое произволом полиции, власти, судов. Констатируется огромный скачок сознательной политической активности всего населения, что изображается как новая победа фонда Навального. В официальных СМИ ситуация описывается как организованные на зарубежные деньги протесты, хоть и прошедшие по разным городам России, но весьма немногочисленные по количеству участников (десятки тысяч), большинство из которых к тому же не имели ясной политической позиции. Подчеркивается аморальность организаторов: большую часть протестующих составляли обманом привлеченные несовершеннолетние, акции режиссировались из-за рубежа, людям обещали юридическую поддержку и оплату штрафов и призывали ничего не бояться, то есть

протестующих практически провоцировали на агрессивные, противозаконные действия. Силовики в этих публикациях выглядят как защитники порядка и спокойствия на улицах городов, использующие исключительно корректные методы пресечения агрессии со стороны протестующих. Итог акции изображается как полный провал движения ФБК.

В этой ситуации по публикациям в СМИ практически невозможно составить объективное представление о прошедших протестах, читателю предлагается выбрать вариант, в который ему хочется верить.

Литература

1. Майданова Л. М. Образ власти в современных медиатекстах // Известия Уральского государственного университета. – 2006. – № 40. – С. 147–157.

2. Майданова Л. М., Чепкина Э. В. Медиатекст в идеологическом контексте. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2011. – 304 с.

Публикации в СМИ:

3. Быков Д. Что на весах // Собеседник. – 2021. – 3-9 февраля (№ 4). – URL: https://echo.msk.ru/blog/bykov_d/2783708-echo/ (дата обращения: 10.02.2021).

4. В акциях «Свободу Навальному» по всей России приняли участие минимум 110 тысяч человек // МБХ-медиа : [сайт]. – 23.01.2021. – URL: <https://mbk-news.appspot.com/news/100k-vishli-na-ulici/> (дата обращения: 23.01.2021).

5. В Госдуме отметили аккуратность работы силовиков на незаконных акциях // РИА Новости. – 10.02.2021. – URL: <https://ria.ru/20210210/siloviki-1596875300.html> (дата обращения: 10.02.2021).

6. В Красноярске полицейский оказал первую помощь участнику незаконной акции // РИА Новости. – 23.01.2021. – URL: <https://ria.ru/20210123/aktsiya-1594286352.html> (дата обращения: 23.01.2021).

7. В МИД жестко отреагировали на «маршруты протестов» от посольства США // Радио «Спутник». – 23.01.2021. – URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20210123/zakharova-1594301390.html> (дата обращения: 23.01.2021).

8. В МИД заявили, что Запад пытается вовлечь в свои «игрища» подростков // РИА Новости. – 11.02.2021. – URL: <https://ria.ru/20210211/igrischa-1597067572.html> (дата обращения: 11.02.2021).

9. В Петербурге один из участников незаконной акции ударил силовика // РИА Новости. – 23.01.2021. – URL: <https://ria.ru/20210123/aktsiya-1594292910.html> (дата обращения: 23.01.2021).

10. В ФБК оценили количество участников митинга в Москве в 50 тысяч человек // Дождь : [сайт]. – 23.01.2021. – URL: https://tvrain.ru/news/v_fbk_otse_nili_chislo_uchastnikov_mitinga_v_moskve_v_50_tysjach_chelovek-523193/ (дата обращения: 23.01.2021).

11. Гужева Н., Соколов Д. Навальное кольцо Москвы: как в столице сцепились силовики и протестующие // Собеседник : [сайт]. – 2021. – 3-9 февраля (№ 4).– URL: <https://sobesednik.ru/obshchestvo/20210201-navalnoe-kolco-moskvy> (дата обращения: 10.02.2021).

12. За митинг ответишь // Собеседник : [сайт]. – 2021. – 3-9 февраля (№ 4). – URL <https://sobesednik.ru/obshchestvo/20210201-za-miting-otvetish> (дата обращения: 10.02.2021).

13. Как прошли марши в поддержку А. Навального в разных городах России // 66.ru : [сайт]. – 23.01.2021. – URL: <https://66.ru/news/society/237802/> (дата обращения: 25.01.2021).

14. Легко ли бить молодых? // Новая газета : [сайт]. – 25.01.2021. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/01/25/88863-oblozhka-dnya> (дата обращения: 25.01.2021).

15. Ледовое побоище: главные кадры жестких задержаний // e1.ru : [сайт]. – 23.01.2021. – URL: <https://www.e1.ru/talk/forum/read.php?f=9&i=13091505&t=13091505> (дата обращения: 23.01.2021).

16. Любовь Соболь задержали на незаконной акции протеста в Москве // Радио «Спутник». – 23.01.2021. – URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20210123/zaderzhanie-1594303257.html> (дата обращения: 23.01.2021).

17. На акцию в Москве собрались больше 20 тысяч человек. Это рекорд для несогласованных митингов с 2013 года // Медуза. – 23.01.2021. – URL: <https://meduza.io/news/2021/01/23/belyu-schetchnik-na-aktsiyu-v-moskve-sobralis-bolshe-20-tysyach-chelovek-eto-rekord-dlya-nesoglasovannyh-mitingov-s-2013-goda> (дата обращения: 23.01.2021).

18. Полиция действовала аккуратно // Радио «Спутник». – 10.02.2021. – URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20210210/1596761640.html> (дата обращения: 10.02.2021).

19. Порошина Е., Кошкина О., Шамро Ю., Чернобrivцева А. Все бы закончилось благополучно, если бы кто-то не устроил провокацию // Облгazeta.ru : [сайт]. – 25.01.2021. – URL: <https://yandex.ru/turbo/oblgazeta.ru/s/politics/sverdlovsk/119641/> (дата обращения: 25.01.2021).

Просветительская журналистика и формирование современного человека

Аннотация. Современная просветительская журналистика находится в парадоксальной ситуации: с одной стороны, она функционирует в рыночных условиях и потому подвержена влиянию вкусов массы, с другой стороны, являясь просветительской по своей основной направленности, журналистика обращается к вечным ценностям, которые с необходимостью призваны возвращать в человеке его подлинно человеческие черты. На примере деятельности информационного интернет-портала «Arzamas» представлено данное противоречие, которое требует своего осознания и решения.

Ключевые слова: просветительская журналистика; человек; массовое сознание; ценности; проблемы журналистики; «Arzamas».

В нашей работе фигурирует словосочетание «просветительская журналистика», и очень хочется проверить, соответствует ли данный термин его практической задаче? Проще говоря, просвещает ли просветительская журналистика или просто «накачивает» человека шаблонами и играет на струнах его тщеславия? Объектом нашего исследования являются проблемы современной просветительской журналистики и ее влияние на формирование человека. Просветительская журналистика – это область журналистики, которая видит свои цели в сохранении,

Михаил Романович Соколов, студент 5-го курса факультета журналистики и медиакоммуникаций АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Елена Юрьевна Погорельская, канд. филос. наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия). ORCID: 0000-0002-9723-465X

распространении и приумножении культурных, духовно-нравственных и эстетических ценностей человечества, распространении научно-технических открытий. Но какое качество информации предлагают актуальные просветительские издания?

У современной аудитории заметно снижен интерес к серьезным темам и вопросам культуры, поэтому журналистике сейчас нужно уделить время работе на перспективу, особенно работе с молодежью. СМИ может заложить высокодуховные культурные ценности, сыграть роль воспитателя подрастающего поколения.

В качестве примера остановимся на одном из представителей культурно-просветительской журналистики – интернет-портале «Arzamas». Это новый мультимедийный проект, родившийся в 2015 году. Его основателями стали Филипп Дзядко и Настя Чухрай. Издание освещает вопросы культуры, искусства, литературы, истории, антропологии. Ф. Дзядко, который является главным редактором портала, сказал по этому поводу следующее: «Идея была составить открытую и доступную для всех библиотеку видеолекций, где бы объединились живые и яркие силы гуманитарной науки» [3]. «Arzamas» – это современное гуманитарное издание с новыми форматами подачи информации, имеющее большую аудиторию разных возрастов, профессий, социальных слоев.

Для подачи информации и привлечения новых пользователей «Arzamas» использует современные форматы, например такие, как социальные сети. «Arzamas» присутствует во всех популярных социальных сетях: «ВКонтакте», Facebook, «Одноклассники», Twitter, Instagram и Telegram. Все подписчики портала перед запуском нового курса получают рассылку с его описанием, что очень удобно для постоянных пользователей курсов. Канал старается поддерживать интерес аудитории новыми публикациями и курсами. Перспективы развития портала напрямую зависят от того, какую активность он будет проявлять в социальных сетях, на YouTube, Яндексe и других платформах, так как основной площадкой распространения информации является Интернет.

Немного статистики: по данным сайта PR-CY (<https://a.pr-su.ru>), по состоянию на середину января 2021 года на страницу

«Arzamas» в «ВКонтакте» подписано 414,5 тысячи человек, в группе Facebook насчитывается свыше 138 тысяч, аккаунт Twitter имеет более 77 тысяч читателей. По данным открытой статистики сайта LiveInternet.ru (<https://www.liveinternet.ru>), просмотров за день – 93 151, за неделю – 659 315, за месяц – 2 796 597; посетителей за день – 52 644, за неделю – 323 839, за месяц – 1 287 271. Такими большими цифрами может похвастаться не каждый интернет-портал! Совершенно очевидно, что проект живет и развивается.

Когда мы говорим о формировании человека, то прежде всего мы говорим о подрастающем поколении. Как говорит Бруно Латур, «будущее находится в руках того, кто будет этим пользоваться» [2]. Посмотрим, как этот вопрос решается в «Arzamas».

На портале для подрастающего поколения создано отдельное приложение «Гусь-гусь» и раздел «Детская комната». Рубрики в детской комнате «состоят» из глаголов: «смотреть», «слушать», «читать», «узнавать», «играть», по которым уже на входе можно сориентироваться. Авторы рубрики предлагают своим подписчикам возможность провести время с детьми с пользой. На сайте много книг, музыки, мультфильмов, игр, специально отобранных специалистами для развития детей. Авторы отвели много места сказкам, классической музыке, поэзии и радиоспектаклям. Есть подраздел специально для школьников – «Наука и знания». Материалы предназначены для помощи детям в учебе, а учителям – в подготовке к урокам. Вся информация сначала распределяется по принадлежности к школьным предметам: история, литература, русский язык, музыка, искусствоведение и география, затем каждый предмет делится на «курсы», которые сопровождаются видео, «материалы» – это текстовое описание информации, «игры и тесты» – здесь предлагают пройти тест для лучшего закрепления пройденного материала. В детском разделе редакция предлагает множество интересных курсов. Очень интересен курс для детей «Что такое экономика? Объясняем на бургерах» [5], сделанный в формате приложения «Гусь-гусь». Он состоит из шести лекций, где экономист Г. Баженов доступным для детей языком на примере бургерной рассказывает о рынках, банках, фирмах, предпри-

нимательстве. Курс очень интересный, познавательный и доступный для понимания. «Гусь-гусь» – это придуманный специально для детей редакцией «Arzamas» аудиоформат. В нем рассказывают сказки, читают занимательные лекции.

В детской рубрике «слушать» хочется выделить материал на тему «Что можно услышать в классической музыке?». Текстовый материал сопровождается музыкальным сопровождением. Редакция сделала подборку наиболее популярных мировых произведений: «Лунная соната» Л. ван Бетховена, «Мазурка ля минор» Ф. Шопена, марш Черномора из оперы «Руслан и Людмила» М. Глинки и т. д. Сначала идет небольшой рассказ о самом произведении и авторе, например о концерте № 4 фа минор («Зима») из цикла «Времена года» А. Вивальди [4], приложено фото картины «Зимний пейзаж» неизвестного итальянского художника, затем передается само музыкальное произведение в исполнении Берлинского филармонического оркестра. И в таком формате сделаны все произведения. Подача классической музыки таким способом может заинтересовать подрастающее поколение. Надо отметить, что портал «Arzamas» вносит свой немалый вклад в развитие и образование молодежи, формирует культурную личность. Прежде всего обратим внимание на тот факт, что у любого просветительского издания есть своя «генеральная линия», при этом речь идет не об узкой области, которую освещает портал, а именно о линии, зачастую незаметной. Мы обратили внимание на присутствие «неолиберальных» черт на портале «Arzamas». Сразу отметим, что либерализм не есть что-то плохое и каждый член общества имеет право на свою точку зрения и на приверженность к каким-либо взглядам, идеям. Человек может быть коммунистом, патриотом, западником и т. д. Речь идет именно о неолиберальных течениях мысли, которые, маскируясь под либерализм с его идеей свободы, проводят деструктивные идеи. К примеру, до конца не понятно, зачем на «просветительском» портале размещено столько материалов о феминизме, гендерах и гомосексуализме? Какое отношение это имеет к просвещению? «Arzamas» посвятил целый курс лекций «культуре» гомосексуализма в Петербурге под названием «Субкультура гомосексуалов

в дореволюционном Петербурге» [1]. В курсе подробно описана география мест, где они знакомились друг с другом, кто этим занимался, материал снабжен фото с голыми мужчинами. Зачем подобный материал размещать на просветительском портале, кого и с какой целью редакция пытается «просветить»? Подрастающее поколение? Материалы на данную тематику нужно размещать в мужских журналах, а не в тех, которые читают дети и подростки. Хочется задать вопрос: а какое к этому отношение имеют просветительские порталы?

Мы считаем, что основная проблема современной просветительской журналистики – неопределенность ценностей, на которые она ориентирована. Одна из проблем – это пограничное состояние «просветительской журналистики», которая похожа на ребенка, родителями которого являются представители из разных слоев – элиты и массы. С одной стороны, СМИ во многом воплощают массовую культуру и потому транслируют массовые ценности рынка и направленности на развлечения/игры. С другой стороны, историческая традиция просвещения предполагает выход из обыденности в сторону предельно высокого (искусство) и наукоемкого. Это состояние современной просветительской журналистики важно зафиксировать, поскольку проблемы и перспективы просветительской журналистики во многом связаны с пониманием ее сущности. Перспектива – это всегда понимание того, а чего мы на самом деле хотим? Это цель, которая тянет к себе из будущего.

Представителей просветительской журналистики, включая интернет-портал «Arzamas», в нашей стране немало. Она оказывает огромное влияние на формирование современного человека, особенно подрастающего поколения. Поэтому редакции изданий нужно тщательно отбирать материал для своей аудитории, повышая ее культурный, нравственный и образовательный уровень, а не ориентироваться только на развлекательный контент. Современному человеку, читая просветительские издания, интернет-порталы, просматривая программы по телевидению, важно научиться отделять зерна от плевел, важно понимать, что в него сейчас пытаются «вложить», какую ценность позволяют

ощутить, приобрести. Самой просветительской журналистике пора определиться с ценностями, на которые она ориентируется. Нельзя всегда сидеть на двух стульях, встречаются жизненные ситуации, которые вынуждают сесть на один из них и быть готовым ответить за свой выбор.

Литература

1. Зарубина Т. Субкультура гомосексуалов в дореволюционном Петербурге // Arzamas. – URL: <https://arzamas.academy/materials/635/> (дата обращения: 04.03.2021).

2. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / пер. с англ. К. Федоровой ; науч. ред. С. Миляева. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 414 с. – (Прагматический поворот; вып. 6).

3. Петров Е. Филипп Дзядко: «Быть чисто медиа неинтересно, быть университетом еще рано» // Colta. – 24.02.2015. – URL: <https://www.colta.ru/articles/media/6395-filipp-dzyadko-byt-chisto-media-neinteresno-byt-universitetom-esche-rano/> (дата обращения: 24.02.2021).

4. Хвоина О. Что можно услышать в классической музыке // Arzamas. – URL: <https://arzamas.academy/materials/1359/> (дата обращения: 26.02.2021).

5. Что такое экономика? Объясняем на бургерах // Arzamas. – URL: <https://arzamas.academy/special/burger/> (дата обращения: 26.02.2021).

В. А. Сексенов, Д. А. Нургалиева, С. В. Комисар

Профилактика влияния современных СМИ на духовно-нравственное формирование детей, подростков и молодежи

Аннотация. В настоящее время значительно возросло влияние средств массовой информации на формирование личности, особенно детей и молодежи. Господствующее положение среди средств массовой информации на сегодняшний день занимают телевидение и Интернет. В данной статье обсуждается вопрос о мерах профилактики негативного влияния современных СМИ на духовно-нравственное формирование подрастающего поколения.

Ключевые слова: телевидение; Интернет; информация; дети и подростки; молодежь; негативное влияние.

Сегодня телевидение и Интернет почти вытеснили из жизни и культурного развития человека книги, газеты, журналы и радио. Заметно возросла оперативность передачи информации и, как следствие, затруднена возможность контроля за чистотой эфира. Люди почти перестали читать книги. Посмотреть фильм в кинотеатре сложнее, чем выбрать его для просмотра дома на 60–80 каналах телевидения. Даже подготовка домашнего задания в школе или вузе сегодня не обходится без Интернета. Однако

Василий Айтмухамедович Сексенов, заместитель декана высшей школы искусства и спорта НАО Павлодарский педагогический университет (г. Павлодар, Республика Казахстан).

Динара Аксановна Нургалиева, заместитель директора по воспитательной работе ГУ «Средняя общеобразовательная школа № 13 г. Павлодара» (г. Павлодар, Республика Казахстан).

Светлана Викторовна Комисар, старший преподаватель высшей школы искусства и спорта, НАО Павлодарский педагогический университет (г. Павлодар, Республика Казахстан).

вместе с полезной информацией на современного человека, в том числе и на детей, хлынул огромный поток негатива, пропаганда агрессии, разврата, легкого заработка и пр.

Каждый день средства массовой информации транслируют нам действия известных людей, которые, являясь кумирами детей, подростков и молодежи, совершают противоправные поступки, разрушают брачные узы, ведут аморальный образ жизни и пр. Скандалы стали неотъемлемой частью не только творческой, но и политической жизни.

Авантюристы и мошенники стали героями современной культуры. В артистической среде скандалы нередко устраиваются только для того, чтобы стать узнаваемым или поддержать свою популярность. Зачастую «звездами» себя называют люди, которые по профессиональным, моральным и этическим нормам далеко не соответствуют тому уровню, на который пытаются претендовать. Светская хроника, сплетни – неотъемлемые составляющие бульварной прессы. Скандал привлекает к личности внимание множества читателей, слушателей, зрителей. Лицо, манера одеваться, манера вести себя тиражируются и, следовательно, приносят прибыль. Но самое досадное, что при этом кристально честные люди, воспитанные, одухотворенные, герои труда очень редко становятся объектом внимания телепередач для молодежи.

Сегодня все средства массовой информации направлены на пропаганду культа силы, материального богатства и внезапного успеха. Это, на наш взгляд, является следствием принятого когда-то правительством и неверно реализованного курса экономического прорыва, когда экономический вектор развития государства стал превалировать над культурным и духовным развитием. Таким образом, обогащение любой ценой стало «фишкой» поведения современной молодежи.

Телевидение и социальные сети, со всеми своими неограниченными возможностями и оперативностью, являются надежным и легкодоступным источником получения любой информации. Однако практически полный переход телевидения на коммерческую основу не привел к желаемым результатам. Делать качественные детские и юношеские, образовательные и воспита-

тельные программы стало невыгодно. Недостаточно выделяется средств государственной поддержки на создание качественного отечественного кино, особенно для детей. Вряд ли можно сейчас быстро вспомнить какой-нибудь современный художественный фильм для детей или молодежи с хорошим воспитательным содержанием, без насилия и преступности, без подлости и предательства, с пропагандой крепкой надежной дружбы и чистой любви. Хотя раньше эти фильмы составляли основную долю советского кинематографа. Сегодня телевизионные каналы и социальные сети пестрят зарубежными и отечественными мультфильмами, телефильмами и телевизионными сериалами сомнительного качества. Взять, к примеру, такие мультфильмы, как «Хлебоутки», «Губка Боб» и пр., пестрящие ругательствами и показывающие унижительное поведение героев.

Порой на телеэкраны попадает информация, просто недопустимая для широкой огласки. В наши дни программы телепередач стали «пособием молодого подрывника» (с телеэкранов звучат названия взрывчатых веществ, способы их изготовления и наиболее грамотного применения) или «инструкцией юного блогера» (можно заработать миллионы только тем, что будешь интересно разворачивать подарки или сочинишь пару нехитрых песен) и пр. И, естественно, после этого не стоит удивляться тому, что дети не хотят учиться, не стремятся получить хорошее образование и полезную профессию, а пытаются завести свой блог и получить популярность.

Мы провели опрос среди учащихся 2-х классов средней общеобразовательной школы г. Павлодара. Было выявлено, что почти 45 % из 28 детей не нравится учиться в школе, работать на уроках, выполнять домашнее задание. При этом на вопрос «Кем ты хочешь стать после окончания школы?» 27 % ответили, что хотят стать блогерами. И это неудивительно. Сегодня даже в детских игровых, развлекательных программах пропагандируется внезапное материальное обогащение. Детей приучают зарабатывать любыми средствами, не прилагая особого труда.

В настоящее время в старших классах и в вузах широкую популярность набирают start-up проекты. С одной стороны, это

очень хорошее начинание для будущего молодых людей, для развития их научной мысли, но, с другой – почему-то все меньше и меньше становится средств, рассчитанных на духовное воспитание подрастающего поколения.

Все вышесказанное, конечно, не является доказательством того, что на телевидении и в Интернете в наше время нет хороших, добрых, жизнеутверждающих, познавательных программ, но необходимо признать, что поток программ, вызывающих агрессию, безнадежность и бездуховность, значительно больше. Одним из негативных последствий их влияния может стать формирование антисоциальной направленности личности, под которой понимается устойчивое стремление личности к удовлетворению своих потребностей за счет общества, без трудового участия, посредством нарушения правовых установлений [1].

Процесс формирования личности – это процесс усвоения индивидом опыта общественной жизни. Он идет по двум направлениям: через непосредственный индивидуальный опыт и путем усвоения социального опыта других людей.

Этот процесс, дающий человеку возможность сознательно действовать в рамках нравственно-правовой культуры, назван процессом социализации [2]. С его помощью общество формирует новых членов, учит их ставить главные жизненные цели и достигать их.

В сентябре 2020 года мы предприняли попытку определить, насколько реально современная молодежь оценивает негативное и позитивное влияние средств массовой информации, в частности наиболее популярных телепрограмм и Интернета, на духовно-нравственное формирование личности.

Основным методом наших исследований явился анкетный online-опрос, в котором приняли участие 110 девушек и 87 юношей – студентов первого курса разных специальностей Павлодарского педагогического университета, проживающих в разных регионах Казахстана. Анализ полученных данных показал, что далеко не у всех молодых людей, как у юношей, так и у девушек, вызывают положительные эмоции «молодежные шоу», рассчитанные на широкий круг зрителей. Многие наши респонден-

ты (63 % девушек и 57 % юношей) в своих анкетах отметили, что большинство молодежных передач, и особенно информация, которую получают дети, подростки и молодые люди из Интернета, оказывает негативное влияние не только на их нравственно-культурное поведение, но и, вполне возможно, сказывается на их психическом состоянии. Но если девушки и юноши в большей степени уже могут правильно оценить и принять или не принять получаемую информацию, то для детей и подростков такая информация, получаемая постоянно, становится компонентом формирования их потребностей, интересов и поведения.

Можно ли уберечь детей от пагубного влияния современных СМИ? Здесь, на наш взгляд, в нынешних условиях должна быть усилена роль семьи в воспитании, ее традиций, убеждений и позиций родителей. Конечно, взрослый человек в силах сам разобраться, какие программы следует смотреть, а какие нет. Но сегодня, когда на страницах Интернета подается очень много сомнительной и даже опасной информации, контроль со стороны родителей за тем, чем интересуются дети, обязательно должен осуществляться. Также нужно предоставить ребенку возможность дать свою оценку той или иной программе или информации, выразить свое мнение в беседе с родителями. С другой стороны, необходимо занять ребенка каким-либо увлечением, чтобы у него как можно меньше оставалось свободного времени и сформировалось как можно больше разнообразных навыков в различных сферах деятельности: в спорте, в искусстве, в изучении иностранных языков и пр. Но, самое главное, на государственном уровне нужно постоянно решать проблему духовного развития подрастающего поколения через средства массовой информации, оказывать значительную государственную поддержку образовательным и воспитательным программам и телевизионным каналам, которые будут пропагандировать добро, любовь и духовность.

Литература

1. Возрастная и педагогическая психология : учеб. для студентов пед. ин-тов / В. В. Давыдов, Т. В. Драгунова, Л. Б. Ительсон и др. ; под

ред. А. В. Петровского. – Изд. 2-е , испр. и доп. – М. : Просвещение, 1979. – 287 с.

2. Лубышева Л. И. Социология физической культуры и спорта : учеб. пособие. – М. : Изд. центр «Академия», 2001. – 240 с.

Кино в пандемию как объект внимания поколения Z

Аннотация. В статье предьявлены результаты исследования кинопотребления представителями поколения Z в России в период пандемии. Охарактеризованы различия во вкусах молодежи и старших поколений. Описаны различия в восприятии кинозрелищ на разных платформах: в кинозалах и на мобильных устройствах. Применены качественные методы исследования. Выявлены перемены, произошедшие в кинопотреблении поколения Z за последнее время.

Ключевые слова: поколение Z; пандемия; кинопотребление; медиаплатформы; визуальная антропология; экранная культура; медиаобразование.

Пандемия 2020 года нарушила привычное течение жизни, временно лишив людей возможности непосредственного общения не только друг с другом, но и с искусством. Театр, цирк, массовые зрелища на какой-то период оказались недоступны. Кино в этом смысле пострадало меньше, хотя многие залы с большими экранами также опустели и закрылись. Но поскольку кино можно смотреть в домашних условиях, зрители сохранили контакты с ним и в пандемию.

Нами были проведены анкетирование и дискуссия со студентами Департамента «Факультет журналистики» Уральского федерального университета и кафедры графики и анимации Уральско-

Марина Александровна Мясникова, д-р филол. наук, канд. искусствоведения, доцент, профессор кафедры периодической печати и сетевых изданий Департамента «Факультет журналистики», Уральский гуманитарный институт (УГИ), Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

го государственного архитектурно-художественного университета с целью обнаружения перемен в их зрительских отношениях с кино в течение последнего года. В опросе приняли участие более 100 студентов – представителей достаточно однородной аудитории поколения Z, родившегося в начале нового века. Это поколение называют «цифровым», «большепальцевым», поскольку оно практически не выпускает мобильные устройства из рук, внимательно следит за высокотехнологичными новинками, нацелено на быстрый результат и не привыкло ждать. Свой собственный опыт ценит больше, чем родительский. «Быстрое и массовое освоение достижений науки и техники в быту в качестве привычных вещей – отличительная черта современной молодежи и свидетельство наличия в данной цивилизационной модели признаков префигуративной культуры (по М. Мид)», – пишет В. А. Луков [2, с. 209–210], когда не старшие учат младших, а, скорее, те и другие учатся друг у друга.

Мы задали двадцатилетним следующие вопросы: поменялось ли их отношение к кинематографу в период пандемии; придают ли они значение особенностям просмотра фильмов на разных платформах; что конкретно смотрят; и отличается ли их отношение к просмотренному от мнения людей старшего возраста?

Что касается *методов* исследования, то нас интересовали не столько количественные, сколько качественные показатели. Безусловно, мы делали подсчет числа схожих ответов. Но для нас важнее было выяснение *мотивации* поведения молодежи. То есть не того, *какой* киноконтент, *в каком объеме* и *насколько массово* смотрят люди, а то, *в каких условиях*, *на каких экранах*, *почему* и *зачем* они это делают и *что* извлекают для себя в итоге. Специалисты в области визуальной антропологии, обращающиеся к изучению кино и киноаудитории, все чаще отмечают сегодня низкую степень репрезентативности рейтинговых показателей, целесообразность отказа от чисто количественных исследований медиапотребления в пользу качественных и необходимость изучения *контекста* рецепции. Как пишет Г. Грей, «сила качественного подхода состоит скорее в *глубине* достигаемого понимания, нежели в его *охвате*» [1, с. 156]. Применение качественных методов, по

его словам, «углубляет исследовательский анализ» [1, с. 171]. А восприятие взаимосвязано с «общим культурным и социальным контекстом», в котором существует аудитория [1, с. 158]. По наблюдению Б. Ларкина, на способ восприятия того или иного типа медиа могут влиять и социальные отношения, и само по себе «физическое пространство просмотра» [5, с. 319–336].

Что здесь имеется в виду? «Громадные первоэкранные кинотеатры первой половины XX века совершенно по-другому структурировали пространство, чем современные мультиплексы в торговых центрах» [1, с. 172]. Сегодня сохраняются и старые «кинодворцы», и многочисленные промежуточные варианты, и арт-хаусные залы на двадцать человек. Кинотеатр располагается внутри определенного пространственного и социального ландшафта, «в напластованиях различных социальных и нравственных дискурсов» [1, с. 172]. Домашний же просмотр имеет собственные параметры.

В ответах студентов проявились любопытные тенденции. Оказывается, представители поколения Z смотрят кино теперь чуть ли не чаще, чем до пандемии (не надо идти в кинотеатр и покупать билет, можно оставаться дома). Они начали обращаться к различным новым платформам, подписались на платные ресурсы, связанные с кино, поняв, что нуждаются в отслеживании новинок и регулярных просмотрах того, что не успевали увидеть раньше. Кое-кто даже приобщился к классике и арт-хаусному кино. С учетом новых обстоятельств им приходится теперь делать выбор между несколькими разновидностями малого экрана: телевизором, компьютером или мобильным устройством, а не между большим и малым экранами. При этом ощущается недостаток прежнего, контактного общения со сверстниками. Но зрители не сильно жалеют об утрате (не всегда осознаваемой с точки зрения эстетической ценности) атмосферы большеэкранного, коллективного, «темнозального», непрерывного просмотра.

Между тем зрелища, сходство которых определяется их принадлежностью к экранной культуре, по сути своей имеют серьезные, хотя и слабо осознаваемые зрителями различия, когда они проецируются на экраны разных размеров. Безусловно, у аудио-

визуального контента, предоставляемого гаджетами, имеются и свои преимущества, состоящие в его доступности (с точки зрения времени и места просмотра) и возможности свободного обращения с ним (в смысле останковки, прокрутки, возвращения к пропущенному и т. д.). С другой стороны, в домашних условиях возникают серьезные потери качества просмотра. Ведь фильм, предназначенный для большого экрана, на малом выглядит совершенно иначе. А теле- и видеофильмы, создаваемые на видеоносителях, обладают своими особенностями по сравнению с пленочными кинолентами

Здесь следует вспомнить о разных эстетических эффектах большеэкранный и малозатрагивать кино, о которых писали исследователи экранной культуры еще на заре возникновения телевидения. Эффектах, во многом определяемых разными условиями восприятия фильма. 1) Большой экран способствовал совершенствованию качества изображения и поискам новых выразительных средств. Он, безусловно, способен эффективнее демонстрировать художественные особенности конкретного произведения, чем малый экран. 2) Кинозал создает возможность совместного восприятия фильма большим количеством людей, что рождает коллективную эмоцию и, в конечном итоге, способствует развитию жанров кино. Ибо жанр – не просто форма, но и особая природа чувств [3, с. 41]. 3) Все происходит в темноте кинозала, способствующей непрерывности демонстрации фильма и погружению в иллюзию, а значит, цельности восприятия, в отличие от дискретности, прерывистости просмотра киноленты с помощью гаджетов [4, с. 13]. В свое время перечисленные условия повлияли на приобщение кино к семейству традиционных искусств, оставив за телевидением право быть лишь «новой эстетической возможностью».

Что же смотрят молодые зрители в Интернете? Интересуются новым зарубежным, а теперь и отечественным кино, иногда с удивлением обнаруживая в последнем отсутствовавшие прежде либо в свое время не замеченные черты, сопоставимые с работами режиссеров мирового уровня. Отмечают свое возросшее внимание к анимации, японским аниме и даже к такому любо-

пытному явлению, как «анимадок». Прежде документалистика для них просто не существовала, а анимация воспринималась как детское кино. Хотя последняя относится к одному из самых условных видов кинематографа. О ней говорят, что она начинается там, где заканчиваются возможности других искусств. Молодые зрители пишут о визуальных приемах в кино, называют отдельные выразительные средства, замечают интересные режиссерские и операторские решения, Новый взгляд на вещи обусловлен растущим вниманием молодого поколения к киноформе, а не только к сюжетному построению картин. Родители же, находясь «во власти старых идеологий», не обращают внимания на форму кинозрелища, предпочитая рассуждать о содержании и идее просмотренного. Получается, что со старшими поколениями вкусы и предпочтения поколения Z разнятся. Советами умудренных опытом людей молодые граждане не пользуются, а «просто тихо мирятся» с ними. Но внутри их собственного поколения имеет место определенная общность взглядов. Это явствует не только из их деклараций, но и из текущих ответов. В качестве предпочтительных они перечисляют одни и те же имена кинематографистов и виды кино.

Однако, вспоминая любимые жанры, чаще других называют триллеры и комедии. Тот же исследователь Луков констатирует, что у молодежи обычно обнаруживают привязанность к развлечениям. Правда, автор тут же оговаривается: «в молодежной среде развлечение выполняет функцию коллективного освоения сложного социального мира», а потому не должно недооцениваться [2, с. 210]. Тем более что молодые зрители то и дело упоминают о своих растущих интеллектуальных запросах, замечая, что чаще стали обращаться к образовательным ресурсам. Однако в теории они явно не сильны, затрудняются определить самые общие понятия, такие, например, как «экранный образ» или «экранная культура».

Путь к решению проблемы мы видим в развитии визуального мышления у молодых людей (через показ фильмов, их обсуждение, встречи с создателями на фестивальных онлайн-площадках). Важной представляется также работа, связанная с выпуском

учебных газет, ведением зрительских арт-дневничков, выполнением учебных заданий, направленных на написание сценариев и съемки маленьких видеозарисовок в рамках университетских программ по практическому медиаобразованию.

Литература

1. Грей Г. Визуальная антропология / пер. с англ. М. С. Неклюдовой. – М. : НЛЮ, 2014. – 208 с.
2. Луков В. А. Знаки и символы молодежи. Энциклопедия гуманитарных наук // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 3. – С. 209–211.
3. Мясникова М. А. Жанры современного телевидения: от журналистского расследования до музыкального клипа. – Екатеринбург : Изд. дом «Дискурс-ПИ», 2009. – 174 с.
4. Мясникова М. А. Практика профессионального медиаобразования : учеб. пособие. – 3-е изд, стер. – М. : Флинта ; Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 180 с.
5. Larkin B. The Materiality of Cinema Theaters in Northern Nigeria // Media Worlds: Anthropology on New Terrain / ed. by F. Ginsburg, L. Abu-Lughod, B. Larkin. – Berkeley : University of California Press, 2002. – P. 319–336.

Новые рекламные медиа, встроенные в окружающее пространство, как выход из последствий коммуникативного кризиса современности

Аннотация. В данной статье автор рассматривает особенности и причины возникновения новых рекламных медиа в социокультурном городском пространстве. Глобальные изменения в коммуникативном пространстве современности, вызванные медиаинфляцией, отчуждением среды, становятся травматогенным фактором. Чтобы избежать чувства апатии, раздражения от непрерывного потока информации, недоверия рекламным медиа, необходимы новые формы рекламных коммуникаций, основанные на свободном выборе, ответственности и идентичности смыслов индивида и сообщения. Ненавязчивой, встроенной в городскую среду рекламной коммуникацией становится Ambient media.

Автором проведены социологические исследования с использованием качественной стратегии экспертных интервью (N = 22) и 4 фокус-группы активных горожан: студентов, родителей с детьми дошкольного возраста, работников науки, культуры и искусства, представителей бизнес-сообщества. Исследование выявило высокий уровень приятия Ambient media горожанами, а также наполнение окружающего пространства новыми жизнеутверждающими значениями посредством данной формы рекламы. Это доказывает тот факт, что новые рекламные коммуникации могут стать конструктивным сценарием выхода из кризиса современности.

Екатерина Александровна Голубкова, кафедра ИМК и брендинга Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Ключевые слова: Ambient media; рекламная коммуникация; новый тренд; социокультурное пространство; повседневность; медиаинфляция; социальные изменения.

Широкое распространение новых медиа – как информационных, так и рекламных – возникает вследствие серьезных изменений, происходящих в современном социокультурном пространстве [2]. Социальные изменения могут рассматриваться не только в парадигме идеализации прогресса и новаторства. Они становятся также причиной дискурса травмы современного человека.

Медиаинфляция и избыточность рекламной информации являются негативными последствиями [5] таких позитивных социальных изменений, как информационная революция, глобализация, развитие телекоммуникаций. Как позитивные, так и негативные изменения, по мнению Штомпке, могут нарушать «установленный мир жизни» и являться травматогенными. Речь идет о «травме, вызванной современностью» [12, с. 475].

Вслед за П. Штомпкой мы можем предположить, что традиционные формы рекламной коммуникации с присущими им явлениями перенасыщенности информацией, навязываемого характера сообщений могут стать причиной травматических изменений человека. Такие изменения выражаются в отсутствии доверия к традиционным формам рекламы. Согласно результатам исследований американской исследовательской компании Nielsen Global Trust (30 000 онлайн-респондентов в 60 странах мира с целью оценки потребительских настроений), полностью или частично доверяют рекламе на ТВ – 63 %, рекламе в газетах – 60 %, в журналах – 58 % [8]. В чем может выражаться травматогенный опыт в современном коммуникативном пространстве? Современный пользователь информации может быть подвержен апатии, ощущать чувство бессилия перед непрекращающимся потоком сообщений. Таким образом, реакцией на изменения становится апатичное снижение восприятия и интереса к рекламным сообщениям. Более того, человек может испытывать состоящие беспокойства и тревожности, также являющиеся следствием

травматических изменений современного общества в аспекте коммуникаций.

Актуальной представляется сегодня концепция одиночества, развиваемая философской мыслью в экзистенциальной модели бытия. Проблема одиночества, ставшая ядром анализа бытия Кьеркегора, Хайдеггера, Ясперса, получила свое развитие в концепции П. Сартра [10; 11]. Несмотря на свою социальность, человек всегда одинок, и чувство это глубоко бытийно и имеет само-разрушительные тенденции для сохранения одиночества своего «Я». Так П. Сартр объясняет осознанность выбора и ответственность человека за погружение в «одинокую свободу».

Если мы говорим о нетрадиционных рекламных медиа, то они возникают в ответ на запрос современного общества как новый способ взаимодействия с людьми – способ, основанный на свободном выборе человека [7], не навязанный, не агрессивный.

Одной из инновационных форм рекламной коммуникации является Ambient media – реклама, встроенная в окружающее нас пространство. Рассуждения современного философа П. Рокета [6] о возникновении феномена Ambient media перекликаются с дискурсом травмы П. Штомпки и экзистенциальными концепциями одиночества П. Сартра и К. Боумана. Ambient media возникает и распространяется как способ современного человека защититься от агрессивной внешней среды и найти свою социальную нишу, являющуюся безопасным и комфортным условием адаптации к избытку коммуникационных процессов. На примере развития Японии 70-х годов XX в. П. Рокет замечает массовую тенденцию обращения людей к культурно-эстетическим и социальным стилям Ambient (не навязанным, а включенным в окружающую среду) как «техникам самосохранения в условиях социальной и сенсорной бомбардировки современной городской жизни» [6]. Ambient media легко смешивается с повседневной жизнью. Эта новая форма рекламы становится частью опыта, фона, обстановки, всегда оставаясь как бы на заднем плане [1].

П. Рокет и М. МакКаллох [4] видят конструктивный сценарий выхода из травмы современности в распространении концепции ненавязчивости и включенности («Ambient») на коммуникацион-

ные процессы. Так, рекламные сообщения должны быть ненавязчивы, они могут быть естественным образом встроены в окружающую среду, не будучи принудительно или агрессивно внедренными. Именно тогда рекламные коммуникации смогут избежать травматогенной функции.

Сущность Ambient media созвучна концепции новых типов медиа Лумана – «символически генерализованных коммуникаций» [3; 9]. Новые медиа формируют новую мотивацию у индивида, так как построены по принципу приятия или неприятия. В основу успешной медийной коммуникации должны быть заложены процессы выбора для того, чтобы коммуникация стала успешной. Ambient media предлагает человеку свободный выбор распознавания кода рекламного сообщения, не навязывая содержание рекламного сообщения в отличие от традиционных форм рекламы. Желание человека вступать или не вступать в коммуникацию во многом зависит от предыдущего опыта соответствия содержания сообщения внутренним установкам и интересам индивида.

Наше исследование восприятия активными жителями большого города феномена Ambient media показало высокий уровень вовлеченности при взаимодействии человека с новыми медиа. Ambient media наделяет окружающую среду новыми образами и смыслами. Ambient media становится особым языком, с помощью которого город «говорит» о себе. «Такая реклама исправляет заведомо неценный архитектурный объект. Прошел бы и не повернулся, а теперь вместо остановки – микроволновка, еще и с реальным обогревом. Тебе делают хорошо даже на физиологическом уровне, тебе дарят тепло, а человек всегда хочет в тепло» (*Ирина, работник сферы культуры*).

В Ambient media горожане видят возможность самостоятельно влиять на городскую среду, изменять ее согласно своим установкам и ценностям. «Пример акции для банка. Чтобы перечислить деньги в благотворительный фонд, карту банка прикладываем к фасаду здания. В процессе переводов черно-белая картинка на здании превращается в цветную. Когда сбор закончится, появится общая сумма перечисленных средств. Так лично я создаю ту городскую среду, в которой мне хотелось бы жить» (*Андрей, бизнес-*

мен). Ambient media становится для горожан символом свободы и творчества. Яркие нестандарты «говорят» о свободе от границ, свободе самовыражения и волеизъявления. Таким образом город становится «своим». Люди принимают его через идентифицируемые смыслы и значения, заложенные в нестандартных формах рекламы. «Такие объекты сразу попадают в наш лексикон. Через неделю стали бы все встречаться “у печки”, а не на остановке. Это стал бы “секретик” для местных, наш секрет. Конечно, такие вещи делают для меня город более дружелюбным» (*Полина, студентка*). Чаще всего такая реклама создает позитивный настрой и наделена жизнеутверждающими смыслами. Абсолютное большинство активных горожан полагает, что присутствие Ambient media в Екатеринбурге – это повод для гордости.

Литература

1. Levordashka A., Utz S. Ambient awareness: From random noise to digital closeness in online social networks // *Computers in Human Behavior*. – 2016. – Vol. 60. – P. 147–154. – DOI 10.1016/j.chb.2016.02.037.
2. Lugmayr A., Serral E., Scherp A., Pogorelc B., Mustaqim M. Ambient media today and tomorrow // *Multimedia tools and applications*. – 2013. – Vol. 71. – P. 7–37. – DOI 10.1007/s11042-012-1346-z.
3. Luhmann N. *The Reality of the Mass Media*. – Stanford University Press, 2000.
4. McCullough M. *Ambient Commons: Attention in the Age of Embodied Information*. – MIT Press, 2013. – 351 p.
5. McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. – The MIT Press, 1994.
6. Roquet P. *Ambient Media: Japanese Atmospheres of the Self*. – Minneapolis, MN : University of Minnesota Press, 2016. – 245 p.
7. Rosengren S., Modig E., Dahlen M. The value of ambient communication from a consumer perspective // *Journal of Marketing Communications*. – 2015. – Vol. 21, Issue 1. – P. 20–32. DOI: 10.1080/13527266.2014.970825.
8. Shelton A. J., Wojciechowski L. P., Warner J. Ambient marketing practices in the United States: a professional view // *Communication Today*. – 2016. – Vol. 7, No. 1. – P. 66–80.

9. Назарчук А. В. Учение Никласа Лумана о коммуникации – М. : Весь мир, 2012. – 248 с. – URL: <http://znanium.com/catalog/product/1014351> (дата обращения: 11.03.2021).

10. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / пер. с фр. М. Грецкого. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1953. – 42 с.

11. Сартр Ж.-П. Стена. Избранные произведения. – М. : Изд-во политической литературы, 1992. – 480 с.

12. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. – М. : Логос, 2005. – 664 с. + 32 с. цв. вкл.

Медиавовлеченность поколения «зет», цифровая прозрачность и сетевая власть

Аннотация. Предмет исследования в данной публикации – противоречивое единство медиаторчества поколения «зет» и его цифровой беспечности. Очарованность сетевой свободой должна смениться трезвым анализом власти коммуникационных платформ. Политические конфликты последних лет в США, России и Китае обнажают скрытые механизмы сетевой власти и ее «дирижеров».

Ключевые слова: медиавовлеченность; медиапотребление; медиаторчество; поколение «зет»; парадокс цифровой конфиденциальности; сетевая власть; сетеобразующая власть.

1. Коммуникационный мир, в котором взрослеет российское поколение «зет», – результат слияния трех технологических прорывов: создания Интернета и широкополосного доступа; появления мобильной связи и смартфонов, стремительного развития социальных сетей. В России коммуникационные возможности, рожденные цифровой революцией, стали массово доступны в полном объеме лишь к 2012 году, когда появились дешевые смартфоны и дешевые тарифы мобильной связи. Пожалуй, лишь с этого времени в России стало явью полноценное

Светлана Дашиевна Балмаева, канд. филос. наук, доцент, декан факультета журналистики и медиакоммуникаций АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Елена Владимировна Шлегель, преподаватель факультета журналистики и медиакоммуникаций, аспирант 4-го курса направления «Философия, этика и религиоведение», АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

вхождение в мир «массовой самокоммуникации» [5]. Назовем это началом «информационного самообслуживания населения».

2. Сегодня «данные» и медианосители являются тканью социальной материи, они вездесущи, как воздух. Почти каждый молодой человек настолько тесно связан со своим смартфоном, что гаджет является продолжением его руки–глаза–уха и мозга. Медиапотребление равно часам бодрствования, встроено в структуру личной жизни и происходит «на лету». По данным исследования компании We Are Social, среднестатистический житель планеты проводит в онлайне практически семь часов каждый день [3]. По признанию же наших студентов, их медиавключенность через мобильный равна 11 часам в сутки и более. Технологичность смартфона и предоставляемые им возможности определяют основные жизненные практики человека: язык общения, доступные схемы категоризации, навигацию, эмоциональный опыт и житейские навыки.

3. Привычность постоянной жизни с алгоритмами персонализации, «в обнимку с мобильником», создает соблазн свободного и легкого входа в «медиатворчество». Информационная самостоятельность, развитие в сетевом мире реальной демократии медиапроизводства впервые в истории человечества создали возможность безграничного речевого и визуального многообразия и проникновения в глубинные структуры социализации. Для поколения «зет» процесс социализации и самоактуализации неразрывно связан с той формой медиатворчества, которая обеспечивается актуальными на данный момент медианавыками конкретной личности. Молодые респонденты недавно проведенного исследования медиапотребления «цифровой молодежи» воспринимают **«свой смартфон как элемент самоидентификации и самовыражения. В самом гаджете содержится много личной информации, поэтому он воспринимается как некое продолжение личного пространства или даже *продолжение личности*»** [1, с. 3–27]. Свобода, даруемая смартфоном, позволяет вырваться из того житейского социального контекста офлайн, в котором заперт его обладатель, и найти друзей и «точку опоры», свою референтную группу в онлайн-коммуникации.

4. Столь глубинная связь молодых людей со своим коммуникационным устройством – тема для отдельного детального исследования. Ведь постоянная медиавключенность лишает человека даже минутной «остраненности» для понимания того факта, что смартфон, обеспечивая его доступной связью, делает его жизнь абсолютно «прозрачной». Уязвимость тайны частной жизни в условиях постоянной включенности в сеть становится очевидной лишь в крайних случаях, и это требует особого навыка рефлексии (!) и сознательных усилий по ограничению легкой «мобильной навигации». В отчете Digital 2020 можно увидеть, что в современном мире возникает «парадокс цифровой конфиденциальности»: многие люди действительно обеспокоены конфиденциальностью в сети, но при этом всё чаще впускают в свою жизнь устройства и технологии, которые собирают интимные сведения о нас. При этом, по данным исследовательниц Э. Харгиттаи и А. Марвик, парадокс приватности не является отличительной чертой молодого поколения, ему также подвержены и люди зрелого возраста [4]. Сниженный же интерес «цифрового поколения» к собственной цифровой безопасности отражает апатию, вызванную мыслями о невозможности достижения максимальной сохранности своих персональных данных в сетевом пространстве.

5. Критическая рефлексия – навык, формирование которого связано с развитием книжной культуры. Несмотря на шесть веков ее существования, власть печатного слова вошла в обыденную жизнь людей массы, по сути, только в двадцатом веке. Критичное отношение к средству коммуникации – феномен второй половины двадцатого века. Скептическое зрелость и подозрительное отношение к возможной манипуляции со стороны владельцев средств коммуникации и других участников медиапроизводства – важный социальный навык в европейской интеллектуальной культуре. Развитие системы медиаобразования в европейских школах первоначально и было нацелено на раскрытие невидимой власти медиа и воспитание критического дистанцирования от обольстительных средств коммуникации. В России эта важная задача медиаобразования постепенно решается с помощью онлайн-семинаров в вузах и школах.

6. Тем не менее обольстительность информационного самообслуживания населения постоянно воссоздает видимость безграничного медийного творчества, доступного любому владельцу смартфона. В борьбе за виральность контента схлестнулись профессиональные и непрофессиональные игроки, талантливые блогеры и «фабрики ботов». В итоге можно констатировать крах экспертизы, вакханалию кражи контента, дезинформации и манипуляции. Этот новый медиахаос, однако, имеет скрытую систему, управляемую новыми «дирижерами», представляющими сетевую власть.

7. Кто эти дирижеры? Мануэль Кастельс в работе «Власть коммуникации», рассматривая власть как структурную способность одного социального актора навязать свою волю другим социальным акторам, выделяет разные группы дирижеров: **власть внутри сети**, обеспечивающую нормы и правила платформы (decision-making network) и созданную с целью управлять программами сети, и **сетевобразующую власть владельцев данной формы социального программирования – силы создания сети (network-making power)** [2, с. 60–72].

8. Политические скандалы последних лет обнажили столкновение интересов государственных структур и сетевобразующей власти в США, России и Китае. Ярким примером эффективно противостояния и сотрудничества государственной и сетевой властей стала де-платформизация Д. Трампа и его сторонников. Поэтому яростная настойчивость офлайновой политической власти получить полную информацию о «цифровых следах» граждан должна избавить нас от «сетевой беспечности» и апатии. И хочется надеяться, что даже при 11-часовой мобильной включенности у «зетов» постепенно сформируется понимание скрытых механизмов управления в сетевой власти и критическая осторожность сформирует потребность и навык цифровой безопасности.

Литература

1. Дунас Д. В., Варганов С. А., Кульчицкая Д. Ю. и др. Мотивационные факторы медиапотребления «цифровой молодежи» в России: резуль-

таты пилотного исследования // Вестник Московского ун-та. – 2020. – № 2. – С. 3–27.

2. Кастельс М. Власть коммуникации : учеб. пособие / пер. с англ. Н. М. Тылевич ; под науч. ред. А. И. Черных. – М. : ГУ ВШЭ, 2016. – 563 с.

3. Digital 2020: 3.8 billion people use social media // We Are Social : Official website. – 2020. – URL: <https://wearesocial.com/blog/2020/01/digital-2020-3-8-billion-people-use-social-media> (дата обращения: 06.06.2020).

4. Hargittai E., Marwick A. “What Can I Really Do?” Explaining the Privacy Paradox with Online Apathy // International Journal of Communication. – 2016. – № 10. – P. 3737–3757.

5. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. – Vol. 1 : The Rise of the Network Society. – 2nd Edition with a New Preface edition. – Wiley-Blackwell, 2009.

Е. И. Маковкина, З. В. Нестерова

Поколение Z и форматы рекламы на YouTube

Аннотация. YouTube – крупнейший цифровой видеоканал в Интернете, большая площадка для размещения рекламы. Поколение Z – цифровые аборигены, одни из основных потребителей видеоконтента. В статье рассматриваются рекламные форматы YouTube и отношение поколения Z к данным форматам.

Ключевые слова: поколение Z; цифровые аборигены; реклама; YouTube.

Средства массовой информации и индустрия развлечений существенно изменились; потребители имеют неограниченный и доступный контент. От компаний требовалось быстро адаптироваться к изменяющимся условиям, чтобы оставаться конкурентоспособными. Маркетологи воспользовались появившимися возможностями и создали несколько рекламных форматов для развлекательных онлайн-платформ. Эти форматы рекламы настраиваются для достижения различных целей компании, таких как повышение узнаваемости бренда, охвата или продаж; это обуславливает различие в структуре и оформлении форматов рекламы. Растущее потребление онлайн-видео в сочетании с возможностью таргетинга целевой аудитории на основе местоположения, демографических характеристик или интересов делает онлайн-видео самым быстрорастущим цифровым каналом

Елизавета Игоревна Маковкина, ассистент кафедры маркетинга и международного менеджмента, ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Зинаида Васильевна Нестерова, канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры маркетинга и международного менеджмента ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (г. Екатеринбург, Россия).

по расходам на рекламу [2]. Согласно мнению специалистов по маркетингу, видеореклама с возможностью ее пропуска, воспроизводимая непосредственно перед продвигаемым видео, считается наиболее эффективным форматом рекламы на YouTube [3]. Несмотря на то что форматы рекламы созданы для более эффективного достижения конкретных целей, неясно, как разные типы форматов рекламы влияют на отношение и поведение потребителей цифрового поколения Z, возрастной группы, которая больше всего потребляет онлайн-развлечения. Поскольку поведение потребителей поколения Z отличается от поведения любого другого поколения, текущая маркетинговая практика может не принести того же результата, что и для потребителей старшего поколения. Цифровые аборигены технически более продвинуты и менее терпимы к рекламе, что делает их более склонными к использованию блокировщиков рекламы. Для эффективной ориентации на цифровое поколение стали появляться более персонализированные, аутентичные, развлекательные рекламные объявления, идеально соответствующие интересам целевой аудитории. Понятно, что содержание рекламы играет важную роль, когда маркетологи нацелены на цифровых аборигенов. Однако неясно, как это новое поколение онлайн-потребителей реагирует на то, как им преподносится реклама на YouTube, одном из самых посещаемых веб-сайтов в мире.

Рекламные форматы определяют как вид, каким представляется реклама аудитории. Данные форматы влияют на воспринимаемую ценность рекламы, между форматами рекламы существует разный уровень раздражения, поэтому выводы, касающиеся одного формата, нельзя перенести на другие онлайн-форматы рекламы. Тем не менее глобальное исследование определило, что потребители поколения Z в целом менее положительно относятся ко всем форматам рекламы, в отличие от других поколений [1]. Молодежь гораздо более разборчива в отношении цифровой видеорекламы, чем потребители старшего возраста. Молодые люди демонстрируют положительное отношение, когда получают компенсацию за просмотр рекламы (например: награды в мобильных играх за просмотр 15–30-секундного видео) или когда они

контролируют воспроизведение рекламы. В целом поколение Z более открыто для рекламы, когда к ней подходят творчески, более искусно с помощью спонсируемого контента на платформах социальных сетей, и кажется менее снисходительным, когда дело касается форматов, которые не предполагают пользовательского контроля, например, всплывающих окон или видео, которые нельзя пропустить.

YouTube предлагает 6 рекламных форматов: видеообъявления с возможностью пропуска, видеообъявления без возможности пропуска, объявления-заставки (видео), оверлеи (текстовые или графические в нижней части проигрывателя), рекламу в виде страницы просмотра (медийные объявления), подсказки (интерактивные элементы в видео – рекламные карточки).

Учитывая неограниченный контент внутри и между онлайн-развлекательными платформами, а также разнообразие поколения Z, важно поддерживать уже существующую аудиторию канала YouTube. Поскольку подростки испытывают большое давление, одна из основных причин посещения YouTube – отдохнуть от повседневных стрессов, но слишком много раздражающих факторов может заставить зрителя переключиться на другой канал или платформу. Формат рекламы с возможностью пропуска является общепринятым форматом рекламы, который можно использовать для пользователей YouTube, основная аудитория которого состоит из цифровых аборигенов. Видеообъявление с возможностью пропуска работает так же и даже лучше, чем для других поколений. Просмотр рекламы с возможностью пропуска в течение 8 секунд оказывает почти такое же влияние на запоминаемость сообщения и бренда, как и просмотр рекламы без возможности пропуска. Что касается отношения поколения Z к форматам видеообъявлений, то существенных различий не обнаружено. Тем не менее зрители положительно воспринимают рекламу с возможностью пропуска, что может повысить их лояльность и мотивацию к платформе и улучшить их общее впечатление. Видеообъявление без возможности пропуска рекомендуется размещать только перед видео, которые, как ожидается, получат относительно большое количество просмотров (по сравнению

со средним показателем просмотров канала на видео) из-за уникальности или модности этого видео. Точно так же объявление-заставку рекомендуется размещать в видеороликах, которые содержат ценный или интересный контент, непосредственно перед интересной частью. Таким образом, потребители поколения Z получают «вознаграждение» сразу после просмотра рекламы, что снижает вероятность ухода с канала.

Если планируется размещать рекламу для поколения Z на YouTube без видеорекламы, рекомендуется выбрать медийную рекламу или подсказки, чтобы избежать потенциальных негативных последствий навязчивой рекламы для рекламируемого бренда. Оверлейная реклама считается более раздражающей и менее эффективной, чем медийная реклама и подсказки. Этот формат рекламы имеет самый низкий рейтинг кликов. Наконец, рекламные карточки являются наиболее приемлемым способом рекламы для поколения Z. Рекомендуется использовать этот формат рекламы и даже упоминать о существовании этих карт в видео в нужный момент, чтобы генерировать больше кликов по ним. В связи с этим отвлечение от контента будет минимальным, и зритель сможет решить сам, заинтересован ли он в просмотре рекламной карточки-подсказки или нет.

Таким образом, даже для родившегося во время расцвета информационных технологий и рекламы поколения Z ощущается разница в потреблении различных форматов рекламы на платформе YouTube.

Литература

1. Рожина Е. Ю., Селиванова И. В. Поколение Z как потребители товаров и услуг // Российское предпринимательство. – 2017. – № 24. – С. 4290–4300.
2. Duffett R. The YouTube marketing communication effect on cognitive, affective and behavioural attitudes among Generation Z consumers // Sustainability. – 2020. – Vol. 12, № 12. – P. 5075.
3. Kang M. J., Jeong E. J., Cho H. Y. The Immersion factors and characteristics of YouTube Channels for Generation Z // The Journal of the Korea Contents Association. – 2020. – Vol. 20, № 2. – P. 150–161.

Цифровые технологии и медиапланирование

Аннотация. В настоящей работе представлены цифровые технологии оптимизации размещения рекламы, построенные на базе экономико-математической теории медиапланирования. Использование цифровых технологий в медиапланировании существенно повышает эффективность рекламы за счет возможности количественной оценки эффективности различных вариантов ее размещения и поиска варианта с минимальным риском неэффективного размещения рекламы.

Ключевые слова: медиапланирование; цифровые технологии; оптимизация; размещение рекламы.

Объем российского медиарекламного рынка, по данным Ассоциации коммуникационных агентств России (АКАР), составил 494 млрд руб. в 2019 г. и 469 млрд руб. – в 2018-м (<http://www.akarussia.ru>). Огромные объемы медиарекламного рынка указывают на актуальность *оптимизации* рекламных бюджетов, поскольку каждый рубль может быть инвестирован в рекламу либо эффективно, обеспечивая возврат инвестиций, либо неэффективно, что приводит к убыткам – прямым или в виде упущенной выгоды. Необходимым условием эффективности планирования рекламы является использование научно обоснованных технологий размещения рекламы, которые разрабатываются в рамках той или иной количественной теории медиапланирования.

На рис. 1 представлено схематическое изображение технологии планирования рекламы, основанной на экономико-математической теории медиапланирования, изложенной в работе

Георгий Артемович Шматов, канд. физ.-мат наук, доцент, ст. научный сотрудник, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

автора [1]. Технология медиапланирования включает в себя комплекс взаимосвязанных методов и средств, совместное функционирование которых обеспечивает ее эффективность:

1) *экономико-математическую теорию* медиапланирования, позволяющую оптимизировать размещение рекламы;

2) методику *измерений* параметров теории (параметры рынка и эффективности; рейтинги и предельные охваты СМИ), осуществляющих связь теории с реальным рынком и медиапространством, в котором размещается реклама;

3) *инструмент* практического медиапланирования – медиапланер, с помощью которого любой менеджер по рекламе может оптимизировать план размещения мультимедийной рекламы и оценить коммуникативную и экономическую эффективность планируемых вариантов размещения рекламы.

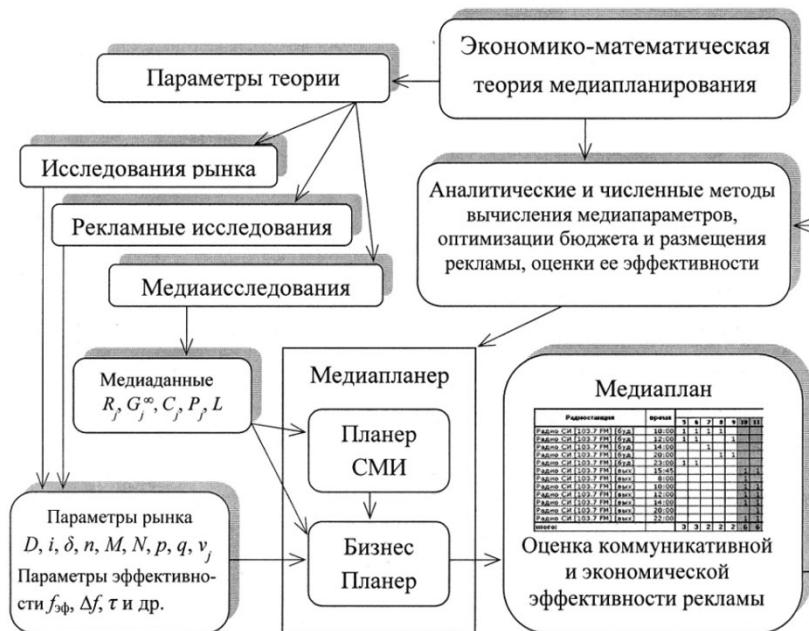

Рис. 1. Технология медиапланирования

Процесс оптимизации медиаплана может быть представлен в виде двух следующих этапов.

– *Первый этап.* В соответствии с маркетинговой стратегией формулируется *цель* рекламы, определяются *целевая аудитория, территория и сроки* ее размещения. В соответствии с целью рекламы разрабатываются рекламные материалы, способные эффективно донести рекламное сообщение до аудитории. Осуществляется предварительный отбор медиа для размещения рекламы. Отбор осуществляется в следующей последовательности:

а) выбор типов медиа (ТВ, радио, пресса, наружная реклама, Интернет и т. п.), исходя из их способности эффективно донести рекламное сообщение до целевой аудитории;

б) выбор конкретных медиасредств по индексам соответствия A (выбираются СМИ с наибольшими индексами), по СРР (выбираются СМИ с меньшими СРР), по S -индексам и рейтингам R (выбираются СМИ с наибольшими S -индексами и рейтингами). Выбор СМИ для размещения рекламы осуществляется по данным измерений перечисленных выше медиапараметров (их определения даны в приложении 2 работы [1]).

– *Второй этап.* Осуществляется оптимизация медиаплана в соответствии с выбранным критерием эффективности. Для оптимизации используются СМИ, отобранные на первом этапе.

С практической стороны оптимизация осуществляется с помощью программы по медиапланированию – медиапланера, функционирующего на основе алгоритмов численной оптимизации целевых функций коммуникативной и экономической эффективности рекламы. С помощью медиапланера выявляется оптимальное распределение чисел размещения рекламы в СМИ. Процедура оптимизации осуществляется в соответствии с тем или иным *критерием эффективности*, соответствующим поставленной цели рекламы. Например, если целью рекламы является достижение заданного рекламодателем уровня *припоминания* марки, то в качестве критерия эффективности может быть выбран *эффективный охват* – доля аудитории, получившая эффективное число контактов, обеспечивающее припоминание марки. В про-

цессе оптимизации можно использовать следующие формулировки критериев эффективности размещения рекламы:

1) обеспечить соответствующий поставленной рекламной задаче уровень эффективного мультимедийного охвата $G_{эф}$ (доли голоса S , прогнозируемого дохода I или прибыли P , других целевых функций) при *минимальном* рекламном бюджете V ;

2) обеспечить наибольший уровень эффективного охвата $G_{эф}$ (доли голоса S , прогнозируемого дохода I или прибыли P) при заданном рекламном бюджете V .

Использование количественных методов медиапланирования дает возможность существенно экономить рекламный бюджет по сравнению с медиапланами, разработанными без использования этих методов. На основе количественных методов разработаны различные компьютерные программы для практической оптимизации размещения рекламы. Компьютерная программа ЕМР представляет собой многофункциональную программу по медиапланированию (см. гл. 7 работы [1]). С помощью ЕМР можно оценить эффективность различных вариантов размещения рекламы в СМИ, используя широкий набор критериев эффективности. Для работы с ЕМР требуется минимум данных медиаисследований: рейтинги и предельные охваты медиа, а также параметры эффективности контактов – эффективные частоты $f_{эф}$ контактов с рекламой в медиа разных типов. ЕМР позволяет вычислять все основные характеристики мультимедийной рекламной кампании: эффективный охват аудитории $G_{эф}$, распределение охвата по числу контактов $g(f)$, среднюю частоту контактов $f_{ср}$, долю рекламного голоса S и др. Кроме того, в ЕМР реализована возможность учета влияния рекламы конкурентов на поиск оптимального плана размещения рекламы. Оптимальный бюджет и его распределение по типам медиа находятся в процессе оптимизации размещения рекламы, осуществляемой в рамках следующих критериев:

– максимизации мультимедийных эффективных охватов ($G_{эф}$, $G_{МIX}$) с учетом синергии рекламных контактов при фиксированном рекламном бюджете;

– максимизации доли рекламного голоса S или прогнозируемой прибыли P при фиксированном рекламном бюджете;

– минимизации рекламного бюджета при заданных охватах $G_{эф}$ или G_{MIX} ;

– минимизации рекламного бюджета при заданном уровне доли рекламного голоса S или прогнозируемой прибыли P .

Планер позволяет использовать в процессе планирования все основные типы медиа: телевидение, прессу, радио, наружную рекламу, Интернет и др. Окна программы EMP изображены на рис. 2.

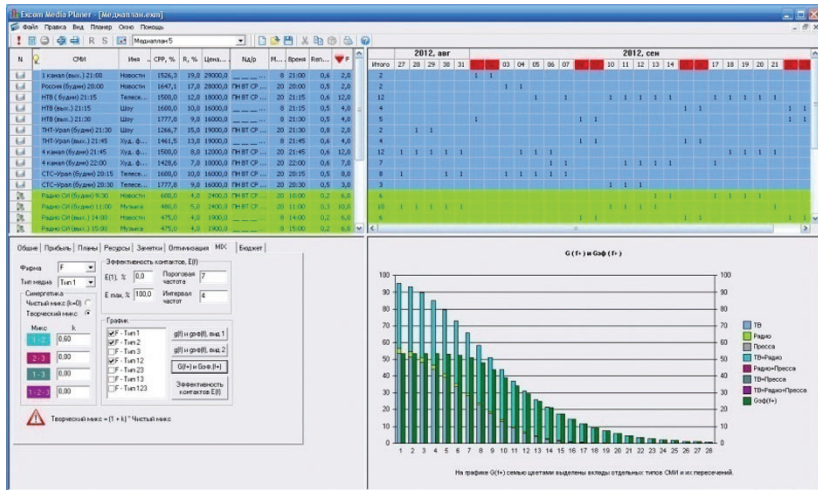

Рис. 2. Окна документа EMP со списком СМИ, календарным планом, параметрами эффективности и графиками эффективных охватов

В EMP предусмотрена оптимизация размещения рекламы в соответствии с одним из четырех критериев эффективности (режимов оптимизации), которые задаются на вкладке *Общие* третьего окна:

- по прибыли P (см. гл. 6 работы [1]);
- по доле рекламного голоса S (см. гл. 4);
- по эффективному охвату $G_{эф}$ (см. гл. 3);
- по мультимедийному эффективному охвату G_{MIX} (см. гл. 3, 7 работы [1]).

Использование программы по медиапланированию позволяет существенно повысить эффективность работы специалистов по рекламе, поскольку дает возможность принятия решений на основе количественной оценки рисков различных вариантов размещения рекламных материалов в СМИ и выбора варианта с *минимальным* риском неэффективного размещения.

Литература

1. Шматов Г. А. Основы экономико-математической теории медиапланирования : учебное пособие. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М : ЛЕНАНД, 2021. – 456 с.

Е. В. Андреева, С. В. Георгий

Подкасты как новая коммуникационная реальность и медиаобразовательная практика современной действительности

Аннотация. В условиях изоляции повысилась ценность коммуникации. Новой формой коммуникационной реальности стали подкасты, благодаря которым человек смог удовлетворять свои потребности в общении. Прослушивая выпуск подкаста, человек чувствует свою сопричастность с ведущими, с темой и миром в целом, может в комментариях делиться своими мыслями, суждениями, чувствами, осуществляя самоактуализацию.

Ключевые слова: коммуникация; самоактуализация; подкасты; медиаобразовательное пространство; аудиоблоги; ток-шоу; интервью; контент.

В современном мире коммуникации являются не только необходимым условием и следствием всякой деятельности, они стали важной ценностью. У многих людей Интернет в условиях изоляции стал единственным источником получения информации, а также способом опосредованного общения. Всегда во взаимодействии с другим человеком, а порой и в общении с самим собой мы представляем образ другого, строим с ним диалог, дискутируем во внутреннем разговоре. В связи с этим во время

Елена Владимировна Андреева, канд. ист. наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Софья Всеволодовна Георгий, студентка 4-го курса очной формы обучения направления Реклама и связи с общественностью факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

карантина актуальность подкастов в России выросла в несколько раз.

Подкаст дает возможность ощутить себя в компании людей, которые общаются на определенные темы, а также позволяет удовлетворить потребность в общении. Прослушивая выпуск подкаста, человек чувствует свою сопричастность с ведущими, с темой и миром в целом. Огромную популярность набирают подкасты среди молодежи.

Подкаст отвечает за следующие функции коммуникации:

- связующую – объединяющую людей в общении;
- формирующую – помогающую сформировать личностные качества человека;
- внутрличностную – обеспечивающую общение человека с самим собой;
- подтверждающую – дающую человеку в процессе общения понимание, что он существует [1, с. 38].

Подкаст – отдельный выпуск или регулярная серия выпусков, опубликованных на подкаст-платформе с возможностью прослушивания, это новый способ передачи информации в России, который быстро набирает обороты [6, с. 52]. Он представляет собой аудиоформат или блог, который можно найти на разных площадках в Интернете. Именно слово «блог» отличает подкаст от всех аудиоформатов, например от радио. Подкаст слушают осознанно, испытывая искренний интерес к теме выпуска или его ведущего. Одним из преимуществ подкаста является то, что человек может получать информацию, а именно – слушать подкаст в любое удобное для него время, а также заниматься своими делами во время его прослушивания, может ставить на паузу подкаст или перемаывать выпуск. Эти свойства сделали подкаст одним из наиболее эффективных каналов коммуникации с целевой аудиторией.

По форме проведения дискуссии существуют следующие виды подкастов:

- аудиоблоги – блоги ведущих об их жизни;
- ток-шоу – обсуждение ведущим новостей и событий с новым гостем;

- интервью – обсуждение внешних событий гостя, его жизни и планов [4, с. 89].

Подкаст отличается от вирусных видео из YouTube или TikTok тем, что он подразумевает глубокий контент, так как, включая выпуск, слушатель делает осознанный выбор, полностью погружаясь в выбранную тему. Постоянные слушатели подкаста, примерно 80 % аудитории, не выключают выпуск до конца, а также они не перематывают рекламные вставки. Последнее связано с тем, что тематика рекламы совпадает с теоретическим содержанием подкастов.

По данным исследования компании «Tiburon Research», из всей аудитории в Интернете – 26 % являются слушателями подкастов [2]. Самыми популярными подкастами в 2020 г. стали: подкаст «Лайфхакера», «Слушай, Алиса!», «Медуза в курсе» [2]. Многие организации начали записывать свои подкасты, приглашать звезд, проводить с ними интервью, освещать новости и т. п. [5].

По тематике подкасты бывают музыкальные, развлекательные, интеллектуальные.

Одной из таких организаций, начавшей использовать подкаст для создания коммуникационного культурного пространства, стала Свердловская государственная детская филармония (СГДФ).

Детская филармония запустила свой подкаст под названием «Как по нотам». Это подкаст – аудиоблог о культурной составляющей нашей жизни, о том, как мы чувствуем стихи, музыку, о создании и о восприятии. Подкаст разделен на несколько эпизодов, каждый из них имеет свою тематику и гостей. Особенностью подкаста «Как по нотам» стало то, что тематика подкаста многогранна, она может рассказать слушателям о любви к стихам, о возможностях голоса, о современных трендах в музыке и так далее, а также служить для ознакомления и приглашения слушателей на концерты в филармонию. Детская филармония создала свой первый подкаст под названием «Как по нотам» для того, чтобы поддерживать коммуникацию со своей целевой аудиторией, чтобы формировать у людей чувства общности, культурно-

го единства, принадлежности к важным ценностям и высокому культурному пространству.

На сегодняшний день детская филармония осуществила 2 выпуска подкаста под разными темами: 1) «Пять причин любить поэзию» и 2) «Голос, который всегда с тобой». В первом подкасте ведущий с гостем обсудили, какие же есть причины не любить поэзию и почему многие люди любят поэзию. Во втором выпуске главной темой стал голос, его особенности и характеристики, возможности его использования.

В настоящий момент подкаст «Как по нотам» доступен на 8 площадках: «ВКонтакте», Spotify, RadioPublic, «Карманные слепки», «Google Подкасты», «Выключатель», «Якорь», «Яндекс.Музыка». В первые дни запуска 1-го выпуска подкаста «Как по нотам» набралось около 30 прослушиваний выпуска и более 1 тысячи просмотров в социальной сети «ВКонтакте».

В дальнейшем детская филармония планирует развивать подкаст, приглашать больше гостей и обсуждать новые темы. Любой желающий может присоединиться к беседе, почувствовать атмосферу доброжелательного разговора по ссылке: <https://anchor.fm/likenotes> или в «ВКонтакте» (https://vk.com/detskayafilarmonia?w=wall-51542877_2736). Все слушатели подкаста могут написать свои предложения и рекомендации: <https://vk.com/detskayafilarmonia> (в комментариях).

На сегодняшний день человек не успевает уследить за всем потоком информации, и, чтобы быть в курсе, он может воспользоваться возможностями подкаста.

Поскольку «коммуникация – это общение людей, которое включает обмен идеями, мыслями, чувствами, информацией» [3, с. 195], то и подкасты становятся новой коммуникационной реальностью, которая позволяет приобщиться к миру культуры, стать ресурсом нового медиаобразовательного пространства, позволяющего сделать свои мысли доступными и понятными другому человеку, донести до него смысл высказывания и выразить свои чувства, выстроить отношения.

Литература

1. Гнатюк О. Л. Основы теории коммуникации : учеб. пособие. – М. : Проспект, 2013. – 359 с.
2. Подкасты: аудитория, рейтинги подкастов и подкастеров // Tiburon Research. – 19.02.2020. – URL: <https://tiburon-research.ru/cases/issledovanie-podkasty-auditoriya-reytingi-podkastov-i-podkasterov> (дата обращения: 25.03.2021).
3. Коротков Э. М. Менеджмент : учебник для бакалавров. – М. : Юрайт, 2012. – 640 с.
4. Майнцер К. Взрывной подкаст. Как создать успешный проект от идеи до первого миллиона. – М. : Бомбора, 2020. – 150 с.
5. Силкин А. С. Подкастинг как инструмент маркетинговых коммуникаций // Инновационное развитие : материалы I Молодежного экономического форума, 13–14 ноября 2008 года, г. Петрозаводск / редкол.: Т. А. Лебедева, Е. В. Жирнель, Ю. В. Савельев. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2009. – С. 66–68. – URL: http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/publ2009/Innov_razv_066-68.pdf (дата обращения: 25.03.2021).
6. В голос! Нескучное руководство по созданию подкаста / А. Степанова, М. Козинаки, О. Птицева, Е. Спащенко, С. Христолюбов. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2020. – 280 с.

Раздел шестой

Последствия пандемии COVID-19 и стратегии выживания предприятий сферы туризма и HoReCa в период кризисов

Экзистенция локдауна и туризм

Аннотация. В настоящей статье рассмотрено воздействие пандемии на сферу туризма, в том числе определены проблемные области и выявлены возможные пути их решения.

Ключевые слова: пандемия; экзистенция локдауна; туризм; внутренний туризм; турдеятельность.

Туризм породила массовая урбанистическая культура [1]. Человек как продукт биологической эволюции появился не в городской среде с ее скоплением людей, шумом, стрессогенностью, отдаленностью от природы, с искусственностью. Но для человека индустриального и постиндустриального города эта среда стала постоянным местом обитания. «Искусственное» (город) и «естественное» (природа, село) поменялись для него местами [2, с. 28; 3, с. 50–53]. Правда, городская экзистенция нуждается в своей противоположности – в рустической экзистенции. Горожане, устав от напора урбанистических джунглей, устремляются в село, на дачу, к морю, в горы и т. п. Однако не меньшее их количество путешествует в другие города за новыми культурными достопримечательностями и впечатлениями. Кто-то, убегая от рутины повседневной жизни, «отрывается по полной» в барах, ночных клубах и т. п. Кто-то стремится к экзотике. Все эти потребности и прихоти современный туризм удовлетворяет. Точнее, имея в виду сегодняшний день, – удовлетворял.

Обрушился на мир коронавирус, и, практически, все типы и подтипы туристов («коллекционеры впечатлений», эскаписты, искатели покоя и гармонии, любители шопинга и событийных ту-совок и т. д. и т. п.) – оказались в ловушке локдауна, ограничений, кризиса, невозможности въезда/выезда в/за пределы своего ме-

Людмила Анатольевна Мясникова, д-р филос. наук, профессор, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

ста постоянного проживания. Все стадии «Чумы» Альбера Камю люди разных стран пережили (кроме завершающей, когда чума закончилась). Кто-то не верил, кто-то пытался выкарабкаться, кто-то отчаивался, кто-то совсем изолировался, некоторые бунтовали (и бунтуют), пандемия продолжается.

Бизнес во всем мире отброшен назад. В России, по итогам исследований, проведенных по инициативе бизнес-омбудсмена Бориса Титова в феврале 2021 г. (опрошено 5 000 компаний), только 20 % не заметили серьезного снижения спроса, у 40 % компаний спрос упал более чем в полтора раза, у 60 % – выручка уменьшилась более чем на 30 %. Фонд зарплаты урезали на 45 %. Прогноз на 2021 г. пессимистичен: только 19,1 % надеются на постепенное восстановление потерь 2020 г., каждая десятая компания готовится к закрытию. В числе проблем отмечаются: слабый спрос, невозможность платить налоги, нехватка средств на зарплату и страхование, неплатежи контрагентов и партнеров, проблемы с поставками. Если в 2020 году банкротств было не слишком много, то в 2021 году ожидается «взрывная волна банкротств».

В туристской отрасли ситуация не лучше, если не хуже. Турдеятельность многокомпонентна, организация туристских путешествий предлагает перевозку, проживание, питание, экскурсионные, лечебные, анимационные программы и еще много чего другого (в зависимости от вида туризма и места временного пребывания). По мнению Е. В. Ползиковой и А. А. Юрченко, «вся туристская отрасль находится в состоянии идеального шторма» [5, с. 98]. Во-первых, турфирмы не могут вернуть туристам средства за несостоявшиеся туры. Пока они предлагают ваучеры и сертификаты в качестве «гарантий» на более поздние туры. Но гарантии не очень-то прочные. Доход за год снизился на \$450 млрд. И «действующая негативная тенденция повлияет на показатели мирового туризма на 5–7 лет» [5, с. 99]. Сначала были надежды на восстановление туризма к осени 2021 года, сейчас – осторожные прогнозы на 2024-й. Плохи дела у авиакомпаний (до 92 % международных рейсов отменены по версии IATA), сотни и тысячи отелей закрываются. В апреле российские туроператоры сдают

отчеты и должны делать взносы в туристские фонды, возобновлять страховые гарантии. Но «где деньги взять?».

В реестре выездных туроператоров на 25 марта 2021 года числились 393 турфирмы, вместо 2,5 тысячи пятью годами ранее. За 11 месяцев 2020 года исчезла 231 выездная турфирма. Аналитики полагают (их прогнозы разнятся, но тенденция – общая), что до лета 2021 года большинство турфирм разорится.

Государство уверяет, что Россия из экономического хаоса выйдет мягче и спокойнее, чем многие другие страны. Большие надежды возлагаются на вакцинацию и на меры поддержки бизнеса со стороны государства (кредитование, отсрочка налоговых выплат, в туризме – кэшбек за туры по России и т. п.). Однако все аналитики отмечают, что системной поддержки не получилось. Уже упомянутое исследование Б. Титова показало, что налоговыми отсрочками воспользовались 36,7 % предприятий, но почти для половины из них эти меры оказались недостаточными. 25 % не рассчитывали на поддержку, 31,8 % пытались получить какую-либо поддержку, но получили отказ. Выездной (как и весь международный) туризм вряд ли в 2021 году выправится. На 24 февраля из 40 стран, открытых для посещения, туристов, при условии выполнения ряда требований (наличие ковидных паспортов, специальной страховки, регистрации на сайтах Минздрава стран посещения, тестов на коронавирус за 72 часа до приезда в страну, нахождение только на территории отеля и т. д.), готовятся принять 16. Ряд из них (например, Греция) вынуждены переносить сроки открытия из-за эпидемиологического положения в стране. Ухудшение отношений РФ с Евросоюзом и США ситуацию серьезно усугубляет.

Выход видят в развитии внутреннего туризма. Ряд представителей Государственной Думы (Вячеслав Володин, представитель «Единой России» Ольга Казакова, Валентина Матвиенко и другие) призвали путешествовать внутри страны и упрекнули ТВ за то, что оно не пропагандирует внутренний туризм. Туристские выставки, как в Москве, так и в регионах, под лозунгом «Знай наше!» предлагают туры по России. Помимо традиционных, достаточно известных и посещаемых (Москва, Санкт-Петербург,

Крым, Сочи, Краснодарский край, Кавказские Минводы, Казань, Байкал, Алтай, Калининград и Калининградская область) появляются и совсем новые или гораздо менее продвинутые туры (по Российскому Северу, по Самарской области, Волгограду, Удмуртии, Башкирии, Уралу и Сибири). Представлено много экологических туров в разные уголки России. Помимо кэшбека поддержкой стало и снижение цен на авиаперевозки.

Однако особого оптимизма не наблюдается. Про те же экотуры операторы пишут, что вряд ли появится большой спрос на них. Не везде есть должная инфраструктура. Всё же наиболее востребованным остается черноморское побережье. Затяжная стрессогенная зима утомила, хочется моря и солнца. Но всех желающих не вместить, а многих отпугнут высокие цены. Так, проживание в Крыму за год подорожало почти на 15 % (более 3 000 руб. за ночь). В Краснодарском крае подорожание меньше, но там средняя стоимость и была выше (3 800–3 500 тыс. руб. за сутки).

Вернемся к тому, с чего начали, – к современному горожанину с его экзистенцией. Современный город уже не является и не описывается как пространство дистанции и отчуждения. Близость не чужда горожанину, но эта близость особая. Люди формируются в особые сообщества. Наряду с традиционными сообществами (секции, фитнес-центры, йога-студии, общее хобби, которые заменили сообщества семьи, клана и т. п.), это также сообщества социальных сетей. Все они позволяют индивиду сохранять особость и автономию, оставаться эгоистом и не страдать от одиночества. В. А. Куренной говорит о «силе слабых связей» [4, с. 18–20]. Горожанин довольствуется поверхностными функциональными вежливыми коммуникациями, в гетерокультурном мегаполисе индивид вынужден и умеет быть толерантным. Если ему кто-либо «чужой» не очень нравится, он вежливо отступит в свой индивидуальный мир. Тем не менее горожанину нужна тусовка не только виртуальная, но и реальная. «Город для жизни» дает возможность реализовывать самые разные досуговые потребности: дворцы шопинга, театры, музеи, ночные клубы, кафе и рестораны, стадионы, множество событийных мероприятий (фестивали, концерты, перформансы, праздники). Появилось

уличное искусство, городские экскурсии, волонтерские проекты сближают город и горожанина.

И вдруг – пандемия. Прошел год «жизни со значением абсурда», изоляция, локдаун поставили стену между людьми, между людьми и их хобби, между родственниками, между людьми и их привычными коммуникациями... Горожане какое-то время дискомфорт потерпели, похоронили близких, поотчаивались, понарушали правила. Наконец, поняв, что жизнь-то идет, стали искать приемлемые выходы: устремились на дачи и в загородные дома, учитывая ограничения, всё же пошли в кино, в театры, в кафе. Стали более ценить близость (особенно удивили представители «поколения Z», для которых традиционные живые связи оказались ценностью). Научились работать дистанционно и поняли своих детей и внуков представители старших поколений. Все с нетерпением ждут отпусков и возможности «сменить обстановку». И это самая реальная мотивация для туризма. Абсурдная жизнь без планирования, рационального расчета, жизнь с неопределенностью заставляет людей ценить момент, пользоваться любой передышкой, любой возможностью, уметь радоваться малому и столь естественному – прогулке, выезду в гостевой домик на уик-энд, совместному завтраку, встрече...

Туризм начался с тура Т. Кука в XIX в., недавнее крушение фирмы «Т. Кук и компания» восприняли (и не зря) как конец массового туризма. Но надежда осталась на дне ящика Пандоры, а значит, и у людей. Экзистенция локдауна (как ранее экзистенция оккупации, чумы и т. п.) не лишает надежды на воскрешение туризма.

Литература

1. Голомидова О. Ю. Туризм как феномен городской культуры : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Голомидова Ольга Юрьевна ; [Место защиты: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина]. – Екатеринбург, 2019. – 182 с.
2. Даренский В. Ю. «Город как «естественное» и природа как «искусственное» в экзистенции современного человека // Международный журнал исследований культуры. – 2015. – № 1 (18). – С. 24–35.

3. Железняк В. Н., Железняк В. С. Город как способ бытия // Город как вызов : сб. статей международной научной конференции. Пермь, 16–17 мая 2014 г. – Пермь : ПГГПУ, 2014. – С. 50–53.

4. Куренной В. А. Сила слабых связей. Горожанин и право на одиночество // Горожанин. Что мы знаем о жителе большого города? / М. А. Кронгауз, В. А. Куренной, Е. М. Шульман и др. ; сост. И. А. Фурман. – М. : Strelka Press, 2017. – С. 14–29.

5. Ползикова Е. В., Юрченко А. А. Анализ влияния пандемии на сферу авиаперевозок и туризм в России // Научный вестник Южного института менеджмента. – 2020. – № 2 (30). – С. 98–103.

Трансформация маркетинга гостиничных услуг: постпандемический синдром 2021

Аннотация. Восстановление индустрии размещения после пандемии COVID-19 связано с клиентоцентризмом – ядром маркетинговых стратегий в сфере HoReCa. Происходит постепенная трансформация содержания, форм и характера предприятий в 2020 г. мер по формированию отложенного спроса. Новые посткризисные условия требуют от предприятий планирования ресурсов и применения цифровых технологий, гарантирующих преодоление отрицательного влияния кризиса на ликвидность и прибыльность бизнеса. Условием эффективности восстановления выступают гибкость управления, своевременность реакции на изменения рыночной среды, гостевых привычек и структуры ценностных ориентаций.

Ключевые слова: клиентоцентризм; маркетинговые коммуникации; цифровые технологии; потребительские привычки; потребительская ценность; тренды стиля жизни потребителя.

Восстановление индустрии размещения после пандемии COVID-19 связано с клиентоцентризмом – ядром маркетинговых стратегий в сфере гостеприимства. Условием эффективности восстановления выступают гибкость управления ресурсами предприятия, своевременность реакции на изменения рыночной среды. Происходит постепенная трансформация содер-

Снежана Александровна Рамзина, канд. социол. наук, доцент, завкафедрой социально-культурного сервиса и туризма АНО ВО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург, Россия).

Ivan Kobelev, ACURIS s.r.o. (Prague, Czech Republic).

жания, форм и характера предпринятых в 2020 г. мер по формированию отложенного спроса.

В период ограничительных мер за счет цифровизации передовые компании сферы HoReCa изменили коммуникационные каналы, сосредоточили усилия на увеличении охвата постов в социальных сетях, на вовлечении подписчиков в коммуникацию, на повышении узнаваемости брендов. Цифровые ресурсы – YouTube, Telegram; инфлюенс-маркетинг в блогах лидеров мнений; социальные сети; онлайн-видео на каналах Netflix, Amazon Prime Video [3]; реклама в групповых соревновательных видеоиграх, виртуальных выставках и вебинарах и прямых эфирах – обеспечивали эффективность контакта с полезной аудиторией за счет актуального ситуативного контента. Контент, получивший наибольшее количество лайков и просмотров, обеспечивал активность экспортного позиционирования [1] дестинаций и жизнеспособность модели турбизнеса в будущем.

Новые посткризисные условия задали предприятиям сектора гостеприимства новые требования в планировании ресурсов и применении цифровых технологий, гарантирующих преодоление отрицательного влияния кризиса на ликвидность и прибыльность бизнеса. Маркетинговые задачи отеля в условиях неполной определенности – это краткосрочное прогнозирование загрузки с позиций управления доходами; привлечение внимания туристов к дестинации, к ее инфраструктурным объектам; повышение уровня гостевой мотивации к покупке номера, к бронированию.

Присутствие отеля в Интернете должно вписываться в актуальные тренды стиля жизни потребителя; отражать спецификации работы предприятия; использоваться как пространство рекламных акций для привлечения новых гостей. Это касается обновления списка Google, состояния веб-сайта, каналов социальных сетей. Выбор каналов коммуникаций обусловлен их возможностями выстроить оптимистический прогнозный сценарий восстановления после кризиса (см. данные динамики расходов на долгосрочную рекламу, табл. 1) [4].

Динамика расходов на долгосрочную рекламу (по каналам)

Коммуникационные каналы	Динамика расходов на долгосрочную рекламу, %	
	2020 г.	2021 г.
Национальное ТВ (кроме периодики)	-13	-0,6
Национальное ТВ (включая периодику)	-12,7	0,8
Местное ТВ (кроме периодики)	-14,4	-6,5
Местное ТВ (включая периодику)	0,9	-20,2
Печатные СМИ	-25,4	-17,3
Радио	-14,1	2,4
Кино	-11,8	7
Цифровая среда (включая периодику)	3,5	8,5
Цифровая среда (кроме периодики)	3,9	8
Поисковики	4,5	9,6
Видео	8,3	11,4
Социальные медиа	8,7	12,6

Коммуникационное взаимодействие с целевым гостевым сегментом в социальных медиа и мессенджерах реализуется с учетом изменений целевой аудитории. Изменения структуры спроса – сокращение корпоративного сегмента, увеличение потока внутренних туристов – задают вектор организации взаимодействия отелей с местными сообществами. Формирование и продвижение привлекательных пакетных предложений во время школьных каникул или государственных праздников соответствует мерам восстановления въездного и внутреннего туризма. Креативные акции, позволяющие отелю выйти на новые рынки, или уникальность специальных семейных пакетов с развлекательно-обучающими программами, или аренда комнат для удаленной работы в течение дня гостям без ночлега (passers-by) – подобные предложения привлекают внимание разных целевых групп гостей. Выбор СМИ, которые лучше достигают нужного сегмента, и каналов, по которым гости совершают бронирования, обеспечат улучшение таргетинга.

При реализации коммуникационной политики отеля важно учитывать новые поведенческие привычки, например популярность использования голосового поиска при планировании поездки. После привлечения гостей на сайт отеля удержать их внимание смогут размещенные короткие статьи о достопримечательностях региона, ресторанах, барах, музеях, выставках и пр. в формате «вопрос–ответ».

Ситуация пандемии и процессы цифровизации изменили и потребителя, и потребительское поведение в сфере туризма и гостеприимства. Кратко представим результаты онлайн-опроса, проведенного в декабре 2020 г. – феврале 2021 г. Были опрошены 93 информанта из Уральского региона, возраст 17–70 лет. Все опрошенные – уверенные пользователи смартфонов, социальных сетей, знакомы с поисковыми системами, находят информацию по запросу на сайтах и в мобильных приложениях. В гостевой цепочке ценностей цифровые каналы крайне значимы (100 % респондентов отметили это).

В качестве изменений потребительского поведения в 2021 г. отмечаем популярность философии антиконсьюмеризма, совпавшую по времени с падением покупательской способности. 74,2 % респондентов готовы сменить дальние путешествия на поездки на ближние расстояния (вместо привычного пакета All Inclusive в Турции – подъем внутреннего регионального туризма).

Согласно мнению 54,8 % опрошенных, приоритеты отданы не отелям, а квартирам, комнатам, коттеджам, которые находят через интернет-сервисы аренды Airbnb, Суточно.ру, ТрипРум. Этот тип размещения облегчает гостям сохранение санитарной дистанции в период угрозы заражения коронавирусом. Кроме того, «сетевые эффекты» подобных платформ (о них писал Д. Сасскинд) обеспечивают рост ценности по мере увеличения трафика пользователей [2, с. 275].

Санитарные меры при приеме гостей на стойке регистрации отеля или при оказании услуг питания должны быть встроены в гибкую систему клиенториентации. Стандартные операционные процедуры: предоставление средств индивидуальной защиты, установка станций дезинфекции рук, распределение мест в лоб-

би или в зале ресторана/бара – требуют учитывать два аспекта деятельности отеля: тесный контакт с гостями и предоставление незабываемых впечатлений.

Бизнес-процессы работы всех контактных служб отеля должны быть перестроены с учетом тренда цифровизации. Доступные гостю опции выбора, например, удаленная регистрация через мобильные устройства или возможность отказа от сопутствующих услуг носильщика, повышают воспринимаемую ценность продукта гостеприимства. Цифровой формат взаимодействия акторов гостиничного сервиса – инструмент, способный обеспечить полноту удовлетворения гостевых запросов и стимулировать гостей к написанию отзывов о своем пребывании в отеле.

Уровень гостевой удовлетворенности будет выше при условии мотивации сотрудников контактных служб к достижению стратегических целей по восстановлению. Возможный инструментарий гостиничной службы F&B по увеличению продаж включает в себя следующие опции:

- регулярность обновления меню с включением сезонных специальных предложений, ориентированных на непостояльцев отеля (passers-by);
- услуги доставки или предоставление гостям возможности самовывоза кулинарной продукции;
- сотрудничество с местными службами доставки;
- внедрение обучающих программ по повышению среднего чека в ресторанных/барных продажах.

Партнерство отеля с местными гидами, прочими поставщиками туруслуг через перекрестные продажи обеспечит увеличение доходности предприятия, повысит уровень гостевой удовлетворенности. Гостевые впечатления от качества сервиса и акционных предложений с дополнительной стоимостью принесут больший эффект, чем гибкая политика скидок.

Новые потребительские привычки выступают вектором развития кастомизации продукта гостеприимства применительно к физическим, экономическим возможностям, вкусам, интересам туристов. Индивидуализация сервиса с учетом возможностей цифровизации, трекинг гостя по всей цепочке ценностей его об-

раза и стиля жизни – источник формирования лояльности аудитории.

Литература

1. Паламарчук В. П. Разработка прорывных стратегических решений в условиях кризисных изменений внешней среды: логика и алгоритмы // Экономические стратегии. – 2017. – Т. 19, № 1 (143). – С. 174–183. – URL: https://www.inesnet.ru/wp-content/mag_archive/2017_01/es2017-01-174-183_Victor_Palamarchuk.pdf (дата обращения: 01.03.2021).

2. Сасскинд Д. Будущее без работы. Технология, автоматизация и стоит ли их бояться / пер. с англ. под ред. А. Дунаева. – М. : Индивидуум, 2021. – 352 с.

3. Цифровой маркетинг в эпоху посткризиса COVID-19 // Buzzfactory : маркетинговое агентство. – URL: <https://buzzfactory.ru/> (дата обращения: 28.02.2021).

4. Guttman A. Growth of media owners advertising revenues in the United States from 2019 to 2021, by medium // Statista. – 14.09.2020. – URL: www.statista.com/statistics/237789/growth-of-media-advertising-revenues-in-the-us-by-category/ (дата обращения: 03.03.2021).

В защиту традиционного туризма

Аннотация. В работе проводится различие между туризмом традиционным и туризмом новых цифровых технологий. Авторы полагают, что классический туризм путешествий и перемещений не исчерпал своих ресурсов, поскольку опирается на определенные представления о человеке, его мире и свободе. В ситуации «ограничений на перемещения» вариантами традиционного туризма в России могут стать экотуризм, туризм «родного края», туризм «белых пятен Родины», туризм родных достопримечательностей.

Ключевые слова: традиционный туризм; виртуальная реальность; виртуальный туризм; экотуризм; внутренний туризм.

Пандемия перекрыла основные туристические потоки: путешественники и отдыхающие остаются дома, «никто никуда не едет», турфирмы и инвесторы не зарабатывают, а теряют уже вложенные ресурсы. Вынужденная стагнация туристской отрасли «поставила ребром» ряд вопросов, в том числе вопрос об объективной ценности традиционного туризма для современных людей. Набирающие силу цифровые технологии предлагают новые формы путешествий, более дешевые, более информативные и оригинальные. Это не просто путешествия в пространстве, это путешествия во времени. Виртуальная реальность может создавать «полную иллюзию присутствия, например, на полях сраже-

Елена Юрьевна Погорельская, канд. филос. наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия). ORCID: 0000-0002-9723-465X

Леонид Сергеевич Чернов, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии, Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (УИУ РАНХиГС) (г. Екатеринбург, Россия). ORCID: 0000-0003-2277-2899

ний Наполеоновских войн, на корабле Колумба или в лесу юрского периода среди брахиозавров или тиранозавров» [3, с. 203]. В ситуации закрытого мира, когда люди находятся под давлением страха и запретов, новые технологии предлагают выход в новый мир цифровой реальности. Это мир будет предоставлять людям новый «опыт», новое представление о действительности, новые векторы познания. Конечно, виртуализация размост современное представление о реальности, снизив долю теловесной материи в организации человеческого опыта до минимума. Виртуальные экскурсии не будут растянуты в пространстве, их предоставление не будет зависеть от массы случайных факторов, которые в традиционном туризме делают туристскую услугу зоной риска.

Туризм «закрытого мира» имеет массу особенностей и характеристик, но, полагаем, он не сможет полностью качественно заменить туризм традиционный. В некотором смысле именно на феномене туризма мы можем видеть тот предел и ту ограниченность, которые разделяют актуальное и потенциальное, действительное и виртуальное. Этот предел упирается в понимание природы человека, в его телесные характеристики, эмоциональные реакции, в понимание того, что есть мир.

Впервые термин «виртуальная реальность» был применен Иваном Сазерлендом в 1968 году по отношению к монитору, который он разместил у себя на голове. В 2012 году Палмер Лаки создал краудфандинговую кампанию по инициированию сбора средств для разработки шлема Oculus. Через пару лет кампания Палмера Лаки была куплена корпорацией Facebook за два миллиарда долларов. Вложение больших денег в цифровые проекты отражает существенные тенденции в направлении развития мировой цивилизации. Facebook хочет создать мир, в котором расстояния и годы будут условны, а люди будут перемещаться в пространстве и во времени, руководствуясь только своими желаниями и техническими возможностями используемых систем и программ. Цифровые сети позволяют избавиться от традиционных дихотомий «далеко/близко», «вчера/завтра», «могу/не могу», «прошлое/будущее», «реальное/иллюзорное». Важное условие существования в этом цифровом мире: человек дол-

жен согласиться, что виртуальная реальность так же полноценна, как и этот материальный природный мир, с его оврагами и скорпионами, «эверестами» и болотами. Действительно, уже с XVII века европейская история взяла курс на создание новой реальности, реальности с заданными свойствами, реальности под заказ: управляемой, контролируемой. Управлять машинами и технологическими процессами, внедряться в природные циклы и повелевать ими, распоряжаться человеческими ресурсами – вот способ отношения к миру, на формирование которого повлияла научно-техническая революция XVII–XVIII вв. Туризм в своей индустриальной составляющей такая же сфера управления, как и все другие. Управлять организацией туристской деятельности, вкусами туристов, их неразумными желающими телами в открытом мире гораздо сложнее, чем усадить *туриствующих* в мягкие кресла, прицепить к их доверчивым телам чипы, надеть на них шлем и запустить заранее спланированный гейм. Виртуальный скорпион так же убедительно кусает, как и настоящий, но его укус безопасен в медицинском смысле слова.

Возможно, что именно нам не надо уходить в виртуальный мир, имея такую большую Родину. Пространство России охватывает несколько часовых поясов, а историческая глубина измеряется столетиями. «К примеру, по количеству объектов всемирного наследия ЮНЕСКО и по объектам всемирного природного наследия ЮНЕСКО Россия занимает десятое и четвертое места в мировом рейтинге соответственно» [1, с. 51]. Мы так много не знаем о себе, ориентируясь в обычной жизни на привычные маршруты, в то время как любой «закоулок» своего же города таит неизвестное!

Пандемия спровоцировала развитие внутреннего туризма, люди остались в пределах собственного государства. Но «узкая изоляция», строгая для современного человека, уже привыкшего к открытому миру, психологически неприемлема. Поэтому летом 2020 года активизировался поток туристов в российские регионы, привлекательные по рекреационным, культурным и познавательным богатствам. Это Крым, Краснодарский край, Алтай и Калининград. Российских туристов давно привлекают Камчатка и

Байкал, но пока перелеты в эти регионы достаточно дороги. Учитывая условия пандемии, возросла лояльность к экологическим турам, которые не предполагают предоставления сложных дифференцированных услуг по размещению и питанию туристов. В России много по-настоящему не освоенных природных ландшафтов, интересных для такого рода туров. Например, плато Путорана, огромный горный массив, размером с Великобританию, находящийся на территории Красноярского края и с 2010 года входящий в охранный список ЮНЕСКО. Или заповедники Приморья, в которых сохранились амурские тигры, гималайские медведи и дальневосточные леопарды. Прекрасные возможности для экотуризма есть в Карелии, Архангельской и Мурманской областях, там до сих пор сохранились традиции аборигенного хозяйства. С другой стороны, туризм, особенно массовый, может привести к разрушению хрупких экосистем, поэтому особенно важно, чтобы туроператоры и вообще работники сферы туризма понимали ценность уникальных природных и культурных богатств России и доносили эти мысли до туристов. Возможно, жителям России придется познакомиться со своей страной ближе, ибо наша собственная земля устала от невнимания и требует заботы. Словом, экотуризм можно рассматривать как достойную альтернативу виртуализации туристских услуг.

Одной из важных сфер в развитии туризма в России является элементарное восполнение знаний потенциальных туристов о возможных направлениях путешествий. Туроператорам придется изменить схемы ведения бизнеса и стать архитекторами новых туров. Пока же массовый турист не знает о туристском потенциале нашей страны, не ищет новых направлений и вариантов отдыха, а пассивно ждет предложений извне. Поэтому конструирование и продвижение новых туров является наиболее перспективной и творческой задачей для туроператоров и туристской рекламы. Туристские возможности России огромны, но на сегодняшнем этапе развития туристской индустрии это непаханая целина, которая тем не менее дает преимущества первопроходцам и энтузиастам, занимающимся туристским бизнесом.

Закрытый пандемией мир активизирует в сознательном и бес- сознательном «бывших» туристов стойкое ощущение ценности путешествий. И никакие цифровые суррогаты не компенсируют эту потерю. Память человеческая надежно связывает прошлый позитивный туристский опыт и мечты. Сколько времени человек должен прожить в изоляции, чтобы поверить, что виртуальный мир является альтернативой реальным туристическим переживаниям и никогда полноценно их не заменит? Людям нужен *открытый мир*. Хочется напомнить: истина – это открытость [2, с. 19]. Только в открытом состоянии можно проявить свою подлинную природу, обнаружить свое лицо. Любая открытая система – человек, государство, общечеловеческая цивилизация – может существовать, только делясь энергией, веществом и смыслами. Туризм – одна из самых экологичных форм протекания социальной энергии и социального вещества. Имея стойкие положительные эмоциональные коннотации, туризм осуществляет не только миграцию человеческих потоков, денежного трафика, услуг, общечеловеческого опыта, он, в некотором смысле, является показателем степени свободы в обществе. Действительная свобода и свобода иллюзорная, даже очень на нее похожая, – не одно и то же.

Литература

1. Логунцова И. В. Индустрия туризма в условиях пандемии коронавируса: вызовы и перспективы // Государственное управление. Электронный вестник. – Вып. № 80. – 2020 (июнь). – С. 50–66. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2020/vipusk__80._ijun_2020_g./problemi_upravlenija_teorija_i_praktika/loguntsova.pdf (дата обращения: 01.03.2021).
2. Хайдеггер М. О сущности истины // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге : сборник : пер. с нем. / под ред. А. Л. Доброхотова. – М. : Высшая школа, 1991. – 192 с. (Б-ка философа)
3. Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции: пер. с англ. – М. : Эксмо, 2018. – 320 с. : ил. – (Top Business Awards).

Е. Ю. Базаров, А. С. Еремин

Стратегии выживания регионального турбизнеса

Аннотация. В работе рассмотрен один из моментов стратегии выживания турфирм в условиях пандемии и ограничений на выезд за рубеж, связанный с ориентацией на внутренний туризм. Эко-этнографические туры выходного дня, комбинирующие ресурсы сельского, охотничьего и этнографического видов туризма сельской территории устойчивого развития, могут частично компенсировать убытки турфирм.

Ключевые слова: внутренний туризм; стратегии выживания, устойчивое развитие; сельский и экологический туризм.

В середине летнего сезона 2020 года, когда были сняты некоторые ограничения для проведения туров внутреннего туризма, в Уральском регионе был замечен бум на активные водные туры, спрос на которые превышал предложение. Поток посетителей природных парков также увеличился. В условиях ограничений для выездного туризма многие турфирмы (включая крупных туроператоров), желая компенсировать часть убытков, проявили интерес к возможности разработки нового для них турпродукта: эко-этнографических туров выходного дня на территории Ирбитского района. Являясь колыбелью мансийской культуры, а также древнейшим местом евразийского торгового пути, Ирбитская земля, сохранившая ландшафты и культуру традиционного земледелия, имеет огромный потенциал для развития внутренне-

Евгений Юрьевич Базаров, канд. филос. наук, доцент, факультет социальной психологии, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Алексей Семенович Еремин, канд. ист. наук, научный консультант, Учреждение культуры и туризма «Ирбитский музей народного быта» (г. Ирбит, Россия).

го туризма, включая экологический, сельский, охотничий, этнографический и событийный туризм.

Более десяти лет здесь реализуется единственный в Уральском регионе пилотный проект по устойчивому развитию сельских территорий. В разработанной Исполкомом Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Большой Урал» концепции программы устойчивого развития Ирбитского муниципального образования констатируется: «Сегодняшнее положение Ирбитского муниципального образования и прошлое Ирбитского края позволяют ирбитчанам претендовать на выполнение миссии первопроходцев в переходе к новой системе управления и организации жизни местного сообщества, основанной на реальном местном самоуправлении, комплексном использовании природных, историко-культурных и иных ресурсов сельской местности, и ответственности населения за вверенную им территорию перед будущими поколениями» [5].

С начала XXI века в Ирбите ведется работа по возрождению Ирбитской ярмарки. Центральным событием современной выставки-ярмарки является фестиваль народных промыслов и ремесел «Город мастеров». Это позволяет предположить, что современная выставка-ярмарка эволюционирует в сторону классической охотничьей и сельской ярмарки, которая получила распространение в Англии, ряде стран Центральной Европы и США, в которых охота и активное времяпрепровождение на природе являются одним из основных средств национальной самоидентификации. При этом охотничья и сельская ярмарка фактически является основным событийным мероприятием экологического воспитания нации [1].

В 2013–2014 годах в городе Ирбите и Ирбитском районе были организованы курсы по устойчивому охотничьему и сельскому туризму. В 2016 году охотничьи хозяйства Ирбитского общества охотников и рыболовов были признаны единственными в России модельными охотничьими хозяйствами в развитии устойчивого охотпользования. Ирбит (Ирбитский край) может сыграть важнейшую роль в формировании экологического сознания и экологической культуры и в переходе Свердловской области и Рос-

сийской Федерации к устойчивому развитию. Рассматривается возможность проведения в Ирбитском муниципальном образовании и муниципальном образовании город Ирбит первой в России охотничьей (и сельской) ярмарки как основного событийного мероприятия экологического воспитания.

Стратегией социально-экономического развития Свердловской области на период до 2020 года миссия Свердловской области определялась «в сохранении роли региона в качестве *локомотива развития России*» [2]. Серьезными ресурсами для перехода локального сообщества к устойчивому развитию, формированию экологического сознания и экологической культуры обладает Ирбитское муниципальное образование и муниципальное образование город Ирбит. С целью реализации данной миссии в последующий период, существует возможность для Ирбитского муниципального образования и муниципального образования город Ирбит стать территорией опережающего развития в Свердловской области в обеспечении комплексного устойчивого природопользования (при реализации пилотных проектов экологической направленности).

Существует достаточно обоснованное мнение ученых, что и сама проблема распространения «сверхвируса» в наше время возникла вследствие нарушения экологического баланса и отсутствия достаточной «экокультуры» населения. В преамбуле Экологической доктрины Российской Федерации говорится: «Современный экологический кризис ставит под угрозу возможность устойчивого развития человеческой цивилизации. Дальнейшая деградация природных систем ведет к дестабилизации биосферы, утрате ее целостности и способности поддерживать качества окружающей среды, необходимые для жизни. Преодоление кризиса возможно только на основе формирования нового типа взаимоотношений человека и природы, исключающих возможность разрушения и деградации природной среды. Устойчивое развитие Российской Федерации, высокое качество жизни и здоровья ее населения, а также национальная безопасность могут быть обеспечены только при условии сохранения природных систем и поддержания соответствующего качества окружающей среды» [6].

В Экологической доктрине указаны семь основных факторов деградации природной среды России. Следует признать, что последний по списку («низкий уровень экологического сознания и экологической культуры населения страны»), является первым по важности, так как в случае формирования экологического сознания и экологической культуры граждан Российской Федерации будут устранены и остальные шесть основных факторов деградации природной среды России.

Выдающийся эколог XX века Олдо Леопольд отмечал, что уже библейские пророки постоянно твердили, что опустошение земли не только вредно, но и дурно. Однако этики, регулирующей взаимоотношения человека с землей, с животными и растениями, обитающими на ней, за прошедшие века и тысячелетия так и не возникло. «Земля, подобно рабыням Одиссея, все еще остается собственностью, и взаимоотношения с ней остаются чисто потребительскими, подразумевающими только права без обязанностей» [3, с. 176–177].

К концу XX века человечество осознало всю смертельную опасность современного экологического кризиса, вызванного потребительским отношением к природе. Однако оно не выйдет из него до тех пор, пока не распространит понятие этики на природу. Важнейшее значение в формировании экологического сознания и экологической культуры, распространении понятия этики на природу призван сыграть экологический туризм как средство экологического воспитания нации. При этом, сохранив свой элитарный характер, он должен стать массовым. Только в этом случае произойдет формирование экологического сознания и экологической культуры.

В условиях борьбы с пандемией, с целью разработки альтернативных сценариев выживания самого туристского бизнеса, совместно с представителями академической общественности был разработан ознакомительный эколого-этнографического тур «По следу Золотой Бабы». Тур включал в себя посещение основных туристских объектов района (Научно-практический центр биоразнообразия «Скородум»; археологический памятник Юдинского городища; Центр народных промыслов и ремесел села Ницинское; гостевой дом Мурзинского охотничьего хозяйства; виноград-

ник молдавского дома в деревне Соколова). В программе визита состоялся круглый стол «Сельскохозяйственный парк (агропарк) как инструмент экологического образования локального сообщества», а также пресс-конференция участников тура для местных СМИ, где был отмечен высокий потенциал района для развития туров выходного дня, а также комбинированных туров экологической и этнографической направленности. Руководители турфирм, участвующие в ознакомительном туре, отметили, что потери туристской отрасли в кризисный период могут быть частично компенсированы развитием этого направления внутреннего туризма, если будет осуществляться дальнейшее развитие сети гостевых домов на сельских территориях устойчивого развития.

Литература

1. Базаров Е. Ю., Еремин А. С. Охотничья и сельская ярмарка как основное национальное мероприятие по поощрению и популяризации достижений в сфере развития сельских территорий // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства : сборник материалов 3-й междунар. науч.-практ. конференции ИрГСА ; Фонд «Сибирский земельный конгресс». – Иркутск : Оттиск, 2015. – С. 67–73.
2. Концепция Стратегии развития внутреннего и въездного туризма в Свердловской области на период до 2035 года : утверждена приказом Министерства инвестиций и развития Свердловской области от 17 сентября 2018 г. № 194 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/550192567> (дата обращения: 20.02.2021).
3. Леопольд О. Календарь песчаного графства. – М., 1980.
4. Подобрать тур по Свердловской области // Уральский калейдоскоп : турагентство. – URL: <http://www.discoverural.com/catalog.html> (дата обращения: 12.03.2021).
5. Стратегия развития внутреннего и въездного туризма в Свердловской области на период до 2030 года // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/429010098> (дата обращения: 12.03.2021).
6. Экологическая доктрина Российской Федерации : одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 августа 2002 г. № 1225-р // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/548754 (дата обращения: 20.02.2021).

Кризисы 20/21 как предпосылки развития этнического туризма

Аннотация. Пандемия коронавируса, ухудшение отношений с Западом, падение уровня доходов населения заставили россиян отказаться от привычного, полюбившегося отдыха за границей в пользу отдыха в пределах РФ. Изоляция способствовала усилению интереса к культуре родной страны, осознанию ее национального и культурного многообразия. Рефлексия значительной части россиян по поводу своей национальной идентичности, вызванная кризисными явлениями 20/21, значительно расширила запросы отправляющихся на отдых граждан. Среди ведущих запросов, помимо «отдохнуть с комфортом» и «напитаться новыми впечатлениями», появились такие, как «найти свои корни», «узнать что-то новое о культуре своей страны, региона». Это создало предпосылки для развития этнического туризма, способного представить культуру малых народов России не только как экзотические историко-культурные ареалы, но и как часть современной многонациональной культуры РФ.

Ключевые слова: национальная идентичность; культурная идентичность; культурное многообразие; этнический туризм.

2020 год коренным образом изменил жизнь планеты. Разве что первобытные племена австралийских аборигенов, не контактирующие с внешним миром, оказались не затронуты локдауном, экономическим кризисом и пандемией коронавируса. Для россиян же 2020-й стал особенным еще и по

Юлия Владимировна Архипова, канд. филол. наук, доцент кафедры «Реклама и связи с общественностью» факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Анастасия Умникова, студентка 1-го курса направления «Туризм», АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

причине обострения отношений с Западом, угрозы восстановления «железного занавеса». Начало 2021 г. не принесло существенных изменений ни в политической, ни в экономической сфере. Правда, появилась надежда, что человечество все-таки справится с коронавирусом за счет массовой вакцинации.

Политическая нестабильность и пандемия заставили людей пересмотреть многие привычные сценарии поведения, в том числе касательно отпуска, задуматься о возможности отдыха без выезда за пределы Родины. Свою лепту внес и экономический кризис: заработок многих значительно уменьшился, некоторые и вовсе потеряли работу, а вместе с ней и материальную возможность выезда за границу. Правительство РФ приняло решение о необходимости поддержать граждан, и им была введена государственная программа поддержки внутреннего туризма. Эта программа позволила сократить траты россиян на путешествия по стране за счет кэшбека, возвращаемого на карту в качестве скидки за приобретение тура или бронирование отеля из предложенного государством перечня. Всё это привело к тому, что после смягчения ограничительных мер россияне всерьез занялись вопросом организации недорогого и увлекательного отпуска в пределах России.

Сначала вынужденный, интерес к родной культуре у россиян постепенно стал искренним. Люди, ранее нацеленные лишь на заграничные поездки, обрели желание узнать больше о родной стране. Россия открылась гражданам в ее культурном многообразии. Разумеется, они знали об этом и раньше из школьного курса истории и географии. Но теперь сложились идеальные условия для того, чтобы в этом убедиться, что называется, «воочию». Кризисы, как известно, усиливают национальную идентичность и пробуждают неподдельный интерес к культуре родной страны. Оказалось, что вынужденная изоляция имеет не только минусы, но и плюсы, так как стимулирует подобного рода позитивные явления. Следствием усиления национальной идентичности россиян и роста интереса к культуре родной страны стала востребованность внутреннего туризма. В «Итогах туристического лета 2020» ВЦИОМ сообщает, что россияне отметили улучшение условий отдыха в стране, многие из отдыхающих посоветовали бы

друзьям попробовать отдых в России [2]. Из этого можно сделать вывод, что люди оценили необычный туризм, и многие наверняка в дальнейшем будут рассматривать его как достойную альтернативу заграничному.

Мейнстримом лета 2020 г. в России стал этнический туризм. Интерес к родному краю, народам, его населяющим, был вызван не только желанием отдохнуть, напитаться новыми впечатлениями, но и стремлением «найти свои корни», острее осознать свою национальную и культурную идентичность. Это подтверждают слова директора департамента регионального развития Русского географического общества Сергея Корлыханова: *«Внутренний туризм продолжает укреплять свои позиции. Всё большую популярность набирают направления и маршруты, которые недавно были вне поля зрения путешественников. На первый план выходит поиск новых впечатлений и желание собственными глазами увидеть отдаленные уголки нашей родины. И зачастую самые сильные эмоции у туристов вызывает возвращение на землю предков, к своим этнокорням»* [5].

Этнотуризм традиционно считается одним из направлений культурно-исторического туризма. Примечательно, что рефлексия россиян по поводу своей национальной идентичности также в первую очередь устремлена в прошлое. Осознание «многоэтнической российской нации» [4] как единого целого для большинства граждан России до недавнего времени было возможно только в связи с конкретными историческими событиями [3]. Популярность этнотуров до пандемии коронавируса в основном держалась на экзотизме сохранившихся культурных ареалов малых народов РФ. Туристов привлекал необычный быт, старинная домашняя утварь, национальная одежда, аутентичная кухня. Год 2020-й стал откровением, представив эти экзотические культурные ареалы малых народов как наше настоящее и будущее, как часть единой многонациональной российской культуры.

Современный взгляд на культуру малых народов, вплетенную в региональные культуры и единую российскую культуру, представляет этнопроект «ЁВТИМУТ» [1], презентация которого прошла в рамках конкурса «Екатеринбург 300». Цель проекта –

популяризация культуры манси за счет современного преломления мансийских традиций в дизайне и региональном брендинге. Авторы предлагают современным художникам, фотографам и дизайнерам посмотреть на мир глазами манси и найти в этом взгляде гармонию и вдохновение. А коренным уральцам предлагается порефлексировать над тем, какие ценности и элементы идентичности могли бы быть включены в бренд Made in Ural и как это могло бы способствовать повышению туристической привлекательности Уральского региона.

Кризисная ситуация 20/21, помимо негативных, вызвала целый ряд позитивных явлений, в том числе в сфере туризма. Участники туристической индустрии осознали, насколько велик потенциал этнотуризма в РФ: огромные территории, множество совершенно отличающихся друг от друга этносов, каждый из которых обладает неповторимыми культурными особенностями, включенными в единую национальную культуру. Заинтересованные работники сферы туризма уже приводят предприятия гостеприимства в порядок, создают новые маршруты, придумывают актуальные, доступные каждому способы подачи информации.

Литература

1. ЁВТИМУТ – этнокультурный проект. – URL: <https://vk.com/evtimut> (дата обращения: 14.02.2021).
2. Итоги туристического лета 2020 // ВЦИОМ. – 29.09.2020. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/itogituristicheskogo-leta-2020> (дата обращения: 14.02.2021).
3. Пипия К. Национальная идентичность и гордость // Левада Центр. – 17.01.2019. – URL: <https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/> (дата обращения: 14.02.2021).
4. Тишков В. Российский народ и национальная идентичность // Россия в глобальной политике. – 2008. – № 4. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossijskij-narod-i-nacziionalnaya-identichnost/> (дата обращения: 14.02.2021).
5. Этнотуризм, событийный туризм, инновации – новые номинации «Мастеров гостеприимства» // Русское географическое общество. – 25.01.2021. – URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/etnoturizm-sobytiynyyuturizm-innovacii-novye-nominacii-masterov-gostepriimstva> (дата обращения: 14.02.2021).

Развитие туристского потенциала города Каменска-Уральского в условиях пандемии

Аннотация. Каменск-Уральский – промышленный город в Свердловской области, обладающий богатым культурно-историческим наследием, природными ресурсами. В городе достаточно развита туристская инфраструктура, но существуют проблемы, связанные с отсутствием продвижения объектов на туристском рынке, неудовлетворительным состоянием туристских объектов, недостаточным уровнем сервиса и пр. Формирование опережающего спроса на туристские услуги города Каменска-Уральского требует реализации комплексной программы, включающей формирование туристской привлекательности объектов на внутреннем рынке, привлечение иностранных туристов, развитие инфраструктуры и индустрии гостеприимства, повышение качества обслуживания, обучение и повышение квалификации обслуживающего персонала и пр.

Ключевые слова: туристский потенциал; Каменск-Уральский; индустрия гостеприимства; пандемия.

Каменск-Уральский – третий по численности населения и экономическому потенциалу город Свердловской области. Одним из важных условий его инвестиционной привлекательности является выгодное географическое положение. Город находится на границе Урала и Сибири, его называют южными воротами Среднего Урала.

Евгения Геннадьевна Радыгина, канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры туристического бизнеса и гостеприимства ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (г. Екатеринбург, Россия).

В период пандемии, связанной с сокращением количества туристических поездок и снижением уровня потребления услуг туризма, основным направлением деятельности регионального Центра развития туризма стало формирование опережающего спроса.

Туристский потенциал представляет собой сочетание природных и общественных ресурсов, резервов и возможностей для организации и осуществления туристской деятельности. Он позволяет максимально эффективно использовать имеющиеся у территории ресурсы, резервы и возможности при максимальном удовлетворении потребностей субъектов туризма, сохранении природы и окружающей среды [3, с. 139].

Город богат современной архитектурой, представленной в стилевом отношении всеми архитектурными течениями минувшего XX века. Однако огромный объем строительных работ, выполненных в городе за годы Советской власти, практически не коснулся застроенных территорий старой части Каменска, называемой теперь Старым городом.

Сохранились нерегулярная планировочная структура, хаотичная застройка и исторический колорит «города-завода». Одноэтажные, преимущественно индивидуальные, жилые деревянные дома на периферии старой части города и одно-, двухэтажные каменные здания торгового и административного назначения в центре микрорайона сохранили архитектуру старого уральского заводского поселения. Это позволяет организовать здесь музейный комплекс «Город-завод» и наметить познавательный туристский маршрут «Заводы старого Урала» с включением в него историко-геологического памятника природы «Тропа Карпинского», непосредственно примыкающего к историческому центру старого Каменска.

С 2010 года муниципалитет города Каменска-Уральского вместе с бизнесом серьезно занимается созданием условий для развития въездного туризма. Каменск-Уральский – территория, привлекательная для внутреннего и въездного туризма. Уделяется серьезное внимание благоустройству территории, качеству гости-

ничного сервиса, разработке туристских маршрутов, обучению и сертификации экскурсоводов.

Каменск-Уральский называют музеем под открытым небом: в городе 12 памятников природы, утвержденных Решением Свердловского облисполкома от 30.06.83 № 286, и 29 памятников истории и культуры, находящихся в основном в заповедной зоне охраны. Леса смешанные (сосна, береза), преобладают хвойные (сосна, ель) [2].

Для развития туристского потенциала города на основе развития инфраструктуры отдыха и туризма, повышения качества, доступности и конкурентоспособности туристских и сопутствующих услуг на территории муниципального образования город Каменск-Уральский было принято постановление Администрации города Каменска-Уральского от 24.04.2018 № 321 о создании муниципального казенного учреждения «Центр развития туризма города Каменска-Уральского». Центр создан для продвижения муниципального образования на внутреннем и внешнем туристских рынках, формирования единого информационного туристского пространства, устойчивого развития внутреннего туризма, удовлетворяющего потребности российских и иностранных граждан в качественных туристских услугах, а также для развития малого и среднего предпринимательства в сфере внутреннего и въездного туризма.

На сегодняшний день туристская инфраструктура включает в себя 10 гостиниц и 5 санаториев-профилакториев. Семь коллективных средств размещения прошли процедуру классификации, с присвоением соответствующих категорий на разный сегмент потребителя: одно средство размещения 4*, три средства размещения 3* (в том числе санаторий-профилакторий «Обуховский»), три средства размещения 2*. Услуги питания для туристов предлагают 4 ресторана, 5 баров и 15 кафе. В объектах питания услуга соответствует требованиям Таможенного Союза и на всех объектах внедрена система ХАССП (система качества безопасности пищевой продукции на предприятии).

В городе для самостоятельных туристов есть 15 знаков-указателей достопримечательностей города на русском и английском языках.

Основные направления развития туризма в городе: культурно-познавательный, экскурсионно-образовательный, водный, геологический, спортивный, экстремальный, лечебно-оздоровительный, деловой туризм, индустриальный и событийный. Все эти виды туризма помогают широко раскрыть туристский потенциал города [1].

Событийный туризм сегодня занимает лидирующие позиции по привлечению туристов в город Каменск-Уральский, и Центр развития туризма имеет успешный опыт проведения мероприятий международного уровня. Самые яркие – фестиваль колокольного звона, традиционный карнавал, который проводится в юбилейный День города, туристские форумы. Регулярно в Каменске-Уральском проходят спортивные мероприятия международного уровня: чемпионаты Европы и России по ледовому спидвею; этапы чемпионата мира и чемпионаты России по мотокроссу на мотоциклах с колясками на уникальной мототрассе, имеющей международный сертификат соответствия мировым стандартам, расположенной в центре города. В шаговой доступности в лесопарковой зоне построены трасса лыжно-биатлонного комплекса «Березовая роща», стрельбище на 20 огневых позиций, лыжный стадион. Путешествуя на речном трамвайчике по Исетскому каньону, можно увидеть уникальные памятники природы, прекрасные пейзажи уральской природы, знаменитые «Каменные ворота» – уникальный геоморфологический и ландшафтный объект. Карстовый мост, высотой 20 м, находящийся в скалах правого берега Исети, по праву является визитной карточкой Каменска-Уральского. Этот памятник природы мирового значения является одним из семи подобных образований в мире.

Наряду с высоким туристско-рекреационным потенциалом Каменска-Уральского, в муниципальном образовании действует ряд факторов, сдерживающих развитие туризма, среди которых:

- отсутствие продвижения и позиционирования города Каменска-Уральского как объекта туристической индустрии в городе и за его пределами;
- неудовлетворительное состояние объектов историко-культурного и природного наследия;

– не соответствующая требованиям и ожиданиям туристов квалификация персонала сферы туризма и гостеприимства, недостаточный уровень развития сферы дополнительных услуг.

На сегодняшний день можно выделить следующие направления развития индустрии гостеприимства г. Каменск-Уральского:

1) привлечение туристов и повышение уровня их комфортно-го размещения;

2) поддержка и повышение эффективности деятельности гостиничных предприятий города.

Исходя из вышесказанного, следует сосредоточить усилия на создании комфортной среды пребывания для туристов, продвигать городской турпродукт на внутреннем и международном рынках, привлекать целевую аудиторию, бороться за увеличение числа повторных посещений, расширять спектр клиентских сервисов в туризме. Всё это будет способствовать увеличению доходов городского туристского комплекса. Активными участниками реализации данной цели должны стать гостиницы, дома отдыха и санатории, туроператоры и экскурсионные бюро, музеи, парки, мемориалы, рестораны и кафе, магазины и торговые центры, а также другие участники туристской индустрии и инфраструктуры.

Формирование опережающего спроса на туристские услуги города Каменска-Уральского требует реализации комплексной программы, включающей формирование туристской привлекательности объектов на внутреннем рынке, привлечение иностранных туристов, развитие инфраструктуры и индустрии гостеприимства, повышение качества обслуживания, обучение и повышение квалификации обслуживающего персонала и пр.

Литература

1. Богданова О. В. Перспективы развития туристско-рекреационного потенциала в моногородах Свердловской области // International agricultural journal. – 2021. – № 1. – С. 159–172. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-turistko-rekratsionnogo-potentsiala-v-monogorodah-sverdlovskoy-oblasti> (дата обращения: 07.03.2021).

2. Ермолаева Е. С. Образ города Каменск-Уральского // Интеллектуальный потенциал XXI века: степени познания : сборник материа-

лов XXV Молодежной междунар. науч.-практ. конференции, Новосибирск, 19 декабря 2014 г. / Центр развития науч. сотрудничества ; под общ. ред. С. С. Чернова. – Новосибирск : ЦРНС, 2014. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-goroda-kamensk-uralskogo> (дата обращения: 07.03.2021).

3. Саранча М. А. Туристский потенциал территории: проблематика определения сущности и структуры // Вестник Удмуртского университета. Серия «Биология. Науки о Земле». – 2015. – Т. 25, вып. 1. – С. 134–140. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turistskiy-potentsial-territorii-problematika-opredeleniya-suschnosti-i-strukturny> (дата обращения: 07.03.2021).

Негативные последствия массовых зрелищ. Идентификация экологического сознания

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об отношении потребителей зрелищных услуг к негативным последствиям использования современных средств зрелищности, представлены результаты опроса по проблеме сформированности экологического сознания потребителей.

Ключевые слова: экологизация; экологическое сознание; зрелищность; культурно-массовые мероприятия; негативные последствия применения средств зрелищности.

Известно, что организаторы зрелищ, желая привлечь зрителей, постоянно увеличивают масштабы создаваемых действий, используют для их проведения всё большее количество ресурсов и новых технологий. Однако, наряду с преимуществами новейших средств зрелищности, появляются и негативные экологические последствия их применения. В сложившейся ситуации ответственность за них несут не только организаторы зрелищ, но и непосредственные участники, зрители: именно их спрос рождает предложение. Одной из главных причин такой ситуации является неосознанное потребление различных ресурсов, неразвитость экологического сознания.

Татьяна Андреевна Титова, магистрант 1-го курса заочной формы обучения направления 43.04.01 «Сервис», ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (г. Екатеринбург, Россия).

Татьяна Брониславовна Голубева, канд. техн. наук, доцент, доцент кафедры сервиса и оздоровительных технологий ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (г. Екатеринбург, Россия).

Экологический словарь определяет экологическое сознание как форму человеческого сознания (общественного или индивидуального), характеризующуюся глубоким пониманием неразрывной связи человека с природой, зависимости благополучия людей, целостности природной среды обитания человека от антропогенных изменений среды жизни на Земле, выходящих за пределы адаптивных способностей человека как биологического вида [2]. Педагогические процессы формирования экологического сознания населения изучали такие отечественные авторы, как С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин, А. И. Валитова, И. А. Сосунова и др.

С целью изучения сформированности экологического сознания потребителей услуг массовых зрелищ в декабре 2020 года проведено анкетирование 135 респондентов по случайной выборке. 68,2 % опрошенных – женщины. Большая часть (88,9 %) опрошенных – молодежь до 35 лет. Большинство опрошенных – работающие (51,1 %) и учащиеся/студенты (31,1 %).

По данным опроса, посещение массовых мероприятий является для респондентов одной из приоритетных форм досуга. Так, две трети (66,7 %) участников опроса имеют в той или иной степени выраженный интерес к зрелищным мероприятиям; 28,8 % участников опроса не испытывают потребности в посещении массовых мероприятий, при этом 4,5 % респондентов ответили, что не имеют интереса к зрелищным мероприятиям, но ходят «за компанию».

Говоря о частоте посещения зрелищных мероприятий, отметим, что почти половина (48,9 %) респондентов посещают мероприятия от одного до шести раз в полугодие; «энтузиасты» (22,2 %) бывают один или несколько раз в месяц. При этом 8,2 % участников опроса не посещают зрелищных мероприятий вообще, каждый пятый (20,7 %) респондент выбирается раз в год и реже. Главные причины, по которым участники опроса отказываются от посещения зрелищных мероприятий (при ответе на этот вопрос респондентам разрешалось выбирать несколько позиций), – это:

- нехватка времени (51,8 % ответивших);
- отсутствие интереса (28,2 % опрошенных);

- отсутствие компании (20,7 % респондентов);
- финансовые трудности (15,5 % участников опроса);
- возможность смотреть онлайн-трансляции (11,8 % опрошенных);
- сомнения в собственной безопасности на таких мероприятиях (5,9 % респондентов). В рамках настоящего исследования обратим внимание на эту группу, так как безопасность услуги тесно связана с ее экологичностью: неэкологичная услуга небезопасна.

По результатам исследования, относятся к современным средствам зрелищности:

- положительно (54,8 % респондентов): их привлекает разнообразие эффектов, получение положительных эмоций, ощущение праздника;
- нейтрально (36,3 % участников опроса);
- негативно (7,4 % ответивших);
- не определились с позицией (1,5 % опрошенных).

При этом причины негативного отношения респондентов к современным средствам зрелищности по своей сути являются экологическими:

- небезопасность некоторых из них (48,9 % опрошенных);
- большое шумовое воздействие (28,9 % участников опроса);
- мешают незаинтересованным людям (22,2 % ответивших).

На вопрос об использовании современных средств зрелищности в личных целях респонденты ответили:

- «никогда» (29,0 %);
- «крайне редко» (36,3 %);
- «скорее да, чем нет» (15,5 %);
- «скорее нет, чем да» (11,8 %);
- «да, это наша семейная традиция» (7,4 %).

О негативном влиянии современных средств зрелищности на экологическое состояние окружающей среды только 22,2 % респондентов ответили, что ничего не знают о существовании данной проблемы; 68,9 % опрошенных в той или иной мере информированы о ней, а 8,9 % участников опроса не только слышали, но и наблюдали негативные экологические последствия применения средств зрелищности.

На вопрос «Насколько серьезно Вы относитесь к влиянию средств зрелищности на экологию?» респондентами были даны следующие ответы:

- «это серьезная проблема, требующая решения» (36,3 %);
- «влияние есть, но оно несерьезное по сравнению с транспортом, сельским хозяйством, свалками отходов» (34,1 %);
- «нейтрально, государство об этом позаботится» (22,2 %);
- «негативно, навязчивая шумиха вокруг проблем с экологией мешает сосредоточиться на других значимых вещах» (5,9 %);
- «нет влияния» – 1,5 %.

Наиболее значимыми факторами негативного влияния средств зрелищности на окружающую среду, по мнению опрошенных, выступают (респондентам разрешалось выбирать несколько позиций):

– возникновение пожаров и взрывов (59,2 % участников опроса). Пример: в новогоднюю ночь 2021 года пострадали от пожара леса на территории Сочинского и Туапсинского районов. Причиной возгорания послужили запуски фейерверков. Пожарные бригады несколько дней устраняли последствия культурно-массового мероприятия [2];

- токсичные выбросы (54,8 % ответивших);
- твердые бытовые отходы (51,1 % опрошенных);
- резкие неестественные звуки, шум (34,8 % респондентов).

Пример: в новогоднюю ночь 2021 года в Риме погибли сотни птиц по причине того, что от громких звуков и ярких вспышек фейерверков они в панике врезались друг в друга, в линии электропередач, окна домов [3];

- быстрое распространение инфекций в местах массового скопления людей (25,9 % участников опроса);
- электромагнитные излучения (21,5 % респондентов);
- яркий свет (17 % опрошенных).

2,9 % респондентов считают, что негативное экологическое влияние последствий зрелищ отсутствует, 1,5 % опрошенных затруднились ответить. Таким образом, большинство участников опроса согласно с тем, что зрелища способны нанести вред природе и здоровью людей. Логично, что большая часть (62,2 %)

участников опроса готова в той или иной мере поддержать процессы экологизации зрелищ, а 5,9 % уже осуществляют определенные действия по этому поддержанию. 17,0 % респондентов готовы принять процессы экологизации зрелищ при условии, что это не будет влиять на праздничность мероприятий. Были получены и скептические ответы: 11,9 % – «вряд ли я поддержу это»; 1,5 % – «не готов»; 1,5 % – «бессмысленно».

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- посещение массовых мероприятий большинством респондентов считается интересной формой проведения досуга;
- отношение к современным средствам зрелищности на массовых мероприятиях у большинства респондентов положительное, однако их применение в личных целях интересует лишь каждого третьего участника опроса;
- о негативном влиянии средств зрелищности на окружающую среду знает большинство опрошенных, при этом большая часть респондентов считает, что влияние средств зрелищности на экологию – это проблема, которая требует решения; при этом две трети участников опроса готовы поддержать процессы экологизации зрелищ. Однако в выборке присутствовали респонденты, знающие об экологических последствиях зрелищных мероприятий, но игнорирующие эту информацию и не готовые поддержать процессы экологизации зрелищ.

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости продолжения работы по формированию экологического сознания отечественных потребителей на разных уровнях (от государственного до семейного), используя в учебных заведениях потенциал дисциплин, обучающих экологичному образу жизни; на предприятиях сервиса – сервисные экотехнологии, ориентирующие потребителя на рациональное потребление ресурсов.

Литература

1. Экологический словарь // ЭКО-школа : информационный портал. – URL: <http://sites.google.com/site/ecoschkola/ekologiceskij-slovar> (дата обращения: 13.01.2021).

2. Гень Ю. Пожары в Сочи и Геленджике начались из-за фейерверков // Российская газета. – 02.01.2021. – URL: <https://rg.ru/2021/01/02/reg-ufo/pozhary-v-sochi-i-gelendzhike-nachalis-iz-za-fejerverkov.html> (дата обращения: 13.01.2021).

3. В Риме сотни птиц погибли из-за новогодних салютов // YA62.ru: Рязанский портал. – 02.01.2021. – URL: https://ya62.ru/news/incidents/v_rime_sotni_ptits_pogibli_iz_za_novogodnikh_salyutov/ (дата обращения: 13.01.2021).

Отношение болельщиков к онлайн-трансляциям спортивных матчей

Аннотация. Из-за пандемии коронавируса и вызванной им всеобщей изоляции спортивные матчи проводятся с ограниченным числом зрителей, при этом известно, что для спортивных соревнований важно взаимодействие зрителей и спортсменов. В статье приведены результаты опроса болельщиков (октябрь-декабрь 2020 года), показавшие отношение болельщиков к изменившемуся формату взаимодействия.

Ключевые слова: феномен зрелищности; спортивное соревнование; болельщики.

События 2020 года – пандемия Covid-19 и вызванная ей всеобщая изоляция – привели к тому, что человечество стало еще больше потреблять онлайн-контент различных медиа: 43 % россиян во время режима самоизоляции стали проводить больше времени в соцсетях, чем до него [2]. Затронуло это и индустрию спорта: одно время все соревнования были отменены, а в конце 2020 года мероприятия проходили либо без зрителей, либо со значительным сокращением их числа. Безусловно, это отразилось и на психоэмоциональном настрое спортсменов, оставшихся без поддержки болельщиков, и на восприятии соревнований

Валерия Степановна Соколова, магистрант 1-го курса направления 43.04.01 «Сервис», ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (г. Екатеринбург, Россия).

Татьяна Брониславовна Голубева, канд. техн. наук, доцент, доцент кафедры сервиса и оздоровительных технологий ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (г. Екатеринбург, Россия).

зрителями, которые не могли поддержать команду, и в целом на зрелищности мероприятия. В качестве компромисса организаторы спортивных событий предлагают болельщикам подключиться к онлайн-трансляциям соревнований.

С целью выявления отношения болельщиков к онлайн-трансляциям в октябре-декабре 2020 года с использованием Google-анкеты был проведен опрос 63 болельщиков (возраст 17–70 лет). Среди участников опроса 61,9 % – женщины.

Представлялось целесообразным выяснить изменение числа просмотров онлайн-трансляций болельщиками в период «второй волны» пандемии (осень 2020 года) по сравнению с просмотром в допандемический период. При этом следовало учитывать, что весной-летом 2020 года («первая волна» пандемии) все соревнования были отменены, так что транслировать было нечего. Ответы респондентов на вопрос «Вы обращались/обращаетесь к онлайн-трансляциям спортивных событий?» представлены на рисунке.

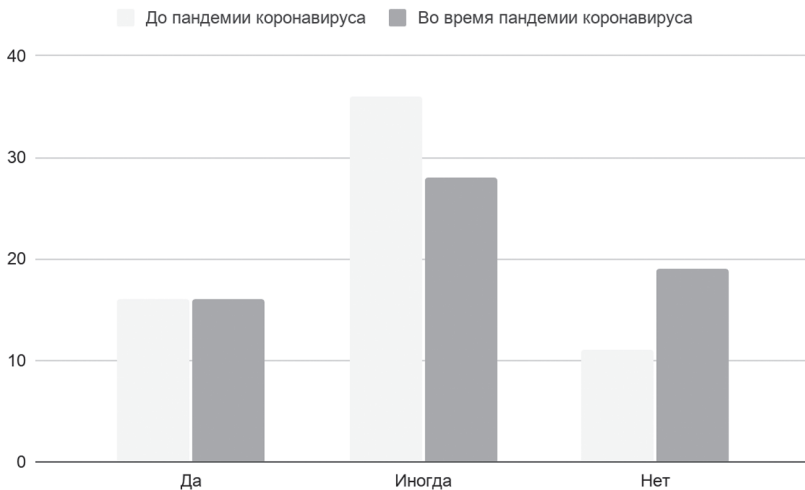

Рис. 1. Ответы респондентов на вопрос «Вы обращались/обращаетесь к онлайн-трансляциям спортивных событий?», % от общего числа

Как мы видим, число тех, кто смотрел до пандемии онлайн-трансляции постоянно, не изменилось и в пандемический период. А вот число тех, кто не смотрел онлайн-трансляций до пандемии, а в период ограничений воспользовался ими, возросло почти в два раза. Число же респондентов, которые в допандемический период прибегали к онлайн-трансляциям не систематически, в пандемию даже снизилось, что можно объяснить усталостью людей от жизни в «онлайн-режиме». Большинство же респондентов (71,4 %) после снятия ограничительных мер собираются смотреть онлайн-трансляции только в том случае, если у них не будет возможности присутствовать на соревновании лично; 19 % намерены в дальнейшем всегда смотреть онлайн-трансляции, а 9,5 % не собираются смотреть трансляции после снятия ограничительных мер.

Наиболее важными преимуществами онлайн-трансляций для респондентов стали (участники опроса при необходимости могли выбрать несколько позиций):

- возможность комфортно расположиться в удобном месте, даже находясь в дороге (47,6 % респондентов);

- возможность сэкономить время на дорогу (46 % опрошенных);

- возможность видеть событие с разных ракурсов, а не только с одного места как в случае присутствия на соревновании (39,7 % участников опроса);

- отсутствие риска заразиться инфекцией (30,2 % респондентов);

- отсутствие затруднений, связанных с погодным фактором (27 % опрошенных).

Как видно, возможность избежать риска заразиться инфекцией не стала главным преимуществом для респондентов, хотя отмена посещения соревнований болельщиками была связана именно с этой необходимостью.

При этом болельщики назвали недостатки онлайн-трансляций (участники опроса при необходимости могли выбрать несколько позиций). Главными из них стали «возможные неполадки со связью и другие технические проблемы», а также «навязчивая

реклама», обе позиции набрали по 66,7 % голосов респондентов. Однако эти недостатки связаны не с самими соревнованиями, а с технической составляющей процесса (перебои в интернет-соединении) и с тем фактом, что без рекламы трудно организовать бесплатный показ соревнований. Если же говорить о недостатках, связанных непосредственно с соревнованиями, то главными минусами для болельщиков стали:

– снижение зрелищности события (38,1 % респондентов). Действительно, ГОСТ Р 52024-2003 «Услуги физкультурно-оздоровительные и спортивные. Общие требования» выделяет доступность спортивно-зрелищных мероприятий для зрителей и его участников как первый обязательный компонент зрелищности, а в данном случае потребители спортивных услуг, как показали результаты опроса (рис. 1), в большинстве своем участвовали в онлайн-трансляциях вынужденно, в силу недоступности очного участия [1];

– потеря самого «духа» соревнования, субкультуры болельщиков – в домашних условиях атмосферу соревнования воссоздать нельзя (34,9 % опрошенных);

– отсутствие чувства сиюминутной поддержки зрителей у спортсменов (28,6 % участников опроса); при этом исследователи С. В. Петров и А. С. Сасик отмечают, что «присутствие зрителей, поддерживающих спортсмена или его соперников, их отношение к происходящему на соревновании могут оказать существенное влияние на результат выступления» [3];

– отсутствие взаимодействия с другими болельщиками (22,2 % респондентов).

В целом же, как показали результаты опроса, более половины (57,1 %) его участников считают, что достоинства и недостатки онлайн-трансляций компенсируют друг друга; 31,7 % респондентов отметили, что у онлайн-трансляций достоинств больше, чем недостатков, а 11,1 % опрошенных онлайн-трансляции категорически не устраивают: по их мнению, недостатков у онлайн-трансляций больше, чем преимуществ.

Опрос показал, что люди в основном положительно воспринимают онлайн-трансляции, однако они отмечают, что такой про-

смотр не вызывает тех же эмоций, что и посещение соревнования лично, так как нет возможности поддержать спортсмена во время игры и нет контакта с другими болельщиками. Таким образом, мы можем говорить о снижении привлекательности для болельщиков спортивных онлайн-событий по сравнению с присутствием на реальном соревновании.

Литература

1. ГОСТ Р 52024-2003. Услуги физкультурно-оздоровительные и спортивные. Общие требования // 1000gost.ru : электронная база ГОСТов. – URL: <http://1000gost.ru/Index/5/5996.htm> (дата обращения: 12.02.2021)

2. Как изменилось поведение потребителей онлайн в связи с пандемией? // Retail Loyalty : информационный портал. – 11.06.2020. – URL: <https://retail-loyalty.org/news/kak-izmenilos-povedenie-potrebiteley-onlayn-v-svyazi-s-pandemiej/> (дата обращения: 12.02.2021)

3. Петров С. В., Сасик А. С. Влияние зрителей и болельщиков на соревновательную деятельность спортсменов // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. – 2008. – № 11. – С. 44–48. – URL: <http://sportpedagogy.org.ua/html/journal/2008-11/08psvsdc.pdf> (дата обращения: 12.02.2021).

Творчество самодеятельного студенческого вокально- инструментального ансамбля как осуществление досуговой практики в условиях пандемии

Аннотация. В статье рассматриваются положения современной теории досуга в социологии, выявляется влияние пандемии COVID-19 на распределение рабочего и свободного времени, раскрываются возможности организации продуктивного досуга студентов в условиях дистанционного обучения на основе опыта деятельности любительского студенческого вокально-инструментального ансамбля одного из колледжей г. Екатеринбурга.

Ключевые слова: самодеятельное творчество; художественная самодеятельность; досуг; культурно-досуговая деятельность; творчество студентов; студенческая самодеятельность; свободное время; досуговые практики; пандемия; музыкальное творчество; дистанционное обучение.

Пандемия COVID-19 стала дезорганизующим фактором для большинства сфер общественной жизни. Но подобные кризисы имеют и позитивный эффект: они способны мобилизовать творческую активность, стимулировать инновации, поиск альтернатив в решении актуальных проблем. Противоречиво влияние пандемии на сферу досуга. В период пребывания людей в вынужденных отпусках в первом квартале 2020 г. высвободилось некоторое количество свободного времени; в то же время закрытие учреждений культуры, общепита, индустрии развлечений

Игорь Сергеевич Гарбузов, аспирант направления 39.06.01 «Социологические науки» АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

значительно сократило возможности реализации досуга. Переход на дистанционную форму обучения и работы (для ряда профессий) привел к разбалансировке привычного жизненного распорядка индивидов, сбоям их бюджетов времени, размыванию границ между трудом и досугом. Примером может служить ситуация обучения студентов: формальное присутствие на онлайн-занятии (подключен к конференции) не исключает одновременного просмотра социальных сетей, общения с друзьями, проведения времени в компьютерных играх. Мы сталкиваемся с проблемой обеднения студенческого досуга в связи с невозможностью посещения спортивных секций, творческих кружков, призванных обеспечивать, помимо прочего, совместную реализацию свободного времени, подразумевающую взаимодействие с выполнением определенных ролей. Продуктивное проведение досуга играет важную роль в социализации молодежи: способствует самореализации, самоактуализации, раскрытию творческого потенциала и др. «Досуговое время – это часть социального времени личности, группы или общества в целом, которая используется для сохранения, восстановления и развития физического и духовного здоровья человека, его интеллектуального совершенствования» [6, с. 151]. О ценности досуга для индивида и общества говорил еще Аристотель: «...нужно, чтобы граждане имели возможность заниматься делами, но, что еще предпочтительнее, наслаждаться миром и пользоваться досугом, совершать все необходимое и полезное, а еще более того – прекрасное» [1, с. 617]. Ж. Дюмазедье, следуя тезису Маркса о том, что повышение благосостояния общества ведет к высвобождению свободного времени, приходит к идее «цивилизации досуга» [4, с. 192], становление которой происходит на наших глазах. В данном случае профессиональная деятельность уже не является ведущим средством самореализации, а на первый план выходят досуговые практики, богатство и разнообразие которых обеспечивают полноту жизни.

В социологических исследованиях обосновывается, что расширение ценностей постмодерна и трансформация смыслов в последние десятилетия ведут к изменению основной роли досуга как вида социально-культурной деятельности в обществен-

ной жизни: он перестал быть лишь средством отдыха от работы, а выступает как альтернативная форма развития жизненных сил. Наполнение свободного времени, являющегося основой досуговых практик, не ограничивается простым потреблением продуктов индустрии развлечений и общением в социальных сетях, хотя в массовом сознании россиян сохраняется традиционное понимание досуга как пассивной, развлекательной и неформализованной части социального времени. Это подтверждают результаты исследования досуговых предпочтений разных категорий населения Н. В. Латовой [7, с. 69]. Новый взгляд на проблему потребовал выделения подвида досуга с более высоким уровнем таких параметров, как структурированность, продуктивность, долгосрочность деятельности, степень приложения усилий субъекта, социальная значимость. Г. Е. Зборовский, в поисках оптимальной терминологии, обратился к понятию «более возвышенной деятельности» [5], первоначально заданному К. Марксом для обозначения таких форм проведения свободного времени, как «творческие занятия, любительский труд, общественная активность, физические упражнения» [8, с. 221], в отличие от обычного отдыха. В работах Дюмазедье в подобном контексте фигурирует термин «полудосуг» [2], а канадский социолог Р. Стеббинс развивает концепцию «серьезного досуга», отмечая в качестве его отличительной черты потенциальную возможность старта карьеры вне работы [10, с. 67]. Ряд зарубежных исследователей (Ларсон, Верма, Эббот) подразделяют культурно-досуговую деятельность на структурированную и неструктурированную, подразумевая под первой досуговые практики, имеющие более высокий уровень определенности и целостности [11, с. 14].

На мой взгляд, примером осуществления «более возвышенной деятельности», серьезного или структурированного досуга является коллективное творчество студентов в рамках самостоятельного вокально-инструментального ансамбля в ГАПОУ СО «Екатеринбургский монтажный колледж» [9]. Оно характеризуется долгосрочным (на период обучения) взаимодействием, формализованным и неформализованным, духовным производством (создание творческого продукта), возможностью для самореа-

лизации участников, совершенствования специальных умений (музицирования) и социально значимых качеств личности (волевая сфера, навыки работы в команде, публичного выступления). Самодеятельный ВИА – это пример малой социальной группы, способной выполнять социализирующую функцию, особенно если она (группа) приобретает качества референтной: становится носителем стандартов и ценностей, разделяемых участниками. В достижении позитивной групповой динамики важна роль руководителя ансамбля (лидера), которым в нашем случае является педагог, но может быть и один из музыкантов. Сегодня игра в любительских рок-группах пользуется популярностью у определенной части юношества на основании подверженности данной возрастной категории влиянию музыкальных субкультур, которые размываются, но все же сохраняют свои черты (панки, эмо, инди и др.). В Екатеринбурге есть самодеятельные ВИА на базе школ, колледжей и вузов, клубов по месту жительства; работает несколько платных частных школ, специализирующихся непосредственно на рок-музыке («Solo Art», «Sunday Rock», «Rock Stars School» и др.) Проводятся молодежные фестивали и конкурсы неакадемической полупрофессиональной музыки (такие, как «В стиле бард-рок» на базе гимназии «Арт-Этюд»). О востребованности данного направления культурно-досуговой деятельности, к примеру, может свидетельствовать количество ВИА, участвующих в областном фестивале «Гитара без форматов» на базе Екатеринбургского монтажного колледжа. В среднем ежегодно подается 50–60 заявок, около 50 % из них – ансамбли [3]. Одна из современных тенденций, подмеченная еще Ж. Дюмазедье в 60-х гг. XX в., – «размытие» границ между работой и досугом. Она особенно заметна в поп-культуре: значительная часть известных эстрадных музыкантов, считающихся профессионалами, не имеет специального образования и начала свой путь с игры в любительских коллективах. Это многие представители отечественной рок-сцены, и не только: В. Бутусов (лидер группы «Наутилус Помпилиус», архитектор по образованию), Б. Гребенщиков (лидер группы «Аквариум», математик), А. Розенбаум (врач по образованию) и т. д.

При переходе к дистанционным форматам образовательной деятельности в условиях пандемии студенческий самостоятельный ВИА может продолжать функционировать при выполнении ряда условий. Главную роль играет наличие устоявшегося коллектива (сообщества), сформированного еще до введения коронавирусных ограничений и выражающего готовность к коммуникации. Также важным фактором является сильная позиция лидера/руководителя, который будет координировать деятельность участников и стимулировать их активность, в основном – через социальные сети. Проблемный момент – формирование мотивации студентов. Это также функция руководителя. Часть мотивов в условиях дистанционных занятий теряет актуальность. Например, совместное времяпрепровождение и живое неформальное общение. Поэтому следует уделить внимание возможности совершенствования навыков музицирования, работе на результат, в определенной мере опираться на вкусовые предпочтения участников. Продуктом творческой деятельности ВИА становится аудиофайл или видеоклип, которые создаются из отдельно записанных партий музыкантов. Такой тип музицирования требует даже более высокой концентрации внимания и оттачивания игры, чем живое исполнение на концерте, при котором все же допустимы незначительные «шероховатости». По итогам работы формируются плейлисты в видеохостингах и социальных сетях, что хоть как-то компенсирует отсутствие выступлений на сцене и позволяет сохранить групповую идентичность [4].

Таким образом, ситуация с пандемией может быть воспринята не как препятствие, а как источник новых возможностей в организации свободного времени молодежи с сохранением потенциала продуктивной культурно-досуговой деятельности в качестве средства социализации.

Литература

1. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4 / пер. с древнегреч. ; общ. ред. А. И. Доватура. – М. : Мысль, 1983. – 830 с.
2. Гаспарян В. Г. «Общество досуга» в работах Ж. Дюмазедье, М. Каплана, К. Роберта // Научный альманах. – 2018. – № 11-3(49). – С. 191–194.

3. Гитара без форматов // Комитет по молодежной политике Администрации города Екатеринбурга : официальный сайт. – URL: <https://молодежь.екатеринбург.рф/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/20259> (дата обращения: 22.11.2020).

4. Дюмазедь Ж. Планирование досуга и культурное развитие // Образование взрослых и досуг в современной Европе. – Прага : Обрис, 1966. – С. 51–59.

5. Зборовский Г. Е. Социология досуга и культуры. – М. : Альтекс, 2006. – 244 с.

6. Киселева Т. Г., Красильников Ю. Д. Социально-культурная деятельность. – М. : Моск. гос. ун-т культуры и искусств, 2004. – 539 с.

7. Латова Н. В. Досуговые практики российских работников как фактор формирования их человеческого потенциала // Социологические исследования. – 2019. – № 11. – С. 63–72.

8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М. : Изд-во политической литературы, 1968. – Т. 46, Ч. I. – 317 с.

9. Новогодний плейлист // ГАПОУ СО «Екатеринбургский монтажный колледж» : официальный сайт. – URL: http://емколледж.рф/news/?ELEMENT_ID=2214 (дата обращения: 22.11.2020).

10. Стеббинс Р. Свободное время: к оптимальному стилю досуга: (взгляд из Канады) // Социологические исследования. – 2000. – № 7. – С. 64–72.

11. Đuranović M., Opić S. The activities of students in leisure time in Sisak-Moslavina county (Republic of Croatia) // Život i škola: časopis za teoriju i praksu odgoja i obrazovanja. – 2016. – Vol. LXII, No 1. – S. 13–23.

Igor Sergeevich Garbuzov,

postgraduate student in Sociology, Liberal Arts University –
University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

A Creative Activity of an Amateur Student Vocal and Instrumental Ensemble as the Implementation of a Recreational Practice in the Context of a Pandemic

Abstract. The article examines the provisions of the modern theory of leisure in sociology. The author reveals the impact of the COVID-19 pandemic on the allocation of working and free time and examines the possibilities of organizing productive leisure time for

students in the context of distance learning based on the experience of an amateur student vocal and instrumental ensemble of one of the Yekaterinburg colleges.

Keywords: amateur creativity; amateur art; leisure; cultural and leisure activities; students' creativity; student amateur activity; free time; leisure practices; pandemic; musical creativity; distance learning.

Раздел седьмой

Управление человеческими ресурсами в условиях кризиса

Т. Л. Сморкалова, П. А. Зубарева, Е. Tustin

Влияние окружающего пространства на проявления стресса у людей

Аннотация. Стресс является неотъемлемой частью современной жизни. Большую роль в проявлении стрессовых реакций играет окружающая среда. Данная работа посвящена рассмотрению факторов окружающей среды, оказывающих влияние на стрессовые реакции современного человека.

Ключевые слова: стресс; стрессоры; стрессоустойчивость; окружающее пространство; профилактика стресса.

Проблема преодоления стресса актуальна, так как стресс связан с любой деятельностью человека. Как правило, условия для стресса формируются из социальных, психологических и экологических ситуаций. Например, увеличение количества болезней (появление новой коронавирусной инфекции), снижение трудоспособности и иммунитета, появление усталости. Стрессовые ситуации появляются тогда, когда требования внешнего пространства превосходят способности человека отвечать на них.

Проблема стресса вызывала интерес многих ученых, а именно: А. М. Столяренко, Т. Холмса, Г. Селье, К. И. Погодаева, Н. В. Самоукиной, В. А. Бодрова, Р. Лазаруса, Ю. В. Щербатых, Р. Рейха, Ю. С. Савенко, С. Фолкмана и других. Утверждения, ко-

Татьяна Леонидовна Сморкалова, канд. психол. наук, доцент, завкафедрой управления персоналом факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Полина Андреевна Зубарева, студент 3-го курса направления «Управление персоналом» факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Elena Tustin, AGRI-HR, Recruitment Director (Hereford, Great Britain).

торые эти ученые высказали, помогли зафиксировать ряд главных фактов, но некоторые аспекты всё же не исследованы [1].

Авторы книг по психологии пишут, что понимание и ощущение стресса появляется в то время, когда мы чувствуем на себе воздействие стрессора, которое, как контраверсионные требования, формирует опасность в нашем сознании.

Понятие стресса тесно связано с состоянием нервной системы. Слово «стресс» в переводе с английского языка означает напряженность. Исследователь Уолтер Брэдфорд Кэннон в 1932 году ввел данный термин в психологию и в физиологию [2].

Этот ученый описывал нервно-психическую составляющую напряжения у людей, которые ощущают это при каких-либо сложных жизненных ситуациях. В условиях окружающей среды, в первую очередь в мегаполисах, все реакции бегства и борьбы, какие выявил У. Б. Кэннон, приобретают свои конкретные свойства. Таким образом, любой человек может испытывать чувство истощенности, эмоционального напряжения, находясь в месте, где проживает большое количество людей.

Согласно представлениям авторов, у человека на стресс возникает две основных реакции: борьба с чем-либо или уход от главной проблемы. Эти реакции заложены природой изначально, поэтому даже в современных условиях человек придерживается их инстинктивно. Нередко проживающие в больших городах люди стараются быть поближе к природе, выезжать на отдых, а если это невозможно, то пытаются свой отдых организовать так, чтобы он был похож на естественный, без шума и прочих особенностей городской среды. Сейчас растет популярность товаров категории «экологический», так как они не вызывают аллергических реакций и в природе разлагаются в сотни раз быстрее, чем пластмасса. Тренд «Экология» наилучшим образом формирует в человеке положительные мысли, касающиеся ключевых сфер жизни.

Ганс Селье считал, что наш организм уникален и способен отвечать на различные появления стрессоров. Проблема, из-за которой формируется напряжение человека, – это злоба, ненависть, обида на какое-либо событие. Г. Селье всегда отвергал понятие

стресса, а изучающие реакции называл «общим адаптивным синдромом», однако потом признал определение «стресс» и начал так именовать исследуемые явления [3].

Известные психологи, С. Фолкман, Р. Лазарус, посмотрели на стресс другой стороны. Они назвали «стресс» тем, что намного сильнее, чем человеческие силы [4]. Стресс имеет психическую составляющую и физическую, такое разделение предложил Ричард Лазарус. Автор предлагает различать эти составляющие таким образом: психическая – это переживания индивида, формирующиеся из-за воздействия внешнего мира, физическая – это существующие раздражители [6].

Изучая влияние окружающего пространства на проявления стресса у людей, следует отметить, что появляются модели поведения и общественные нормы, помогающие людям адаптироваться в мегаполисах, без них невозможно прожить в бесконечной суете.

Представляется, что жители городов-миллионников чаще обращаются за помощью к специалистам, потому что самостоятельно не могут справиться с проблемами, обидами, возникшими из-за стрессовых ситуаций. Маленькие населенные пункты своей неспешностью и тишиной расслабляют людей, а иммунитет и работоспособность населения в них, как правило, намного выше. Так, в современных миллионниках случаев заражения новой коронавирусной инфекцией в разы больше, чем в менее населенных городах. Лазарус и Коген представили несколько элементов стрессора:

- фоновые – незатяжные стрессоры;
- индивидуальные – различные несчастные случаи;
- глобальные происшествия – битвы, природные катаклизмы.

Большая часть стрессоров образуется в огромных городах. Например, шум, засорение, толпы людей, криминал. Именно так негативно описывают мегаполисы.

Стресс для населения миллионников в большей степени связан с аспектами экологического характера: смена привычных ритмов жизни; искусственный свет; серые и однообразные многоэтажки; загрязненный воздух и другое.

Помимо экологических, присоединяются и общественные факторы: большое количество людей находится в разных местах города, люди вынуждены находиться в часы пик в пробках, в очередях. Постоянное пребывание в окружении других людей зачастую является проблемой фрустрации приватности.

С. Милгрэм часто затрагивает тему информационного стресса, который влияет на общество. В городах-миллионниках на людей огромный поток информации обрушивается каждый день, создавая перенапряжение для нервной системы человека.

Подводя итоги, можно сказать, что окружающая среда может оказывать влияние на проявления стресса у человека. Часто люди испытывают дискомфорт, проживая в больших городах. Этот дискомфорт может способствовать возникновению различных заболеваний как соматического, так и психического характера.

Вместе с тем, любой человек реагирует по-своему на стресс. Нередко все переживания происходят из детства. Возможно, следует сразу подходить к проблеме стресса и не прятать глубоко внутри себя эти неприятные чувства. С помощью разбора чувств, поменяется отношение человека к проблеме и, следовательно, уменьшится стресс. Родители должны иметь базовые знания, чтобы уберечь своего ребенка от последствий стресса.

Распространенными реакциями на напряженность являются:

- отсутствие действий от человека. В таких ситуациях индивид уже не имеет собственных сил и все события происходят, нанося еще больший вред здоровью;
- защита интенсивного характера. Данная реакция характеризуется тем, что индивид понимает свою проблему и совершает действия, которые либо улучшат обстоятельства, либо полностью предотвратят появление проблемы;
- максимальное расслабление человека. Самый эффективный способ отвлечься и набраться сил, а главное, найти решение сложной задачи. Его необходимо придерживаться для того, чтобы были возможности функционировать дальше, ведь мы постоянно находимся под воздействием стрессогенов [5].

Существуют программы, которые при стрессовых ситуациях облегчают эмоциональное и физическое состояние здоровья че-

ловека. Смысл этих программ заключается в том, что с помощью физических упражнений, а также благодаря психологическим тренингам в организме человека происходят улучшения, касающиеся работы сердца и сосудов. После всех перечисленных процедур у человека повышается иммунитет, нормализуется обмен веществ, приходит в норму центральная нервная система, человек ощущает себя обновленным, радостным, у него появляется желание работать и улучшать свою жизнь далее.

Конечно же, всех стрессов избежать невозможно, так как это является особенностью нашей жизни. Тем не менее, можно всегда разработать профилактические меры, которые увеличат стрессоустойчивость человека.

Литература

1. Бодров В. А. Информационный стресс : учеб. пособие для вузов. – М. : ПЕР СЭ, 2000. – 352 с.
2. Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме. – М. : Государственное изд-во медицинской литературы, 1960. – 254 с.
3. Селье Г. Стресс без дистресса. – М. : Прогресс, 1982. – 108 с.
4. Стрессы и депрессии // Шкала стрессов Холмса и Раге. – URL: <http://sacralis.com/> (дата обращения: 15.02.2021).
5. Щербатых Ю. В. Стресс и счастье на одну букву. – М. : Феникс, 2011. – 250 с.
6. Юнусова С. Г., Розенталь А. Н., Балтина Т. В. Стресс. Биологические и психологические аспекты // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2008. – Т. 150, № 3. – С. 139–150.

**Д. С. Шалина, В. А. Тихонов,
Н. Р. Степанова, К. Brown**

Современные методы и инструменты мотивации персонала в условиях цифровизации

Аннотация. В работе поднимается проблема снижения мотивации у сотрудников при удаленном взаимодействии. Выделена значимость мотивации сотрудников при дистанционном формате работы. Проанализированы возможности и препятствия мотивации на удаленной работе. Рассмотрено понятие вовлеченности работников и его составляющие, на основе которых были сформированы способы повышения мотивации персонала.

Ключевые слова: современная мотивация; удаленная работа; цифровизация; управление персоналом.

Цифровизация оказывает значительное влияние на нашу жизнь, а также на методы и инструменты работы компаний. Менеджеры сталкиваются с новыми вызовами, а адаптивность к цифровой среде напрямую влияет на конкурентные преимущества. В 2020 году (в период пандемии Covid-19) менеджеры столкнулись с проблемой мотивации персонала в условиях удаленного взаимодействия. Компании, сумевшие внедрить в рабочий процесс современные подходы к мотивации сотрудников на удаленном режиме работы, сумели не только сохранить свою эффективность, но и увеличить ее и открыть новые подходы к мотивации.

Дарья Сергеевна Шалина, Владислав Алексеевич Тихонов, студенты Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Наталья Романовна Степанова, канд. техн. наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Ken Brown, Letterkenny Institute of Technology (Letterkenny, Ireland).

вации персонала. Основная характеристика работы представлена в таблице 1.

Таблица 1

Краткая характеристика исследования

Цель работы	Формирование наиболее действенных методов и инструментов мотивации персонала при удаленном взаимодействии, используемых на практике
Основные задачи разработки	изучить содержание понятия мотивация; проанализировать возможности и препятствия мотивации при удаленной работе; изучить факторы, от которых зависит мотивация и вовлеченность сотрудников; предложить и обосновать способы повышения мотивации сотрудников при удаленном взаимодействии
Научная новизна	предлагаются нетрадиционные способы мотивации сотрудников, работающих удаленно; составлена таблица возможностей и препятствий мотивирования персонала в условиях дистанционного формата; сделан вывод о сниженной вовлеченности в рабочий процесс; предлагается повысить мотивацию путем повышения вовлеченности, которая представлена как совокупность трех составляющих; для повышения каждой из составляющих обоснованы современные и актуальные способы и методы (soft skills, мышление роста, инструменты геймификации, социальные цифровые инструменты и др.)
Научный результат	описаны возможности и препятствия мотивации при удаленной работе; представлены и обоснованы конкретные способы повышения мотивации; описан предполагаемый результат использования указанных способов

Окончание таблицы 1

Личный вклад	проанализированы проблемы мотивации сотрудников, работающих в удаленном формате; мотивация рассматривается через вовлеченность и ее составляющие; сформирован перечень способов мотивации сотрудников на основе современных трендов и инструментов менеджмента
Применение работы на практике	результаты исследования могут быть использованы в качестве рекомендаций по повышению мотивации сотрудников при удаленном взаимодействии работодателями различных компаний

Мотивация – это процесс формирования импульсов, управляющих поведением человека и определяющих направление его деятельности для достижения максимально эффективных результатов [7, с. 150]. Разработка эффективной системы мотивации – это один из механизмов, позволяющих компании занять лидирующую позицию на рынке. Менеджеры, которые уделяют должное внимание мотивации сотрудников, добиваются того, что компания работает как единый организм, где каждый нацелен на достижение наилучшего результата. Нематериальная мотивация предполагает понимание психологических и социальных потребностей сотрудников, что затруднительно осуществить при удаленной работе [8].

В современных условиях удаленная работа, кроме препятствий в мотивации персонала, дает новые возможности (см. табл. 2).

Сотрудники, работающие удаленно, нуждаются в активном общении, командном взаимодействии, приближении к руководителю и спокойной рабочей обстановке. Дистанционный режим работы сокращает уровень вовлеченности персонала в рабочий процесс. Вовлеченность представляет собой совокупность трех составляющих: инициативы, увлеченности работой и приверженности компании. Посредством указанных факторов можно повысить вовлеченность сотрудников, а затем и мотивацию. Таким образом, политика мотивации должна содержать методы, которые

способствуют повышению удовлетворенности работой, желания сделать больше и возрастанию приверженности к своей компании [4]. В таблице 3 предложены способы повышения мотивации, основанные на данных трех составляющих.

Таблица 2

Мотивация в условиях удаленной работы [6, с. 522–523; 3]

Возможности/плюсы	Препятствия/минусы
Баланс между работой и отдыхом	Потеря синергетического эффекта от работы команды
Работа в «компании мечты» из удаленного региона	Сокращение возможностей нематериальной мотивации сотрудников
Работа по гибкому графику дает лучший результат	Снижение лояльности к компании как к работодателю
Улучшение здоровья и благополучия сотрудников	Отсутствие «личного контакта» с коллегами и руководителем
Экономия времени на различных мероприятиях (например, по командообразованию)	Снижение мотивации в среднесрочной и долгосрочной перспективе
Улучшение коммуникативного взаимодействия	Многочисленные отвлекающие факторы

Необходимы навыки, которые помогут расставлять приоритеты, гибко мыслить и управлять временем, то есть soft skills (мягкие навыки). При этом важно развивать мышление роста, которое способствует изучению новых материалов и технологий [1; 2].

Увлеченные работой сотрудники удовлетворяют свои трудовые потребности, реализуют свой потенциал, готовы развивать себя и свою компанию. Проведение игр может послужить как проверкой профессиональных навыков, так и средством отвлечения от работы [5; 9].

Приверженность компании эффективнее повышать через коммуникацию, командообразование и признание. При этом важно, чтобы руководитель также показывал свой вклад в работу и участвовал в мероприятиях по повышению мотивации [2; 5; 8].

Таблица 3

Способы повышения мотивации современного персонала [1; 2; 5; 9]

Составляющая вовлеченности	Способ повышения	Результат
Инициативность	<ul style="list-style-type: none"> - обучение soft skills; - проведение тренингов по развитию мягких навыков; - формирование мышления роста 	<p>повышение эффективности, личностное развитие сотрудников;</p> <p>частое проявление инициативы;</p> <p>нацеленность на профессиональный рост</p>
Увлеченность работой	<ul style="list-style-type: none"> - внедрение доски достижений; - проведение ежедневных собраний в Zoom/Skype; - предоставление корректирующей обратной связи; - организация неформальных встреч онлайн; - использование инструментов геймификации 	<p>улучшение коммуникации между сотрудниками;</p> <p>обеспечение «прозрачности» рабочего процесса;</p> <p>повышение вовлеченности;</p> <p>стремление к лучшему результату, рост профессиональных навыков</p>
Приверженность компании	<ul style="list-style-type: none"> - организация командообразовательных мероприятий; - использование социальных инструментов (в том числе социальных сетей); - формирование сотрудничества как приоритета в рабочем процессе; - внедрение программ признания сотрудников 	<p>создание новой корпоративной культуры;</p> <p>повышение творческого потенциала;</p> <p>развитие команд удаленного взаимодействия;</p> <p>увеличение адаптивности;</p> <p>формирование коллектива персонала как единой команды</p>

Таким образом, цифровизация мотивационных программ является важным направлением развития компаний в современных условиях. Несмотря на препятствия мотивации сотрудников при удаленном взаимодействии, существует множество возможно-

стей и инструментов, в том числе и цифровых. Представленные в работе способы повышения мотивации сотрудников основаны на трех составляющих вовлеченности: инициативности, увлеченности работой и приверженности компании. Результатом повышения данных составляющих является замотивированность сотрудников, адаптивность к изменяющимся условиям и эффективный рабочий процесс.

Литература

1. 5 Necessary Soft Skills for Remote Work and How to Improve Them with Feedback // Impraise : [сайт]. – URL: <https://www.impraise.com/blog/5-necessary-soft-skills-for-remote-work-and-how-to-improve-them-with-feedback> (дата обращения: 16.02.2021).

2. 9 Ways Motivate Your Remote Employees // Apollo Technical : [сайт]. – 25.08.2020. – URL: <https://www.apollotechnical.com/motivate-remote-employees/#:~:text=To%20motivate%20your%20remote%20employees,motivation%20in%20your%20remote%20employees> (дата обращения: 16.02.2021).

3. Benefits of Working from Home // Wrike : [сайт]. – URL: <https://www.wrike.com/remote-work-guide/benefits-of-working-from-home/> (дата обращения: 14.02.2021).

4. Всероссийский мониторинг вовлеченности персонала 2021 // ЭКОПСИ : [сайт]. – URL: <https://research.ecopsy.ru/engagement-2020> (дата обращения: 12.02.2021).

5. Дударев А. В., Минченко Л. В. Управление нематериальной мотивацией персонала на предприятии // Инновации и инвестиции. – 2019. – № 11. – С. 127–130.

6. Игнатюк А. С., Манцерова Т. Ф. Проблемы мотивации в условиях удаленной работы // Московский экономический журнал. – 2020. – № 9. – С. 521–526.

7. Колесниченко Е. А., Беспалов М. В., Рядюкова Я. Ю. Совершенствование мотивационного механизма на российских предприятиях // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 5 (113). – С. 149–154.

8. Ламихов Ю. Б. Создание оптимальной системы трудовой мотивации на современных предприятиях // Дискуссия. – 2019. – № 1 (92). – С. 47–55.

9. Москва Е. Как сохранить мотивацию команды в удаленной работе? // TSQ consulting : [сайт]. – 18.08.2020. – URL: https://tsqconsulting.ru/blog/remote_motivation#3 (дата обращения: 12.02.2021).

Раздел восьмой

Кризисы цифровизации: междисциплинарные исследования и проекты

Междисциплинарные проблемы цифровизации

**А. В. Агеносов, Н. В. Хмелькова,
А. Ю. Руданина, М. К. Елисейкина,
Н. А. Гончарова, И. Л. Ждахин**

К вопросу об онтологическом статусе искусственного интеллекта

Аннотация. В статье раскрыт авторский взгляд на проблему определения онтологического статуса искусственного интеллекта, актуальность которой нарастает в условиях ускорения технологического развития, стимулируемого мировой пандемией. Показаны онтологии искусственного интеллекта с позиции парадигм «техно-оптимизма» и «прагматизации».

Ключевые слова: искусственный интеллект; техно-оптимизм; объектно-ориентированная онтология; акторно-сетевая теория; электронное лицо.

Александр Васильевич Агеносов, канд. техн. наук, доцент, декан факультета компьютерных технологий, завкафедрой информационных технологий, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Наталья Владимировна Хмелькова, д-р экон. наук, доцент, завкафедрой экономики и информатизации факультета компьютерных технологий, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Анастасия Юрьевна Руданина, студентка 2-го курса факультета компьютерных технологий, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Марина Кимовна Елисейкина, старший преподаватель кафедры информационных технологий факультета компьютерных технологий, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Наталья Алексеевна Гончарова, старший преподаватель кафедры экономики и информатизации факультета компьютерных технологий, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Игорь Леонидович Ждахин, канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры информационных технологий факультета компьютерных технологий, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

© А. В. Агеносов, Н. В. Хмелькова, А. Ю. Руданина, М. К. Елисейкина, Н. А. Гончарова, И. Л. Ждахин, 2021

Мировой пандемический кризис, охвативший планету, беспрецедентно ускорил процессы цифровизации. Внедрение цифровых технологий из тренда превратилось в насущную необходимость, условие выживания. Пандемия стала катализатором цифровизации даже в тех сферах, где переход на цифровые рельсы не предполагался.

Так, в рамках исследования «The Agents of Transformation Report 2020», в ходе которого опрашивались более 1 000 ИТ-специалистов по всему миру, было выявлено, что многолетние проекты цифровой трансформации пришлось внедрять за недели, чтобы преодолеть последствия коронавируса. Более 65 % респондентов сообщили, что во время пандемии они внедрили ИТ-проекты, которые ранее были отвергнуты как необязательные. 81 % опрошенных технических специалистов также обозначили, что COVID-19 создал самое большое технологическое давление на их организацию, которое они когда-либо испытывали [1]. Помимо прочего, было отмечено, что при таком давлении не было времени на длительные циклы планирования и всестороннее тестирование концепции. 59 % признали, что просто «тушили пожары», внедряя краткосрочные решения технологических проблем. 76 % выразили озабоченность по поводу долгосрочных последствий инициатив цифровой трансформации, которые им пришлось срочно реализовывать [9].

Таким образом, мировая пандемия резко обострила проблему, которая не была критично заметна в докоронавирусную эпоху. Технологии стремительно эволюционируют, уходя в громадный отрыв от развития социально-гуманитарной сферы, задача которой заключается в рефлексии происходящих процессов и разработке дискурсов и стратегий формирования и функционирования цифрового общества. Яркая иллюстрация – нерешенность этических вопросов, что порождает колоссальные риски, связанные с безопасностью жизни в цифровом мире. Распространенная точка зрения, согласно которой искусственный интеллект «...пока развивается по тому же принципу, что и другие революционные технологии, когда положительные результаты внедрения перевешивают отрицательные последствия» [2, с. 410], уже не кажется

единственно верной и заставляет задуматься об изменении баланса сил.

По мнению авторов экспертного опроса, проведенного в ФНИСЦ РАН, сложилась ситуация, когда общество делает ставку в своем развитии на цифровой прорыв, не имея его корректно-теоретического обоснования. Поэтому мы согласны с тем, что сегодня всё более актуальным становится теоретическое осмысление основных направлений формирующейся цифровой реальности и возникающих при этом социально-политических рисков [8, с. 8]. Особое внимание в этом контексте должно быть уделено философскому обоснованию технологического прогресса, поскольку любое изобретение, научный результат и технологическое достижение могут быть использованы как на пользу, так и во вред человечеству. Л. И. Волгин и В. А. Мишин называют это проблемой «агрессии» искусственного интеллекта, решение которой имеет ключевое значение для будущего развития человеческой цивилизации [3, с. 13]. Н. А. Боргест в своем «послании» философам и разработчикам искусственного интеллекта справедливо отмечает, что «в стратегии развития цивилизации философы должны принимать активное участие, а не созерцать происходящее» [2, с. 424].

Именно пул технологий, объединяемых понятием «искусственный интеллект», играет в настоящее время лидирующую роль, формируя не только генеральную линию цифровой трансформации современного мира, но и, что принципиально важно, влияя на выработку идеологии будущего цифрового общества. Развитие искусственного интеллекта вносит определяющий вклад в процессы, которые Д. Харауэй в своем известном эссе «Манифест киборгов» определяет как крушение границ, разрушение барьеров, воздвигнутых между человеком, животным и машиной. Понимая киборга как кибернетический организм, гибрид машины и организма, автор использует этот метафорический образ как «...миф о нарушенных границах, сильнодействующих сплавах и опасных возможностях...» [6, с. 9, 19].

В связи с этим, по нашему мнению, поиск решения «проблемы» искусственного интеллекта необходимо вести в максималь-

но широком методологическом контексте, связанном с необходимостью разработки онтологии цифровой реальности, в рамках которой должны быть определены статусы и роли людей и машин в новом цифровом мире, лишенном привычных иерархий и четко обозначенных границ естественного и искусственного.

Ряд ученых продвигает радикальную точку зрения, согласно которой развитие искусственного интеллекта неизбежно приведет к экзистенциальному кризису человеческой цивилизации и появлению новых, более совершенных в сравнении с биологическими существами сущностей – интеллектуальных агентов. Известно мнение, высказанное по данному вопросу С. Хокингом, согласно которому машины полностью заменят людей, став «новой формой жизни» [7]. Справедливости ради следует отметить, что существует и противоположная позиция, согласно которой создание искусственного интеллекта, способного мыслить хотя бы на уровне человека, тем более его превосходить, в обозримом будущем не представляется возможным. Поэтому ее сторонники полагают, что технологии никогда не смогут конкурировать с человеком за главенствующее положение в этом мире.

Именно здесь можно обозначить «развилку», задающую два междисциплинарных направления, заметных в настоящее время в дискурсе исследований искусственного интеллекта, определяемых как «техно-оптимизм» и «прагматизация» (таблица).

С момента зарождения искусственного интеллекта его развитие определялось парадигмой «техно-оптимизма», согласно которой конечной целью разработки данной технологии является постижение человеческого сознания и создание «разумных» машин, равных человеку и способных его превзойти. Несмотря на постоянно ведущиеся дискуссии относительно принципиальной возможности или невозможности создания и временного горизонта, в пределах которого можно ожидать появления «сильного» искусственного интеллекта, ключевое значение для парадигмы «техно-оптимизма» имеет сама постановка вопроса о вероятности его разработки и практические усилия по достижению данной цели. Закономерным итогом признания «равенства» искусственного интеллекта человеческому становится необходимость правового

закрепления его статуса через введение в юридический оборот наряду с физическими и юридическими лицами нового понятия – «электронное лицо». При этом электронное лицо рассматривается как субъект права, являющийся, по существу, комплексом юридических обязанностей и прав, содержанием которых выступают действия искусственного интеллекта [10, с. 49].

Таблица

Техно-оптимизм vs прагматизация

Междисциплинарное поле исследования	Техно-оптимизм	Прагматизация
Идеология	Создание «сильного» («общего») искусственного интеллекта возможно и является целью	Создание «сильного» («общего») искусственного интеллекта невозможно и не рассматривается в качестве цели
Методология	«Преодоление» человека, разрушение антропоцентрической картины мира	Человек «в центре», сохранение антропоцентрической картины мира
Технология	Человекоподобный мыслящий искусственный интеллект	Нечеловекоподобный «бездумный» искусственный интеллект
Онтология	Бытие как сеть людей и машин	Бытие как иерархия людей и машин
Этика	Ответственность за решения, принимаемые алгоритмами, несет искусственный интеллект	Ответственность за решения, принимаемые алгоритмами, лежит на человеке

Как результат, возникает один из наиболее опасных рисков, обусловленный развитием искусственного интеллекта, связанный с подрывом основ, а в перспективе и с необходимостью отказа от антропоцентрической картины мира с идеей привилегированного положения человека как «венца» эволюции. В будущем «сильного» искусственного интеллекта неизбежно должна быть разрушена привычная иерархия субъектно-объектных от-

ношений, а бытие трансформироваться в плоский сетевой мир. Наиболее радикальной философской концепцией, «выстрелившей» на волне «техно-оптимизма», стала идея элиминации или «преодоления» субъекта, активно продвигаемая представителями научного течения, получившего название «объектно-ориентированной онтологии». На протяжении последнего десятилетия ее сторонники делают попытку концептуализировать и обосновать картину реальности до, после и за пределами человека. Одним из ярких концептов выступает акторно-сетевая теория, провозглашающая принцип симметричного подхода к акторам любого типа. В результате в фокус исследования попадает не только вселенная людей, но и мир нечеловеческих акторов, а социальное бытие становится продуктом взаимодействия гетерогенных элементов (людей, животных, машин, природы и других), обладающих равным онтологическим статусом [4].

Таким образом, следует констатировать, что «техно-оптимизм» таит в себе фундаментальные риски. В этой связи на фоне стремительного и подчас неконтролируемого «сползания» мира в цифровую реальность приходит осознание необходимости отказа от излишней эйфории и переходу к более прагматичному подходу.

Его сторонники ратуют за отказ от антропоморфизма как базовой модели развития искусственного интеллекта. В рамках парадигмы «прагматизации» создание человекоподобного искусственного интеллекта предлагается рассматривать как задачу фундаментальной науки, не имеющую прикладного значения, по крайней мере в обозримом будущем. В свою очередь, практический смысл имеет совершенствование технологий машинного обучения, позволяющих создать устройства, обладающие мощными, но не человеческими способностями. Также предлагается избегать любых упоминаний, касающихся субъектности искусственного интеллекта, поскольку существование подобной точки зрения порождает неоправданную дискуссию об ответственности технологий за последствия принимаемых решений. Помимо этого, при разработке этических принципов использования искусственного интеллекта обращается внимание на необходимость

сохранять антропоцентрический подход и не подвергать сомнению приоритет его создателя.

В заключение отметим, что вопрос об онтологическом статусе искусственного интеллекта должен находиться в фокусе самого пристального внимания. Особое значение имеет его философское «решение», поскольку искусственный интеллект не только превращается в неотъемлемую часть жизни современной цивилизации, но и создает угрозы разрушения привычной иерархической структуры мира. Несмотря на то что техника и технология создаются человеком как искусственный артефакт и затем используются им как средство в своей деятельности, подобное представление всё меньше соответствует их природе, поскольку «...сегодня техника всё больше манифестирует себя как особая стихия и естественное» [5].

Литература

1. Ализар А. Цифровизация – единственная надежда во время кризиса: глобальное исследование AppDynamics // Mail.ru Cloud Solutions. – 24.07.2020. – URL: <https://mcs.mail.ru/blog/tsifrovizatsiya-edinstvennaya-nadezhda-vo-vremya-krizisa> (дата обращения: 19.02.2021).
2. Боргест Н. М. Стратегии интеллекта и его онтологии: попытка разобраться // Онтология проектирования. – 2019. – Т. 9, № 4 (34). – С. 407–428.
3. Волгин Л. И., Мишин В. А. Онтологические аспекты искусственного интеллекта // Вестник Ульяновского государственного технического университета. – 1999. – № 4. – С. 13–19.
4. Киборги из чрева беременного монстра: теоретические фигуры Донны Харауэй // Сигма. – 27.07.2017. – URL: <https://syg.ma/@sygma/kiborghy-iz-chrieva-bieriemiennogho-monstra-tieorietichieskie-figury-donny-kharauei> (дата обращения: 19.02.2021).
5. Розин В. М., Аронсон О. В., Алексеева И. Ю., Неретина С. С. Традиционная и современная технология. Философско-методологический анализ : колл. монография / отв. ред. В. М. Розин. – М. : Институт философии Российской Академии наук, 1998. – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4532/4537> (дата обращения: 19.02.2021).
6. Харауэй Д. Манифест киборгов. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2017. – 128 с.

7. Хокинг рассказал о «новой форме жизни» на базе искусственного интеллекта // РБК. – 03.11.2017. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/03/11/2017/59fc0ee99a794733e54f0d64 (дата обращения: 19.02.2021).

8. Цифровизация: завтра началось вчера / М. И. Бесхмельницин, С. В. Рогачев [и др.] ; ФНИСЦ РАН. – М. : Проспект, 2020. – 32 с.

9. Яковенко Д. «Постковидная эра»: ускоренная цифровизация и новое понятие нормы // vc.ru : [сайт]. – 31.07.2020. – URL: <https://vc.ru/services/146561-postkovidnaya-era-uskorennaya-cifrovizaciya-i-novoe-ponyatie-normy> (дата обращения: 19.02.2021).

10. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – Т. 13, № 2. – С. 36–55.

Теоретические аспекты исследования конвергентных технологий

Аннотация. В цифровой период развития гуманитарной науки проблематика конвергентных (НБИКС) технологий и искусственный интеллект выходят за пределы технической и естественно-научной областей знаний, приобретая междисциплинарный контекст. В работе рассматривается феномен «конвергентные технологии» как зонтичный концепт, объединяющий комплекс «прорывных» технологий. Отмечается, что НБИКС-технологии, с одной стороны, исследуются в рамках «трансгуманистической парадигмы», а с другой – критически осмысливаются и оцениваются, подчеркивается необходимость проведения гуманитарной экспертизы данных технологий.

Ключевые слова: конвергентные технологии; НБИКС-технологии; искусственный интеллект; цифровизация; цифровая антропология; трансгуманизм.

В современном научном дискурсе особую актуальность приобретают исследования и проекты, затрагивающие сферу развития цифровых гуманитарных наук (Digital Humanities) в целом и цифровой антропологии (Digital anthropology) в частности. Как отмечают ученые, цифровая антропология направлена на анализ феномена медиазависимости, последствий воздействия современных технологий на человека, а также особенностей взаимодействия человека и цифрового общества, сконструированного с помощью ИКТ-технологий и сетевых сред [10, с. 289]. Утверждается, что цифровые гуманитарные науки, или «цифровая гуманитаристика», – это междисциплинарное направ-

Екатерина Григорьевна Грибовод, канд. полит. наук, научный сотрудник отдела философии Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

ление, которое охватывает инструментарий социогуманитарных, вычислительных наук и информационных технологий для исследования современного состояния и последствий развития цифровой среды и новых технологий, а также для применения достижений ИКТ-технологий в гуманитарных областях знаний [7, с. 73].

Конвергентные технологии опосредуют разнообразные экономические, политические и социогуманитарные сферы, а также трансформируют повседневные практики. В качестве примера отметим такие феномены, как конвергентная журналистика, медиаконвергенция [6], конвергентное образование [8] и другие. Исследователями фиксируются два вектора развития конвергентных технологий: во-первых, «инструментальный, экономико-технологический», затрагивающий прагматические практики по созданию «взаимозаменяемых» элементов; во-вторых, «антропологический», направленный на расширение и изменение возможностей человека, а также решение глобальных социально-экономических и иных проблем социума [2, с. 8]. Особый интерес в контексте изучения конвергентных технологий вызывает феномен «искусственный интеллект» (ИИ), поскольку проблематика ИИ расширяется и приобретает междисциплинарный характер.

В академических исследованиях конвергентные технологии рассматриваются как совокупность «прорывных», а именно нано-био-инфо-когнитивных (NBIC) технологий, появление которых отождествляют с необходимостью стран оперативно реагировать на современные «большие вызовы». Кроме того, отмечается, что диапазон конвергентных технологий расширяется, включает еще социально-гуманитарные технологии и определяется как комплекс NBICS-технологий [2]. Формирование конвергентных технологий происходит неравномерно, однако некоторые из них, например информационные и биотехнологии, развиваются более интенсивно. С ростом интереса и ожиданий общественности, бизнеса, научного сообщества в связи с развитием сектора конвергентных технологий также появляются опасения, разочарование и страх потери контроля над ними, особенно в направлении технологической модификации природы человека.

Развитие сферы высоких технологий, в том числе конвергентных, выявляет ряд фундаментальных вызовов, рисков и вопросов: во-первых, появление новых форм отчуждения (например, «отчуждение творчества», «технологическое отчуждение») вследствие обесценивания трудовой, творческой значимости людей в связи с прогнозируемой автоматизацией труда и роботизацией [4]. Во-вторых, вопросы этического характера [11], связанные с развитием биотехнологий и элементов искусственного интеллекта. В-третьих, безопасность киберпространства стран (сохранение конфиденциальности персональных данных и др.) и феномен «электронно-цифрового разрыва» [5]. В-четвертых, правовые, политические и экономические барьеры и противоречия, как внутри стран, так и в рамках международной правовой практики (например, применение новых технологий в соответствии с действующим законодательством; сертификация медицинских препаратов), а также экологические проблемы (например, рост объемов промышленных отходов, вырубка лесов в целях добычи полезных ископаемых и пр.) [1; 2] и др.

Рассмотрение концепции конвергентных НБИКС-технологий позволяет условно выделить два ключевых аспекта исследования данного феномена. С одной стороны, фиксируются «трансгуманистическая парадигма» и «технооптимизм», характерный преимущественно для работ представителей трансгуманизма (Н. Бостром, Р. Курцвейл и др.), которые акцентируют внимание на широких возможностях, позитивных последствиях и выгодах от развития и применения «прорывных» конвергентных технологий, а также на потенциале коэволюции человека и технологий. Кроме того, подчеркивается, что появление новых технологий и связанных с ними рисков – закономерный процесс развития человека и общества [12]. С другой стороны, можно отметить критический подход (В. А. Кутырев, М. Дж. МакНами и С. Д. Эдвардс, Ф. Ф. Фукуяма и др.), в рамках которого выявляется настороженная и негативная позиция по поводу внедрения новых технологий, поскольку последствия интеграции НБИКС-технологий и человека – труднопрогнозируемые [3]. Кроме того,

отмечается необходимость проведения гуманитарной экспертизы конвергентных технологий (подробнее см.: [11]).

Таким образом, конвергентные (НБИКС) технологии – это зонтичный концепт, который объединяет инструментарий естественных, информационных и социальных наук. Несмотря на снижение интереса в научном дискурсе к направлению исследования конвергентных (НБИКС) технологий, отдельные ее элементы, например искусственный интеллект, более востребованы в условиях цифрового этапа развития социума. Дальнейшее изучение феномена «искусственный интеллект» позволит комплексно подойти к решению глобальных вызовов и проблем, выстроить междисциплинарный диалог и консолидировать научное сообщество.

Литература

1. Воронцов С. А., Мамычев А. Ю. «Искусственный интеллект» в современной политической и правовой жизнедеятельности общества: проблемы и противоречия цифровой трансформации // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2019. – Т. 11, № 4. – С. 9–22.

2. Внутских А. Ю., Железняк В. Н. Концепции конвергентных технологий и искусственного интеллекта: философские альтернативы // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2013. – № 4-1. – С. 6–10.

3. Грибовод Е. Г. Этапы становления постгуманизма. К постановке проблемы // Дискурс-Пи. – 2020. – № 4 (41). – С. 133–150. – DOI 10.24411/1817-9568-2020-10409.

4. Давыдов Д. А. Личность, свобода творчества и отчуждение // Человек. – 2019. – Т. 30, № 1. – С. 45–65. – DOI 10.31857/S023620070003021-0.

5. Ковба Д. М. «Мягкие» средства обеспечения информационной безопасности в условиях развития новых технологий // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : материалы XXI российской науч.-практ. конференции (с междунар. участием), 12–13 апреля 2019 года : доклады / редкол. : Л. А. Закс и др. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 638–641.

6. Коханая О. Е. Феномен конвергентной журналистики в медиакommunikationном пространстве // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 8. – С. 63–75.

7. Можаяева Г. В., Можаяева-Ренья П. Н., Сербин В. А. Цифровая гуманитаристика: организационные формы и инфраструктура исследований // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 389. – С. 73–81.

8. Роберт И. В. Конвергентное образование: истоки и перспективы // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2018. – № 2. – С. 64–76.

9. Рыбин В. А. Трансгуманизм как проблема экологического кризиса // Вестник Челябинского государственного университета. Философские науки. – 2017. – № 13 (409), вып. 46. – С. 5–16.

10. Тихонова С. В., Фролова С. М. Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19, вып. 3. – С. 287–290. – DOI 10.18500/1819-7671-2019-19-3-287-290.

11. Юдин Б. Г. Человек: выход за пределы. – М. : Прогресс-Традиция, 2018. – 472 с.

12. Lilley S. Transhumanism and Society: the Social Debate over Human Enhancement. – Dordrecht : New York : Springer, 2013. – 91 p.

Digitalizing Natural Theology and AI-Robot Philosophizing of God by Algorithmic Computing Relevant Evaluation-Functions

Abstract. Subject-matter – a possibility of moral-legal programming AI-robot behavior in general, and a possibility of theological programming AI-robot-activity especially, as foundations for adequate response to the human concerns about a possibility of Artificial Intelligence violating human interests. Method – discrete mathematical modeling. New scientific result – a demonstration of the possibility of digitalizing philosophical theology. The demonstration is implemented by exemplification of adequate representing human knowledge of philosophical theology principles in artificial intellectual systems. For the first time in world literature on the theme, a deductive proof of logic consistency of conjunction of principles of God’s existence, omni-goodness, omnipotence, omnipresence, and omniscience is submitted.

Keywords: digitalizing-metaphysics; discrete-mathematical-model-of-formal-axiology; applying-two-valued-algebraic-system-of-metaphysics-as-formal-axiology-to-theology; AI-robot; philosophizing-of-God-by-computing-evaluation-functions

Today human culture is challenged by indispensable digitalizing all its aspects. In spite of the humanitarians’ irritation and resistance, even metaphysics, ethics, jurisprudence, and theology are to be digitalized somehow for effective using contemporary and future information technologies. The tendency to computerization of the humanities requires inventing and investigating adequate mathematical

Vladimir O. Lobovikov, Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor, Leading Researcher, Laboratory for Applied System Investigations, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

models of the subject-matter; formulations and solutions of problems are to be translated (by means of a code) from the natural human language into artificial one of AI-robots.

With respect to digitalizing the humanities in general and philosophical theology in particular, the present paper submits a qualitatively new (psychologically unexpected) idea and even a significantly new method for solving some kinds of philosophical theology problems. For being taken seriously, this statement is to be explained, explicated and illustrated by concrete examples. To instantiate, explicate, and explain it convincingly, below I consider the article by G. F. Englebretsen discussing the *logical incompatibility* of God's existence and omnipotence [1]. In Englebretsen's article one can find the following text: "In other words, either God is not omnipotent or He does not exist. If God is omnipotent, He does not exist. If God exists, He is not omnipotent. There is no omnipotent God" [1, p. 31]. This Englebretsen's statement is challenged in the present paper by means of formulating and solving difficult theology problems within a two-valued algebraic system of metaphysics interpreted as formal-axiology [2–4].

The two-valued algebraic system of metaphysics understood as formal axiology is based upon the set Δ of such and only such either existing or not existing elements (for example, things, processes, events, actions, agents, etc.) which are either good or bad ones from the viewpoint of a valuator V . Algebraic operations defined on the set Δ are evaluation-functions. Evaluation-variables of these functions take their values from the set $\{g, b\}$. Here the symbols "g" and "b" stand for the abstract axiological values "good" and "bad", respectively. The functions take their values from the same set. The symbols: "x" and "y" stand for abstract-value-forms of elements of Δ . Elementary value-forms deprived of their contents are independent evaluation-variables. Compound value-forms of elements of Δ deprived of their contents are evaluation-functions determined by these variables. Let symbol V stand for the *evaluator*, i.e. that person (individual or collective one – it does not matter), in relation to which all evaluations are performed. In the evaluation-relativity theory, V is a variable: changing values of the variable V can result in changing evaluations of concrete elements of Δ . However, if a value of V is fixed, then evaluations of concrete elements of Δ are definite.

Speaking of evaluation-functions in this paper I mean the following mappings (in the proper mathematical meaning of the word “mapping”): $\{g, b\} \rightarrow \{g, b\}$, if *one* speaks of the evaluation-functions determined by one evaluation-variable; $\{g, b\} \times \{g, b\} \rightarrow \{g, b\}$, where “ \times ” stands for the Cartesian multiplication of sets, if one speaks of the evaluation-functions determined by *two* evaluation-variables; $\{g, b\}^N \rightarrow \{g, b\}$, if one speaks of the evaluation-functions determined by *N* evaluation-variables, where *N* is a finite positive integer. Now let us introduce by the below-presented glossaries and define by the below-submitted tables the evaluation-functions directly relevant to the theme of this paper. First of all, let us consider the evaluation-functions determined by *one* evaluation-argument.

The *glossary* for the below evaluation-table 1: Let the symbol *Bx* stand for the evaluation-function “*being, existence, presence of (what, whom) x*”. The symbol *Nx* stands for the evaluation-function “*non-being of x*”. *Wx* – the *constant* evaluation-function “*absolute nonbeing of (what, whom) x*”. *Dx* – the *constant* evaluation-function “*absolute being of (what, whom) x*”. *Gx* – “*God of (what, whom) x in monotheistic world religion*”. *Ax* means the evaluation-function “*a-priori knowledge of (about) x*”. *Ex* means the evaluation-function “*empirical knowledge of (about) x*”. *Yx* – “*empirical knowing by (whom) x*”. *Jx* – “*a-priori-knowing by (whom) x*”. *Cx* – “*knowing by (whom) x*”. *Kx* – “*knowledge of (about) x*”. *Sx* – “*sensation of (what, whom) x*”. *Tx* – “*thought of (what, whom) x*”. *Ox* – “*an opinion (doxa) about x*”. *Hx* – “*a hypothesis, guess about x*”. *Rx* – “*a revisable belief in (what, whom) x*”. *Fx* – “*a not-revisable belief (faith) in (what, whom) x*”. The above-introduced functions are defined by the table 1.

The *glossary* for the below evaluation-table 2: Let the symbol C^2xy stand for the evaluation-function “*y’s presence, existence in (what, whom) x*”. (Here the upper number-index 2 informs that the indexed capital letter stands for a function determined by *two* arguments.) The symbol S^2xy stands for the evaluation-function “*y’s sensation of x*” or “*y’s feeling (what, whom) x*”. E^2xy – the evaluation-function “*empirical knowledge of (about) x by (whom) y*”. A^2xy – the evaluation-function “*a priori knowledge of (about) x by (whom) y*”. K^2xy – “*y’s having a knowledge-in-general, i.e. either a-priori or empirical one, of (about)*

x ". Pxy – “ y 's absolute ignorance of (about) x , i.e. having neither empirical knowledge nor *a-priori* one of (about) x ". L^2xy – “necessity of y for x ". F^2xy – “ y 's being not-necessary for x ” or “ x 's being free from y ”. P^2xy – “possibility of y for x ”. Z^2xy – “impossibility of y for x ”. D^2xy – “determination of x by y ”. U^2xy – “ x 's being undetermined by y ” or “ x 's being independent of (from) y ”. These functions are defined below by the table 2.

Definition DEF-1 (of the notion “*formal-axiological-equivalence*”): in two-valued algebraic system of metaphysics as formal axiology, any evaluation-functions α and β are *formally-axiologically equivalent* (this is represented by the symbol “ $\alpha = + = \beta$ ”), if and only if they acquire identical axiological values (from the set $\{g$ (*good*), b (*bad*) $\}$) under any possible combination of axiological values of their evaluation-variables.

Definition DEF-2 (of the notion “*law of metaphysics*” or, which is the same, “*formal-axiological law*”): in two-valued algebraic system of metaphysics as formal axiology, an evaluation-function is called *formally-axiologically good (or absolutely good)* one (or a *law of metaphysics*), if and only if it acquires the axiological value g (*good*) under any possible combination of axiological values of its variables. In other words, α is a *law of metaphysics*, if and only if $\alpha = + = g$.

Definition DEF-3: (of the notion “*formal-axiological contradiction*”): in two-valued algebraic system of metaphysics as formal axiology, an evaluation-function is called “*formally-axiologically bad*” one or, which is the same, a “*formal-axiological contradiction*”, if and only if it acquires the axiological value b (*bad*) under any possible combination of axiological values of its variables. In other words, α is a *formal-axiological contradiction*, if and only if $\alpha = + = b$.

Now let us consider the following system of equations (formal-axiological equivalences) obtained by computing compositions of relevant evaluation-functions within the algebraic system.

1) $Gx = + = g$: God's omni-goodness is a formal-axiological law of algebra of metaphysics [2].

2) $BGx = + = g$: God's existence is a formal-axiological law of algebra of metaphysics [3].

Table 1

The Evaluation-Functions Determined by One Evaluation-Argument

x	Bx	Nx	Wx	Dx	Gx	Ax	Ex	Yx	Jx	Cx	Kx	Sx	Tx	Ox	Hx	Ry	Fy
g	g	b	b	g	g	g	b	g	g	g	g	b	b	b	b	b	g
b	b	g	b	g	g	b	g	b	b	b	b	g	g	g	g	g	b

Table 2

The Evaluation-Functions Determined by Two Evaluation-Arguments

x	y	C^{2xy}	S^{2xy}	E^{2xy}	A^{2xy}	K^{2xy}	I^{2xy}	L^{2xy}	F^{2xy}	P^{2xy}	Z^{2xy}	D^{2xy}	U^{2xy}
g	g	g	b	b	g	g	b	b	g	g	b	b	g
g	b	b	b	b	g	g	b	b	g	g	b	b	g
b	g	g	g	g	g	g	b	g	b	g	b	g	b
b	b	g	b	b	b	b	g	b	g	b	g	g	b

3) $C^2yGx=+=g$: God's omnipresence (ubiquity) is a formal-axiological law of algebra of metaphysics [4].

4) $P^2Gxy=+=g$: God's omnipotence (all-mighty-ness) is a formal-axiological law of algebra of metaphysics [2].

5) $A^2yGx=+=g$: God's omniscience is a formal-axiological law of algebra of metaphysics.

Thus, being formal-axiological laws of algebra of metaphysics, God and His attributes are quite compatible in spite of [1]. From the computational metaphysics and digital theology standpoint [2–4], Englebretsen's erroneous conception [1] results from such a formalization which is not adequate to the subject-matter.

References

1. Englebretsen G. F. (1971). The Incompatibility of God's Existence and Omnipotence. *Sophia*, 10, 28–31.

2. Lobovikov V. O. (2019). Analytical Theology: God's Omnipotence as a Formal-Axiological Law of the Two-Valued Algebra of Formal Ethics (Demonstrating the Law by "Computing" Relevant Evaluation-Functions). *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 1 (47), 87–93. DOI: 10.17223/1998863X/47/9

3. Lobovikov V. O. (2020a). Applying Logic to Philosophical Theology: A Formal Deductive Inference of Affirming God's Existence from Assuming the A-Priori-ness of Knowledge in the Sigma Formal Axiomatic Theory. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 55, 5–12. DOI: 10.17223/1998863X/55/1

4. Lobovikov V. O. (2020b). Omnipresence of God Proved as a formal axiological law by computing evaluation-functions in two-valued algebra of metaphysics as formal axiology. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(40), 171–185. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10311

Междисциплинарные проекты в цифровой сфере

Применение оптимальных покрытий в сетевых моделях

Аннотация. Исследуется задача о построении оптимальной сети на основе наилучшей аппроксимации плоского множества с помощью набора из фиксированного числа кругов одного радиуса. Показана ее важность для решения задач экономики и транспортной логистики. Предложены итерационные методы решения задачи на базе разбиения множества на области влияния элементов аппроксимации и выделения их характерных точек. Приведен пример решения задачи для множества со сложной криволинейной геометрией.

Ключевые слова: наилучшая n -сеть; покрытие; область Дирихле; характерная точка; чебышёвский центр.

Введение

При проектировании сетей массового обслуживания, например магазинов, складов, мастерских технического обслуживания [4], приборов в зданиях [3, гл. 3], часто требуется обеспечить максимально удобное их расположение для клиентов. В качестве критерия оптимальности расположения логично выбрать близость места расположения произвольного потребителя к ближайшему объекту из сети. Если речь идет о достаточно большой территории, то пункты обслуживания допустимо считать матери-

Павел Дмитриевич Лебедев, канд. физ.-мат. наук, старший научный сотрудник ФГБУН Институт математики и механики им. Н. Н. Краковского УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

Александр Александрович Успенский, д-р физ.-мат. наук, заведующий сектором ФГБУН Институт математики и механики им. Н. Н. Краковского УрО РАН; доцент АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

альными точками. Можно сформулировать задачу на языке математических конструкций.

Будем называть n -сетью набор из n точек. Обозначим Σ_n множество всех n -сетей.

Задача. Пусть задано компактное односвязное множество M на плоскости и натуральное число n . Требуется найти n -сеть $S_n = \{S_i\}_{i=1}^n$ из n точек s_i , $i = 1, \dots, n$, чтобы величина

$$h(M, S_n) = \max_{m \in M} \min_{i=1, \dots, n} \|m - s_i\| \quad (1)$$

была минимальной.

Рассматриваемую задачу можно трактовать как задачу о построении оптимального покрытия множества набором из n конгруэнтных кругов. Центры кругов при этом расположены в точках из массива $S_n \in \Sigma_n$. При этом показателем оптимальности можно считать плотность покрытия σ , то есть отношение суммы площадей кругов к площади фигуры M . При заданном M и вычисленном S_n величина σ определяется значением (1).

Будем называть n -сеть $h(M, S_n^*)$ наилучшей [3], если $h(M, S_n^*) = \min_{S_n \in \Sigma_n} h(M, S_n)$.

Основу решения задачи составляют итерационные алгоритмы, базирующиеся на поэтапном уменьшении величины $h(M, S_n^{(k)})$, где k – номер итерации.

Определение 1. Пусть заданы множество M и массив S_n . Областью Дирихле $D^{(i)}(M, S_n)$ точки s_i называется множество [4]

$$D^{(i)}(M, S_n) = \left\{ \mathbf{m} \in M : \|\mathbf{m} - \mathbf{s}_i\| = \min_{j=1, \dots, n} \|\mathbf{m} - \mathbf{s}_j\| \right\}.$$

Определение 2. Пусть заданы множество M и массив S_n . Множеством характерных точек [1], соответствующих точке с

номером i , называется подмножество $Z^{(i)}(M, S_n) = \{\mathbf{z}_j^{(i)}\}$ области Дирихле $D^{(i)}(M, S_n)$, элементы которого удовлетворяют одному из условий:

1) $\mathbf{z}_j^{(i)}$ является точкой максимума функции $f(\mathbf{x}) = \|\mathbf{x} - \mathbf{s}_j\|$ на границе ∂M множества M ;

2) $\mathbf{z}_j^{(i)}$ лежит на границе ∂M множества M и принадлежит еще одной области Дирихле;

3) $\mathbf{z}_j^{(i)}$ принадлежит еще двум различным областям Дирихле.

Заметим, что все точки $\mathbf{m} \in M$, для которых достигается максимум в выражении (1), являются характерными.

Определение 3. Чебышёвским центром [2] компакта M называется такая точка $\mathbf{c}(M)$, для которой

$$\max_{\mathbf{m} \in M} \|\mathbf{m} - \mathbf{c}(M)\| = \min_{\mathbf{x} \in \mathbb{R}^2} \max_{\mathbf{m} \in M} \|\mathbf{m} - \mathbf{x}\|.$$

Авторы развивают численные методы, предложенные в [5]. Итерационный алгоритм начинается с генерирования начального положения $S_n^{(0)} \subset M$, такого, что все элементы из $S_n^{(0)}$ попарно различны. Дальнейшие массивы $S_n^{(k)} = \{\mathbf{s}_i^{(k)}\}_{i=1}^n$ вычисляются по формуле

$$\mathbf{s}_i^{(k)} = \begin{cases} \mathbf{c}(Z^{(i)}(M, S_n^{(k-1)})), Z^{(i)}(M, S_n^{(k-1)}) \neq \emptyset, \\ \mathbf{s}_i^{(k-1)}, Z^{(i)}(M, S_n^{(k-1)}) = \emptyset, \end{cases} \quad i=1, \dots, n, \quad (2)$$

Здесь $k \in \mathbb{N}$. Вычисление чебышёвского центра набора из конечного числа точек сводится к перебору всех отрезков и треугольников, образуемых из данных точек, и выделению той фигуры, чей чебышёвский радиус максимален.

Теорема. Пусть задан компакт M . Если n -сеть $S_n^{(k-1)}$ является наилучшей, то и полученная по формуле (2) n -сеть $S_n^{(k)}$ тоже является наилучшей.

Смысл теоремы заключается в том, что если на базе некоторых начальных условий на одном из циклов применения формулы (2) получено решение задачи, то оно устойчиво. И дальше алгоритм на нем остановится.

Для построения покрытий фигур сложной геометрии был модернизирован разработанный в среде MATLAB программный

комплекс [6]. Он использует разработанные в среде пакеты программ, среди которых процедуры построения диаграмм Вороного и триангуляции Делоне для вычисления зон Дирихле.

Пример. Рассматривается множество M – овал Кассини, ограниченный кривой

$$(x^2 + y^2)^2 - 2c(x^2 - y^2) = a^4 - c^4,$$

где $a = 1,1, c = 1$. Требуется найти аппроксимацию его наилучшей n -сети $n = 10$ и $n = 20$.

Решение задачи найдено путём многократного запуска программного комплекса, основанного на итерационном алгоритме при различных начальных условиях.

При $n = 10$ радиус кругов найденного покрытия $r = 0,3980$. Плотность покрытия $\sigma = 1,6435$. Множество M , n -сеть S_{10} и покрытие показано на рис. 1.

При $n = 20$ радиус кругов найденного покрытия $r = 0,2777$. Плотность покрытия $\sigma = 1,6002$. Множество M , n -сеть S_{20} и покрытие кругами показано на рис. 2.

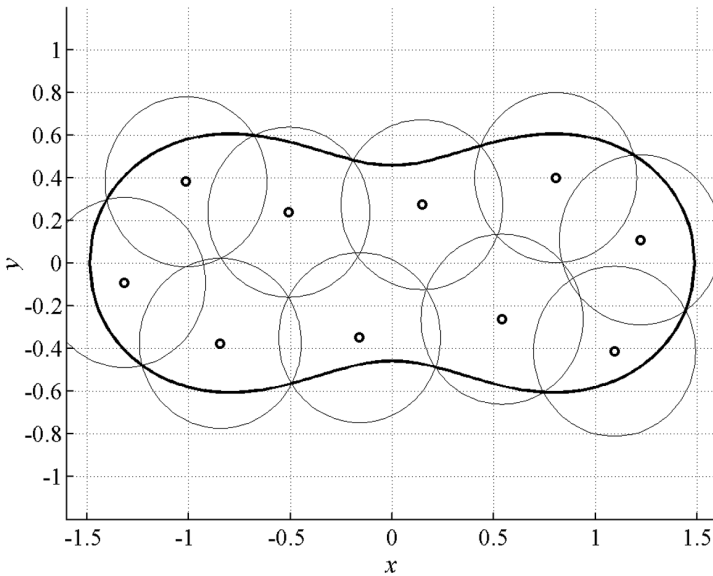

Рис. 1

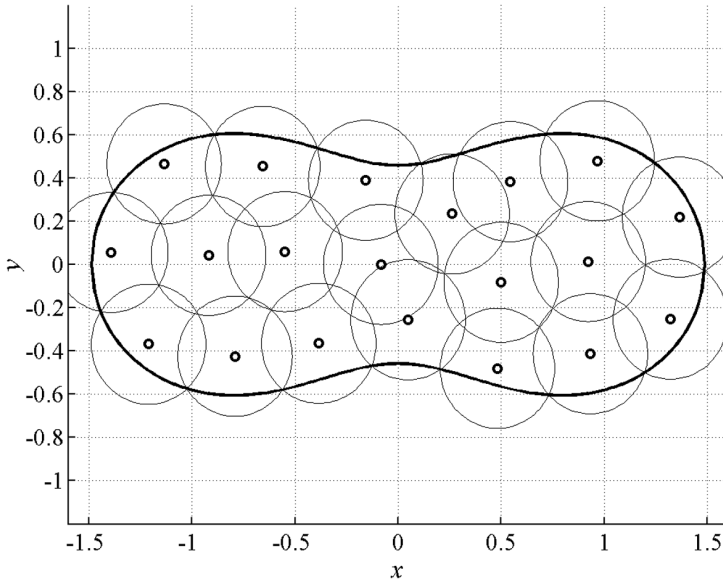

Рис. 2

Заключение

Разработанные алгоритмы имеют обширную область применения при решении прикладных задач разного рода [7]. С их помощью можно строить аппроксимации наилучших сетей для фигур со сложной криволинейной геометрией. Фигура M разбивается на зоны влияния элементов аппроксимации – области Дирихле, а затем эти области подменяются набором характерных точек. Это позволяет минимизировать значение величины (1) даже для фигур со сложной криволинейной геометрией.

Литература

1. Брусов В. С., Пиявский С. А. Вычислительный алгоритм оптимального покрытия областей плоскости // Журнал вычислительной математики и математической физики. – 1971. – Т. 11, № 2. – С. 304–312.
2. Гаркави А. Л. О наилучшей сети и наилучшем сечении множеств в нормированном пространстве // Известия Академии наук СССР. Серия математическая. – 1962. – Т. 26, № 1. – С. 87–106.

3. Десятов В. Г. Проектирование систем объектов общественного комплекса промышленных предприятий : учеб. пособие. – М. : МАРХИ, 1989.

4. Казаков А. Л., Лемперг А. А., Бухаров Д. С. К вопросу о сегментации логистических зон для обслуживания непрерывно распределенных потребителей // Автоматика и телемеханика. – 2013. – № 6. – С. 87–100.

5. Лебедев П. Д., Успенский А. А., Ушаков В. Н. Алгоритмы наилучшей аппроксимации плоских множеств объединениями кругов// Вестник Удмуртского университета. Математика. Механика. Компьютерные науки. – 2013. – № 4. – С. 88–99.

6 Лебедев П. Д. Программа вычисления оптимального покрытия полусферы набором сферических сегментов. Свидетельство о государственной регистрации № 2015661543 от 29.10.2015.

7. Banhelyi B., Palatinus E., Levai B. L. Optimal circle covering problems and their applications // Central European Journal of Operations Research. – 2015. – Vol. 23, No 4. – P. 815–832.

Applying Optimal Coverages to Network Models

Abstract. We investigate the problem of constructing an optimal network based on the best approximation of a flat set using a set of a fixed number of circles of the same radius. Its importance for the tasks of economics and transport logistics is shown. Iterative methods are proposed for solving the problem on the basis of dividing the set into areas of influence of the approximation elements and highlighting their characteristic points. An example of solving the problem for a set with a complex curvilinear geometry is given.

Keywords: best n-net; cover; Dirichlet domain; characteristic point; Chebyshev center.

А. Ю. Руданина, Е. П. Пьянзина

Разработка проекта «База данных “Учебные планы студентов ДО”»

Аннотация. Представлены результаты авторского проекта автоматизации процессов организации учебной деятельности, связанных с разработкой и совершенствованием учебных планов, для студентов, обучающихся с применением дистанционных образовательных технологий. Созданная база данных соответствует заявленным требованиям и позволяет облегчать и упрощать работу с учебными планами для администратора, обучающихся и преподавателей.

Ключевые слова: дистанционные образовательные технологии; учебный план; база данных; СУБД.

В современном мире, когда стремительно развиваются различные направления компьютерных технологий, появилась возможность автоматизировать процессы рабочей деятельности. Почти каждый день возникает необходимость обработки большого количества данных, а их структурирование через создание баз данных упрощает работу во многих сферах деятельности.

В качестве проблемной области была выбрана организация учебной деятельности студентов дистанционного образования (ДО), а именно структура учебных планов для обучающихся разных годов набора. В состав учебных планов обучающихся входит множество дисциплин, соответствующих определенным параметрам: статусу дисциплины (полная или находится в разработке),

Анастасия Юрьевна Руданина, студентка 2-го курса факультета компьютерных технологий АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Елена Павловна Пьянзина, ст. преподаватель факультета компьютерных технологий АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

количеству зачетных единиц, форме и виду отчетности, а также список преподавателей, которые, в зависимости от направления, ведут данную дисциплину. При этом учебные планы не разделяются в зависимости от их параметров. Поэтому сложно определить, какие дисциплины, в каком количестве и объеме необходимо доработать и внести в уже готовый или же во вновь созданный учебный план.

Вышеуказанная проблема проявляется в сложности организации учебного процесса для обучающихся определенного направления и года набора. Каждый раз, просматривая учебный план одного студента, приходится обращаться к списку всевозможных учебных планов для сравнения и внесения изменений.

Разработка базы данных должна помочь в создании учебных планов, внесении изменений, удалении неактуальных дисциплин, смене преподавателя и т. д.

Предлагаемый проект упрощает работу администратора, который следит и корректирует состав учебных планов. В частности:

- исчезает необходимость сверки плана студента ДО с планами на сайте организации;
- появляется возможность группировки дисциплин по различным параметрам: статусу, зачетным единицам и т. д.;
- меньше студентов будет обращаться с вопросами по поводу дальнейшего изучения дисциплин.

Для преподавателей облегчается отслеживание того, какие дисциплины и на каком направлении им были назначены.

Также проект значительно упрощает обучение самих студентов, обеспечивая:

- возможность просмотра дисциплин с фильтрацией по параметру «отчетность» (для организации своего дальнейшего плана обучения);
- просмотр как всего списка преподавателей в целом, так и по отдельным дисциплинам.

По завершении проекта будут решены следующие задачи:

- оптимизация деятельности администратора по разработке учебных планов;

- упорядочение дисциплин и целых учебных планов по определенным критериям.

В ходе моделирования была построена ER-диаграмма базы данных, представленная на рисунке 1.

Проект был создан в СУБД, которая входит в состав пакета MS Office, Microsoft Access 2016. Представленная модель данных была реализована в виде таблиц в Microsoft Access. На этапе разработки пользовательского интерфейса учитывалось, что база данных «Учебные планы студентов ДО» ориентирована, главным образом, на упрощение работы администратора и обучение студентов. В данном проекте был реализован интерфейс для администратора, студента и преподавателя.

Формы для преподавателя и студента, включающие в себя отчеты, построенные на основе запросов, формы с различными инструментами управления, такими как кнопки поля со списком и подчиненные формы, представлены на рисунке 2.

Отдельно были разработаны формы авторизации пользователей и форма «Ошибка» (представлены на рисунке 3).

При осуществлении проекта были оформлены следующие структурированные отчеты: «Ведомые дисциплины», «Для студента (зачет)», «Для студента (экзамен)», «Для студента ФКТ (преподаватели)», «Для студента ФКТ (список учебных планов)», «Список учебных планов», «Учебный план студента».

В заключение отметим, что целью создания любой базы данных является автоматизация некоторых рабочих процессов. Результатом реализации проекта стало приложение баз данных, которое позволяет автоматизировать работу с учебными планами студентов ДО.

С помощью средств СУБД Microsoft Access был разработан удобный, понятный и простой в использовании пользовательский интерфейс. В итоге, для различных пользователей представлен интерфейс, отвечающий их потребностям. Готовая база данных «Учебные планы студентов ДО» позволяет выполнить те задачи, которые были поставлены на начальном этапе. Следовательно, данная программа является полезным инструментом для работы с учебными планами обучающихся.

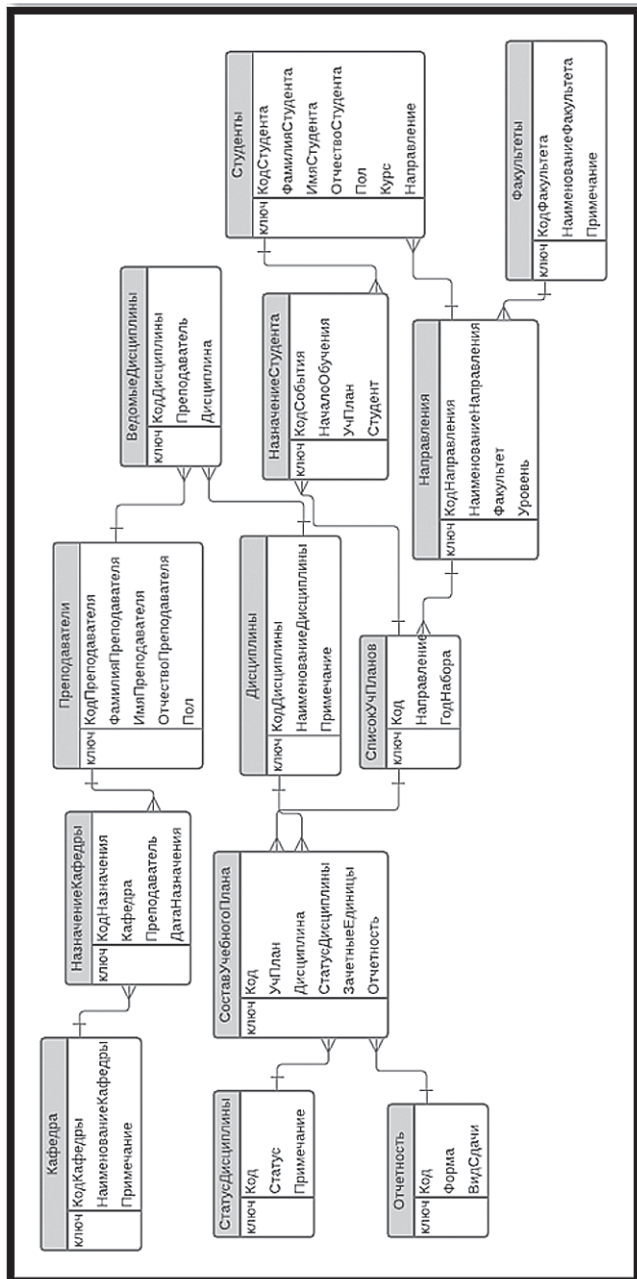

Рис. 1. ER-диаграмма

Рис. 2. Формы для преподавателя и студента

Рис. 3. Формы авторизации и ошибки

Литература

1. Акимова О. Ю. Управление данными : курс лекций. – М. : Изд. Дом НИТУ «МИСиС», 2020. – 60 с.
2. Волк В. К. Базы данных. Проектирование, программирование, управление и администрирование : учебник. – СПб. : Лань, 2020. – 244 с.
3. Коннолли Т. Базы данных. Проектирование, реализация и сопровождение. Теория и практика. – М. : ИД «Вильямс», 2017. – 1440 с.
4. Осипов Д. Л. Технологии проектирования баз данных. – М. : ДМК-Пресс, 2019. – 498 с.

Междисциплинарные исследования проблем цифровизации

Д. А. Березин, Н. С. Рамзин, Т. Д. Ахматов

Интеграция искусственного интеллекта в социальную среду: риски и пути их минимизации

Аннотация. Статья посвящена анализу рисков интегрирования искусственного интеллекта в социальную среду, проблемам недоверия общества к алгоритмам, основанным на искусственном интеллекте. В связи с перспективными возможностями искусственного интеллекта, нужно устранить причины недоверия общества к системам, основанным на искусственном интеллекте, для их беспрепятственного развития.

Ключевые слова: сильные и слабые формы искусственного интеллекта; нейронные сети; недоверие к искусственному интеллекту; беспилотный автомобиль; интеллектуальная система; линейный алгоритм.

Интеграция искусственного интеллекта в сферы жизнедеятельности общества происходит стремительно, но небес-

Денис Александрович Березин, канд. экон. наук, доцент, Институт естественных наук и математики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Никита Сергеевич Рамзин, студент 2-го курса, направление Математическое обеспечение и администрирование информационных систем, Институт естественных наук и математики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Тимур Дилшодович Ахматов, студент 2-го курса, направление Математическое обеспечение и администрирование информационных систем, Институт менеджмента и информационных технологий Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург, Россия).

препятственно. Недоверие общества к искусственному интеллекту определяется многими факторами, одним из которых является размытое понимание этого явления. Впервые «искусственный интеллект» (ИИ) упоминается Д. Маккарти в 1956 г. как свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции [12, с. 1]. Из данного определения неясно содержание творческой функции. Основным критерием творчества является создание качественно нового объекта [8, с. 2]. Функции: игра в шахматы, решение систем математических уравнений, анализ логического суждения – едва ли можно назвать творческими. Тем не менее это объекты работы для слабой формы искусственного интеллекта, основанного на линейных алгоритмах. Разделение на слабую и сильную форму ИИ предложил американский философ Д. Сёрль в 1980 г. [2, с. 3], который определял сильную форму ИИ как слабую форму ИИ со способностью самосознания и способностью ставить собственные цели, не заложенные создателем.

Слабая форма ИИ – это интеллектуальная система для решения узконаправленных задач (Siri, Google Translate, Google Assistant). Эти системы лишены самосознания и способности постановки собственных целей. Так, Siri – это ИИ, построенный на множестве алгоритмов слабой формы, выполняющий узконаправленные задачи. Недоверие к алгоритмам, основанным на слабой форме ИИ, исходит из цели использования интеллектуальной системы. Примером такой системы может являться слабая форма ИИ для работы виртуального казино.

Рассмотрим 2 алгоритма для игры блек-джек: алгоритм честной игры, построенный на алгоритме псевдослучайных чисел и алгоритм нечестной игры, построенный на искусственных преобразованиях. Алгоритм реализован на языке программирования Java (описание алгоритма в таблице 1).

Если проводить аналогию с реальной игрой блек-джек, реализация этого алгоритма могла бы выглядеть следующим образом.

После того как игроки взяли дополнительные карты, банкир считает сумму очков своих карт, недостающую для достижения 21-го; выбирает из колоды карты, которые давали бы недостающую сумму, кладет наверх. После набирает дополнительные карты, в сумме получает 21 очко (в исключительных случаях 20).

Описание алгоритма игры блек-джек

Этапы игры	Описание метода при честной игре	Описание метода при нечестной игре
1. Перетасовка колоды.	Перетасовка колоды осуществляется методом Collections.shuffle, основанном на алгоритме псевдослучайных чисел.	Методы реализации честной и нечестной игры – идентичны.
2. Раздача карт игрокам.	Каждому игроку выдается по 2 карты рубашкой вниз.	Методы реализации честной и нечестной игры – идентичны.
3. Раздача карт банкиру.	Банкир берет 2 карты. Одна кладется рубашкой вниз, другая – рубашкой вверх.	Методы реализации честной и нечестной игры – идентичны.
4. Игроки по очереди принимают решение о доборе карт.	Игрок решает, брать ли дополнительную карту. Он перестает брать карты, когда сумма очков превышает 21.	Методы реализации честной и нечестной игры – идентичны.
5. Банкир принимает решение о доборе карт.	Банкир принимает решение на основе суммы очков своих карт и карт соперника. Если сумма очков банкира меньше 22 и меньше суммы очков игрока, банкир возьмет карту. Обработка особых случаев: 1) Если у игрока сумма очков больше 21, то банкир не возьмет дополнительную карту. 2) Если сумма очков банкира равна 20, то банкир не возьмет карту.	Банкир берет доп. карту, если сумма очков карт не равна 20 или 21. После решения добора происходит искусственное преобразование порядка карт в колоде с помощью метода cheat (код и описание метода – табл. 2). После банкир берет дополнительную карту.
6. Расчет исхода раздачи	Победитель в раздаче – игрок или банкир, набравший максимальное количество очков, в сумме не превышающих 21	Методы реализации честной и нечестной игры – идентичны

Реализация и описание метода `cheat`

```

private void cheat(CardHand handBanker, Stack<Card> deckStart) {
    handBanker – карты в руке банкира, deckStart – колода карт.
    int sumBanker = handBanker.getSum(); // Сумма очков карт банкира.
    int sumNeed = 21 - sumBanker; // Недостающая сумма очков до 21;
    ArrayList<Card> cheatCards = new ArrayList<>(); // Массив, в кото-
    ром находятся нужные для победы карты.
    while (sumNeed > 1) { // Пока сумма недостающих до 21-го очков
    больше 1, в колоде происходит поиск нужных карт, сумма очков кото-
    рых даст 21. Карты кладутся в массив cheatCards.
        sumNeed = rearrangementOfCardsInTheDeckIfNeedCardIsExist(dec
        kStart,handBanker,sumNeed,cheatCards); // Метод rearrangementOfCa
        rdsInTheDeckIfNeedCardIsExist реализует удаление нужной карты из
        колоды, занесение этой карты в массив cheatCards и возвращает недо-
        стающую до 21 сумму, с учетом значения удаленной из колоды карты.
        if (!needCardIsExist) { sumNeed =rearrangementOfCardsInTheDeck
        (deckStart,handBanker,sumNeed,cheatCards);break;} // Аналогичный
        метод, применяемый в случае, если нужной карты для достижения
        21 в колоде нет. В этом случае метод rearrangementOfCardsInTheDeck
        положит в массив cheatCards карту с наиболее подходящим значением
        для достижения 21-го.
        for (Card cheatCard : cheatCards) { deckStart.push(cheatCard); } //
        Добавление нужных карт из массива cheatCards наверх колоды.
    }
}

```

Реализовать этот алгоритм в жизни нереально по причине наличия пользовательского интерфейса для контроля игры путем ретельного анализа.

Проблема использования в мошеннических интеллектуальных системах слабой формы искусственного интеллекта, основанного на линейных алгоритмах, заключается в отсутствии пользовательского интерфейса контроля работы алгоритмов. Для устранения проблемы требуется учреждение на законодательном уровне органа контроля работы алгоритмов, лежащих в основе слабых форм ИИ, путем анализа исходного кода алгоритмов. В этом случае возможность существования интеллектуальных систем, изначально преследующих мошеннические цели, будет сведена к минимуму.

Популярными формами интеллектуальных систем являются сильные формы искусственного интеллекта, основанные на нейронных сетях. В фокусе нашего внимания – актуальные проблемы использования искусственного интеллекта в транспортной отрасли. По данным Tractica, к 2025 г. рынок ИИ вырастет до 38,8 млрд долларов [4, с. 1]. Искусственный интеллект активно применяется для автоматизации пилотирования автомобилей. В 2020 г. компания Google запустила массовое производство протестированных беспилотных автомобилей. Компании General Motors, Tesla, BMW, Ford [5, с. 12], др. заинтересованы в развитии беспилотных систем. По данным Gartner, к 2023 г. количество беспилотных автомобилей в мире достигнет 745 тысяч [10, с. 1].

Несмотря на перспективы применения беспилотных автомобилей, управляемых системами ИИ, в обществе существует недоверие к беспилотным системам. Выделим причины подобного отношения. Во-первых, не все страны, в т. ч. и РФ, готовы к интеграции беспилотных автомобилей в налаженную инфраструктуру. По результатам исследования KPMG, Россия заняла 26-е место в рейтинге и вышла из списка стран, готовых к использованию ИИ, пилотирующего транспорт [11]. В РФ на законодательном уровне плохо структурированы разделы, устанавливающие административную и уголовную ответственность лиц, причастных к созданию или использованию беспилотных авто. Так, в ГК РФ (ст. 1079) беспилотные автомобили входят в категорию повышенной опасности, ответственность за совершенные действия несут владельцы этих авто, создатели к ответственности не привлекаются [6, с. 6]. В статье «Ответственность за причинение ущерба высокоавтоматизированным транспортным средством: состояние и перспективы» предлагается готовая структура изменений в законодательных кодексах РФ [7, с. 8].

Во-вторых, существует риск несанкционированного доступа в системы искусственного интеллекта беспилотных авто, что может привести к утечке личной информации или совершению преступных действий с тяжелыми последствиями [3, с. 17].

В-третьих, негативное отношение людей к интеллектуальным системам на основе ИИ, повлиявшее на репутацию беспилотных

автомобилей, сформировалось после инцидента 2016 г. в США с участием беспилотного автомобиля компании Tesla, двигавшегося на автопилоте. Тогда произошло первое смертельное ДТП [1, с. 1].

Для преодоления общественного недоверия к системам, основанным на сильных формах ИИ в управлении беспилотными автомобилями, необходимы государственные меры контроля. Требуется регламент допустимых к использованию категорий беспилотных транспортных средств. Анализ инцидентов должен проводиться специалистами в сфере математического моделирования. Необходимо разделение ответственности субъектов, причастных к созданию или использованию беспилотных авто (так, в УК Германии описаны возможные ситуации с инцидентами при применении беспилотных авто) [9, с. 75].

Выделим риски интеграции интеллектуальных систем, основанных на алгоритмах искусственного интеллекта, в социальную среду и пути их преодоления:

Для минимизации риска мошенничества при использовании интеллектуальных систем, основанных на слабой форме ИИ, предлагается на законодательном уровне создать орган контроля с участием специалистов из сфер информационных технологий, программирования, математики для проверки систем путем анализа исходного кода алгоритмов.

Риск появления противоречий в законодательных кодексах различных стран. Для унификации трактовки предлагается ввести термин «искусственный интеллект» в различные законодательные кодексы стран, создать свод законов и регламентов контроля интеллектуальных систем, основанных на алгоритмах ИИ.

Для минимизации риска несанкционированного доступа в системы, основанные на алгоритмах ИИ, необходимо привлечение специалистов информационной безопасности при создании данных систем. Обязательное условие минимизации этого вида риска – обучение пользователей информационной грамотности.

Риск проявления отрицательного отношения общества к интеллектуальным системам, основанным на алгоритмах искусственного интеллекта, может быть преодолен популяризацией

успешных кейсов интеграции этих систем в социальную среду, в решение несложных повседневных задач.

Литература

1. Ломакин Д. Первая жертва автопилота // Газета.ru. – 01.07.2016. – URL: https://www.gazeta.ru/auto/2016/07/01_a_8351963.shtml (дата обращения: 25.02.2021).
2. Иоселиани А. Д. «Искусственный интеллект» vs человеческий разум // Манускрипт. – 2019. – Т. 12, вып. 4. – С. 102. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-vs-chelovecheskiy-razum> (дата обращения: 25.02.2021).
3. Коробеев А. И., Чучаев А. И. Беспилотные транспортные средства: новые вызовы общественной безопасности // Lex Russica. – 2019. – № 2 (147). – С. 9–28. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bespilotnye-transportnye-sredstva-novye-vyzovy-obschestvennoy-bezopasnosti> (дата обращения: 28.02.2021).
4. Пройдаков Э. М. Современное состояние искусственного интеллекта // Научно-исследовательские исследования. – 2018. – С. 129–153. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 26.02.2021).
5. Солнцева О. Г. Аспекты применения технологий искусственного интеллекта // E-Management. – 2018. – Т. 1, № 1. – С. 43–51. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aspekty-primeneniya-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 26.02.2021).
6. Фокин М. С., Рязанов Н. С. Актуальные проблемы уголовно-правовой регламентации противоправного использования беспилотных мобильных средств // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 1 (86). – С. 103–110. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-ugolovno-pravovoy-reglamentatsii-protivopravnogo-ispolzovaniya-bespilotnyh-mobilnyh-sredstv> (дата обращения: 28.02.2021).
7. Чучаев А. И., Маликов С. В. Ответственность за причинение ущерба высокоавтоматизированным транспортным средством: состояние и перспективы // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 6. – С. 117–124. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-prichinenie-uscherba-vysokoavtomatizirovannym-transportnym-sredstvom-sostoyanie-i-perspektivy> (дата обращения: 25.02.2021).
8. Шайкина В. Н. Применение обобщенного метода качественных структур для уточнения понятия «Творчество» // Вестник ЮУрГУ. – Серия : Образование. Педагогические науки. – 2011. № 24 (241). –

С. 22–30. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-obobsche> (дата обращения: 28.02.2021).

9. Шестак В. А., Ширяев А. М. Уголовная ответственность за ДТП с участием беспилотного автомобиля: опыт Германии // Технологии XXI века в юриспруденции : материалы Второй междунар. науч.-практ. конференции (Екатеринбург, 22 мая 2020 года) / под ред. Д. В. Бахтеева. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет. – 2020. – 597 с.

10. Gartner Forecasts More Than 740,000 Autonomous-Ready Vehicles to Be Added to Global Market in 2023 // Gartner. – 14.11.2019. – URL: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2019-11-14-gartner-forecasts-more-than-740000-autonomous-ready-vehicles-to-be-added-to-global-market-in-2023> (дата обращения: 24.02.2021).

11. Беспилотные автомобили (мировой рынок) 2020 // TADVISER: Государство. Бизнес. ИТ. – 01.09.2020. – URL: <https://www.tadviser.ru/a/363288> (дата обращения 26.02.2021).

12. The Dartmouth Artificial Intelligence Conference 1956 // Dartmouth. – URL: <http://www.dartmouth.edu/~ai50/homepage.html> (дата обращения: 27.02.2021).

Школьное образование в период пандемии: отношение родителей к дистанционному обучению

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы дистанционного образования школьников в период пандемии COVID-19. Проведен социологический опрос родителей, чьи дети находились на дистанционном обучении. Показана статистика отзывов о новом формате школьного образования.

Ключевые слова: пандемия; дистанционное образование.

Весной 2020 года население мира столкнулось с пандемией COVID-19, которая вызвала истощение у всех участников образовательного процесса на всех уровнях образования. Переход на дистанционное обучение стал настоящим испытанием как для учащихся и преподавателей, так и для родителей.

Если для учащихся старших классов и студентов освоение новых технологий дистанционного образования не составило большого труда, то обучение детей младших классов полностью упало на плечи родителей.

Многие научные исследования, которые были проведены для сравнения очной и дистанционной форм обучения, противоречат друг другу. Одни утверждают, что очная форма намного эффективнее онлайн-занятий, другие же уверены, что обучение с при-

Анастасия Юрьевна Руданина, студентка 2-го курса факультета компьютерных технологий АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Наталья Владимировна Хмелькова, д-р экон. наук, доцент, завкафедрой экономики и информатизации факультета компьютерных технологий АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

менением технологий дистанционного образования станет шагом в развитии технического прогресса.

Несмотря на то что в XXI веке дети знакомы с IT-технологиями с малых лет, не каждому ребенку было просто объяснить, где будут проходить его занятия, при помощи каких средств он должен будет выгрузить или загрузить задание, как задать учителю вопрос, который появился во время выполнения заданий, и многие другие аспекты.

Учителя искали новые способы донесения информации до маленьких детей, такие как показ ярких презентаций, проведение онлайн-игр, формирование заданий в более простом формате, который должен быть понятен ребенку. В некоторых случаях таким способом действительно получалось донести до детей необходимую информацию.

Но, если принять во внимание необходимость самостоятельного изучения материала, который не всегда был понятен даже родителям, которые закончили школу много лет назад и уже с трудом могут вспомнить школьную программу, проблема недопонимания и пробелов в знаниях оставалась актуальной. Пробелы в знаниях [3], без которых процесс обучения может зайти в тупик, приходилось восполнять либо при помощи преподавателей, которые готовы пойти навстречу, либо эта обязанность всё равно падала на плечи родителей.

В процессе перехода к дистанционному образованию акцент был сделан на освоении новых технологий, создании новых программных продуктов и продвижении онлайн-образования в целом. Но не все оказались готовы к таким стремительным и неожиданным переменам [2]. Качество образования значительно снизилось, что можно заметить, сравнивая успеваемость и настоящие знания детей. Большое количество заданий, которые должны были выполняться в классах, выполнялись без присмотра, и многие прибегли к таким источникам информации, как готовые домашние задания (ГДЗ).

В рамках авторского исследования был проведен опрос родителей, чьи дети находятся на дистанционном обучении. В опросе участвовали 40 семей, по 10 из разных категорий (с детьми из 1–4,

5–7, 8–9 и 10–11-х классов), в том числе из разных школ. Опрос состоял из двух частей: определения отношения к дистанционному образованию (положительное или отрицательное) и ответов (в свободной форме) на поставленные вопросы. Результаты присылались в мессенджер WhatsApp. В ходе опроса было выявлено, что многие родители не доверяют такой форме обучения и не готовы полностью перейти на дистанционное образование.

Несколько характерных мнений представлено далее.

Наталья, мама 6-классника:

– С какими трудностями Вы столкнулись, находясь на дистанционном обучении?

– У ребенка кнопочный телефон, который не поддерживает современных приложений. Большинство заданий приходили в WhatsApp, который был только в моем телефоне. Приходилось сохранять задания и только вечером после работы выдавать ребенку задания.

– Удавалось ли ребенку самостоятельно изучать новый материал и выполнять задания к нему?

– Чаще всего материал выдавался в виде документа Word. Ребенок не понимал некоторых заданий, которые прикреплялись к уроку, я сама никак не могла ему объяснить, так как не обладаю теми навыками преподавания, которые есть у школьных учителей. Поэтому многие задания делались через ГДЗ, а позже обращались к учителям с просьбой объяснить материал.

По словам Натальи, ее сын в хорошей физической форме, но из-за перевода на дистанционный режим даже по физкультуре оценка снизилась на балл, что еще раз может послужить доказательством того, что в режиме дистанционного образования многие оценки могут быть совершенно необъективными [4].

Особенно тяжелым оказалось дистанционное образование для тех родителей, у которых в школе обучается не один ребенок. У каждого ученика свой набор школьных предметов, каждый учитель по-своему организывает процесс обучения. Платформы, на которых проводились онлайн-занятия, могли меняться в зависимости как от самой школы, так и от предпочтений учителя, что также значительно усложняло ориентирование во всех предметах, которые изучаются в период пандемии.

Галина, мама 2-классницы и 5-классника:

– Как Вы организовывали процесс обучения для своих детей?

– У нас была возможность посещать онлайн-задания одновременно с двух компьютеров (не каждая семья, в которой есть 2 и более детей, может позволить себе приобретение нескольких компьютеров). Мы (родители) работаем, поэтому приходилось просить помощи у бабушки, которая с компьютером никогда не работала. Общими усилиями детей и бабушки удавалось посещать занятия и выполнять домашнюю работу.

– Выскажите свое отношение к дистанционной форме обучения.

– Данная форма неэффективна, так как дети расслаблены и «спустя рукава» выполняют задания. Если более серьезно относиться к такой форме, то она, наверное, была бы более эффективна, но лишь для старших классов, малышам она совершенно не подходит.

Отзывы родителей на переход их детей в режим дистанционного образования отражены на графике (рис. 1), иллюстрирующем численное соотношение отрицательных и положительных ответов в зависимости от группы классов, в которых обучаются дети.

На сегодняшний день можно сказать, что лишь незначительная часть родителей готова полностью перевести своих детей в режим дистанционного образования. Родители с недоверием относятся к данной форме обучения, для многих проблемой стало плохое качество Интернета и сложности в работе с образовательной средой (рис. 2).

В заключение отметим, что люди с трудом принимают те изменения, которые были необходимы для предотвращения распространения коронавирусной инфекции. Возможно, со временем формат дистанционного образования будет восприниматься более позитивно. Однако на данный момент, несмотря на возможности технического прогресса, родители скептически относятся к данной форме обучения.

Рис. 1. Отношение родителей детей из разных классов к дистанционному образованию

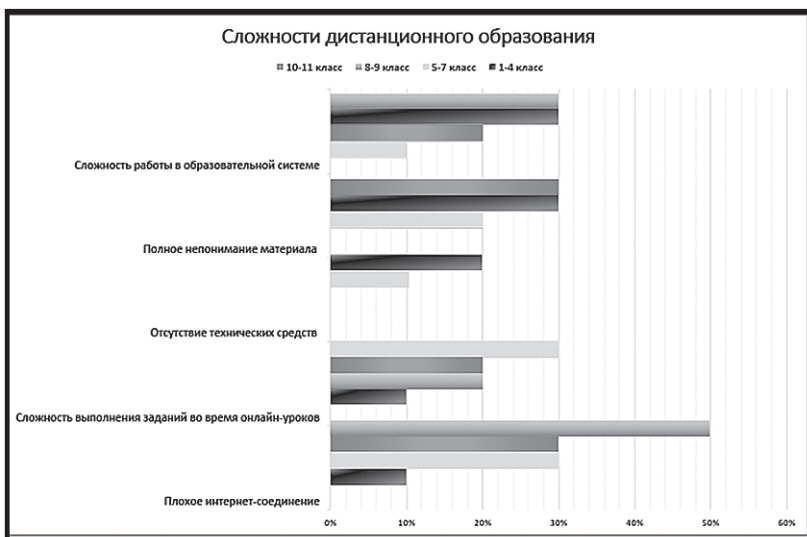

Рис. 2. Сложности дистанционного образования

Литература

1. Баландина А., Штурман Я. «С кашей в голове»: как дистанционка повлияет на рынок труда. Эксперты рассказали о плюсах и минусах дистанционного обучения // Газета.ru. – 14.11.2020. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/11/14/13360747.shtml> (дата обращения: 19.02.2021).
2. Большинство родителей и учителей сошлись в оценке дистанционных уроков // РБК. – 14.08.2020. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f86ac9e9a7947f2fedbba9d> (дата обращения: 19.02.2021).
3. Дистанционное обучение – удобно или кошмар? Мнение учеников, родителей, учителей // РИАМО. – 08.04.2020. – URL: <https://lubertsyriamo.ru/article/distantcionnoe-obuchenie-udobno-ili-koshmar-mnenie-uchenikov-roditelej-uchitelej-381899> (дата обращения: 19.02.2021).
4. Соколов А. Как учат в школе вовремя коронавируса // Ведомости. – 21.03.2020. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/21/825825-kak-uchat-shkolnikov> (дата обращения: 19.02.2021).

Л. А. Степнова, Т. Е. Сафонова, А. А. Огарь

Смысловая интерпретация студентами актуальных понятий в сфере цифровизации и искусственного интеллекта (ИИ)

Аннотация. В статье представлены результаты анализа смысловых эквивалентов актуальных реалий в сфере цифровизации и искусственного интеллекта (ИИ), полученных в рамках двух эмпирических исследований (2020–2021 гг.) на выборочной совокупности студентов московских вузов. Разработана и апробирована методика частного семантического дифференциала для изучения цифрового сознания, выделены актуальные понятия (робот, машинное обучение, суперкомпьютер, искусственный интеллект и др.), определены факторы, отражающие смысловые эквиваленты восприятия студентами новых цифровых реалий (рациональность, гуманность, безопасность).

Ключевые слова: цифровизация; цифровое сознание; семантический дифференциал; смысловые эквиваленты; факторный анализ.

Исследование психологических особенностей понимания различными социальными группами новых цифровых

Людмила Анатольевна Степнова, д-р психол. наук, профессор, ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-2649-0349.

Татьяна Евгеньевна Сафонова, канд. физ.-мат. наук, доцент, ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия).

Алексей Андреевич Огарь, канд. психол. наук, генеральный директор ООО «Научно-исследовательский хаб актуальных разработок в области психологии» (г. Сочи, Россия). ORCID: 0000-0002-8925-2620.

реалий является актуальным и востребованным. В частности отмечается, что в эпоху цифровых трансформаций молодое поколение имеет преимущества перед старшим поколением в освоении возможностей использования цифровых ресурсов, и те, кто «приспособился к электронным технологиям, могут рассматриваться как самые активные потребители электронных видов обучения и различных услуг» [4, с. 76].

Современные исследователи указывают на изменение субъектных и личностных свойств человека в эпоху цифровых трансформаций: изменение личностных качеств, типов коммуникативного взаимодействия [1].

Т. Г. Лешкевич отмечает, что происходит трансформация субъектности, развиваются новые цифровые навыки, происходит «пересборка навыков субъекта» под каждую новую ситуацию с акцентом на преимущества способности критически и творчески мыслить от имени «человека разумного» [2, с. 107].

В. Д. Нечаев, Е. Е. Дурнева анализируют феномен «Поколение Z», «сетевое поколение», «цифровые аборигены», как поколения детей и молодежи, прошедших социализацию в условиях широкого распространения цифровых технологий. Концепт цифрового поколения с новой субъектностью обусловлен тем, что период 12–14 лет для этих подростков пришелся на начало эпохи цифровизации [3]. В частности, С. Д. Серажетдинова выделяет следующие психолого-педагогические особенности воспитания подростков в цифровую эпоху: «пониженная социальная активность в “реальном” мире; обесценивание информации (из-за легкого доступа к информации в Интернете подростки обесценивают значимость самостоятельного анализа и поиска информации); многозадачность (одновременное решение нескольких задач); клиповое мышление и синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ)» [5].

Смысловые аспекты восприятия молодежью новой цифровой реальности мало изучены. В некоторых исследованиях анализируется образ мира «носителей» цифровизации, смысловые аспекты преодоления психологических барьеров, возникающих в виртуальном пространстве [6].

В нашем исследовании предпринят анализ обобщенных смысловых эквивалентов актуальных реалий в сфере цифровизации и искусственного интеллекта (ИИ) студентов. На наш взгляд, смысл как психологический феномен может выступать единицей анализа цифрового сознания студентов, так как объединяет в себе знания, отношения и вытекающие из этого модели поведения индивида и социальных групп в отношении цифровой реальности. Изучение цифрового сознания с помощью метода семантического дифференциала позволяет с высокой долей достоверности отразить смысловое наполнение актуальных цифровых социальных стереотипов и установок студентов.

В исследовании проводится сравнительный анализ эмпирических данных, полученных в апреле – мае 2020 года ($n = 118$ чел.) и новых данных, полученных в феврале – марте 2021 года ($n = 130$ чел.). Выборочная совокупность включала студентов различных вузов Москвы.

В исследовании определены следующие этапы: отбор в СМИ актуальных понятий в сфере цифровизации и искусственного интеллекта (ИИ) и их контент-анализ; разработка и применение инструментария для анализа смыслового понимания студентами актуальных понятий в сфере цифровизации и искусственного интеллекта (ИИ) методом семантического дифференциала; обработка и анализ результатов с помощью пакета Statistica, выделение факторной структуры, смысловая интерпретация полученных факторов.

В результате разработана и апробирована методика частного семантического дифференциала для изучения цифрового сознания, выделены актуальные понятия (робот, машинное обучение, суперкомпьютер, искусственный интеллект и др.), определены факторы, отражающие смысловые эквиваленты восприятия студентами новых цифровых реалий (рациональность, гуманность, безопасность).

Литература

1. Дотоль И. В. Личностная трансформация в эпоху цифрового развития // Труды Братского государственного университета. Серия: Гума-

нитарные и социальные науки. – 2020. – Т. 1. – С. 21–23. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43138390> (дата обращения: 15.03.2021).

2. Лешкевич Т. Г. Цифровые трансформации эпохи в проекции их воздействия на современного человека // Вестник Томского гос. ун-та. 2019. – № 439. – С. 103–109. – DOI 10.17223/15617793/439/12.

3. Нечаев В. Д., Дурнева Е. Е. «Цифровое поколение»: психолого-педагогическое исследование проблемы // Педагогика. – 2016. – № 1. – С. 36–145. – URL: <https://sevcbbs.ru/main/wp-content/uploads/2016/05/Statyaka-zhurnalu-Pedagogika-2016-----1.pdf> (дата обращения: 15.03.2021).

4. Преображенский А. П., Чопоров О. Н. О психологических особенностях людей, живущих в цифровую эпоху // Russian Journal of Education and Psychology. – 2019. – Т. 10, № 4. – С. 73–77. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-psihologicheskikh-osobennostyah-lyudey-zhivuschih-v-tsifrovuyu-epohu> (дата обращения: 15.03.2021).

5. Серажетдинова С. Д. Психолого-педагогические особенности воспитания подростков в цифровую эпоху // Международный студенческий научный вестник. – 2020. – № 1. – URL: <http://eduherald.ru/ru/article/view?id=19882> (дата обращения: 15.03.2021).

6. Собольников В. В. Цифровая трансформация как фактор развития виртуальной личности // Профессиональное образование в современном мире. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 3601–3610. – DOI 10.15372/PEMW20200123.

Маркетинг в период пандемии: онлайн и офлайн

Аннотация. В статье автор рассматривает влияние пандемии на маркетинговую деятельность компаний. Представлены кейсы, иллюстрирующие необходимость сохранения маркетинговой активности в сферах онлайн и офлайн в условиях кризиса для преодоления его последствий.

Ключевые слова: маркетинг; кризис; пандемия; онлайн; офлайн.

2020 год наглядно продемонстрировал «хрупкость» нашего мира и его незащищенность от природных угроз. В результате воздействия пандемии страны были вынуждены прибегнуть к внедрению карантинных мероприятий, которые привнесли изменения во многие области жизни. Как следствие, появились сферы бизнеса, которые понесли колоссальные убытки. Подобное не наблюдалось с 1990-х гг.

Сегодня уже очевидно, что развитие бизнеса не будет идти прежними темпами. Коронавирус внес свои коррективы в жизнь людей, сменились интересы, произошла переоценка ценностей. Люди стали больше задумываться над приобретением необходимых вещей для жизни, начали жить более экономно, ориентирясь, в первую очередь, на собственные возможности. По мнению экспертов, только 20 % поля деятельности сохранится на прежнем уровне, то есть будет таким же рутинным и привычным, а остальные 80 % этого пространства откроются для инноваций и нововведений [1]. Новая реальность требует адаптации к новым

Ирина Сергеевна Тирива, ст. преподаватель кафедры информационных технологий факультета компьютерных технологий АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

условиям, в которых выживут не все сектора бизнеса. Для выживания придется прикладывать больше усилий на создание креативных идей, трансформацию бизнес-процессов применительно к новым условиям, что потребует дополнительных финансовых ресурсов.

В период пандемии многие отрасли экономики – например, туризм, гостиничный бизнес, общественное питание, культура и сфера развлечения, физкультурно-оздоровительная деятельность и т. д. – испытывают проблемы. Развитие данных секторов может быть затруднено из-за введенных запретов на государственном уровне. Но, если взглянуть на тенденции движения рынка, виден также и рост прибыли определенных организаций, связанных с медициной, доставкой еды или небольших пунктов выдачи товаров, приобретенных через Интернет, и т. д.

Так, по данным Forbes, в 2020 году увеличились доходы Татьяны Бакальчук, владелицы Wildberries. За девять месяцев 2020 года оборот Wildberries вырос на 104 % и достиг 285,6 млрд рублей [2]. Аналогичная ситуация сложилась и с интернет-магазином Ozon. По итогам 2019 года его выручка составила 60,104 млрд рублей, оборот 80,8 млрд. За 9 месяцев 2020 года оборот вырос до 121,6 млрд, выручка – до 66,599 млрд рублей, из которых 79 % обеспечили прямые продажи, а еще 15 % пришлось на комиссионный доход.

В поле нашего зрения попадает и система образования, которая в текущей ситуации претерпела значительные изменения с переходом на дистанционную форму обучения, получив динамичное развитие. У студентов появилось больше возможностей для работы в новой для них области получения знаний через онлайн-платформы. Обучение стало более доступным. Студенты могут оформить регистрацию на платформе «Открытое образование» [3]. Например, для иностранных граждан УрГЭУ открыл онлайн-платформу обучения русскому языку. Теперь можно попробовать свои силы в получении знаний, находясь на территории своей страны. Также, уже есть программы для обучения в магистратуре на английском языке.

Вместе с тем приведенные примеры не означают, что организации, которые перешли на работу в онлайн-сфере, могут чувствовать свое превосходство над конкурентами. Люди, ощущая опасность, чувствуя неизвестность, стали более осторожно принимать решение о покупке, ограничивают себя в приобретении продуктов, лекарств или одежды. Подобные реакции наблюдаются в истории экономики с относительной регулярностью во время кризисов. Как же тогда строить стратегию маркетинга, если бизнес вынужден сокращать свои расходы? Известно, что маркетинг постоянно потребляет ресурсы организаций, требует дополнительных затрат на различные мероприятия. Но без таких вложений не будет увеличения продаж. Без инвестиций в развитие бизнеса даже большие организации с известными брендами могут испытывать трудности.

В качестве иллюстрации можно рассмотреть одну из отраслей, которая испытывает кризис – авиаперевозки. В связи с ограничениями запрещены перелеты в другие страны. Практически все авиакомпании несут убытки из-за отсутствия перелетов.

И в этот период авиакомпания «Уральские авиалинии» запустила новый проект: доставку бортового питания на дом для жителей Москвы, Санкт-Петербурга и Екатеринбурга. Все блюда сервируются по всем правилам авиационной кухни, поэтому ответственность за качество и безопасность несет авиакомпания. Рационы доставляют исключительно в привычных для путешественников касалетках. Заказать питание можно на сайте авиакомпании. И, чтобы клиент в полной мере ощутил себя в полете, 5 % от суммы каждого заказа начисляется бонусами на карту лояльности «Крылья» [4]. Реклама данной новинки приобрела вирусный характер. Многие люди сами, имитируя из подручных средств иллюминатор самолета, создают фотографии и размещают их в социальных сетях, фантазируя на тему отпуска в теплых странах.

Авиакомпания «Победа» запустила полеты-экскурсии над городами Золотого кольца, рейс из Москвы в Москву, экскурсию длительностью полтора часа с возвращением в аэропорт Внуково. Как говорят представители авиакомпании, они подхватили об-

щемировой тренд и решили поддержать людей, которые готовы летать ради удовольствия. Билеты на первый рейс раскупили за 8 минут. При этом пассажиров не испугала цена, которая была выше, чем за билеты в Анталию. В данном случае в этом была и заслуга самого пилота, который на YouTube ведет свой канал [5].

В заключение можно сказать, что настоящий непростой период пандемии показал неизбежность спада экономического роста и снижения финансового состояния бизнеса. Естественным было желание руководителей организаций сократить расходы на рекламу и маркетинг, не думая о перспективах развития. Вместе с тем бренды, которые продолжают вкладываться в маркетинг, смогут удержать свои позиции среди конкурентов и в сознании потребителей, что даст гарантию финансовой безопасности и уверенность в будущем.

Литература

1. Выставки, конференции, мероприятия и достоверная информация о качественном образовании в России и за рубежом // Forbes education : [сайт]. – URL: <https://education.forbes.ru> (дата обращения: 24.02.2021).
2. Forbes : [сайт]. – URL: <https://www.forbes.ru> (дата обращения: 24.02.2021).
3. Открытое образование : образовательная платформа. – URL: <https://openedu.ru/> (дата обращения: 24.02.2021).
4. Авиакомпания «Уральские авиалинии» : официальный сайт. – URL: <https://www.uralairlines.ru> (дата обращения: 24.02.2021).
5. Открытые медиа : [сайт]. – URL: <https://openmedia.io/> (дата обращения: 24.02.2021).

Цифровое неравенство в российском обществе: факторы и проявления

Аннотация. В статье рассмотрено влияние цифровизации на образовательный процесс в условиях распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19, выделены отрицательные и положительные проявления цифрового неравенства, уровни и формы его проявления, предпринята попытка определения как отрицательных, так и положительных последствий неравного доступа к цифровым продуктам; обосновано формирование цифрового неравенства между поколенческими группами российского общества.

Ключевые слова: цифровое неравенство; COVID-19; цифровые продукты.

Одной из ключевых тенденций развития современного общества является рост социального неравенства. Как отмечает французский экономист Т. Пикетти, наблюдаемая третья промышленная революция, или т. н. «цифровая революция», детерминирует социальное неравенство, хотя и делает его рост менее равномерным во времени [4].

Распространение новой коронавирусной инфекции COVID-19 стало триггером процесса цифровизации. Из-за введенных повсеместно ограничений и самоизоляции люди вынуждены были «перейти» в цифровую реальность. Вместе с тем такой переход

Александр Алексеевич Чижов, аспирант кафедры теории и социологии управления, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург, Россия).

Татьяна Валентиновна Дуран, канд. социол. наук, доцент кафедры «Управление персоналом и социологии», Уральский государственный университет путей сообщения (г. Екатеринбург, Россия).

показал неготовность некоторых групп населения к новым условиям. Согласно исследованию Mediascope, в 2020 году 22 % россиян старше 12 лет не пользовались сетью Интернет даже 1 раз в месяц. Основными факторами отказа использовать цифровые продукты некоторыми социально-демографическими группами являются отсутствие интереса, неумение пользоваться и отсутствие необходимой техники [5]. При этом более половины россиян старше 55 лет (50,3 %) не пользуются цифровыми продуктами, а наиболее активными пользователями сетью являются граждане в возрасте от 12 до 24 лет (97,1 %). Это свидетельствует о формировании цифрового неравенства между поколенческими группами российского общества.

Изначально под цифровым неравенством понимались имеющиеся различия между отдельными лицами, домашними хозяйствами, организациями и географическими регионами по уровню и качеству доступа к сети Интернет, что впоследствии справедливо критиковалось, неполнота охвата изучаемого феномена и редуционизм. В связи с этим неравенству в доступности к Сети и в качестве получаемых услуг был присвоен статус первого уровня цифрового неравенства. В качестве второго уровня цифрового неравенства было выделено неравенство знаний, умений и навыков, то есть разный уровень цифровой грамотности пользователей. Наконец, к третьему уровню цифрового неравенства относят особенности использования информационно-коммуникационных технологий, в том числе – различия в мотивации и целях пользования цифровыми продуктами, а также различия в «жизненных шансах», то есть в степени влияния цифровых продуктов на улучшение качества жизни [6].

Цифровое неравенство проявляется на межличностном уровне, среди населенных пунктов, регионов и государств. При этом если на межличностном уровне основными факторами, детерминирующими цифровое неравенство, являются различия цифровых навыков и мотивации пользователей, то на пространственном уровне решающее значение играют развитость инфраструктуры и доступность цифровых платформ.

Для улучшения цифровой инфраструктуры и обеспечения постоянного безопасного доступа к цифровым платформам, в России, в рамках реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», с конца 2018 года реализуется федеральный проект «Информационная инфраструктура». Целью федерального проекта является создание глобальной конкурентоспособной инфраструктуры передачи данных на основе отечественных разработок. Таким образом обозначена необходимость формирования независимых отечественных сетевых интернет-платформ, работоспособность которых обеспечит доступность цифровых продуктов.

Негативным последствием цифрового неравенства необходимо обозначить корреляцию между уровнем пользования цифровыми продуктами и социально-экономическим статусом гражданина. Согласно результатам исследования, проведенного в Соединенных Штатах Америки, активные пользователи сети Интернет зарабатывают больше и быстрее, чем граждане, не пользующиеся сетью Интернет. Кроме того, умение пользоваться цифровыми продуктами в целях приобретения товаров и услуг определяет возможности индивидов участвовать в цифровой экономике и влияет на потребительское поведение [2].

Еще одним важнейшим негативным последствием цифрового неравенства является неравный доступ к получению государственных услуг в электронном виде. Министерством экономического развития Российской Федерации в конце 2019 года был разработан законопроект, предусматривающий изменение принципов получения государственных услуг, среди которых основным является перевод государственных услуг в электронный вид. Кроме того, в соответствии с поручением Президента Российской Федерации к 2023 году Правительству Российской Федерации необходимо обеспечить перевод в электронный формат массовых социально значимых государственных услуг [3]. Таким образом, граждане, не имеющие доступа к цифровой платформе Госуслуг и/или не имеющие необходимых навыков работы с данной платформой, не смогут получить необходимые государственные услуги.

Вынужденный режим самоизоляции показал необходимость применения цифровых «инструментов» при организации образовательного процесса в дистанционном формате. Вместе с тем неразвитость инфраструктуры в некоторых районах не позволяет организовать эффективную учебную деятельность. Так, широкий общественный резонанс получила ситуация студента Омского института водного транспорта, которому для подключения к онлайн-занятиям необходимо было забираться на дерево. Кроме того, согласно исследованию Комитета гражданских инициатив, основными проблемами при организации дистанционного обучения являются недостаточная пропускная способность каналов связи, недостаточная мощность цифровой образовательной платформы, недостаточность методической поддержки пользователей, сложность платформы для пользователей [1]. Таким образом, уже имеющееся цифровое неравенство при организации образовательного процесса усугубляется как недостаточной степенью доступности и развитости информационной инфраструктуры, так и недостаточным уровнем цифровой грамотности преподавателей и обучающихся.

В условиях пандемии стали широко применяться телемедицинские технологии и концепция «включенный пациент», определяющие возможность организации мониторинга состояния пациента и предоставления медицинских услуг с помощью цифровых платформ. Очевидно, что наиболее нуждающимися категориями граждан для получения медицинских услуг являются люди старшего поколения, большая часть которых не пользуется сетью Интернет. Таким образом, значительная часть граждан старше 55 лет, являясь наиболее уязвимой группой населения, не имеет возможности получения качественных медицинских услуг с применением дистанционных технологий.

Несмотря на очевидные, на первый взгляд, «проблемные зоны», вызванные цифровым неравенством, необходимо выделить и имеющие место положительные последствия неравного доступа к интернет-контенту. Так, гражданин, не пользующийся интернет-ресурсами, не оставляет так называемого «цифрового следа», под которым понимается компьютерная информация

о событиях или действиях пользователя, отраженная в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи. «Цифровой след» не является персональными данными, поэтому может использоваться без ведома его владельца. «Цифровой след» позволяет определить демографические характеристики, расу, политические предпочтения, характер, сексуальную ориентацию и другие данные, на основе которых создается возможность уточнения социальной структуры современного общества, выявления социальной динамики. Кроме того, интернет-платформы с помощью сформированного цифрового психологического портрета дают возможность учитывать потребительское поведение, политические предпочтения пользователей, оказывать на них определенное влияние.

Сегодня в научных источниках, в средствах массовой информации широко обсуждается проблема негативного влияния на детей и подростков неограниченного доступа к цифровым платформам. Интернет как неиссякаемый источник информации, причем не всегда достоверной и полезной, препятствует развитию творческого мышления, поскольку практически на любой вопрос можно найти ответ. Кроме того, получение доступа к определенным категориям контента, содержащегося в сети Интернет, может навредить психике ребенка и подростка.

В последнее время широкое распространение получило явление кибербуллинга, то есть осознанной травли людей (зачастую детей и подростков) в сети Интернет посредством оскорблений, угроз, кибератак, разглашения персональных данных. С учетом неокончательно сформированной психики у детей и подростков кибербуллинг может стать серьезной угрозой для адекватного психического и физического развития ребенка.

Таким образом, цифровое неравенство представляет собой новый вид социального неравенства, который детерминирован как неравномерностью развития информационной инфраструктуры, так и неравными возможностями, цифровыми навыками и мотивацией пользователей сети Интернет. Последствия неравной интернет-активности пользователей могут быть как негативными (например, неравный доступ к получению государственных ус-

луг в электронной форме), так и позитивными (отсутствие «цифрового следа» и неподверженность кибербуллингу).

Литература

1. Галиев А. Исследование Комитета гражданских инициатив о дистанционном образовании в условиях пандемии // Комитет гражданских инициатив. – 27.04.2020. – URL: <https://komitetgi.ru/news/news/4212/> (дата обращения: 28.02.2021).
2. Климовицкий С. В., Осипов Г. В. Цифровое неравенство и его социальные последствия // Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в технологическом пространстве : колл. монография. – М. : СПб. : Нестор-История, 2020. – С. 47–53– URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=7909> (дата обращения: 17.02.2021).
3. Перечень поручений по итогам совещания с членами Правительства // Президент России : официальный сайт. – 10.10.2020. – URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/64198> (дата обращения: 28.02.2021)
4. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – М. : Ad Marginem, 2016. – 592 с.
5. Пугачев Д. Каждый пятый взрослый россиянин не пользуется интернетом // 4PDA : [сайт]. – 19.01.2020. – URL: <https://4pda.ru/2020/01/19/366594/> (дата обращения: 28.02.2021).
6. The Digital Divide. The internet and social inequality in international perspective / ed. by M. Ragnedda, G. W. Muschert. – New York : Routledge, 2013. – URL: https://www.hse.ru/data/2013/07/11/1289726113/The%20Digital%20Divide_proof.pdf (дата обращения: 28.02.2021).

Раздел девятый

**Физическое воспитание,
спортивная тренировка
и культура личности,
оздоровительная и адаптивная
физическая культура
в условиях цифровизации
и пандемии COVID-19**

Отношение горожан к спортивным площадкам с уличными тренажерами

Аннотация. В статье проанализированы результаты опроса, проведенного в социальных сетях среди людей разного пола и возраста на предмет отношения к спортивным площадкам с уличными тренажерами. Опрос показал, что отношение респондентов в целом положительное, горожане желают заниматься физической культурой и спортом.

Ключевые слова: спортивная площадка; уличные тренажеры; горожане; инфраструктура.

Известно, что инфраструктура для занятий физической культурой и спортом, в том числе спортивные площадки с уличными тренажерами, является важным компонентом социальной инфраструктуры города. За ее счет создаются условия для здоровой комфортной городской среды как для отдельного человека по месту проживания, так и для всех жителей города, района, квартала, микрорайона.

В октябре-декабре 2020 года с целью выявления отношения горожан к спортивным площадкам с уличными тренажерами нами был проведен опрос с использованием Google-анкеты. В исследовании приняли участие 182 респондента разных возрастных групп из тринадцати городов России, при этом большинство ре-

Виктория Константиновна Вицина, магистрант 1-го курса направления 43.04.01 «Сервис», ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (г. Екатеринбург, Россия).

Татьяна Брониславовна Голубева, канд. техн. наук, доцент, доцент кафедры сервиса и оздоровительных технологий ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (г. Екатеринбург, Россия).

спондентов проживали в городах-миллионниках – Екатеринбурге и Перми.

Установлено, что 38,5 % респондентов при наличии возможности не откажутся заниматься физической культурой и спортом. 30,8 % опрошенных стараются заниматься спортом систематически, и 17 % участников опроса систематически занимаются, 9,3 % респондентов к занятиям равнодушны, а 3,3 % участников опроса не занимаются физической культурой и спортом вообще. 1 % опрошенных выбрал вариант «занимались ранее». Результаты опроса свидетельствуют о том, что в настоящее время занятия физической культурой и спортом пользуются популярностью у большинства горожан. Отсюда следует, что достижение цели «Стратегии развития физической культуры и спорта на период до 2030 года» – доведение до 70 % числа россиян от общего числа, систематически занимающихся физической культурой и спортом – реально [1].

На рисунке представлены ответы респондентов о предпочитаемых видах физической активности.

Рис. Доля респондентов по видам занятий физической культурой и спортом, % от общего числа

Как видно, три из пяти горожан для поддержания физической формы стараются использовать пешие прогулки; каждый третий делает зарядку; респонденты молодого возраста осваивают физическую культуру в учебном заведении (29,5 %); почти столько же респондентов (28,3 %) оплачивают свои занятия на предприятиях индустрии спорта. Занятия же на спортивных площадках интересуют респондентов несколько меньше, чем велопрогулки, но больше, чем туристические походы, пляжный отдых и занятия дома.

Анализ ответов респондентов на вопрос: «Если Вы не занимаетесь физической культурой и спортом, то почему?» показал, что для 64,3 % респондентов причиной отказа является недостаток времени, что характерно для быстрого темпа жизни в современных городах; отсутствие компании единомышленников (31,3 %), нехватка денег на оплату занятий (24,1 %), психологический дискомфорт из-за плохой физической подготовки (23,2 %).

Итак, большинство респондентов сознают необходимость занятий спортом, однако при этом не могут заниматься без компании или найти время, чтобы заняться собой. На наш взгляд, даже в самом плотном графике можно найти несколько минут для зарядки или прогулки быстрым шагом, что впоследствии положительно повлияет на здоровье. У многих людей, часто не имеющих возможности посещать спортивные тренажерные залы, при наличии на улице спортивной площадки, оснащенной тренажерами, появляется возможность заниматься на спортивных тренажерах в удобное время. Данные опроса свидетельствуют о сформированной иерархии ценностей у респондентов, в которой ценность активной полноценной здоровой жизни находится рангом ниже, чем другие ценности, занимающие приоритетные места при распределении бюджета и времени горожанина.

Потребность в спортивной площадке в шаговой доступности испытывают 33,5 % опрошенных. При этом большинство респондентов положительно относится к спортивным площадкам с уличными тренажерами (87,3 %) и считает, что именно они дают возможность жителям бесплатно заниматься физической культу-

рой (32 %) и помогают проводить досуг с пользой (22 %), оздоравливают горожан (20 %).

Нас интересовало мнение респондентов, без восторга или даже негативно отзывавшихся о спортивных площадках с уличными тренажерами. 18,8 % участников опроса не симпатизируют собирающимся там компаниям; 14,1 % опрошенных не нравится санитарное состояние площадок (наличие мусора, луж, снега и льда). Также были названы такие причины, как отсутствие освещения (13,2 % респондентов) и неудовлетворенность оснащением площадок (11,3 % участников опроса).

На вопрос «Достаточно ли в Вашем городе спортивных площадок с тренажерами?» жители Екатеринбурга и Перми ответили соответственно: «да» (18,4 и 16,5 %) и «скорее да» (36,8 и 49,5 %); «скорее нет» (34,2 и 20,3 %) и «нет» (10,6 и 13,7 %). Таким образом, более половины опрошенных жителей мегаполисов считают, что спортивных площадок в их городах «достаточно» или «скорее достаточно». Более половины опрошенных (65,4 %) ответили, что у них в городе «имеется свободный доступ на спортплощадки»; «только на некоторые из них» ответили 30,2 % респондентов; «отсутствует свободный доступ» у 4,4 % участников опроса. При этом большинство оценило ближайшую спортплощадку на 4 балла из 5, другие оценили в 5 баллов; а некоторые отметили, что спортивной площадки в шаговой доступности нет.

Опрос показал, что большинство респондентов (58,2 %) вообще не посещают спортивные площадки и 14,2 % посещают реже одного раза в месяц. Но при этом на вопрос: «Стали бы Вы заниматься физической культурой чаще благодаря спортивным площадкам с уличными тренажерами, расположенным в шаговой доступности?» получены ответы: «да» – 22,5 % и «скорее да» – 37,4 %.

Чаще всего на улицах городов можно встретить два типа спортивных площадок: любительские и профессиональные. И на тех, и на других есть тренажеры для кардио- и силовых тренировок. Данные тренажеры отлично подходят, чтобы поддерживать себя в хорошей физической форме. Кардиотренажеры предназначены для улучшения работы сердечно-сосудистой системы и сжигания

жиров. Силовые тренажеры нужны для «прокачки» мышц и общего укрепления организма. На вопрос: «Какие, на Ваш взгляд, уличные тренажеры необходимо установить на спортивной площадке?» получены ответы, представленные в таблице.

Таблица

Востребованность тренажеров на спортивной площадке

Вид тренажера	Мнение «необходимо» (респонденты, % от общего числа)
Кардиотренажеры	
Степпер	24,1
Эллиптический тренажер	23,6
Шагомер	19,7
Лыжный тренажер	18,9
Силовые тренажеры	
Жим ногами	34,2
Жим сидя от груди	25,4
Гребля	21,6

Также стоит отметить тот факт, что мнение о возможности участия в благоустройстве ближайшей территории для спортивной площадки с тренажерами разное. Так, опрошенные жители Екатеринбурга ответили: 26,3 % – «да, готовы участвовать» и 28,9 % – «скорее да»; 23,6 % – «скорее нет» и 21,2 % – «нет». Тогда как участники опроса из Перми ответили: 11,6 % – «да» и 33,1 % – «скорее да»; а 39,8 % – «скорее нет» и 15,5 % – «нет». Таким образом, более половины респондентов – жителей мегаполисов – готовы принимать участие в данном проекте.

В целом проведенный опрос показал, что большинство горожан связывает свой образ жизни с занятиями физической культурой и спортом. Отношение населения к спортивным площадкам с уличными тренажерами преимущественно положительное, и горожане готовы не только заниматься на них, но и участвовать в их создании.

Литература

1. Утверждена Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года // Информio : информационный портал. – 20.11.2020. – URL: <http://www.informio.ru/news/id23404/Utverzhdena-Strategija-razvitija-fizicheskoi-kultury-i-sporta-v-Rossiiskoi-Federacii-na-period-do-2030-goda> (дата обращения: 22.02.2021).

Цифровые кризисы повседневной жизни

Аннотация. Цифровизация – это реальность современного общества и новая парадигма общественной жизни. В статье цифровизация рассмотрена в контексте публичного управления, цель статьи – определение положительных и отрицательных последствий цифровизации публичного управления для государства и общества. В статье представлены результаты исследования, которое посвящено восприятию студентами цифровизации публично-го управления в России.

Ключевые слова: цифровизация; цифровизация публичного управления; цифровое общество; цифровая экономика; цифровые кризисы.

Перед тем как перейти к результатам исследования, необходимо определить, что под цифровизацией публичного управления понимается возможность повышения качества результатов государственного управления путем внедрения новых цифровых технологий в сферу деятельности государственного управления, обеспечение развития и функционирования государственных информационных систем, а также создание цифровых инфраструктур и платформ, которые обеспечат высокотехнологичный контроль в деятельности государственных органов [5, с. 98]. Цифровизация публичного управления описана в федеральном проекте «Цифровое государственное управление».

Дана Сергеевна Гавва, бакалавр, группа 3808801 ИНЭУ, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Татьяна Михайловна Резер, д-р пед. наук, профессор, заслуженный учитель РФ, профессор кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

В нем обозначены ключевые направления цифровизации, согласно которым государственные и муниципальные услуги будут предоставляться в электронном виде; цифровыми сервисами будут обеспечены организации здравоохранения, образования, а также избирательный процесс и различные сферы общества.

У государственных и муниципальных служащих появится типовое автоматизированное рабочее место государственного служащего на платформе отечественного программного обеспечения и информационного межведомственного взаимодействия обмена данными, в том числе нормативной справочной информацией. Будет налажена инфраструктура электронного правительства, введен электронный паспорт Российской Федерации и создана система управления данными, что обеспечит возможность долгосрочного архивного хранения электронных документов с сохранением их юридической значимости [3].

Таким образом, традиционное государственное управление трансформируется в цифровое, где граждане и организации могут в любой момент взаимодействовать с органами власти, получать государственные и муниципальные услуги в цифровом пространстве [2; 4].

Для анализа процесса цифровизации публичного управления важен учет положительных и отрицательных последствий цифровизации для государства и общества, поэтому мы решили выяснить у будущих госслужащих, как они видят данный вопрос. За объект исследования нами были взяты студенты 1–4-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, объем выборки составил 109 респондентов – 61 % женщины и 49 % мужчины.

Мы выяснили у студентов положительные последствия цифровизации публичного управления для государства. Более половины респондентов считают, что благодаря цифровизации государственного управления страна продвинется в области цифрового развития, улучшится взаимодействие общества и государства. Мы предполагаем, что именно благодаря отечественным сервисам и программам можно будет обеспечить независимость

государства в цифровом развитии, национальную безопасность и суверенитет.

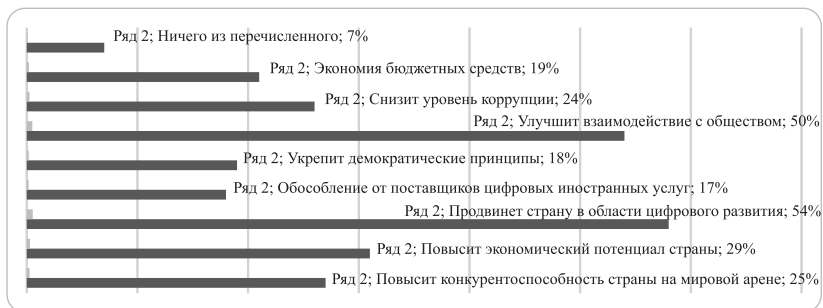

Рис. 1. Распределение респондентов по выделению положительных последствий цифровизации государственного управления для государства, %

Среди отрицательных последствий для государства большая часть респондентов отметила, что у злоумышленников появится возможность вмешиваться в дела страны, что государству необходимо усовершенствовать блок информационной безопасности, внедрить систему блок-чейн. Также любопытным является то, что 22 % респондентов считает, что цифровизация повысит уровень коррупции, а также вызовет зависимость от иностранных поставщиков цифровых услуг, поэтому необходимо обеспечить прозрачность цифровых механизмов, реализовать свое программное обеспечение.

Такой же блок вопросов мы посвятили положительным и отрицательным последствиям цифровизации государственного управления для граждан. Из положительных последствий 67 % студентов выделяют возможность получать государственные и муниципальные услуги, не выходя из дома, что очевидно, так как это экономит время и денежные средства, а в эпоху COVID-19 это особенно актуально, 54 % считают преимуществом использование информационных средств в повседневной жизни.

Рис. 2. Распределение респондентов по выделению отрицательных последствий цифровизации государственного управления для государства, %

Из отрицательных последствий: более половины студентов считают, что произойдет усиление контроля государства в Интернете. Это действительно является проблемой, так как сейчас в России наблюдается проблема недоверия со стороны граждан к власти, и то, что усилится контроль государства в Интернете, может подорвать доверие граждан и ухудшить восприятие цифровизации. Например, 52 % студентов считают, что произойдет сокращение рабочих мест, что действительно вероятно, потому что многие профессии уйдут в прошлое.

Обобщая сказанное, следует заметить, что существует достаточное количество противоречий в теме цифровизации публичного управления, а также много факторов, которые тормозят данный процесс в России. Поэтому необходимо подходить к данному вопросу комплексно, то есть необходимо учитывать экономические и политические возможности и готовность населения к переходу от традиционной формы публичного управления к цифровой форме государственного и муниципального управления. Цифровизация в сфере публичного управления имеет важное значение, ибо информационные ресурсы позволяют субъектам публичного управления увидеть проблемы и приступить к решению управленческих задач. Цифровые кризисы в сфере публичного управления возможны, как и в любом виде управления.

Литература

1. Гавва Д. С., Резер Т. М. Открытость органов власти как механизм цифровизации государственного и муниципального управления // Публично/частное в современной цивилизации : материалы XXII российской науч.-практ. конференции (с междунар. участием), 16–17 апреля 2020 года : доклады / редкол. : Л. А. Закс и др. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2020. – С. 690–694. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42822410> (дата обращения: 25.02.2021).

2. Особенности публичного управления в современной России : монография / О. Г. Александров, Р. Р. Вафин, В. В. Запарий, Я. М. Злоченко и др. ; под общ. ред. проф. Т. М. Резер. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 154 с.

3. Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9) // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 25.02.2021).

4. Резер Т. М. Информационная открытость органов государственного и муниципального управления : учеб. пособие / Т. М. Резер ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 160 с.

5. Сидоренко Э. Л., Барциц И. Н., Хисамова З. И. Эффективность цифрового государственного управления: теоретические и прикладные аспекты // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2019. – № 2. – С. 98. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-tsifrovogo-gosudarstvennogo-upravleniya-teoreticheskie-i-prikladnye-aspekty> (дата обращения: 25.02.2021).

Г. Н. Грец, А. В. Бышевская

Стратегическое развитие отраслевых вузов в сфере физической культуры и спорта

Аннотация. В настоящий момент происходит масштабная трансформация образовательной среды, научных подходов, переосмысление роли образовательных организаций высшего профессионального образования в развитии общества. Образование, наука и общество неразрывно связаны между собой, сегодня вузы должны выполнять свои задачи в особо сложных условиях. Система отраслевых вузов в области физической культуры и спорта не остается в стороне от процесса формирования единого образовательного пространства Российской Федерации. Третья миссия вуза (общественная), выражающаяся в формировании социокультурной среды, органично вписывается в жизнедеятельность физкультурно-спортивной отрасли.

Ключевые слова: высшее образование; физическая культура и спорт; третья миссия вузов; физкультурно-оздоровительные технологии; спортивная наука.

Введение

В этом исследовании авторы рассматривают отраслевые вузы как институты развития общества, объединяющие образовательные технологии с государственными, ведомственными и общественными задачами. Активное сотрудничество отраслевых

Георгий Николаевич Грец, д-р пед. наук, профессор, ректор ФГБОУ «Смоленская государственная академия физической культуры, спорта и туризма» (г. Смоленск, Россия).

Анастасия Владимировна Бышевская, канд. геогр. наук, начальник отдела международных отношений ФГБОУ «Смоленская государственная академия физической культуры, спорта и туризма» (г. Смоленск, Россия).

образовательных организаций с социумом может позитивно сказываться на жизни региона [3, с. 140], отражая практическую направленность и в долгосрочной перспективе повышая престиж и популярность образовательной организации.

Результаты и обсуждение

Стратегическое развитие регионов невозможно без популяризации здорового образа жизни и развития массового спорта, а также спорта высших достижений. Такая социальная активность в области физической культуры и спорта может обеспечить обучающимся возможность применения своих профессиональных знаний и навыков (в качестве волонтеров спортивно-массовых мероприятий, помощников тренера, практикантов и т. д.), а вузу проявить себя социально ответственным участником развития территории, способствующим повышению качества жизни общества в целом [5, с. 37].

Практическое воплощение третьей миссии для системы отраслевых вузов в области физической культуры и спорта (рис. 1) выражается в

- подготовке и переподготовке кадров для общеобразовательных и спортивных школ региона;
- организации и проведении спортивно-образовательных, спортивно-развлекательных и спортивно-патриотических мероприятий;
- реализации непрерывного образования в области физической культуры и спорта (от дошкольников до взрослого населения), в том числе для поддержания долгосрочного диалога с будущими абитуриентами и их родителями;
- участия представителей вуза в общественных советах при органах местной власти, в том числе в профильных направлениях.

ВУЗЫ, ПОДВЕДОМСТВЕННЫЕ МИНИСТЕРСТВУ СПОРТА РФ

Рис. 1. Система отраслевых вузов в области физической культуры и спорта в РФ

Выводы

В настоящий момент для профильных отраслевых вузов одной из стратегических задач является сохранение самоидентичности [2, с. 305]. Это может стать возможным при активном включении образовательных организаций в третью миссию вузов. Социаль-

ная активность позволит усилить практическую направленность и обеспечить трансфер услуг и физкультурно-оздоровительных технологий, что будет выгодно не только вузовскому сообществу, но и региональной власти.

Литература

1. Балмасова Т. А. «Третья миссия» университета: новый вектор развития? // Высшее образование в России. – 2016. – № 8-9 (204). – С. 44–55.

2. Грец Г. Н., Юденков А. В., Бышевская А. В. Интеграционные процессы высшей школы в спортивной отрасли на евразийском пространстве // Бизнес. Образование. Право. – 2019. – № 3 (48). – С. 304–310.

3. Коршунов Г. В., Ведерникова И. О., Дубиковский С. Ю. Университет в среде небольшого города: флюиды кампусного уклада // Высшее образование в России. – 2019. – Т. 28, № 2. – С. 134–143.

4. Кудряшова Е. В., Сорокин С. Э. Формирование человеческого капитала как реализация «третьей миссии» университетов // Личность. Культура. Общество. – 2020. – Т. 22, № 1-2 (105-106). – С. 121–127.

5. Мартынов Б. В., Прокопенко Е. С. Механизмы образовательного менеджмента реализации третьей миссии университета в условиях цифровой трансформации общества // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2021. – № 1 (128). – С. 36–39.

6. Шмелева Е. А., Кисляков П. А. Третья миссия университетов в институализации просоциальной активности молодежи // Ноосферные исследования. – 2021. – № 2. – С. 4–12.

Abstract. At the moment, universities are performing their role in particularly difficult conditions. A large-scale transformation of the educational environment, scientific approaches, rethinking of the role of educational institutions of higher professional education in the development of society is taking place. The system of specialized universities in the field of physical culture and sports does not remain aloof from the process of forming a unified educational space of the Russian Federation. The development of education, science and society are connected to each other. The third mission of the university

(public), expressed in the formation of the socio-cultural environment, organically fits into the life of the physical culture and sports industry.

Keywords: higher education; physical culture and sports; the third mission of universities; physical culture and health technologies; sports science.

Эффективность функциональной оценки движения: обзор исследований

Аннотация. Несмотря на большое количество научных исследований по эффективности проведения фитнес-тестирования, количество людей с травмами и проблемами опорно-двигательного аппарата растёт. Цель данной статьи – проведение обзора исследований по выявлению эффективности оценки движений с помощью FMS, поскольку в настоящее время существуют различные, иногда противоречивые, мнения по поводу эффективности функциональной оценки движения с помощью данной методики.

Ключевые слова: фитнес; тестирование; функциональная оценка движения.

На сегодняшний день всё больше людей вовлекается в спорт или активную двигательную деятельность: согласно некоторым источникам, количество посетителей фитнес-клубов и спортивных центров после окончания пандемии вырастет на 12 % по сравнению с 2019 годом. Однако тренерам, а также преподавателям физической культуры, для того чтобы увеличить мотивацию к занятиям и обеспечить максимальную безопасность и эффективность тренировочного процесса, подготовить занимающихся для разнообразного спектра физической активности (бег, функциональный тренинг, занятия с тренажерами), необходимо проводить полноценное фитнес-тестирование и функциональную оценку движения.

Петр Алексеевич Григорьев, аспирант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия). ORCID: 0000-0002-6479-8440

Галина Ивановна Семёнова, канд. пед. наук, доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия). ORCID: 0000-0003-0193-1416

В сфере фитнеса давно доказана необходимость функционального тестирования опорно-двигательного аппарата для оценки возможностей человека и планирования тренировочной программы. Дискуссионным остается вопрос подбора методики для улучшения качества движения и, как следствие, уменьшения общего травматизма людей, ведущих активный образ жизни. Каким образом и через какие тесты можно выявить неправильный паттерн (движение) и предотвратить травмы?

В наши дни существуют достаточно много методик тестирования организма. Однако анализ литературы показал, что нет тестов, которые могли бы распознать боль, асимметрию, мышечный дисбаланс или серьезные проблемы в опорно-двигательном аппарате одновременно. Также недостаточно научных данных о том, как предотвратить травму до ее получения с помощью тестирования. При этом, несмотря на большое количество научных исследований по эффективности проведения фитнес-тестирования, количество людей с ранее приобретенными травмами и проблемами опорно-двигательного аппарата растет.

Исходя из предположения о том, что сила, гибкость и стабильность являются базой для любых физических упражнений, была создана функциональная система оценки движения FMS, обеспечивающая доступ к оценке качества движения. Система включает в себя серию функциональных движений: сгибание/разгибание бедра, а также его внутреннюю ротацию, тест на оценку стабильности кора и отведение/приведение плеча. На текущий момент система FMS привлекла внимание ученых в области реабилитации, фитнеса и спорта [1; 3; 5].

Намерение разработчиков FMS Кука и Бертона состояло в том, чтобы решить проблему частого получения травм и повысить осведомленность занимающихся и тренеров о профилактических упражнениях с помощью простого метода. Однако тот факт, что сегодня FMS широко применяется в области спорта и силовых тренировок, автоматически не означает, что данный метод основан на научных доказательствах [5].

Большинство корректировочных программ, основанных на результатах FMS, показали улучшение моторного навыка у зани-

мающихся. В целом, данная система тестирования может быть полезна тренерам, если они работают с обычными людьми, которые хотят вести здоровый образ жизни, а не с атлетами высокого уровня. Ученые и тренеры единодушно утверждают, что производительность и предотвращение травм складываются из множества факторов. Если взвесить все «за» и «против», следует отметить, что способность FMS прогнозировать спортивные результаты не подтверждается убедительными научными доказательствами. Однако стабильность позы и функциональная асимметрия могут быть фактором, способствующим долгосрочному развитию спортсмена.

В настоящее время наблюдаются низкие показатели оценок в тестированиях среди людей старше 30 лет по системе функциональной оценки движения FMS. Подобная проблема констатируется и зарубежными исследователями [3; 5; 7]. Недавние исследования в этой сфере продемонстрировали систему оценки движения FMS как достоверную систему, на основе ее результатов можно выстраивать корректировочную программу упражнений.

О'Сонног и его коллеги [7] исследовали использование FMS в качестве инструмента для прогнозирования травм среди молодых морских офицеров (18–30 лет). Было протестировано 874 кандидата в течение 6- и 10-недельного периода обучения. Средняя оценка составила 16,6 баллов (из 21 возможных). Среди них только 10 % получили баллы ниже 14 (что является критической оценкой и требует коррекции). В последующем, те офицеры, что получили меньше 14 баллов, были в 1,8–1,9 раз более часто подвержены травмам, чем те коллеги, которые получили 14 и более баллов [7].

Также в своем исследовании он проверял взаимосвязь результатов FMS с результатами бега на 3 мили (положительный результат – если испытуемый показывает результат в беге менее 20 минут). Результаты показали, что оценка FMS меньше 14 баллов, а также отрицательные результаты в беге на 3 мили (более чем 20 минут) выражались в увеличенном травматизме в будущем (риск был в 2,77–3,20 раз больше) [7].

В результате своего научного исследования O'Connor предположил, что уменьшенный диапазон движений (потеря мобильности суставов) и снижение нервно-мышечного контроля могут снизить качество движений и увеличить риск травм от чрезмерной двигательной активности. Таким образом, наблюдение за компенсацией движений и стабильностью во время FMS-тестирования может обеспечить важные индикаторы скелетно-мышечного дефицита у людей, может иметь решающее значение для прогнозирования скелетно-мышечных травм или необходимости помощи. Исследования помогут физиотерапевтам в выявлении и лечении мышечной или суставной дисфункции, а также в планировании дальнейшей тренировочной программы.

K. Kiesel [6] исследовал данную систему тестирования и доказал, что FMS может быть помощником в разработке соответствующих корректировочных программ для решения конкретных проблем опорно-двигательного аппарата, плохого баланса, а также для коррекции асимметрии. Исследование с 62 испытуемыми (обычные люди), которое было сосредоточено на увеличении по конкретным баллам, показало, что большая часть людей улучшила результаты FMS. Из 62 тестируемых только 7 получили оценку 14 или более баллов до исследования и корректировочной программы, а 21 испытуемый обладал асимметрией между правой и левой частью тела. Далее, после сбора всех результатов, была создана 7-недельная программа коррекции для исправления выявленных двигательных дефицитов. Результатом программы тренировок, основанной на результатах FMS, было в среднем 11 %-ное увеличение общих баллов по FMS, при этом 30 испытуемых имели оценку 14 или более ($p, 0,01$), и снижение асимметрии (с 21 до 12 человек).

C. Bosco и соавторы в своем исследовании [2] обнаружили, что у соревнующихся бегунов в 4,7 раза больше шансов получить острую травму нижней конечности в течение соревновательного сезона, если они набрали менее 17 баллов по шкале FMS. Были замечены статистические различия между предсезонными оценками FMS для травмированных и нетравмированных групп, групп с травмой голеностопного сустава, травмой колена и груп-

пы без травм, а также между группами с контактной травмой, не-контактной травмой и группами без травм.

G. Cook и соавторы [4] обнаружили взаимосвязь между результатами FMS с результатами ВМІ, возрастом, а также физической активностью. Участниками данного исследования являлись люди от 50 до 82 лет. Самая молодая возрастная группа (50–54 года) получила самые высокие баллы по всем семи тестам, а самая старшая возрастная группа (75+) получила самые низкие баллы в большинстве тестов по сравнению со всеми другими возрастными группами. Испытуемые из группы «с нормальным весом» не отличались от тех, кто находился в группе «с избыточным весом»; обе группы показали лучшие результаты, чем группа «с ожирением». Из 97 участников у 54 была как минимум одна асимметрия. Однако корреляции между общим баллом FMS и возрастом ($r = -0,531$), ВМІ ($r = -0,270$) и показателем уровня активности ($r = 0,287$) были значительными ($p < 0,01$ для всех).

Также нами [1] в течение 2018 года было проведено исследование людей в возрасте от 38 до 51 года, получивших оценку тестирования FMS ниже 14 (58 человек из 200 исследуемых за данный период). Результаты исследования выявили, что в начале исследования средняя оценка FMS составляла 9,88 балла из 21 возможного (что означает риск травмы). Спустя 3,5 месяца удалось добиться существенного улучшения (более 14 баллов в среднем). При этом в группе занимающихся фитнесом наблюдалось снижение количества травм. Тенденция к снижению риска травматизма свидетельствует о правильно выбранной стратегии коррекционной работы при занятиях фитнесом. Простота и доступность использования методики также говорит о целесообразности ее использования в тренировочном процессе с лицами, занимающимися фитнесом.

Литература

1. Григорьев П. А., Семёнова Г. И. Функциональная оценка движения как средство снижения травматизма в фитнесе // Человек. Спорт. Медицина. – 2020. – Т. 20, № 1. – С. 114–122. – DOI 10.14529/hsm200114.

2. Bosco C., Luhtanen P., Komi P. V. A simple method for measurement of mechanical power in jumping // *European Journal of Applied Physiology and Occupational Physiology*. – 1983. – Vol. 50. – P. 273–282. – DOI 10.1007/BF00422166.
3. Boyle M. J., Butler R. J., Queen R. M. Functional Movement Competency and Dynamic Balance after Anterior Cruciate Ligament Reconstruction in Adolescent Patients // *Journal of Pediatric Orthopaedics*. – 2016. – Vol. 36, Issue 1. – P. 36–41. – DOI 10.1097/BPO.0000000000000402.
4. Cook G., Burton L., Hoogenboom B. Pre-participation screening: the use of fundamental movements as an assessment of function – part 1 // *North American Journal of Sports Physical Therapy*. – 2006. – Vol. 1 (2). – P. 62–72.
5. Cuchna J. W., Hoch M. C., Hoch J. M. The interrater and intrarater reliability of the functional movement screen: A systematic review with meta-analysis // *Physical Therapy in Sport*. – 2016. – Vol. 19. – P. 57–65. – DOI 10.1016/j.ptsp.2015.12.002.
6. Kiesel K., Plisky P. J., Voight M. L. Can serious injury in professional football be predicted by a preseason functional movement screen? // *North American Journal of Sports Physical Therapy*. – 2007. – Vol. 2. – P. 147–158.
7. O'Connor F. G., Deuster P. A., Davis J., Pappas C. G., Knapik J. J. Functional movement screening // *Medicine & Science in Sports & Exercise*. – 2011. – Vol. 43 (12). – P. 2224–2230.

Двигательная (физическая) активность населения Российской Федерации в период пандемии COVID-19

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о влиянии ситуации распространения коронавирусной инфекции на двигательную (физическую) активность населения. Авторы исследовали параметры двигательной (физической) активности населения (объем двигательной активности, количество занятий, время, затраченное на физическую активность в период самоизоляции).

Ключевые слова: пандемия; самоизоляция; двигательная активность; занимающиеся; виды двигательной активности.

Введение

Ограничения, связанные с пандемией COVID-19, привели к изменениям в жизни населения Российской Федерации, включая спорт и физическую активность [3; 4]. COVID-19 сильнее всего повлиял на массовый спорт [4]. Запрет на занятия физическими упражнениями как в составе группы, так и самостоятельно, закрытие спортивных залов, фитнес-клубов, спортивных площадок, переход образования в онлайн-формат (отсутствие возможности полноценно проводить уроки по физической культуре) и многие другие системные ограничения привели к коренным изменениям в физкультурно-спортивной жизни общества, это оказало влияние на двигательный режим всего населения. «...Разные катего-

Эдуард Адольфович Зюрин, канд. пед. наук, заведующий лабораторией проблем физической культуры и массового спорта ФГБУ ФНЦ ВНИИФК (г. Москва, Россия).

Елена Николаевна Петрук, научный сотрудник ФГБУ ФНЦ ВНИИФК (г. Москва, Россия).

Елена Николаевна Бобкова, канд. пед. наук, доцент, проректор по научной работе ФГБОУ ВО СГАФКСТ (г. Смоленск, Россия).

рии занимающихся физической культурой и спортом по-разному отнеслись к ситуации: одни перестали упражняться совсем, другие обратили свой взор на спорт впервые. Однако каждый в той или иной степени решил для себя вопрос домашних тренировок» [1; 4; 5].

Цель исследования: исследовать влияние пандемии COVID-19 на двигательную (физическую) активность населения.

Методы исследования

Анкетирование, обобщение, анализ, математическая статистика.

Результаты и обсуждение

С целью изучения влияния пандемии COVID-19 на двигательный режим населения в период самоизоляции и санитарно-эпидемиологических ограничений ФНЦ ВНИИФК совместно с РГСУ было проведено исследование факторов, препятствующих занятиям физической культурой и спортом населения Российской Федерации в возрасте от 3 до 80 лет и старше. Исследование проводилось в форме Всероссийского социологического опроса. Число регионов опроса – 80, общий объем выборки опроса: дети и молодежь в возрасте от 6 до 29 лет и население среднего возраста (от 30 до 59 лет) – 3 200; старшего возраста (от 60 лет и старше) – 2 400 респондентов.

Анализ информации о влиянии пандемии COVID-19 на двигательную (физическую) активность населения Российской Федерации свидетельствует о значительном сокращении времени, форм и средств двигательной активности во всех изучаемых возрастных группах.

Рассмотрим показатели двигательной активности населения Российской Федерации по исследуемым возрастным категориям. Распределение ответов родителей детей от 3 до 5 лет свидетельствует о значительном изменении двигательного режима детей, что представлено на рисунке 1.

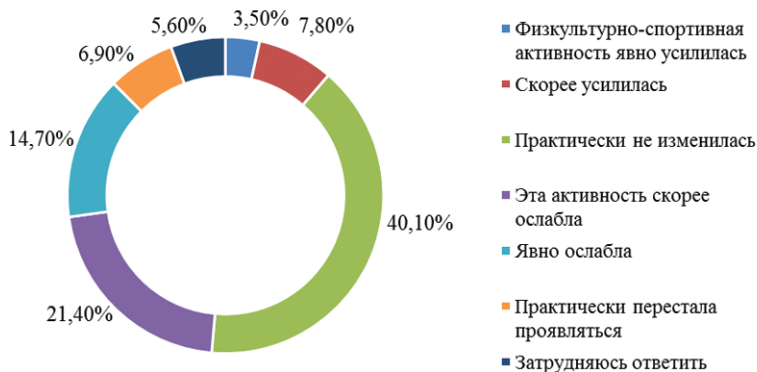

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как повлияла ситуация с распространением коронавирусной инфекции на физкультурно-спортивную активность Вашего ребенка?» (в % от всех опрошенных, один ответ)

Из анализа результатов опроса следует, что у 40 % детей двигательная (физическая) активность не претерпела значительных изменений, у более 46 % двигательная (физическая) активность уменьшилась и 11,3 % респондентов отметили увеличение двигательной (физической) активности у своих детей.

Распределение ответов респондентов в возрасте от 6 до 29 лет свидетельствует о том, что примерно у четверти опрошенных двигательный режим практически не изменился (данные представлены на рисунке 2).

Из данных опроса видно, что у более половины респондентов в возрасте от 6 до 12 лет двигательная (физическая) активность уменьшилась (56,6 %), в остальных возрастных диапазонах произошли изменения двигательного режима в пределах 40 % (13–17 лет – 40,5 %, 18–24 лет – 45,6 %, 25–29 лет – 42,4 %). Ряд опрошенных отметил, что их двигательный режим не изменился, а объявленная пандемия послужила условием для систематических ежедневных занятий физическими упражнениями (рис. 2).

Анализ ответов респондентов в возрасте от 30 до 59 лет показал, что около 30 % опрошенных не изменили свой двигательный режим в условиях пандемии COVID-19 (36 %), при этом просма-

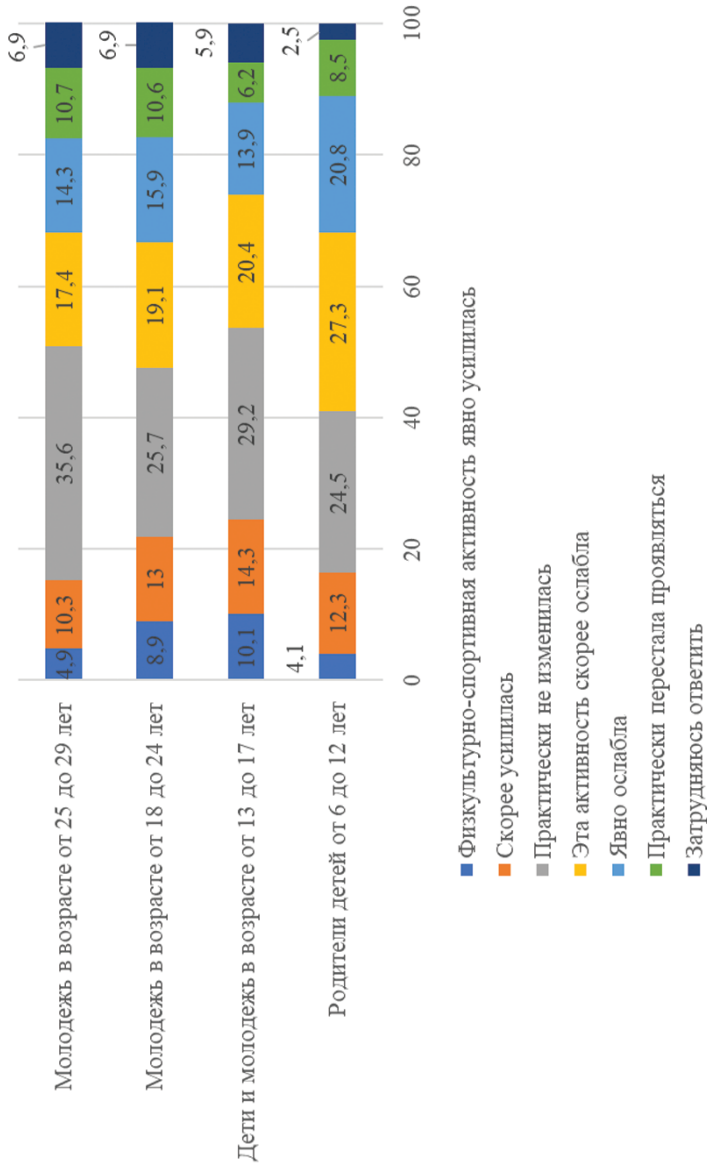

Рис. 2. Влияние ситуации с распространением коронавирусной инфекции на физкультурно-спортивную активность населения (6–29 лет) (% от всех опрошенных, один ответ)

тривается низкая дифференциация показателя по возрастным группам (33,3 % в возрастном периоде от 30 до 44 лет, 39,2 % – 45–45 лет, 35,6 – 55–59 лет), что представлено на рисунке 3.

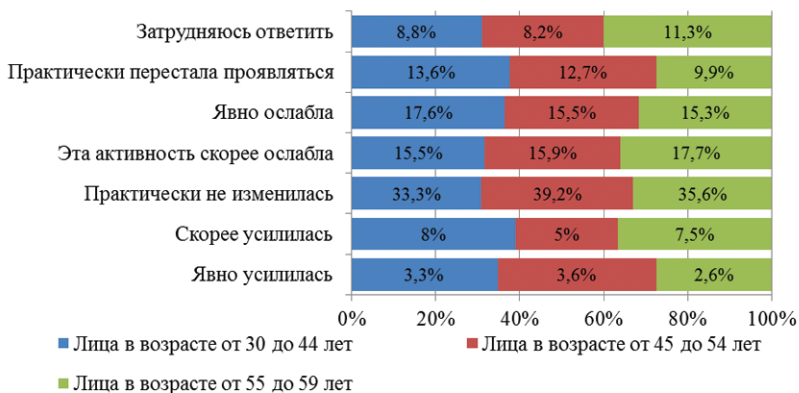

Рис. 3. Распределение ответов респондентов в возрасте от 30 до 59 лет на вопрос: «Как повлияла ситуация с распространением коронавирусной инфекции на Вашу физкультурно-спортивную активность?» (в % от всех опрошенных, один ответ)

Вместе с тем, совокупно 44,6 % респондентов в возрасте от 30 до 59 лет отметили ухудшение возможности для занятий физической культурой и спортом, что негативно повлияло на двигательный режим и физическую активность, при этом просматривается явная дифференциация показателя по возрастным группам от 46,7 % в возрасте 30–44 лет до 42,9 % в 55–59 лет.

Показатели физической активности населения в возрасте 60 лет и старше представлены на рисунке 4.

Анализ результатов опроса населения от 60 лет и старше свидетельствует о том, что 30,4 % респондентов не изменили своим привычкам и продолжали заниматься избранными видами физкультурно-спортивной деятельности, при этом с увеличением возраста этот процент уменьшается (рис. 4). Также отмечается незначительное увеличение двигательной активности в каждом возрастном периоде, наибольшее число респондентов, отметив-

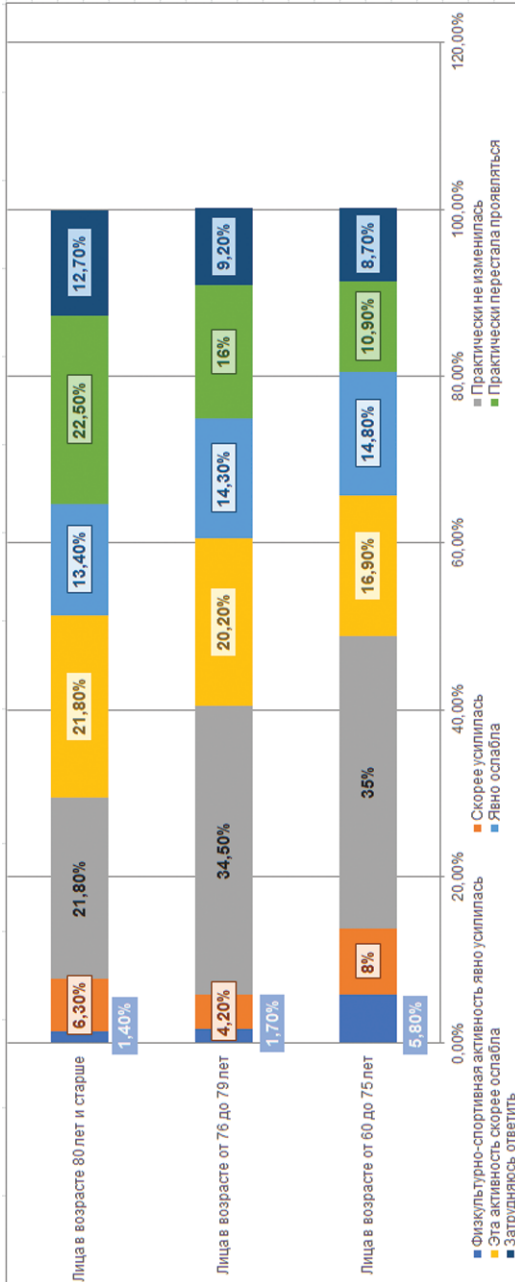

Рис. 4. Влияние ситуации с распространением коронавирусной инфекции на физкультурно-спортивную активность населения (от 60 лет и старше) (в % от всех опрошенных, один ответ)

ших, что самоизоляция положительно сказалась на их двигательной (физической) активности, отмечается в возрасте от 60 до 75 лет (13,8 %), 80 лет и старше – 7,7 % и 76–79 лет – 5,9 %. В целом 52,3 % респондентов отметили, что в период пандемии их физическая активность ослабла в той или иной степени (60–75 лет – на 42,6 %, 76–79 лет – 50,5 %, 80 лет и старше – 57,7 %). Тот факт, что она практически перестала проявляться, отмечают в среднем 16,5 %, однако у населения от 80 лет и старше отмечается наиболее высокое значение – 22,5 %.

Таким образом, двигательная (физическая) активность населения Российской Федерации в период пандемии COVID-19 претерпела изменения во всех возрастных группах: так 46,6 % населения отметили уменьшение двигательной активности, 13,3 % заявили об ее увеличении, 32,2 % респондентов не увидели негативного влияния пандемии на двигательную активность и 7,9 % не смогли определиться со своим мнением. Всё это свидетельствует о том, что 45,5 % населения Российской Федерации в период пандемии осталось в рамках привычного двигательного режима с незначительным его увеличением. У 46,6 % населения отмечается уменьшение двигательного режима, наибольшее изменение двигательного режима отмечается в возрастных периодах 6–12 лет, 76–80 лет и старше.

Выводы

Снижение двигательной активности зафиксировано во всех возрастных группах. Пандемия COVID-19 продемонстрировала неготовность общества к столь резким изменениям образа жизни и двигательного режима в частности. В целом вся физкультурно-спортивная отрасль вступила в новый цикл своего развития: обязательное соблюдение санитарно-эпидемиологических требований ограничило пропускную способность спортивных объектов, обострилась необходимость разработки методик самостоятельных занятий в домашних и иных неприспособленных условиях. При этом цифровая инфраструктура физкультурно-спортивной отрасли должна создать условия методического сопровождения занятий с включением в процесс известных спортсменов, ученых, педагогов-практиков [2].

Литература

1. Ермаков А. В. Результаты мониторинга двигательной активности населения с использованием анализа «больших данных» компании ONETRACK // Спортивно-педагогическое образование : сетевое издание. – 2020. – №. 2. – С. 18–22.
2. Ермаков А. В., Скаржинская Е. Н. Цифровые технологии в спорте как инструмент воспитания // Физическая культура и спорт в XXI веке: актуальные проблемы и их решения. – 2020. – С. 189–193.
3. Перечень мер в связи с коронавирусом (COVID-19) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348585/ (дата обращения: 26.02.2021).
4. Савельева О. В., Ляховская Ю. М. Спортивная сфера в условиях пандемии коронавируса: наиболее успешные решения дистанционной системы занятий спортом // Вопросы студенческой науки. – 2020. – № 5-1. – С. 301–307.
5. Белых С. И., Ямалетдинова Г. А. Механизмы управления двигательной активностью в учебном и тренировочном процессе студентов // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : материалы XXI российской научно-практической конференции (с международным участием), 12–13 апреля 2019 года : доклады / редкол. : Л. А. Закс и др. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 800–804.

Оценка вариабельности сердечного ритма у легкоатлетов 11–12 лет после пандемии

Аннотация. В статье представлен анализ данных вариабельности сердечного ритма у юных легкоатлетов 11–12 лет после периода самоизоляции. При помощи метода оценки вариабельности сердечного ритма мы можем оценить состояние механизмов регуляции физиологических функций организма и активности регуляторных механизмов. Также мы отнесли всех тестируемых к 4 типам регуляции сердечного ритма, выделили их особенности и дали дальнейшие рекомендации.

Ключевые слова: пандемия; функциональное состояние; вариабельность сердечного ритма; легкоатлеты.

Эпидемиологическая ситуация в мире коснулась всех без исключения, в особенности спортсменов. Для профессиональных спортсменов были отменены местные и региональные сборы, были закрыты все федеральные спортивные объекты с 29 марта по 1 июня 2020 г.

В этот период у легкоатлетов начался предсоревновательный период подготовки, который характеризуется развитием общей

Вероника Дмитриевна Иванова, бакалавр кафедры теории физической культуры Института физической культуры, спорта и молодежной политики, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия). ORCID: 0000-0002-8824-3183

Галина Ивановна Семёнова, канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры теории физической культуры Института физической культуры, спорта и молодежной политики, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия). ORCID: 0000-0003-0193-1416

и специальной выносливости с большим объемом бега. Беговые тренировки больше не могли осуществляться на стадионах, пересеченной местности и в манежах. Соответственно, спортсмен мог заниматься только в домашних условиях и работать над силовой подготовкой. Многие стали практиковать бег по лестницам в подъездах, а спортсмены, живущие в частном секторе, во дворе своего дома. С 1 июня спортсмены уже могли выходить на улицу и заниматься в парках.

Период пандемии был психологически сложным для всех легкоатлетов. Перенос соревнований на неопределенный срок, отсутствие возможности быть на улице, ограничение двигательной активности – всё это снижало мотивацию к тренировочному процессу. И несмотря на это, у спортсменов была возможность выполнять упражнения на развитие общей физической подготовки (ОФП), но некоторые спортсмены их не выполняли. Также мы провели опрос среди тестируемых и выяснили, как проходила их подготовка в период самоизоляции и пандемии. Так, 55 % опрошенных не занимались регулярно, 27 % занимались 1–2 раза в неделю без полной отдачи, и только 18 % соблюдали все рекомендации тренера и занимались всегда.

Отсутствие тренировок сказалось на состоянии сердечно-сосудистой системы и нервной системы. При помощи метода оценки вариабельности сердечного ритма мы можем оценить состояние механизмов регуляции физиологических функций организма и активности регуляторных механизмов, нейрогуморальной регуляции сердца, а также соотношение между симпатическим и парасимпатическим отделами вегетативной нервной системы. Данный метод основан на анализе длительности интервалов между последующими сердечными сокращениями, выявленными на ЭКГ, анализе полученных данных различными математическими методами.

Для оценки вариабельности сердечного ритма тестирование проводилось с помощью аппаратно-программного комплекса «Варикард 3.0.». Предварительно обследуемые были ознакомлены с правилами тестирования, поскольку этим требованиям стоит уделять пристальное внимание [1, с. 111]. Также у обследуе-

мых был собран анамнез, в ходе которого были взяты следующие показатели: рост, вес, возраст, хронические заболевания, недавно перенесенные заболевания, операции и недавние эмоциональные потрясения.

Тестирование с помощью аппаратно-программного комплекса «Варикард 3.0.» позволило получить следующие показатели: электрокардиограмму (ЭКГ), кардиоинтервалограмму, ПАРС+, гистограмму, скатерограмму, оценку состояния регуляторных систем и уровень функционального состояния, вегетативный гомеостаз, а также основные показатели сердечного ритма (частота сердечных сокращений, стресс-индекс, мощность колебаний HF, LF, VLF и многие другие показатели) [1, с. 111].

В тестировании приняли участие легкоатлеты 11–12 лет ($n = 11$), имеющие 1–2 юношеский спортивный разряд. В ходе интервьюирования мы узнали, что данные спортсмены занимаются легкой атлетикой от 2 до 4 лет 3–5 раз в неделю и принимают активное участие в соревнованиях. 55 % еще не до конца определились со спортивной специализацией, поэтому занимаются дополнительно другими видами спорта (карате, бокс, футбол и др.).

Всех обследуемых можно отнести к 4 типам регуляции сердечного ритма, благодаря чему можно определить преобладающий тип, спрогнозировать адаптивные возможности организма и управлять тренировочным процессом. I группа – умеренное преобладание центральной регуляции; II группа – выраженное преобладание центральной регуляции; III группа – умеренное преобладание автономной регуляции; IV группа – выраженное преобладание автономной регуляции [2, с. 82].

Исходя из рисунка мы можем следующие выводы: 46 % детей относятся к 1 типу регуляции сердечного ритма, для которого характерны нормальное ЧСС, увеличение R-R-интервалов, повышение показателей SI, HF, LF и снижение значений VLF и ULF спектра. 27 % относятся ко 2 типу, особенностями которого являются повышенная ЧСС, малые значения R-R, кардиоинтервалов, большие значения SI (>150 усл. ед.), малые значения суммарной мощности спектра (TP) и его составляющих HF, LF, в особенности, VLF волн. 3-й тип составляет 18 % тестируемых, у которых

пониженная ЧСС, больше значения R-R, SDNN, ниже показатели SI и достоверно выше суммарная мощность спектра TP и его составляющих HF, LF, VLE, ULF, особенно HF и LF волн. И для последнего типа регуляции сердечного ритма характерны большой разброс кардиоинтервалов, низкие значения SI, очень высокие показатели суммарной мощности спектра TP (>8000), мощности высокочастотных волн HF.

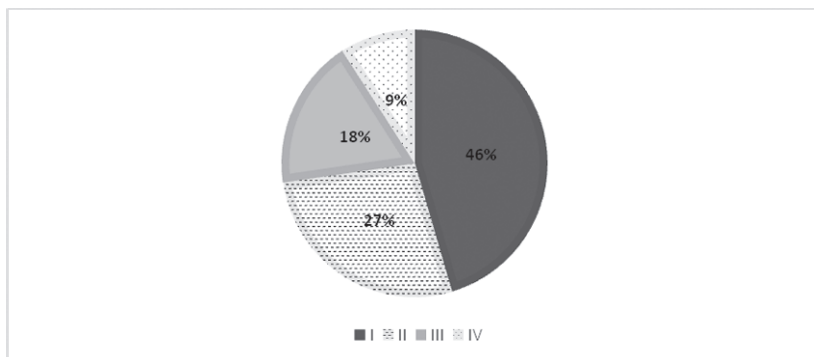

Рис. Типы регуляции сердечного ритма

Стоит учитывать, что на напряжение регуляторных систем влияет неправильно проведенный отбор для занятий избранным видом спорта, совмещение больших тренировочных нагрузок, учебы и других секций, психоэмоциональные переживания и особенно приближающееся активное половое созревание.

В ходе исследования мы также выявили, что индекс стресса (SI) невысок для детей данного возраста (14–387, среднее значение – 208), показатели ЧСС также в пределах нормы (66–97, среднее значение – 83), уровень функционального состояния и ПАРС у 81 % в норме. У 19 % тестируемых имеются небольшие отклонения (выраженная тахикардия, аритмия, высокий уровень стресса).

Можно сделать вывод, что общее функциональное состояние занимающихся легкой атлетикой в норме, но стоит уделять пристальное внимание дозированию нагрузки и психоэмоциональному фону. В спортивной секции нужно учитывать индивидуальные

особенности и начальные данные для занятия спортом, так как частой ошибкой тренеров является неправильно дозированная нагрузка, которая ведет к переутомлению, демотивации к занятиям и ухудшению общего функционального состояния организма. Проводить оценку variability сердечного ритма стоит несколько раз в год, чтобы отслеживать динамику функционального состояния в разные периоды тренировочной деятельности.

Литература

1. Иванова В. Д., Семёнова Г. И. Актуальность соблюдения правил тестирования при оценке variability сердечного ритма у занимающихся физической культурой и спортом // Физическая культура и спорт в современном обществе : материалы Всерос. науч.-практ. конференции, посвященной 75-летию Великой Победы, 27–28 марта 2020 г. / под ред. С. С. Добровольского. – Хабаровск : ДВГАФК, 2020. – С. 111–112.
2. Шлык Н. И. Сердечный ритм и тип регуляции у детей, подростков и спортсменов. – Ижевск : Удмуртский университет, 2009. – 259 с.

Д. В. Кучумов, Г. А. Ямалетдинова

Теоретическая и практическая подготовка студентов в условиях дистанционного образования (на примере восточных единоборств)

Аннотация. Статья посвящена организационно-методическим аспектам использования дистанционного образования в обучении студентов дисциплине «Физическая культура» (восточные единоборства). Предлагаются некоторые способы и формы работы со студентами, анализируются результаты внедрения в учебно-тренировочный процесс дистанционных технологий, направленных на педагогическое сопровождение познавательной деятельности обучающихся.

Ключевые слова: цифровая образовательная среда; пандемия; дистанционное образование; восточные единоборства; студенты.

Охватившая весь мир в 2020 году пандемия стала проблемой для многих сфер общественной жизни, в том числе и для традиционного института высшего образования. Невозможность очного присутствия студентов на занятиях актуализирует вопрос дистанционного обучения с использованием электронных устройств и сети «Интернет», совершенствования образователь-

Дмитрий Вячеславович Кучумов, преподаватель кафедры оздоровительной тренировки и профессионально-прикладной физической подготовки АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Галина Александровна Ямалетдинова, д-р пед. наук, доцент, завкафедрой оздоровительной тренировки и профессионально-прикладной физической подготовки АНО ВО «Гуманитарный университет»; профессор Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

ных процессов путем внедрения цифровых технологий. Данные условия диктуют цели и задачи, связанные с поиском новых методов, средств и форм организации учебно-тренировочного процесса без потери качества образования. На первый план выходит активизация самостоятельной работы студентов, перевод их из позиции объекта педагогического воздействия в позицию субъекта воспитания, обучения (самовоспитания, самообучения). В условиях внимания к субъект-субъектному характеру отношений в системе образования актуальным становится обращение к вопросам педагогического сопровождения студента в ходе такого обучения. Задачей педагога становится оказание помощи студентам по включению их в целенаправленную, сознательную работу над собой.

Физическое развитие и здоровье учащейся молодежи всегда требовало к себе особого внимания [1, с. 146], и в условиях карантина воздействие неблагоприятных факторов (гиподинамия, нарушение режима питания и дня) значительно увеличилось. Опрос, проведенный нами, показал, что 78 % студентов в условиях карантина испытывают недостаток физической активности, что связано с отсутствием занятий по физической культуре и необходимостью выполнения учебных заданий по предметам.

В своем обычном формате преподавание физической культуры предполагает непосредственный контакт педагога и обучающихся, наличие специально оборудованных помещений, инвентаря и пр., и можно предположить, что внедрение дистанционных технологий снизит эффективность обучения. Однако анализ возможностей процесса дистанционного образования позволяет выявить следующие преимущества для студентов: возможность обучаться, не выходя из дома, в удобное время, в спокойной обстановке; наличие достаточного количества времени и большого массива информации в сети «Интернет» для более продуктивной работы над теоретическим разделом физической культуры; возможность прямого диалога с преподавателем в более свободных временных рамках; проявление самоорганизации и самостоятельности. С другой стороны, множество онлайн-ресурсов (видеохостинг YouTube, онлайн-библиотеки, специализированные

сайты) расширяют возможности педагога в области демонстрации дополнительного материала.

Программной средой для организации процесса дистанционного обучения в большинстве российских вузов признана система Moodle. Популярность данная кроссплатформенная система заслужила бесплатным сервисом и богатым функционалом. Электронная информационно-образовательная среда (ЭИОС) (<https://open.gu-ural.ru/>), используемая в Гуманитарном университете, позволяет загружать различные типы заданий, проверять и оценивать работы, организовать диалог каждого студента с преподавателем.

На занятиях восточными единоборствами в условиях дистанционного образования нами применялась следующая последовательность этапов реализации программы обучения. Первый этап (диагностический) предполагает получение студентами информации о своем физическом состоянии и здоровье, занесение исходных данных в дневник самоконтроля. Следующий этап (целевой) предусматривает определение и постановку студентом личной цели и задач в соответствии с выявленными недостатками и проблемами в физическом состоянии. Далее (познавательного-проектировочный этап) предлагается изучение студентами теории физической культуры и основ спортивной тренировки (сущность, основные термины и понятия, принципы, средства, методы физического воспитания, методики развития физических качеств и обучения двигательным действиям). Следует отметить, что самостоятельная работа по поиску и изучению информации способствует более глубокому пониманию и полному усвоению учебного материала. На этом этапе каждый студент самостоятельно создает индивидуальную программу физического развития, указывая развиваемые качества, исходные и планируемые результаты, средства и методы, формы контроля, гигиенические нормы и требования техники безопасности. Следующий этап (деятельностный) направлен на реализацию разработанной программы. Затем (оценочный этап) студенты представляют результаты реализации индивидуальной программы физического развития (достигнутые результаты, трудности при реализации программы,

дневник самоконтроля). Далее следует этап (коррекционный), на котором формируется умение оценивать и корректировать содержание программы с учетом предшествующих задач и анализа полученных результатов.

Со стороны преподавателя осуществляется педагогическое, информационное и психологическое воздействие, направленное на сопровождение познавательной деятельности студентов при получении ими новых знаний.

Резюмируя итоги реализации программы обучения в формате дистанционного образования, можно заключить, что данная форма дает возможность расширить дидактический арсенал преподавателя, с успехом применять разнообразные формы и методики, повышающие интерес и мотивацию обучающихся, способствует обучению студентов самостоятельному углубленному получению знаний, приобретению индивидуального опыта в физкультурно-спортивной деятельности, формированию требуемых для этого навыков на основе самоуправления познавательной деятельностью и созданию соответствующих условий для решения учебных задач.

Литература

1. Гафиатулина Н. Х. Социальное здоровье студенческой молодежи в тендерном измерении // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2014. – № 1 (17). – С. 146–157.
2. Ямалетдинова Г. А. Самоуправление учебно-познавательной деятельностью студентов в сфере физической культуры : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2008. – 136 с.

Программа повышения интеллектуальной активности юных баскетболистов

Аннотация. В исследовании представлена программа регулирования интеллектуальной активности юных баскетболистов в совокупности с воздействием на сенсомоторные, перцептивные, психомоторные функции организма. Реализация программы способствует улучшению соматического и психического развития юных баскетболистов на этапе начальной подготовки.

Ключевые слова: баскетболисты; интеллектуальная активность; программа подготовки.

Введение

В современных условиях игровое мышление баскетболистов преимущественно формируется при помощи схем, на которых игрок превращается в перемещающуюся точку. Все внимание игрока сосредоточено на этой точке. Традиционная методика подготовки юных баскетболистов с помощью использования наглядности и изредка вербальных средств приводит к тому, что дети в основном имитируют манеру поведения своего тренера. Это притормаживает формирование командных взаимодействий и игрового мышления. Вместе с тем, игровая ситуация требует более сложного действия: осознать себя в пространстве по отношению к партнерам и противнику, обеспечить восприятие дистанции, посадку тела и расположение центра тяжести, направление взгляда, угол наклона тела, расположение стоп и пр., на основе этого выполняется оценка темпо-ритмовых характеристик передвиже-

Вера Степановна Макеева, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры теории и методики баскетбола, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (г. Москва, Россия).

ний партнера и противника. При этом внимание, восприятие, память как сложные процессы различных структур головного мозга в реальном тренировочном процессе в традиционном их понимании направлены на выполнение требований тренера: «Делай, как я сказал», «Твое дело делать, что тебе говорят, а не рассуждать». В то время как в реальных условиях соревновательной деятельности спортсмен оказывается наедине с собой и сам должен уметь запускать механизмы саморегуляции, самостоятельно управлять своим состоянием и поведением.

В исследовании предполагалось, что проектирование методики развития интеллектуальной активности будет эффективным, если подобраны научно обоснованные пути и условия, позволяющие активизировать ситуативно значимые интеллектуальные способности в игровой деятельности баскетболистов на этапе начальной подготовки.

Задачи исследования:

определить сущность интеллектуальной активности юных баскетболистов;

разработать программу повышения интеллектуальной активности юных баскетболистов на этапе начальной подготовки.

Результаты и обсуждение

Развитие спортсмена в направлении интеллектуализации тренировочного процесса тесно связано с возрастным созреванием коры больших полушарий и ее отделов, участвующих в анализе и обработке информации. В баскетболе как специфической деятельности, совершаемой с целью соревнования и подготовки к нему, интеллектуальная активность осуществляется на фоне физической активности спортсмена. В результате этого в условиях соревнований и подготовки к ним физические и интеллектуальные способности проявляются в совокупности и рассматриваются многими авторами как специфические качества и важные структурные компоненты соревновательной деятельности.

Специфические качества проявляются в скорости и точности обработки информации; быстроте, точности восприятия поступающей информации; оперативной организации двигательных действий с учетом изменяющейся игровой ситуации; быстроте

реакции на движущийся объект (мяч, игрока); концентрации усилий и внимания при влиянии помех; различении пространственно-временных и динамических параметров движения (силы, темпа, ритма, расстояния до удаленных предметов); быстрой реакции; определении и дифференцировании скорости движения и др. [1; 3; 4].

А к характеристикам интеллектуальной активности юных баскетболистов А. Николич с соавторами относит оперативное мышление и быстроту нервно-мышечной реакции, которые должны рассматриваться в двух аспектах: как самостоятельное качество и как компонент *быстроты движений* [2]. Оперативность мышления баскетболиста раскрывается через «быстроту замысла и быстроту превращения задуманного образа (представления, картины движения) в моторный образ (выполнение)» [2]. Легкость, скорость и подвижность ассоциативных процессов в головном мозге тесно связаны с быстротой специфических движений и представляют собой скоростные качества, но при этом во взаимосвязи с техникой, индивидуальной и коллективной тактикой обладают целевой точностью, что приводит к положительной динамике соревновательной деятельности.

Таким образом, интеллектуальная активность в совокупности с физической активностью баскетболиста рассматривается нами как специфическая способность решения технико-тактических задач создания эффективной программы действий: мыслить быстро, рационально и действовать эффективно.

Созданная нами программа повышения интеллектуальной активности юных баскетболистов на этапе начальной подготовки решает следующие задачи:

Воздействие на психомоторные способности в процессе тренировочной деятельности.

Целенаправленная работа тренера по развитию мотивации достижений у юных спортсменов и познавательной активности.

Решение поставленных задач в данный период развития обусловлено тем, что у детей 9–12 лет имеются оптимальные возможности для развития задатков и потенциальных возможностей. В задачи тренера входит создание у юных баскетболистов пред-

ставления об использовании средств и методов повышения физической самоподготовки в направлении:

- активизации самопознания во время занятий спортом (сознательное отношение к тому, чем я занимаюсь; понимание того, зачем я это делаю и почему);

- формировании идеала (образа-ориентира, того, кем я хочу стать);

- активизации анализа своей активности в соревнованиях и тренировочном процессе;

- формировании потребности в овладении специальными знаниями и двигательными умениями на основе включения в процесс всего многообразия чувств, восприятия, ощущений, в стремлении к успеху в избранной соревновательной деятельности.

Степень сформированности потребности и желания реализовать интеллектуальный потенциал в рамках физической активности в практике баскетбола в значительной мере определяется характером стимулов, предлагаемых спортсменам. Ведущим видом стимулирования в баскетболе является поощрение и оценка деятельности в соответствии с затраченными усилиями отдельного игрока во время занятий; результат групповой (командной) работы; поощрение достижений в отдельных видах соревновательной деятельности и подготовки. Но, как и любой вид стимулирования, поощрение имеет ограниченную роль в росте интереса ребенка к занятиям спортом.

Учитывая, что тренировочный процесс, направленный на достижение спортивного результата, представляет собой нередко монотонный и однообразный труд, в процесс занятий включали различные стимулы, чтобы снизить возникающую монотонию, закономерно снижающую интерес к тренировочным занятиям, в том числе:

- функциональную музыку, дополнительные минуты на самостоятельную работу (свобода выполнения того, что хочу);

- внешние условия, ослабляющие впечатление однообразия выполняемой работы (тренировку в спортивном зале заменяли на тренировку на свежем воздухе); условия для командного творчества;

- свободное время, включение хобби или просто отдыха в тренировочный процесс;
- улучшение отношений между членами коллектива за счет выбора наиболее эффективного стиля руководства командой, опоры на совместимость игроков по ценностным ориентациям и личностным особенностям;
- организация самостоятельной тренировки, в рамках которой каждый игрок имеет свободу выбора и работает без надзора по результатам выполненной тренировочной нагрузки;
- различные командные ритуалы (речевки, тексты для скандирования, особая фирменная форма разминки, празднование дней рождения и др.); возможность продвижения в команды более высокой квалификации.

Если интеллект спортсмена является способом решения технико-тактической задачи, то его волевая сфера отвечает за «ведение» этого решения в действие, за качество управления движением (структуры исполнения движения) с учетом принятого решения. И здесь особое внимание уделяли обучению навыкам самоконтроля и саморегуляции, рефлексивности мышления, обеспечению обратной связи, построенной на эмпатии (стать на его место). Стратегия игры опиралась на взаимопонимание: игроки отражали в своем сознании реальные и предполагаемые действия партнеров и противника посредством активизации внимания, воображения, представлений, памяти.

Выводы

Результатом интеллектуальной активности выступает положительная динамика сенсомоторных, перцептивных, мнемических, психомоторных функций организма, оптимальное соматическое и психическое развитие, обеспечиваемые легкостью и переключаемостью в образовании навыков и умений, которые успешно реализуются в соревновательной деятельности. Необходимо отметить, что такое значительное улучшение произошло благодаря повышению интеллектуальной активности юных баскетболистов в игре. Было зафиксировано общее увеличение количества игровых действий защитников и нападающих, а именно перехватов и

подборов мяча, бросков в кольцо, уменьшилось количество фолов среди защитников.

Литература

1. Дубровина С. В., Воронова Т. А., Чепурко Ю. В. Психические состояния интеллектуально одаренных учащихся, занимающихся спортом // Успехи современной науки. – 2017. – Т. 7, № 1. – С. 94–98.
2. Николич А., Параносич В. Отбор в баскетболе. – М., 1984. – С. 73.
3. Кузьменко Г. А. Теоретико-методологические аспекты исследования процесса развития интеллектуальных способностей подростков в спортивной деятельности // Преподаватель XXI век. – 2009. – № 4 (ч. 1). – С. 181–188.
4. Яковлева Н. В. Влияние спортивной деятельности на социальный интеллект и дивергентное мышление как на механизм социализации подростков // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2009. – № 12 (58). – С. 126–130.

**С. А. Полиевский, Н. Г. Кожевникова,
О. В. Григорьева, Е. В. Цой**

Проблема минимизации факторов риска здоровью студентов-спортсменов

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты построения системы самооздоровления с учетом основной тенденции развития и необходимости минимизации факторов риска, проанализированы результаты реализации методов срочной стимуляции и обеспечения оптимума функционального состояния организма студентов-спортсменов в динамике учебно-тренировочного дня (УТД). Эффективность и востребованность системы самооздоровления зависит от успешности реализации комплексов практических рекомендаций Кодекса здоровья как ее базового компонента.

Ключевые слова: образование; учебный процесс; функциональное состояние; работоспособность; здоровье; здоровьесформирующая система; студенты-спортсмены; основные тенденции развития; факторы.

Сергей Александрович Полиевский, д-р мед. наук, профессор, заслуженный работник физической культуры РФ, кафедра спортивной медицины РГУФКСМиТ; кафедра общей гигиены МГМСУ им. А. И. Евдокимова (г. Москва, Россия).

Н. Г. Кожевникова, д-р мед. наук, доцент, кафедра спортивной медицины РГУФКСМиТ; кафедра общей гигиены МГМСУ им. А. И. Евдокимова (г. Москва, Россия).

Ольга Валентиновна Григорьева, канд. пед. наук, доцент, кафедра спортивной медицины РГУФКСМиТ; кафедра общей гигиены МГМСУ им. А. И. Евдокимова (г. Москва, Россия).

Елена Валентиновна Цой, кафедра спортивной медицины РГУФКСМиТ; кафедра общей гигиены МГМСУ им. А. И. Евдокимова (г. Москва, Россия).

Введение

Состояние здоровья студентов как значимой социальной группы общества – это не только показатель существующего социально-экономического и общественного развития страны, но и важный индикатор ее будущего трудового, экономического, культурного и оборонного потенциала.

В современной высшей школе задача сохранения здоровья студентов остается чрезвычайно актуальной, так как сегодня неразрывно связаны проблемы здоровья и образования: плохое здоровье, как правило, ограничивает возможности получения образования, а дефекты образования приводят к потере здоровья молодежи. Важной задачей является определение профилактических мероприятий, технологий физической реабилитации, приобретение студентами навыков укрепления своего здоровья, которые понадобятся им в процессе дальнейшей работы [1].

Многие известные исследователи обращают внимание специалистов на то, что экономические трудности настоящего времени, интенсификация учебного процесса, рост объема информации, повышение требований к качеству подготовки молодого специалиста, дистантное обучение в условиях Covid-19 ведут к росту заболеваемости, инвалидности, социальной дезадаптации студентов высших учебных заведений.

Прогноз, что в ближайшие годы следует ждать еще большего усложнения ситуации со здоровьем студентов, весьма реален: уже есть абитуриенты из поступающих на первый курс, которые имеют отклонения в состоянии здоровья, хронические заболевания, различные нарушения психического здоровья и ограничения в выборе профессии по состоянию здоровья.

Перед современной системой высшего образования ставится стратегически важная задача: создать необходимые условия для того, чтобы образование не ухудшало здоровье поступивших, а способствовало его сохранению и укреплению.

В современных условиях студенту крайне необходимы рекомендации по освоению и практической реализации оздоровительных мероприятий в процессе жизнедеятельности в годы учебы в вузе.

Материалы и методы

Выделение и обоснование практико-ориентированных приоритетных направлений сохранения и укрепления здоровья студентов в период обучения в системе высшего профессионального спортивного образования должно рассматриваться как государственная задача.

Для ее решения необходимы новые подходы, направленные на выявление рисков здоровью, связанных с комплексом факторов, характеризующих условия жизнедеятельности студентов. Студенческая молодежь в спортивных вузах подвержена воздействию многочисленных факторов риска, из которых наиболее значимы факторы риска образа жизни.

В этой связи было проведено социально-гигиеническое исследование образа жизни и состояния здоровья студентов РГУФКСМиТ, период наблюдения 2019–2020 гг.

В результате блиц-анкетных опросов (2–3 вопроса при выдаче задания на практическое занятие по гигиеническим основам ФК и С и питанию спортсменов) получены данные, отражающие вклад факторов риска (условия обучения, двигательная активность (ДА), питание, экзаменационный стресс, вредные привычки) в формирование здоровья и качества жизни студентов.

Так, двигательная активность студентов РГУФКСМиТ характеризовалась гиподинамией: в конце 2020 г. значительно ниже рекомендуемых величин; большинство студентов не отводили время в режиме дня активному отдыху, физическим упражнениям.

По данным практических занятий по подсчету энергозатрат и составлению собственного рациона питания, практическое питание студентов, его организация не могут считаться рациональными вследствие выявленных негативных моментов: снижение энергетической ценности (ЭЦ) среднесуточных рационов питания за счет дефицита белков, углеводов; нарушение режима питания; нерационального распределения ЭЦ по приемам пищи; несбалансированность минерального и витаминного состава рационов. По данным 2019 года, организация питания в студенческих буфетах и столовой недостаточно учитывала особенности учебного режима, бюджетные возможности студентов; ассорти-

мент буфетной продукции включал продукты малой биологической ценности.

При гигиенической оценке режима дня в 2020 году в условиях дистанта, анализе вида и распространенности вредных привычек среди студентов-спортсменов было установлено: нарушали режим учебы и отдыха 84 % студентов; 35 % имели длительность ночного сна менее 7 ч.; работе за компьютером не только для обучения, но и как форме досуга, студенты уделяли в среднем 4,7 ч. в день.

Студенты являются активными пользователями мобильных телефонов. Выявлено, что каждый четвертый юноша и каждая третья девушка разговаривали (суммарно) по мобильному телефону более двух часов в день. Все опрошенные по крайней мере однажды говорили по мобильному телефону непрерывно в течение часа. Самым длительным по времени оказался разговор продолжительностью 4 часа. Ежедневное количество разговоров варьировалось от 5 до 16 раз.

Основными источниками формирования денежного бюджета студентов являлись: помощь родителей и родственников – 83,5 %, стипендия – 24 %, работа во внеучебное время 43,9 %. Денежная сумма, которой студенты располагали ежемесячно, по данным опроса, у большинства (51,9 % опрошенных) была ниже прожиточного минимума. Недостаточный размер стипендии вынуждает студента работать в период обучения. Дополнительная работа не может не влиять на успеваемость, поскольку она «забирает» время, предназначенное для посещения занятий и подготовки к ним.

Студентов отличала низкая медицинская активность: только 19 % обращались за медицинской помощью в случае заболевания. 24,6 % не понимали обязанности диспансерного наблюдения.

Анализ учебной нагрузки и режима обучения выявил следующие нарушения: превышение объема учебной нагрузки за счет внеаудиторных занятий (28 ч.); длительные перерывы между занятиями, что увеличивало продолжительность учебного дня до 9 ч.; отсутствие в расписании занятий реферативного, облегченного дня в конце учебной недели; недостаточное время для подготовки к курсовому экзамену (1–2 дня).

Интенсивные учебные нагрузки и нерациональный режим обучения вызывали ухудшение показателей реактивной и личностной тревожности студентов от начала к концу недели; на развитие выраженного процесса утомления указывали показатели теста САН.

Расчет собственных суточных энергозатрат (таблично-хронометражный метод) показал катастрофическое снижение уровня фактических энергозатрат в период дистантного обучения.

В условиях дистанта резко возросло число и продолжительность видов деятельности студентов с коэффициентами физической активности (КФА) 1,2–1,56. Например, отдых сидя 1,2 (м), 1,4 (ж); отдых стоя 1,4 (м), 1,5 (ж); чтение, учеба – 1,6 за счет снижения энергоемких видов деятельности, в том числе спортивно-физкультурного плана.

В эру до Covid-19 первое место в структуре заболеваний с временной потерей трудоспособности (ЗВУТ) занимали болезни органов дыхания (76,5 %), они же находились на первом месте по продолжительности заболеваний. Второе место занимали травмы и другие воздействия внешних причин (сотрясения головного мозга, ушибы, переломы костей), третье – заболевания органов пищеварения,

В структуре хронических заболеваний первое место занимали болезни органов пищеварения, второе – органов дыхания, третье – болезни нервной системы и эндокринно-обменные нарушения; среди функциональных отклонений лидировали нарушения осанки и плоскостопие, затем – нарушения со стороны органов зрения, отклонения в деятельности ССС.

Уровень ЗВУТ и число пропусков по причине заболеваний студентов РГУФКСМиТ ниже аналогичных показателей некоторых других гуманитарных вузов столицы. Наибольшее число пропусков вследствие заболевания отмечалось у студентов 4-го курса, чаще всего по причине болезней органов дыхания (24 %), болезней органов пищеварения (13 %) и нервной системы (12 %), что может быть связано с расстройством адаптации организма к высоким физическим, психоэмоциональным и умственным нагрузкам.

В 2020 г. отмечено достоверное увеличение в структуре ЗВУТ болезней мочеполовой системы, которые вышли на четвертое место по частоте заболеваний.

Эмоционального напряжения требует соблюдение правил медицинской этики и деонтологии. Указанные факторы могут неблагоприятно влиять на состояние сердечно-сосудистой и центральной нервной систем, иммунитета, способствовать аллергии организма студентов.

Таким образом, существует тенденция нарушения гигиенических требований здорового образа жизни, что ведет к росту заболеваемости студентов.

На основании проведенных исследований установлено, что у студентов вероятность развития метаболического синдрома возрастает.

К настоящему времени доказано, что ожирение – важнейшая составляющая МС, независимый фактор риска для ряда социально значимых заболеваний

Это связано с тем, что развитию метаболического синдрома способствует в условиях дистанта неправильное питание, малоподвижный образ жизни, наличие стрессовых ситуаций. Неправильное питание, злоупотребление богатой солями натрия пищей приводит к повышению уровня внеклеточной жидкости и развитию отечности у студентов. Одной из мер профилактики развития МС является умеренная физическая нагрузка, сбалансированная калорийность пищевого рациона и энергозатрат.

Исходя из этого, ранняя диагностика, мониторинг состояния здоровья студентов РГУФКСМиТ и выявление нарушений в различных органах на ранних стадиях, до возникновения явных признаков заболевания, позволят значительно снизить степень развития метаболического расстройства в организме, которое может послужить предпосылкой возникновения метаболического синдрома.

Результаты и обсуждение

Меняется мир, меняются формы его познания. Использование Интернета значительно изменило распределение бюджета времени студентов и может негативно влиять на работоспособность и здоровье обучающихся.

Появились предположения, что риск возникновения зависимости от социальных сетей (ЗСС) у молодежи гораздо выше, чем от сигарет и алкоголя. Недавними исследованиями установлено, что ЗСС сопровождается компульсивным поведением, что приводит к негативным эффектам, но главные причины и проявления этой зависимости еще предстоит изучить.

Вышесказанное диктует необходимость проведения гигиенической оценки внеучебной деятельности студентов – внеаудиторной самостоятельной работы, отдыха, досуга. Актуальной становится задача наполнения Интернета электронно-образовательными и воспитательными ресурсами, которые будут способствовать не только обучению, но и формированию социальной позиции будущих профессионалов.

Особенности организации учебного процесса в спортивных вузах, проявляющиеся в высоких физических и психо-эмоциональных нагрузках, интенсивном режиме аудиторной и самостоятельной внеаудиторной работы, негативно сказываются на здоровье будущих спортивных педагогов. Изучение основ ЗОЖ не гарантирует обязательности его ведения студентами.

В практику оздоровления предлагается включить разработанную систему самооздоровления студентов, которая учитывает регрессный характер дистантного обучения. В систему входят наглядные оздоровительные советы высокой эмоциональной привлекательности, комплекс средств точечного массажа для экстренного восстановления работоспособности в динамике учебного дня.

Литература

1. Полиевский С. А., Кожевникова Н. Г., Григорьева О. В., Цой Е. В. Актуализация самооздоровления студентов-спортсменов // Педагогический профессионализм в образовании, физическом воспитании и спорте : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию профессора ПГПУ, Почетного работника образования РК, заслуженного тренера КазССР по легкой атлетике, Почетного гражданина Павлодарской области Кольева Виктора Тихоновича (Павлодар, 24 апреля 2020 г.). – Павлодар : ПГПИ, 2020. – С. 324–328.

В. Н. Пушкина, Д. Р. Борисовец, Т. И. Широкова

Силовые характеристики мышц, формирующих мышечный корсет позвоночника (на примере студенток основной и специальной групп здоровья)

Аннотация. В статье представлены результаты оценки состояния опорно-двигательного аппарата у студенток основной и специальной групп здоровья. Показано, что студентки с заболеваниями опорно-двигательного аппарата характеризуются слабым развитием мышц спины и брюшного пресса, наружной косой мышцы с левой стороны, что при выполнении физических упражнений может приводить к скручиванию туловища вокруг вертикальной оси и провоцировать дальнейшее развитие нарушения осанки.

Ключевые слова: студентки; опорно-двигательный аппарат; мышцы спины.

Введение

Заболевания опорно-двигательного аппарата – это одна из основных причин инвалидности населения развитых стран. Распространению таких болезней способствует ряд факторов внешней и

Валентина Николаевна Пушкина, д-р биол. наук, доцент, завкафедрой физического воспитания и безопасности жизнедеятельности ГАОУ ВО Московский городской педагогический университет; ведущий аналитик лаборатории физиолого-гигиенических исследований в образовании ФГБНУ Институт возрастной физиологии РАО (г. Москва, Россия).

Дильбар Рафкатовна Борисовец, старший преподаватель кафедры физического воспитания и безопасности жизнедеятельности ГАОУ ВО Московский городской педагогический университет (г. Москва, Россия).

Татьяна Ивановна Широкова, старший преподаватель кафедры физического воспитания и безопасности жизнедеятельности ГАОУ ВО Московский городской педагогический университет (г. Москва, Россия).

внутренней среды [1, с. 37]. Несмотря на большой выбор специальной литературы с рекомендованными системами упражнений для укрепления мышцы спины, количество студентов, имеющих заболевания позвоночника, ежегодно увеличивается [2, с. 42].

Исходя из вышесказанного целью работы было сравнение силовых характеристик мышц спины и брюшного пресса у студентов, занимающихся физической культурой в основной и специальной группах.

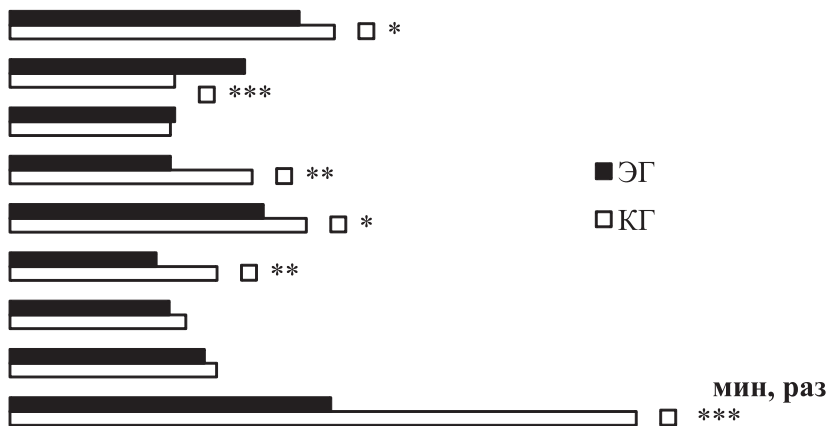
Методы и организация исследования

Исследование проведено на студентках второго курса (возраст 19–20 лет, количество – 40 человек). В контрольную группу (КГ) вошло 20 девушек, имеющих основную группу здоровья, в экспериментальную группу (ЭГ) было отнесено 20 девушек, занимающихся физической культурой в специальной медицинской группе (диагноз – нарушение осанки). Были проведены следующие двигательные тесты: тест на определение статической силовой выносливости мышц спины; тест для оценки силовой выносливости мышц правой и левой сторон туловища; оценка динамической силовой выносливости мышц брюшного пресса (тремя способами); тест для определения силовой выносливости правой и левой наружных косых мышц; тест для определения статодинамической силовой выносливости мышцы, выпрямляющей позвоночник. Кроме того, было проведено определение активной гибкости. Для этого у девушек измеряли наклон вперед, наклон назад, наклон вправо и наклон влево.

Результаты и обсуждение

Полученные результаты свидетельствуют, что показатели статической силовой выносливости мышц спины (подъем и удержание туловища) в контрольной группе на 95,2 % выше ($p = 0,00005$), чем в экспериментальной, и составляют $79,25 \pm 2,5$ мин. и $40,6 \pm 3,74$ мин. соответственно (рис. 1). Оценка силовой выносливости мышц показала, что у девушек из основной медицинской группы для занятий физической культурой силовые характеристики мышц правой стороны туловища выше на 10,4 %. Анализ показателей динамической силовой выносливости мышц брюшного пресса свидетельствует, что в упражнении

первым способом (и. п. туловище и ноги под углом 45° к полу, руки прижаты к телу) значения в контрольной группе превышают показатели девушек из специальной медицинской группы на 41 % ($p = 0,005$), вторым способом (и. п. лежа на спине, руки на поясе, ноги под углом 45°) результаты контрольной группы выше на 15,6 % ($p = 0,05$).

- 1 – силовая выносливость мышц спины, мин.;
- 2 – силовая выносливость мышц правой стороны туловища, мин.;
- 3 – силовая выносливость мышц левой стороны туловища, мин.;
- 4 – динамическая силовая выносливость мышц брюшного пресса (вариант 1), мин.;
- 5 – динамическая силовая выносливость мышц брюшного пресса (вариант 2), мин.;
- 6 – статическая силовая выносливость мышц брюшного пресса, раз;
- 7 – силовая выносливость правой наружной косой мышцы, раз;
- 8 – силовая выносливость левой наружной косой мышцы, раз;
- 9 – статодинамическая выносливость мышцы, выпрямляющей позвоночник, раз.

Рис. 1. Силовые характеристики мышц спины и брюшного пресса у девушек основной и специальной медицинской групп

При третьем способе (подъем туловища из и. п. лежа на спине, ноги на фитболе) результаты девушек из основной группы превышают значения занимающихся лечебной физической куль-

турой на 86,6 % ($p = 0,0007$). Следует отметить, что в контрольной группе результаты, полученные в тестах при оценке силового потенциала мышц правой и левой стороны, практически одинаковы, в то время как у девушек, занимающихся лечебной физической культурой, силовые характеристики мышцы правой стороны туловища существенно преобладают над силовыми показателями мышц левой стороны, что может привести к скручиванию позвоночного столба в соответствующую сторону. Статодинамическая силовая выносливость мышцы, выпрямляющей позвоночник, в контрольной группе выше на 12,1 % ($p = 0,02$).

Анализ результатов активной гибкости показывает, что наклон вперед в основной группе на 61 % выше ($p = 0,05$), чем в экспериментальной (табл. 1). Но в целом значения обеих групп ниже нормативных данных для этой возрастной группы. Эта особенность сохраняется в результатах второго теста (наклона назад). Кроме того, у девушек из специальной медицинской группы наблюдается гиперподвижность позвоночника в области поясничного лордоза ($p = 0,02$). Боковая подвижность позвоночника во фронтальной плоскости, оцениваемая по глубине наклона в сторону, соответствует возрастной норме в обеих группах, но при наклоне в правую сторону результаты студенток в контрольной группе выше, чем в экспериментальной на 9 % ($p = 0,01$). В целом можно отметить хороший уровень развития активной гибкости у студенток с основной группой здоровья.

Таблица 1

Группа	Активная гибкость позвоночного столба			
	Наклон вперед	Наклон назад	Наклон вправо	Наклон влево
КГ	6,76 ± 1,33	4,37±0,26	18,7 ± 0,42	20,35 ± 0,52
ЭГ	4,2 ± 1,1	5,43 ± 1,0	20,4 ± 0,42	20,45 ± 0,31
T-тест	0,05	0,02	0,01	–

Выводы

1. Студентки с заболеваниями опорно-двигательного аппарата характеризуются слабым развитием мышц спины и брюшного

пресса, наружной косой мышцы с левой стороны, что при выполнении физических упражнений может приводить к скручиванию туловища вокруг вертикальной оси и провоцировать дальнейшее развитие нарушения осанки.

2. Силовой потенциал мышц спины и брюшного пресса у студенток основной группы здоровья значительно выше (на 12,1–95,2 %), чем у студенток, имеющих отклонения в состоянии здоровья.

3. При занятиях со студентками с заболеваниями опорно-двигательного аппарата рекомендуется исключить прыжковые, беговые упражнения, а также упражнения на скручивание позвоночного столба, наклоны вправо, влево.

Литература

1. Гернет И. Н., Пушкина В. Н., Оляшев Н. В. Влияние занятий адаптивной физической культурой на функциональное состояние детей младшего школьного возраста с нарушением осанки // Инновационные подходы в рекреации, туризме и физической культуре : материалы международного науч.-практ. конференции (29 ноября – 2 декабря 2018 г.). – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. – С. 37–39.

2. Варенцова И. А., Пушкина В. Н., Кочнев А. В., Аношина Т. В. Оценка состояния здоровья студентов специальной медицинской группы на основе анализа показателей системы внешнего дыхания // Теория и практика физической культуры. – 2018. – № 10. – С. 42–44.

Т. М. Резер, А. В. Владыко, А. В. Муртазина

Гигиенические требования к онлайн-обучению в виртуальной образовательной среде

Аннотация. Цифровизация образования – это реальная ситуация в развитии современного общества и новая парадигма в педагогике. В статье цифровизация образования рассмотрена в контексте онлайн-обучения с позиции гигиенического подхода, под которым понимается современное формулирование санитарно-гигиенических требований онлайн-обучения в виртуальной образовательной среде на основе разработанных стандартов.

Ключевые слова: виртуальная образовательная среда; онлайн-обучение; гигиенические требования.

Реалии современного мира таковы, что мы начинаем постепенно забывать термин «гигиена» и его содержание. Начнем со средств массовой информации. Давайте попробуем вспомнить, когда в последний раз официальные информационные источники публично и целенаправленно вещали о гигиенических нормах, которые население должно соблюдать в повседневной жизни (за исключением пандемии COVID-19). А что известно

Татьяна Михайловна Резер, д-р пед. наук, профессор, заслуженный учитель РФ, профессор кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Анжелика Владимировна Владыко, аспирант, группа ЭУА-190101, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Анастасия Владиславовна Муртазина, студентка 3-го курса, направление подготовки Государственное и муниципальное управление, группа ЭУ-380801(2), Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

современным родителям о гигиенических факторах риска в воспитании и обучении детей в виртуальной образовательной среде, о возрастной гигиене подрастающего поколения?

Одним из ответственных этапов в жизни человека, с позиции формирования социально, физически и психологически зрелой личности, является период получения образования, в том числе и профессионального образования. А одним из значимых факторов риска для здоровья, как известно, является несоблюдение санитарно-гигиенических требований к условиям пребывания человека. К этим условиям относятся жилье, детский сад, образовательная организация, медицинская организация, рабочее место и т. д. Все эти вопросы так или иначе входят в предмет исследования гигиены, основные методы исследования которой направлены на определение окружающих рисков и их влияния на качество жизни человека [1; 2; 3].

Первая самостоятельная кафедра гигиены в России была создана в 1871 году в Императорской медико-хирургической академии в Петербурге (сейчас это Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова) А. П. Доброславиным, что считается началом становления русской гигиенической науки.

Советская научная гигиеническая школа уделяла большое внимание школьной гигиене и охране здоровья детей и подростков, предложив систему, состоящую из полноценных программных и нормативных основ физического воспитания населения страны, нацеленную на развитие массового спорта и оздоровление нации (ГТО) [4].

В современных официальных информационных источниках населению рассказывают о здоровом образе жизни, о том, какие надо употреблять в пищу продукты и при каких заболеваниях, как оставаться здоровым и счастливым человеком. Телевизионные передачи о здоровье – это музыкальный театр здравоохранения, в расписании которого отсутствуют передачи о гигиеническом воспитании человека в разные периоды жизни.

В период перестройки и последующие годы в стране закрывались гигиенические кафедры в институтах разной отраслевой направленности. Создавалось впечатление, что сознательно

устраняется научное и профессиональное наследие советской гигиенической школы, которую создал Н. А. Семашко, который с 1945 г. по 1949 год был директором Института школьной гигиены Академии педагогических наук РСФСР (с 1993 г. переименован в Институт возрастной физиологии РАО) и одновременно возглавлял Институт организации здравоохранения и истории медицины Академии медицинских наук СССР.

Встает закономерный вопрос: какой отрасли научного и профессионального знания в России в настоящее время принадлежит наука и дисциплина под названием «Гигиена обучения и воспитания в виртуальной образовательной среде»?

Так согласно статье 36 «Гигиеническое воспитание и обучение» Федерального закона от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» установлены следующие правила:

1. Гигиеническое воспитание и обучение граждан обязательны, направлены на повышение их санитарной культуры, профилактику заболеваний и распространение знаний о здоровом образе жизни.

2. Гигиеническое воспитание и обучение граждан осуществляются:

– в процессе воспитания и обучения в дошкольных и других образовательных организациях;

– при получении профессионального образования или дополнительного профессионального образования посредством включения в образовательные программы разделов о гигиенических знаниях.

3. При профессиональной гигиенической подготовке и аттестации должностных лиц и работников организаций, деятельность которых связана с производством, хранением, транспортировкой и реализацией пищевых продуктов и питьевой воды, воспитанием и обучением детей, коммунальным и бытовым обслуживанием населения [5].

Что касается соблюдения санитарно-гигиенических требований к условиям получения высшего образования, то этому вопросу не уделяется должного внимания, несмотря на то, что лицензи-

рование и осуществление государственного контроля и надзора в этой сфере требует исследования законодательной базы и разработки новых санитарно-гигиенических норм к виртуальной образовательной среде [6; 7].

Виртуальная информационно-образовательная среда как универсальное средство организации образовательного процесса должна выполнять следующие функции:

- адаптивную – обеспечивающую благоприятные условия протекания процесса обучения, соответствующие индивидуальным потребностям обучающихся;
- информационно-познавательную – способствующую передаче различных видов учебной информации;
- интегративную – реализующуюся при комплексном использовании средств информатизации и мультимедиа;
- инструментальную – обеспечивающую определенные виды деятельности в достижении поставленной дидактической цели;
- компенсаторную – способствующую достижению цели с наименьшими затратами ресурсов обучающегося [8].

Виртуальная образовательная среда обеспечена электронными учебными пособиями, компьютерами, web-сайтами, виртуальными тренажерами и другими электронными образовательными ресурсами, что требует гигиенического обоснования и стандартизации по санитарным нормам [9; 10]. Достижение образовательных целей в виртуальном пространстве происходит посредством интеграции информационной и образовательной среды в форме онлайн-обучения, что обеспечивается политикой, проводимой государством в сфере образования [11; 12].

Поэтому виртуальная образовательная среда обеспечивается совокупностью средств общения и взаимодействия и определяется как педагогическая система, нацеленная на обеспечение качественного образования. Среди отрицательных факторов онлайн-обучения в наших исследованиях выделены такие, как отсутствие эмоций при взаимодействии между участниками образовательных отношений; снижение мотивации к обучению вследствие отсутствия прямого контакта с преподавателем; появление напряжения и сухости в глазах, усталости после длитель-

ной работы за компьютером; появление новых форм дидактических. Таким образом, формулирование гигиенических требований к онлайн-обучению в виртуальной образовательной среде – это проблема современного образования.

Литература

1. Резер Т. М. Профессиональное воспитание будущего специалиста // Врач. – 2001. – № 9. – С. 45.
2. Резер Т. М. Теория и технология подготовки медико-педагогических кадров в среднем профессиональном образовании : монография. – М. : Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 2007. – 333 с.
3. Городецкая Н. И. Дистанционное обучение: здоровьесберегающий аспект // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2008. – Т. 14. – С. 134–138.
4. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения : Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ (ред. от 13.07.2020) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/86df95c3a038404b51a705fa6bd040448310072/ (дата обращения: 25.02.2021).
5. Сетко Н. П. Страницы истории научно-педагогической школы «Гигиена детей и подростков, гигиена питания и труда» // Оренбургский медицинский вестник. – 2014. – Т. 2, № 4 (8). – С. 28–34.
6. Везилов Т. Т. Эффективность применения электронных образовательных ресурсов в профессиональной подготовке информатиков-юристов // Гуманизация образования. – 2015. – № 4. – С. 63–68.
7. Государственная программа РФ «Развитие образования» на 2013–2020 годы // Министерство образования и науки РФ : официальный сайт. – URL: <http://минобрнауки.рф/документы/2882/файл/1406/12.11.22> (дата обращения: 25.02.2021).
8. Захарова О. А. Виртуальная образовательная среда в профессиональной подготовке и системе повышения квалификации : монография. – Ростов н/Д : ДГТУ, 2011. – 146 с.
9. Везилов Т. Т. Применение виртуальной информационно-образовательной среды вузов подготовке бакалавров // Педагогический журнал. – 2016. – № 3. – С. 98–113.
10. Резер Т. М. Здоровьесохраняющая технология в образовательном учреждении. – Екатеринбург : Изд-во УрГЭУ, 2002. – 101 с.
11. Особенности публичного управления в современной России : монография / О. Г. Александров, Р. Р. Вафин, В. В. Запарий, Я. М. Зло-

ченко и др. ; под общ. ред. проф. Т. М. Резер. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 154 с.

12. Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление» : утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 25.02.2021).

COVID-19 как основание снижения уровня эмоционального здоровья

Аннотация. Вопросы эмоционального здоровья стали рассматриваться психологами относительно недавно. Пандемия COVID-19 подтолкнула к резкому переходу на онлайн-обучение, что привело к скудному эмоциональному общению между участниками образовательных отношений и появлению признаков, характеризующих выраженность и состояние эмоционального здоровья.

Ключевые слова: эмоциональное здоровье; COVID-19; цифровизация образования; признаки эмоционального здоровья.

Резкий переход с традиционной формы обучения на онлайн-форму во время пандемии COVID-19 внес существенные изменения в организацию образовательного процесса высшей школы. Виртуальная образовательная среда отразилась не только на качестве обучения, но и на здоровье участников образовательных отношений, а это требует реализации медико-педагогического подхода [1]. Тот факт, что это был особый вид стресса, не вызывает ни у кого сомнения. Миллионы участников образовательных отношений в одночасье стали заложниками виртуальной реальности, которая рассматривалась, с одной стороны,

Татьяна Михайловна Резер, д-р пед. наук, профессор, заслуженный учитель РФ, профессор кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Павел Михайлович Попов, магистрант Школы ГУП УрФУ, группа ЭУЗМ-293820, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

как социальная данность, а с другой стороны, как современный инструмент передачи учебной информации.

Действительно, пандемия COVID-19 стала именно тем механизмом, который в результате введенных профилактических мероприятий и ограничений привел к необходимости давать учебную информацию исключительно с помощью информационных технологий и цифровых образовательных ресурсов.

Можно согласиться с мнением А. М. Кондракова и А. А. Костылевой, что в настоящее время, в период пандемии COVID-19, происходит образовательный эксперимент, который охватил многие страны мира: 90 % детских садов, школ, колледжей и университетов мира, а общий охват превысил 1,75 млрд учащихся и более 200 млн педагогов [2]. Приведенные данные убедительно доказывают глобальный характер цифровизации образования, поэтому можно утверждать, что этот процесс, заставивший миллионы людей оставаться дома и резко менять свою традиционную модель поведения, не может не отразиться на сознании и психике людей, что выразится в эмоциях человека.

Цифровизация образования как новое социальное явление встречает гуманитарное сопротивление, поскольку имеет расчеловечивающий эффект, подчиняет человека стандартам и заданным алгоритмам действий [3].

Зададимся вопросом: «Что такое эмоциональное здоровье человека?» Всемирная организация здравоохранения, руководствуясь принципом полезности для человека, утвердила международный стандарт для описаний и измерений нарушения здоровья, в том числе нарушений эмоционального функционирования. Эмоциональное здоровье – это состояние психологического функционирования, при котором человек может гармонично развиваться в социуме. Эмоционально здоровые люди уверены в себе, им проще достигать успеха на работе, строить семью. Такие личности менее подвержены стрессу и умеют справляться с трудностями.

Эмоции трактуются разными авторами с точки зрения разных предметных областей. Традиционный структурный подход разделяет эмоциональную сферу на простые эмоции, эмоциональные состояния и чувства. Однако данный подход ограничивает

понимание и интерпретацию эмоционального опыта человека с точки зрения его функционирования как целостного, системного образования с устойчивым направлением в преодолении рисков и разрешении конфликтных ситуаций. Эмоциональный мир не ограничен отдельными процессами и состояниями. Эмоциональный мир выступает целостным, устойчивым и системным образованием, активно функционирующим в утверждении совместного бытия [4; 5].

В таблице раскрываются основные признаки, содержание и степень выраженности эмоционального здоровья.

Эмоциональное здоровье сказывается на физическом состоянии человека, ухудшается работа внутренних органов, больной жалуется на боли, дискомфорт, ощущение тяжести, сильную усталость. Часто такие люди впадают в депрессию. В этих случаях необходима консультация специалиста и наблюдение врача.

В 2020 году во время пандемии среди студентов 1–4-х курсов проведено исследование с целью изучения адаптации студентов к форме онлайн-обучения во время пандемии COVID-19.

На рисунке 1 показано, что 51,6 % респондентов не смогли адаптироваться к дистанционной форме обучения.

На рисунке 2 видно, что 24,7 % респондентов не привыкли к онлайн-обучению даже через год, следовательно, они находятся в стрессе. Это показывает на причину ухудшения эмоционального здоровья студентов.

В тоже время 22,1 % респондентов утверждают, что им сразу было легко, и такому же количеству студентов понадобилась одна неделя для адаптации, что говорит об их стрессоустойчивости. Что касается трудностей во время учебы в дистанционной форме, то они представлены на рисунке 3 тремя направлениями: усталость в глазах испытывали 53,2 % респондентов; усталость в спине – 48,1 % респондентов; проблемы с подключениями имели 58,1 % респондентов; проблемы с освоением цифровых платформ имели 42,1 % студентов.

**Соотношение признаков и их выраженность
для определения социального здоровья**

№№ п/п	Название признака эмоционального нездоровья	Содержание признака эмоционального нездоровья	Степень выраженности критерия		
			+	+—	—
1	Обидчивость	Люди, которые испытывают проблемы с эмоциональным здоровьем, ранимы. Такую личность может обидеть любое неосторожное слово или действие			
2	Навязчивые и негативные мысли	Человеку может казаться, что окружающие настроены против него, что из сложившейся жизненной ситуации нет выхода			
3	Частая смена настроения	Резкая смена эмоций – показатель психически неуравновешенного человека			
4	Плохие отношения с людьми	Эмоционально больные люди не идут на контакт с незнакомыми, стараются избегать общения и новых отношений. Близких друзей, родных отталкивают от себя, оскорбляя и постоянно критикуя их. Нередко такие индивидуальности не слышат самих себя и не могут найти причину своего поведения			
5	Низкая или завышенная самооценка	Постоянная самокритика ведет к неуверенности в себе, обособленности и одиночеству. Как и личности с завышенной самооценкой, они не подпускают к себе окружающих, не умеют налаживать контакты			

Вы легко встраиваетесь в учебный ритм при дистанционном формате обучения?

77 ответов

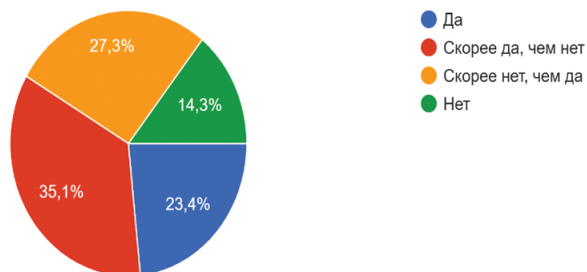

Рис. 1. Учебный ритм онлайн-обучения

Как долго вы привыкали к дистанционному формату обучения?

77 ответов

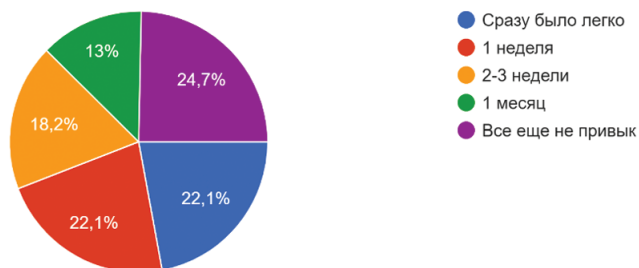

Рис. 2. Формат онлайн-обучения

Какие трудности вы испытывали в процессе адаптации к дистанционному формату обучения?

77 ответов

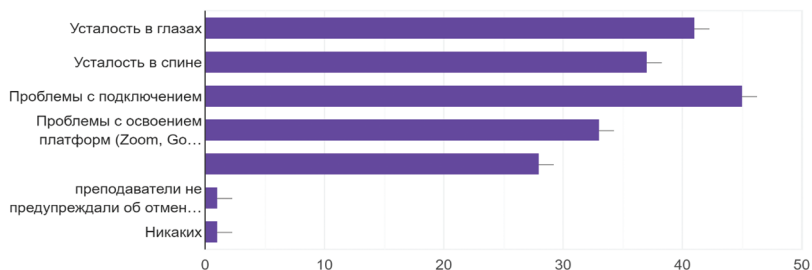

Рис. 3. Трудности в процессе адаптации к онлайн-обучению

Таким образом, во время пандемии COVID-19 и экстренной перестройки обучения на онлайн-форму имелось достаточно оснований для стрессовых ситуаций и нарушения эмоционального здоровья.

Литература

1. Резер Т. М. Теория и технология подготовки медико-педагогических кадров в среднем профессиональном образовании : монография. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2007. – 334 с.
2. Kondakov A. M., Kostyleva A. A. Digital education: from school for all to school for each // RUDN Journal of Informatization in Education. – 2019. – № 16 (4). – P. 295–307.
3. Murzina I. Ya. Humanitarian resistance in the context of digitalisation of education // The Education and Science Journal. – 2020. – № 22 (10). – P. 90–115. – DOI 10.17853/1994-5639-2020-10-90-115.
4. Резер Т. М. Здоровьесохраняющая технология в образовательном учреждении. – Екатеринбург : Изд-во УрГЭУ, 2002. – 101 с.
5. Тарабакина Л. В. Эмоциональное здоровье как предмет социально-психологического исследования // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 8. – С. 250–252.

В. А. Сексенов, Т. Д. Командик, Д. К. Нургажинов

Дистанционное обучение студентов специального учебного отделения педагогического вуза

Аннотация. Условия пандемии диктуют свои правила, согласно которым все студенты Казахстана переведены на дистанционную форму обучения. Это вызвало ряд негативных последствий, одним из которых стало резкое снижение двигательного режима. Гиподинамия, как известно, приводит к ослаблению организма человека. Особенно в этом плане уязвимы люди, уже имеющие отклонения в состоянии здоровья. В статье представлен опыт организации занятий физическими упражнениями в условиях дистанционного обучения в специальном учебном отделении со студентами, освобожденными от практических занятий по физической культуре.

Ключевые слова: студенты; специальное учебное отделение; физическая культура.

Специалисты утверждают, что двигательная недостаточность не только неблагоприятно влияет на функциональное состояние и здоровье растущего организма. Ее воздействие на организм оказывается более значительным: она – своеобразный «пусковой механизм», провоцирующий развитие других наруше-

Василий Айтмухамедович Сексенов, заместитель декана высшей школы искусства и спорта, НАО Павлодарский педагогический университет (г. Павлодар, Республика Казахстан).

Татьяна Денисовна Командик, доцент высшей школы искусства и спорта НАО Павлодарский педагогический университет (г. Павлодар, Республика Казахстан).

Даулет Кабдулович Нургажинов, преподаватель физической культуры, Павлодарский экономический колледж Казпотребсоюза (г. Павлодар, Республика Казахстан).

ний, которые в свою очередь усиливают влияние гипокинезии [4; 2]. Таким образом, формируется порочный круг: двигательная недостаточность приводит к ухудшению функционального состояния основных систем организма. А это, в свою очередь, ведет к нарушению способности выполнять физические нагрузки. Складывается парадоксальная ситуация: организм нуждается в двигательной деятельности, в занятиях физическими упражнениями, однако, будучи «недогружен», утрачивает приспособленность к выполнению мышечной деятельности и отвлекает от нее. При организации занятий с людьми, перенесшими заболевание, необходимо принимать во внимание следующие факты: ни одно заболевание не повреждает весь организм целиком. Болезнь касается органов кровообращения: наблюдаются заболевания сердца или сосудов, точнее, заболевание отдельных звеньев регуляции этих систем. При болезни органов дыхания повреждаются отдельные участки дыхательных путей: трахея, бронхи, бронхиолы, альвеолярные ткани и пр. Специалисты утверждают, что болезнь всегда избирательно повреждает преимущественно определенную функцию [1; 5].

При болезни нарушается общая работоспособность, однако не потому, что поражаются органы, а лишь потому, что в едином организме все его ткани и клетки теснейшим образом связаны. Поэтому неблагополучие в любом участке приводит к снижению работоспособности и ухудшению общего состояния. Нужно отметить, что серьезный ущерб делу оздоровления учащихся школ и студентов вузов и колледжей, перенесших заболевания, наносит запрет (так называемое освобождение от занятий физическими упражнениями на весь учебный год) или частичное ограничение определенных упражнений в двигательном режиме, не имеющие под собой достаточных оснований. Так, Э. Г. Булич считает, что те физические упражнения, к которым организм плохо адаптирован (почему они и представляют наибольшую опасность при передозировании), оказываются самыми ценными в условиях осторожного, строго дозированного использования. Любые упражнения могут быть исключены лишь на время, после чего они должны постепенно применяться [1].

Учитывая вышесказанное, а также рекомендации Государственной программы по физической культуре для высших учебных заведений (Астана, 2016 г.) [6] и наш предыдущий опыт работы [3], мы предприняли попытку организовать в вузе специальную медицинскую группу облегченного типа для студентов, имеющих полное освобождение от практических занятий физическими упражнениями. Группа была укомплектована студентами 1–2-х курсов Павлодарского педагогического университета, имеющими различные заболевания, среди которых: эссенциальная гипертензия, ВСД по гипертоническому и смешанному типу, шейный остеохондроз, протрузия дисков, ДЖВП, внутричерепное давление, миопия высокой степени, гипоплазия почек, пиелонефрит, гиперпролактинемия, сахарный диабет 1 типа и др. (всего 26 человек, предоставивших справки ВКК). В связи с тем, что состояние здоровья занимающихся требовало разных ограничений в количественных и качественных параметрах физических нагрузок, при отборе упражнений для занятий мы руководствовались максимальной доступностью их для каждого студента.

Группа начала работу с сентября 2020 года после медицинского обследования. Занятия проводились в домашних условиях два раза в неделю сначала по 20–25 минут, а затем по 30–35 минут.

Прежде чем начать занятия с каждым студентом первого курса (второй курс уже имел очные практические занятия в предыдущем учебном году) преподаватель физического воспитания провел собеседование, в результате которого выяснились такие вопросы:

- занимался ли студент на уроках физической культуры в школе;
- с какого времени наблюдается заболевание и в чем оно проявляется;
- какие формы лечения получены студентом;
- каково в настоящее время состояние здоровья студента;
- имеет ли студент желание выполнять дома комплексы оздоровительной физической культуры.

Ответы на эти вопросы, диагноз по медицинским справкам студентов, варианты физической нагрузки для каждого студента обсуждались с медицинским персоналом вуза.

Следующим этапом работы было задание для студентов: в течение недели написать небольшой реферат о своем заболевании (причины возникновения заболевания, симптомы его проявления, формы течения, виды лечения и профилактики, показания и противопоказания при организации двигательного режима). Это было предпринято для того, чтобы студенты сами смогли лучше оценить свое текущее состояние и при выполнении нагрузки не переоценили свои возможности. После предварительной работы на электронную почту студентов были отправлены комплексы упражнений. Каждый комплекс состоял из трех частей: первая – активная вариативная ходьба – 1–1,5 минуты; вторая – ОРУ; третья – упражнения с различным спортивным инвентарем: с гантелями, с гимнастическими палками, с резиновыми амортизаторами, с гимнастическим мячом, упражнения из системы «Бодифлекс», но без задержки дыхания и пр. Всего 30 комплексов, из которых студенты могли выбрать интересные для себя и доступные упражнения. Из предложенного материала можно было составлять свои комплексы или вообще включать другие упражнения, если студент имел уже достаточный двигательный опыт или ранее занимался в группе ЛФК.

Помимо этого студентам были отправлены видеоуроки, в которых преподаватель давал конкретные указания по выполнению упражнений, акцентируя внимание на особенностях состояния здоровья студентов и методах самоконтроля. Учитывая возможности средств связи, студенты по каждому занятию записывали сокращенный 5-минутный видеотчет и отправляли преподавателю на электронную почту. В течение первых двух недель к видеотчету прилагались пульсограммы. Пульс замерялся перед занятием, после ходьбы, после ОРУ и в конце занятия. По этим отчетам преподаватель оценивал функциональное состояние студентов во время занятия, вносил коррективы в темп, способы и длительность выполнения упражнений.

В декабре 2020 года студенты были вновь направлены в медицинские учреждения для текущего контроля функционального состояния организма. Результаты осмотра в письменном виде с печатью медицинского учреждения были представлены преподавателю. Эти результаты подтвердили отсутствие каких-либо негативных сдвигов в состоянии здоровья занимающихся после трех месяцев занятий. В то же время, по субъективной оценке состояния здоровья, студенты стали чувствовать себя более энергичными. Улучшилось настроение, чувство усталости от учебных занятий, которые также проходили в дистанционном режиме, стало менее выраженным. Физические упражнения не вызывали у студентов негативных ощущений, и они выполняли их с удовольствием. Некоторые упражнения из предложенных комплексов они стали включать в утреннюю гимнастику.

Таким образом, можно сделать вывод, что медицинские работники зачастую дают студентам полное освобождение от практических занятий физическими упражнениями, опираясь только на серьезность диагноза заболевания, без учета функционального состояния организма. Правильно подобранная физическая нагрузка и должный контроль со стороны педагогического и медицинского персонала иногда позволяют студентам, получившим полное освобождение от практических занятий, все-таки заниматься в специальных медицинских группах учебных заведений.

Литература

1. Булич Э. Г. Физическое воспитание в специальных медицинских группах : учеб. пособие. – 3-е изд., перераб. – М. : Высшая школа, 2003. – 325 с.

2. Дубровский В. И. Лечебная физкультура и врачебный контроль : учебник для студентов мед. вузов. – М. : Медицинское информационное агентство, 2006. – 598 с.

3. Командик Т. Д. Локальные силовые упражнения как средство профилактики вегетососудистой дистонии у студентов // Педагогический профессионализм в образовании, физическом воспитании и спорте : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию профессора ПГПУ, почетного работника образования РК Кольева В. Т. (Павлодар, 24 апреля 2020 г.). – Павлодар : ПГПИ, 2020. – С. 151–153.

4. Могендович М. Р. Рефлекторное взаимодействие локомоторной и висцеральной систем. – Л. : Медгиз, 1957. – 429 с.

5. Рахматов А. А. Специальная медицинская группа // Образование и воспитание. – 2015. – № 5. – С. 79–81.

6. Типовая учебная программа общеобразовательной дисциплины «Физическая культура» для организаций высшего и (или) послевузовского образования. – Астана, 2016.

Е. Б. Тимофеева, Г. И. Семёнова, А. М. Тимофеева

Северная ходьба как средство оздоровления в условиях пандемии COVID-19

Аннотация. Статья посвящена исследованию возможностей использования северной ходьбы с целью оздоровления в условиях пандемии COVID-19. Из-за пандемии коронавируса многие люди вынуждены оставаться дома или выходить из дома гораздо реже. Поиск новых форм, способствующих сохранению и укреплению здоровья, привел к расширению рамок традиционных видов физической активности и высокой популярности тренировок на свежем воздухе. Северная ходьба в настоящее время является наиболее доступным средством оздоровления. Исследование показало эффективность проведения занятий по скандинавской ходьбе. В результате тренировок по северной ходьбе на свежем воздухе наблюдается снижение процентного содержания жира в теле, улучшение показателей физической активности, а также быстроты, скорости и гибкости верхних конечностей.

Ключевые слова: северная ходьба; COVID-19; пандемия; физическая активность.

Евгения Борисовна Тимофеева, аспирант Института физической культуры, спорта и молодежной политики, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Галина Ивановна Семёнова, канд. пед. наук, доцент кафедры теории физической культуры Института физической культуры, спорта и молодежной политики, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина» (г. Екатеринбург, Россия).

Анна Михайловна Тимофеева, ученик 11 «Г» класса (медико-биологический профиль), Муниципальное образовательное учреждение Гимназия № 9 (г. Екатеринбург, Россия).

Жизнь многих людей изменилась вместе со вспышкой коронавируса COVID-19, которая была впервые зарегистрирована 31 декабря 2019 г. в г. Ухань, Китай [2].

Из-за пандемии коронавируса многие люди вынуждены оставаться дома или выходить из дома гораздо реже. Значительная часть населения вынуждена больше времени проводить в сидячем положении. Нередко людям трудно поддерживать нормальный уровень физической активности. Это еще труднее тем, кто не привык к физическим нагрузкам. Регулярная физическая активность полезна не только для тела, но и для интеллекта. Она помогает снизить высокое артериальное давление, контролировать свой вес и уменьшить риск сердечно-сосудистых заболеваний, инсульта, диабета 2 типа и различных видов рака – заболеваний, которые часто повышают восприимчивость к COVID-19.

Одним из основных занятий в повседневной жизни является ходьба, которая может иметь решающее значение для поддержания физической формы и предотвращения гиподинамии. Поиск новых доступных форм, способствующих сохранению и укреплению здоровья широких слоев населения, привел к расширению рамок традиционных видов физической активности и высокой популярности тренировок на свежем воздухе. Двигательная активность на свежем воздухе (в парках, в скверах, в лесопарковых зонах, в лесу) с минимальным социальным контактом и с индивидуальным оборудованием особенно актуальна в период пандемии COVID-19.

Северная (скандинавская) ходьба в настоящее время стала очень популярной в России и во всем мире. По сравнению с обычной ходьбой она является более сложно координационным видом двигательной активности [1, с. 33]. Благодаря использованию специальных палок, обеспечивающих вовлечение до 90 % мышц, повышается эффективность и безопасность тренировок для многих категорий занимающихся. Оздоровительный эффект скандинавской ходьбы в основном представлен тренировкой мышц сердечно-сосудистой системы, а также дыхательной системы.

В сочетании с разнообразными физическими упражнениями, направленными на развитие физических качеств, северная ходьба является еще более эффективной формой двигательной активности. Следует отметить, что 14 марта 2019 «северная ходьба» получила номер-код спортивной дисциплины 0840291811Л и включена в состав вида спорта «Спортивный туризм», что значительно расширяет возможности данного вида двигательной активности [4].

На сегодняшний день на территории Российской Федерации проводится большое количество массовых физкультурных мероприятий, связанных с северной ходьбой, в которых участвуют лица всех возрастных групп. В условиях пандемии часто мероприятия проходят в формате онлайн. С помощью записывающих устройств информация о пройденной дистанции фиксируется в виде трека и передается организаторам мероприятий.

В период пандемии COVID-19 остро встает вопрос о повышении двигательной активности населения. Полагаем, что тренировки по северной ходьбе способствуют оздоровлению и улучшению физических качеств, таких как сила, скорость, гибкость.

Нами было проведено исследование, которое показало улучшение физических качеств после тренировок по северной ходьбе. Тренировки проводились в течение 16 недель с мая 2020-го по сентябрь 2020 года. В исследовании приняли участие здоровые женщины в возрасте от 32 до 45 лет. Для тестирования были использованы: тест Фуллертон, определение состава тела (антропометрический метод) [3, с. 50]. Измерения проводились до начала тренировок и после.

Анализ проведенного тестирования выявил улучшение показателей физической активности. Так, показатель в тесте «подъем со стула в положение стоя» (использовался для оценивания силы) увеличился на 22 %, подвижность в правом и левом плечевых суставах повысилась в среднем на 17 %, скорость ходьбы стала больше на 18 %, а вот гибкость нижних конечностей осталась без изменений. Был определен индекс массы тела, при этом исследование показало, что после тренировок процентное содержание жира уменьшилось на 5 %.

Таким образом, проведенное исследование показало эффективность занятий по скандинавской ходьбе. В результате тренировок по северной ходьбе наблюдается снижение процентного содержания жира в теле, улучшение показателей физической активности, а также силы, скорости и гибкости верхних конечностей.

Литература

1. Ачкасов Е. Е., Володина К. А., Руненко С. Д. Основы скандинавской ходьбы : учеб. пособие. – М. : Сеченовский университет, 2018. – 224 с.
2. Здоровье дома – #HealthyAtHome // Всемирная организация здравоохранения : официальный сайт. – URL: <https://www.who.int/ru/campaigns/connecting-the-world-to-combat-coronavirus/healthyathome> (дата обращения: 09.03.2021).
3. Мартиросов Э. Г., Николаев Д. В., Руднев С. Г. Технологии и методы определения состава тела человека. – М. : Наука, 2006. – 248 с.
4. Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 14.03.2019 № 199 «О признании и включении во Всероссийский реестр видов спорта спортивных дисциплин, видов спорта и внесении изменений во Всероссийский реестр видов спорта» (зарегистрирован 17.04.2019 № 54417) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201904180018?index=5&rangeSize=1> (дата обращения: 12.10.2020).

И. О. Ушаков, Г. И. Семёнова

Спортивная ориентация студентов в процессе спортизации физического воспитания в вузе

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы спортивной ориентации студентов в процессе спортизации физического воспитания в вузе. Обосновывается необходимость создания специальных организационно-методических условий для более осмысленного выбора вида двигательной активности первокурсниками, поскольку это может влиять не только на их удовлетворенность физкультурно-спортивной деятельностью на последующих этапах обучения в вузе, но и на дальнейшую включенность в процесс физического самосовершенствования в течение всей жизни.

Ключевые слова: спорт; спортизация; физическое воспитание; студенты.

Введение

В настоящее время доказано, что построение физического воспитания в высшей школе не решает в полной мере проблем целенаправленной подготовки студентов к физкультурному самообразованию, которое рассматривается как составляющее профессиональной компетентности будущего специалиста. Во многих вузах ведется поиск путей повышения эффективности реализации учебных дисциплин по физическому воспитанию. Один из выходов – предоставление студентам возможности самостоя-

Иван Олегович Ушаков, студент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Галина Ивановна Семёнова, канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры теории физической культуры, профессор РАЕ, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия). ORCID: 0000-0003-0193-1416

тельного выбора вида двигательной активности. Данный подход является основой спортивно-ориентированного физического воспитания. Соглашаясь с авторами концепции спортизации В. К. Бальсевичем, Л. И. Лубышевой, мы считаем, что добиться успехов в приобщении студентов к ценностям физической культуры и спорта, сформировать внутреннюю потребность в систематических занятиях физкультурно-спортивной деятельностью можно только посредством создания в вузе целостной системы спортивного воспитания, функционирующей в спортизированной образовательной среде [1]. При этом необходимо особое внимание уделить этапу спортивной ориентации. Для многих студентов-первокурсников это довольно сложный период. От того, насколько осмысленным будет выбор, сделанный студентом, сможет ли выбранный вид двигательной активности удовлетворить его интересы и потребности, стать той деятельностью, в рамках которой представится возможность самореализации и самоутверждения в кругу сверстников, будет зависеть его дальнейшая включенность в спортивную жизнь [2].

Цель исследования – выявление возможных затруднений у студентов в выборе вида двигательной активности в вузе и факторов, оказывающих влияние на этот процесс.

Организация и методы исследования

Исследование было проведено в Уральском федеральном университете. В опросе приняли участие студенты, обучающиеся в Институте физической культуры спорта и молодежной политики на кафедре теории физической культуры. Всего приняло участие 32 первокурсника и 15 второкурсников (47 студентов). Студенты представляли различные виды спорта: конькобежный спорт, футбол, плавание, конный спорт и другие. Исследование включало определение затруднений, которые могут возникнуть у студентов при выборе вида спорта, и факторов, оказывающих влияние на этот процесс. В 2021 году после смены ранее выбранного вида спорта был проведен опрос студентов: выявлялись затруднения с определением вида двигательной активности на первом этапе и причины смены ранее выбранного вида спорта.

На вопрос «Трудно ли Вам было определиться с выбором вида спорта?» 70 % юношей ответили, что они теперь полностью уверены в своем выборе, тогда как девушки разделились на две группы: 52,5 % девушек полностью уверены и почти столько же студенток (47,5 %) до сих пор в этом не уверены. Результаты опроса представлены на рисунке 1.

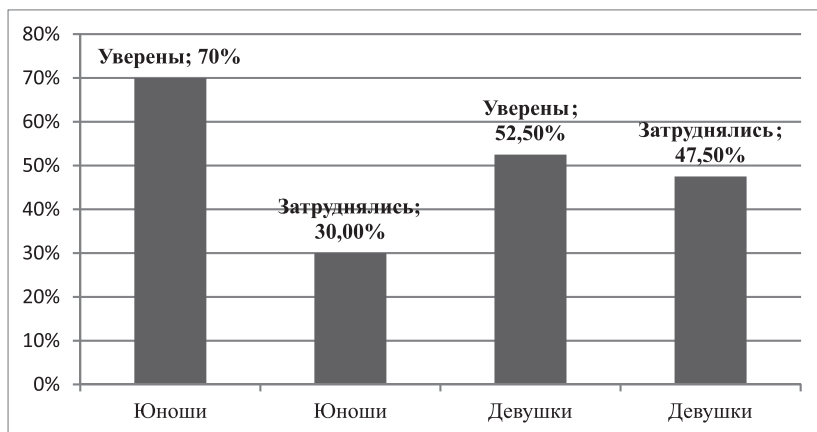

Рис. 1. Определение вида двигательной активности

Также студентам задавался вопрос «Что побудило Вас сменить вид двигательной активности?». Результаты опроса представлены на рисунке 2. В ходе анализа результатов опроса было выявлено следующее: 85 % респондентов отмечали, что изначально поторопились и не осознанно выбрали двигательную активность. Еще 15 % студентов указывали на неудовлетворение своих ожиданий при выборе двигательной активности.

Третий вопрос включал оценку студентами эффективности реализации разработанного в вузе плана организационно-методических мероприятий, направленных на повышение эффективности спортивной ориентации студентов, среди которых: проведение бесед, представление информации о видах спорта и преподавателях в презентации на сайте университета и т. д. В ходе анализа ответов на данный вопрос было выявлено, что большинству студентов (67% юношей и 79 % девушек) проведенные ме-

роприятия помогли облегчить выбор вида спорта, 24 % юношей и 11 % девушек не в полной мере хватило предоставленной на сайте университета информации, а 9 % юношей и 10 % девушек проведенные мероприятия и предоставленная информация вообще не помогли сделать выбор двигательной активности (вида спорта) в соответствии со своими потребностями и интересами. Данные результаты опроса представлены на рисунке 3.

Рис. 2. Причины смены вида двигательной активности

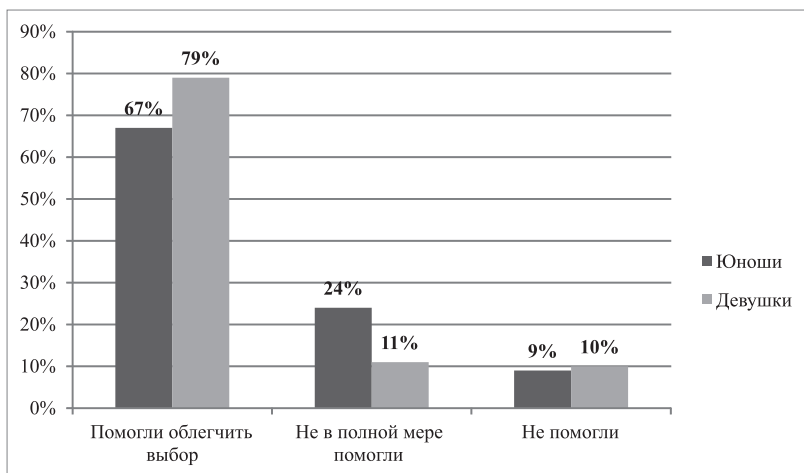

Рис. 3. Результаты оценки эффективности проведенных организационно-методических мероприятий

Выводы

На основании полученных результатов исследования было выявлено, что в Уральском федеральном университете уделяется достаточно внимания спортивной ориентации студентов и существуют все специальные организационно-методические условия для более осмысленного выбора первокурсниками вида двигательной активности. Также мы выяснили, что у большинства студентов отсутствуют затруднения при выборе вида двигательной активности. В то же время большое количество студентов торопятся при выборе вида спорта и отмечают неосознанность в этом процессе. В результате эти студенты вынуждены менять вид спорта. Но делают это не все студенты, часть из них продолжают заниматься тем видом спорта, который они выбрали первоначально, но при этом не испытывают большого желания им заниматься. Естественно, это отрицательно сказывается на спортивных результатах как студента, так и вуза в целом. В связи с вышесказанным считаем, что спортивно-ориентированное физическое воспитание в вузе должно иметь этапный характер реализации. Это означает, что на втором этапе реализации спортивно-ориентированного физического воспитания у студентов должна оставаться возможность смены вида спорта. И в результате в выигрыше будут и студенты, и система физического воспитания в университете в целом.

Литература

1. Лубышева Л. И. Спортизация образования: от научной идеи к инновационной практике // Научно-педагогические школы в сфере спорта и физического воспитания : материалы I Всерос. науч.-практ. конференции с междунар. участием. – М. : РГУФКСиТ, 2016. – С. 32–42. – URL: <http://lib.sportedu.ru/Books/PDF/300420.pdf> (дата обращения: 11.03.2021).

2. Пешкова Н. В. Спортивная ориентация студентов в процессе реализации спортивного физического воспитания в вузе // Научно-педагогические школы в сфере спорта и физического воспитания : материалы I Всерос. науч.-практ. конференции с междунар. участием. – М. : РГУФКСиТ, 2016. – С. 297–302. – URL: <http://lib.sportedu.ru/Books/PDF/300420.pdf> (дата обращения: 11.03.2021).

В. В. Фурсова, Л. П. Маслова

Здоровый образ жизни как профилактика девиаций в студенческой среде в условиях интернетизации: комплексный план физического развития на примере фитнес-аэробики

Аннотация. Интернетизация формирует в обществе толерантное отношение к «новым» видам девиаций, таким как деструктивный стримминг, vеbsam-бизнес и др., в связи с чем наблюдается нормализация отношения к подобным девиациям и в студенческой среде. Представление о всякого рода девиантном поведении людей с пониженной социальной ответственностью как «нормальном» и приемлемом характерно для представителей студенчества. В результате проведенного нами исследования выявлено возрастающее значение профилактики девиантного поведения среди студенческой молодежи через проведение спортивных мероприятий и соревнований, которые обеспечивают физическое, психическое и социальное благополучие, выступая необходимым условием эффективности всего образовательного процесса вузов.

Ключевые слова: фитнес-аэробика; студенты; девиации; интернетизация; ЗОЖ.

В результате проведенного нами исследования выявлено возрастающее значение профилактики девиантного поведения среди студенческой молодежи через проведение спор-

Валентина Владимировна Фурсова, канд. социол. наук, Казанский федеральный университет (г. Казань, Россия).

Лариса Петровна Маслова, Казанский федеральный университет (г. Казань, Россия).

тивных мероприятий и соревнований, которые обеспечивают физическое, психическое и социальное благополучие, выступая необходимым условием эффективности всего образовательного процесса вузов. Результаты опроса показали, что придерживаются здорового образа жизни (ЗОЖ) – 39 %, не придерживаются данного принципа 12 % опрошенных. Среди тех, кто не придерживается ЗОЖ, с уважением к такой жизненной позиции относятся 31 % респондентов, считают данную стратегию скучной – 3 %.

ЗОЖ представляется нами основной практикой, способствующей нейтрализации девиантного поведения в студенческой среде, так как студенты, ведущие ЗОЖ, в меньшей степени подвержены влиянию алкоголя, наркотиков и курения. В качестве примера формы борьбы с девиантным поведением можно рассмотреть пропаганду новых форм спортивно-двигательной активности, в частности вид спорта – фитнес-аэробику.

В 2019 году в Республике Татарстан доля детей и молодежи, систематически занимающихся физической культурой и спортом, в общей возрастной категории 3–29 лет составила 86,1 %, что вполне соответствует уровню развитых стран. Указанный индикатор планируется увеличить до 86,5 % в 2021 году [4, с. 10].

Сегодня Министерство по делам молодежи, спорта и туризма РТ совместно с Республиканским молодежным физкультурно-спортивным обществом «Буревестник» для консолидации и подъема студенческого спортивного движения организует новые формы развития массового спорта, проводит студенческие Спартакиады и Всероссийские комплексные спортивные мероприятия. Ежегодно в соревнованиях, проводимых МФСО «Буревестник», принимает участие около 7 000 студентов-спортсменов и 400 преподавателей вузов РТ [1].

Одним из современных инструментов развития студенческого спорта в Республике Татарстан стало создание студенческих спортивных лиг и спортивных федераций.

Федерация фитнес-аэробики Республики Татарстан образована в 2011 году и является одним из 55 региональных отделений Федерации фитнес-аэробики России. Президент Федерации фитнес-аэробики Республики Татарстан – Лариса Маслова.

Фитнес-аэробика – вид спорта, способствующий гармоничному развитию личности посредством выполнения силовых нагрузок в танцевальном ритме. Соревнования по фитнес-аэробике проводятся в спортивных дисциплинах в соответствии со Всероссийским реестром видов спорта: «аэробика», «степ-аэробика», «хип-хоп», «аэробика (5 человек)», «хип-хоп – большая группа».

Фитнес-аэробика – это командный вид спорта, группы участников могут состоять из 5–25 человек. Фитнес-аэробика, в сравнении со многими видами спорта, очень доступный и безопасный вид спорта.

На сегодняшний день количество спортсменов составляет около 1 000 человек, работает 27 тренеров и 17 судей [2]. Фитнес-аэробика развивается в вузах, общеобразовательных учреждениях и центрах детского творчества.

В 2019 году Федерация фитнес-аэробики РТ стала победителем конкурса Президентских грантов. Проект «Прыгни выше головы!» направлен на вовлечение жителей Татарстана в занятия фитнес-аэробикой. Название проекта – это призыв не только присоединиться к динамичному и активному виду спорта, но и постоянно самосовершенствоваться, преодолевая себя и демонстрируя новые успехи в спортивном и профессиональном развитии.

Спортсмены разного возраста принимали участие в соревнованиях муниципального уровня, республиканского уровня, всероссийского, международного уровня и различного рода фестивалях. В соответствии с Единым календарным планом межрегиональных, всероссийских и международных спортивных мероприятий по фитнес-аэробике, РОО «Федерация фитнес-аэробики Республики Татарстан» имеет опыт проведения:

- Кубка России 2012 года;
- Чемпионата и первенства Приволжского федерального округа (2017 год);
- 6 Всероссийских соревнований (с 2011 года);
- 9 Открытых Республиканских соревнований (с 2015 года).

Также представители РОО «Федерация фитнес-аэробики Республики Татарстан» принимают участие в различных международных соревнованиях по фитнес-аэробике в составе сборной

России. Спортсмены достойно выступают в соревнованиях все-российского и международного уровня, а Казань в течение последних четырех лет принимает Всероссийские соревнования по фитнес-аэробике. Все это доказывает правильность выбранного пути, поэтому дальнейшая работа будет направлена на сохранение достигнутых результатов и вовлечение в спортивную деятельность жителей других городов республики.

Отдельно необходимо отметить опыт РОО «Федерация фитнес-аэробики Республики Татарстан» в проведении Всероссийских соревнований среди студентов. В 2018 году на проведение этих соревнований был выигран и реализован грант Всероссийского конкурса молодежных проектов среди образовательных организаций высшего образования.

Во Всероссийских соревнованиях среди студентов по фитнес-аэробике 28–30 сентября 2018 года в г. Казани приняло участие 350 студентов, которые представляли различные высшие учебные заведения из 10 регионов России. Соревнования прошли в два тура – полуфинальный и финальный, по 5 дисциплинам: «степ-аэробика», «аэробика», «аэробика 5 человек», «хип-хоп», «хип-хоп большая группа» [3, с. 4].

Подобные соревнования крайне значимы: все спортсмены, принявшие участие в этих соревнованиях, подтвердили и выполнили 1-й взрослый разряд. В дальнейшем эти спортсмены могут выполнить разряд КМС и МС, приняв участие в Чемпионате Кубка России, Чемпионате России и международных соревнованиях.

В результате реализации проекта Всероссийских соревнований среди студентов Федерация фитнес-аэробики РТ получила возможность проведения соревнований на высоком организационном уровне. А такое обстоятельство, как возможность командам принять участие в соревнованиях Всероссийского уровня без оплаты стартового взноса, позволило приехать на соревнования большому числу команд из разных регионов России.

Таким образом, в казанских вузах силами РОО «Федерация фитнес-аэробики РТ» систематически осуществляются мероприятия в рамках профилактики девиантного поведения в студенческой среде. Реализация спортивных программ РОО «Федерация

фитнес-аэробики РТ» повышает уровень самоорганизации студентов, создает возможности для разносторонней самореализации обучающихся; повышает количество талантливых студентов; способствует укреплению физического и психического здоровья.

Однако, на наш взгляд, целесообразнее проводить вышеперечисленные профилактические мероприятия среди студенческой молодежи в рамках региональной государственной программы. Мы предлагаем разработать и реализовать «Программу развития вида спорта “Фитнес-аэробика” в Республике Татарстан на 2019–2023 годы» как единую систему профилактики девиантного поведения в студенческой среде.

Основная цель Программы развития вида спорта «Фитнес-аэробика» в Республике Татарстан на 2019–2023 годы:

- популяризация различных направлений фитнес-аэробики;
- демонстрация и пропаганда новых форм спортивно-двигательной активности;
- пропаганда здорового образа жизни среди молодежи;
- профилактика девиантного поведения в студенческой среде;
- создание студенческих команд по виду спорта «фитнес-аэробика»;
- совершенствование мастерства спортсменов;
- воспитание высококвалифицированного тренерско-преподавательского состава.

Литература

1. Министерство спорта Республики Татарстан : официальный сайт. – URL: <https://minsport.tatarstan.ru/> (дата обращения: 29.01.2021).
2. Федерация фитнес-аэробики Республики Татарстан : официальный сайт. – URL: <https://ffart-aerobics-kzn.ru/> (дата обращения: 29.01.2021).
3. Отчет о проделанной работе РОО «Федерация фитнес-аэробики РТ» за 2018 год. – Казань, 2018.
4. Отчет о реализации в 2019 году государственной программы. «Развитие физической культуры и спорта в Республике Татарстан на 2019–2022 годы» // Министерство спорта Республики Татарстан : официальный сайт. – URL: <https://minsport.tatarstan.ru/otcheti-o-realizatsii-gosudarstvennoy-programmi.htm> (дата обращения: 29.01.2021).

С. В. Халайджи, Т. П. Сергеева, Р. С. Яготин

Опыт проведения спортивно-массовых мероприятий в дистанционном режиме во время карантина по COVID-19 в Одесской национальной академии пищевых технологий

Аннотация. Рассмотрена проблема проведения в дистанционном режиме спортивно-массовых мероприятий со студентами во время карантинных ограничений по COVID-19.

Ключевые слова: студенты; карантинные ограничения; дистанционный режим.

Введение

Коронавирус внес существенные коррективы в повседневную жизнь большинства жителей Украины, в том числе и студенческой молодежи. Из-за перехода высших учебных заведений на дистанционную форму обучения резко снизился уровень физической активности студентов, существенно увеличилось время нахождения студентов у компьютера.

Дистанционное обучение – это взаимодействие педагога и студентов между собой на расстоянии, которое освещает все присущие учебному процессу компоненты (цель, содержание, методы, организационные формы, средства обучения) специфи-

Светлана Владиславовна Халайджи, канд. наук по физическому воспитанию и спорту, доцент, доцент кафедры физической культуры и спорта, Одесская академия пищевых технологий (г. Одесса, Украина).

Татьяна Петровна Сергеева, старший преподаватель кафедры физической культуры и спорта, Одесская академия пищевых технологий (г. Одесса, Украина).

Родион Сергеевич Яготин, канд. пед. наук, доцент кафедры физической культуры и спорта, Одесская академия пищевых технологий (г. Одесса, Украина).

ческими средствами интернет-технологий [3, с. 3]. Несмотря на то, что оно позволяет обеспечить полноценный образовательный процесс, некоторые особенности обучения невозможно компенсировать онлайн-форматом. При традиционном обучении студент получал физическую нагрузку, не считая занятий по физическому воспитанию, постоянно передвигаясь внутри вуза. Во время длительного карантина, в режиме самоизоляции, физические нагрузки сведены к минимуму. Кроме того, при дистанционном обучении дисциплина «Физическая культура» из-за своей специфики стала наименее компенсируемой.

При этом известно, что отсутствие длительной физической активности имеет негативные последствия для физического и психического здоровья молодежи [4, с. 434]. Преподавателями кафедр физического воспитания различных вузов Украины проводились онлайн-занятия по физической культуре в рамках обязательного обучения, но, на наш взгляд, этого оказалось явно недостаточно для полноценного физического и психологического восстановления студентов, а также поддержания их хорошей физической формы. Также негативно отразилось на здоровье студентов временное закрытие спортивных секций в институтах и городских фитнес-центров.

Анализ литературных источников по вопросу организации занятий по физическому воспитанию во время пандемии показал, что многие вузы предлагали студентам различные их формы [1, с. 13; 2, с. 298–304]. Это онлайн-занятия по программе физического воспитания и записанные ролики для самостоятельных занятий студентов во внеучебное время, индивидуальные консультации и беседы по вопросам физической культуры, теоретический материал с тестовыми заданиями для проверки знаний, методические рекомендации по правильному использованию средств физической культуры для правильного формирования и всестороннего развития организма. Но в литературных источниках мы не встретили опыта проведения спортивных соревнований, спортивных праздников и фестивалей в дистанционном режиме. Поэтому преподаватели кафедры физической культуры и спорта Одесской национальной академии пищевых технологий решили восполнить этот пробел.

Задачей исследования стало повышение мотивации студентов к систематическим занятиям физическими упражнениями в период жестких карантинных ограничений с помощью проведения спортивных соревнований и праздников в дистанционном режиме. Учитывая многолетнюю традицию проведения спортивных праздников, походов выходного дня, спортивных квестов и других подобных мероприятий, в академии при поддержке ректората академии, технической поддержке кафедры компьютерных систем и технологий, а также коллектива художественной самодеятельности студенческого клуба кафедрой ФКиС был организован и проведен спортивный фестиваль «Студенческая весна».

Результаты и обсуждение

Соревнования в дистанционном режиме – это оценка физической подготовки участников и выявление лучших на основании состязательного процесса в условиях невозможности проведения традиционных спортивных мероприятий. Новые формы проведения спортивно-массовых мероприятий потребовали тщательной подготовки. Первый спортивный фестиваль в дистанционном режиме был проведен в марте 2020 года. Он включал различные соревнования, как личные (отдельно для девушек и юношей), так и командные (эстафеты для команд институтов академии).

В личных соревнованиях могли принимать участие все желающие. Для этого предлагался набор отдельных упражнений на различные группы мышц силового характера с использованием тех подручных средств, которые было у каждого студента дома. При отборе предлагаемых к выполнению упражнений учитывалась их простота и доступность для проведения в домашних условиях. Отдельная группа тестовых заданий была связана с выявлением скоростно-силовых качеств, а также ловкости и быстроты. Правильная техника выполнения упражнений была выложена на общую площадку ZOOM для ознакомления. Для участия в отборочном туре каждый желающий мог в домашних условиях выполнить упражнение и в течение недели переслать свой видеоролик судейской коллегии. Судьи проверяли время и правильность выполнения упражнений. Все прошедшие отборочный тур принимали участие в финальной части соревнований. Роли-

ки финальной части соревнований были смонтированы так, что студенты начинали выполнять упражнение вместе с включением секундомера, который был выведен на экран. Победителей виртуально награждали грамотами и медалями, которые они получали «вживую» после окончания карантина.

Видов соревнований было несколько. Все задания предполагали выполнение упражнения определенное количество раз за минимальное время. Так, например, юношам был предложено три типа заданий:

- 1) поднятие 5-литровой канистры с водой снизу вверх до уровня над головой («Баклажка»);
- 2) выполнение упражнения «Берпи»;
- 3) из положения Т-планки касание рукой стопы противоположной ноги.

Для девушек был предложен следующий набор упражнений:

- 1) прыжки с хлопками над головой «Jump»;
- 2) в положении Т-планки перенос яблока поочередно правой рукой из-за кисти левой и наоборот (динамическая планка);
- 3) скрестные приседания с переносом определенного количества учебников справа налево по одному и обратно.

Кроме этого, предлагалось удерживать планку на локтях максимальное количество времени. Отдельно определялись победители среди девушек и юношей.

На рис. 1–4, как пример, представлены скриншоты экранов во время проведения некоторых видов соревнований.

Особый интерес вызвали эстафеты среди сборных команд институтов.

Для формирования сборной каждого института были проведены предварительные отборочные соревнования. Студенты дома выполняли упражнения, отсылали видео своим преподавателям, а те, в свою очередь, отбирали самых быстрых для участия в эстафете.

В финальном варианте эстафеты первые 4 участника различных институтов выводились на экран монитора. Каждый институт располагался в определенном окне. Эстафета начиналась одновременно, и, по мере выполнения упражнений, один участник

сменялся другим. Экран института, который завершал эстафету, выключался. Это позволило создать полное ощущение проведения эстафеты в реальном времени и выявить победителей и призеров.

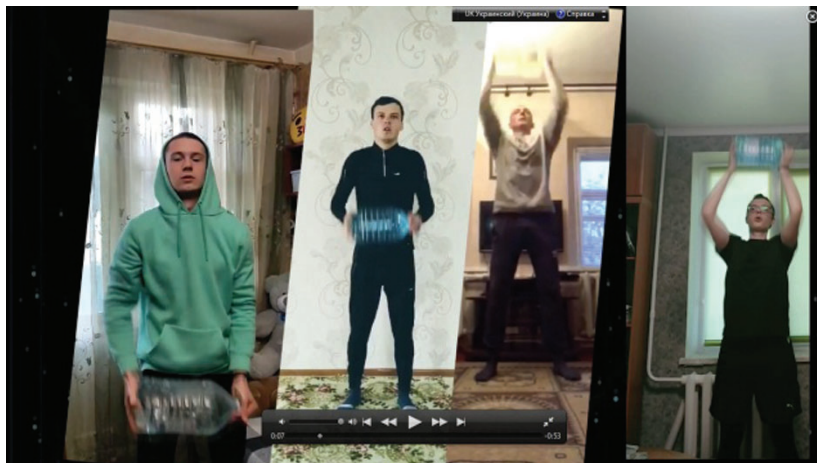

Рис. 1. «Баклажка»

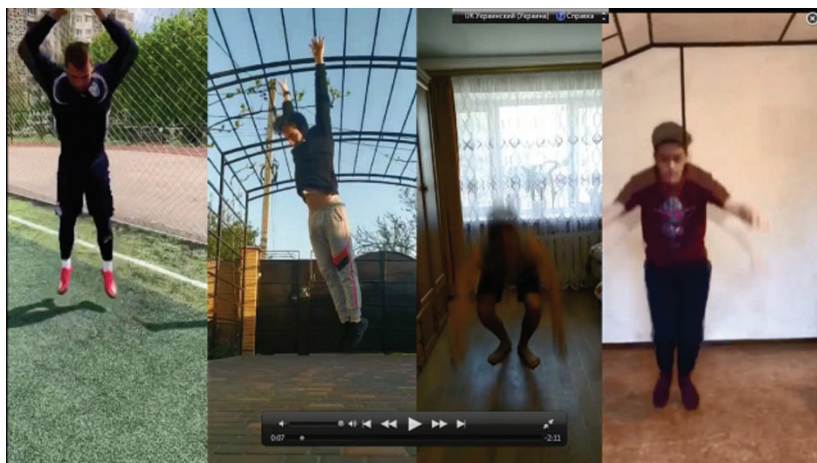

Рис. 2. «Берти»

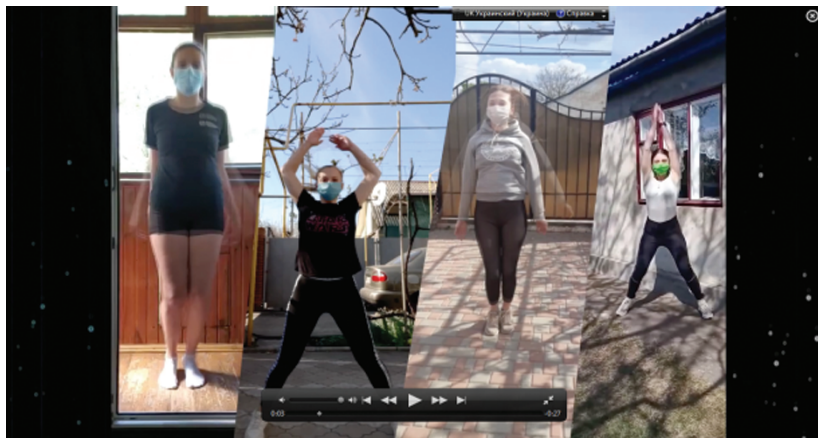

Рис. 3. Прыжки с хлопками «Jump»

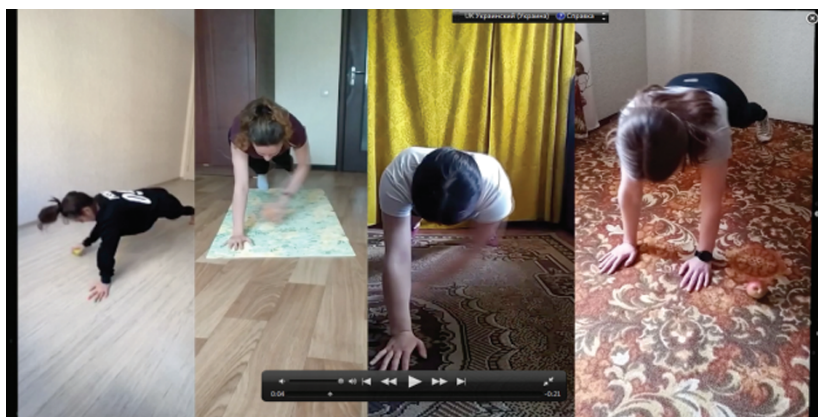

Рис. 4. Динамическая планка

По окончании эстафеты институты также виртуально наградились грамотами и медалями.

Между различными видами соревнований и эстафетой включались записи танцевальных композиций и песен студентов хореографического и хорового отделения, что явилось несомненным украшением праздника.

На фестивале прозвучало приветственное слово проректора по научно-педагогической и воспитательной работе, были слова

ведущего, звучали команды судей перед каждым видом соревнований. Было организовано награждение победителей председателем судейской коллегии. Создавалось полное ощущение проведения праздника в реальном времени.

В онлайн-режиме в 2020 и феврале 2021 года в академии во время карантина также были проведены соревнования и праздники: «Кроссфит», «Большая гут-перемена», «Активный отдых – это здорово!», «Фестиваль фитнеса». В них приняли участие более 700 студентов.

Выводы

Проведение таких мероприятий в дистанционном и онлайн-режимах повышает интерес к систематическим занятиям физическими упражнениями, способствует повышению мотивации у студентов, продолжает традиции проведения спортивно-массовых мероприятий предыдущих лет. Считаем, что опыт проведения таких мероприятий оказался позитивным и может быть рекомендован для высших учебных заведений различных видов в период карантинных ограничений.

Литература

1. Басенко О. В. Організація дистанційного навчання студентів ВНЗ спортивного профілю засобами інформаційно-комунікаційних технологій // Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова : зб. наукових праць / за ред. Г. М. Арзютова. – Київ : Вид-во НПУ імені М. П. Драгоманова, 2015. – 11 (66) 15. – С. 12–16.
2. Дистанційне навчання: виклики, результати та перспективи. Погляд з досвіду роботи освітян міста Києва : навч.-метод. посіб. / упоряд.: І. П. Воротникова, Н. В. Чайковська. – Київ : Київ. ун-т ім. Б. Грінченка, 2020. – 456 с.
3. Кухаренко В. М. Теорія та практика змішаного навчання : монографія. – Харків : КП «Міськдрук», 2016. – 284 с.
4. Халайджі С. В., Болтомагіс Д. В. Вплив дотримання основних компонентів здорового способу життя на дієздатність студентів// Педагогіка здоров'я : зб. наукових праць VI Всеукраїнської науково-практичної конференції 28-29 квітня 2016 р. – Харків : ХНПУ, 2016. – С. 434–437.

В. П. Шлыков, М. П. Спирина

Культура здоровья студентов специальных медицинских групп (СМГ)

Аннотация. В работе представлены результаты вводного контроля, тестирования, анкетирования и опроса студентов СМГ 1–3-го курсов в 2018/2019 и 2019/2020 учебных годах.

Ключевые слова: культура здоровья; здоровый образ жизни; студенты СМГ.

Обучение в вузе является своеобразным этапом жизненного пути студента, попадающего в новые специфические социальные отношения и условия деятельности, которые часто сопровождаются трудностями и эмоциональными переживаниями. Успешному преодолению учебной нагрузки и перегрузки, особенно в период сессии, может помочь образ и стиль жизни, сформированный в семье. Сила воли, целеустремленность, компетентность, а также активность студента, направленная на сохранение своего здоровья с помощью постоянного применения различных средств, может предупредить возникновение хронического невротического состояния и развитие нарушений в работе органов и систем организма. То, как студент справляется со всеми трудностями, становится ключевым фактором, потенциально ведущим к личностному росту, увеличению его зрелости и адаптивности.

Предпосылки: обоснование проводимого исследования и определение его основной цели. Повседневная жизнь предьявля-

Валерий Петрович Шлыков, канд. пед. наук, доцент, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (г. Екатеринбург, Россия).

Марина Павловна Спирина, доцент, профессор ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (г. Екатеринбург, Россия).

ет к организму студента очень большие требования. Недаром труд студентов по тяжести считают легким и относят к 1-й категории, а по напряженности – очень напряженным трудом (4 категория) [1]. При положительном отношении к факторам здорового образа жизни (ЗОЖ), особенно в отношении питания и двигательного режима, в реальности их используют лишь 10–15 % студентов [6]. Это происходит из-за отсутствия достаточной валеологической грамотности, низкой активности личности и поведенческой пассивности. Студенты СМГ не занимаются генерированием своего здоровья, так как это требует от них значительных волевых усилий, а в основном занимаются восстановлением утраченного и предупреждением обострений уже сформировавшихся заболеваний. Культуру здоровья определяет прежде всего умение жить, не вредя своему организму, а принося ему пользу, вести ЗОЖ, регулярно выполнять необходимые физические нагрузки и закаливание организма, беречь свое здоровье всеми доступными средствами [9].

Цель работы – определить уровень сформированности специальных знаний по укреплению собственного здоровья для конструирования индивидуального образа жизни и успешного продолжения образования; определить индивидуальный уровень физического развития; определить сформировавшийся ранее фонд двигательных умений, навыков и связанных с ними знаний для последующей разработки технологии обучения студентов СМГ навыкам ведения здорового образа жизни.

В 2018/2019 учебном году было проведено исследование отношения студентов СМГ к своему здоровью, физической культуре и учебе в вузе. В опросе приняли участие 426 студентов 2-го и 3-го курсов УрФУ всех направлений подготовки (79,8 % девушек и 20,2 % юношей в возрасте от 18 до 20 лет). Для анкетирования применялись общие правила конструирования опросников [5]. В опрос и анкетирование были включены следующие вопросы:

1. Что понимается под здоровьем человека?
2. Рассмотреть понятие «ЗОЖ», раскрыть его как модель активной жизнедеятельности.

3. Раскрыть основные гигиенические правила по закаливанию организма, индивидуальную технологию регулирования режимов закаливания.

4. Противопоказания к проведению закаливающих процедур по признакам состояния здоровья и «текущего» самочувствия, условий организации и проведения.

5. Особенности организации и проведения индивидуальных занятий физическими упражнениями оздоровительно-корригирующей направленности.

На основании результатов опроса было выявлено, что почти 80 % опрошенных беспокоятся о своем здоровье, однако динамика показателей здоровья у 61 % остается либо на прежнем уровне, либо ухудшается. Студенты СМГ недостаточно информированы о ЗОЖ, у них отсутствует осознанное понимание степени ответственности за состояние своего здоровья, свободное время и желание жить в соответствии с ЗОЖ.

Контрольные испытания по определению уровня физической подготовленности и физического развития выполнялись с учетом требований и рекомендаций А. А. Годика, В. М. Зациорского, Ю. И. Смирнова, М. М. Полевщикова. Правила выполнения тестов были стандартизированы и соответствовали принятым в современной спортивно-педагогической практике.

Нами были получены следующие результаты. До поступления в УрФУ студенты 1-го курса СМГ воспитывались в семье, обучались в детском саду, все получили аттестат зрелости и нас интересовало, что осталось в их памяти о ЗОЖ и насколько активно они используют полученные знания в жизни. Исследование выявило у большинства студентов несформированность представлений о ЗОЖ, общую поведенческую пассивность по отношению к проблемам здоровья и болезни, зависимость от внешних ситуативных факторов, недостаточный уровень физического развития, функциональной и физической подготовленности. Так показатели ростового индекса свидетельствуют, что всем девушкам и 75 % юношей необходима коррекция массы тела. Показатели жизненного индекса говорят о недостаточной жизненной емкости легких у 71,5 % юношей и 80 % девушек. Грудная клетка развита слабо у

всех студенток и 80 % студентов. Коэффициент пропорциональности ниже условной нормы у 80 % девушек и 66,7 % юношей.

Большинство студентов мало знают о своем организме, особенностях его строения и функциях, здоровье как главной ценности человека. Недостаточные знания о здоровом образе жизни существенно отражаются на реальной жизни. Из-за незнания студенты не могут осуществлять самоконтроль за состоянием здоровья, определять уровень физической подготовленности и работоспособности. Студент не имеет права считать себя образованным, если он не освоил основ культуры здоровья. Культура здоровья предполагает не накопление полезных знаний для сохранения здоровья, а активное использование почерпнутых знаний, умение применять их в повседневной практике [9].

Выводы

Поверхностные знания студентов о функциональном назначении органов и систем человеческого тела и способах их укрепления обязывают пополнять знания об основах здоровья.

1. Осуществляя оперативно-текущий контроль, проводить динамические наблюдения за ближайшими следовыми эффектами предыдущих занятий.

2. Оценивать контрольные данные в динамике, в сопоставлении с показателями, зафиксированными в предыдущих циклах (семестрах).

3. Научить студентов оценивать воздействие на их организм собственной деятельности в сопоставлении с заранее определенными целями (нормативами).

4. Умение самостоятельно построить индивидуальную траекторию здоровья и программу ЗОЖ.

Литература

1. Агаджанян Н. А. Адаптация и резервы организма. – М. : Физкультура и спорт, 1983. – 176 с.
2. Амосов Н. М. Раздумья о здоровье. – 2-е изд. – М. : Молодая гвардия, 1979. – 191 с.
3. Вайнер Э. Н. К вопросу об основополагающих признаках валеологии // Валеология. – 1997. – № 4. – С. 5.

4. Годик М. А. Спортивная метрология : учебник для институтов физической культуры. – М. : Физкультура и спорт, 1988. – 192 с.

5. Девятко И. Ф. Методы социологического исследования. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998. – 208 с.

6. Казин Э. М. Основы индивидуального здоровья человека. Введение в общую и прикладную валеологию : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М. : Гуманит. изд. центр «Владос», 2000. – 192 с.

7. Лисицын Ю. П. Слово о здоровье. – М., 1986. – 192 с.

8. Смирнов Ю. И., Полевщиков М. М. Спортивная метрология : учеб. для студ. пед. вузов. – М. : Изд. центр «Академия», 2000. – 232 с.

9. Физическая культура и здоровье : учеб для студентов медицинских вузов / ред. В. В. Пономарева. – М. : ГОУ ВУНМЦ МЗ РФ, 2001. – 299 с.

Научное издание

**Кризисы нашего времени
как вызов обществу, культуре, человеку**

**Материалы XXIII Международной
научно-практической конференции
15–16 апреля 2021 года**

Редакторы:

С. В. Фельдман, Е. А. Цепелева

Компьютерная верстка Ю. Л. Ракульцева

Подписано к изданию 28.04.2021. Формат 60x90/16.

Уч.-изд. л. 33,88. Усл. печ. л. 47,57.

Гуманитарный университет

620041, г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, 3

Лицензия № 2114 от 26.04.2016